

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЖЕК ВЭНС

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

JACK
VANCE

ДЖЕК
ВЭНС

Космическая опера

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
В97

Серия основана в 2001 году

*Перевод с английского Н. Вашкевич («Пять золотых браслетов»),
В. Федорова («Эмфирион»), С. Буренина («Космическая опера»),
Л. Михайлик («Большая планета»)*

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Сергеева

Художник В. Домогацкая

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Подписано в печать 19.03.02 г. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 37,8. Тираж 10000 экз. Заказ № 631.

Вэнс Д.

В97 Космическая опера: Сб. фантаст. романов: Пер. с англ. /
Д. Вэнс. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 710, [10] с. —
(Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-014411-3

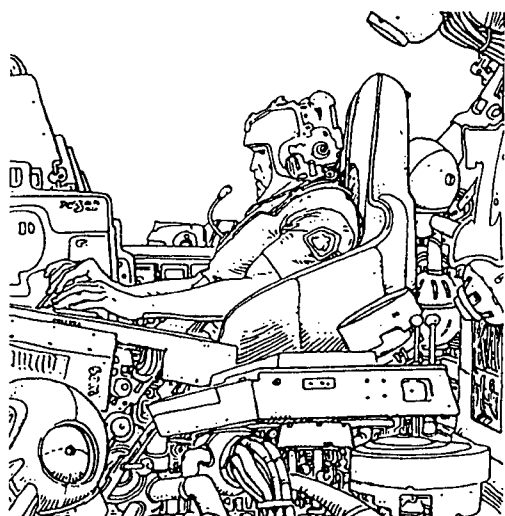
Джек Вэнс (родился в 1916 г.) — один из ярких представителей американской фантастики XX в., лауреат премий «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези за «общий вклад в развитие жанра».

Талант Джека Вэнса удивительно многогранен, ибо перу его в равной степени подвластны фантастика «классическая», фантастика «приключенческая», фэнтези во всех возможных ее проявлениях — и самые невероятные, но всегда удачные гибриды вышеперечисленных жанров.

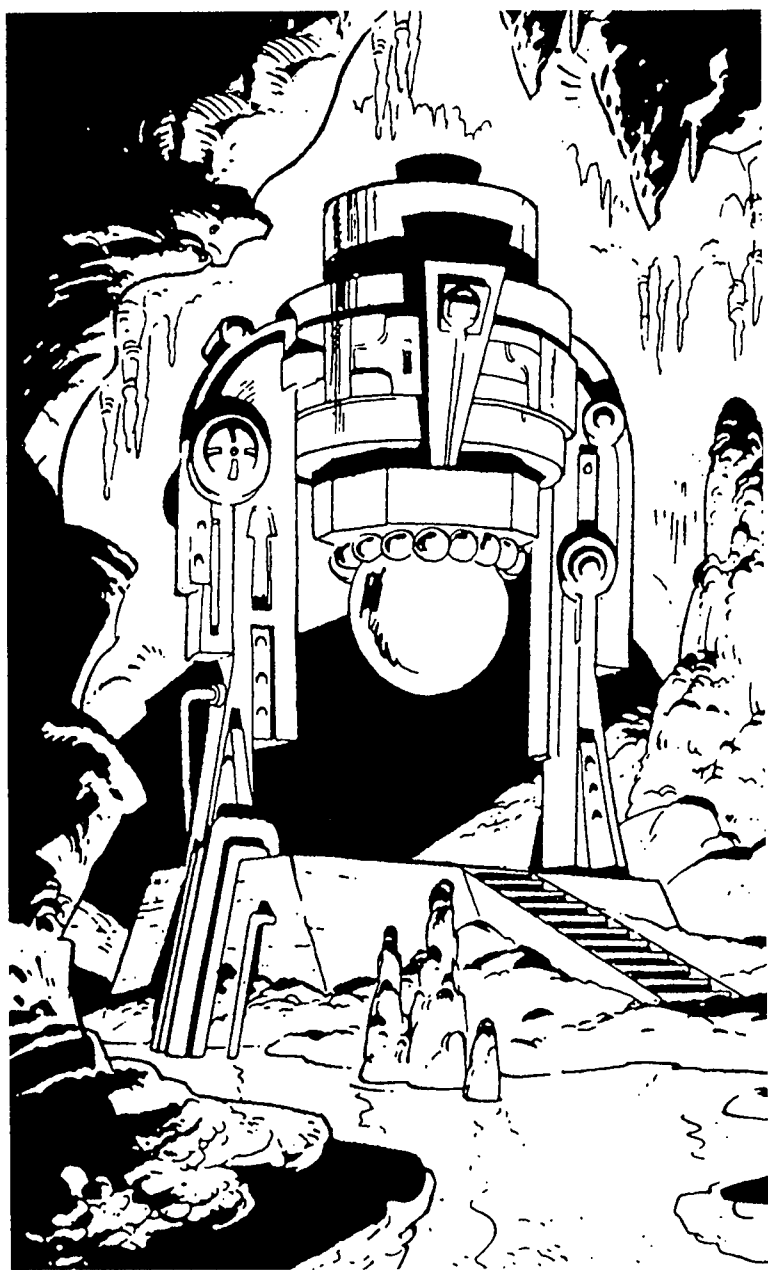
В сборник включены романы: «Пять золотых браслетов», «Эмфирион», «Космическая опера», «Большая планета».

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Jack Vance, 1962, 1969, 1965, 1952
© Перевод. Н. Вашкевич, 2002
© Перевод. В. Федоров, 2002
© Перевод. С. Буренин, 2002
© Перевод. Л. Михайлик, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ БРАСЛЕТОВ

Глава первая

Тоннель проходил сквозь пласты красного и серого песчаника, с вкраплениями кварца, не поддающегося даже бурильной машине. Пэдди Блэкторн дважды наткался на старые колодцы и один раз на старинное захоронение. Если бы археологи видели, как под колесами машины Пэдди рассыпались в прах древние кости, они с досады вырвали бы на себе все волосы. Наибольшую сложность представляли последние триста ярдов и шесть футов: два ярда взрывчатки, готовой от малейшего прикосновения поднять все на воздух, сменяющие друг друга стальные, металлические и медные щиты, цементные стены, и, кроме всего прочего, система видеонаблюдения.

Протиснувшись между двумя взрывными устройствами, расплавив стальной щит, растворив кислотой цементную стену, осторожно, чтобы не замкнуть цепь сигнализационной системы, Пэдди наконец ухитрился просверлить отверстие в бронированном щите и вытолкнул внутрь пласт высокопрочного сплава.

Он вторгся в самую секретную зону населенной части Вселенной и теперь фонариком освещал помещение.

Однообразно серые цементные стены, темный пол и вспыхнувший от луча фонаря ряд металлических труб.

— Симпатичное местечко, — задумчиво проговорил Пэдди.

Он шагнул вперед, и луч света выхватил из темноты конструкцию из стекла, проволоки и металлических пластин.

— Вот оно! — победный блеск сверкнул в глазах Пэдди. — Если только мне удастся затащить эту штуковину обратно в тоннель, никто не помешает мне насладиться лаврами, достающимися всем великим! Но, увы, это всего лишь прекрасная мечта! Придется довольствоваться несметными богатствами. Посмотрим сначала, порождает ли эта конструкция синее пламя...

Он осторожно обошел механизм и заглянул внутрь.

— Где-то здесь должна быть кнопка с надписью «Нажать». Не вижу... а, вот она!

Пэдди приблизился к панели управления, разделенной на пять сегментов, на каждом из которых размещалось по три шкалы с делениями от одного до тысячи и соответствующими индикаторами под ними. Внимательно изучив панель, Пэдди снова повернулся к машине.

— Так, у нас есть гнездо, — пробормотал он, — а вот и подходящая трубка... Осталось лишь повернуть выключатели, и если прибор настроен как надо, я буду считать себя самым счастливым человеком на Скибберине, в округе Корк. Итак, рискнем.

С этими словами он отвел рычаги на каждом из пяти сегментов до упора и отступил, с нетерпением пробегая фонариком по металлическим трубам конструкции.

Однако ничего не произошло. Электрический разряд не сотряс приборы, и ни одна вспышка небесно-голубого пламени не вспыхнула в центре главной трубы.

— Боже! — прошептал Пэдди. — И ради этого я продирался сквозь тоннель? Так, одно из трех: либо где-то прерван контакт, либо где-то есть еще рычаг общего питания, и, наконец, самое неприятное — если шкалы неверно проградуированы. — Он потер подбородок. — У меня один выход — не сдаваться. Не похоже, чтобы из комнаты выходили какие-либо провода. Единственное, что здесь есть, это кабель питания, ведущий в маленькую комнатку перед главным помещением.

Блэкторн заглянул в крохотное помещение, отделенное от комнаты аркой.

— Рычаг общего электропитания здесь, и — призываю в свидетели всех имеющих уши и слышащих — он включен. Теперь попробую опустить его... Ш-ш! Сначала необходимо убедиться, что я в безопасности. Встану луч-

ше за загородку и концом трубки попытаюсь опустить рычаг до упора. А потом выйду и покручу циферблаты, как Бидди, когда он балуется с катушками ниток.

Пэдди рванул рычаг. В соседней комнате пятнадцать пурпурных языков пламени неистово взметнулись из металлических труб, лизнули стены, опалили приборы, ударились о кирпичную кладку загородки, ввергнув в хаос все находящееся в диаметре сотни футов от механизма.

Когда охрана Кудту ворвалась в комнату, Пэдди, прижатый вдавившейся стеной, безуспешно пытался высвободить ноги из обломков разлетевшихся труб.

Тюрьма Акхабатса была мощной крепостью из старого бурого камня, нависавшей на вершине Тюремного Холма, как нарыв на распухшем пальце. Серые, кое-где усыпанные землей камни, превратившиеся в гладкие валуны в нестерпимой жаре Просперо, делали строение похожим на развалины. На самом деле толстые, холодные стены были прочны и неприступны. К югу простирался тусклый, закопченный город, к северу располагался космический полигон Акхабатса. За ним, насколько мог видеть глаз, тянулась голубоватая, как плесень, равнина.

Пэдди разбудил стук узловатых пальцев тюремщика Кудту по решетке.

— Вставай, землянин.

Пэдди поднялся и потер шею.

Будить человека лишь затем, чтобы повесить, это уж ни в какие ворота не лезет! Могли бы подождать до утра, никуда бы я отсюда не делся.

— Не болтать,— прорычал тюремщик, человекоподобное существо восьми футов ростом с грубой серой кожей и голубыми глазами, похожими на шелковые подушечки для иголок, находящимися на месте щек.

В сопровождении тюремщика Пэдди проследовал мимо двух рядов камер, из которых слышались то храп, то ворчание; то бряцанье чешуи по каменному полу; иногда он чувствовал на себе пристальный взгляд чьих-то горящих глаз.

Тюремщик ввел землянина в низкую комнату с кирпичными стенами, украшенную рядом бронзовых скульптур, более или менее напоминающих человеческие существа. Как только Пэдди вступил в помещение, приглушенная беседа оборвалась, и несколько пар глаз с интересом уставились на него.

Подтолкнув Пэдди вперед, тюремщик Кудту сказал: — Я привел языка, Лорды-Канцлеры.

Испытующе посмотрев на землянина из-под скрывавшего его лицо капюшона, Канцлер Шола произнес на торопливом польском диалекте:

— В чем ваше преступление?

— Я не совершил никакого преступления, господин, — ответил Пэдди на языке шола. — Я невиновен. Я всего лишь искал свой корабль и в темноте натолкнулся на старый колодец, а потом...

— Он пытался украсть систему энергообеспечения космических полетов, Лорд-Канцлер, — торопливо перебил его тюремщик.

— Окончательный приговор — смерть, — крохотные глазки, как два луча, шарили по лицу Пэдди. — Когда состоится казнь?

— Завтра, господин, через повешение.

— Суд слишком поспешно вынес решение, Лорд-Канцлер, — запротестовал Блэкторн. — Где же знаменитое лангтрийское правосудие?

Канцлер пожал плечами.

— Ты разговариваешь на всех языках Оси?

— Для меня говорить на них так же естественно, как дышать, господин! Я никогда не забываю их, как не забываю лица моей старушки матери.

Канцлер Шола откинулся на спинку кресла.

— Ты неплохо изъясняешься на польском.

Канцлер Котона заговорил на гортанном котонском наречии:

— Ты меня понимаешь?

— Уверен, я единственный из землян, умеющих ценить красоту вашего изящного языка, — ответил Пэдди.

Прищелкивая языком, феразийский Орел задал тот же вопрос, что и Канцлер Котона. Блэкторн свободно ответил ему на его родном языке.

Когда подошла очередь посланников из Бадау и Лористанзии, Пэдди без труда разговаривал на их языках.

На мгновение комната погрузилась в молчание, а Пэдди воспользовался свободной минутой, чтобы выяснить, не удастся ли ему выхватить пистолет у кого-нибудь из охранников, стоявших по обе стороны от него, и расстрелять всех присутствующих. Но у охранников пистолетов не оказалось.

— Как вам удалось освоить столько языков? — спросил шолиец.

— Господин, — ответил Пэдди, — я путешествую в космическом пространстве с подросткового возраста, не говоря уже о том, что незнакомая речь звучала вокруг меня, едва я вошел в сознательный возраст. Позвольте и мне спросить, почему, собственно, вас это интересует? Может, вы хотите помиловать меня?

— Никоим образом, — ответил Канцлер Шола. — Ваше преступление чудовищно, оно подрывает основы лангтрийского могущества. И наказание будет суровым, чтобы послужить для устрашения тех, кто вздумает бунтовать.

— Ваша светлость, — запротестовал Блэкторн, — позвольте сказать вам, что вы, лангтрийцы, сами себе враги. Если бы вы позволили своим меньшим земным братьям использовать гораздо больше энергии, чем могут дать какие-то жалкие десять генераторов, тогда за украденный генератор не платили бы по миллиону марок, и он не представлял бы для нас, несчастных, такого искушения.

— Не я устанавливаю квоты, землянин. Только Сыны вправе решать подобные вопросы. Кроме того, всегда находятся негодяи, готовые угнать космический корабль или украсть запасной генератор. — Шолиец многозначительно посмотрел на Пэдди.

— Да этот человек сумасшедший, — резко бросил Канцлер Котона.

— Сумасшедший? — Шолиец испытующе взглянул на Блэкторна. — Не думаю. Болтливый, нахальный, беспринципный, но умственно вполне здоров.

— Не похоже, — котонец протянул костлявую сероватую руку через стол и подал шолийцу листок бумаги. — Вот его психограмма.

Шолиец погрузился в изучение листка, наморщив нависавший над его лбом кожаный клобук.

— Действительно, странно... беспрецедентный случай, даже учитывая свойственную земному мозгу беспорядочность... — Он бросил на Пэдди подозрительный взгляд. — Ты сумасшедший?

— Думайте что хотите, — пожал плечами Пэдди. — Все равно завтра я уже буду болтаться на виселице.

— Он здоров, — шолиец мрачно улыбнулся. — Следовательно, нет никаких препятствий к тому, чтобы...

Совет Канцлеров безмолвствовал. Тогда шолиец повернулся к тюремщику:

— Оденьте ему наручники, завяжите глаза и выведите через двадцать минут на платформу.

— А где священник? — завопил Пэдди. — Доставьте мне святого отца из монастыря Святого Элбени. Вы что, собираетесь вздернуть меня без причастия?

— Уведите его, — шолиец сделал нетерпеливый жест.

Сыплющего проклятиями Блэкторна в наручниках и с повязкой на глазах вытолкали, и он ощутил пронизывающий ночной холод. Порывистый ветер, пахший мхом, сухой маслянистой травой и гарью, бил в лицо. По наклонным сходням его ввели в какое-то теплое помещение. По особому запаху нефти, озона и акрилового лака и по слабой пульсации и дрожанию техники, Пэдди догадался что находится на борту большого космического корабля.

Блэкторна завели в грузовой отсек и там сняли наручники и повязку. Он бросил отчаянный взгляд на дверь, но проем преграждали два кудтийских охранника, не спускавших с него глаз цвета бутылочного стекла. Посмотрев на них, Пэдди растянулся на полу. Охранники вышли, захлопнув за собой дверь и задвинув снаружи прочные запоры.

Пэдди исследовал место своего заточения: не считая его самого, квадратное помещение около двадцати футов в длину, ширину и высоту было абсолютно пустым.

— Ну что ж, — пробормотал он. — Ничего не поделаешь. Жалобы и протесты не помогут. Если бы эти кудтийские черти были хоть на четверть тонны полегче, можно было бы ввязаться в драку.

Он снова лег на пол. В то же мгновение корабль задрожал и поднялся в воздух. Под монотонное гудение генератора Пэдди незаметно заснул.

Его разбудило появление шолийца в розово-голубом одеянии касты скрипторов. Шолиец был примерно одного с Пэдди роста, голову его венчал кожаный капюшон цвета рыбьей чешуи. Клобук рос из его плеч, шеи и затылка, покрывал лоб и нависал над глазами своего рода забралом черной плоти. Он внес в комнату поднос и поставил его на пол.

— Ваш завтрак, землянин. Жареное мясо и салат из древесной зелени.

— Что за мясо? — спросил Пэдди. — Откуда? Из Акхабатса?

— Запасы пополнялись в Акхабатсе, — неопределенно ответил шолиец.

— Убирайся вместе со своим завтраком, негодяй! Да на этой планете нет ни кусочка мяса, кроме трупов умерших от старости кудтийцев. Убирайся и уноси свою каннибальскую еду!

Шолиец качнул капюшоном и беззлобно произнес:

— Здесь немного фруктов, дрожжевой пирог и горячий пунш.

Ворча, Пэдди принялся за свой завтрак и выпил горячую жидкость. Шолиец с улыбкой наблюдал за ним.

— Чему это ты так ехидно ухмыляешься? — нахмурился Блэкторн.

— Просто я подумал, что, похоже, бульон пришелся тебе по вкусу.

Пэдди поставил чашку, почувствовав, как к горлу подступила тошнота, и стал отплевываться:

— Ах ты, негодяй! С тех пор как ваше бесовское племя вырвалось с Земли, вы потеряли всякое приличие. Поменяйся мы местами, разве я стал бы пичкать тебя едой вампиров?

— Мясо есть мясо, — заметил шолиец, убирая посуду. — Вы, земляне, до странности эмоционально относитесь к обыденнейшим вещам.

— Вовсе нет, — разошелся Пэдди. — Просто, в отличие от вас и, несмотря на все ваше самомнение, мы

цивилизированные обитатели Вселенной, хоть вам и удалось поставить старушку Землю на колени.

— Старые виды должны уступать дорогу новым,— мягко произнес шолиец.— Сначала питекантропы, затем неандертальцы, теперь пришло время уходить землянам.

— Тьфу! — не выдержал Блэкторн.— Дайте мне тридцать футов ровной и твердой почвы, и я один справлюсь с пятью капюшонами из вашего племени и двумя кудтийскими горбунами.

— Вы, земляне, даже воровать как следует не умеете,— едва заметно улыбнулся скриптор.— Ты два месяца рыл тоннель и, не пробыв в здании и пяти минут, уже ухитрился взорвать его. К счастью, от генераторов отходила всего пара-тройка кабелей. А то бы ты сровнял с землей весь город.

— Простите,— усмехнулся человек.— Мы, земляне, всего-навсего изобрели этот самый генератор.

— И где бы вы сейчас были, не будь его у вас? Вы, ошибка природы, забываете, что все ваши расы живут за счет того, что вам дала Земля.

— Хорошо,— улыбнувшись, сказал шолиец.— Тогда ответь мне вот на какой вопрос: каков будет корень пятидесятой степени из ста двенадцати?

— Нет, уж лучше давай я тебя спрошу,— хитро возразил Блэкторн.— Я знаю, ты высчитал ответ еще до того, как вошел сюда. Вычисли мне корень седьмой степени из пяти тысяч.

Шолиец прикрыл глаза, вызвал в своем воображении образ логарифмической линейки и, проведя в уме необходимые манипуляции, ответил:

— Что-то между тремя целыми тридцатью семью и тридцатью восемью сотыми.

— Докажи,— с вызовом потребовал Пэдди.

— Я дам тебе карандаш и бумагу, и ты сам убедишься в правильности моего ответа,— ответил скриптор.

Пэдди поджал губы.

— Раз ты такой умный, может быть, ты знаешь, куда мы летим и чего они от меня хотят?

— Конечно, знаю. Сыны Лангтрии проводят ежегодную конференцию, а ты будешь там переводчиком.

— Боже мой! — вздохнул Пэдди.— Что, опять?

Шолиец терпеливо продолжал:

— Каждый год Сыны Пяти Миров встречаются, чтобы утвердить квоты и распределить генераторы космической энергии. К сожалению, до сих пор не выбран язык межвселенского общения: Сыны остальных четырех миров считают, что это уронит их авторитет в глазах общественности.

Общение через переводчика имеет то преимущество, что пока он переведет каждое слово на четыре языка, у Сынов есть время обдумать решение. Кроме того, абсолютная беспристрастность стороннего лица не затрагивает планетарной гордости участников конференции.

Шолиец тихонько рассмеялся и продолжил:

— Переводчик, как вы понимаете, не может добавить ничего от себя, поскольку каждый из Сынов в некоторой степени владеет языками остальных посланников. Таким образом, переводчик призван служить символом равенства и сотрудничества, основанного на взаимном доверии, своего рода буфером между легко подающимися эмоциям Сынами.

Пэдди задумчиво потер подбородок и спросил приглушенным голосом:

— Скажите, ведь конференция является секретом галактического масштаба. Никто даже не знает, где она проходит. Похоже на свидание влюбленной парочки.

— Совершенно верно, — сказал скриптор и значительно посмотрел на человека сверкающими глазами. — Вам должно быть известно, что многие архаические расы выражают недовольство квотами, и собрание Сынов Лангтрии может стать непреодолимым соблазном для покушающихся на жизнь посланников.

Блэкторн понимающе кивнул и спросил:

— Почему же именно мне выпала честь принимать участие в конференции? Уверен, можно было найти множество переводчиков, более подходящих для этой цели.

— Да, действительно, — согласился шолиец. — Я, например, свободно общаюсь на всех пяти языках, но у меня есть один недостаток: я не преступник и не приговорен к смерти.

— Понятно, понятно, — кивнул Пэдди. — Что будет, если я откажусь?

— Посидев в нервно-паралитическом костюме, ты сам предпочтешь наискорейшую смерть.

— О, чудовища! — простонал Блэкторн. — Печальные настали времена, раз уж собственная воля более не принадлежит человеку.

Шолиец поднялся, длинными и тонкими, как карандаши, пальцами собрал посуду и вышел из помещения, но через минуту снова вернулся.

— Землянин, я должен проинструктировать тебя по поводу церемониала. Некоторые Сыны очень щепетильны в отношении соблюдения внешних условностей. По счастью, мы прибудем только завтра, и у нас есть немного времени.

Глава вторая

На следующий день шолиец разбудил Пэдди и принес ему завтрак, бритву, шланг с душем, смену белья и пару сандалий на толстой подошве. Пэдди подержал их в руках, вопросительно глядя на него.

— Придется идти по камням, — пояснил скриптор.

Пэдди побрился, вымылся под душем и, надев свежее белье, потрогал ладонью подбородок.

— Теперь, мой головокожий друг, несмотря на ваше обращение и единственно для того, чтобы показать свое презрение ко всему происходящему, я готов помочь тебе вытереть пол.

— Если мне потребуется помощь, мне надо лишь позвать охранника-кудтийца, но, думаю, в этом нет необходимости.

— Что ж, наши взгляды разошлись, — сказал Пэдди. — Предлагаю небольшой дружеский поединок, чтобы не оставалось неприятного осадка. Только один раунд, в качестве утренней разминки; никаких выбитых глаз, хватать за кожу и волосы запрещается.

— Как скажешь, — ухмыльнулся шолиец, обнажив ряд острых серых металлических зубов.

Пэдди пошел в наступление и ухватил шолийца рукой за предплечье. Инопланетное существо вертелось, как угорь на сковородке, хлесталось шнурами рук, ух-

дило из захвата. Ноги Пэдди скользили по непривычной поверхности. Мгновение он сопротивлялся, а затем, поддавшись натиску, перекинулся через голову, встал на ноги и нанес удар. Шолиец рухнул на пол. Пэдди бросился на него и уложил на лопатки. Они замерли и в молчании смотрели друг другу в глаза: серо-желтые глаза Пэдди не отрывались от сияющих глаз шолийца.

Блэкторн прыгнул с противника, и скриптор угрюмо поднялся на ноги.

— Куда вам до людей! — ликовал Пэдди. — Надо отдать вам должное, кожеголовые братья, квадратные корни извлекать вы умеете. Но для настоящей мужской схватки подайте мне противника с родной зеленой Земли!

Шолиец забрал старую одежду, посуду и повернулся к человеку:

— Странная, очень странная раса вы, земляне.

Он вышел, закрыв за собой дверь на засов.

— Что он хотел этим сказать? — Пэдди, нахмурившись, кусал губы.

Через час шолиец возвратился и жестом пригласил Блэкторна следовать за ним:

— Иди за мной, землянин.

Пэдди пожал плечами и повиновался. Кудтийский охранник безмолвно поковылял за ними.

На борту царило оживление. Дрожание кожаных капюшонов, интонации стаккато, преобладающие в разговорах, и нервное постукивание длинных пальцев выдавали охватившее экипаж беспокойство. Пэдди посмотрел в иллюминатор. Перед ним расстилалось бесконечное черное пространство, вдалеке мерцали звездные россыпи.

На расстоянии мили от них висел огромный корабль с серо-голубым гербом Сына Котона. Прямо под иллюминатором, у борта, на приколе качалась маленькая лодка со стеклянным куполообразным верхом. Кудтиец толкнул Блэкторна в затылок:

— Смотри только прямо перед собой, землянин.

Пэдди огрызнулся и посмотрел на охранника. Кудтиец угрожающе придвинулся к Блэкторну, и тот отступил, спасая ноги от огромных ступней великана.

У входа на палубу стояла группа шолийцев. Капюшоны их были опущены, как паруса во время штиля, а глаза сияли подобно крохотным огонькам.

Кудтиец опустил огромную лапу на плечо Блэкторна: — Стоять. И чтоб ни слова. Веди себя с должной почтительностью. Сейчас здесь появится Шолийский Сын Лангтрии.

Все замерло в благоговейной неподвижности, напоминавшей Пэдди тишину церкви во время чтения молитвы. Затем послышался шорох одежд. Старый шолиец с морщинистым клобуком выступал по коридору. На нем была белая туника и металлическая пластина в виде панциря с эмалевым изображением герба Шола. Не глядя по сторонам, он проследовал к выходному отсеку и вошел в лодку с кристальным куполом. Вырывающийся в космос воздух засвистел по бокам захлопывающегося люка. Лодка отчалила и через мгновение превратилась в блестящую металлическую точку. Пэдди беспокойно переминался с ноги на ногу, почесывая голову.

Раздалось шипение, скрип — и порт снова открылся. Кудтиец подтолкнул Пэдди к выходу:

— Заходи.

Не имея иного выбора, Блэкторн шагнул в кабину космической машины, пилотируемой шолийцем в черной униформе. Оба охранника последовали за ним. Порт закрылся, и лодка отчалила в черноту, окружавшую светящуюся громаду корабля.

«Пора действовать», — подумал Пэдди. — Оглушить охранников, набросить петлю на шею пилота».

Он подался вперед и напряг мускулы, готовясь к рывку, но тут две серые лапы опустились на его плечи и прижали его к спинке сиденья. Пэдди обернулся и увидел две пары голубых глаз-блюдец, с подозрением следящих за каждым его движением. Тогда он отказался от попыток к освобождению и стал смотреть в куполообразный иллюминатор.

На расстоянии мили виднелся корабль Шола, недалеко от него висел корабль Бадау с тремя лодками для персонала, на которых красовались зелено-голубые эмблемы планеты; далее на различном расстоянии — еще

несколько летательных аппаратов. Прямо впереди Блэкторн увидел крохотный ярко освещенный астероид.

Лодка опустилась на астероид, и люк распахнулся. Пэдди, ожидавший, что воздух, находящийся в кабине, начнет стремительно покидать корабль, набрал в легкие воздуха и замахал руками, делая предупреждающие жесты. Однако ничего подобного не произошло. Очевидно, снаружи давление было таким же, как и внутри.

Кудтиец вытолкнул пленника наружу. Пэдди, к своему удивлению, обнаружил, что на скалистом астероиде существует гравитационное поле. Он предположил, что где-то — возможно, на нижнем полушарии астероида, — непременно работает система поддержания гравитационных сил.

Окруженный кольцом светящихся трубок пол был выложен полированными гранитными плитами, создававшими причудливый рисунок; золотые пятиугольные звезды соединяли свои лучи с расположенной посередине огромной яркой звездой, сделанной из алого коралла либо покрытой киноварью. Пять тяжелых кресел располагались полукругом вокруг трибуны, представлявшей собой концентрическое углубление в три фута диаметром и фут глубиной.

— Идем, — обратился к Пэдди пилот-шолиец.

Охранники толкнули его вперед, и Блэкторн нехотя последовал за шолийцем к ярко освещенному круглому возвышению и трибуне.

— Становись сюда.

Пэдди остановился в нерешительности и осторожно заглянул в яму. Кудтиец снова подтолкнул его, и волей-неволей пришлось лезть вниз. Шолиец склонился перед Пэдди, затем раздалось лязганье цепи, щелчок, и железное кольцо сомкнулось на лодыжке человека.

— Тебе выпала высокая честь, — поспешно проговорил пилот. — Постарайся выказывать должное уважение. После того как оратор произнесет свою речь, повтори ее каждому из присутствующих на его языке, следуя по часовой стрелке, начиная с говорящего.

Предположим, выступил Сын Шола, сидящий в этом кресле, — тогда ты должен повторить все, что он ска-

зал, слово в слово на лористанзийском Сыну этой планеты, который будет сидеть вот здесь, — шолиец жестом указал на соседнее кресло. — Затем ты повторишь речь на котонском Сыну Котона, затем на бадайском Сыну Бадау, затем на феразийском Сыну Альфератса А. Все понятно?

— Вполне, — ответил Пэдди. — То есть почти все. Мне хотелось бы узнать, что произойдет со мной после того, как я выполню возложенное на меня задание?

— Об этом не беспокойся, — вполоборота взянув на землянина, проговорил шолиец. — Но могу тебя уверить, что если твое поведение выйдет за рамки дозволенного, неприятностей тебе не миновать. Мы, шолийцы, не пытаем пленных, но вот Орлы и котонцы придерживаются другой точки зрения.

— Совершенная беспринципность, — убежденно проговорил Пэдди. — Однажды я присутствовал на Котоне на казне в Монтрасе и должен сказать, что подобное кровавое зрелище совершенно отвратило меня от этих монстров. А сам Монтрас — сущий ад.

— Вот и веди себя как подобает, — сказал шолиец. — Сыны Лангтрии более чем раздражительны. Говори громко, четко и не забудь соблюдать порядок: по часовой стрелке, начиная от оратора, чтобы ни чьи права не были ущемлены.

С этими словами он выпрыгнул из ямы и бегом направился к лодке, а кудтийцы неуклюже поплелись за ним.

Оставшись один на крохотной планете, Пэдди огляделся, чтобы понять, что вызвало поспешность стражи. В пяти милях от него пять кораблей выстроились по одной линии, направив кили в сторону астероида.

Прикованный наручниками к безымянной скале, Блэкторн испытывал смешанное чувство страха и благоговения, которое испытывает жертва, распростертая на алтаре. Он наклонился, чтобы рассмотреть свои кандалы. Тяжелая цепь соединяла обруч на его лодыжке с вбитым в скалу стальным кольцом. Пэдди попытался было выдернуть кольцо из камня, но лишь содрал кожу на ладонях и ощутил тянущую боль в мышцах живота.

Он выпрямился и осмотрелся вокруг в тщетной попытке обнаружить хоть одну балку, которую можно было бы использовать в качестве рычага, хоть один булыжник, чтобы раздробить цепь. Тут он заметил, как кто-то не пришвартовался на дальней оконечности космического островка. Вытянув шею, Блэкторн разглядел бетонную конструкцию и лестницу, опустившуюся на скалистую поверхность астероида. Пэдди подумал, что где-то там, по всей вероятности, находилась гравитационная система и генератор воздуха.

Раздался свист рассекаемого воздуха, вслед за которым послышалось нарастающее гудение. Пэдди поднял голову и увидел лодку, приземлявшуюся чуть ли не ему на голову. Лодка коснулась поверхности; хрустальный купол откинулся, и из аппарата появились пять Сынов Лангтрии. Придерживаясь установленного церемониалом порядка, они безмолвно проследовали к возвышению. Впереди выступал мрачный Орел Альфератса А, за ним шел желтый, как кусок масла, лори-станзиец, от лица которого исходило слабое мерцание, следом показался пятнистый капюшон шолийца и глаза-блюдца котонца, а замыкал шествие приземистый, коротконогий посланник Бадау с горбом вместо головы.

Уперев руки в бока и скривив губы, Пэдди наблюдал, как процессия неспешно приближалась к полукругу кресел.

— Подумать только, что их предки были приличными землянами, ничем не отличавшимися от меня. А эти напоминают мне Кенсингтонский зоопарк, — покачив головой, произнес он.

Тут из лодки появились еще два существа. По пурпурной коже Пэдди узнал в них огромных бесполок кудтийский монстров, практически лишенных разума, — результат хирургического вмешательства и насильственного питания. Это были гигантские животные с налитыми кровью петушиными сережками.

Им были удалены ушные раковины, чтобы усилить способности к концентрации, поэтому все действия они совершали в состоянии, близком к гипнотическому. Кудтийцы встали на страже по обоим концам астеро-

ида и замерли, устремив на Пэдди неподвижные голубые глаза-лепешки.

Сыны Лангтрии заняли свои места, и один лористанзец с любопытством взглянул на Блэкторна.

— Значит, в этом году землянин, — оживленно заметил он. — Удивительно, но среди них нередко попадаются хорошие лингвисты. На мой взгляд, лучшие переводчики — земляне и шолийцы. Правда, среди шолийцев мало преступников. Интересно, что совершил этот разбойник.

Пэдди вскинул голову и бесстрашно взглянул на говорившего. Затем, решив, что пора приступить к выполнению своих обязанностей, поклонился котонцу и повторил слова лористанзийца на котонском, затем последовательно обратился к посланникам Бадау, Альфератса и Шола. Однако при переводе последней фразы он заменил слово «разбойник» на котонское «зактум», что означает «бесстрашный малый», бадайское «лауд», соответствующее выражению «благородный рыцарь» из легенд о Робине Гуде; на ферайский он перевел его как «а-као-ап», то есть «быстрые крылья», а на шолийском представил его словом «кондозиир», происходящим от старотосканского «кондотьер».

Пэдди остановился, с торжественной почтительностью ожидая дальнейших речей. Лористанзец бросил на него пронзительный взгляд, однако не промолвил ни слова; по скулам его заходили желваки.

Слово взял феразийский Орел:

— В созыве сегодняшней конференции не было особой необходимости. Я не заметил значительных колебаний в товарообороте, считаю военную экспансию излишней, думаю, что прошлогодние квоты вполне устроят всех и в нынешнем году.

Пэдди перевел речь посланника остальным Сынам по часовой стрелке. Присутствовавшие поддержали оратора молчаливым согласием.

— Я располагаю несколькими петициями, — заговорил вслед за Орлом бадаец, — и предлагаю немедленно приступить к их рассмотрению. Первая от Канопийской Четверки. Они просят четыре генератора для осуществления перевозок сырья и продукции с одной из

их лун, которую они используют в качестве фермы по разведению скота.

— У меня имеется петиция подобного рода, — вступил шолиец. — Мои наместники сообщают, что пять из доверенных им шестнадцати генераторов вышли из строя, предположительно, в результате лабораторных экспериментов по изучению процесса регенерации. Я не склонен думать, что нам нужно удовлетворить их просьбу.

Выслушав аргументы посланника, собрание отклонило петицию.

— Вторая петиция, — продолжал бадаец, — от частного лица, нечеловекообразного неонимийца, который предлагает совершить кругосветное путешествие по космосу. Он хочет, чтобы его запечатали в космическом корабле и отправили в космическое пространство на самой большой скорости, которая только возможна, и либо он вернется, либо умрет затерянным среди звезд.

Конгресс признал, что подобный эксперимент весьма интересен, к тому же не препятствует товарообмену.

— Третья петиция, — обратился к своим записям посланник Бадау, — с Земли. Население требует еще сто генераторов.

— Сто! — воскликнул котонец.

— Похоже, они несколько сдали свои позиции, — откинувшись на спинку кресла, ухмыльнулся шолиец. — Если мне не изменяет память, последние пятьдесят лет они требовали права неограниченного производства генераторов.

— Постепенно и к ним приходит понимание реального положения вещей, — проурчал бадаец.

— Должен заметить, что за последнее время у землян был зафиксирован лишь незначительный подъем коэффициента товарооборотов, — заметил Сын Лористанзии. — Возможно, один из генераторов вышел из строя. На мой взгляд, достаточно будет того, что мы согласимся заменить поврежденный механизм, и я не вижу причин, почему мы должны идти на дальнейшие уступки.

Котонец выпрямился в кресле и угрожающе посмотрел на Пэдди глазами-плошками.

«Спокойнее, приятель,— сказал сам себе Пэдди, делая глубокий вздох.— Не забывай, что теперь ты имеешь дело не с необразованными охранниками».

Он повернулся к бадайцу, не переставая ощущать на себе холодный взгляд Сына Котона.

— Коэффициент товарооборота несколько возрос,— Блэкторн перевел речь лористанзийца на бадайский.— Один из генераторов поврежден, остальные четыре окончательно вышли из строя. Достаточно заменить оборудование, и только.

Пэдди почувствовал облегчение, когда котонец наконец отвел от него ледяной взгляд.

«Есть в его взгляде что-то липкое,— подумал Блэкторн.— Не удивительно, что именно эти лупоглазые черти выдумали нервно-паралитический скафандр».

Пэдди с точностью передал содержание речи по кругу. После небольшой паузы собрание стало высказываться за отклонение петиции.

Затем, проголосовав еще по трем петициям, все пятеро погрузились в тишину, задумчиво созерцая землянина. Находясь под прямыми лучами прожекторов, он чувствовал себя раздетым и выставленным на всеобщее обозрение.

— Вот он я,— с отвращением пробормотал Пэдди,— последний из скибберийцев графства Корк. Привязан к самому крохотному во всей Вселенной астероиду, как треска на противне, да еще и в компании пяти чудовищ, которые только и думаю о том, какими специями приправить мой труп.

Пэдди поднял глаза — пять кораблей, выстроившись в линию, парили в миле от планеты.

— Если Господь выглянет из-за облаков и вмешается, я обещаю, что весь остаток жизни проведу со свечкой в руке, как самый добропорядочный ирландец.

— У кого-нибудь есть предложения по поводу новых принципов регуляционной политики? — обратился к присутствующим шолиец.

— Моя планета в большинстве голосов высказывается за то, чтобы все планеты в равной мере располагали секретными сведениями, или, по крайней мере, за создание на каждой планете складов, о которых

будет знать лишь ограниченное количество ответственных лиц,—медленно произнес Орел.—Основным аргументом в пользу нашей позиции, как всегда, является то, что в случае катастрофы пятеро из нас погибнут одновременно, а вместе с нами и секрет регенерации.

—А основным контраргументом, как всегда, является то, что когда секретными сведениями владеют пятеро, четверо из них неминуемо становятся лишними,—произнес котонец.—Кроме того, склады могут подвергнуться ограблению в случае неожиданного нападения. Не исключено также, что кого-либо из членов комитета попытаются похитить. И тогда секрет уже перестанет быть секретом, и в космосе разведется столько кораблей, сколько червей в Батканском море.

—Я всегда считал, что чем меньшее число лиц располагает секретными сведениями, тем лучше,—заявил бадаец, похлопывая себя по квадратной голове.—И даже если все мы погибнем, Лористанзийский Банк найдет способ передать информацию нашим преемникам.

—Да, но только спустя десять лет сомнений и смуты,—отрезал Орел.

—Возможно, нам удастся договориться, что в случае катастрофы секрет автоматически становится достоянием всех пяти миров,—с готовностью отозвался шолиец.—При этом мы не будем упоминать о десятилетнем промежутке, чтобы не наводить авантюристов на Лористанзийский Банк, поскольку широко известно, что десять лет как раз являются сроком, во время которого запрещено вскрывать неиспользуемые депозитные сейфы.

—Почему бы просто не вручить все сведения самому Банку? —кисло пробормотал котонец.

Посланник Шола усмехнулся:

—На то есть несколько оснований. Предположим, катастрофа все-таки произошла. Спустя десять лет сейфы Лористанзийского Банка автоматически открываются, и глазам первого попавшегося рядового служащего предстает секрет генераторов космической энергии. Во-вторых...

— Первого аргумента вполне достаточно, — сказал котонец. — Возможно, ныне действующая система действительно самая надежная.

— Дублирование сведений призвано защитить нас в случае, если один из пакетов с чертежами будет утрачен. А то, что секретная информация поделена между представителями разных миров, является гарантией продолжительности нашего сотрудничества, так как все мы зависим друг от друга, — заметил лористанзец.

— А теперь, — резко перебил шолиец, — перейдем к вопросу размещения пяти торговых узлов и восьмисот посреднических кораблей...

Кто-то из Сынов выступил с сообщением о нуждах его миров, что привело котонца в состояние крайнего раздражения.

— Нам на Акхабатсе придется потратить три недели на то, чтобы привести в рабочее состояние сборочный цех, — проговорил котонец.

— Этим займется наш отдел, — заметил лористанзец.

— И не меньше недели уйдет на то, чтобы восстановить испорченный генератор, — продолжал Сын Котона. — Какой-то подлец, заметьте, с Земли, проделал на своем корабле тоннель. Этот дурак сдернул рычаг общего питания, и Акхабатс уцелел только потому, что одна из плат была снята для замены.

Лористанзец пожал плечами, лязгнув тяжелой желтой челюстью:

— Да и шкалы, естественно, были сбиты. На что только надеялся этот идиот?

— Человеческий разум не перестает быть загадкой, — произнес в ответ Орел.

— Что у нас следующее на повестке дня? — шолиец сделал нетерпеливый жест. — Если больше вопросов нет...

— Мы завершили обсуждение всех намеченных вопросов, — подытожил посланник Бадау. — Давайте проведем обмен и разъедемся.

С этими словами он расстегнул мыслительный браслет на запястье и передал его Орлу, сидящему слева от

него, который в свою очередь передал такой же браслет шолийцу; тот отдал свой лористанзийцу, лористанзиец котонцу, а котонец бадайцу.

— Теперь до следующего года, — удовлетворенно промычал Сын Бадау. — А нам на Акхабатсе предстоит еще месяц каторжной работы.

Пэдди постарался стушеваться, насколько это вообще возможно для человека, прикованного цепью к ярко освещенной платформе на астероиде. Может, поглощенные беседой посланники забудут его на крохотной планете, что в любом случае означало бы неминуемую смерть.

Если отключат гравитационное устройство, весь воздух рассеется в космическом вакууме, и он задохнется, да еще и поднимется над астероидом, прикованный к планетке. Впрочем, подобная «удача» ему не грозила. Когда все пятеро поднялись со своих мест, Блэкторн почувствовал на себе пристальный взгляд котонца. Котонец жестом подозвал охрану и отдал приказ:

— Отвяжите приговоренного от скалы и казните его.

— Должен ли я перевести то, что вы сказали, мой лорд? — насмешливо осведомился Пэдди.

Котонец проигнорировал реплику землянина. Блэкторн смотрел, как к нему приближались кудтийцы, великаны с пунцовой морщинистой кожей в черной униформе. Каждый из них был в три раза больше него самого. «Вот она, смерть», — подумал Пэдди. Как это произойдет? Пуля? Или кривой кудтийский нож, что висит за поясом у каждого из чудовищ? или просто огромные лапы свернут ему шею?

Кудтийцы высились над человеком, проявляя не большее злорадство или враждебность, чем фермер, выбирающий цыпленка для жаркого. Один из охранников склонился с ключом у ног Пэдди и потянул за цепь, в то время как второй вцепился Блэкторну в плечо. Сердце Пэдди бешено колотилось, он почувствовал, как к его горлу подступил кисловатый вкус страха. Печально было умереть вдали от родной Земли, от рук странных безразличных существ.

Глава третья

Кудтиец высвободил ногу Блэкторна. В отчаянном рывке Пэдди упал на колени, вцепился зубами в огромную лапу присевшего на корточки охранника и, выдернув у него из-за пояса нож, вонзил его в ногу другого. Хватка кудтийца ослабела. Пэдди почувствовал это и, как заяц, стремглав выскочил из ямы.

Наблюдавший эту сцену шолиец выхватил небольшой пистолет, прицелился и выстрелил. Пэдди метнулся в сторону, всполох голубых ионов сверкнул у него над ухом.

Кудтийцы неуклюже бросились за ним. Их огромные морды не выразили ни малейшей эмоции. Очередной радиационный заряд просвистел рядом с Блэкторном, и он сделал отчаянный вираж. Мозг его бешено работал. Так можно убежать на край света. А край света уже очень близко. Куда потом? На корабль? Нет, там подстерегает шолиец с пистолетом. Куда же? На нижнее полушарие? Но они и там не отстанут от него.

Бетонная кладка разверзлась у Блэкторна под ногами, открыв перед ним залитую тусклым сиянием пропасть. Здесь, в отверстии стягивающего астероид болта, он сможет хотя бы опереться спиной о стену. По крайней мере, они не станут стрелять из опасения нарушить гравитационное поле...

Гравитация! К черту гравитацию! Плевать и на собственную смерть, и на всех остальных! Но неужели они могли оставить гравитационную систему без охраны?

Он слетел вниз по лестнице, перепрыгивая через четыре ступени, и, с трудом преодолевая плотное гравитационное поле, попал в небольшое бетонное помещение. Внутри на опорах был укреплен черный ящик в десять футов шириной, тяжелые кабели отходили от него к источнику энергии. Пэдди сделал глубокий вдох, тяжело ступая, пересек комнату и потянул на себя рычаг питания.

Генераторы остановились, и гравитационное поле растворилось. Пэдди повис в невесомости. Воздух вырывался в космическое пространство со скоростью один-

надцать футов в секунду. Невероятная сила, словно мощнейший взрыв, расперла грудь Пэдди изнутри. Воздух пробил его горло и с силой вырвался изо рта. Блэкторн почувствовал мгновенную слабость в членах и нарастающий шум в ушах и ощутил, как глаза его вылезают из орбит.

Он невероятным усилием притянул себя к рычагу и вернул его в прежнее положение, на нормальный уровень гравитации. Казалось, теперь он был полноправным хозяином в этом маленьком мире, властителем жизни и смерти. «Слишком поздно, — мелькнуло в его оцепеневшем сознании, — бесполезно что-либо предпринимать». Воздух покинул планету со скоростью звука, если не еще быстрее. Вернуть его можно было лишь гравитационным ускорением.

По крайней мере, в течение часа астероид будет пребывать в абсолютном вакууме, и за это время все живое в этом крохотном мире погибнет. Но нет — Пэдди почувствовал, что натяжение его кожи понемногу спадало и горло перестало трепетать. Он открыл рот и глотнул воздуха. Воздух — во всяком случае, в помещении — еще очень разреженный — тончайшая пленка, удержанная молекулярным притяжением и гравитацией самого астероида — просочился сквозь щели и сконцентрировался вокруг гравитационного механизма.

Пэдди с усилием поднялся по лестнице, преодолевая сопротивление, необычайно высокой вблизи механизма силы притяжения. Он ощутил, что по мере того как он удалялся от прибора, атмосфера становилась все разреженной. Едва показавшись на поверхности, он очутился практически в вакууме. В двадцати футах от него лежал распростертый в луже темной крови кудтеец. Около лодки Пэдди увидел повалившихся друг на друга пятерых Сынов Лангтрии. Блэкторн отшатнулся и в ужасе закрыл глаза.

Им было совершено самое ужасающее преступление в истории космоса. Геноцид, осквернение священных мест, предательство всей Вселенной были ничто по сравнению с тем, что он совершил. *От его руки погибли Сыны Лангтрии!*

Пэдди облизал опухшие губы. Обыкновенный поворот рычага потребовал от него немалых усилий. Он знал, что тюремщики прикончили бы его и даже не оглянулись, чтобы взглянуть на его предсмертные судороги. Блэкторн поднял голову и посмотрел вверх светящейся трубки на корабли посланников.

Все пять аппаратов неподвижно висели в воздухе, выстроившись в линию. Ха, неужели эти тупицы не испытывают страха? Конечно, им могли приказать не смотреть на экраны, чтобы никто из них не смог по движению губ понять, о чем идет речь.

Пэдди посмотрел на лодку с томлением влюбленного, ожидающего встречи с возлюбленной. Его глаза с лопнувшими кровеносными сосудами застилала розовая пелена, из носа текла струйка крови. Сто футов, отделявших его от лодки, показались ему тысячью. От подъема на два фута над бетонной поверхностью у него перехватило дыхание. Пэдди прислонился к крылу лодки, чтобы отдышаться и собраться с мыслями.

Как обычно выключают гравитационную систему? В скафандре, чтобы избежать гибели в вакууме? И есть ли где-нибудь поблизости соответствующее снаряжение? Блэкторн тут же обнаружил нужный скафандр, висевший за топливным баком, и влез в него с поспешностью, на которую только был способен в теперешнем своем состоянии.

Надев на голову прозрачный шлем, Блэкторн открыл подачу кислорода. Ах, как сладок чистый плотный воздух, словно глоток ключевой воды!

Однако у Пэдди не было времени насладиться полной дыханием. Вперед — если не хочешь угодить в нервно-паралитический скафандр. Блэкторн впрыгнул в лодку и пронесся над погибшим миром. Заметив тела Сынов, он приостановился. На костлявом предплечье шопийца что-то блеснуло. Пэдди наклонился и снял с его руки золотой браслет. Такие же браслеты были у котонца, кожаного посланника Бадау, Орла и желтого, как яичный желток, лористанзийца.

Позвякивая пятью браслетами, Пэдди взбежал на борт, поднял трап и сел в кресло пилота. Он осмотрел панель управления и, найдя рычаг регулирования вы-

соты, поднял аппарат в воздух. Держась на небольшой высоте от поверхности, он медленно направил лодку на противоположную сторону астероида.

Затем, как можно дольше оставаясь под прикрытием крохотной планеты, Блэкторн повернул акселератор, и маленький корабль взвился ввысь, ввысь, ввысь — и растворился в бездонном колодце космического пространства, усеянном звездной галькой.

А теперь, когда он на свободе, — на свободе! — надо было заняться генераторами.

Блэкторн устало откинулся на спинку кресла и погрузился в оцепенение...

Пэдди осмотрел корабль; блеск стекла и металла, осветителей, новейшая экипировка и отделка кабины радовали глаз. Блэкторн не мог отказать себе в удовольствии насладиться приятным зрелищем и предавался комфорту, как гурман, смакующий во рту вкус изысканного соуса.

Поднявшись с кресла, он почувствовал себя как будто заново рожденным. Эта лодка стала для него символом новой жизни и возрождения. Прошрое казалось ему настолько отдаленным, как будто Пэдди Блэкторн, заключенный тюрьмы Акхабатса, и Пэдди Блэкторн, стоящий на палубе, устланной блестящим алым покрытием, ровным, как яичная скорлупа, были совершенно разными людьми.

Пэдди хлопнул ладонями по бедрам и улыбнулся заслуженной удаче. Он радовался не только тому, что оказался на свободе, что само по себе уже немало, но и тому, что ему удалось разыграть убийственную шутку со своими палачами, великолепную шутку, которая впишет его имя в историю. Так уж устроен человек, что независимо от внешних обстоятельств радуется и горюет всегда одинаково; и торжество Пэдди ничем не отличалось от торжества бродяги, которому удалось выкупать своего обидчика в сточной канаве.

Пэдди прогуливался по кораблю, наслаждаясь доставшимся ему призом, который, видимо, был специально спроектирован для межпланетных круизов. На

борту не оказалось ни больших запасов продовольствия, ни оружия.

Внутреннее убранство соответствовало назначению корабля. Предназначенная для официальных церемоний Сынов Лангтрии, лодка была отделана редкой породой дерева, произрастающего на одной из отдаленных планет, инкрустированного черными и золотисто-зелеными вкраплениями. Диван, стоявший в глубине кабины, был обит темно-фиолетовой тканью, на полу лежал красный ковер с рисунком, напоминавшим сахарные розы. Пэдди вернулся к панели управления и осмотрел навигационные приборы. Лодку сконструировали, не считаясь с затратами, и она была оснащена оборудованием, по большей части не знакомым Блэкторну. Доска приборов пестрела рычагами, шкалами, кнопками, назначения которых он не знал. Пэдди предпочел ни к чему не прикасаться, так как предполагал, что любая из кнопок могла оказаться подачей сигнала SOS.

Блэкторн вернулся к дивану и стал изучать светящуюся грудку золотых браслетов. К каждому браслету была прикреплена тонкая квадратная пластина. Пэдди с благоговением отступил назад.

— Здесь, — произнес он, — собраны все сокровища, накопленные за всю историю Вселенной. Богатств всей Земли не хватило бы, чтобы выкупить эти браслеты... И я, Пэдди Блэкторн, держу их сейчас в своих руках. Ну, а теперь осталось только открыть их и узнать, как обращаться с генераторами, чтобы в следующий раз избежать взрыва...

Пэдди щелкнул по крышке первой пластины и развернул жесткий пергамент. Начертанная громоздкими бадайскими иероглифами надпись гласила:

**КАМБОРОДЖИЙСКОЕ КОПЬЕ, 10.
ЗАВЕТ СУМАСШЕДШЕГО, СТРАНИЦА 100.**

— Что это такое? — удивленно поднял брови Пэдди. Он застыл в недоумении. Неужели здесь какая-то ужасная ошибка?

— Ладно, — сказал он сам себе, — сейчас разберемся.

Блэкторн открыл вторую пластину. Как и в первой, в ней содержался кусок пергамента с надписью на феразийском, которую Пэдди не смог разобрать. Тогда он взял третий браслет и, раскрыв его, прочитал аккуратную шолийскую клинопись:

ЯДРО, ЧЕРНАЯ СТЕНА.

ТРИ НАВЕРХ, ДВА В СТОРОНУ.

ОБЛУЧИТЬ: 685, 1444, 2590, 3001 АНГСТРЕМ.

ФОТОГРАФИЯ.

Пэдди со стоном нажал на пластину четвертого браслета. Там лежал ключ с выгравированным на нем лористанзийским шрифтом из перемежающихся петель и палочек посланием.

Пергамент на котонском гласил:

**ТИХИЙСКОЕ ПЛАТО, ГДЕ АРМА-ГЕТ
ПОКАЗЫВАЕТ ГЕРОЕВ ИЗУМЛЕННЫМ ЗВЕЗДАМ
ПОД МОЕЙ МОГУЩЕСТВЕННОЙ ПРАВОЙ РУКОЙ.**

Пэдди опустился на диван.

— Золотая лихорадка, вот что это! — воскликнул он. — Подумать только, что ради какого-то ключа я рисковал жизнью. Выкинуть их всех за борт и покончить с этим!

Однако Блэкторн обернул четыре полоски пергамента вокруг ключа и вложил его в один из браслетов, который затем застегнул у себя на запястье.

«А теперь домой! — подумал он. — Покой и тишина и никаких космических приключений, хотя...» — Пэдди задумчиво потер подбородок. Ему по-прежнему угрожала опасность. Да, ему удалось унести ноги с астероида, однако космическое пространство гудело, как осиное гнездо, от наводнивших его лангтрийских кораблей.

Погони как будто не было, но его могли легко перехватить на ближайшем посту. Предупредительные сигналы распространялись со скоростью мысли. Описание лодки и самого Пэдди к этому времени достигло уже, вероятно, самых отдаленных мест. Теперь вся Вселенная начнет охоту на Пэдди. Власти отложат расследо-

вания обыкновенных нарушений и бросят силы всех пяти миров на поимку опасного преступника, Пэдди Блэкторна.

Охвативший его минутный ужас утих и сменился мучительным беспокойством. Он уже представлял себе расклеенные в каждом баре, почтовом отделении и транспортном агентстве обитаемой Вселенной плакаты с его фотографией и обращением:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ — ЗА МЕЖПЛАНЕТНОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ! —
ПЭДДИ БЛЭКТОРН, ЗЕМЛЯНИН. ОПАСЕН!
РОСТ ШЕСТЬ ФУТОВ;
ВЕС СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ФУНТОВ.
ВОЗРАСТ — ОКОЛО ТРИДЦАТИ. РЫЖИЕ ВОЛОСЫ,
КАРИЕ ГЛАЗА, СЛОМАННЫЙ НОС.

— А потом, — проворчал Пэдди, — появятся отпечатки моих пальцев, языка, моя психограмма. Опубликуют мои приметы с припиской: поймайте этого беса и назовите свою цену. Мне просто чертовски везет. На Земле для меня нет места, остается только Воровской Притон, причем не известно, как долго я смогу там скрываться.

Поводив пальцем по карте, Блэкторн отыскивал нужный код и нажал на панели кнопку. Система линз увеличила указанный участок карты, и Пэдди увидел на экране план Воровского Притона.

Голубая точка на краю экрана указывала его положение, белая стрелка подсказывала направление движения. Вдохнув, межпланетный преступник стал осторожно менять курс, пока стрелка не указала прямо на Воровской Притон.

Пэдди включил космическую радиосвязь. В кабине раздалось неровное стаккато кодированных сообщений. «Пускай болтают, — подумал он. — Из Воровского Притона меня не вытащит ни один Сын Лангтрии. Конечно, они могут подослать убийц, но это не в их интересах». Сейчас Блэкторн был единственным из живущих, кто знал если не секрет генератора, то, по крайней мере, его местонахождение.

Глава четвертая

Воровской Притон представлял собой скопление восьми солнц в созвездии Персея, окруженных множеством теснившихся холодных звезд, планет, спутников, астероидов, метеоритов и самыми разнообразными обломками твердых образований. Здесь начиналось преддверие ада, где жили все, кому не нашлось места во Вселенной. Среди множества малых планет улизнуть от полицейского корабля преступнику было так же легко, как кролику удрать от преследующей его в черничных зарослях собаки.

Если бы Пэдди ничто не связывало с другими населенными планетами, если бы у него было достаточно денег, чтобы прокормиться, ничто не помешало бы ему жить в толчее крохотных миров и не бояться правосудия цивилизации.

В Воровском Притоне отсутствовало законодательство. Только на Эленор, на центральной планете Спэди-са, существовало некое подобие правительства — кучка людей, которую страх и отчаяние заставляли выступать посредниками в отношениях антисоциальных групп. Банда синеносых играла роль исполнительного комитета при властителе Эленор, синеносом Пите.

На Эленор действовали самые строгие законы во Вселенной. Если уж грабителю удалось добраться до Эленор, ему не приходилось заботиться о сохранности своей добычи: можно было расположиться для отдыха в парковой аллее и не сомневаться, что наутро найдешь все свое золото при себе. Государственный аппарат работал неэффективно, но, если человек нарушал закон Эленор, за малейший проступок он расплачивался жизнью.

Пэдди беспрепятственно проскочил мимо палящих горящих солнц, опустил на болотистую почву одной из планет Воровского Притона, нажал на тормоз и со свистом пролетел несколько миль над поросшей тростником трясиной. Над горизонтом возвышался пик черной неприступной скалы. Блэкторн облетел эту грома-

ду и увидел под собой Эленор выделявшимся белым пятном у подножья горы.

Он опустился у ремонтных доков. Невдалеке под брезентом находился бадайский патрульный корабль.

Пэдди выпрыгнул из лодки и бегом бросился по направлению к кораблям, выстроившимся в линию у края поля. Добежав до гидранта, он повернул кран, принял к струе и пил, пил, пил.

Прогуливавшийся неподалеку землянин, высокий темноволосый мужчина с близко посаженными желтыми глазами, удивленно наблюдал за Блэкторном.

— Что, Рыжий, кончился запас воды?

Пэдди повернулся и провел влажными руками по лицу.

— Я четыре дня питался консервированными мидиями в сладком сиропе. Ну и гадость же это, поверьте мне. Уже с третьей ложки я почувствовал непреодолимое отвращение к морепродуктам.

— Да, нелегко тебе пришлось, — сказал прохожий. — Отличная у тебя тачка. Не собираешься ее продавать?

— У вас не найдется сигареты? Спасибо. — Пэдди прислонился к стене ангара и выпустил облако дыма. — Что касается корабля, то я совершенно без средств, так что, видимо, придется его продать. Сколько я могу за него выручить?

Землянин задумчиво прищурил глаза.

— Сто тысяч. Возможно, чуть больше. Скажем, сто тридцать.

— Хм-м, — Пэдди почесал заросший рыжей щетиной подбородок. — На Земле один двигатель стоил бы миллион.

— Так то на Земле, Рыжий.

— Если верно то, что мне говорили о здешних ценах, на эти деньги я смогу прожить целый месяц.

— Не совсем так, — рассмеялся землянин. — Все зависит от того, какое обслуживание ты предпочитаешь. В казино «Нора» на улице Наполеона довольно дорого. Если тебе надо что подешевле, попробуй кормежку в Бушприте в аллее Карманников. Там чистенько, хотя и не шикарно.

Пэдди от души поблагодарил собеседника.

— Не могли бы вы мне подсказать, где лучше всего продать лодку, потому как, честно говоря, у меня в кармане ни цента.

— Если хочешь быстро повернуть сделку, загляни в ту дверь с желтым стеклом, — человек указал Пэдди на строение на другом конце поля. — Там ты увидишь канопискую девушку. Скажи ей, что хочешь поговорить с Айком.

Пэдди с трудом выторговал приемлемую цену, живопису великолепие и удобства салона и многочисленные приборы, которыми был оснащен корабль.

— ...бывшая собственность одного из великих лордов Шола! Своего рода летающий будуар! Корабль просто превосходен, дружище Айк, и, кроме того, системы создания гравитации такие мощные, что порой трудно поверить, что ты не на Земле, а в космосе.

Наконец он покинул поле со ста сорока пятью тысячами марок в желтых, голубых и зеленых банкнотах разного достоинства. Повернув по направлению к центральной части города и миновав район складов, магазинов подержанных вещей и домов с меблированными комнатами, Пэдди поднялся на небольшой холм и попал в квартал ресторанов, таверн и борделей.

Выше по холму располагались отели из стекла и бетона, ночлежки для изгнанников и постоянных посетителей — контрабандистов, воров, угонщиков кораблей и шпионов. Город был переполнен, по улицам толпами бродили самые разные существа: высшие виды, такие как канописцы, маевцы, диоксийцы, лишь немного различавшиеся между собой, затем метаморфологическую гамму продолжали шолийцы и котонцы, лабиринты, жители Зеленого Рассина, феразийские Орлы, мрачные, озлобленные, тощие, как цапли; затем асмазийские эльфы и тучные желтые лористанзийцы.

Блэкторн с наслаждением, не торопясь, отобедал в ресторане земной кухни и, перейдя на другую сторону улицы, зашел в парикмахерскую, купил в лавочке бритву и машинку для стрижки волос. В магазине одежды Пэдди приобрел смену белья, темно-синие джинсы и

ботинки на мягкой подошве. Расплачиваясь, он перегнулся через стойку и, подмигнув продавщице, спросил:

— Прекрасная и мудрая леди, не подскажите ли, есть ли здесь поблизости салон красоты?

— Вверх по лестнице, через коридор, — вместе со сдачей выдала информацию пожилая продавщица. — Врач сделает вам новое лицо так же легко, как вы переоделись в новую одежду.

Пэдди поднялся наверх и проследовал по длинному коридору с множеством дешевых деревянных дверей с табличками, гласившими: «Галтийские склады», «Чиутское подрывное снаряжение», «Притани и Да — лористанзийское финансовое консультирование», «Рамадх Синдх — Похоронное бюро и страховка. Мы похороним ваше тело в любой части вселенной», «Доктор Ир Тэллог — дерматолог».

Спустя три часа Пэдди было не узнать. Волосы его были перекрашены в черный цвет с помощью Оптихрома. Нос его более не носил следов перелома и теперь стал таким, каким был в юности. Хирург нанес на подушечки его пальцев новый рисунок и слегка ушил язык, чтобы изменить голос.

Пэдди разглядывал нового человека в большое зеркало в полный рост. За ним молчаливо стоял доктор — полный, гладко выбритый землянин с угрюмым лицом.

— Сколько я вам должен, доктор? — обернулся Блэкторн.

— Пять тысяч марок.

Отсчитывая деньги, Пэдди внезапно осознал, что доктор был единственным звеном, связывавшим его с прошлым.

— Сколько я должен за операцию и за то, чтобы вы держали язык за зубами? — уточнил он.

— Этой суммы будет достаточно. Я не болтаю. Кроме того, у меня много клиентов. В Эленор больше шпионов, чем в Новом Свете. Если я проговорюсь, мне конец. Синеносые посадят меня в тот же день.

Пэдди внимательно изучал свой новый профиль.

— Вы согласились бы выдать вашего пациента, если бы вам предложили миллион марок и возвращение на Землю?

— Сложно сказать, — устало проговорил доктор, — никто никогда не предлагал мне подобного.

Пэдди склонил голову набок и пристально посмотрел в зеркало на свой нос. Доктор связал рыжего беглеца с Акхабатса и темноволосого человека ниоткуда, как знак равенства — две части тождественного уравнения. К тому же, как он правильно заметил, Эленор просто кишит шпионами.

Если бы он, Пэдди Блэкторн, был судебным осведомителем одного из лангтрийских миров, он бы непременно обратил внимание на приземлившегося на посадочную полосу Эленор землянина и догадался бы, что лодка с прозрачным куполом проделала немалый путь, прежде чем опуститься на планету.

Полиция могла узнать, что он купил синий джемпер раньше, чем вышел из магазина. Точно так же они могли узнать и о его посещении салона красоты. Но вот его новая внешность пока была никому не известна. И у него все еще не было имени. Пока он оставался не узнанным и безымянным, он был в безопасности в серой настороженной толпе, наводнявшей улицы города.

Но доктор... Его могли выследить, предложить огромную сумму денег и посулить прощение всем его прежним прегрешениям.

— Док, — мягко спросил Пэдди, — здесь есть запасной выход?

Доктор поднял голову от инструментов, которые он убирал на место после операции.

— Пожарная лестница выходит на задний двор, — коротко сообщил он.

Пэдди напряженно следил глазами за доктором. Он никому не мог доверять. Миллион, десять миллионов, сто миллионов марок ничего не значили ни для него, ни для Лангтрии. Богатства всей Вселенной, жизнь империи висели у него на запястье.

Он должен был убить врача. Должен был, но не мог. Доктор прочитал мысли Пэдди в его глазах и отшатнулся, но, увидев выражение страха на лице Блэкторна, успокоился. Многие из его пациентов взирали на него с тем же намерением, поэтому доктор всегда держал в кармане пистолет.

Пэдди подошел к окну и бросил взгляд на унылую серую аллею. Глубоко въевшаяся сажа и красный плесневелый грибок местного происхождения полосами покрывали стену дома на другой стороне улицы.

Блэкторн почувствовал себя в западне. Они знали, где он. Каждую минуту он мог получить пулю в голову, или же его могли похитить, и тогда ему не избежать нервно-паралитического скафандра. Провести остаток дней в нервно-паралитическом скафандре — от этой мысли по спине Пэдди побежали мурашки. Сего стороны было большой ошибкой приземлиться на Спэдисе! Как только он ступил на поверхность планеты, полиции наверняка уже было известно о его местонахождении. Еще немного, и лангтрийские агенты станут преследовать его, как свора гончих, выгоняющая лису на охотника.

Однако, в конце концов, ему все равно пришлось бы где-нибудь приземлиться. При мысли об устрицах в сиропе Пэдди поморщился. Даже если бы он добрался до Земли, не имея запасов воды и пищи, он не мог бы чувствовать себя в безопасности. Подкупленные магистраты, вдоволь насмеявшись над неудачливым преступником, не преминули бы выдать Блэкторна Лангтрии, стоило ему только ступить на родную землю.

Пэдди отвернулся от окна и обвел глазами маленькую темную комнатку: крохотный диванчик, длинные тонкие голубые стебли какого-то ядовитого растения, операционный стол, наваленные кучей медицинские инструменты, шкафчики, набитые пузырьками, составляли всю обстановку кабинета. Стены и потолок были обиты дешевым лакированным деревом.

Пэдди повернулся к двери.

— Я уйду, док, и хочу, чтобы вы запомнили и никогда не забывали: если вы проболтаетесь, вам придется горько пожалеть об этом.

Похоже, доктор ничуть не обиделся: видно, подобные угрозы ему приходилось выслушивать от каждого своего пациента. Он кивнул, что считает слова Пэдди в порядке вещей. Блэкторн вышел из кабинета, услышав за собой щелчок закрывающейся задвижки.

В коридоре, который он подозрительно осмотрел, пахло кисловатым лаком и пылью. За следующей от каби-

нета врача дверью находилось похоронное бюро Рамадха Синдха. Пэдди приложил ухо к стеклянной панели двери. Уже было далеко за полдень. Офис, по-видимому, пустовал. Пэдди потянул за ручку двери — заперто. Он снова оглянулся на коридор. На Земле у него не возникло бы ни минутного колебания, но на Спэддисе простого карточного шулера подвешивали вниз головой, прибив за лодыжки к верхней планке виселицы, а взломщика расстреливали на месте.

— Золото толкает меня на чудовищные преступления, — пробормотал Пэдди.

Он налег плечом на стеклянную панель двери и, выдавив стекло, просунул руку в отверстие, отодвинул щеколду и, приоткрыв дверь, скользнул в комнату.

В небольшом помещении стояли бюро, стол с образцами миниатюрных гробов и урн разной цены, маленький фотоаппарат и помятый экран. На стене висели календарь и фотография семьи на фоне крохотного деревянного коттеджа, по всей видимости, на Земле.

Пэдди пересек комнату и прижался ухом к стене, отделявшей похоронное бюро от кабинета доктора. Он различал шорох, производимый движениями врача, расставлявшего по местам свои инструменты.

Справа от Блэкторна находилась уборная. Заглянув туда, Пэдди увидел флакон с моющим средством и встроенный в стену шкафчик. После того как, открыв дверцу шкафчика, Пэдди выкинул из него принадлежавшие Рамадху всевозможные кремы, одеколоны и лосьоны, между ним и кабинетом врача оставалась лишь тонкая деревянная перегородка.

«Посмотрим, посмотрим, — подумал Пэдди. — Если за мной следят, то они непременно захотят узнать, где я, и поднимутся на второй этаж. Если они станут допрашивать доктора, по крайней мере, я буду знать, к чему готовиться».

Услышав разговор, Блэкторн приник ухом к стене и стал прислушиваться. К доктору пришел пациент — с грубым голосом, как у большинства асмазийцев. Асмазиец страдал от тепловой сыпи. Врач дал ему пакетик с отрицательно заряженными солями — и еще один пострадавший от ионных ожогов получил исцеление.

Через двадцать минут появился следующий пациент, прошло еще двадцать минут, и в кабинете зазвучал новый голос с непривычным тембром. Пэдди напрыг слух. Женский голос с мягкими бархатистыми обертонами спросил:

— Вы доктор Тэллог?

Последовала пауза. Пэдди представил себе холодный испытующий взгляд врача.

— Я.

— Доктор Тэллог, вам известно, что ваш брат, доктор Клемент Тэллог, разыскивает вас? — спросил женский голос.

В кабинете воцарилась продолжительная тишина, затем приглушенный голос проговорил:

— У меня нет брата. Что вам угодно?

— Я хочу дать вам пятьсот тысяч марок. Это полмиллиона. — Женщина остановилась, чтобы дать этой цифре дойти до сознания врача. — Я хочу забрать вас в Париж. Мы можем отправиться через пятнадцать минут. Вернувшись на Землю, вы убедитесь, что с тех пор как были найдены некоторые книги, вашему брату больше нет дела до того, где вы находитесь. В моих силах все между вами уладить. Единственное, что я хочу взамен, это информация.

Последовала очередная пауза. Пэдди весь превратился в слух. Спина его покрылась испариной. Искушение было слишком большим! Дом, богатства, радость дружбы — как тут можно было устоять? Блэкторн был уверен, что доктор не устоит перед соблазном.

— Какого рода информация? — спросил он приглушенным низким голосом.

— Высокий рыжий мужчина тридцати лет вошел в это здание и проследовал в ваш офис. Никто не видел, чтобы он выходил. Весьма вероятно, что вы помогли ему изменить внешность и вывели через неохраняемый ход на улицу. Мне нужно, чтобы вы по возможности наиболее точно описали его новую внешность и сообщили все, что вам известно о его координатах и дальнейших планах.

В течение минуты доктор хранил молчание. Пэдди затаил дыхание.

— Покажите мне деньги.

За перегородкой раздался мягкий глухой удар и щелчок открываемого замка.

— Пожалуйста.

— А все остальное?

— Вам придется положиться на мое слово.

Доктор презрительно хмыкнул.

В кабинете снова воцарилась тишина.

— Вот, — произнес доктор, — проглотите это.

Собеседница явно колебалась.

— Что это?

— Один из опаснейших асмазийских ядов. Ничего не случится, если в течение получаса принять противоядие. В противном случае человек умирает в страшных мучениях. Как только вы доставите меня на борт космического корабля, я дам вам противоядие.

Женщина рассмеялась:

— По удивительному совпадению, у меня с собой тоже имеется сильный яд. Если вы согласитесь принять мою дозу, я приму вашу. Таким образом, жизнь каждого из нас окажется в руках другого.

— Что ж, справедливо.

Послышался шум шагов, щелчок, еще один. Затем Пэдди услышал, как доктор отстраненно и без спешки начал излагать известные ему факты.

— Рыжий мужчина теперь стал совершенно черным — средиземноморского типа. Так он выглядел до операции. Я не сильно изменил его внешность. Можете оставить себе фотографию. Он одет в синий джемпер, ботинки на мягкой подошве, говорит с легким акцентом, но диалект я назвать затрудняюсь.

— О его прошлом, равно как и о дальнейших планах, мне ничего не известно. Отпечатки пальцев... — Пэдди услышал шелест бумаги, — я нанес ему вот такой рисунок. Он вышел от меня час или полтора назад. Куда он направился — не имею ни малейшего представления.

— Вы не показали ему какой-нибудь запасной выход? — спросил женский голос.

— Нет, — ответил доктор. — На чердаке есть лестница, о которой мало кто знает, но я не говорил ему о

ней. Он просто вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

— Никто не видел, как он выходил, — задумчиво проговорила женщина.

— Тогда... — доктор в раздумье замолчал.

Пэдди бросился вон из уборной, распахнул дверь похоронного бюро, выбежал в коридор, приблизился к двери доктора Тэллога и осторожно приоткрыл ее на дюйм. В сумрачном приемном покое никого не оказалось. Голоса раздавались из следующей комнаты.

Блэкторн отворил дверь и, как призрак, бесшумно проник в кабинет.

У него не было при себе оружия, поэтому приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Пэдди пересек комнату и увидел в дверном проеме серо-зеленое сукно френча и темно-зеленые брюки. На плече у женщины висел мешок. Если у нее и было при себе оружие, то оно непременно должно было находиться в этом мешке.

Пэдди шагнул в кабинет и, обвив левую руку вокруг горла женщины, правой рукой извлек из мешка ионный пистолет, дуло которого направил на доктора.

Доктор выхватил свой пистолет и держал в вытянутой руке так, словно он был нестерпимо горячим, или словно он не знал, куда целиться.

— Опusti пистолет! — голос Пэдди звучал как медный колокол. — Опusti пистолет, я сказал!

Доктор уставился на Блэкторна в комичной нерешительности. Пэдди подтолкнул женщину вперед, приблизился к Тэллогу, вынул пистолет из его онемевших пальцев и засунул его за пазуху. В этот момент женщина высвободилась и, обернувшись, застыла с открытым ртом, не отрывая от него широко распахнутых черных глаз.

— Не выводите меня. — предупредил Пэдди. — Я человек отчаянный и могу выстрелить.

— Твои условия? — спросил Тэллог с невозмутимым спокойствием приговоренного.

Пэдди широко улыбнулся, показав зубы.

— Прежде всего, доктор, вы выведете меня и леди на улицу через ваш потайной ход.

Женщина хотела было возразить, но остановилась и, нахмурившись, задумчиво посмотрела на Пэдди.

— Не уверен, стану ли я это делать. Все равно вы меня убьете, — обреченно проговорил доктор, кивнув на ионный пистолет.

Пэдди нетерпеливо пожал плечами:

— Я не собираюсь стрелять. Мы просто посидим и побеседуем. Поверьте, лучшего собеседника вам не найти. Я расскажу вам о Большом Ралли на Скибберине. Я могу часами говорить о Фионе и Диамиде. Потом можно перейти к Милету и античным героям. — Пэдди добродушно посмотрел на доктора. — Что вы на это скажете?

Доктор в недоумении открыл рот и затем мрачно произнес:

— Думаю, я ничего не потеряю, если выведу вас на улицу.

— А вас, леди, — Пэдди обратился к женщине, — я попрошу доставить меня на ваш корабль.

— Выслушайте меня, Пэдди Блэкторн, — начала женщина.

Блэкторн смерил ее критическим взглядом. Она оказалась гораздо моложе и миниатюрнее, чем он предполагал вначале. Женщина была не более пяти футов ростом, хрупкого телосложения, с коротко стриженными волосами и маленьким личиком. Если бы не сияющие черные глаза, Пэдди бы посчитал ее довольно обыкновенной и едва ли женственной. Он предпочитал длинноногих маевских девушек с каштановыми волосами, смешливых и беззаботных.

— Терпеть не могу убивать, — пробормотал он. — Благодарите судьбу, что я и мухи не трону до тех пор, пока она меня не укусит. Так что если вы будете делать, что я говорю, вам нечего бояться. Но предупреждаю — никаких выходов!

Затем он приблизился к Тэллогу:

— Веди.

— Я правильно вас понял, что вы не собираетесь убивать меня? — угрюмо спросил врач.

— Ничего ты не понял, — отрезал Блэкторн. — Не задерживайся.

Доктор беспомощно развел руками.

— Я просто пытался выяснить положение вещей. Если мы собираемся уходить, тогда позвольте мне прихватить противоядие. Если я не передам его молодой леди, она не даст мне свое.

— Давай его сюда, — скомандовал Пэдди.

Доктор заколебался и вопросительно взглянул на девушку.

— Если вы не дадите мне противоядие, я сяду здесь и буду ждать, пока вы не повалитесь в разные стороны благодаря вашей удачной и предусмотрительной сделке.

Тэллог, шаркая, поплелся к шкафчику, достал пакетик и бросил его Пэдди.

— А теперь ваш.

Девушка, не говоря ни слова, кинула ему пузырек. Доктор жадным взглядом проследил полет спасительного средства и впился глазами в руку Пэдди, пока тот прятал лекарство в карман.

— Вперед, — радостно заключил преступник. — Вам вынесен смертный приговор, как некогда мне в акхабатской тюрьме. За тем исключением, что я, в отличие от вас, предателей старушки Земли, — честный вор.

Доктор медленно, не теряя, видимо, надежды на вмешательство полиции, повел их по пахнувшему плесенью и пылью коридору.

— Если возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства, док, — мягко заметил Пэдди, — я разобью ваши пузырьки вдребезги.

Доктор ускорил шаг. Миновав коридор, он открыл дверь и вывел спутников на сырую каменную лестницу, заросшую безымянным спэдийским плесневелым грибом, издававшим тошнотворный запах.

Спустившись на два лестничных пролета, они оказались в подвале, большом низком помещении под магазином одежды, освещенном старинными светильниками. Чемоданы и пыльная мебель бросали на пол длинные темные тени — старый хлам, привезенный бог весть откуда, в забытом подвале гнил и покрывался плесенью.

Они осторожно продвигались вперед. Скользя по нагромождениям рухляди, их тени принимали причуд-

ливые очертания. Пэдди усмехнулся. Его пленники даже не предпринимали попыток к бегству. Пистолет и яд удерживали их от малейшего опрометчивого шага.

Доктор бросил взгляд на часы.

— Осталось пятнадцать минут, — резко проговорил он, — после противоядие нам уже не поможет.

Ожидая, что скажет Блэкторн, Тэллог не спускал с него горящих глаз.

Не говоря ни слова, Пэдди жестом приказал врачу не останавливаться. Тэллог повернулся, встал на скамью и толкнул дверь. Дверь распахнулась, впустив в подвал тонкий луч света. Доктор выглянул, посмотрел направо и налево и рукой сделал знак остававшимся в подвале.

— Никого. Можно идти.

Он выбрался наружу, женщина проворно последовала за ним. Миновав узкий дверной проем, Пэдди обнаружил, что они находились на дне залитого светом двора-колодца, зажатого между двумя зданиями. На улицу вел узкий, не более двух футов шириной, проход.

— Где корабль? — отрывисто спросил Блэкторн.

— К северу от города, на Пыльном озере, — ответила девушка.

— Вперед.

Протиснувшись между двумя домами, преступник и его заложники вышли на темную улицу. Доктор повернул направо и повел их мимо отвратительных грязных домишек асмазийского квартала.

— Осталось десять минут, — взглянув на часы, он повернулся к Пэдди. — Слышите, десять минут.

Блэкторн махнул рукой. Доктор отвернулся, и они продолжили свой путь к окраинам города, где находились канализационные отстойники и целые поля, превращенные в свалки сломанного оборудования летательных аппаратов. То и дело им на пути попадалась лачуга какого-нибудь существа, вызывавшего отвращение даже у привыкших к странностям жителей Эленор.

Люди вышли в долину, усыпанную белым вулканическим пеплом. Усеянное планетами ночное небо рас-

стилалось над однообразным серым пейзажем. Позади белыми и желтыми огнями светилась безобразная громада города.

Пэдди окинул взглядом равнину в поисках темных очертаний космического корабля, обернулся и гневно посмотрел на женщину. Доктор украдкой взглянул на часы.

— Не более минуты...

— Лодка есть, но она не здесь, — в голосе женщины звучали торжествующие нотки. — Не пытайтесь меня запугать, Пэдди Блэкторн. Вам нужен корабль больше, чем мне моя жизнь. Поэтому теперь условия ставлю я. Либо вы пойдете за мной, либо вам придется убить меня.

— Я убью вас, можете не сомневаться, — прорычал Пэдди, вытаскиваю пистолет.

— И себя вместе со мной. По Эленор шныряют корабли, битком набитые агентами Лангтрии. Они знают, что вы здесь, и не пройдет и нескольких часов, как вы окажетесь за решеткой. Вам не укрыться от них и не сбежать. Я — ваш единственный шанс. Давайте сотрудничать, от этого выиграем не только мы оба, но и вся Земля. Впрочем, вы можете отказаться, но тогда все мы умрем, не принеся пользы землянам, поскольку, прежде чем убить вас, лангтрийская полиция заберет у вас то, что вы похитили у Пяти Миров.

Пэдди почувствовал, как вместе с силами его покидают остатки самообладания.

— Ах, ведьма, обманула меня, как жертвенного козла. И у вас хватает наглости заявлять, что вы действуете во благо Земли?

Женщина улыбнулась.

— Вы не верите мне? Вам не приходилось слышать об Агентах Земли?

— Противоядие! — жалобно заскулил доктор. — Потерпись, человек, или мы умрем.

— Идите сюда, — проворчал Пэдди. Он провел рукой по голове и шее женщины, ища шрамы, которые могла оставить ампутация кожного капюшона. — Вы не шолийка. И уж точно не с Альфератса и не с Бадау. Слишком белая для уроженки Котона, не говоря уже

о глазах; и недостаточно желтая для лористанзийки. Пожалуй, расу определить не удастся: вы с успехом подойдете под любую из них.

— Я работаю на Агентство Земли,— сказала женщина.— И я ваш единственный шанс. Дайте мне противоядие, иначе я умру, вас казнят, а Лангтрия будет безраздельно властвовать над Вселенной до окончания веков. Другого такого случая не представится, Пэдди Блэкторн.

— Скорее! — закричал доктор.— Скорее! Я чувствую...

Пэдди презрительно бросил им пакетики с противоядием.

— Поторапливайтесь. Спасайте свои жалкие жизни и оставьте меня в покое.

Он круто повернулся и зашагал прочь через пыльное поле.

Женщина окликнула его.

— Подождите, Пэдди Блэкторн. Вы не хотите покинуть Спэдис?

Ослепленный яростью, Пэдди, не проронив ни слова, продолжал идти.

— У меня есть лодка,— снова услышал Блэкторн, но не замедлил шага.

Женщина нагнала его и, переведя дыхание, сказала:

— Мы доставим секрет генераторов на Землю.

Пэдди остановился и посмотрел в большие темные глаза девушки. Затем повернулся и зашагал назад, туда, где, покинутый всеми, одиноко стоял доктор. Блэкторн потряс его за плечи.

— Послушай, Тэллог. Ты получил полмиллиона за то, что продал меня. Сегодня же, сей же час, ты купишь себе лодку и покинешь планету. Вернувшись на Землю и продав корабль, ты станешь богатейшим человеком. Слышишь меня?

— Да,— уныло ответил Тэллог. Плечи его поникли, словно на него одели хомут.

— А теперь ступай,— сказал Пэдди.— И если в тебе осталась хоть капля любви к Земле, никогда не возвращайся в свой кабинет. Вообще держись подальше отсюда.

Доктор пробормотал что-то неразборчивое и вскоре превратился в едва различимое во мраке пятно. Он ушел.

Пэдди посмотрел ему вслед.

— Следовало, конечно, проделать в нем дыру, чтобы иметь больше уверенности в собственной безопасности.

— Не обращайтесь внимания, — сказала женщина. — Поспешим, вскоре перед нами уже засияет голубая планета.

— Отлично, — вздохнул Пэдди. — Хотя все идет не совсем так, как я планировал.

— Радуйтесь, что остались живы, — заметила его спутница. — А теперь вперед.

По погруженной в черноту ночи дороге они дошли до взлетного поля, осторожно пересекли взлетные полосы и подошли к кораблю, стоявшему в дальнем конце. Пэдди критически осмотрел лодку.

— Довольно тесно для двоих. Не слишком хорошо для вас, может повредить репутации порядочной девушки, — с иронией произнес он.

— Не беспокойтесь, Пэдди Блэкторн, — отрезала женщина. — Я могу постоять за себя.

— Еще бы, — пробормотал Блэкторн, — кому охота иметь дело с дикой кошкой. Ладно — пусть победит сильнейший.

Девушка открывала люк, когда на них упал луч фонарика и грубый мужской голос произнес:

— Минутку, минутку.

Пэдди втолкнул спутницу в кабину.

— Эй, там, выходите, или я буду стрелять, — уже настойчивее произнесла темная фигура.

Пэдди обернулся и направил пистолет доктора Тэллога на источник света. Раздался оглушительный выстрел. В свете оранжевых и бордовых языков пламени, вырвавшихся из ствола ионного пистолета, Блэкторн разглядел узкое лицо человека, который отдыхал у ангара, когда Пэдди только приземлился на эту планету. Лицо его исказилось от боли, неожиданности, ненависти и ослепляющей вспышки. Фонарь полыхнул красными искрами и потух. Темная фигура тяжело рухнула на землю.

— Скорее, — шепотом окликнула Блэкторна девушка. — Сейчас прибежит охрана.

Пэдди поспешил присоединиться к ней. Девушка загерметизировала люк, бросилась к креслу пилота, потянула рычаг зажигания на себя, и корабль взмыл в пепельное небо Спэдиса.

Глава пятая

Освещенная сиянием восьми солнц, поднявшихся на разном расстоянии от горизонта, лодка быстро удалялась от Спэдиса.

— Взгляните на взлетное поле, — сказала девушка, указав на телескоп.

— Вслед за нами стартуют несколько кораблей, — доложил Пэдди, посмотрев на оставшуюся далеко внизу землю.

— Шпионы, — девушка склонилась над штурвалом и, прокладывая путь среди столпотворения солнц, планет и их спутников, заставила аппарат нырнуть в черное море космоса, расстилавшееся за бортом. — Вперед!

Блэкторн от неожиданного рывка подался вперед:

— Ну и ну, опасная женщина! Послушайте, как бы нам не врезаться в астероид или спутник — их здесь бесчисленное множество.

Когда Воровской Притон остался далеко позади, Пэдди облегченно вздохнул. Еще секунду или две корабль летел на максимальной скорости, а затем девушка отключила двигатели. Переключатель щелкнул, и рычаг генератора возвратился в нейтральное положение. Галактика Спэдиса превратилась в одно сияющее пятно за кормой.

Девушка изменила курс и повторила маневр. От Воровского Притона осталась лишь яркая точка. Корабль снова нырнул под острым углом — и, вырвавшись в межзвездное пространство, оказался окруженным черной пустотой.

Тогда, покинув кресло пилота, девушка подошла к коммуникатору. Пэдди подозрительно следил за каждым ее движением.

— Что это вы собираетесь делать?

— Я пытаюсь связаться с Агентством — через кодированную космическую волну. — Она включила приемник, и оглушительный свист огласил кабину корабля. Затем девушка набрала пятизначный код. Приглушенный голос произнес:

— Агентство Земли... Агентство Земли...

— Фэй Бэйзил, 59206... Фэй Бэйзил, 59206... — отчетливо произнесла девушка в микрофон.

Прошла минута, и из приемника послышалось:

— Докладывайте, Фэй.

— У меня на борту Пэдди Блэкторн.

— Отличная работа, Фэй, — в голосе говорившего прозвучало неподдельное восхищение. — Где вы теперь?

— Приблизительно квадрат 3500 или 4000. Мне возвращаться?

— Ни в коем случае. Держитесь подальше. Галактика оцеплена, корабли полиции стоят почти нос к носу, обыскивая каждый корабль, попадающий в их поле зрения. Вам не пройти. Но послушайте, что вы можете сделать. Заставьте Блэкторна... — раздавшиеся шипение и свист, от которых у космонавтов свело зубы и затрепало в ушах, заглушили последнюю фразу.

— Выключите его, — не выдержал Пэдди, — он несёт какую-то чушь!

Фэй повернула выключатель. Воцарившаяся тишина принесла облегчение барабанным перепонкам.

— Помехи, — мрачно произнесла девушка. — Полиция работает на нашей частоте.

— Они могли слышать ваше сообщение? — Пэдди нахмурил брови.

Фэй отрицательно покачала головой:

— Вряд ли им удалось. Код меняется каждую неделю. Поэтому им проще было заглушить передачу.

— Нам лучше поскорей убраться отсюда, — сказал Пэдди. — Вполне вероятно, что они засекли нас.

Фэй включила двигатели и застыла с напряженным лицом и опущенными уголками рта.

«Серьезное существо, — подумал Пэдди. — Странно, „фэй“ на шотландском диалекте означает „обреченный“, впрочем, ей подходит».

— Все порты обыскиваются, — нахмурясь, произнесла девушка, — теперь нам закрыты все дороги.

— Если бы нам удалось незаметно ускользнуть с Эленор, они бы и по сей час не знали, где я, — пробормотал Пэдди.

— Если бы им в руки не попался доктор. Так или иначе, они не стали бы рисковать. — Фэй посмотрела на Блэкторна: в глазах ее светилась насмешка, а лицо казалось задумчивым. — А теперь разрешите взглянуть на формулу, доставившую мне столько неприятностей. Вероятно, мы сможем передать ее на Землю на кодированной частоте, или найдем маленький погибший мирок, где ее можно будет спрятать.

Пэдди рассмеялся:

— Юная леди — мисс Бэйзил, если не ошибаюсь, — у меня нет чертежей генератора.

Он потянулся.

— Сыны никому не доверяли. Даже их наследникам, новым Сынам, неизвестно, какого рода сведения попали мне в руки. Никому во всей Вселенной, кроме меня.

— Ну и что же это? — раздраженно спросила Фэй. — Или вы намерены меня мистифицировать?

— Вовсе нет, — мягко ответил Пэдди. — Я не из тех людей, которые любят создавать вокруг себя ореол таинственности. Одним словом, там ни слова не сказано о составных частях генератора. Мне достался ключ и пять пергаментных свитков с разного рода фразами.

Фэй с удивлением посмотрела на Блэкторна, и он вынужден был признать, что светившиеся умным блеском глаза девушки были необыкновенно красивы, а черты лица были скорее тонкими, словно точеными, нежели заостренными, как ему показалось вначале. В самом деле, подумал про себя Пэдди, ему приходилось встречать и менее привлекательных молодых особ. Хотя эта, на его вкус, была слишком бледной и серьезной — словом, бесполой.

— Вы позволите взглянуть на них? — вежливо попросила Фэй.

Пэдди решил, что хуже от этого не будет, и отступил браслет.

Девушка подняла на него изумленный взгляд:

— Вы носите формулу на запястье?

— А где еще? — резко проговорил Блэкторн. — Разве мог я предположить, что меня похитит и увезет невесть куда бесенок вроде вас?

Фэй извлекла из браслета ключ и полоски пергамента. Первый из манускриптов был написан по-феразийски.

Девушка внимательно изучала пергамент, и Пэдди заметил, как ее губы двигались, когда она проговаривала про себя феразийские слова.

— Только не говорите, что вам удалось разобрать эти языческие каракули.

— Конечно, удалось. Здесь написано: «28.3063 градуса на север, 190.9995 градуса на запад. Под Священным Знаком». — Девушка рассмеялась. — Похоже на охоту за сокровищами. И зачем только им понадобилась такая таинственность?

Пэдди пожал плечами.

— Надо полагать, на случай, если один из них был бы убит, — чтобы отыскать спрятанные чертежи.

— Мы не так уж далеко от Альфератса, — задумчиво произнесла Фэй.

При мысли о возвращении на Альфератс Пэдди невольно содрогнулся.

— Меня вздернут или четвертуют! Или упрячут в нервно-паралитический скафандр! Или...

— Мы можем назваться туристами с Земли, совершающими круиз по Лангтрийской Оси, — невозмутимо предложила Фэй. — Наш маршрут пролегает через Альфератс А, затем через Пегаса на Скит, потом Андромеда: Дилл, Альмак, Мирак. Тысячи людей предпринимают подобные поездки. Мы вполне сойдем за молодоженов, отправившихся в путешествие на медовый месяц. Им и в голову не придет подозревать жениха. Наиболее безопасного укрытия невозможно придумать.

— Я так не считаю, — энергично запротестовал Блэкторн. — Я бы предпочел вернуться на Землю и продать браслет любому, кто только пожелает его купить.

Девушка смирila его презрительным взглядом.

— Пэдди Блэкторн, хочу вам сообщить, что кораблем управляю я, и принимать решения тоже буду я.

— О! — протянул Блэкторн. — Не удивлюсь, если окажется, что вы никогда не были замужем. Да будет господь милостив к бедолаге, которому достанется такая ведьма. С таким характером ни один мужчина не возьмет вас в жены.

— Неужели? — усмехнулась Фэй. — Вы в этом уверены, Пэдди Блэкторн?

— Что касается меня, — ответил Блэкторн, — то кислый эль, вроде вас, мне по вкусу, я предпочитаю утолять жажду виски.

— Что ж, мы просто идеальная пара, — улыbnулась девушка. — А теперь на Альфератс А.

От Альфератса А к Альфератсу В, словно цепочка муравьев, протянулся караван космических лодок, груженых мотками волокна, листами прокатанного железа, кристаллическим лесом, снедью, фруктами, емкостями с пылью и нефтью, растительным жемчугом и тысячью других продуктов удивительной флоры планеты В, которые обменивались на сером, иссушенном ветрами Альфератсе А на сельскохозяйственное оборудование для тружеников тропических плантаций.

В рое космических кораблей лодка Пэдди и Фэй прошла незамеченной.

Они направили аппарат к освещенной части планеты.

— Вы бывали здесь прежде? — спросила Фэй у Блэкторна.

— Нет, меня еще ни разу не заносило так далеко на север. Что касается самой планеты, то я охотнее вернулся бы на Акхабатс. Впрочем, несмотря на почти совершенное отсутствие воды, — Пэдди указал на телескопическую проекцию на экране, — по крайней мере, она здесь голубая. Интересно, что представляет собой этот океан? Грязь?

— Это не вода, — ответила Фэй, — скорее, нечто вроде газа. Данное вещество имеет все характеристики газа, за исключением того, что оно не растворяется в воздухе, так как тяжелее кислорода. Оно обычно скапливается в низинах наподобие воды или тумана, вытесняя воздух.

— В самом деле? И оно ядовито?

Фей искоса взглянула на Блэкторна.

— Если человек попадет в подобную среду, то неизбежно задохнется из-за отсутствия кислорода.

— В таком случае, это отличное место, чтобы спрятать космический корабль. Когда-нибудь оно вполне может нам пригодиться.

— Нам лучше придерживаться первоначального плана — так мы будем привлекать меньше внимания.

— Но представьте, что полиция опознает Пэдди Блэкторна и его черноволосую возлюбленную — извините, но именно так вас и будут называть, чего, поверьте, мне вовсе не хочется. Так вот, представьте, что они нас опознают и сядут нам на хвост, и не считаете ли вы, что было бы неплохо нырнуть в океан и ускользнуть прямо из-под их длинных горбатых носов?

— Придется идти на компромисс, — со вздохом произнесла девушка. — Спрячем лодку так, чтобы при случае мы могли воспользоваться ею. Но давайте договоримся, что мы прибегнем к этой возможности, только если нам не удастся получить туристическую путевку на Бадау. Надеюсь, удача нас не покинет.

Блэкторн подошел к карте планеты.

— То, что мы ищем, находится на оконечности утеса, — Северный Капюшон, так он назван на карте, — находящегося на острове Колхорид.

— Ваши выводы неверны, — критически заметила Фэй. — Согласно моим расчетам, нам надо приземлиться прямо под скалой.

— Чего еще можно ожидать от женщины, — рассмеялся Пэдди. — Вы того и гляди посадите нас прямо в океан. Вот увидите, что я окажусь прав, — заверил он девушку. — То, что мы ищем, находится на краю утеса.

— У подножья, — Фэй покачала головой и, бросив взгляд на Пэдди, подняла брови. — Что-нибудь не так?

— От вашего властолюбия и нахальной самоуверенности у меня кровь закипает в жилах. Прошу заметить, что мы, Блэкторны Скибберина, гордый клан.

— Вряд ли ваши соплеменники об этом догадываются, — улыбнулась Фэй. — Я отдаю приказание только потому, что до сих пор действовала гораздо разумнее и эффективнее, чем вы.

— Ха! — приснул Блэкторн. — Вы так же самонадеянны, как тот шolieц тюремщик, — высокомерная шавка, похвалявшаяся умением извлекать кубические корни, — который, должно быть, до сих пор не избавился от полученного от меня в назидание фингала. И если вы, моя шалунья, не перестанете надоедать мне своими приказами, то тоже получите хорошую трепку.

Фэй приняла насмешливо-покорный вид:

— Слушаюсь, мой повелитель. Теперь вы босс. Беритесь за штурвал, и посмотрим, что у вас получится.

— Во всяком случае, предлагаю избегать при обсуждениях приказного тона. Мой план таков: мы опускаемся над газовым океаном и ищем берег; если нам удастся найти спокойную бухту недалеко от утеса, мы оставляем там корабль и отправляемся на разведку.

— Идет, — ответила Фэй, — а теперь не будем терять времени.

Поверхность океана представляла собой необычное зрелище. Желтый свет Альфератса лишь на глубину нескольких футов проникал в толщу грязно-желтой, словно дым горящей нефти, субстанции, клубившейся под кораблем как медленно закипающая вода. Время от времени под порывами ветра от тяжелого облака отрывался длинный желтый язык, медленно поднимался в воздух и снова опускался в бурлящую пучину.

Пэдди начал снижение и, почти достигнув поверхности океана, осторожно направил аппарат к лавандовой тверди острова Колхорид. Устремленный в небо палец Северного Капюшона неожиданно прорезал окутывавшую путешественников дымку, и резкие очертания утеса на краю скалы возникли на фоне желтого неба Альфератса.

Блэкторн изменил курс, и остроконечная вершина из нагромождений глыб порфира, пегматита и гранита стала быстро приближаться к ним. Тогда он отключил питание, и лодка плавно скользнула к берегу. Перед путешественниками открылось небольшое плато, ограниченное темно-серыми скалами и почти полностью скрытое бурлящим океаном бурого газа. Пэдди пришвартовал корабль у защищенной от ветров стены, и через пять минут, накрепко привязав аппарат к вы-

ступу в скале, он и Фэй уже стояли на открытом всем ветрам каменистом бесплодном клочке земли.

Пэдди подошел к краю плато и посмотрел вниз на расстилавшуюся под ним пелену тумана.

— Странное явление, — проговорил он. — Что ж, надо двигаться в путь.

Они медленно карабкались вверх по неприступной скале и, преодолев сто ярдов по осыпавшемуся у них под ногами гравию и ободрав кожу на ладонях и коленях, наконец выбрались на мощеную дорожку. Фэй потянула Блэкторна за рукав.

— Два феразийских Орла — там, в скалах. Надеюсь, они не видели, как мы приземлялись.

По дороге торжественно ковыляли антропоморфные существа семи футов ростом. Жесткая шкура обтягивала их острые кости и продолговатые черепа с выступающими хребтами носов, узкими красными глазами и длинными рыжими гривами. На спинах они несли рюкзаки, набитые красными желатиновыми шарами, похожими на рыбное заливное.

Пэдди с ненавистью во взгляде наблюдал за их приближением.

«Более необычайной расы природа не создавала. Они стремятся узнать о нас все. Эти планеты как кукушечье яйцо в гнезде синицы. Страшно подумать, что Земля вскормила их на своей груди».

— Доброе утро, дружественные Орлы, — елеиным голосом проговорил он поравнявшимся с путешественниками Орлам. — Каков сегодня урожай шаров?

— В целом неплохой, — феразийцы окинули взглядом горизонт. — Куда скрылась маленькая лодка?

— Лодка? Ах, да. Она пронеслась на огромной скорости и исчезла в западном направлении так быстро, что мы и глазом моргнуть не успели.

Орлы с пристальным вниманием изучали Пэдди и Фэй.

— А что, собственно, вы сами делаете на берегу?

— Ну... — начал Пэдди.

Фэй не дала ему договорить.

— Мы туристы и хотели бы подняться на вершину Северного Капюшона. Не подскажете нам наикратчайший путь?

— Следуйте по мощеной дороге, — Орел жестом указал направление, — и она выведет вас на Шоссе Заката. Вы земляне? — Произнеся последнюю фразу, он презрительно сплюнул в сторону.

— Да, мы земляне и добропорядочные граждане, такие же, как самые законопослушные из вас. — быстро проговорил Пэдди.

— Даже еще лучше, — мягко добавила Фэй.

— Что вы делаете на Альфератсе А?

— О, мы наслаждаемся вашими восхитительными пейзажами и прекрасными городами. На старушке Земле не встретишь такого великолепия. Одним словом, мы туристы и путешествуем по достопримечательностям Вселенной.

Орлы издали непонятный звук, похожий на рычание, и, не произнеся в ответ ни слова, удалились по тропинке, что-то невнятно обсуждая между собой.

Фэй и Пэдди украдкой наблюдали за ними и видели, как те остановились, махнули руками по направлению к горизонту и, указав друг другу на что-то среди скал, возобновили свой путь.

— Они были всего в нескольких ярдах от того места, где по вашему настоянию мы оставили лодку, — заметила Фэй. — Нам просто повезло, что они не полезли на скалу.

Пэдди всплеснул руками.

— Ну, этой женщине дай только случай поворчать! Жду — не дождусь того дня, когда ее костлявый зад навсегда исчезнет с моих глаз.

Фэй вскинула брови.

— Костлявый? Вовсе нет.

— Хм, — промычал Пэдди. — На цыпленке вроде вас не найдется и грамма жира.

— Для моего роста у меня все в норме, — возразила Фэй, — более того, раза два я с трудом протиснулась в какие-то особо узкие щели.

Пэдди соорудил гримасу:

— Должен признать, жизнь у вас, женщин-агентов, преотвратительная.

Девушка вскинула голову.

— Не такая уж отвратительная, как вам могло показаться. И как только вы прекратите насмехаться над

моей фигурой и читать мораль, мы вполне можем двинуться в путь.

Пэдди неуверенно кивнул головой, так как ему нечего было добавить. Повернувшись спиной к океану пенящегося газа, «туристы» направились вперед по дороге, указанной Орлами.

Миновав лужок и подойдя к кутящейся на скале деревушке, они увидели на центральной площади стелу, увенчанную чем-то вроде амулета из винтообразных лезвий, концентрические круги домов конической формы, длинные приподнятые площадки для феразийских танцев, несколько напоминающих испанскую павану. Около десятка Орлов в торжественных позах застыли у нераспакованной клетки с оборудованием. Они были похожи на причудливые гибриды человека и жука-палочника.

Проходя мимо неподвижной группы феразийцев, Фэй задумчиво проговорила:

— Это ли не чудо, Пэдди? Когда человек впервые опустился на эту планету, он все еще оставался человеком, но через два поколения высокие особи одержали верх в борьбе за существование, а через четыре поколения их черепа претерпели необратимые изменения. А теперь только взгляните на них. Невозможно представить себе, что, несмотря на свою внешность, они все-таки люди. Они могут заключать браки с обыкновенными людьми, и это же касается асмазийцев, канопийцев, шолийцев.

— Не забудьте про маевцев! — с энтузиазмом подхватил Блэкторн. — Ах, их женщины просто красавицы!

— ...а также лористанзийцев, криперцев, зеленосумов и прочих человекоподобных существ, получившихся в результате смешанных браков. Нельзя не удивляться, сколь велико влияние условий среды планет на облик населяющих их существ.

Пэдди презрительно фыркнул.

— Земля их породила, и через сотню лет они, как рабы, приползут обратно под власть своего сеньора.

— Нам не следует слишком зазнаваться, Пэдди, — рассмеялась девушка. — Когда-то точно такие же про-

цессы дивергенции и конвергенции разделили стада обезьян на горилл, шимпанзе, орангутангов и несколько подвидов прачеловека, предшествовавших кроманьонцу.

Теперь же эволюционный процесс разворачивается для нас в обратную сторону. Сегодня мы являемся исходным стадом, и все наблюдаемые нами мутации и изменения, вызванные различиями в условиях обитания, таких как свет, пища, атмосфера, гравитация, могут в будущем произвести расу гораздо более совершенную, чем человеческая, точно так же, как некогда человек превзошел своих предков-обезьян.

— И чтобы я в это поверил! — снова не удержался Пэдди.

— Все достаточно очевидно, — серьезно возразила Фэй. — Например, шолийцы с легкостью проделывают сложнейшие математические операции в уме, и в борьбе за выживание, основывающееся на способностях к аналитическому мышлению, они непременно одержат верх. Лористанзийцы гораздо сильнее нас физически. К тому же они наделены телепатическими способностями, и их чуткость в межличностных отношениях является непревзойденной. Во всей вселенной они обладают лучшими деловыми качествами и просто не оценены там, где требуется сплоченность коллектива.

Или, например, Орлы, — их жажда к знаниям ненасытна, а упорство в достижении целей настолько укоренилось в их природе, что в их языке даже нет слова для обозначения этого свойства. Это сторона их природа сильнее даже, чем жажда жизни в людях.

В то время как человек отмахнется от проблемы, считая ее неразрешимой, Орел будет работать, пока не достигнет реализации избранной цели. В мозгу асмазийцев есть особый шишковидный придаток, отвечающий за ощущения радости. И хотя это не прибавляет им шансов в борьбе за выживание, зато как они наслаждаются жизнью! Иногда я очень жалею, что я не асмазиец.

— Все это я учил в средней школе, — презрительно проговорил Пэдди. — Котонцы не знают себе равных в шахматах, и нет солдат отважнее, чем жители Котона.

Однако мне они кажутся настоящими дьяволами, получающими удовольствие от мучений других. Затем идут канописцы, живущие скученно, словно пчелы в улье. Ну и что из этого следует?. Ни одно из существ, населяющих Вселенную, кроме человека, не обладает всеми этими качествами сразу.

— Нам так кажется, потому что мы принимаем себя за точку отсчета, в то время как представители других рас в не меньшей степени склонны удивляться тем или иным нашим особенностям,— серьезно сказала Фэй.

— Лучше бы старина Сэм Лангтрий задохнулся в своей колыбели,— не унимался Блэкторн.— А теперь вы только посмотрите на это смешение людей всех пород. Раньше все было значительно проще.

Девушка наклонила голову и рассмеялась.

— Чему вы удивляетесь, Пэдди? Человеческая история на всем своем протяжении представляла собой ряд, а точнее, циклическую последовательность мутационных процессов, когда смешение выживших родов сменялось восстановлением единообразия. В настоящий момент мы переживаем пик дивергенции.

— Да победит сильнейший,— сурово заключил Пэдди.

— В таком случае,— заметила девушка,— у нас нет никаких шансов на выживание.

— Завладев генератором, они связали нас по рукам и ногам,— отчаянно жестикулируя, дал волю своему возмущению Блэкторн.— Это все равно, что ослепить человека, прежде чем он вступит в бой. Если бы только у нас был генератор, мы легко могли бы поставить их на колени и заставить просить о пощаде. Неплохую шутку сыграла с нами судьба! Ведь именно землянин был изобретателем генератора и подарил им жизни.

— Воля случая, не более,— ответила Фэй, подтолкнув ногой камешек.— Лангтрий всего-навсего стремился увеличить ускорение мезонов в вольфрамовом цилиндре.

— Вот кто виноват во всех наших бедах! — негодовал беглый преступник.— Окажись этот негодяй здесь, я бы ему выложил все, что я о нем думаю.

— И я бы присоединилась, главным образом, из-за того, что он доверил секрет генератора своим пяти Сыно-

вьям, вместо того, чтобы отдать технологии в руки Земного Парламента.

— Да уж, будь моя воля, я бы перевешал этих алчных боровов. Собственной планеты им было мало!

— Жажда власти, — Фэй сделала неопределенный жест. — Имперские инстинкты. Или просто дурные гены. Неважно, как вы это назовете. Покинув Землю, чтобы покорить звездное пространство, они обосновались на Лангтрийской Оси и наладили выпуск генераторов для экспорта в старый мир. Не удивительно, что после их смерти чертежи достались их наследникам. Думаю, Сэм Лангтрий был бы удивлен не менее остальных, узнай он, чем все в конечном счете закончилось.

— Знаете, что бы я с ним сделал, окажись он здесь?

— Знаю — вы мне уже говорили. Вы бы поделились с ним своим взглядом на проблему.

— Эй, вы опять издеваетесь надо мной. Но нет, я вовсе не стал бы тратить попусту красноречие, — я бы заставил его стеречь наш корабль, и если бы хоть один Орел коснулся полировки, я бы стер старину Сэма в порошок.

Фэй подняла голову и осмотрела возвышавшийся перед путешественниками утес.

— Вы бы лучше поберегли силы: нам предстоит не легкий подъем.

Глава шестая

Петляя, дорога медленно поднималась на Северный Пик. Глубоко внизу, по правую руку от путешественников, насколько мог видеть глаз, простирался океан мутного газа. Позади них на берегу, под желтыми лучами феразийского солнца, сияли металлические идола, воздвигнутых на деревенских площадях. Слева к угрожающе нависшему над людьми утесу прижался город Сагз, построенный по тому же генеральному плану, что и деревни: посреди поселения возвышалась каменная стена, окруженная расходящимися кругами строений.

— Смотрите, — Фэй схватила Пэдди за руку. — Может быть, в конце концов вы были правы...

На самой оконечности утеса была видна взмывающая в небо тонкая стальная конструкция, увенчанная изображением феразийского идола.

— Эти изображения увековечивают память о каком-нибудь человеке или событии. А нам сейчас предстоит найти священный знак.

У обрыва под статуей стояла группа Орлов в одинаковых темно-коричневых одеждах, скрывавших их сухопарые тела от шеи до колен, и одинаковых сандалий. Гривы мужчин были окрашены в красный или оранжевый, у женщин — в зеленый и синий цвета.

— Туристы, — шепнула Фэй. — Нам придется подождать, пока они уйдут.

— Разумеется.

Последующие двадцать минут прошли в мучительном ожидании. Фэй и Пэдди не отрывали глаз от окружавшего их пустынного пейзажа и группы Орлов.

Неожиданно рядом с ними раздался голос. Один из Орлов незаметно отделился от группы и подошел к землянам. У Блэкторна перехватило дыхание. На груди Орла красовался медальон члена Феразийского правительства.

— Туристы? — спросил он.

— О, мы наслаждаемся каждым мгновением пребывания на вашей благословенной земле, — с готовностью заговорила Фэй. — Восхитительные пейзажи! А город так прекрасен...

Орел удовлетворенно кивнул.

— Вы правы. Это одно из красивейших мест нашей страны. Даже его превосходительство Сын Лангтрии снисходит до нас и время от времени приезжает подышать северным воздухом.

Фэй значительно посмотрела на Пэдди. Блэкорн удивленно поднял брови. Очевидно, Вселенная еще не знала о гибели Сынов.

— А если доберетесь до Сагза, обязательно отправьтесь на экскурсию в океанические глубины. Клубы газа создают поразительные по красоте эффекты. Вы давно на планете?

— Нет, не очень, но уже потеряли счет времени, — вежливо сказала Фэй. — Мы недавно поженились и ре-

шили обязательно посетить Альфератс А во время свадебного путешествия.

Орел понимающе кивнул:

— Умно, очень умно. У нашего мира есть чему поучиться.

И он отошел, чтобы присоединиться к группе своих соплеменников.

— Проклятые шпики, — Пэдди плюнул с досады. — С ними никогда не знаешь, где кончается их любопытство и начинается служение родине.

— Ш-ш, — одернула его девушка, — они уходят.

Спустя несколько минут площадка на вершине скалы опустела, и один лишь ветер нарушал спокойствие дремавшего над океаном утеса.

— Так, — сказала Фэй. — Священный знак — где бы он мог быть? И даже если мы найдем его, как мы догадаемся, что он священный?

Блэкторн вскочил на постамент и обвел оценивающим взглядом оранжевые, синие и красные лопасти сооружения.

— Должно быть, это что-то вроде повелителя ветров.

Он с обезьяньей ловкостью начал карабкаться на стелу, пока не оказался под крутящимися лезвиями, и сбросил на землю узел из перьев, металла и нитей.

— Сумасшедший! — отчаянно закричала девушка. — Они могут увидеть вас снизу.

— Если бы я мог, то обязательно сделал бы это.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, — пробормотал Пэдди.

— Ради бога, спускайтесь вниз. Правоохранительный отряд будет здесь с минуты на минуту.

Нарушители общественного порядка поспешно спустились с холма. Не успели они отойти и на сто ярдов, как Фэй остановилась, настороженно прислушиваясь.

— Слышите?

Назойливое жужжание, сначала едва различимое, становилось все отчетливей. У подножия утеса на дорогу вывернули два мотоцикла и загрохотали по мощной мостовой. Рычание моторов нарастало. Затем раздался визг шин, и все смолкло. Через минуту из-за

поворота показались два Орла в униформе и с медальонами на шеях. Заметив застывшую в замешательстве пару, стражи правопорядка свирепо зарычали.

Один из Орлов приблизился к землянам.

— Кто нанес повреждения обелиску? Виновный будет сурово наказан.

— Мы здесь ни при чем, — тревожным голосом проговорила Фэй. — Должно быть, это дело рук компании кottonцев. По-моему, они спустились по другому склону.

— Там нет спуска.

— У них были воздушные скейты, — наугад вставил Пэдди.

— Эти негодяи были пьяны, — добавила Фэй.

Офицер скептически осмотрел путешественников. Блэкторн вздохнул и от волнения хрустнул пальцами за спиной. Он размышлял о феразийских тюрьмах. Интересно, думал землянин, камеры здесь более комфортабельные, чем в старой каменной крепости на Акхабатсе?

Старший из офицеров обратился к подчиненному:

— Я дойду до вершины. Вы будете ждать меня здесь. И если я ничего не обнаружу, признаем их виновными.

С этими словами он повернул ручку мотоцикла и исчез на вершине холма.

— Похоже, мы влипли, Пэдди, — проговорила девушка на земном наречии. — Попытаюсь отвлечь его внимание. Нам нужен мотоцикл.

— Рискованное предприятие, — Пэдди изумленно посмотрел на напарницу.

— Да, но это наш единственный шанс. Нам нужно уносить ноги. Иначе нас арестуют, упрячут за решетку, снимут психограммы...

— Все ясно, — поморщился Блэкторн.

Фэй уверенно приблизилась к мотоциклу. Орел угрожающе раздул щеки и втянул узкую голову в плечи.

— Врежь ему, Пэдди, — отчаянно закричала девушка, от волнения переходя на ты.

Офицер повернул шею как раз вовремя, чтобы получить затрещину. Взмахнув в воздухе длинными костлявыми руками, Орел упал на спину и распластался на мостовой.

— Ну вот,— с сожалением проговорил Пэдди,— я столько лет ждал этого момента, и все так быстро закончилось.

— Хватит болтать. Бери мотоцикл — надо уносить ноги,— Фэй с трудом перевела дыхание.

— Я не умею управлять этой штуковиной,— ворчливо сообщил он.

— Управлять! Мы спустимся по склону не включая мотора! Вперед!

Блэкторн перекинул ногу через узкое сиденье, девушка легко вскочила на подножку и села позади. Пэдди развернул мотоцикл и в поисках тормоза покрутил рычаги. Мотоцикл накренился и покатил под откос.

— Ух! — прокричала Фэй в самое ухо Пэдди.— Совсем как на американских горках в Санта-Крузе!

Блэкторн не мигая смотрел на дорогу, бегущую к подножию холма. От ветра на глазах у него выступили слезы.

— Я не знаю, как его остановить,— завопил он.— Забыл, где тормоз!

Порывы ветра не давали ему говорить. Он отчаянно жал на попадавшиеся под руку кнопки, рычаги, поворачивал ручки, пока случайно не надавил ногой на какую-то педаль, что наконец произвело ожидаемый эффект.

— Поворачивай налево! — пыталась перекрычать свист ветра Фэй.— Эта дорога идет в город.

Пэдди подался вперед и с оглушительным свистом подрезав путь группе пешеходов, услышал посыпавшиеся ему вслед ругательства. Но в этот самый момент, к ужасу Блэкторна, педаль тормоза отказала.

— Снижай скорость, Пэдди! — девушка в страхе вцепилась в плечо Блэкторна.— Ради всего святого, тормози, ты самоубийца...

— Да я и рад бы,— процедил он сквозь зубы, надеясь, что она слышит его.— Остановиться — мое самое заветное желание.

— Переключи передачу! — прижавшись к спине Пэдди, Фэй протянула руку и указала на рычаг. Блэкторн передвинул переключатель на один паз к себе. Раздался визг шин, и мотоцикл остановился так внезапно, что пассажиры чуть не вылетели на дорогу. Пэдди резко

выставил в сторону ногу, чтобы придержать готовую упасть машину.

— Скорее, — торопила Фэй. — По этой тропинке, направо за выступом скалы наша лодка.

Ррррр! Оглушительный рокот мотора, раздавшийся на дороге, заставил беглецов вздрогнуть.

— А вот и еще один, — проговорил Пэдди. — Хищный ягуар.

— Бежим. Нам надо добраться до корабля, и как можно скорее.

Рррррррррррр!

— Слишком поздно — он пристрелит нас, когда мы будем бежать к лодке. Иди за мной. Сюда.

Пэдди схватил Фэй за руку и бросился к скале у края шоссе.

Шум мотора стремительно нарастал и вдруг неожиданно оборвался: Орел хотел незаметно приблизиться к преступникам и, выключив зажигание, медленно проехал мимо валуна.

— Эй! — гаркнул Пэдди, выпрыгивая из засады. Блэкторн со всей силы толкнул руль, мотоцикл вылетел с дороги и, подпрыгивая на ухабах, низвергнулся с края высокого обрыва. Из горла Орла вырвался хриплый писк. В последние секунды земляне увидели, как феразиец отчаянно пытался обвести машину мимо валунов и рытвин. Грива его встала дыбом, руки судорожно вцепились в руль, ноги беспомощно болтались в воздухе.

Раздался взрыв, и через мгновение все погрузилось в безмолвие.

Пэдди удрученно вздохнул.

— Ты оказался слишком самонадеян, — заметила Фэй. — Даже слушать не захотел, когда я говорила, что тайник находится у подножия, а не на вершине.

Однако Пэдди явно не был расположен отказываться от своего мнения.

— Быть этого не может! Кроме того, как и гласил пергамент, там был священный знак.

— Ерунда! Впрочем, сам увидишь.

Лодка стояла на прежнем месте в целости и сохранности. Блэкторн и Фэй прокрались в кабину, задраили люк; девушка заняла место пилота.

— Следи, чтобы за нами не было погони.

Корабль поднялся в воздух, соскользнул с плато и скрылся в волнах газа, сквозь иллюминаторы наполнявшего кабину желтоватым свечением.

— Взвешенные частицы пыли придают газу такой цвет, — небрежно бросила она. — Газ настолько плотный, что вытесняет мельчайшие частицы; они занимают соответствующий их массе слой и никогда не опускаются на землю. Чем глубже, тем океан становится прозрачнее, — по крайней мере, мне так говорили.

— Известно, что это за газ? — поинтересовался Пэдди.

— Неоновый криптофит.

— Странное сочетание.

— Станный газ, — колко ответила девушка и направила лодку в глубины неизведанной стихии.

Миновав пронизанный солнечными лучами слой взвеси, путешественники обнаружили за стеклом иллюминаторов фантастический пейзаж. Никто из них не видел до сих пор ничего подобного, более того, даже самые причудливые фантазии не могли сравниться с картиной, представшей перед их взором.

Желтый свет феразийского солнца приобретал на глубине коричневатый отлив старого золота и превращал подводный пейзаж в скрытую туманным занавесом сказочную страну. Прямо под кораблем расстилась широкая долина, изрезанная холмами и теснинами с терявшимися в золотой дымке очертаниями. Слева темнел массивный силуэт утеса, вершина которого возвышалась над поверхностью океана. Фэй обогнула Колхоридский остров, глубоко вдававшийся в океан, и остановилась.

— Это и есть Северный Капюшон. Тайник, должно быть, находится на небольшом плато.

— Да, — подавленным голосом признал Пэдди, — место действительно выглядит священным. Похоже, что сейчас ты все-таки оказалась права.

— Посмотри, как будто похоже на солнечные часы? Это то, что мы ищем.

— А как мы туда доберемся? — с сомнением проговорил Блэкторн.

— А твой космический скафандр на что? — раздраженно ответила Фэй. — И поторопись! Полиция уже бросилась по нашему следу.

Пэдди с мрачным видом вышел наружу и побрел по плато. Омытый сверхъестественным золотым свечением, он приблизился к пьедесталу, на котором сияла пентаграмма, выложенная золотыми и алыми плитами.

Блэкторн попробовал приподнять плиту, но камень не поддавался. Тогда он толкнул каменную глыбу от себя. Плита задрожала и подалась вглубь. Пэдди налег плечом на пятиугольный щит. Плита упала, открыв небольшое углубление в скале. Внутри на свинцовой подставке покоился медный цилиндр.

Путешественники подлетели к Бадау, — богатой растительностью зелено-голубой планете с толстым слоем атмосферы.

Пэдди довольно чувствительно ущипнул Фэй за коленку и провел рукой по ее бедру. Девушка подскочила от неожиданности и негодуя посмотрела на Блэкторна.

— Спокойно, я просто хотел проверить, достаточно ли ты крепкая для перехода по планете, — объяснил он. — Ты ведь будешь там страшно тяжелой.

Фэй разочарованно рассмеялась.

— Мне на мгновение показалось, что это скибберийский способ выражать любовь.

Пэдди поморщился.

— Ты не в моем вкусе, я уже говорил. Другое дело маевские девушки, у которых есть все, что полагается. А у тебя, как обнаружилось, едва хватает мяса, чтобы снабжать кости кислородом. Ты такая бледная и угловатая. Нет, может, для кого-нибудь ты и сгодишься, но не для Пэдди Блэкторна.

Взглянув на Блэкторна и увидев, что тот улыбается, Фэй рассмеялась в ответ, а он продолжил:

— Честно говоря, иногда, когда у тебя в глазах появляется этот бесовский блеск, или когда ты открываешь в улыбке свои зубки, ты становишься почти симпатичной. Этакая маленькая плутовка.

— Большое спасибо. Достаточно лести. Куда мы направляемся?

— Место называется Камбороджийский Наконечник.

Пэдди склонился над картой.

— Здесь нет никаких дополнительных сведений. Звучит как название постоянного двора или отеля или еще чего-нибудь в таком же духе. Когда приземлимся, нам будет проще выяснить, что это. Тебе будет чертовски тяжело, гравитация здесь жесткая, как камень.

— Гравитации беспокоит меня менее всего, — ответила Фэй. — Я больше волнуюсь, имеет ли уже бадайская полиция наши фотороботы.

Пэдди прикусил губу.

— Несмотря на гравитацию, Бадау популярное место среди туристов-землян. Хотя зачем они сюда приезжают, я отказываюсь понимать. Кроме оскорблений, презрения и высокомерия от этих заносчивых скряг ничего не дождешься.

— Планета необыкновенно красива, — мечтательно проговорила Фэй. — Миллионы крохотных озер, петляющие долины выглядят так мирно и дружелюбно.

— Здесь нет гор: вода размывает их раньше, чем они успевают образоваться.

— А это что? — спросила Фэй, указав на гигантский хребет отвесных скал.

— А, это просто крупный пласт породы, вышедший на поверхность в результате сдвига литосферных плит. Гравитация вызывает движения в коре планеты и образует на ее поверхности утесы. Бадайцы перегородили все водопады дамбами и пользуются исключительно гидроэнергией. Кроме того, благодаря запрудам, вода не размывает почву.

— Земля, почва... — сказала Фэй. — Первый Сын Лангтрии был просто ненасытен до земли. Бадау все еще целиком принадлежит лангтрийскому клану. Здесь царят законы феодализма, по крайней мере, так гласят справочники. Лангтрии владеют обширнейшими участками земли, которые они сдают внаем своим менее высокородным вассалам, а те, в свою очередь, передают земли во владение нижестоящим; в результате вся эта пи-

рамида живет трудами мелких фермеров, обрабатывающих свои крохотные участки.

— Надо сказать, здесь выращиваются удивительные растения, Фэй. Вкуснейшие фрукты и овощи, завезенные с Земли, — ведь собственная их растительность суший яд. Растения изменились так же сильно, как и люди, с тех пор как они поселились на Бадау. Я бывал здесь раньше и знаю страну. Порой, видя на ветвях плоды размером с тыкву, сложно поверить, что это всего-навсего апельсины.

У пшеницы, выращиваемой на планете, колосья больше человеческой ступни. Они клонятся к земле под собственной тяжестью. А листья огромные? как у водяных лилий. Виноград здесь такой большой, а кожура у ягод такая тонкая, что, когда отрываешь плод с черенка, из него выливается галлон вина. Все это — чистая правда, не будь я Патрик Делори Блэкторн. Бадайцы — прекрасные ботаники и садовники.

Фэй внимательно изучала карту для туристов.

— Крупнейший из городов, указанных на карте, Слитволд. Ворота экспорта и импорта, как здесь сказано. Можем приземлиться там и, скажем, перекрасить корабль в какой-нибудь милый темно-зеленый цвет, а то металлический блеск слишком бросается в глаза.

Пэдди посмотрел вниз в открытое сияющее лицо планеты.

— Космические лодки здесь так и кишат, так что один крохотный кораблик никто и не заметит.

— Они могут счесть странным, что у землян есть собственная лодка. Не многие могут себе это позволить. В основном все приезжают общественным транспортом.

Пэдди задумчиво потер подбородок.

— Если приземлиться в сумерки на запасном слитйском поле, — там никогда не проверяют новоприбывших, — мы беспрепятственно доберемся до Слитволда.

— Над городом сейчас как раз сгущаются сумерки, — сказала девушка. — Надо торопиться, пока полиция не выслала за нами военное судно.

Запасные взлетные полосы лежали за пакгаузами и складскими помещениями, выстроившимися вдоль ос-

нового поля, и представляли собой широкое необработанное пространство, используемое владельцами частных лодок и мелкими торговцами. Здесь не было ни координирующей башни, ни прожекторного луча, так что когда Пэдди и Фэй прорвали завесу теплых сумерек, никто даже не взглянул на их корабль.

Пэдди сделал несколько шагов и остановился, чтобы посмотреть на Фэй: медленно, словно неся на себе тяжелый рюкзак, девушка приблизилась к нему. Блэкторн усмехнулся.

— Кровать вам покажется как никогда более желанной, юная леди. Твои коленки перестанут тебя слушаться, как обильно смазанные шарниры, а ноги будут болеть так, словно по ним прошелся гиппопотам. Но через пару дней ты привыкнешь. А если проживешь здесь несколько лет, твоя шея распухнет, твои дети родятся низкорослыми и коренастыми, а внуки будут такими же грубыми и уродливыми, как самые что ни на есть коренные бадайцы.

— Не будут, — отозвалась Фэй, — если мне удастся заполучить им такого отца, как я намереваюсь.

Она обвела взглядом светящееся сине-зеленое небо.

— В какой стороне город, гид?

Пэдди махнул рукой по направлению к роще невысоких низкорослых деревьев на краю поля.

— Если мне не изменяет память, в городе должно быть метро. На метро мы доберемся прямо до центра.

Струдом переставляя ноги, путешественники преодолели скат, ведущий к металлическим дверям. Пэдди дважды толкнул дверь. Прошло несколько секунд, прежде чем она отворилась и земляне смогли войти в небольшую кабинку с двумя креслами.

Двери закрылись, и люди явственно ощутили огромную скорость, с которой двигался поезд. Мгновение спустя двери открылись, и городской шум ворвался в вагон.

Фэй посмотрела на Пэдди:

— Бесплатный проезд? Никто не собирается брать с нас деньги?

— Расходы по содержанию и эксплуатации всех общественных объектов взяла на себя семья Лангтриев.

Они так богаты, что не нуждаются в мизерных доходах, которые им могла бы принести плата за проезд. *Положение обязывает.* Мы находимся в пределах крупнейшего частного владения во Вселенной.

Путешественники вышли на широкую улицу, вдоль которой выстроился ряд массивных зданий со стеклянными витринами на первом этаже. Фэй прочитала вывеску на портике длинной аркады.

— «Слитволдский постоялый двор» — звучит неплохо. Может, примем ванну и поедем свежей пищи?

— Ха! — усмехнулся Пэдди. — Прелести комфорта не для таких? как мы, юная леди. Мы земляне. Нам и порога переступить не дадут.

Фэй недоверчиво посмотрела на напарника:

— Не хочешь ли ты сказать, что нас не будут обслуживать только потому, что мы...

— Именно, — кивнул Блэкторн. — На Бадау землянин должен знать свое место.

— Я слишком устала, чтобы спорить, — Фэй отошла от дверей отеля. — Пойдем поищем отель для землян.

Глава седьмая

Камбороджийский Наконечник? Чиновник-бадаец с кислым выражением лица объяснил, что это курорт на берегу озера Йат. На робкие попытки Фэй узнать более подробно о местечке он ответил кривой усмешкой.

— Земляне в Камбороджии? Только если в качестве провианта. Вы должны понимать, что бадайцы приезжают туда отдыхать. Сам Сын любит бывать на живописных берегах Йата. Это тихий аристократический курорт.

— Что ж, тогда нам, жалким землянам, действительно лучше держаться подальше, — кивнул головой Пэдди.

— Значит, земляне никогда не допускаются на озеро? — удрученно спросила Фэй.

— Только артисты и обслуживающий персонал. Райвильские Канатоходцы, акробатическое трио, только что вернулись с очередных гастролей в Камбород-

жии и необыкновенно довольны оказанным им приемом.

— Хм, — задумчиво произнес Пэдди. — Как обычно заключаются контракты на подобные выступления?

— О, через Бюро развлечений, надо полагать, — ответил клерк и вновь вернулся к своим делам.

Блэкторн повернулся к Фэй:

— Ну что, юная леди, вы умеете петь, танцевать, разыгрывать театральные представления, глотать факелы и кувыркаться?

— С такой гравитацией акробата из меня не выйдет. Но думаю, я смогла бы разыграть что-нибудь или декламировать Дунга Дина.

— Я неплохо показываю карточные фокусы, — объявил Пэдди. — И мне, пожалуй, удастся продемонстрировать зрителям несколько блестящих мистификаций, особенно если они, следуя своей неизменной привычке, глотнут лишнего. Одним словом, мы будем лучшим номером, когда-либо шедшим на камбороджийской сцене. Нас как минимум представят к награде.

Камбороджийский Наконечник представлял собой массивное пятиэтажное сооружение длиной четверть мили, украшенное прихотливым растительным орнаментом в готическом стиле. Галерея колонн розового и светло-зеленого мрамора поддерживала тяжелый фронтон голубого камня.

Быстрые — из-за жесткого гравитационного поля — течения озера Йат, блескующего под лучами яркого солнца, огибали дворец и тщательно распланированные парки живописного полуострова, с которого открывался вид на простиравшуюся на другой стороне водоема долину и раскинувшийся от горизонта до горизонта скалистый хребет не менее мили высотой.

В отеле царил атмосфера достатка и благополучия. Солнце играло на стеклянных и металлических панелях грандиозного сооружения. Диваны в холле были обиты настоящим шелком. По глади озера под маленькими квадратными парусами скользили миниатюрные лодки в виде раковин.

Пэдди и Фэй скромно постучались в боковую дверь и, подойдя к стойке регистратора, изложили цель своего визита усталому асмазийцу-портье, который проводил их в ярко освещенный кабинет главного стюарда.

Начальник был невысок ростом и тучен даже для своей расы бадайцев с раздутыми, как у индюка, щеками, двойным подбородком и глубоко посаженными хитрыми глазами.

— Нас к вам направил джентльмен из Бюро развлечений, — объяснил Блэкторн. — Мы — Умопомрачительные Весельчаки Блэк и Блэк.

Стюард осмотрел землян с головы до ног? задержал взгляд на фигуре Фэй: как и большинство представителей инопланетных рас, он находил землянок весьма привлекательными.

— Вам в Бюро не давали рекомендации ко мне?

— Да, но, к сожалению, мы ее потеряли, — нашелся Пэдди. — Ветер вырвал ее у меня из рук и унес в мгновение ока. В Бюро мы всем очень понравились, и нас попросили передать вам привет.

— Что вы умеете делать?

— Я фокусник и обладаю даром телекинеза. Предметы передвигаются по моему приказанию, я умею превращать воду в фиолетовый пар или лягушачье болото, которые затем исчезают во вспышке молнии. Но в чем мне действительно нет равных, так это в карточных фокусах. Я заставляю туз пик выпрыгивать из колоды и кланяться зрителям в пояс. Короли и дамы у меня умеют смеяться и порой не могут перестать хихикать по целым месяцам.

Ну и, конечно, моя жена — самое гениальное существо во Вселенной. Она неподражаема. Зрители застынут от изумления, и вам придется палками выводить их из оцепенения, после чего они непременно поблагодарят вас за доставленное удовольствие.

— Звучит заманчиво, — стюард задумчиво прищурил глаза. — Даю вам шанс доказать, что вы действительно так хороши, как расписываете, и, может, даже рассчитаю нынешнюю анимационную команду — я недоволен их работой.

— Отлично, — воскликнул Блэкторн. — Шанс — это все, что нам надо. Значит, мы можем уже сегодня переночевать в отеле?

— Да, сюда, пожалуйста. Я покажу вам бараки для персонала. Извините, мне придется поселить вас отдельно.

— О, нет! — запротестовал Пэдди.

— Мне очень жаль, но таковы наши правила.

Бадаец проводил Блэкторна в длинный зал. Вдоль одной из стен тянулся ряд емкостей, наполненных синтетической пеной и служивших постелями многочисленному персоналу, обслуживающему отель; вдоль противоположной стены располагались небольшие помещения с санузлами. Стюард показал Пэдди его секцию:

— Через полчаса вам привезут ужин. Когда подойдет время вашего выхода, приблизительно в четырнадцатом отделении программы, вас позовут. Свободное время вы вольны употребить по вашему усмотрению на отдых или на подготовку к выступлению. Репетиционный зал за той дверью. Пожалуйста, соблюдайте тишину. Никаких драк, алкоголя или наркотиков. Землянам ни под каким предлогом не разрешается появляться на территории парка.

— Справедливо, — пробормотал Пэдди. — Надеюсь, мне можно воспользоваться ванной?

— Что? Что вы сказали?

— Я спросил про мою жену, — мягко ответил Пэдди. — Когда я смогу ее увидеть?

— Рекреационный зал откроется завтра. Не волнуйтесь, с ней все будет в порядке.

С этими словами стюард, похожий на холщовый мешок, набитый торфом и стянутый украшенной богатой вышивкой ливреей, удалился.

Пэдди обвел взглядом барак. На некоторый койках он заметил принадлежавших к низшим кастам шолийцев, асмазийцев, канолийцев, длинноногих гепетанфидов из Нью-Хелласа и нескольких землян.

На соседней койке лежал лабирит с Денеб Тена — маленький пятнистый антропоид с руками, болтавшимися как два провода и заканчивавшимися крупными,

безжизненно повисшими ладонями — и не отрывал от Пэдди глаз, затянутых бельмами, от чего казалось, что он слеп.

— Чем вы занимаетесь, землянин? — спросил лабирит на бадайском языке.

— Я фокусник, — холодно ответил Блэкторн.

— Хороший, надо полагать?

— Самый лучший. Такую ерунду, как глотание факелов, я оставляю дилетантам... — Пэдди снизил голос до шепота.

— Советую быть очень осторожным, — заметил его собеседник. — Прошлым или позапрошлым вечером публика раскусила фокус одного из артистов и закидала его объедками.

— Что, они такие привередливые? — Пэдди удивленно поднял брови.

— Да, и весьма, — ответил лабирит. — Не забывайте, здесь собираются сливки бадайского общества, в основном клан лангтриев и один-два высокопоставленных лорда. У них сейчас съезд, и они как никогда требовательны, нетерпимы и жестоки. Если кому-нибудь из них придет в голову заколоть вас кинжалом, он, не задумываясь, сделает это.

— Ну и ну! — пробормотал Блэкторн, — а я тут со своими детскими фокусами, — и громко произнес: — Не знаете, где находится десятый номер?

Лабирит закатил похожие на чернослив глаза:

— Нет, не знаю. Но любой носильщик вам подскажет. Если вы замышляете ограбление, будьте осторожны и не попадитесь.

— Что вы, никакого ограбления, — ответил Пэдди. — В десятом номере остановился мой старый друг.

Инопланетянин изумленно уставился на человека:

— Бадайский лангтрий водит дружбу с землянином? Должно быть, вашей дружбе предшествовали исключительные обстоятельства. Вы спасли ему жизнь?

Пэдди что-то рассеянно ответил и откинулся на постель: ему необходимо было серьезно поразмыслить. Надо как можно скорее проникнуть в десятый номер — после выступления такая возможность вряд ли представится. Он вообразил, как ему придется увертывать

ся от летящих в него объедков и как его с позором и руганью выставляют из отеля.

Пэдди поднялся с постели и вышел в коридор с каменными, как в темнице, стенами, скудно освещенный люминесцентной лампой, проходящей под самым потолком. Подойдя к арке, он выглянул наружу и увидел кипы какой-то одежды, стойку с окошком и сидящего за ней служащего-канопийца.

Блэкторн приблизился к нему и, стараясь придать себе развязный вид, обратился к канопийцу:

— Я новый носильщик. Главный стюард сказал, что здесь я смогу получить униформу.

Канопиец тяжело запыхтел, поднялся на ноги, полез в шкаф и выложил на стойку белую фуражку, затем открыл комод и извлек оттуда белые перчатки и респиратор.

— Нашим клиентам не нравится дыхание обслуживающего персонала, землянин. Поэтому всегда носите респиратор. Ваше кепи, сандалии, униформа. Желаю удачи, и будьте порасторопнее.

— Буду стараться. Очень вам благодарен. Скажите, пожалуйста, где находится номер десять?

— Номер десять? Стюард с первого дня направил вас в десятый номер? Странно. Это личная библиотека Сына — своего рода привилегированное место. Выйдете в эту дверь, повернете направо и пойдете по коридору, пол которого выложен розовым кварцем, пока не увидите статую бадайского Лангтрия. Не входите в номер, если увидите кого-нибудь рядом. В последнее время наши клиенты необыкновенно скрытны и раздражительны и особенно неприязненно относятся к землянам. По каким-то причинам они не знают жалости, когда речь заходит об уроженцах Земли.

«Я бы, пожалуй, мог вам объяснить причину их неприязни», — подумал про себя Пэдди и, поспешно облачившись в форму носильщика, вышел в указанную дверь, которая вывела его из сумрачного каменного мешка в царство изысканного великолепия и блеска. Искусные мастера Бадау, следуя своей неизменной любви к замысловатым украшениям и сложному рисунку, украсили стены галереи мозаикой из редких пород камня:

нефрита, ляпис-лазури, сияющего желтого вульфенита, красного сланца, яшмы и карнелиана. Пол был выложен розовым кварцем и маслянисто-черным обсидианом.

Миновав ряд арок, Блэкторн оказался в высоком зале, залитом зеленовато-желтым светом. Несколько групп бадайцев сидели среди пышных зарослей невиданных растений и, кто потягивая вино, кто покуривая кальян, непринужденно беседовали.

Блэкторн постарался как можно незаметнее проскользнуть мимо бадайской элиты. И, надо сказать, благодаря гравитации его согбенная фигура выглядела как нельзя более подобострастно. Перед ним возникла скульптура, изображавшая основателя династии Бадау в героической позе.

— Ха,— зло ухмыльнулся Пэдди.— Они даже отказываются признавать, что Сэм Лангтрий был таким же землянином, как Пэдди Блэкторн. Посмотрите только, как они его изобразили,— скрюченная бадайская бородавка, да и только!

Рядом с памятником находилась резная дверь розового дерева. Пэдди украдкой обвел глазами зал — поблизости никого не было; прижался ухом к двери — ни звука. Он осторожно протянул руку к кнопке для открывания двери. Вдруг из-за двери послышался шорох, и она неожиданно отворилась. Пэдди отскочил в сторону и наклонился к полу, делая вид, что оттирает грязное пятно на кварцевом полу.

Из дверного проема появился бадаец. Он остановился на пороге, повернулся к Блэкторну и смерил его долгим испытующим взглядом. Вслед за ним вышел еще один представитель бадайской расы.

— Шпионы, везде шпионы,— горько проговорил первый.— Человеку нельзя даже покататься по озеру без того, чтобы из воды не высунулась голова очередного землянина.

Он отвернулся. Пэдди облегченно вздохнул и, посмотрев на удаляющуюся широкую спину бадайца, почувствовал слабость в коленях.

До него донесся голос одного из собеседников:

— Они неутомимы, как грызуны. Так и шныряют повсюду. Только подумать, что один из них... Если бы

только найти способ предотвратить...— его голос перешел в едва различимый шепот.

Пэдди потряс головой, чтобы избавиться от напряжения, и толкнул дверь. В первой комнате десятого номера никого не было. Вдоль стен просторного помещения высились стеллажи с книгами. В центре стоял небольшой овальный столик, в другом конце комнаты Пэдди заметил маленький экран и стойку с микрофильмами. Арка в стене вела во внутренние покои, но Блэкторн интересовала сама библиотека.

Он обвел взглядом стены. Книги, книги, книги — тысячи книг, покрытых пыльным налетом забвения. Осмотреть каждую в отдельности было просто невыносимо. Где-то должен был быть каталог. Где он? На столике рядом с полкой с микрофильмами Пэдди увидел книгу в тяжелом переплете и раскрыл ее.

Видения сумасшедшего! То, что нужно. Пятый стеллаж, полка двенадцать.

Пэдди осмотрел шкафы и в дальнем углу обнаружил стеллаж под номером пять. Двенадцатая полка была на самом верху.

Как до нее дотянуться? Блэкторн заметил лестницу, передвигающуюся по бронзовой колее по периметру комнаты. Пододвинув ее к пятому стеллажу, Пэдди поднялся к двенадцатой полке и пробежал глазами ряд корешков.

Полное собрание философских сочинений Кобама Бианкула... Археологические раскопки в Забмире... О планетарной среде и домостроительстве... Научный взгляд на проблему Орлов-паразитов... Неофазм... Ботанический словарь... Видения сумасшедшего.

Пэдди вытащил книгу за корешок и затолкал в рюкзак с чистящими средствами. Вдруг позади него раздался голос:

— Носильщик, извольте спуститься вниз.

Слова, словно тысяча кинжалов, прорезали тишину библиотеки. Обернувшись, Блэкторн стукнулся головой о полку и едва не свалился с лестницы. Те же два бадайца, что недавно напугали его у двери, стояли внизу и смотрели на него. Блэкторн заметил на груди одного из них, выступившего несколько вперед, медаль Советника при Высокопоставленной Особе Сына.

— Носильщик! Подойдите сюда, пожалуйста.

Пэдди спустился с лестницы.

— Слушаю, ваша светлость.

Бадаец сверлил Пэдди холодным подозрительным взглядом.

— Что вы делали наверху?

— Вытирал пыль с книг, ваша светлость.

— Там нет пыли. Эти книги священны, и вам запрещено осквернять их своим прикосновением.

— Я подумал, что лучше проверить, достаточно ли там чисто. Я не хотел бы, чтобы из-за моей халатности ваша светлость страдали насморком.

— Какую книгу вы сняли с полки?

— Книгу, сэр?

— Отдайте мне ее.

Пэдди пошатывало из стороны в сторону. Бадайцы, приземистые и коренастые, легко переносили действие гравитационного поля планеты, тогда как землянин изнемогал под тяжестью собственного веса. Они могли поднять его так же легко, как он сам поднимал шестилетнего ребенка.

— Ах, книга. Ваша светлость, мне просто хотелось что-нибудь почитать в свободное от работы время. Благодарю вас за вашу внимательность, но я должен вернуться к моим обязанностям, иначе стюард объявит мне выговор.

Пэдди попытался выскользнуть из комнаты, но две руки схватили его и извлекли книгу из его рюкзака.

— «Видения сумасшедшего» — должен признать, неплохой выбор. — Он посмотрел на Пэдди. — Откуда это у носильщика такой интерес? Вы читаете на бадайском?

— Она мне просто подвернулась под руку. А вообще-то я только хотел посмотреть картинки.

— Лучше вызвать службу разведки, — проговорил второй бадаец, — и пусть его допросят.

Советник явно колебался.

— Они сейчас заняты этим межпланетным преступлением, стараются ради награды, — проворчал он. — Миллион марок в год пожизненной ренты и амнистия за все прошлые и будущие преступления. Если бы я мог, я бы уже сам носился повсюду за этим парнем.

Он выпустил плечо Пэдди.

— Не думаю, что землянин, ворующий книги, теперь имеет хоть какое-то значение,— и Советник грубо толкнул Блэкторна к двери.

— Иди и не забывай о своих обязанностях.

— Пожалуйста, можно мне взять книгу? — попросил Пэдди.

Лицо бадайца перекошилось от приступа ярости, и Пэдди поспешил скрыться настолько проворно, насколько ему позволяла гравитация. Выбегая из комнаты, он успел заметить, как бадаец с пристальным вниманием листал книгу.

Запыхавшийся от бега и обезумевший от страха, Блэкторн ворвался в служебный корпус, стянул униформу носильщика и вошел в барак. Главный стюард стоял у его кровати.

— Наконец-то и вы. Скорее за мной. Сейчас начнет-ся новое отделение. Берите свою бутафорию.

— У меня только колода карт,— устало проговорил Пэдди.

Как он признается Фэй? Ее жизнь полностью зависит от его выдержки и ума... Придется срочно удирать. Когда советник дойдет до сотой страницы, он вызовет главного стюарда и расспросит о необычном образованном носильщике.

— Мне надо срочно увидеться с женой перед выступлением,— сказал он начальнику.

— Пошевеливайся, пока я тебя не отдубасил,— стюард заскрежетал зубами.— Увидишь свою жену, когда будет на то подходящее время.

Положение было безвыходным. Пэдди уныло последовал за стюардом. В конце концов, решил он для себя, смерть рано или поздно приходит за каждым из нас. А может, советник и отложил книгу.

И уже с некоторой надеждой Блэкторн проследовал за начальником по наклонному мостику в маленькую каморку перед сценой. Стюард препоручил его бадайцу в красно-зеленой тунике.

— Вот и фокусник. Я все здание избегал в его поисках.

Бадаец в униформе смерил человека испытующим взглядом:

— Где ваше оборудование?

— Мне ничего не нужно, кроме колоды карт, — ответил Пэдди.

— Возьмите на той полке. А теперь слушайте внимательно. Ваш выход через один номер. Выйдете на сцену и поклонитесь сидящим за столиками. Постарайтесь придать вашему юмору утонченность и изысканность, не забывайте, что лорды изволят вкушать трапезу. Когда будете уходить со сцены, поклонитесь еще раз. Ведите себя крайне уважительно. Это вам не какая-нибудь грязная таверна на Земле.

Пэдди кивнул и встал в кулисах. На сцене женщина-землянка исполняла какой-то экзотический танец. Из оркестровой ямы лилась музыка, мягкая и чарующая, как и сам танец.

Бадайская публика, затаив дыхание, следила за движениями танцовщицы. Проклятые сатиры, подумал Пэдди и залюбовался чередой сменяющихся поз и плавных кружений танцовщицы. На девушке была накидка из газа, ее стройные округлые бедра обтягивало золотое трико, волосы были уложены в замысловатую прическу, наподобие высокой пагоды. Тело ее извивалось, как журчащий ручей, а движения наполняли Блэк-торна радостным трепетом.

Музыка то нарастала, то стихала, нежная мелодия сменялась отчаянными порывами и снова убывала, пока, наконец, не прозвучал торжественный финал. Танцовщица двигалась легко, словно тень скользящего над землей облака. Мягкая линия рук, изысканный изгиб стройного тела, склоненного в реверансе, — и она исчезла за кулисами.

— Фью, — только и вымолвил Пэдди, провожая девушку горящим взглядом. — Будь она моей напарницей в этом предприятии, я бы даже позабыл прекрасных маевков.

— Чародей Блэк приоткрывает завесу над древними тайнами Земли, — объявил голос со сцены.

— Давай, — поторопил директор сцены. — Постарайся оправдать наше доверие.

Перед кулисами Пэдди остановился и попятился было назад, как пугливая кобыла. Время пришло. Зал, пол-

ный бадайских лордов, желающих, чтобы их развлекали, был такой же реальностью, как и сам Блэкторн. Публика выглядела хмурой, безжалостной и враждебной. Конечно, он мог бы их расшевелить, улучшить им настроение.

Директор сцены подтолкнул землянина к выходу.

— Иди и не забудь моих инструкций.

На сцене Пэдди почувствовал себя раздетым и выставленным на всеобщее обозрение.

— Леди и джентльмены, сейчас вы увидите невероятные чудеса. Держитесь крепче. Здесь у меня колода из пятидесяти двух карт — старейшая, после шахмат, игра, известная человечеству. И я с гордостью заявляю, что никто не владеет искусством игры в карты лучше меня, Мага и Чародея Гарри Блэка.

Говоря так, Блэкторн потихоньку за спиной разделил колоду надвое.

— А теперь вы станете свидетелями сеанса ясновидения, который на многие годы станет предметом ваших разговоров.

Пэдди вытащил одну карту и показал ее публике.

— Первая не в счет, я просто показываю вам колоду.

Блэкторн извлек из-за спины следующую карту.

— Валет пик, тройка трэф, пятерка бубей.

Публика явно не была в восторге. До слуха Блэкторна донеслось приглушенное шипение.

— Говорите, достаточно? Отлично, это была всего навсего разминка. А теперь прыгающие тузы. Минутку. Прошу прощения, что стою к вам спиной, — мне нужно сосчитать карты. Ну вот, смотрите: туз трэф, пиковый туз и в середине бубновый. Теперь я кладу их друг на друга и прячу в колоду. Тщательно тасую. И, смотрите внимательно, они снова вместе!

Шшш... шшшш!

— А сейчас, — весело обратился Пэдди к зрителям, — если кто-нибудь из джентльменов согласится выйти на сцену и вытащить карту... Пожалуйста, кто-нибудь? Кто-нибудь... кто согласится вытащить карту?.. Не надо стесняться!.. Ну что ж, тогда я сам вытащу карту, но смотреть на нее не буду, а покажу вам.

Все видят, что это за карта? И вот я кладу ее на дно колоды, перемешиваю, так что она уже безвозвратно потеряна. Идем дальше. Гарри Блэк своим профессиональным взглядом и острым как у кошки зрением смотрит на ваши лица и читает ваши мысли. Это была девятка червей! Признайтесь, теперь вы верите в чудеса?

Пэдди метнулся в сторону. Прямо над его ухом просвистела фруктовая кожура, так что он едва успел увернуться.

— Благодарю вас, леди и джентльмены, на сегодня все,— Блэкторн поклонился зрительному залу и поспешно покинул сцену.

— Негостеприимная публика,— заметил он директору сцены.— Где сейчас моя жена?

— Если бы не она, я бы тотчас выставил вас из отеля,— холодно отрезал бадаец.

— Что вы имеете в виду, говоря «если бы не она»? — недоуменно спросил Пэдди.

— Вы видели, как она танцевала. Похоже, лордам она понравилась,— презрительно процедил директор.— А вам я советую сегодня не высовываться из своего барака.

Вдруг Пэдди осенило:

— Танцевала? Вы хотите сказать, что... что...

Он ударил себя кулаком по лбу.

— Так, значит, это была... Не обращайтесь внимания. Где сейчас эта маленькая обманщица?

— Она в реквизиционной, отдыхает перед следующим отделением.

— Я должен видеть ее,— Пэдди сбежал по наклонному настилу и столкнулся с Фэй, выходявшей из-за угла.

— Нам нужно бежать,— прошептал Пэдди.— Вот вот нагрянет полиция.

— Почему вдруг такая спешка? — холодно спросила Фэй.

— Я пробрался в десятый номер, чтобы выкрасть книгу, и уже держал ее в руках, когда господин Советник с весьма пренеприятной наружностью неожиданно вошел в библиотеку и вырвал ее у меня. Как только он

полистает ее и сообразит, что к чему, он спустит на нас всех собак. Чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше. — Пэдди остановился, чтобы перевести дыхание.

Фэй смотрела на него с едва заметной улыбкой.

Блэкторн тяжело вздохнул и провел рукой по волосам.

— Одним словом, у нас неприятности. Беги и жди меня на корабле. Я попытаюсь найти того кряжистого бадайца и отобрать у него книгу. Я справлюсь, можешь не сомневаться. А ты будь осторожна, чтобы они не поймали нас обоих. Кроме того, — Пэдди украдкой взглянул на директора сцены, — у них в отношении тебя какие-то планы на эту ночь.

— Пэдди, — девушка жестом попросила его замолчать, — мы уедем оба и прямо сейчас. А бадаец ничего в книге не найдет. Я побывала в библиотеке раньше тебя и забрала меморандум Сына. Сейчас он находится в моей правой туфельке. Так что чем скорее мы вернемся на корабль, тем лучше.

Глава восьмая

Пэдди очнулся от глубокого сна на борту корабля, прорезавшего звездное пространство. Он выглянул в иллюминатор. Космос обступал их, как прозрачные волны бескрайнего океана. Прямо по курсу мерцал Скит, с одной стороны желтело пятно Альфератса, а под кораблем, дугой устремляясь вниз, лежали звезды, составляющие тело Андромеды: шлейф — Адил, чресла — Мирах, плечо — Альмах.

Пэдди расстегнул молнию резиновой куртки, вошел в душ, разделся и повернул кран пульверизатора. Обильная пена проникла в его поры, смыла грязь, пыль, пот. Поток теплого воздуха высушил тело.

Блэкторн оделся и поднялся в кабину управления. Фэй стояла у стола, склонившись над картой, ее темные волосы были растрепаны, тонкий профиль вырисовывался на фоне звездного неба с чистотой и ясностью математической функции.

Пэдди недовольно нахмурился. На Фэй была ее обычная белая блузка, темно-зеленые штаны и сандалии.

От всего ее облика веяло повседневным спокойствием. Пэдди оживил в памяти образ прекрасной полуобнаженной танцовщицы в фантастическом золотом наряде. Он вспоминал движения ее смуглого тела, взмах руки, наклон головы. Все это была одна и та же девушка.

Фэй посмотрела Пэдди в глаза и, словно угадав его мысли, улыбнулась едва уловимой и сводящей с ума улыбкой.

Блэкторн хранил молчание, как если бы Фэй нанесла ему смертельное оскорбление. Девушка, исходя из собственных мотивов, не сделала попытки утешить его уязвленное самолюбие и снова обратила свое внимание на металлическую пластинку, извлеченную ею из бадайской книги. Минуту спустя она откинулась на спинку кресла и вручила пластинку Пэдди.

Послание было выгравировано на ней ровными бадайскими буквами. Первый параграф описывал корпус генератора, предписывал оптимальные размеры, порядок сборки и трехосевого выравнивания внешних и внутренних поверхностей.

Второй параграф был посвящен особенностям проводников, которые должны быть задействованы в приборе как наиболее эффективные. Затем следовали две колонки пятизначных чисел, по три числа в каждой, и Пэдди, помня о секретном объекте на Акхабатсе, откуда начинались его приключения, догадался, что это показатели для установки силы электромагнитного поля.

— Я вскрыла феразийский бокс, — сообщила Фэй, — там оказалась такая же металлическая пластина с описанием корпуса, с единственным отличием, что вместо описания проводников в феразийском экземпляре содержались указания по их расположению.

— Дубликация информации, — кивнул Пэдди.

— У нас сейчас две пластины, — серьезно заметила девушка. — Не очень удобно возить их повсюду за собой.

— Я подумал о том же самом. И, поскольку доставить их на Землю мы не можем, Дельта Триангул представляется мне наиболее надежным местом, чтобы спрятать там пластины, тем более что планета обитаема.

Планета была пустынной и тусклой, как застывшая лава. На черных равнинах тут и там виднелись кратеры вулканического происхождения высотой до трех миль и шириной около десяти.

— Спрятать пластины несложно, — с отчаянием махнул рукой Пэдди, — гораздо труднее будет потом отыскать их.

— Действительно, планета большая, и спрятать пластины здесь — не проблема, — подтвердила Фэй. — Но вся местность совершенно одинаковая, ландшафты похожи друг на друга.

— Отщепенец среди других планет! — Пэдди поддался порыву вдохновения. — Оборванец в грязных ломотях, избегаемый, презираемый обществом, покрытый дорожной пылью и заплатками. Ноги моей не будет в этой дыре.

— Посмотри, — Фэй указала на поверхность планеты. — Опознавательный знак — столб или вулканический сталагмит.

Беглецы опустились на пустынную равнину, и черный песок закрипел под брюхом корабля. Перед ними возвышался огромный столб.

— Только взгляни на его гримасу, — Пэдди указал на воображаемое лицо исполина.

— Похоже на свирепого дракона или разъяренную медузу.

— Отныне имя ему — Пик Свирепого Дракона, — провозгласил Пэдди. — Теперь нужно найти где-нибудь поблизости место для тайника.

Надев скафандры, путешественники пересекли равнину. Черный песок поскрипывал под их ногами. Приблизившись к столбу, они обнаружили в основании монолита трещину.

— А теперь, — предложила Фэй, — надо как-то локализовать Пик Свирепого Дракона на планете. В противном случае мы будем месяцами кружить над этими бесплодными землями в поисках тайника.

— Вот что мы сделаем. Мы возьмем шлем от неиспользуемого скафандра и оставим его здесь, предварительно подсоединив наушник к микрофону и включив режим связи. Когда нам понадобится разыскать тай-

ник, мы пошлем сообщение, и приемник передаст его обратно на корабль таким образом, мы будем знать, в каком направлении двигаться.

Мертвая планета Дельта Триангул осталась далеко позади. Пэдди смотрел вперед по ходу корабля.

— Следующий Адил, затем Лористан.

Он посмотрел на ключ, выгравированную на нем надпись «RXBM NON LANG SON» и прикусил губу.

— Новая проблема. На Альфератсе А и Бадау мы, по крайней мере, знали, у какого столба оставить корабль. А сейчас у нас есть ключ и миллионы дверей на Лористане, не считая сараев, сундуков, висячих замков, бюро и сервантов.

— Не все так сложно, — Фэй подняла взгляд на напарника.

— Нет? Интересно, почему?

— Лористан — это банкир, брокер, финансист лангтрийских миров. Лористанзийский банк регулирует денежные потоки всей галактики, и по надежности ничто не сравнится с его депозитными сейфами. Причем права клиентов так соблюдаются, что сами Сыны Лангтрии не имеют права взломать сейф, даже если это будет в интересах Оси. Ключ же, который ты держишь в руках, подойдет к одному из депозитных сейфов.

— Неужели сейфы так надежны? — поинтересовался ирландец.

Фэй откинулась на спинку дивана.

— Начнем с того, что снаружи центральный бокс защищен стенами из брони толщиной в восемь дюймов, далее следует слой взрывчатки, затем литое железо, снова броня и сигнализационный контур. Во-вторых, прием ценностей осуществляется автоматически без посредства человека, так что служащие не имеют ни малейшего представления о том, что хранится в банковских сейфах.

Достаточно прийти в банк, купить сейф, положить туда то ценное, что ты боишься хранить дома, и полу-

чить ключ. Кодировать замок любой комбинацией букв и ставишь сейф на конвейер. Машина увозит сейфы, складывает их, и никто не знает, ни где они хранятся, ни кому принадлежат. Вся информация хранится в большом электронном мозгу.

Чтобы получить свой сейф, надо зайти в любое отделение банка, набрать свой пароль, вставить ключ в считывающее устройство, и, если комбинация верна, конвейер вывозит его в ту же минуту. По отдельности ни шифр, ни ключ не действительны. Таким образом, владелец сейфа надежно защищен от воров.

Если владелец потерял ключ или забыл код, ему придется ждать десять лет, прежде чем он получит назад свои ценности.

— Значит, нам нужно всего-навсего приземлиться на Лористане, воспользоваться ключом и снова подняться в воздух? — спросил Пэдди, пораженный столь обширными знаниями своей спутницы.

— Именно, — отозвалась Фэй. — Если только...

— Что?

— Слушай, — девушка повернула ручку коммуникатора.

Из приемника донесся голос, сообщавший на шоллийском диалекте:

— Всем гражданам содружества остерегаться землян Пэдди Блэкторна и сопровождающей его молодой женщины. Тот, кто доставит опасных преступников живыми, получит миллион марок вознаграждения, пожизненную амнистию за все преступления, и титул Лангтрийского Лорда.

— Мы им действительно нужны, — хладнокровно заметила Фэй.

— Шш! Слушай!

Шолиец детально описывал внешность каждого. Затем другой голос повторил то же сообщение на котонском. Фэй выключила радио.

— За нами охотятся, как Гроувер О'Лири охотился за белоглазым оленем, расставляя всевозможные ловушки, — проговорил Пэдди.

— Постараюсь выйти на связь с Землей, — вздохнула Фэй. — Но не сомневаюсь, что они лишь усилили

блокаду сообщений, и я ничего не услышу из-за помех на линии.

— А как же Агентство Земли,— саркастически произнес Блэкторн.— То самое, из-за которого ты не жалеешь себя и на которое ты положила всю свою жизнь?

Фэй улыбнулась одной из своих едва заметных улыбок.

— Знаешь ли ты, Пэдди, что во всем мире я доверяю только трем людям: себе, шефу Агентства и тебе? И, кроме того, агенты всего-навсего люди. Такое вознаграждение кому угодно вскружит голову. Достаток и положение на всю жизнь в обмен на полслова.

— Чем меньше людей знает о нашем местонахождении, тем лучше,— согласился Пэдди и, проведя рукой по волосам, добавил: — Они сказали: черные волосы. Должно быть, доктор Тэллог проболтался.

— Вполне возможно, что они обнаружили связь между преступником-землянином с Альфератса и неудачливыми циркачами из Камбороджийского Наконечника.

— Твой эротический танец был очень даже ничего. Можно было подумать, что у тебя колоссальный опыт.

Фэй поднялась с места.

— Ты рассуждаешь как моралист или старая дева! У меня, несомненно, хорошая координация, и в свое время я брала уроки танцев. В любом случае, какое тебе дело до моего прошлого? Я не в твоем вкусе. Ведь, помнится, тебе нравились слащавые маевки с коровьими глазами? У них есть что потрогать, не так ли?

— Признаюсь, так оно и было раньше,— вздохнул Пэдди.— Но с тех пор как я увидел твою бархатную шкурку, я того и гляди изменю свои пристрастия.

— Хм! Я же простовата. Помнишь? С костлявыми бедрами. Это твои слова!

— Ну что ж,— Блэкторн отвернулся.— Раз у тебя память, как у самого мстительного слона в Индии, стало быть, ты и есть простоватая и костлявая.

Фэй усмехнулась про себя и заметила вслед уходившему напарнику:

— Нам не мешало бы изменить внешность. В шкафчике есть шампунь и Оптихром. Может быть, побудем немного блондинами для разнообразия? Выкрасим одеж-

ду. Я собираюсь постричь тебя покороче, а себе изменю прическу.

Лористан представлял собой маленькую гористую планету. Обширные леса высотой не менее мили снабжали ее кислородом. Впервые попав в этот мир, путешественник наслаждался прекрасным воздухом и легкостью передвижения, являвшейся следствием низкого гравитационного поля.

В отличие от мрачных приземистых поселений Альфератса А и Бадау, лористанзийские города-близнецы Риввери и Тэм возносили в небо воздушные башни. Несущие металлические конструкции парили в облаках, покоряя пространство, и иной раз сооружались с единственно декоративной целью. На Лористане не было ни феразийской суровой таинственности, ни бадайского унылого практицизма. Планета являла собой торжество хаоса, движения, напора.

У Блэкторна теперь были ярко-голубые глаза и коротко остриженные светлые волосы, что придавало ему выражение мальчишеской непосредственности. На нем была блуза с эмблемой Школы Маятника и широкие штаны, расходящиеся книзу.

А Фэй — где теперь была та бледная темноволосая девушка, какой ее впервые увидел Пэдди? Рядом со светловолосым мужчиной сидело яркое жизнерадостное существо с золотыми, как у эльфа, кудряшками, голубыми глазами, вобравшими в себя ослепительный блеск морозного утра, и вишневым ротиком. При каждом взгляде на свою спутницу Пэдди испытывал невыносимые терзания и начинал ненавидеть само слово «маевский». Дважды он попытался заключить Фэй в объятия и поцеловать, и дважды девушка ускользала от него, так что в конце концов он начал впадать в унылое оцепенение.

Под кораблем расстился Лористан, и два города-близнеца как драгоценные камни сияли среди лесов.

— Что будем делать? — спросила Фэй. — Попробуем незаметно сесть где-нибудь в чаще или нагло приземлимся в пассажирском аэропорту?

Блэкторн пожал плечами:

— Как только мы начнем снижаться по направлению к лесу или к Большому Желейному Болоту, указанному на карте, дюжины полицейских лодок налетят на нас, как стая воронья на мускатный орех. А если мы приземлимся на посадочную полосу, они, потирая руки, скажут: «Отлично — нам предстоит проверить еще одну парочку дикарей с Земли», — на большее у них не хватит воображения.

— Надеюсь, что ты окажешься прав, — ответила Фэй.

Девушка прикоснулась к штурвалу, и лодка нырнула вниз. Корабль мягко скользнул на посадочную полосу и остановился в одном из углублений, сделанных для аппаратов данной модели. Минут десять они с Пэдди не выходили из корабля, пытаясь заметить малейшие признаки необычного интереса к их персонам.

Однако, похоже, никто не обратил внимания на маленькую лодку. Космические корабли взлетали и приземлялись каждую минуту, из одного из вновь прибывших аппаратов показалась пара темноволосых землян. По случайному совпадению, на мужчине был голубой свитер.

Фэй слегка толкнула Пэдди локтем:

— Последуем за этими двумя. Если полиция начеку, они непременно вызовут подозрение, а мы тем временем выберемся отсюда без проблем.

Земляне не спеша пересекали поле, никто не задержал на них взгляда. Пэдди и Фэй уверенно последовали за ними в аэропорт и затем на ярко освещенные улицы Риввери.

— Вот и банк, — Фэй кивком указала на шпиль из красного мрамора, инкрустированного серебром, устремленный в небо, как древко копья. — Видишь стойку на той стороне? Это депозитный отдел. Нам даже никуда не придется ехать.

— Не может быть, чтобы все было так просто, — скорее сам себе заметил Пэдди.

— Действительно, — отозвалась Фэй. — Такое ощущение, словно весь город опутан сигнализационным контуром, — своего рода ловушкой, а красный шпиль — не что иное, как приманка для Пэдди Блэкторна и Фэй Бэйзил.

— У меня дурное предчувствие, — пробормотал ирландец.

Фэй окинула улицу взглядом теперь голубых глаз:

— Всякое предчувствие имеет свои неосознаваемые основания.

— Все слишком красиво и несерьезно. Только взгляни на этих глупо улыбающихся масляно-желтых лори-станзиек в плиссированных юбочках и кепи. Они будто подталкивают друг друга локтями, приглашая насладиться незабываемым зрелищем, когда на головы незадачливых Фэй и Пэдди рухнет топор.

Фэй повела плечиком.

— Дай мне ключ. Нам ничего не остается, как пойти на риск. Так или иначе, у нас две пятых информации, в обмен на которые мы можем выторговать наши жизни.

— В нервно-паралитическом скафандре тебе будет не до сделок, — угрюмо произнес Пэдди. — Там ты с готовностью выложишь все, что тебе известно. Нельзя быть уверенными, что чертежи не попадут в руки полиции.

— Выбора у нас нет. Дай мне ключ. Жди здесь и, если что-нибудь случится, возвращайся на корабль, без промедления вылетай на Дельту Триангул, забирай чертежи и пытайся скрыться.

— За кого ты меня принимаешь? — вспыхнул Пэдди. — Похоже, власть сделала тебя излишне смелой и самостоятельной. Никто, кроме меня, не отправится туда и не положит голову в пасть тигру. Еще ни один Блэкторн не заставлял женщину таскать для себя каштаны из огня, и не на этой чертовой планете я позволю себе опуститься до такого!

— Ой-ой-ой, — поддразнила его Фэй. — можно подумать, у него отняли кусок хлеба. — Она улыбнулась, явно польщенная. — Ладно, пойдем вдвоем, чтобы не было споров и каждый чувствовал себя героем.

С бьющимися сердцами они вошли в отделение банка и нашли свободную кабинку. У другого конца стойки стоял вооруженный охранник, который, по видимому, не обратил на них ни малейшего внимания.

Пэдди вставил ключ в щель считывающего устройства. Фэй набрала на панели код: RXBM NON LANG

SON. Наступило томительное ожидание. Десять секунд, двадцать — казалось, время остановилось.

На красном шпиле взвыла сирена. Двери банка распахнулись, и двое вооруженных охранников тяжелой поступью направились к стойке.

Пэдди дернулся с места.

— Беги, Фэй, — скорее. Я задержу их! Им не взять меня живым. Беги, девочка! Скорее на корабль. Ты помнишь, где мы спрятали чертежи?

Фэй нервно рассмеялась

— Замолчи, глупец. Это всего лишь обеденный перерыв. А охранники пришли сменить напарников.

В этот момент раздался гул конвейера, щелчок, и небольшой ящик упал в корзину напротив стойки, у которой стояли земляне. Фэй взяла его в руки и, спрятав зелено-оранжевый ярлык, указывающий на принадлежность сейфа лористанзийским Лангтриям, командовала:

— А теперь — назад на корабль.

— Они смотрят на нас как стервятники — шепнул Пэдди.

— Пошли. Ты ведешь себя так, словно только что ограбил банк.

Они поспешно пересекли площадь, вернулись в стеклянный зал ожидания и без помех вышли на взлетное поле. Но в эту минуту вооруженный охранник с криком кинулся вслед за ними.

Блэкторн вздрогнул, рука его инстинктивно потянулась к карману, где он хранил маленький револьвер.

— Скорее на корабль, Фэй, — произнес он сквозь плотно сжатые зубы. — Беги, пока у тебя есть шанс.

— Нет, — отрезала Фэй. — Ты опять все напутал. Он пытается предупредить нас, что одна из лодок вот-вот сядет нам прямо на голову.

Пэдди вскинул глаза и в двухстах футах над собой увидел борт большого экскурсионного корабля. Он и девушка метнулись в сторону.

Наконец путешественники увидели ставший привычным силуэт своего корабля, пересекший вместе с ними многие мили межзвездного пространства, прозрачный купол, сквозь который они видели мерцание стольких звезд.

— На корабль,— скомандовал Пэдди.— Скорее! О, здесь непременно тaitся какой-то подвох. Я это чувствую. Они заманили нас в лодку, а сами перерезали кабель питания.— Блэкторн бросился к приборной доске.— Так и есть! Корабль мертв!

— Ничего удивительного,— невозмутимо ответила Фэй.— Ведь люк все еще открыт.

Девушка захлопнула люк. Пэдди повернул рычаги, и лодка взмыла в светлое небо Лористана.

— Не может быть, чтобы все было так просто,— проговорил он, вытирая выступивший на лбу пот.— Мы непременно угодим в какую-нибудь ловушку.

— Действительно, все идет слишком гладко,— согласилась Фэй, выглядывая в иллюминатор.— Но именно так оно и есть. Погони не видно. Никто даже не обратил на нас внимания.

Блэкторн со вздохом опустился в кресло.

— Уф! Для моих вымотанных нервов было бы лучше, если бы мы столкнулись с небольшими сложностями. Тогда я бы чувствовал, что захватил добычу в честном бою.

Фэй засмеялась, не без труда поставила сейф на стол и начала вскрывать ящик. Содержимое немногим отличалось от хранившегося в двух предыдущих тайниках. Первый параграф, как и на феразийском манускрипте, описывал расположение кабелей и проводов. Во втором параграфе говорилось о последовательности включения контуров. И снова, как и на остальных чертежах, две колонки чисел.

— Вперед к Дельте Триангул и Свирепому Дракону! — воскликнула Фэй.— А потом на Альмах. Посмотрим, какой прием нам окажут шолийцы.

Глава девятая

Альмах остался далеко позади, и сейчас перед путешественниками сиял мрачный лик Шола. Пэдди отошел от телескопа и презрительно сплюнул.

— Первый Сын Лангтрии, должно быть, был маньяком, раз он выбрал эту планету. Похоже на ад, как

его описывал отец О'Тул в своих проповедях. Я бы с большей радостью выстроил коттедж в тени Свиристого Дракона.

— Шол очень красив,— мягко заметила Фэй,— пугающе красив.

— Да это кухня сатаны! Видишь те оранжевые пятна? Должно быть, вулканические кратеры?

— Они и есть.

— Посмотри только на потоки лавы, хлопья пепла, пыльные бури. Как только люди живут здесь?

— Они отращивают кожаные капюшоны, чтобы защитить шею и лицо,— ответила Фэй.— Адаптируются к кислой среде и чувствуют себя превосходно, если только, конечно, им не приходится спускаться в недра планеты за драгоценными рудами и самоцветами Шола.

— Но у меня нет кожаного капюшона,— проворчал Блэкторн.— Я не люблю кислотные испарения и со времени моих приключений на Акхабатсе ненавижу тоннели — впрочем, мое мнение роли не играет. Где будем приземляться?

— Ядро. Черная стена. Облучить: 685, 1444, 2590, 3001. Фотография!

Пэдди восхищенно посмотрел на напарницу.

— Ты помнишь все числа?

Девушка озорно улыбнулась.

— У меня хорошая память. Кроме того, в Агентстве нас учили пользоваться скрытыми ресурсами памяти. Когда знаешь это, легко запоминаешь любые числа.

— Не тебе учить меня, как запоминают числа,— надулся ирландец.— Шесть, восемь, пять. Складываем шесть и восемь, получаем четырнадцать; один и четыре будет пять — третья цифра в первой комбинации. Точно так же единица и четверка в тысяче четыреста сорока четырех. Последние две четверки составляют восемь, поскольку их две; умножаем на два, получается шестнадцать. Отнимаем один от шести, это пять, и вот ваша тысяча четыреста сорок четыре. Теперь две тысячи пятьсот девяносто...

— Когда закончишь прикидываться идиотом, поищи Ядро в путеводителе,— прервала его вычисления Фэй.

— Здесь нет Ядра, — отозвался Пэдди, листая путеводитель по Лангтрии.

— Нет? — тревожно переспросила девушка.

— Нет. Но мы непременно найдем его. Нужна камера и прибор, чтобы настроить излучение на нужную частоту.

— В отделении для экипировки была неплохая камера. Ящик номер пять, если не ошибаюсь. Нам понадобятся респираторы, но мы их без труда достанем в космическом терминале и, думаю, даже сможем заказать прожектор в Эвели.

— Справедливо. Сейчас как раз время ежечасных новостей. Послушаем радио?

Фэй включила приемник. Сквозь помехи послышался голос шолийского диктора: «Официальное заявление правительства подтвердило слухи, в течение нескольких недель будоражившие общественность Оси. Кольхею, Шолийский Сын Лангтрии, а также Сыны Альфератса А, Бадау, Лористана и Котона были убиты пиратом с Земли во время ежегодной конференции.

Землянин, заключенный по имени Патрик Блэкторн, сбежал и находится в розыске. История Вселенной не знала такой тотальной облавы на человека. Сумма вознаграждения, обещанного за его поимку, достигла беспрецедентных размеров. Имеются сведения, что Блэкторн владеет секретной информацией, касающейся космического генератора.

Новый Шолийский Сын Лангтрии, Чейонкив Десса, заявил, что жестокое массовое убийство, совершенное землянином, никак не повлияет на обстановку в мирах Оси, и баснословное вознаграждение объявлено лишь для того, чтобы покарать преступника.

«В полицию поступают сотни сообщений о местонахождении Блэкторна, и все они тщательно проверяются местными органами. Последнее достоверное местопребывания преступника — Спэдис, Воровской Притон, где его видели в сопровождении молодой земной женщины, имя которой пока неизвестно. Правительство располагает и другой информацией, но ее разглашение считает пока преждевременным».

Пэдди плюхнулся в кресло.

— Ха! Они без нас как без рук!

— В нашем распоряжении целый космос, чтобы спрятаться, бесчисленное множество больших и малых планет. Мы можем покинуть галактику, и никто даже не узнает об этом.

Пэдди поморщился.

— Представляю себе картину, как мы висим вниз головой на фонарном столбе или дрыгаемся в нервно-паралитическом скафандре. — Он отер лоб и провел ладонью по стриженным ежиком волосам. — Положение кролика, за которым гонится свора, заставляет острее почувствовать вкус к жизни. И ни один священник не поможет тебе сохранить этот благословенный дар.

— В таком случае, исповедуйся мне, если хочешь, — предложила Фэй

— Что ж, почему бы и нет? Раскаяние очищает душу. Начнем, сестра.

Блэкторн опустил очи долу.

— Случился со мной грех на планете Маев, хотя, честно говоря, я был коварнейшим образом введен в соблазн. В городе Меран есть чудесный сад, где можно часами сидеть под кроной раскидистого дерева, потягивая местное пиво, легкое и приятно обволакивающее нёбо. Туда часто приходят прекраснющие маевские девушки, их плечи слегка покачиваются в такт движениям загорелых босых ног. Они носят жемчужины в пупке и изумруды в ушах, а когда маевки одаривают человека долгим завораживающим взглядом, кажется, что медовая река подхватывает тебя и вся твоя христианская добродетель исчезает, как потревоженная стая чаек. Потом...

Фэй передернулась от презрения и негодования.

— Исповедь? Ха! Да ты просто хвастаешься своими победами! — Девушка прошла по кабине. — Правы шойльцы. Дикие земляне только и знают что языками чесать.

— Ну-ну, дорогая...

— Я тебе не дорогая. Я, к своему несчастью, Агент Земли, и, если бы это дело не было самым главным в моей жизни, я бы немедленно направила корабль на Землю, где ты убрался бы подальше с моих глаз и я выкинула тебя из головы.

— Ладно, ладно. Ты не представляешь, до чего ты мила, когда твое личико розовеет от гнева.

— От гнева? — язвительно переспросила Фэй. — Не дождешься!

Она решительно проследовала в камбуз, налила себе чашку супа и, не вымолвив ни слова, принялась есть его, закусывая крекерами.

— Через час-два начнем снижение, — не оборачиваясь, сообщила она Пэдди.

Блэкторн расценил ее замечание как приглашение присоединиться к трапезе. Сев за стол, он стал задумчиво жевать крекер.

— Слишком большая ответственность для двух слабых человеческих существ... Будь здесь отец ОўТул, он бы пронес чертежи под самым носом полиции, спрятав их под сутану, и невредимым вернулся бы на корабль.

— Однако отец ОўТул сейчас далеко, — едко заметила девушка, — так что придется самим расхлебывать кашу. Впрочем, я бы действительно предпочла, чтобы он был здесь, а ты вернулся бы на Скибберин... Перед нами стоит серьезная проблема, которую ты не хочешь замечать. Шолийцы, в отличие от лористанзийцев, не обделены мозгами и, кроме всего прочего, чрезвычайно подозрительны.

— Хм, — нахмурился ирландец и постучал пальцами по крышке стола. — Если мы притворимся журналистами, нам предоставят большую свободу действий и разрешат съемки.

— Хотя ты вор и развратник, надо признать, идеи из тебя сыплются как из рога изобилия, — не без зависти произнесла Фэй.

Некоторое время оба хранили молчание. Неожиданно Фэй испуганно взглянула на Пэдди.

— Нам предстоит приземляться на центральном аэродроме, единственном на Шоле, и опять не миновать состояния неопределенности, с той разницей, что шолийцы гораздо более осторожны и тщательны на досмотре. Представь, что они решат сделать твою психограмму!

— Ну и что? — весело отозвался интерпланетный преступник. — Не забывай, что я одновременно явля-

юсь тремя совершенно разными людьми. Я Пэдди Блэкторн, репатриант, я Патрик Блэкторн, гордость семинарии Святого Луки, который может часами говорить на греческом, церковной латыни и гаэльском, пока окончательно не повергнет публику в изумление, и, наконец, я Патрик Делорси Блэкторн со Скибберина, достойный фермер и участник скачек.

— Еще есть Пэдди Блэкторн — покоритель сердец, — предложила Фэй.

— Точно, — подтвердил ирландец. — Таким образом, нас четверо, и у каждого своя психограмма. Как видишь, у меня три шанса из четырех ввести в заблуждение этих недоверчивых чертей.

— В таком случае, ты будешь первым, кому удастся перехитрить психографа. Можно изменить отпечатки пальцев, но не мозговые импульсы.

Для строительства эвелийского аэропорта шолийцы срезали и выровняли вершину потухшего вулкана. Перед опустившимися на плато путешественниками расстилалась широкая панорама бесплодных земель, покрытых осколками красных, желтых и серых скалистых пород.

Прямо под ними огромное ущелье, милю глубиной и милю шириной, раздирало тело планеты. На краю разверстой пасти, на крохотном уступе, парящем над внушающей ужас долиной, лепились белые строения Эвели. Альмах медленно садился за горизонт, последние лучи заходящей звезды играли в клубах тумана на краю бездны и, преломляясь и отражаясь в дымке, создавали фантастическую симфонию красок: зеленые, лавандовые и оранжевые оттенки сменялись неповторимой гаммой пастельных тонов.

Взлетное поле Эвели казалось тихим и пустынным по сравнению с аэропортами Бадау и Лористана, и тут Фэй охватила дрожь.

— Нас непременно заметят.

— А вот и клобуки! — проговорил Пэдди, посмотрев за стекло купола, и одобряюще похлопал девушку по плечу. — Смелее, детка.

Четыре шолийских охранника подрулили на джипе к кораблю и выпрыгнули на взлетную полосу. На них были облегающие костюмы металлического с синим отливом цвета. У троих через плечо висели карабины. На кожаных капюшонах шолийцев красовались знаки отличия. Положение капюшонов свидетельствовало о серьезности миссии их обладателей. Офицер — насколько можно было судить по черной звезде на его капюшоне, — поднялся по трапу и постучал в дверь.

Пэдди слегка приоткрыл шлюз и, впустив охранника, тут же закашлялся от проникшей вслед за вошедшим в кабину кислотной пыли.

Офицер был молодым человеком со сдержанными манерами и отрывистой речью. Он протянул землянам блокнот с анкетой.

— Ваши документы, пожалуйста.

Фэй передала ему лицензию на управление космическим аппаратом. Шолиец склонился над бумагой.

— Аэропорт Альбукерка, Земля. — Охранник поднял глаза и пристально посмотрел на Блэкторна.

— Ваше имя?

— Мистер и миссис Джо Смит.

— Вы прибыли на Шол по работе?

— И по работе, и ради удовольствия, — оживленно ответил Пэдди. — Мы одновременно туристы и журналисты. Мы давно мечтаем попасть на первую полосу и, когда до нас дошли новости об убийстве, мы решили, что, возможно, нам удастся сделать на вашей планете несколько снимков.

— К землянам во всех Пяти Мирах довольно настроенное отношение, — без тени эмоций произнес шолиец.

— Мы всего-навсего выполняем свою работу, — возразил Пэдди. — Рождаются ли люди или умирают, мир ли, война ли, мы должны зарабатывать свой хлеб. И мы были бы вам очень признательны, если бы вы замолвили за нас словечко.

Офицер обвел кабину пристальным взглядом.

— Не многие журналисты с Земли прибывают на Шол в подобных лодках.

— Вот это да! — воскликнул ирландец. — Значит, мы первые? Выходит, наши конкуренты из «Печатного Листка» у вас не появлялись?

— Нет, — холодно отрезал офицер, — вы первые. — Он вернулся к анкете. — Как долго вы собираетесь пробыть на планете?

— Ох, предположительно неделю, пока не будем удовлетворены проделанной работой. Затем мы планируем посетить Лористан и Котон.

— Упыри, — еле слышно пробормотал охранник и протянул приезжим пропитанную чернилами губку. — Оставьте отпечатки пальцев, пожалуйста.

Фэй и Пэдди аккуратно прижали подушечки пальцев к белому листу.

— Теперь, — шониец принялся что-то писать, — получите ваш регистрационный номер и передайте мне ключи и рычаг сцепления. Ваш корабль временно конфискуется. Когда захотите покинуть планету, вам надо будет обратиться за разрешением в двенадцатую комнату в здании Аэропорта.

— Это незаконно, — запротестовал Пэдди. — Что если нам понадобится осмотреть планету?

— Простите, — сдержанно произнес офицер, — но в государстве введено чрезвычайное положение, и пока ситуация не урегулируется, мы вынуждены принимать меры предосторожности.

— Что ж, — с легким беспокойством встала Фэй, — мы готовы смириться с некоторыми неудобствами, если в конце концов, нам позволят заниматься нашей работой.

Офицер в это время переписывал данные с лицензии на корабль. Наконец он поднял глаза от блокнота и протянул приезжим две плоские коробочки.

— Пожалуйста, возьмите временные респираторы — воспользуйтесь ими, пока не приобретете постоянные. А теперь, прошу вас, проследуйте за мной: от всех приезжих землян требуется выполнение небольшой формальности.

— Что еще такое? — потребовал объяснений Блэкторн. — Возвращаемся к старому режиму закрытых космических границ? Я хочу, чтобы вы отдавали себе отчет: я гражданин Земли и Ирландии и...

— Извините,— отклонил офицер протесты Пэдди,— я только выполняю приказ препровождать всех землян, независимо от их виновности или невиновности, на психографию. Если вы не преступники, то вам нечего и беспокоиться. Если вы ими являетесь, с вами поступят согласно закону.

— Психография не применяется к честным гражданам,— негодовал Блэкторн.— Какое бесчестие! В таком случае я немедленно покидаю планету и предпочту потратить мои деньги на Лористане.

— Это невозможно,— возразил шолиец.— Я сожалею о доставленных вам из-за чрезвычайного положения неудобств я настоятельно прошу вас следовать за мной.

Ирландец пожал плечами.

— Как вам угодно. Однако примите к сведению, что я категорически протестую.

Охранник оставил реплику без внимания и молча смотрел, как Пэдди и Фэй надевают респираторы. У девушки дрожали губы и, когда она взглянула на Блэкторна, на ее глаза навернулись слезы. Пэдди двигался с угрюмой решимостью.

Офицер предоставил им места в джипе и подвез к бегущей дорожке, ведущей в расположенный под взлетным полем зал Аэропорта.

— Комната В, пожалуйста.

В комнате В они обнаружили еще троих землян — двух негодующих пожилых женщин и мальчика шестнадцати лет,— которые ждали своей очереди на психографию. Их приглашали во внутреннюю комнату, и вся процедура занимала не больше минуты. Наконец шолийская медсестра обратилась к Фэй.

— Вы первая, пожалуйста.

Девушка поднялась и потрепала Пэдди по щеке.

— Жаль, что все закончилось именно так,— с нежностью произнесла она и исчезла.

Через минуту к Блэкторну подошел служащий и пригласил его проследовать в кабинет.

Кабинет был абсолютно пуст, если не считать стола, стула и психографа. Врач подождал, пока командный чин в блестящей военной форме занял место за столом

перед экраном прибора. Затем он окинул землянина испытующим взглядом, посмотрел Пэдди в лицо и обернулся к начальнику.

— Этот подходит под описание. Лицо, волосы и глаза отличаются, но, конечно... Присядьте, пожалуйста.— Врач жестом указал Блэкторну на стул.

— Минуточку,— перебил Пэдди.— Я преступник?

— Именно это мы и собираемся выяснить,— насмешливо ответил доктор.— В любом случае, это простая формальность.

— А это что? — Землянин кивнул на экран и прикрепленную к нему психограмму — причудливый график, напоминающий погодную карту, нанесенную на план рельефа Гималаев.

— Это, мой друг,— невозмутимо произнес доктор,— психический портрет Патрика Блэкторна — самый причудливый из всех, какие мне доводилось видеть. Его невозможно с кем-либо спутать. Поэтому вероятность того, что пострадает невинный, невысока. А теперь садитесь на стул и позвольте мне прикрепить к вашей голове эти клеммы.

— Я сам справлюсь,— проворчал Пэдди и прилепил контакты к затылку.— Начинайте ваши бюрократические процедуры.

Врач щелкнул включателем. Блэкторн услышал легкое потрескивание и ощутил неожиданную сонливость.

— Вот и все,— объявил доктор и вопрошающе взглянул на офицера.

— Странно,— пробормотал тот.— Подойдите, доктор...

Доктор изумленно уставился на психограмму землянина и покачал головой:

— Очень странно.

— Что странно? — спросил Пэдди.

— Ваша э... психограмма... она очень нетипична. Можете идти. Спасибо.

Пэдди вернулся в приемный покой и увидел Фэй, нервно ходившую из угла в угол.

— Пэдди! — едва слышно воскликнула девушка.

Служащий внимательно следил за парой землян, и ирландец почувствовал, как его колени слабеют под

пристальным взглядом шолийца. Глаза Фэй подернулись влагой. Она покраснела, взяла Блэкторна за руку и потащила в большой гулкий зал.

— Пэдди,— зашептала она — как тебе удалось выбраться? У меня сердце ушло в пятки. Я каждую минуту ждала, что вот-вот в кабинете раздадутся крики и звуки ударов...

— Ш-ш,— остановил девушку Пэдди.— Не так громко! Я расскажу тебе отличную шутку. Однажды в драке мне проломили череп. Доктор залатал дыру большой платиновой пластиной. С тех пор плевать я хотел на все их психографии. Металл экранирует токи, и еще ни разу у меня не получалось двух одинаковых графиков мозговой деятельности.

Фэй ошетибилась как дикобраз.

— Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Просто не хотел, чтобы ты беспокоилась,— пожал плечами ирландец.

— Единственное, что меня беспокоит, это то, что мне придется провести в твоём обществе еще пару месяцев! — с негодованием воскликнула Фэй.

— Ну, ладно, моя дорогая,— рассеянно проговорил Пэдди и предложил девушке руку,— пойдём поищем респираторы.

Глава десятая

Выйдя из терминала, путешественники оказались на выступе, нависающем над Эвели как огромное орлиное гнездо. Все вокруг было залито ярким канареечно-желтым светом, а небо над головами все более и более приобретало необычный янтарный оттенок. Пэдди и Фэй пересекли террасу и шагнули на эскалатор, который стремительно повлек их вниз, к белоколонному городу у подножия вулкана.

Они проезжали мимо роскошных особняков, примостившихся на уступах расщелины,— фантастических белых дворцов, утопавших в зелени невиданных растений. Могучие четырехгранные стебли поддерживали кроны хрустальной хвои. Невероятно красивые

тяжелые пласты оливково-зеленого стекла, покрытого красной сеткой прожилок, и цветы, напоминавшие фотоснимок разлетающегося на мелкие кусочки опала, приковывали восхищенные взоры. На невидимых усиках причудливых творений природы дрожали прозрачные лепестки.

Постепенно особняки сменялись регулярной застройкой коммерческого центра. Товары, выставленные в витринах, поражали своим великолепием, выбор, несомненно, был самым богатым во Вселенной. Фэй обратила внимание на вывеску, гласившую: «Рай путешественника». Земляне сошли с эскалатора и, пройдя по подвесному мосту, перекинутому через бездну шириной в тысячу футов, приблизились к высокому зданию из зеленого гранита-змеевика.

Они вошли в холл и направились к регистрационной стойке.

— Мы хотели бы снять два номера, — обратился Пэдди к клерку-шолийцу.

Служащий качнул капюшоном и указал на небольшое объявление: «Земляне не обслуживаются».

Блэкторн поджал губы и прищурил глаза.

— Ты, головокожий коротышка, — начал он.

Фэй потянула его за руку:

— Пойдем, Пэдди.

— Отель для землян вниз по холму, — крикнул им вдогонку шолиец.

На улице Блэкторн с раздражением набросился на Фэй:

— Не называй меня Пэдди. Я Джо Смит. Ты хочешь, чтобы полиция напала на наш след?

— Прости, — проговорила девушка.

Отель для землян представлял собой серое бетонное здание и располагался в нижней части города между двумя отвалами цинкового шлака очистительного завода, находившегося террасой выше. Темноглазый морщинистый канописец, словно боясь своих посетителей, сгорбился над стойкой.

— Мы хотим снять два номера, — сказал Блэкторн.

— Два? — Служащий удивленно переводил взгляд с одного на другого.

— Моя жена храпит, — пояснил Пэдди. — И я хочу хоть один раз за все путешествие нормально выспаться.

Фэй про себя осыпала напарника всеми известными ей ругательствами.

Служащий отеля пожал плечами:

— Как хотите.

Задумчиво глядя на девушку, он протянул землянам ключи. — Комнаты темные и выходят на задний двор, но это лучшее, что я могу вам предложить в настоящий момент. В следующий раз, пожалуйста, бронируйте номера заранее.

Пэдди расплатился.

— Нам бы хотелось получить некоторую информацию. Видите ли, мы журналисты с Земли и должны сделать снимки на планете, но недавно обнаружили, что наш прожектор пострадал при перевозке. Не подскажете, где мы могли бы заказать новый?

Клерк отвернулся, нажал какую-то кнопку и произнес в микрофон:

— Мистер Дейн на месте? Пришлите его сюда, пожалуйста. У меня есть для него дело. — Он обернулся к гостям. — Это старый электротехник, прожекторы — его профиль. Что-нибудь еще?

— Где находится Ядро и что оно из себя представляет?

— Ядро? — Служащий приоткрыл рот от удивления и заморгал глазами. — Пожалуй, вам будет сложно увидеть Ядро, тем более, что вы земляне. Это частная резиденция погибшего Сына на противоположной стороне Туманного Ущелья.

В холл, прихрамывая, вошел Дейн — одноглазый толстый старик с кривой шеей и длинным крючковатым носом.

— Чего вам? — неприветливо спросил он.

— Нам нужен ультрафиолетовый прожектор для камеры, — пояснил Блэкторн. — Он должен состоять из четырех фрагментов, и у каждого должен быть автономный регулятор частоты со шкалой от шестисот до тысячи ста ангстрем. Вы можете сделать такой прибор?

Дейн почесал ладонь.

— Посмотрю, есть ли у нас подходящие клапаны. Думаю, я справлюсь.— Старик поднял голову и вызывающе посмотрел на Фэй.— Однако это вам будет дорого стоить. Триста марок.

Пэдди отпрянул в негодовании.

— Честное слово, лучше я буду пользоваться вспышкой. Триста марок за моток проволоки и металлолом?

— Вы платите за мой труд и опыт. Долгие годы я учился создавать осветительные приборы.

В конце концов они сошлись на двухстах пятидесяти марках, условившись о доставке через два дня.

Сумрак заполнял долину, словно бледные чернила, растворенные в большом количестве воды. Склон ущелья расцветился тысячью огней — красных, зеленых, синих, желтых, — мягкие и приглушенные цвета которых, казалось, предназначались более для украшения, нежели для освещения.

На террасе перед отелем Пэдди сказал Фэй:

— Знаешь, я начинаю понимать, почему первому Сыну так полюбился Шол. Планета непостижима, как видения сумасшедшего, а ночь восхитительно мягка и нежна. Посмотри, на другом краю долины тоже есть поселения, и огоньки протянулись от них к нам, как стайка светлячков.

— Здесь красивее, чем на Скибберине, Пэдди? — тихо спросила девушка.

— Ах! — вздохнул Блэкторн. — Ты затронула самые нежные струны моей души. Когда я вспоминаю дым торфяных болот, а они все еще горят на протяжении многих столетий, когда я представляю себе, как тлеют головешки в костре, или старую таверну на реке Ли, где я рос, я мечтаю очутиться дома.

— Но ведь есть еще волшебный сад в Меране, — возразила Фэй, — с пивом и девушками.

— Да! — воскликнул Пэдди. — Пиво, словно райский нектар, и девушки с ласковыми руками! Если тебе удастся поймать ртом жемчужины, которые они

носят в пупке, маевки выполняют любое твоё желание, — это национальный обычай, — а жемчужины они носят большие, точно сливы.

— Если ты ничего не имеешь против, — холодно произнесла Фэй, — я пойду поищу карту, чтобы найти Ядро, а тебя предоставляю твоим воспоминаниям.

— Подожди! — воскликнул Блэкторн. — Я просто дразнил тебя, честное слово. Признайся, ты первая навела меня на этот разговор!

Но девушка уже исчезла.

На следующее утро путешественники взяли напрокат пришедшую в негодность и плохо подчинявшуюся управлению машину для обзорных экскурсий — владелец прокатного парка не согласился доверить землянам что-либо лучшее, — и, погрузив на борт камеру, колесили взад и вперед по дну затянутой дымкой долины.

— Тебе удалось вчера выяснить, где находится Ядро? — спросил ирландец.

— Нужно прежде найти Туманное Ущелье, — ответила девушка. — Согласно карте, так называется потухший кратер в двадцати милях к северу.

Они выбрались из ущелья на яркий свет Альмаха, и перед ними во всей красе возник загадочный лик Шола.

— Видишь дым? — Фэй указала на поднимающиеся к небу облака гари. — Это вулкан Аурео. Прямо перед ним находится Ядро.

Туманное Ущелье тоже было огромной пропастью, такой глубокой, что дна почти не было видно за завесой тумана. Склоны ущелья блестели и переливались, и лучи солнца, как тысячи хрустальных копий, разлетались во всех направлениях. Опускаясь на ревущих старых двигателях лодку окружили брызги света всех цветов. Воздух, казалось, дрожал от ослепительного мерцания отраженных от склонов лучей.

Когда корабль приблизился к обрыву, раздалось неожиданное «фшшш», и рядом с путешественниками появилась патрульная лодка.

— По какому вы делу? — обратился к землянам шолиец с большой черной звездой на капюшоне.

— Мы журналисты с Земли и хотели бы сфотографировать дом погибшего Сына.

— У вас есть Сертификат Благонадежности из Министерства Правопорядка?

— Сертификат Благонадежности? — Пэдди наклонился вперед, чтобы лучше слышать. — Конечно, я благонадежен, наглый дрозд! Ну, погоди, сейчас я доберусь до тебя.

Фэй толкнула Блэкторна локтем.

— Он всего-навсего говорит о разрешении. Не стоит ему грубить.

Пэдди оборвал фразу на полуслове.

Девушка обратилась к полицейскому:

— Нет, у нас нет разрешения, но мы хотели всего лишь сделать несколько снимков.

Офицер был непреклонен.

— Мне очень жаль, но...

Шолиец в штатском, стоявший рядом с полицейским, побормотал что-то себе в капюшон. Полицейский со звездой на капюшоне настороженно взглянул на Блэкторна и спросил:

— Как давно вы прибыли?

— Вчера.

Он набрал номер на коммуникаторе и, связавшись с диспетчером, кивнул и повернулся к путешественникам.

— Вам разрешено посетить резиденцию.

— Спасибо, — поблагодарила Фэй.

— Подозрительные черты, — зашептал ей на ухо Пэдди. — Хотят заманить нас в ловушку. Голову даю на отсечение, что они весь день следили за нами.

— Неприятное ощущение, — согласилась девушка, — как будто мы оказались в мышеловке.

— Ничего. Удача, сопутствующая Блэкторнам, все еще за нас.

Корабль погрузился в мерцающую бездну, и путешественники увидели высокие стены, увитые гирляндами кристаллов, похожими на гроздья винограда. Чем выше поднимался Альмах по небосклону, тем ярче становились краски дня. Над пропастью распростерлась сияющая паутина разноцветных лучей, казалось, что,

прикоснувшись к спутанной сети огненных всполохов, ощутишь ладонью их жар и трепетание.

Появившийся неизвестно откуда патруль сопровождал корабль журналистов, не отставая от них ни на шаг.

— В знак особого расположения к журналистам с Земли, вам будет разрешено осмотреть особняк. Семья погибшего сейчас находится в другом месте, но слугам дано распоряжение всячески помогать вам. Вам подадут любые напитки и закуски.

Офицер отвесил издевательский поклон, и патрульный корабль исчез так внезапно, словно его притянули назад за трос.

— Попались мыши, — констатировал Пэдди.

— Возможно, они не подозревают непосредственно нас, — размышляя вслух, предположила Фэй. — Просто, наверное, считают, что мы своего рода сообщники преступников, и ждут, пока мы проглотим наживку. Но об этом подумаем позднее, а сейчас воспользуемся предоставленным шансом.

Лодка приземлилась на террасу. Вокруг царил ничем не нарушаемая тишина. Перед путешественниками распахнулись холодные залы особняка, и их глазам предстали роскошные интерьеры, которыми так славится Шол, — кресла всевозможных размеров и самых причудливых форм и обитые шелком персикового цвета стены. Во дворце не было ни дверей, ни стеклянных окон: дверные и оконные проемы были затянуты тончайшей пленкой сжатого воздуха, защищавшей от насекомых и пыли и разрывавшейся перед лицами входивших с легким хлопком, так что казалось, будто проходишь сквозь мыльный пузырь.

Мажордом встретил журналистов сдержанным поклоном и в течение следующего часа показывал приезжим виллу, отвечая на все их вопросы, но не добавляя что-либо от себя. Очевидно, он считал подобное занятие ниже своего достоинства. Пэдди и Фэй торопливо делали снимки.

Их интересовала находившаяся за особняком терраса. Защищенная от многоцветного сияния, исходившего от ущелья, навесом, она была залита холодным и

мягким светом. Напротив возвышался пятидесятифутовый утес, облицованный пластинами кварца.

Невольно оба отсчитали три панели вправо и две вверх и остановили свой взгляд на прозрачном желтоватом квадрате, усеянном миллионом сверкающих блесток.

Когда им объявили, что ланч подан, мажордом проводил гостей к небольшому столу, сервированному синтетическими фруктами, грибными тостами, графинами с шербетами и хрустящими палочками из пористого темно-коричневого вещества, на вкус напоминавшего мясо.

Пэдди был в подавленном настроении. Он дважды взглянул на Фэй, попытался заговорить, но прикусил язык, заметив ее предупреждающе нахмуренные брови. Мажордом подал журналистам легкого розового вина, и они взяли бокалы и подошли к балюстраде, опоясывавшей террасу, чтобы насладиться видом залива.

Почти не шевеля губами, Фэй еле слышно произнесла:

— У меня такое чувство, будто каждое наше слово ловят необычайно чувствительные локаторы.

Пэдди кивнул в знак согласия.

Потягивая вино, девушка созерцала расцвеченную разноцветными потоками света пустоту.

— Сегодня нам вряд ли удастся что-нибудь сделать.

— Нет, почему же, мы можем вернуться в Эвели на наш корабль.

Едва путешественники поднялись над Туманным Ущельем, как перед ними вновь возник патрульный корабль и пошел параллельным курсом. Шолиец-капрал попросил у журналистов отснятую пленку для цензурной экспертизы.

Блэкторн с мрачным видом снял картридж и передал его офицеру.

— Завтра вы сможете получить пленку обратно, — объявил шолиец.

Пэдди и Фэй заметили, что их корабль явно обыскивали. Все осталось на своих местах, но именно особенная чистота кабины явственнее всего свидетельствовала об обыске.

— А, вандалы! — прорычал Пэдди сквозь зубы. — Интересно...

Поймав на себе красноречивый взгляд Фэй, он замолк и впоследствии выражал свои мысли не иначе как шепотом.

В течение получаса они говорили исключительно об отвлеченных вещах. Затем, когда Альмах опустился в огненный океан лавандовых и оранжевых красок, путешественники вышли из лодки, подошли к краю взлетного поля и остановились перед пастью разверстого ущелья, со дна которого поднимались розоватые тени и тянулись к небу кольца холодного тумана.

— Возможно, они не простукивали стенки корабля в надежде найти тайник и не устанавливали скрытую камеру, чтобы следить за каждым нашим движением, но, как ты знаешь, они ужасно мнительные существа и не упустят ни одного шанса лишний раз подвергнуть пришельцев проверке. Мне даже кажется, что они специально оставили в кабине следы обыска, чтобы мы обнаружили преследование и в панике выдали все имеющиеся у нас секреты.

— Фэй, — мрачно начал ирландец, — нам конец. Мы попали в мертвую зону. Они будут рассматривать каждую из сделанных нами фотографий своими глазами-сверлами. И как только мы вернемся в Туманное Ущелье, чтобы забрать пленку, они запечатают нас в бутылке, как зеленого беса из Балликастла.

Фэй прижала бледную ладонь к щеке и промолчала. Пэдди ощутил неожиданно нахлынувшую волну нежности к незащитному существу и утвердился в сознании необходимости всячески защищать вверенную ему жизнь. Взглянув на золотистую головку девушки, он обнял ее за плечи.

— Пэдди, — сказала она, — у меня появилась идея...

Блэкторн окинул взглядом ночное небо.

— У меня тоже.

Девушка повернулась и с интересом посмотрела на него.

— Какая?

— Сначала ты скажи, что ты предлагаешь.

— Вполне вероятно, что вся информация выгравирована или каким-либо другим способом нанесена на кварцевую пластину фосфорисцирующей краской, которая проявляется только при воздействии определенных частот.

— Ну, разумеется!

— Значит, если мы, предположим, облучим утес в указанной последовательности частот, вся стена вспыхнет под лучами прожектора, и только на одной-единственной пластине загорится послание Сына.

— Правильно.

— Тогда завтра ночью мы отправимся в Ущелье и сделаем сотни снимков.

— Ах,— воскликнул Пэдди, восхищенно глядя в лицо девушки,— какой ум скрывается в этой кудрявой головке!

Фэй рассмеялась.

— Ну, а что ты предлагаешь?

— Я предлагаю тебе выйти за меня замуж, Фэй,— запинаясь, вымолвил Блэкторн.

— Знаешь, Пэдди Блэкторн,— сказала девушка,— ты хочешь жениться на мне не более чем на шолийском капрале.

— Нет, я действительно хочу взять тебя в жены,— убежденно сказал ирландец.— И никогда больше не говори, что это не так.

— Послушай, но это же неправда! Пока мы рядом, тебе кажется, что ты меня любишь, но уже через неделю пребывания на Земле ты забудешь, кто я такая.

— Значит, ты отказываешь мне? — Пэдди посмотрел на Фэй.

Девушка отвела взгляд.

— Я не сказала да, но и не сказала нет. Я дам окончательный ответ не раньше, чем мы закончим операцию и я смогу увидеть, насколько ты джентльмен в повседневной жизни и как ты будешь себя вести, когда перед тобой будет столько искушений.

— Хорошо, Фэй,— сказал Блэкторн, прижимая девушку к груди.— Значит, да?

Фэй оттолкнула его.

— На настоящий момент — нет. И «может быть» — если я буду уверена, что ты перестал думать о маевках. Как я должна буду чувствовать себя, сидя дома с двумя или тремя маленькими Пэдди и зная, что ты щиплешь маевских девушек за ножки?.. Ну, и хватит о глупостях, — заключила она. — Перед нами стоит как никогда сложная задача, а ты только и знаешь, что мечтать об инопланетянках...

— Только один поцелуй, — взмолился Пэдди. — Только затем, чтобы, если шойльцы нас поймают, я умер бы счастливым. Один маленький поцелуй.

— Нет... ладно, но только один... Пэдди... Ну все, а теперь отойди от меня, иначе я начну ограничивать тебя в питании, так что в конце концов женщины будут значить для тебя не больше, чем амбарный филин.

Глава одиннадцатая

Следующий день прошел спокойно. Утро Фэй посвятила выполнению мнимой программы их пребывания на Шоле и сделала несколько биографических очерков о жизни погибшего Сына по материалам Министерства Пропagанды.

Пэдди зашел к электрику и забрал ультрафиолетовый прожектор.

Дейн был чрезвычайно горд своей работой: прожектор представлял собой алюминиевый кейс восемь на девять дюймов, с ручкой для удобства переноски и четырьмя вмонтированными линзами. Сзади находился блок питания и переключатели. На крышке в ряд располагались четыре регулятора со шкалой нониуса, четыре мощностных клапана и четыре переключателя.

— Он надежный? — скептически поинтересовался Пэдди.

— Надежный? — вскричал Дейн. — Да он точен, как Межпланетный Эталон, по которому я выверял шкалы! Я трижды проверял каждый из контуров и ни разу не зафиксировал расхождения!

— Что ж, отлично. Вот ваши деньги и небольшие премиальные.

Днем агент полиции доставил фотографии, сделанные путешественниками в резиденции Сына. Ни один из снимков не пропал, и ни один из кадров не был уничтожен.

Наступил вечер, и небосклон вновь окрасился в сиреневые тона. Пэдди и Фэй погрузили оборудование на выдавшую виды экскурсионную лодку, поднялись над Эвели и взяли курс на Туманное Ущелье.

Не прошло и нескольких минут, как по правому борту снова возник патрульный корабль.

Тот же самый капрал поприветствовал землян и презрительно окинул взглядом незатейливое оборудование.

— Мы хотим сделать несколько ночных фото, — пояснила Фэй, — Свечение скал в темноте впечатляет. Надеемся, ультрафиолетового прожектора будет достаточно для нашей камеры.

— Так вот, значит, для чего вам это понадобилось! — Капрал пожал плечами. — Мы не задерживаем вас.

Корабль журналистов скользнул в расселину.

— Так вот для чего вам понадобилась эта конструкция, — фальцетом передразнил Пэдди. — Странно, что он не спросил, когда состоится наша свадьба, — в последнее время полиция так интересуется нашими делами.

Лодка приземлилась на террасе перед резиденцией. Благодаря слабому свечению скал казалось, что весь мир погружен в волшебную пелену тумана.

Фэй вздохнула.

— Если бы я не нервничала и не боялась так сильно, я бы влюбилась в эти места.

— Мы можем приехать сюда во время медового месяца, — заметил Пэдди.

Девушка попыталась разглядеть в темноте лицо Блэкторна. Она не поняла, шутил он или нет.

Неожиданно рядом с ними раздался голос: «Добрый вечер», — это был шолиец-мажордом.

— Хотите еще поснимать?

— Совершенно верно, еще несколько фотографий, — дружелюбно ответил ирландец. — Возможно, нашим читателям было бы небезынтересно увидеть, как вы заправляете постели, выбрасываете мусор и убираете знаменитое фамильное серебро.

— Мне очень жаль, но боюсь, это невозможно.

— Что ж, тогда, если вы позволите, мы бы побродили по парку.

— Вам не нужно спрашивать моего разрешения, — бархатым голосом пропел шолиец. — Из Эвелии пришел приказ пускать всех желающих осмотреть резиденцию.

— Мы бы неплохо смотрелись вдвоем на сцене, — с усмешкой проговорил Блэкторн, пытаясь повторить бархатные интонации шолийца.

Клобук мажордома затрясся. Он повернулся и покинул террасу.

В течение часа, используя разные ультрафиолетовые частоты, журналисты снимали виллу и погруженный в безмолвие сад. Наконец они потихоньку обогнули особняк и подобрались к террасе, с которой открывался вид на кварцевую скалу.

Пэдди направил прожектор на утес. Скала вспыхнула ослепительными красками: красные, ярко-желтые, золотые, лимонные фрагменты мозаики создавали на полированных гранях фантастические узоры. Блэкторн лихорадочно и бессистемно переключал регуляторы частот, в то время как Фэй делала фотографии.

— А теперь в установленном порядке, — прошептала девушка.

Пэдди установил необходимые параметры.

— Ты запоминаешь номера кадров?

— Да, с триста шестого по триста девятый включительно.

Пэдди одновременно нажал на все четыре переключателя, и в ту же секунду искры, линии и круги на указанном в манускрипте квадрате соединились в единый легко читаемый рисунок. Более того, расположение записей было таким же, как и на предыдущих чертежах — два параграфа и две колонки цифр.

Используя каждую из указанных частот в отдельности, Фэй и Пэдди сделали четыре снимка, а потом, на всякий случай, еще несколько кадров.

— Вернемся на корабль,— предложила Фэй.

— Невероятно, но, похоже, у нас получилось,— восторженно произнес Блэкторн.

Когда они в последний раз поднялись над Туманным Ущельем, патрульный корабль не замедлил появиться, и капитан, как и в первый раз, потребовал камеру и ультрафиолетовый прожектор.

— Если цензор не обнаружит ничего, что по каким-либо причинам не может быть опубликовано, завтра вам вернут аппаратуру,— объявил он.

В течение следующего утра Фэй собирала информацию о погибшем сыне, а Пэдди тем временем под предлогом устранения течи по ватерлинии безуспешно пытался обнаружить камеры слежения.

Днем агент принес путешественникам пленку. Фэй отыскала кадры 306, 307, 308, 309. Все оказались на месте, изображение было четким. При вторичной экспозиции на снимках должна была проявиться одна пятая информации по сборке генератора.

— Пойду в двенадцатый отдел,— сказал Пэдди.

Перейдя взлетное поле, Блэкторн зашел в терминал, отыскал комнату номер двенадцать и забрал рычаг сцепления и ключи.

Земляне наполнили канистры водой, обновили блоки питания. И, когда Альмах начал медленно погружаться в огненный водоворот вечернего тумана, их лодка взлетела и люди увидели под собой освещенное полушарие планеты, похожее на половинку апельсина.

— Фэй,— с вздохом облегчения начал Пэдди,— я, наверное, похудел на десять фунтов, пока...

— Шш,— прервала его девушка,— сначала надо убедиться, что на корабле нет камер слежения и микрофонов.

И за час, в то время как Пэдди подавал ей советы, Фэй обнаружила два жучка, замаскированных под кнопки на панели управления, и камеру, установленную на ручке одного из ящиков под потолком.

— Ну вот, — перевела она дыхание, — теперь можно говорить, хотя мне до сих пор страшно.

Пэдди приблизился к девушке.

— Может быть, у нас будет время для одного-двух поцелуев?

Фэй вздохнула.

— Ладно... эй, прекрати, — тут же возмутилась она. — Пэдди Блэкторн, я сказала, прекрати! Ты никогда не женишься на падшей женщине, а я намереваюсь стать твоей женой на законных основаниях и отравить тебе остаток жизни. Так что, пока наши отношения не зарегистрированы, веди себя прилично.

Лодка тихо скользила среди погруженной во мрак пустоты, столь же далекая от миров, где дышала жизнь, как и душа от тела после смерти. Пэдди и Фэй наблюдали звездное небо сквозь прозрачный купол корабля.

— Теперь, когда четыре пятых информации у нас в руках, меня начинает трясти от страха, — проговорил Блэкторн.

Фэй слабо улыбнулась. Она выглядела усталой. Глаза девушки светились лихорадочным блеском, кожа стала прозрачной, тонкие пальцы утончились и дрожали.

— Так всегда бывает, Пэдди, — произнесла она. — Когда ты охвачен отчаянием, любой успех кажется головокружительным. А сейчас...

— Когда меня приковали к крохотному астероиду, — ответил Блэкторн, — я и мечтать не мог оказаться в такой красивой лодке, как эта. Я бы все сделал ради возможности очутиться под этим прозрачным куполом. Мне нечего было терять. Теперь все совсем иначе. Мне есть для кого жить. — Он скользнул ласковым взглядом по волосам Фэй.

Несколько минут они сидели молча. Корабль рассекал космическое пространство, и люди, находящиеся в нем, не знали, с какой скоростью они проплывают мимо далеких звезд. Может быть, лодка и не двигалась вовсе, а неподвижно застыла в окутывающем ее мраке. Даже если бы путешественники захотели убедиться, что они движутся, они не смогли бы этого сделать.

Рука Фэй затряслась, и девушка неуверенно рассмеялась.

— Похоже на глаз котонца.

— Из всех лангтрийских рас я ненавижу только их, — заявил Блэкторн.

— Возможно, это потому, что они более всех претерпели изменения в ходе эволюционного процесса.

Пэдди пожал плечами.

— С другой стороны, котонцы и шолийцы больше всего похожи на нормальных людей. Шолийцев от землян отличают кожаные капюшоны, котонцев — глаза-блюдца.

— Но, помимо внешности, есть еще и менталитет. Шолийцы в этом плане недалеко ушли от людей, землянам понятно большинство их поступков. Котонцы же вне понимания обычного человека, словно они — порождение их сумрачного мира. Когда говоришь с кем-нибудь из них, кажется, что перед тобой самая необыкновенная личность — существо, по своим качествам достойное победить в борьбе за существование. Но видеть их во время массовых зрелищ...

— Или на публичных казнях, как мне довелось однажды, когда я был механиком на ракете Кристобель...

Фэй содрогнулась.

— ...тогда они превращаются в безликую массу — бесконечные ряды огромных глаз. Больше ты уже ничего не видишь. Множество глаз, распахнутых как раковины устриц. И тут понимаешь, что все они одинаковы в своем индивидуализме. Похоже на массовое помешательство.

— Даже если бы ты сказал им это прямо в лицо, они бы не обиделись — они почти лишены эмоций, как бесчувственные пни.

— Почти лишены? Да у них вообще их нет.

— Ну почему же? Ты забыл о любопытстве, злобе и гордости.

— Действительно, — согласился Блэкторн. — Они трусливы, и, кроме того, их ежегодные оргии не могут не внушать отвращения.

Девушка покачала головой.

— Ты акцентируешь внимание не на тех вещах. Их страх не похож на страх землян. Это скорее своего рода осторожность. Они не впадают в панику и не поддаются безотчетному ужасу. В их страхе нет ничего гормонального. Точно так же как в их половых отношениях не больше чувственности, чем в почесывании зудящей царапины. Может быть, их главное отличие как раз в том, что гормоны и железы их организма столь мало влияют на формирование личности котонцев.

Пэдди сжал кулаки и стиснул зубы:

— Я ненавижу червей и мух, но, убив котонца, я буду чувствовать не больше угрызения совести, чем раздавив надоедливое насекомое.

— Вряд ли я могу винить тебя, — произнесла Фэй. — Действительно, они безжалостны.

— Я слышал, они едят людей и при этом испытывают удовольствие.

— А почему бы и нет? — мрачно произнесла Фэй. — У каждого свои вкусы. Точно так же земляне любят инжир.

Ирландец заскрежетал зубами.

— Нервно-паралитический скафандр — их изобретение. Что может красноречивее свидетельствовать об их жестокости? — Он поднес руку ко лбу. — Мне даже подумать страшно, что я вынужден подвергать тебя риску оказаться в этом скафандре.

— Я ничем не лучше тебя, — ответила девушка.

Блэкторн вскочил на ноги.

— В любом случае мы не должны поддаваться преждевременной панике. Может быть, все пройдет легко и гладко.

Фэй прочитала слова последнего манускрипта: «Тихийское плато, где Арма-Гет показывает героев изумленным звездам. Под моей могущественной правой рукой».

— Пэдди, ты знаешь что-нибудь об Арма-Гете?

Он кивнул и посмотрел на звезды, сиявшие перед кораблем.

— Это что-то вроде мемориала героям среди долины, «вторжение и фотосъемка караются мучительной смертью».

— Почему?

— Таков их закон. Равнина очень велика — пятьдесят квадратных миль — и абсолютно плоская, как стол. Миллионы асмазийских, кудтийских и земных рабов готовили место для монумента. Нигде не найдется и камешка размером с горошину, который нарушил бы идеально плоскую поверхность. Посреди долины высятся гигантские статуи прежних Сынов. Сэм Лангтрий восседает в окружении своих потомков.

— Ты говоришь так, как будто ты был там, — с удивлением в голосе произнесла Фэй.

— О, нет, не я. Туда не пускают никого, кроме ктонцев, да и то немногих. Мне однажды рассказала об этом пьяная шолийка.

— В таком случае, нам нелегко будет пробраться туда, — удрученно сказала девушка.

— Если бы у нас был корабль с полным вооружением, мы могли бы свалиться им прямо на голову, разнести вдребезги все, кроме того, что мы ищем, и исчезнуть, не дав им возможности опомниться.

Фэй покачала головой.

— Только не на Котоне. Планета охраняется пятью спутниками, зондирующими каждую квадратную милю. И десяти секунд не прошло бы, а от твоего лайнера осталось бы уже одно мокрое место.

— Ладно, — сдался Пэдди. — Я просто так говорил — чтобы дать мыслям побродить на свободе.

Фэй нахмурилась и тревожно покусывала губы.

— Надо что-то придумать. Имея в руках четыре пятых всей информации, мы сейчас не можем позволить им поймать нас.

— Теперь уже ничто не имеет значения.

В кабине воцарилась тишина.

Первым прервал молчание Блэкторн:

— Ты опустишь корабль как можно ниже, и я спрыгну с парашютом прямо в центр Арма-Гета. Воспользовавшись темнотой, я заберу последний чертеж и выйду на равнину, где ты и подхватишь меня.

— Пэдди, ты это серьезно? — тихо спросила девушка.

— Конечно, Фэй. Как же иначе? Признаться, от одной мысли об этом у меня мурашки бегут по спине.

— Пэдди, ты слишком молод, чтобы думать о смерти.

— Я знаю,— согласился он и добавил: — Слишком молод для эшафота.

— Даже приближаться к планете опасно,— волновалась Фэй.— Форты фиксируют каждый мало-мальски необычный объект. Котонцы далеко не такие дружелюбные и общительные, как прочие обитатели лангтрийских миров. Если мы приземлимся на Монтрийском аэродроме, нам снова придется пройти тщательнейший досмотр. В этом отношении котонцы гораздо дотошнее шолийцев.

Пэдди стиснул зубы.

— Если удача нам не изменит, мы минуем форты.

— Нельзя полагаться только на удачу,— возразила Фэй.— Надо рассчитывать на собственную сообразительность.

— Не забывай об удаче, издавна сопровождающей клан Блэкторнов,— напомнил Пэдди.— Впрочем, знаменитая мудрость Блэкторнов также немало способствовала их успехам.

— Тогда воспользуйся ими обеими! — поддразнила его Фэй.— Что будет, если они схватят тебя, как только ты высадишься на планету, и выпытают все, что ты знаешь? Скажем, о Дельте Триангул?

Пэдди поежился.

— Не говори так. У меня сердце в пятки уходит.

— Но ведь это возможно. Если мы потеряем добытые нами четыре чертежа, в руках у котонцев окажется вся информация о генераторе!

— Честно говоря,— размышлял Пэдди,— я уверен, что, если тебе придется выбирать между спасением Пэдди от нервно-паралитического скафандра и спасением Земли от рабства, ты бросишь несчастного ирландца на произвол судьбы.

Девушка задумчиво посмотрела на своего спутника.

— Вполне возможно.

Пэдди содрогнулся.

— Это надо же, чтобы из миллионов женщин Вселенной мне в напарницы досталась такая же бессердеч-

ная, как Хэг из Маккийских гор, которая отдала своего мужа дьяволу в обмен на козу.

— Владычество в космосе необычайно важно для Земли,— подчеркнуто холодно заметила Фэй.— Нужно сказать, что сейчас чертежи генератора находятся в не большей безопасности, чем если бы они были при нас. И именно поэтому никто из нас не имеет права рисковать собой.

— Если бы мы могли передать их надежным людям на Земле, между нами не возникло бы никакой неясности или конфликтов,— барабанил пальцами по столу, сказал Блэкторн.

— А между нами и так нет неясности и конфликтов,— не без бравады в голосе начала Фэй.— Я люблю жизнь и люблю тебя... нет, Пэдди, отойди от меня,— но я люблю еще и Землю, континенты и океаны старого мира и, более всего, старых добрых людей.

— Иногда я начинаю бояться тебя,— заметил Пэдди.— У тебя воля одержимосго фанатика.

Фэй пожала плечами.

— Вовсе нет. Да ты и сам испытываешь такие же чувства, только не выражаешь словами.

Пэдди не слушал. Он сосредоточенно уставился в одну точку и потирал рукой подбородок.

— Постой-ка... Лангтрийские корабли вьются вокруг Земли, как рой пчел вокруг меда. Только и ждут, что кто-нибудь попытается провести чертежи на планету.— Нам остается только передать информацию по космической частоте.

— Полиция все равно заглушит радиопередачу. А если мы будем слишком долго вести трансляцию из одной точки, они запеленгуют местонахождение корабля и схватят нас.— Фэй встала с кресла и нервно зашагала по кабине.

— Есть еще один шанс,— торжественно изрек Блэкторн.— Лунный Экспресс в Агентство Земли.

— Ууууф. Ты выжил из ума!

Пэдди дотянулся до Звездного Альманаха.

— Подожди, подожди,— сказал он,— ты еще не знаешь, на что способны мозги Блэкторнов.— Послюнив палец, он перевернул страницу и пробежал глазами по

колонкам. — Вот это да! В этом году не произведено ни одной доставки.

— Пожалуйста, перестань меня мистифицировать и объясни, что ты ищешь.

— О, я предполагал, что где-нибудь в космосе может находиться комета, направляющаяся к Земле. С ее помощью мы смогли бы переслать чертежи. Однако в ближайшие восемь месяцев на орбите Земли не ожидается появления ни одной кометы.

Фэй погрузилась в глубокие размышления и ничего не ответила. Пэдди повел плечами.

— Думаю, у нас должно все получиться. Ведь остается еще знаменитая удача Блэкторнов.

Белесый, как устрица, Котон, сумеречный Котон появился по курсу корабля.

— Эта планета навевает на меня ужас, — прошептала Фэй. — Такая зловещая и туманная.

Пэдди испугался, услышав, что с губ его слетают непонятные звуки, никак не напоминающие беззаботный смех, который он попытался изобразить.

— Не бойся, Фэй, я быстро. Раз, два, три — вниз, к тайнику, и снова на корабль, как старина Финниган из Бантри.

— Надеюсь, Пэдди.

— А теперь подождем, пока форты удалятся друг от друга настолько, чтобы мы смогли проскочить незамеченными.

— Над Кай-Люрским квадрантом небо свободно, — Фэй указала на просвет между двумя фортами.

— Тогда снижаемся, — скомандовал Блэкторн. — А теперь помолись святому Антонию, если ты принадлежишь к католической вере...

— Нет, я не католичка, — отрезала Фэй. — Кстати, если бы ты уделял кораблю больше внимания, чем религии, мы бы только выиграли от этого.

Пэдди покачал головой и с упреком взглянул на напарницу.

— Если бы тебя слышал отец О'Тул, как бы он захохотал. Начинай снижаться и погаси огни, если мы не хотим быть обнаруженными.

Громада Котона заслонила собой весь горизонт.

— Давай! — крикнул Пэдди. — Отключай питание, и мы камнем рухнем на планету. Надеюсь, они там на фортах не слишком бдительны.

Прошло десять минут. Не говоря ни слова и напряженно прислушиваясь, путешественники не покидали темной кабины; отраженный блеск Котона освещал их бледные сосредоточенные лица.

Горизонт расширялся. Люди чувствовали, как корабль разрывает под собой слои атмосферы.

— Прошли, — облегченно вздохнула Фэй. — Мы уже внизу. Запускай питание, Пэдди.

— Еще рано. Подождем, пока лодка не опустится до уровня общественного транспорта.

Сумеречная поверхность степи Кай-Люр неумолимо приближалась.

— Питание, Пэдди! Ты хочешь, чтобы мы разбились? — выкрикнула девушка.

— Еще рано.

— Пэдди! Деревья!

Толчок заработавшего мотора, рывок руля — и лодка заскользила всего в нескольких ярдах от поверхности, едва не касаясь брюхом земли, и, то и дело подпрыгивая на ходу, пересекла равнину.

— Отлично, — с энтузиазмом произнес Блэкторн. — В какой стороне находится Арма-Гет?

Фэй, все это время напряженно следившая за его действиями, выпрямилась в кресле.

— Ты ненормальный!

— Чем ниже мы будем двигаться, тем меньше вероятности, что нас заметят, — пояснил ирландец. — Где Арма-Гет?

Девушка посмотрела на карту.

— По компасу — сто пятьдесят три румба. Около тысячи километров. У нас на пути довольно большой город — Дхад. «Дорожное движение на Котоне», — посмотрим. — Она пролистала несколько страниц Дорожного Движения Вселенной. — Нам нужно двигаться по четвертому уровню. Скорость — две тысячи километров в час. На твоем месте я бы обошла Дхад стороной.

Пэдди пожал плечами.

— На четвертом уровне нам одинаково безопасно лететь и над городом, и над неосвоенными территориями. Возможно даже, что лететь над городом безопаснее, во всяком случае, мы не будем привлекать внимания.

Внизу показался Дхад: низкие строения с широкими плоскими крышами промелькнули под кораблем жемчужным отсветом в темноте опустившейся ночи и скрылись так же молниеносно, как и возникли. Путешественники пересекли горный хребет, взлетели на вершину Монт-Закау, идеальной формы конус высотой восемь миль, и плавно заскользили над Тихийской Равниной.

Лодка опустилась и, поскольку земляне не решались сойти на поверхность, замерла в воздухе. Фэй и Пэдди напряженно всматривались в темноту.

— Должно быть, мы уже близко,— прошептал Блэкторн.

— Попробую посмотреть в инфракрасном излучении,— Бэйзил поднялась с места.— Монумен в десяти милях влево. Все выглядит спокойно. Можешь еще немного снизиться — под нами ничего нет.

Пэдди снизил корабль, так что тормозные колодки почти касались земли, и взял курс на Арма-Гет.

— Еще примерно три мили,— сказала Фэй.— Уже довольно близко. Мы не знаем, насколько хорошо объект охраняется и охраняется ли вообще.

Пэдди посадил корабль. После долгого перелета люди ощутили непривычную, почти мертвую неподвижность и безмолвие. Открыв порт, они высунули головы наружу и прислушались. Кроме отдаленного стрекотания насекомых, не было слышно ни единого звука. Впереди, в трех милях, на фоне светящегося сероватого котонского неба, возвышался расплывчатых очертаний силуэт монумента.

Стараясь говорить как можно тише, Пэдди повернулся к напарнице.

— Мои инструменты, пистолет и фонарь. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я вернусь.

Девушка наблюдала, как Блэкторн собирался.

— Пэдди...

— Что еще?

— Мне лучше пойти с тобой.

— Может, ты действительно пригодишься, — легко согласился Пэдди. — Если ты понадобишься, я вернусь за тобой. А пока надо прояснить обстановку. Я пойду на разведку, а ты прикроешь меня. Я не буду ничего предпринимать, если только, конечно, чертежи не окажутся у меня под рукой, так что смешно будет не воспользоваться удачей.

— Будь осторожней, Пэдди, — произнесла Фэй, и голос ее дрогнул.

— Хорошо, можешь на это рассчитывать. Ты тоже будь аккуратна. В случае опасности удирай. Если услышишь стрельбу или шум погони, не жди меня.

Он спрыгнул на землю и остановился, вслушиваясь в темноту. Стрекотание кузнечиков, словно миллиарды крохотных колокольчиков, оглашало окрестности.

Блэкторн двинулся по гладкой равнине к возвышавшимся посреди нее скульптурным изображениям. Они росли, их силуэты все отчетливей вырисовывались на фоне жемчужного неба и, казалось, хотели дотянуться да звезд. Ни звука, ни намек на движение, ни луча света. Блэкторн замедлил шаг, слух и зрение его обострились до предела.

Пэдди подошел к каменной, в человеческий рост, стене, холодной и влажной. Он провел рукой по верхним камням, ухватился за край, подтянулся на руках и оказался на большой мощеной платформе. С двух сторон от него возвышались темные статуи котонских Сынов Лангтрии, — ряд за рядом они, недвижные, восседали в низких креслах, взирая глазами-жемчужинами на расстилавшуюся у их ног священную Тихийскую Равнину.

Мгновение Пэдди неподвижно сидел на холодном камне, вслушивался и всматривался, чувствуя напряжение каждого нерва. Затем он поднялся и пошел по направлению к ближайшему изваянию. Где же последний Сын? Поразмыслив, он решил, что статуя погибшего правителя должна была замыкать ряд героев.

Подойдя к постаменту, Пэдди осмотрел полированные грани и разглядел слабо люминесцирующие бук-

вы — Лойори, XVII Сын Лангтрии. За именем следовали года жизни и хвалебная эпитафия.

Он должен быть где-то рядом, подумал Пэдди. Погибший Сын был девятнадцатым в династии.

Неожиданно до слуха Блэкторна донесся звук шаркающих шагов. Он схватился за пистолет и замер.

В тридцати футах от него прошли две темные фигуры. В ночи промелькнул молочный блеск способных видеть в темноте глаз, и катонцы прошли мимо. Заметили ли они его? Пэдди задумался. На их лицах не отразилось и тени удивления. Возможно, они приняли его за паломника. В любом случае, следовало поторопиться.

Землянин приблизился к следующей статуе. Гольгах, XVIII Сын Лангтрии, гласила надпись.

Наконец он прочел на постаменте: Ладха-Кудх, XIX Сын Лангтрии. Пэдди находился у цели, пятый чертеж покоился под правой рукой каменного великана. Тяжелая кисть катонца лежала на колене ладонью вниз. Блэкторн огляделся по сторонам. Ни звука, ни движения — казалось, никто не охранял монумент от непрошенных гостей.

Тогда он уперся носком ноги в выбоину и взобрался на пьедестал. Шум шагов заставил его прижаться к ножке огромного каменного кресла. Звуки затихли вдали.

Сердце бешено колотилось. Ирландец по креслу вскарабкался на колени Ладха-Кудха. Над его головой виднелось суровое лицо убитого им катонца, и измученному сознанию Блэкторна показалось, что огромные жемчужины, которыми были инкрустированы глазатарелки Сына Лангтрии, испепеляли его обвиняющим взглядом.

Пэдди вздрогнул.

— Если ирландский дух банши собирается огласить окрестности своими стонами, сейчас самое время. О Господи, сделай так, чтобы привидение катонца все еще бродило на астероиде, где он умер!

Блэкторн перебрался по правому колену статуи к громадной ладони и ощупал холодные пальцы каменного Сына.

«Где же тайник? — подумал он. — Эти пальцы сами поднимутся и отдадут мне свое сокровище, или мне понадобится немного порошка Юпитера, чтобы приподнять эту лапу? Попробую воспользоваться ломом».

Блэкторн отстегнул от пояса железную пластинку, подsunул ее под ладонь статуи и налег всем телом. Раздался треск. Большой палец гиганта разломился и с грохотом упал на цементный постамент.

Пэдди наклонился над рукой котонца и стал простукивать место разлома, провел рукой по холодному камню — его пальцы нащупали лишь края трещины. Ирландец извлек фонарь и направил тончайший луч на разлом. Так и есть — тайник: Пэдди снова взялся за лом.

Неожиданно снизу раздался резкий окрик:

— Что ты там делаешь наверху? Спускайся немедленно, или я стреляю!

— Я иду, — поспешил ответить Блэкторн и, запустив руку в полость, извлек небольшой металлический ящик и сунул его в рюкзак.

— Спускайся! — повторил голос. — Именем котонского правосудия, немедленно спускайся.

Блэкторн медленно сполз с коленей Ладха-Кудха. Попался на месте преступления! Интересно, много их здесь? Он пытался разглядеть того, кто окликнул его, но видел лишь крошечную тьму. Но котонцы, несомненно, следили за каждым его движением своим сумеречным зрением.

Блэкторн скатился по ножке каменного трона. Если бы он только мог видеть! Он включил фонарь и пробежал лучом по серой земле. Три котонца — в полицейской форме и автоматами на взводе — зажмурились, ослепленные неожиданной вспышкой света. Пэдди выстрелил — раз, другой, третий — и оставил их лежать на холодном камне. Затем он прыгнул с монумента, с грохотом повалился на землю, тут же вскочил на ноги, бросился к краю возвышения и кубарем скатился на мягкую почву Тихийской Равнины.

Здесь он остановился и прислушался, но услышал лишь собственное шумное дыхание. Темнота угрожающе навалилась на землянина, и Блэкторн не решался

больше включить фонарь. В это время слышались шаги и злобные голоса.

Пригибаясь к земле, Пэдди бросился через равнину. Он слышал, как за его спиной раздался пронзительный свист, и в то же мгновение над его головой с шумом пронесся снаряд.

Пэдди бежал из последних сил, у него перехватило дыхание. Вглядываясь во мрак, он думал лишь об одном: «О, только бы добраться до корабля. Фэй, Фэй, открой порт!»

Вдруг он услышал приближающийся спереди топот и явственно различил группу кстонцев, бегущую ему навстречу. Пэдди отчаянно отстреливался, раздавал удары направо и налево, колотил обступивших его кстонцев, но силы были неравными — один из них вырвал у Блэкторна пистолет, а двое других скрутили ему руки.

Глава двенадцатая

Не тратя лишних слов, охранники ловко заломили Блэкторну руки и, обмотав кисти несколькими слоями липкой ленты, бросили его на дно космической лодки. Корабль взметнулся в воздух и исчез в небе Котона.

Ночь отступала. Тусклый рассвет тайком прокрался на борт и окатил находившихся там людей ледяным холодом. Пэдди лежал на полу между двух скамей. Четыре охранника-кстонца следили за ним ничего не выражающим взглядом.

Когда лодка приземлилась, охранники схватили Блэкторна, протащили по бетонному полу корабля, затем поволокли его вниз по сходням и через площадку. Пэдди успел разглядеть вдали высокое, похожее на паучью сеть сооружение и, узнав в нем Монтрийский Дорожный Патруль, понял, что его привезли в Монтрас.

Прохожие-кстонцы шли мимо, не проявляя ни малейшего интереса к действиям полиции. Лишь несколько феразийских Орлов вытянули свои длинные шеи, чтобы разглядеть арестованного. Местные жители все

до единого двигались на полусогнутых ногах, точно комедианты, изображающие людей, обладающих каким-то секретом. Все они обладали густыми светлыми волосами, которые торчали вверх, словно языки пламени. Воины носили коротко стриженные, не более дюйма длиной, волосы. И лишь один человек на Котоне брил голову — лысый череп был привилегией Сына Лангтрии.

Блэкторна протащили через площадь к зданию с глухими стенами; у входа к процессии присоединилось еще несколько охранников в коротких черных френчах, замысловато выкроенных в форме полумесяца.

Арестованного провели темным коридором, наполненным тошнотворным запахом карболовой кислоты, в пустую комнату, в которой, кроме стула и низкого стола, не было никакой другой мебели. Положив связанного преступника на стол, охрана удалилась, предоставив Блэкторна самому себе. Пэдди покрылся испариной; пытаясь порвать сковывающие его путы, он заметался на столе, однако все его усилия оказались безуспешными.

Прошло около получаса, а затем в комнату вошел котонец в регалиях Советника Сына. Приблизившись, он пристально посмотрел в лицо Пэдди.

— Что вы делали на Арма-Гете?

— Я заключил пари, ваша честь, — ответил Пэдди, — и должен был доставить друзьям сувенир с мемориала. Я раскаиваюсь, что совершил проступок. Отвяжите меня, я заплачу штраф, и вы больше обо мне не услышите.

Советник обратился к стоявшему за его спиной капиталу:

— Обыщите этого человека.

Он осмотрел изъятые у арестованного вещи и, обнаружив металлический кейс, метнул на Блэкторна огненный взгляд опаловых глаз, развернулся и вышел из комнаты.

Прошел час. Советник вернулся, однако не вошел в комнату, а остановился у двери и, склонив голову, объявил:

— Зигри Хайнга!

Охранники опустили головы, и котонец с сияющей лысиной появился в дверях и проследовал к столу.

— Так это ты — убийца Блэкторн.

Пэдди не ответил.

Двадцатый Сын Лангтрии хладнокровно задал следующий вопрос:

— Что ты сделал с остальным материалом?

Пэдди проглотил стоявший в горле комок, который, как ему показалось, был размером с яйцо.

— Милорд, прикажите развязать меня, и мы с вами обсудим сложившуюся ситуацию, как мужчина с женщиной. У всего есть свои отрицательные и положительные стороны. Признаюсь, что, возможно, я несколько погорячился.

— Что ты сделал с остальным материалом? — спросил Зигри Хайнга. — Можешь смело сказать мне. Ни тебе, ни твоей планете твое запирательство не поможет, поскольку большая часть данных у нас в руках.

— Буду с вами откровенен, ваша честь, — бесхитростно начал Блэкторн, — у меня никогда не было никакой другой информации.

Сын развернулся и удалился в глубь комнаты. Охранники извлекли из ниши в стене приспособление, напоминавшее кованые доспехи, приподняли Пэдди и поместили его внутрь. Один из котонцев склонился над землянином, привычным жестом раскрыл ему веки и захлопнул забрало. И в ту же секунду каждым дюймо́м кожи Блэкторн ощутил слабое покалывание — электро́ды отыскивали и присоединялись к нервным окончания́м тела. Перед насильно раскрытыми глазами ирландца вспыхнул сферический экран.

Он различал очертания двигавшихся фигур, тусклый свет притушенных огней. Затем перед ним возникла комната с каменным сводом и крашеным полом. Он увидел пронзенного лезвием человека, слышал его крики, с ужасом взирал на его скорчившееся в судорогах лицо.

Подошел охранник и посмотрел на Блэкторна большими пустыми глазами. Пэдди видел, как к нему приблизились солдаты, почувствовал, как они вцепились в его запястья, подхватили его под колени. Он снова

вернулся в реальность. Видение с экрана покинуло его сознание.

Котонцы умели заставить работать заржавевшие мозги. Они отточили искусство пытки до совершенства. Достаточно было воскресить в сознании человека воспоминание о боли, чтобы причинить ему мучения, не нанося повреждений костям или плоти. В нервно-паралитическом скафандре человек проживал всю свою прежнюю жизнь в ощущениях.

Палачи проникали в душу своей жертвы, они знали, как исторгнуть из человека нечеловеческие стоны, как воссоздать в его мозгу запутанные картины воспоминаний, как отточить их настолько, чтобы они превратились в медленно закручивающийся вихрь, увлекающий за собой все существо жертвы.

Под этой пыткой человек терял ощущение времени, мир лишался очертаний и завлакивался дымкой. Нервно-паралитический скафандр становился реальностью, а реальность становилась сном.

Словно удар гонга, до слуха Пэдди донесся голос Советника.

— Что ты сделал с оставшимися чертежами?

Блэкторн не смог бы ответить, даже если бы захотел. Вопрос докатился до его сознания, как оглушающий медный рев, не имевший смысла.

Советник перестал задавать вопросы, и продолжать пытку стало бесполезно.

Неожиданно Пэдди очнулся от небытия и отчетливо различил склоненное над собой лицо Зигри Хайнга.

— Что ты сделал с остальными чертежами?

Пэдди облизал потрескавшие губы. Они не проведут его. Прежде он умрет. Но тут-то и была загвоздка. Под этой пыткой человек редко умирал. Лишь в одном из двадцати случаев включенный в обычном режиме нервно-паралитический костюм способен был убить жертву. Они могли бесконечно и так часто, как им того хотелось, подвергать его мучениям, не нанося соматических повреждений.

— Что ты сделал с остальными чертежами?

Пэдди уставился в бледное лицо котонца. Почему бы не сказать им? Все равно генератор уже навсегда

потерян для Земли. Четыре пятых информации ничем не лучше, чем ее полное отсутствие.

Пэдди поморщился. Сын не оставил ему выбора. Но Фэй! Блэкторн беспокоился о судьбе девушки. Поймали ли ее или ей удалось бежать? Пэдди попытался подумать, но скафандр лишил его всякой способности размышлять.

— Что ты сделал с остальными чертежами?

Зигри Хайнга приблизил к жертве лицо, походившее на маску смерти. Глаза котонца то вылезали из орбит, то прятались под нависшим лбом. Раздувались и потухали, устремлялись на Блэкторна и снова уменьшались в размерах. У Пэдди начинались галлюцинации. Воздух вокруг него наполнился лицами когда-то виденных людей.

Тут был и его отец Чарли Блэкторн, машущий ему вишневой веткой, из своего кресла-качалки на него смотрела его мать, у ног старушки лежал их старый пес колли. Пэдди вздохнул и улыбнулся. Как прекрасно было бы оказаться дома и вдохнуть горький воздух торфяников с примесью соленого морского ветра скиберийских верфей.

Видения порхали и кружились вокруг Блэкторна, сменяя друг друга, как времена года. Тюрьма на Акхабатсе, астероид, тела Пяти мертвых Сынов Лангтрии. Цепочка сцен, промелькнувшая слишком быстро, как киноплёнка. И снова он узнает виденные некогда картины. Спэдис. Врач и Фэй — Фэй, какой он первый раз увидел ее, маленький черноволосый постреленок, а не девушка. И красивая — ах, такая красивая!

Грация движений, завораживающие темные глаза... В сознании Пэдди воскрес ее танец в Камбороджийском Наконечнике, изгибы ее тела, нежного и сладостного, как взбитые сливки. И он считал ее простушкой!

— Что ты сделал с остальными чертежами?

Призраки исчезли, оставив после себя горький привкус разочарования. Пэдди вернулся в пустую комнату, к котонскому Сыну Лангтрии, которому не терпелось заполучить секрет космического генератора, секрет, который вновь возвращался в руки его деда, двадцать раз повторенного в своих потомках.

— Ах ты, упырь, думаешь, я расколюсь? Не при твоей жизни.

— Ты не выдержишь, Блэкторн, — мягко проговорил Сын. — И не такие ломались под пыткой. Ни одно существо ни одной планеты не может бесконечно бороться. Одни не выдерживают и часа, другие сопротивляются день, третьи — два дня. Один конский герой продержался две недели, не произнося ни звука, а потом заговорил, пуская пузыри и умоляя о смерти.

— Полагаю, вы исполнили его желание? — спросил Пэдди.

Рот Зигри Хайнга искривился и задергался.

— Потом мы отомстили ему. О нет, мы не убили его, он жив и поныне.

— Если я заговорю, вы отомстите мне точно так же?

Лицо Сына растянулось в отвратительной ухмылке, от которой у Пэдди перевернулись все внутренности.

— У нас еще есть твоя женщина.

Пэдди почувствовал себя раздавленным, повергнутым в прах. Вот все и кончилось.

— Значит, вы поймали Фэй?

— Разумеется.

— Я не верю, — еле слышно простонал Блэкторн.

Зигри Хайнга постучал блестящими серо-голубыми ногтями по вертикальному конусу на поверхности стола. Раздался звонок. Желтые биджи вошедшего котонца заставили Блэкторна зажмуриться.

— Жду ваших высочайших соизволений, милорд.

— Приведите маленькую землянку.

Пэдди ощущал себя как выдохшийся пловец по окончании дистанции. Зигри Хайнга изучающе взглянул на арестованного.

— Планируете идентификацию с этой женщиной?

— Что? О чем это вы? — Пэдди непонимающе заморгал глазами.

— Вы «любите» ее?

— Не ваше дело.

Сын барабанил по крышке стола.

— Предположим, что любите. Допустили бы вы, чтобы она страдала?

— Какая разница, — спокойно ответил Пэдди, — если вы все равно будете мучить нас, пока вам не наскучит?

— Вовсе нет, — ележно пропел Хайнга. — Мы, котонцы, наименее лицемерные из всех живых существ, наделенных разумом. Убив моего отца и тем самым позволив мне обрить голову, вы сделали меня своим должником. Теперь жизнь и смерть в моей власти. Я всемогущ. Я царствую, предписываю, повелеваю.

Две сотни моих завистливых собратьев уже собрались в Пирамиде Южных Мыслителей. Если вы можете мне утаить знание о космическом генераторе от лже-Сынов с Шола, Бадау, Альфератса и Лористана, тогда моя власть станет безграничной.

— Чтобы убедить меня, вам не хватает красноречия, — сказал Пэдди. — Я вас не понимаю. Вы пытаетесь торговаться со мной? Чего ради? Зачем?

— Мои доводы основания останутся при мне, вас это не касается. Впрочем, в такого рода операции мне следует сохранить лицо.

— Равно как и не терять время? — предположил ирландец.

— Да, не терять время, так как ты можешь потерять память. С теми, кто слишком долго врет в нервно-паралитическом скафандре, такое нередко случается. Воображение начинает вторгаться в область факта, и всякая информация становится недостоверной.

Пэдди зашелся диким смехом.

— Значит, я все-таки загнал вас в тупик. Ваш нервно-паралитический скафандр отказывается жарить ваши каштаны. Ладно, старый филин, каковы твои условия?

Зигри Хайнга бессмысленно уставился в пространство.

— С одной стороны, ты мог бы вернуться на Землю вместе с твоей женщиной и твоим кораблем. Мне не нужны ваши жизни. Два землянина — это такая малость, — котонец сделал жест, будто смахнул песчинку. — Богатства, деньги? — я их не считаю. Вы получите столько, сколько вам будет угодно. — Он снова

повторил прежний жест. — Назовите любую сумму — и я не скажу нет. Это с одной стороны. С другой же...

Неожиданный звук прервал его. Пэдди рывком повернул голову. Женский голос — крик отчаяния и боли — исходил из нервно-паралитического скафандра, который охранники осторожно вкатывали в комнату.

— Это, — промолвил Сын Лангтрии, — твоя женщина. Думаю, она испытывает некоторые неприятные ощущения. И такова альтернатива для вас обоих. Навсегда и до окончания ваших дней.

Пэдди дернулся, чтобы встать, но тут же ощутил абсолютную беспомощность. Зигри Хайнга внимательно наблюдал за происходившим.

— Прекрати это, ты, дьявол! — прохрипел Блэкторн.

Правитель подал знак рукой. Котонец в желтых бриджах опустил рычаг, и из скафандра донесся вздох.

— Позвольте мне поговорить с ней, — проговорил Пэдди. — Я должен поговорить с ней наедине.

— Что ж, — медленно процедил Сын Лангтрии, — я смогу предоставить вам такую возможность.

Глава тринадцатая

— Фэй, Фэй, Фэй! — едва не плакал Пэдди. — Почему ты не улетела с этой проклятой планеты, когда у тебя еще был шанс?

Губы девушки сложились в вымученную улыбку.

— Пэдди, я не могла бросить тебя. Знаю, что должна была. Я отдавала себе отчет, что моя жизнь принесет Земле больше пользы, чем тебе. Я помнила все то, что мне внушали в Агентстве Земли, — и все равно я не могла улететь, не попытавшись помочь. Они захватили корабль.

Они стояли в просторном, длиной несколько сотен ярдов, концертном зале с высоким потолком, залитым сиянием, которое казалось одновременно голубым и желтым, как яркий лунный свет.

Ирландец обвел помещение взглядом.

— Они слышат нас?

— Не удивлюсь, если каждое слово, которое мы произносим, даже шепотом, многократно усиливается и записывается на пленку,— удрученно ответила Фэй.

Пэдди приблизился к девушке и еле слышно проговорил ей на ухо:

— Они хотят выторговать наши жизни.

Фэй посмотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых еще не исчезли следы пережитого ужаса.

— Пэдди, я хочу жить!

— Я тоже хочу жить, Фэй,— жить с тобой,— не разжимая рта, сказал он.

— Пэдди, я думала, все уже закончилось,— с отчаянием в голосе продолжала Фэй.— Не вижу, какой нам смысл продолжать хранить тайну. Что случится, даже если генератор окажется в руках котонцев? Они думают, что Земле все равно не видать генератора, ведь у нас всего четыре из пяти чертежей. И эти четыре,— она зашептала ему на ухо так тихо, что он едва сумел уловить смысл сказанных слов,— я смогу продиктовать по памяти.

— По памя...— выдохнул Пэдди.

— Да. Помнишь, я рассказывала, что нас учили этому.

— О-о-о...

— Если мы будем продолжать хранить молчание, никто не завладеет генератором,— тихо продолжала Фэй.— Через десять лет космические полеты придется прекратить. С другой стороны, если мы расскажем, что нам известно, и вернемся домой, у Земли будет четыре из пяти чертежей.

— Что то же самое, как если бы их вообще не было,— горько заключил Пэдди.— Из тридцати цифровых комбинаций тебе известны лишь двадцать четыре. Двадцать четыре показателя.

Он замолчал и прищурил глаза. Перед его внутренним взором возникла картина из прошлого, такого далекого, что, казалось, все события произошли в эпоху древнеегипетского царства. Он вспомнил сборочный цех на Акхабатсе, где Пять Сынов заряжали вольфра-

мовые цилиндры. Пять панелей, по три циферблата на каждом!..

— Фэй, — пробормотал он, пока еще не смея поверить сам себе, — я не заслужил того, чтобы жить.

Фэй тревожно следила за его взглядом.

— В чем дело?

Пэдди медленно произнес:

— Картина так и стоит у меня перед глазами, я отчетливо вижу каждую деталь. Мы просто непроходимые идиоты, особенно я. На чертежах, — он наклонился к самому ее уху, — помнишь о дубликации?

— Ох, Пэдди! — Фэй еще ничего не понимала.

Блэкторн продолжал:

— Когда я вломился в цех, я видел работающий генератор. Там было пятнадцать контрольных рычагов. А на чертежах по шесть показаний на каждом — всего тридцать. Тебе это ни о чем не говорит?

Фэй кивнула.

— Цифровые комбинации также продублированы. Пэдди, весь генератор у нас!

— Вот именно, — подтвердил Блэкторн. — Нам нужно было приближаться к Котону не более, чем к Южному Кресту.

Фэй опустила и подняла веки в знак согласия.

— Надо уносить ноги, — с необыкновенным воодушевлением сказал Пэдди. — Найти какой-нибудь способ. Ведь в твоей маленькой головке находится космический генератор, который так необходим Земле.

— Они не отпустят нас, Пэдди. Даже если мы расскажем все, что знаем, они все равно убьют нас, — удрученно ответила Фэй.

— Во всяком случае, не раньше, чем мы переждем предохранители нервно-паралитических скафандров.

— О, Пэдди! Надо что-то придумать! Думай!

Оба глубоко задумались.

— Котонский Сын держится за нас, — произнес Блэкторн. — Он сам не свой от страха. Но почему? Может быть, на другие планеты просочилась информация, что он поймал нас, и все агенты, шпионы и секретные службы подняты на ноги, вследствие чего он не хочет

рисковать и удерживать нас, чтобы никто не мог убедиться, что мы действительно у него в плену.

Снова воцарилось молчание.

— Думай! — прошептала Фэй.

— Слушай, — предложил ирландец. — Мы скажем ему, что ты отправишься за чертежами, а я останусь в качестве заложника. Ты полетишь на Землю и передашь информацию о генераторе. Потом ты выкупишь меня за двадцать генераторов или около того.

— При настоящем курсе, — сухо заметила Фэй, — это составит двадцать миллионов марок. Стоишь ты столько?

— Это единственный вариант, который приходит мне в голову, — ответил Пэдди. — Другого способа нам обойтись остаться в живых и передать Земле генератор не существует.

— Зигри Хайнгу не понравятся такие условия, — сказала девушка. — Он хочет, чтобы мы доверяли ему. Получив чертежи, он отпустит нас.

— Интересно... — проговорил Пэдди.

— Что?

— Не согласится ли он вместе с нами отправиться за чертежами? Мы отвезем его сама знаешь куда одного, а потом удерем на корабле.

— Так будет честно, — не дыша ответила Фэй. — Контингенту понравится, что мы без промедления отправимся за генератором. Давай предложим ему наш план.

Осторожно проходя мимо застывших в карауле членов экипажа и осторожно вдыхая белесый, как тело моллюска, газ, Пэдди и Фэй ступили в знакомую кабину лодки, в которой они преодолели необъятные космические пространства.

Зигри Хайнга проследовал за ними. Порт закрылся, и лодка отчалила от станции. Пэдди и Фэй, не говоря ни слова, заняли посты у панели управления; Правитель присел на диване в глубине кабины и откинулся на спинку.

— Как видите, — сказал он, — я исполнил все ваши требования. Мы одни на корабле. Доставьте меня к

тайнику и идите с миром, а я вызову личный корабль. Свою часть договора я выполнил. Посмотрим, сдержите ли и вы данное слово.

Пэдди посмотрел на Фэй и с неловким чувством потер кончик носа.

— Честно говоря, мы хотели бы осмотреть лодку, на случай, если кто-нибудь из ваших людей, невзначай, разумеется, заснул в трюме, продовольственном отсеке или у переднего шлюза.

Сын кивнул.

— Пожалуйста, как вам будет угодно. — И, обращаясь к Фэй, добавил: — Может быть, тем временем вы возьмете нужный курс?

Девушка молча села в кресло пилота, вывела лодку в космическое пространство, и тот же аппарат, который доставил путешественников на Котон, вновь окунулся в океан беспредельности.

Пэдди вернулся и проворчал:

— Никого — ни следа.

— Вам неприятно, что я выполняю условия сделки? — насмешливо спросил Зигри Хайнга.

Блэкторн ответил еле слышным ворчанием. Фэй внимательно вглядывалась в простиравшуюся за иллюминатором темноту. Вдруг она резко потянула штурвал на себя. Лодка круто пошла вверх и снова вернулась в прежнее положение.

— Выгляни наружу, Пэдди, — попросила она. — Что у нас с фюзеляжем?

— Хорошо, — Пэдди снял с крюка скафандр, залез внутрь, закупорил швы, надел шлем.

Котонец молча наблюдал за его действиями.

Блэкторн скрылся за люком, Фэй ждала его возвращения у приборной доски, украдкой поглядывая на Правителя и стараясь проникнуть в план, зревший под этим гладко выбритым черепом.

— Я размышляю, — задумчиво начал Хайнга, — о великих свершениях. Я воплощу в жизнь все богатство моего воображения. Я расширю Арма-Гет и выделю под мемориал квадрант территории планеты.

Сравняю гору с землей, залью долины черным стеклом. Статуи окутает непроницаемая тишина, и посре-

ди них будет величественно возвышаться мой памятник. Я буду в тысячи раз могущественнее кого бы то ни было во Вселенной. Подчиню себе вечность и займу исключительное место в истории.

Фэй повернулась и посмотрела в иллюминатор. Где Солнце? Эта бледная звезда?

Пэдди вернулся на корабль. За ним на борт проследовала какая-то фигура. Сквозь шлем Фэй разглядела пучеглазую голову котонца.

— Я обнаружил его привязанным к корпусу. Так, значит, вы подчиняетесь нашим требованиям?

Зигри Хайнга выпрямился в кресле.

— Тихо, ничтожество! Кто ты такой, чтобы обсуждать мои повеления? Ты должен быть благодарен судьбе, что тебе позволено самому отдать то, что в другом случае вырвали бы у тебя силой. — Он снова откинулся на спинку. — Но раз мы пойманы...

Котонец, взошедший на корабль вместе с Пэдди, не двигался с места. Правитель сделал в воздухе волнообразный жест.

— Вон. Ты больше не нужен.

Охранник колебался: он посмотрел на Фэй, потом снова на Сына Лангтрии, медленно развернулся и вышел через люк. Трое оставшихся видели, как он прыгнул с корабля и, одинокий и отчаявшийся, медленно уносился все дальше и дальше.

— Ну, — обратился Зигри Хайнга к землянам, — теперь вы довольны? Мы одни. Вперед, к тайнику. И, пожалуйста, побыстрее. Вселенная ждет моих подвигов. Да, прошу заметить, пистолет всегда при мне, и я буду начеку.

Блэкторн не спеша подошел к Фэй.

— Давай, Фэй. Бери курс.

Вдалеке слева холодным блеском сияла Дельта Триангул. Под ней угрожающе вырисовывался силуэт мрачной черной планеты. Котонец выглянул в иллюминатор и сказал:

— Дельта Триангул-2, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — коротко ответил Блэкторн.

— Куда теперь?

— Увидите в свое время.

Зигри Хайнга, не говоря не слова, занял свое место.

Пэдди подошел к передатчику и, выйдя на частоту, используемую в наушниках скафандра, послал сигнал: «Алло, алло».

Путешественники обратились в слух. Из приемника еле слышно донеслось: «Алло, алло».

Правитель встревожился.

— Там есть еще кто-то?

— Нет, — ответил Пэдди. Никого, кроме нас. Вышла на курс, Фэй?

— Да.

Под кораблем расстилались плоские и тусклые, как черный бархат, равнины, хаотично разбросанные горы, перемежающиеся ущельями, похожими на оспины или проеденные гигантской молью бреши. Прямо по курсу неумолимо надвигался громадных размеров пик.

— Вот и Свирепый Дракон, — торжественно объявила Фэй.

Она посадила корабль на черную песчаную равнину. Шум двигателей затих, и лодка замерла.

Пэдди повернулся к неподвижно сидевшему в кресле Сыну.

— Теперь слушайте внимательно и не пытайтесь обмануть нас. Будьте уверены — подобного рода попытки не пойдут вам на пользу. Вы можете отнять у нас жизни, но одному вам никогда не найти чертежи.

Котонец, не мигая, смотрел на человека.

Пэдди продолжал:

— Я выйду на поверхность, чтобы достать чертежи. Они надежно спрятаны. Самим вам их не отыскать.

— Достаточно одного моего слова, и через неделю здесь будут работать тысячи рабов, — спокойно заметил Правитель.

Блэкторн проигнорировал его замечание.

— Я заберу чертежи и положу их на тот выступ черной скалы. Фэй останется на борту. Когда я положу чертежи на камень, вы вызовете свой корабль и объясните экипажу, где вас найти.

Затем вы наденете скафандр и пойдете по направлению ко мне; я оставлю чертежи и двинусь к кораб-

лю. Когда мы поравняемся, вы выложите пистолет и только после этого продолжите путь. Как только я буду на борту, мы улетим. Вы получите свои чертежи, и в течение дня ваш корабль заберет вас. Договорились?

— Вы оставляете мне не слишком много шансов, чтобы обмануть вас, — заметил Лангтрий. — Вы высокий и сильный. Если я выложу пистолет, где гарантия, что вы не наброситесь на меня?

Вам определенно ничего не стоит обогнать меня и добраться до корабля раньше, чем я доберусь до скалы. Как в таком случае я могу быть уверен, что вы не подложите мне фиктивные бумажки?

— Воспользуйтесь биноклем, — ответил Блэкторн. — Я буду держать чертежи так, чтобы вы смогли рассмотреть их. Вы проследите, как я буду класть их на скалу. Их невозможно ни с чем спутать. С помощью бинокля вам не составит труда прочитать каждую строчку текста.

— Отлично, — сказал котонец. — Я принимаю ваши условия.

Пэдди залез в скафандр. Прежде чем надеть шлем, он снова повернулся к Правителю.

— Итак, мое последнее слово: никоим образом не пытайтесь надуть нас или снова захватить в плен.

Я знаю, что вы, котонцы, дьявольски мстительны и ничего так не любите, как изощренные пытки. Поэтому предупреждаю, будьте осторожны, или все ваши надежды на мировое могущество пойдут прахом.

— Что вы имеете в виду? — заволновался сын Лангтрии.

— Забудьте, — отрезал Пэдди. — Я иду.

Он покинул корабль. Фэй и котонец наблюдали сквозь прозрачный купол, как Блэкторн тяжело ступал по черному песку по направлению к Пику, пока не скрылся в воронке у подножия столба.

Прошло несколько минут. Пэдди снова появился на поверхности, и в руках его блестили золотые пластины.

Ирландец остановился у черной скалы, поднял пластины над головой и повернул их к кораблю. Зигри

Хайнга схватился за бинокль, прижал окуляры к глазам и стал жадно всматриваться в драгоценные кусочки металла.

Наконец он отложил бинокль.

— Удовлетворены? — с насмешкой спросила девушка.

— Да, — ответил котонец, — вполне.

— Тогда вызывайте свой корабль.

Зигри Хайнга медленным шагом подошел к ретранслятору, включил приемник и сказал несколько фраз на незнакомом Фэй языке.

— Теперь выходите, — сказала Фэй и едва узнала свой голос. — Вы выполнили свою часть договора, мы выполняем свою.

— Между нами еще многое не досказано, — угрожающе прошипел Правитель. — Я не прощу вам ваших оскорблений, вашей наглой самоуверенности.

Фэй действовала молниеносно, сама удивляясь скорости своих движений. Едва ли отдавая себе отчет в происходящем, она бросилась на котонца и вырвала у него пистолет. Поспешно отскочив назад и неловко сжимая оружие трясущимися пальцами, девушка направила дуло на Сына. Зигри Хайнга судорожно глотнул воздух, отпрянул назад и выкинул вперед руку. Наполненные ядом шарики на эластичных нитях просветили в дюйме от лица Фэй.

— Ааа! — закричала она. — Выходи вон! Или я убью тебя, причем с большим удовольствием!

Глава четырнадцатая

Зигри Хайнга, лицо которого приобрело странный мутно-фиолетовый оттенок, влез в скафандр и под дулом собственного пистолета вывалился из лодки наружу.

Пэдди, дожидавшийся появления котонца у черной скалы, увидел торопливо идущего к нему неверной подпрыгивающей походкой Лангтрия и двинулся ему навстречу. Котонец промчался мимо, не спуская жадного взгляда с золотых пластин. Пэдди на мгновение за-

колебался, однако, не увидев у Правителя пистолета, повернулся и побежал к кораблю.

Фэй впустила его в кабину. Скинув шлем, Пэдди тревожно посмотрел на бледное лицо девушки.

— Что случилось, Фэй?

— Нет питания.

У Блэкторна подкосились ноги, пальцы застыли на застёжке-молнии.

— Нет питания?

— Мы на необитаемой планете, — продолжила она. — Котонский корабль прибудет через несколько дней. — Фэй посмотрела в иллюминатор. — Зигри Хайнга ждёт.

— О, — прошептал Пэдди. — Лучше сразу умереть среди черных песков. — Он поднялся на палубу к Фэй. — Ты уверена насчет питания? Я однажды сам попался на кажущемся отсутствии энергии. — Он подергал рычаги. Корабль был мертв.

Пэдди нервно кусал губы.

— Негодяй вмонтировал в генератор реле, которое перекрыло питание, едва мы приземлились. Теперь он, должно быть, злорадствует!

— Чертежи у него в руках, — сказала Фэй. — Он может спрятаться от нас, пока не прибудет корабль. Нам его не отыскать.

— Мы как крысы на тонущем корабле. Попробуй послать сигнал по космической волне!

Фэй щелкнула выключателем приемника.

— Аппаратура тоже мертва, — голос ее звучал глухо и безнадежно.

Пэдди содрогнулся.

— Не произноси это слово так часто. — Он сделал два шага к порту, повернулся, отмерил четыре шага к звездной карте и вернулся к Фэй. — Попробуй подключиться к системе создания гравитации. Она работает на отдельном генераторе, не связанном с основным.

Фэй передвинула переключатель на доске приборов, и вес покинул их.

Пэдди ликовал:

— Теперь, по крайней мере, мы можем улететь с планеты — почва сама уйдет из-под корабля, когда Дельта повернется вокруг своей оси.

— Зигри Хайнга увидит, в каком направлении мы скрылись,— сказала Фэй.— А потом разыщет нас с такой же легкостью, как если бы мы удирали от него ползком по снегу.

Блэкторн поднялся к потолку и, ухватившись за подпорку, сжал ее обеими руками:

— Если бы это была шея котонца,— он заскрежетал зубами.— я бы повис на ней, пока его каблуки бились бы об пол, и смеялся бы ему в лицо.

Фэй устало улыбнулась.

— Не время сейчас мечтать, Пэдди, дорогой.— Она взянула в иллюминатор.— Мы уже поднялись на фут над землей.

Пэдди задумчиво нахмурил лоб.

— Я знаю, как заставить работать турбины. Это выльется нам в миллион марок и, поскольку гравитация отсутствует, тучи дегтя в кабине, но — попробуем.

— Что попробуем, Пэдди?

— У нас на корабле четыре ламповых накопителя энергии, которые не используются. Если мы последовательно будем вскрывать их один за другим, отдача вынесет нас с этой проклятой планеты. Но о накопителях, конечно, придется забыть.

— А ты знаешь, как это сделать, Пэдди? — недоверчиво спросила Фэй.

— Думаю, я просто вырву один из кабелей прибора, это все равно что пробить пожарный шланг.— Он посмотрел в иллюминатор.— Мы поднялись на шесть футов. Посмотри! Котонец! Видишь его? Сидит, спокойный и величественный, и посмеивается над нами. Дай мне пистолет, я сделаю из него христианина — заставлю его молиться и заодно прострелю кабель.

Блэкторн прикрутил шлем, вышел в шлюз и открыл внешний порт. Зигри Хайнга поспешно ретировался за скалу, и Пэдди не без сожаления вынул пистолет. Затем он привязал себя канатом к поручню, нарисовал мишень на одном из нижних кабелей, стиснул зубы и, вверив себя своему ангелу-хранителю, нажал на курок.

Трубка кабеля разлетелась, язык синего пламени вихрем вырвался в пространство и обрушился на землю. Лодка взмыла по косой вверх.

С трудом выпутавшись из ремней безопасности, Фэй бросилась к порту.

— Пэдди! — Она прижалась к окошкам шлюза, сердце ее бешено колотилось.

Пэдди, скорченный, лежал без сознания на полу. Его шлем разбился; воздух, видимый и плотный, как конденсированный туман, со свистом выходил через щели. Кровь струилась из носа Блэкторна и растекалась по лицу.

— Пэдди! — Душераздирающий крик вырвался из груди девушки.

Фэй не могла закрыть внешний люк: ноги Блэкторна торчали наружу. Открыть внутреннюю дверь она не решалась, боясь, что остатки кислорода покинут кабину.

Она прижала ладони к лицу, не в силах удержать судорожные всхлипывания. Затем поднялась и бросилась к рейке, на которой висели скафандры. Просунула одну ногу, другую, боковая застежка, шлем, щелчок — Фэй побежала обратно к шлюзу, борясь с внутренним давлением, потянула дверь на себя, — поток воздуха, вырвавшегося в безвоздушное пространство, чуть не увлек ее за собой в космос.

Она схватила Пэдди за руку и втолкнула его утратившее вес тело против слабющего потока кислорода в кабину.

— Дорогой, — прошептала она. — Ты жив?

В кабине воздух был теплым и свежим. Пэдди лежал на кушетке с повязкой на голове и забинтованной ногой. Фэй сидела рядом и вытирала сочившуюся из его носа кровь.

Пэдди вздохнул и затрясся в лихорадке. Фэй сделала ему третью инъекцию Вивеста-101 и заговорила с ним мягким, как летняя трава, голосом.

Блэкторн дернулся, вздохнул и затих. Фэй склонилась над ним.

— Пэдди?

В ответ девушка услышала ровное дыхание любимого — он спал.

Она поднялась и подошла к иллюминатору. Дельта Триангул превратилась в маленький блестящий шар и совсем затерялась среди других планет.

Прошло три дня. Ни один из котонских кораблей, так похожих на акул, не бросился за ними в погоню. Вероятно, опасность миновала. Возможно, Зигри Хайнга предпочел радоваться тому, что браслеты наконец оказались у него в руках, и не мстить оскорбившим его землянам.

Блэкторн очнулся лишь на четвертый день.

— Фэй, — еле слышно позвал он.

— Да, Пэдди, любимый.

— Где мы?

— Надеюсь, в безопасности.

— Энергии так и нет?

— Нет. Но я поняла, что случилось, и мы легко все починим, как только ты поправишься. Я попыталась разобрать электрическую шину. Она перегорела из-за короткого замыкания и сбила всю систему питания.

Мгновение Пэдди лежал неподвижно. Затем его лицо вдруг передернулось, а рот скривился в ужасной гримасе. Он пробормотал, как будто сам себе:

— Как бы там ни было, Сын сам предуготовил катастрофу для своего народа. Он предатель, это его вина, я тут ни при чем...

Фэй беспокойно склонилась над Пэдди.

— О чем ты, Пэдди?

Блэкторн прошептал:

— Я собирался ему все рассказать еще до того, как он вообще прикоснулся к чертежам, — ведь я не убийца.

Ирландец тяжело вздохнул и отвернулся.

— Такая разрушительная сила в какой-то крохотной точке, Фэй.

Фэй пристально посмотрела ему в лицо. Что это — бред?

— Пэдди, о чем ты говоришь?

— Фэй, — заговорил он слабым голосом, — с тех пор, как я услышал о космическом генераторе, он стал моим помешательством, и дважды, трижды, четырежды, сотни раз я стоял на краю гибели. Так было и на Акхабатсе, когда я по невежеству решил, что смогу проникнуть в сборочный цех и стащить дюжину генераторов.

Однако все оказалось гораздо сложнее. Потоки энергии в трубах, с одной стороны, и пятнадцать змеевиков, где они смешиваются, подвергаются перегонке, разъединяются, — с другой.

Когда все показания установлены, огромная энергия, дремавшая в приборе, издает чудовищное рычание и скручивается в гигантский жгут пламени. Но если хоть один из контуров настроен неправильно, огонь вырывается наружу и разносит весь мир на мелкие клочки.

Когда я попробовал запустить генератор на Акхабатсе, он не был подключен к сети, в кабелях остался лишь небольшой статический заряд, — однако взрывом разворотило весь сборочный цех.

— Почему сейчас ты говоришь об этом? — Фэй, затаив дыхание, следила за мыслью Блэкторна.

— Я хочу сказать, что, когда Зигри Хайнга потянет за рычаг, ад вырвется из недр земли и обрушится на Вселенную.

— Но, Пэдди, — прошептала девушка, — почему? Ведь мы отдали ему подлинные чертежи, те, что принадлежали погибшим Сынам.

— Две крошечные точки, отделяющие целое число от дроби. Два неприметных пятнышка на дубликатах Бадау и Лористана. У меня хватило времени, чтобы поставить две точки.

Фэй выпрямилась и неотрывно смотрела на Блэкторна.

— Они могли бы стать нашим единственным шансом на спасение, если бы котонец решил покончить с нами, — продолжал ирландец. — Я собирался тотчас передать ему точные данные по космической волне, как только мы очутились бы на безопасном рас-

стоянии, потому как у меня и в мыслях нет подвергать чью-либо жизнь опасности. Но если что-то случится, это будет лишь его вина. Он перерезал нам питание и тем самым подписал себе смертный приговор.

— Прошло уже девять дней, Пэдди,— заметила Фэй.

— Хм. Два дня на то, чтобы корабль подобрал его с Дельты, четыре дня пути до Монтраса и три дня там. Очевидно, скоро мы услышим страшные новости.

Он включил приемник: батарейка от карманного фонарика позволяла улавливать слабый сигнал.

По радиоволне донесся голос диктора-шолийца. Путешественники напряженно вслушивались в каждое слово.

— Внимание! Заявление Зигри Хайнга, котонского Сына Лангтрии. Пэдди Блэкторн, сбежавший заключенный и политический преступник, был убит котонским патрулем на одной из необитаемых планет. Дальнейшие детали не сообщаются. Так закончилась крупнейшая в истории космического века охота на человека. Межпланетное движение возобновляется.

— И это все? — разочарованно протянул Блэкторн. — Никаких новостей, кроме того, что я мертв. Уверен, что если бы это было так, я бы первым узнал об этом. Никаких взрывов, катастроф? Или Зигри Хайнга настолько осторожен, что не доверяет чертежам, полученным от собственного отца и дядьев? Чего он ждет?

— Тише, Пэдди, дорогой,— попросила Фэй. — Тебе нельзя нервничать. Лучше вернемся к нашей работе. Через день мы устраним неисправность и пошлем предупреждение.

— Ох,— ирландец тяжело вздохнул,— неопределенность убивает меня. Почему он медлит? — И, не выдержав, воскликнул: — Где новости, Фэй? Давно пора прийти новостям!

Фэй провела по лицу грязной от машинной смазки рукой.

— Подожди еще десять минут, и все будет готово. Осталось только припаять контакты на пере-

ключателе, и мы сможем поймать космическую волну.

Пэдди, подволакивая ногу, допрыгал до приемника. Прежде еле слышные, позывные космической волны огласили кабину. Раздались глухие удары поминального колокола.

Путешественники в оцепенении ловили каждое слово диктора.

— ...невероятный по своим размерам кратер... миллионы погибших... среди них Сын Лангтрии, Зигри Хайнга...

Фэй выключила приемник.

— То самое. Не думай больше об этом. Зигри Хайга и нервно-паралитических скафандров больше не существует.

— Я не хотел, чтобы это произошло, — подавленно проговорил Пэдди.

Девушка подошла к нему и взяла его лицо в свои маленькие ладони.

— Послушай Пэдди, я устала от твоих кривляний! Иди и помоги мне наладить переключатель. А потом мы полетим домой на Землю.

Пэдди издал тяжелый вздох, поднялся и обнял Фэй.

— О лучшем нельзя и мечтать, Фэй!

— Сначала избавимся от чертежей и генератора, а потом...

— А потом мы поженимся. И купим все графство Корк, — вдохновенно продолжал Блэкторн. — Построим дом, милую длинной и такой высокий, как нам захочется, и шампанское будет бить ключом из каждого крапа. Мы будем выводить самых прекрасных лошадей, какие когда-либо участвовали в дублинских скачках. Правители Вселенной при встрече с нами будут приподнимать шляпы.

— От такой жизни мы растолстеем, Пэдди.

— Чепуха! Каждый год мы будем подниматься на борт нашей космической лодки и посещать места, где разыгрывались наши приключения. Акхабатс, Спэдис, планеты Лангтрийской Оси — но на этот раз полиция и Сыны будут гоняться за нами не иначе как в надежде

получить в качестве привилегии разрешение тащить наши чемоданы.

— И не забудь о Свирепом Драконе,— сказала Фэй.— Мы будем приезжать туда одни. А теперь...

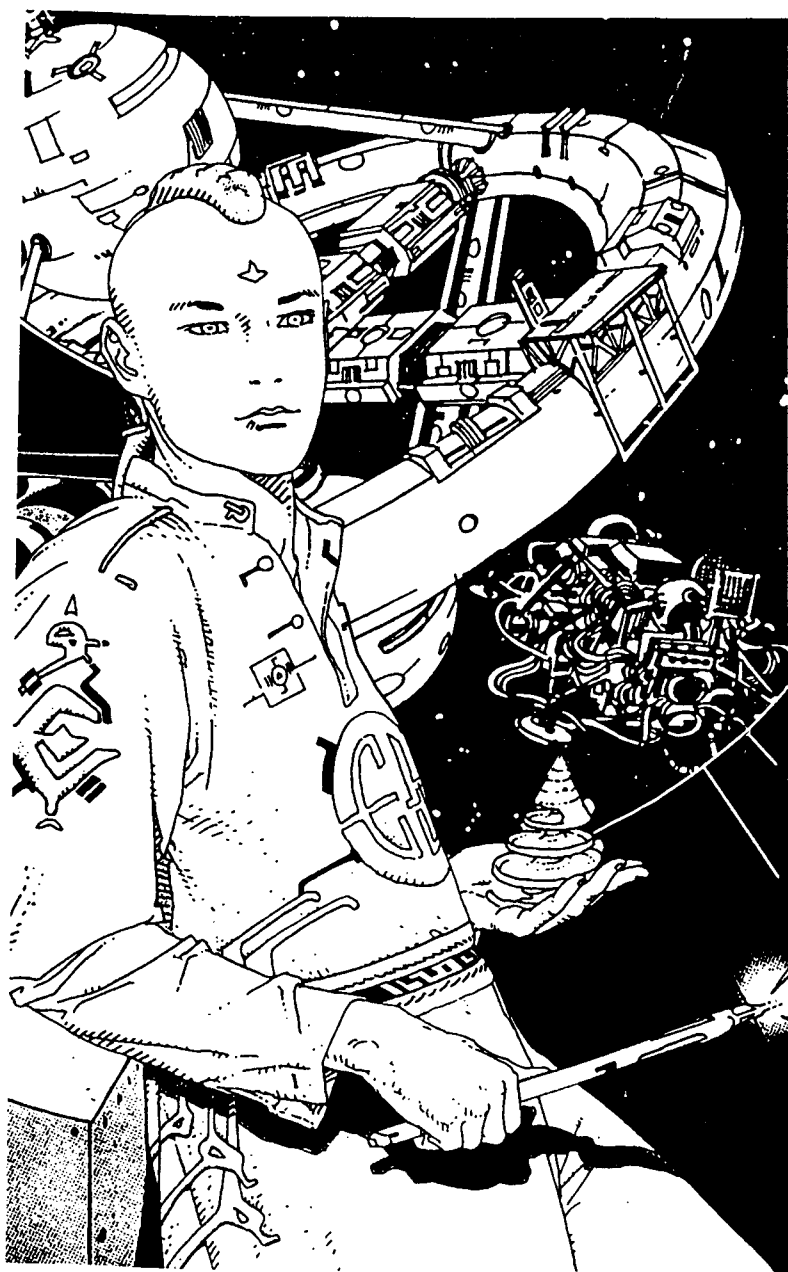
— А теперь?

Через минуту Фэй вернулась к приборам и, переводя дыхание, сказала:

— Сначала переключатель! Принимайся за работу, Пэдди Блэкторн. Через несколько минут мы возьмем курс на Землю.

ЭМФИРИОН

Глава 1

В комнате на вершине небоскреба находились шестеро: трое лордов, коих иногда называют «исправителями»; жалкий нижняк, бывший их пленником, и два гарриона. Выглядела комната странновато: асимметричная, украшенная гобеленами темно-бордового бархата. В узкую бойницу просачивался необычный, дымчато-янтарный свет — такой эффект давало особое стекло. Низкая дверь в форме трапеции была обита черной сталью.

Пленник был распят на специальной раме. Теменные кости черепа удалили; на обнаженном мозге лежал бороздками желтый гель. Над лишенным сознания человеком висел маленький черный излучатель.

Пленник был светлокожим юношей, с мягкими чертами лица, рыжевато-каштановыми волосами, широким лбом и скулами, большим ртом и маленьким подбородком. Словом, не лицо, а олицетворение невинной непрактичности. А вот лорды-«исправители» были личностями иного типа. Двое — высокие и худощавые, с серой кожей, длинными тонкими ногами, свинцовыми губами и плотно прилегающими к головам блестящими черными волосами. Третий же был постарше, помассивней, с чертами стервятника, пристальным горящим взглядом и темно-багровой кожей. Лорд Фрей и

лорд Фантон держали себя весьма надменно; а великий лорд Дугалд «Буамарк», казалось, с трудом сдерживает беспокойство. На лордах были черные одежды изысканного покроя и шапочки из усыпанной самоцветами металлической сетки.

Стоявшие в глубине помещения гаррионы фигурами были подобны крепким мужчинам, но покрыты с ног до головы черной шерстью. На них, как обычно, была черная кожаная сбруя и красновато-коричневые фартуки.

Стоящий у пульта Фрей объяснял действие механизма.

— Сперва каждый пучок излучения ищет какой-то синапс. Когда мигание прекратится, и индикаторы совпадут,— Фрей указал на пару черных стрелок,— он станет ничем: грубым животным, полипом с немногими мускульными рефлексам. Поскольку лорд Дугалд не намерен перестраивать...

— Это пират,— прохрипел Фантон.— Он должен быть изгнан.

— ...мы будем поочередно ослаблять контроль над различными отделами мозга до тех пор, пока он не сможет давать правдивые ответы на вопросы лорда Дугалда. Хотя, признаться, его мотивы мне совершенно непонятны.

— Они достаточно весомы,— отозвался Дугалд.— Приступайте.

Фрей коснулся первой из семи клавиш. На желтом экране корчился и извивался черный силуэт. Фрей подкрутил рычажки; силуэт уменьшился до диска размером с монету, дрожащего в одном ритме с пульсом пленника. Юноша захрипел, застонал и пошевелился. Он увидел лорда Фантона и лорда Дугалда: черный диск на экране дернулся. Увидел гаррионов — черный диск исказился. Он повернул голову, глядя в бойницу. Солнце висело низко над западным горизонтом. Благодаря странным свойствам стекла оно выглядело бледно-серым диском, окруженным зеленым ореолом. Черное пятнышко на экране поколебалось и медленно сжалось.

— Первая фаза,— объявил Фрей.— Его первичные реакции восстановлены. Заметили, как его тревожат гаррионы?

— Тут нет ничего таинственного, — пренебрежительно фыркнул старый лорд Дугалд. — Они чужды его генотипу.

— Почему же тогда, — холодно то поинтересовался лорд Фантон, — он почти не среагировал нас?

— Ба, — пробормотал лорд Дугалд. — Мы же не его народ.

— Верно, — согласился Фрей, — даже после стольких поколений. Однако единое солнце также много значит.

Он нажал вторую клавишу. Черный диск взорвался, разлетевшись на осколки. Юноша тихо застонал, дернулся, одеревенел. Фрей, подкрутив рукоятки, снова собрал диск в центре экрана. Взгляд пленника бродил по помещению, перемещаясь с лорда Фрея на лорда Дугалда, а затем на гаррионов и на собственные руки.

— Вторая фаза, — объявил Фрей. — Он узнает, но не в состоянии говорить. Он очнулся, но еще не пришел в сознание; он неспособен провести различие между собой и своим окружением. Все одинаково: вещи и их эмоциональное содержание идентичны. Для наших целей такое состояние бесполезно. Переходим к третьей фазе.

Он нажал третью клавишу; черный диск искривился и быстро восстановил форму. Юноша приподнялся, уставясь на металлические сапоги и браслеты, потом посмотрел на Фантона и Дугалда.

— Кто ты? — обратился к нему Фрей.

Юноша нахмурился, облизнул губы. Когда он заговорил, его голос, казалось, доносился откуда-то издалека:

— Эмфирион.

Фрей коротко кивнул. Дугалд удивленно посмотрел на него.

— Что все это значит?

— Иностранная связь, глубоко заложенное отождествление: не больше. Следует ожидать сюрпризов.

— Но разве он не принужден к правдивости?

— К правдивости, исходя из его опыта и с его точки зрения. — Тон Фрея стал сухим. — Мы не можем ожидать космических универсалий — если такие существуют. — Он снова повернулся к юноше. — Какое же тогда имя ты носишь с рождения?

— Гил Тарвок.

Фрей резко кивнул.

— Кто я такой?

— Ты — лорд.

— Тебе известно, где ты находишься?

— В замке над Амброем.

Фрей пояснил Дугалду:

— Теперь он способен сравнивать то, что видит, с тем, что хранится в его памяти; он в состоянии качественно отождествлять увиденное. В сознание он пока не пришел. Если бы его требовалось перестроить, то данный момент стал бы начальной точкой, так как все его ассоциации вполне доступны. Переходим к четвертой фазе.

Фрей нажал четвертую клавишу, подрегулировал аппаратуру. Гил Тарвок скривился и напрягся в своих сапогах и браслетах.

— Теперь он способен к качественным оценкам. Он в состоянии соотносить одно с другим, сравнивать. Сознание у него в некотором смысле ясное. Но он еще не пришел в себя. Если бы его требовалось перестроить, то на этом уровне пошла бы дальнейшая регулировка. Переходим к пятой фазе.

Гил Тарвок в ужасе переводил взгляд с Фрея на Дугалда, на Фантона, на гаррионов.

— Он полностью владеет своей памятью, — сообщил Фрей. — Приложив немалые усилия, мы можем выжать из него ответ, объективный и лишенный эмоциональной окраски: так сказать, голую правду. В определенных ситуациях это желательно, но сейчас мы ничего не узнаем. Он не в состоянии принимать никаких решений, а это барьер для понятийного языка, который не что иное, как постоянный процесс принятия решений: выбор между синонимами, смысловыми ударениями, системами синтаксиса. Переходим к шестой фазе.

Он нажал шестую клавишу. Черный диск рассыпался на ряд капелек. Фрей в удивлении отступил. Гил Тарвок издавал дикие звериные звуки, скрежетал зубами, рвался из оков. Фрей поспешно подрегулировал аппаратуру и снова свел рассыпавшиеся элементы в дергающийся диск. Гил Тарвок сидел, тяжело дыша, с негодованием глядя на лордов.

— Итак, Гил Тарвок, — обратился к нему Фрей, — И что же ты теперь о себе думаешь?

Юноша, переводивший горящий взгляд с одного лорда на другого, ничего не ответил.

— Он будет говорить? — спросил Дугалд.

— Будет, — заверил Фрей. — Обратите внимание: он в сознании и полностью владеет собой.

— Интересно, что же он знает, — задумчиво произнес Дугалд. И перевел острый взгляд с Фантона на Фрея. — Помните, все вопросы задаю я!

Фантон смерил его язвительным взглядом.

— Можно подумать, что у вас с ним какая-то общая тайна.

— Думайте, как вам угодно, — отрезал Дугалд. — Только не забывайте, в чьих руках власть!

— Как же можно забыть? — спросил Фантон и отвернулся.

— Если вы желаете занять мой пост, примите его! — бросил ему в спину Дугалд. — Но принимайте также и ответственность!

— Ничего вашего я не желаю, — резко ответил Фантон. — Только не забудьте, кто пострадал от этой строптивой твари.

— Вы, я, Фрей, любой из нас — все одинаково. Разве вы не слышали, что он употребил имя «Эмфирион»?

Фантон пожал плечами. А Фрей беспечно сказал:

— Ну, тогда вернемся к Гилу Тарвоку! Он пока еще не полноценная личность. У него нет возможности использовать свои свободные ассоциации. Он не способен к спонтанности. Он не может притворяться, потому что не может создавать новые понятия. А также не может надеяться, не может планировать и, следовательно, лишен воли. Так что мы услышим правду, — он расположился на мягком ложе и включил машину записи. Вперед выступил Дугалд.

— Гил Тарвек, мы желаем узнать предпосылки твоих преступлений.

— Предлагаю задавать более конкретные вопросы, — не без яда в голосе предложил Фрей.

— Нет! — отрезал Дугалд. — Вы не понимаете моих требований.

— А вы их и не выдвигали, — парировал Фрей.

Гил Тарвок беспокойно напрягался, пробуя на прочность свои оковы. И капризно потребовал:

— Сделайте эти зажимы посвободней, я буду чувствовать себя более непринужденно.

— Твои удобства не имеют большого значения, — рявкнул Дугалд. — Тебя вышлют в Боредел. Так что говори!

Гил Тарвок снова подергался в оковах, а затем расслабился и усталился на стену позади лордов.

— Я не знаю, что именно вы хотите услышать.

— Именно, — пробормотал Фрей. — Точно.

Гил наморщил лоб.

— Завершите процесс, так чтоб я мог думать.

Дугалд негодуяще посмотрел на Фрея, тогда как Фантон рассмеялся.

— Разве это не проявление воли?

Фрей подергал себя за длинный подбородок.

— Я подозреваю, что это замечание скорее логического, чем эмоционального характера, — и обратился к Гилу. — Скажешь, это неправда?

— Правда.

Фрей чуть улыбнулся.

— После седьмой фазы ты будешь способен к неправде.

— У меня нет ни малейшего желания притворяться, совсем наоборот. Вы услышите правду.

Фрей подошел к пульта, нажал седьмую клавишу. Черный диск превратился в туман из мельчайших капелек. Гил Тарвок издал мучительный стон. Фрей поработал с пультом, капельки соединились; и наконец диск стал таким же, как прежде.

Гил молча сидел в оковах. И наконец сказал:

— Так, значит, теперь вы меня убьете.

— Определенно. А ты заслуживаешь лучшего?

— Да.

— Но почему ты причинил такое зло тем, кто ничего тебе не сделал? Почему? Почему? Почему?

— Почему? — выкрикнул Гил. — Чтобы достичь чего-то! Чтобы получить побольше от своей жизни; оставить свой след в человеческой памяти! Разве это правильно, что я должен родиться, жить и умереть, свер-

шив не больше, чем травинка на Дункумских высотах?

— Разве ты лучше других? — рассмеялся Фантон. — Кто вспомнит о любом из нас?

— Но вы — это вы, а я — это я, — отрезал Гил Тарвок. — Я — неудовлетворен.

— Мне очень жаль, — бросил с мрачной усмешкой лорд Дугалд. — Но через три часа ты навсегда исчезнешь из памяти человечества!

Глава 2

Первая мысль о грядущей славе появилась у Гила Тарвока, когда ему исполнилось семь лет. Его отец, человек обычно рассеянный и далекий от всего насущного, почему-то вспомнил, что у сына день рождения, и они вместе отправились пешком через весь город. Гил предпочел бы съездить «овертрендом», но Амиант воспротивился, и они зашагали на север через новостройки Вашмонта, мимо скелетов разрушенных небоскребов, с замками лордов на вершинах. Вскоре они пришли на Северный Выгон в Ист-тауне, где недавно выросли яркие веселые палатки «Бродячих Артистов Фрамтри». Реклама гласила: *«Чудеса вселенной: великолепный тур без всяких опасностей, неудобств или расходов. Шестнадцать пленительных миров, расположенных со вкусом в поучительной последовательности»*.

Рядом шли представления театра марионеток с трупой из живых дамарянских кукол. Далее диорама иллюстрировала знаменитые события в истории Донны. В соседнем балагане демонстрировались инопланетные существа, живые, мертвые или в виде изображения. Далее можно было увидеть комический балет под названием «Низсерия». В салоне чтения мыслей работал Пагул — таинственный землянин. Всюду были игорные палатки, стойки с прохладительными напитками и лотошники, торговавшие безделушками и всякой мелочью.

Гил едва мог идти из-за того, что глазел по сторонам, в то время как Амиант с терпеливым безразличием проталкивался сквозь толпу. Большую часть посети-

телей ярмарки составляли получатели Амброя, но многие приехали из отдаленных районов Фортинана; попадались даже иностранцы из Боредела, Сожа, Клоста. Их можно было узнать по кокардам, позволявшим получать гостевые ваучеры Министерства Соцобеспечения. Изредка они видели и гаррионов — странных животных, наряженных в человеческую одежду. Это означало, что среди нижняков прогуливаются лорды.

Амиант и Гил совершили виртуальное путешествие по звездным мирам. Они увидели Битву Птиц при Слоу на Мадуре; аммиачные бури Фаджейна; манящие мимолетные картины Пяти Миров. Гил наблюдал эти странные сцены, ничего не понимая; они казались слишком чужими, слишком гигантскими, а временами и слишком жестокими. Амиант же смотрел на все с печальной полуулыбкой. Он понимал, что никогда не отправится в путешествие, никогда он не накопит ваучеров хотя бы для трехдневной экскурсии на Дамар.

Затем они посетили зал, где показывали на диораме знаменитых влюбленных из мифов: лорда Гутмора и Дикую Розу; Медиз и Эстазу; Джерууна и Джерань; Хурса Горгонью и Ладати-метаморфку и дюжину других пар в живописных древних костюмах. Гил задавал много вопросов, от ответов на которые Амиант по большей части уклонялся.

— История Донны сверхдлинная и сверхзапутанная, — говорил он, — достаточно сказать, что все эти красивые люди — легендарные существа.

Покинув зал, они прошли в Театр марионеток¹ и смотрели, как маленькие создания в масках разыгрывали пье-

¹ Административные положения Фортинана, а на самом-то деле и всего Северного Континента, запрещали как синтезирование, так и ввоз разумных созданий, поскольку из-за этого обычно росли списки получателей. Дамаряне, уроженцы луны Дамар, фабриковали маленьких созданий, с мохнатыми черными головами, черными клювами и с размещенными по бокам головы глазами, наделенных покорным интеллектом. Покуда эти создания выступали только в качестве марионеток, или служили живыми игрушками лордов-детей, агенты пособий склонны были игнорировать их присутствие. — *Прим. автора.*

су «Благородная Верность Идеалу — Верный Путь к Финансовой Независимости». Гил заворуженно следил за тем, как Марелви, дочь простого волочильщика, танцевала на улице Фульгер, где она привлекла внимание лорда Бодбозла «Чалуза» — развратного старого магната, — полновластного господина двадцати пяти феодов. Лорд Бодбозл обхаживал ее, ловко выделявая антрапа, но Марелви отказывалась присоединиться к его свите иначе чем в качестве законной супруги, с полным признанием и переходом в ее собственность пяти отборных феодов. Лорд Бодбозл согласился, но Марелви сперва должна была навестить его замок и научиться быть финансово независимой леди. Доверчивая Марелви была доставлена азроботом в его замок, над Амброем, где лорд Бодбозл тут же попытался соблазнить ее. Марелви претерпела различные забавные злоключения, но в критический момент через окно в замок прыгнул ее дружок Рудель, забравшийся по обнажившимся балкам древнего небо-скреба. Он отметелил дюжину охранников-гаррионов, припилил к стене хнычущего лорда Бодбозла, в то время как Марелви скакала, исполняя танец радости. Чтобы купить себе жизнь, лорд Бодбозл презентовал влюбленным шесть феодов в центре Амброя и космоях-ту. Счастливая пара, достигшая финансовой независимости и вышедшая из списков получателей пособия, счастливо улетела путешествовать, в то время как лорд Бодбозл массивовал полученные синяки...

Вспыхнули лампы; окидывая взглядом зрительный зал, Гил заметил пару гаррионов в роскошных ливреях из лавандовой, алой и черной кожи. Они стояли позади зрительских рядов, человекоподобные нелюди, гибриды насекомого, горгульи и обезьяны, неподвижные, но напружиненные, с шарообразными глазами, не сфокусированными ни на чем, но наблюдающими за всем. Гил слегка толкнул отца локтем в бок.

— Здесь гаррионы! Марионеток смотрят лорды!

Амиант бросил короткий взгляд через плечо.

— Лорды или лордыни.

Гил обшарил взглядом ряды зрителей. Никто из них не походил на лорда Бодбозла; никто не излучал того почти видимого блеска власти и финансовой независи-

мости, который по представлению Гила должен окружать всех лордов. Он начал было спрашивать у отца, кто же, по его мнению, лорд, а затем остановился, зная, что в ответ Амиант лишь незаинтересованно пожмет плечами. Гил прошелся взглядом по рядам, изучая лицо за лицом. Как мог лорд или леди не испытывать негодования при виде этой грубой карикатуры?

Антракт должен был длиться десять минут; и Гил, соскользнув со своего места, отправился изучать сцену. Сбоку висел парусиновый полог, Гил заглянул за него. Там сидел с чашкой чая в руках невысокий человек в коричневом бархатном камзоле. Гил нырнул под полог, постоял, колеблясь, готовый прыгнуть обратно, если человек в коричневом бархате захочет схватить его. Гил подозревал, что марионетки — это похищенные дети, которых хлестали, пока они не начинали играть и танцевать с безупречной точностью: эта мысль придавала всему представлению какое-то отталкивающее очарование. Но человек в коричневом бархате дружелюбно кивнул, и, осмелев, Гил сделал несколько шагов вперед.

— Вы кукловод?

— Он самый, мальчик.

Кукловод выглядел довольно старым и невзрачным. Он ничуть не походил на того, кто станет мучить и сечь детей. С возросшей уверенностью Гил спросил — не зная что именно он имел в виду:

— А вы... *настоящий*?

Кукловод, похоже, не счел этот вопрос неразумным.

— Я настолько *настоящий*, насколько необходимо, мальчик. Были некоторые, находившие меня, скажем так, эфемерным и испаряющимся.

Суть ответа Гил понял.

— Должно быть, вы много где побывали.

— Что верно, то верно. Изъездил вдоль и поперек весь Северный Континент, был в Бухте и Салуле, на юге полуострова до Вантануа. И все это только на Донне.

— А я никогда не выезжал из Аброя.

— Ты еще юн.

— Да; когда-нибудь я хочу стать финансово независимым и отправиться в космос. Вы бывали на других планетах?

— На дюжинах планет. Я родился около такой далекой звезды, что тебе никогда не увидать ее света, во всяком случае, в небе Донны.

— Тогда почему же вы здесь?

— Я и сам часто спрашиваю себя о том же. И ответ всегда бывает такой: потому что я не в каком-то ином месте. И это заявление разумней, чем оно кажется. Да и разве это не чудо? Вот я и вот ты; подумай об этом! Если учесть, насколько широка галактика, то ты должен признать, что совпадение это весьма и весьма исключительное!

— Не понимаю.

— Все просто! Предположим, что ты находился бы здесь, а я — где-то в другом месте, или я — здесь, а ты — где-то в другом месте, или же мы оба в каких-то других местах: все три случая куда как вероятней четвертого, которым является факт нашего общего присутствия в трех метрах друг от друга. Повторяю, чудесное сцепление! И подумать только, что какое-либо влияние Века Чудес осталось в далеком прошлом!

Гил с сомнением кивнул.

— Эта история про лорда Бодбозла — я не так уж уверен, что она мне понравилась.

— А? — надул щеки Холкервойд. — Это почему же?

— Это была неправда.

— Ах, вот как. В чем именно?

— Человек не может драться с десятью гаррионами. Это все знают.

— Так, так, так, — пробормотал Кукловод. — Мальчик мыслит буквально. Но разве ты не желаешь, чтобы такое было возможным? Разве рассказывать людям веселые сказки — это не наш долг? Когда ты подрастешь и узнаешь, сколько должен городу, тебе будет не до веселья.

Гил кивнул.

— Я ожидал, что марионетки будут меньше. И намного красивей.

— А, так он еще и придиричив. Неудовлетворенность. Ну тогда так! Когда станешь побольше, они покажутся тебе маленькими.

— Они ведь не похищенные дети?

Кукловод расхохотался.

— Так вот что тебе пришло в голову? Да как же я мог бы обучить детей резвым скачкам и безыскусным ужимкам, когда они такие скептики, такие требовательные критики, такие приверженцы абсолютов?

Гил решил сменить тему.

— В зале сидит какой-то лорд.

— Не лорд, дружок. Маленькая леди. Она сидит во втором ряду слева.

Гил моргнул.

— Откуда вы знаете?

Кукловод совсем по-королевски взмахнул рукой.

— Ты желаешь украсть у меня все мои секреты? Ну, мальчик, запомни вот что: маски и маскировка — и срывание всех и всяческих масок — это искусство, присущее моему ремеслу. А теперь поторопись вернуться к отцу. Он всегда носит маску свинцового терпения, чтобы спрятать, защитить свою душу. Внутренне же он дрожит от горя. Ты тоже познаешь горе; я вижу, что ты — человек обреченный.

Гил вернулся на свое место. Амиант бросил на него короткий взгляд, но ничего не сказал. Вспоминая слова Кукловода, Гил посмотрел через весь зал. И верно, там во втором ряду — девочка рядом с женщиной среднего возраста. Так, значит, это леди! Гил внимательно изучил ее. Вне всяких сомнений, она была хорошенькой и изящной, дыхание у нее наверняка терпкое и душистое, словно вербена или лимон. Гил заметил некоторую надменность, некоторую утонченность манер, которые чем-то завораживали, бросали вызов.

Свет померк, занавес раздвинулся, и теперь началась печальная пьеса, которая, по мнению Гила, могла быть посланием лично ему от Кукловода.

Местом действия этой истории являлся сам театр марионеток. Один из актеров-марионеток, думая, что внешний мир — это место вечного веселья, сбежал из театра и вышел, смешавшись с группой детей. Некоторое время шли ужимки и песни; а потом дети, устав от игры, отправились кто куда. Актер-марионетка тихо пробирался по улицам, осматривая город: какое же скучное место по сравнению с театром, хотя там все

ненастоящее и вымышленное! Но ему не хотелось возвращаться, он знал, что его ждет. Колеблясь, медля, он пришел обратно к театру, распевая грустную песенку. Его собратья, актеры-марионетки, встретили его сдержанно и со страхом; они тоже знали, чего ожидать. И в самом деле, в следующей же постановке традиционной драмы «Эмфирион» беглому актеру-марионетке досталась роль Эмфириона. Теперь последовала пьеса в пьесе, и повесть об Эмфирионе пошла своим чередом. Под конец, попавшего в руки тиранов Эмфириона приволокли на Голгофу. Перед казнью он попытался произнести речь, оправдывающую его жизнь, но тираны заткнули его рот гротескно большой тряпкой и сверкающий топор отсек ему голову.

Гил заметил, что маленькая леди, ее спутница и охранники-гаррионы не остались до конца пьесы. Когда зажегся свет, они уже исчезли.

Гил и Амиант шли в сумерках домой, занятые каждый своими мыслями.

— Отец, — заговорил наконец Гил.

— Да.

— В той истории, беглого актера-марионетку, игравшего Эмфириона, казнили.

— Да.

— Но ведь актера, игравшего беглого актера, тоже казнили!

— Я это заметил.

— Он тоже убегал?

Амиант вздохнул и покачал головой.

— Не знаю. Возможно, марионетки дешевы... Между прочим, это не правдивый рассказ об Эмфирионе.

— А какой же рассказ правдивый?

— Никто не знает.

— А Эмфирион был настоящим человеком?

Амиант на миг задумался, прежде чем ответить. А затем сказал:

— Человеческая история была долгой. Если человек по имени Эмфирион никогда не существовал, то был другой человек, с иным именем, который существовал.

Гил счел это замечание чересчур глубоким для своего интеллекта.

— А где, по-твоему, жил Эмфирион? Здесь, в Амброе?

— Это загадка, — ответил Амиант, — которую пытались разрешить некоторые люди и без малейшего успеха. Есть, конечно, кое-какие ключи к разгадке. Будь я иным человеком, будь я опять молод, не будь у меня... — голос его стих.

Некоторое время они шли молча. Затем Гил спросил:

— А что такое «обреченный»?

Амиант с любопытством пригляделся к нему.

— Где ты слышал это слово?

— Кукловод сказал, что я человек обреченный.

— А. Понятно. Ну, в таком случае, это означает, что ты выглядишь как мальчик, которого ждет, скажем так, важное предприятие. Что ты станешь замечательным человеком и совершишь замечательные деяния.

Отцовские слова заворожили Гила.

— И я буду финансово независимым и стану путешествовать? С тобой, конечно?

Амиант положил руку на плечо Гила.

— Поживем — увидим.

Глава 3

Амиант с Гилом жили в узком четырехэтажном доме, построенном из старых черных бревен и крытом коричневой черепицей. Фасад здания выходил на площадь Англ-сквер в северной части района Бруэбен. На нижнем этаже располагалась мастерская Амианта, где тот вырезал деревянные ширмы; на следующем этаже находились кухня и клеть, в которой Амиант хранил свою коллекцию старых рукописей. На третьем этаже были спальни; а выше шел чердак, набитый разными непригодными ни к какому делу предметами, слишком старинными или замечательными, чтобы их выбрасывать.

Амиант, не смотря на меланхолический склад характера, считался отменным мастером, но спрос на его

ширмы всегда превышал предложение. Поэтому ваучеры в доме Травоков не скапливались. Одежда, как и все прочие товары Фортинана, изготовлялась вручную и стоила дорого; Гил носил комбинезончики и брюки, кое-как сшитые самими Амиантом, хотя ремесленные цеха в общем-то не поощряли такой автономии. Сына Амиант не баловал. Каждое утро вверх по Инесе величественно подымалась в дачный поселок Бейзен баржа «Жаунди», чтобы вернуться после наступления темноты. Прокатиться на ней было пределом мечтаний для амбройских детей. Амиант раз-другой упоминал про экскурсию на «Жаунди», но из этой затеи так ничего и не вышло.

Тем не менее, Гил считал себя счастливчиком. Все его сверстники уже учились ремеслу: в цеховой школе, в домашней мастерской или в мастерской родственника. Дети писцов, клерков, педантов или любых других, кому могло понадобиться умение читать и писать, осваивали вторую или даже третью графему¹. Набожные родители отправляли своих детей в детпрыги и ювенскоки при храме Финуки или обучали их простым узорам дома.

Амиант, то ли умышленно, то ли по рассеянности, ничего такого от Гила не требовал, и тот гулял сам по себе. Он облазил весь район Бруэбен, затем, осмелев,

¹ В Фортиане и по всему Северному континенту применялось пять графем или систем письменности: 1. Набор из тысячи двухсот тридцати одной пиктограммы, происходящий от древних межпланетных соглашений, преподаваемый всем детям. 2. Скорописная версия пиктограмм, которой пользовались торговцы и ремесленники, имевшая примерно четыреста добавочных особых форм. 3. Слоговая азбука, применяемая иногда для дополнения пиктограмм, а иногда как самостоятельная графическая система. 4. Скорописная форма слоговой азбуки, с большим количеством логограмм: система, которой пользовались лорды, жрецы, посвященные в духовный сан, попрыгуны, прыгуны-миряне, увещеватели; писцы и педанты. 5. Архаический алфавит с его многочисленными вариантами, употребляемый с архаическими диалектами, или для особого эффекта, например, на вывесках таверн, в названиях кораблей и тому подобном. — (Примечание автора, далее оговариваются только примечания переводчика).

стал забредать все дальше. Побывал в доках и мастерских кораблестроителей района Нобиль; забирался на корпуса старых барж на илистых отмелях Додрехтена, обедал сырыми морскими фруктами; перебирался через устье на остров Деспар, где стояли стекольные фабрики и чугунолитейный завод, а иногда даже переходил по мосту на мыс Нарушителя.

К югу от Бруэбена, ближе к центру старого Амброя, находились районы, разрушенные в ходе Имперских Войн: Ходж, Катон, Хиалис-парк, Вашмонт. Вдоль заросших травой улиц змеились двойные ряды домов, построенных из утилизированного кирпича; в Ходже находился общественный рынок, в Катоне — Храм; все прочее представляло собой огромные участки битого черного кирпича и крошащегося бетона, с дурно пахнущими прудами да попадающимися иногда халупами бродяг или нескопов¹.

В Катоне и Вашмонте стояли высокие мрачные скелеты старых центральных небоскребов, присвоенных лордами для своих замков. Однажды Гил, вспомнив Руделя-марионетку, решил проверить, осуществим ли его подвиг на практике. Выбрав небоскреб лорда Уолдо «Текуана», Гил полез по арматуре: вверх по диагональному креплению к первой горизонтальной балке, по ней к другой диагонали, вверх ко второй горизонтали, и к третьей, и к четвертой: поднялся на тридцать метров, на шестьдесят метров, на девяносто метров; и здесь он остановился, обхватив обеими руками балку, так как двигаться дальше было страшно.

Некоторое время Гил сидел, глядя на старый город. Панорама открывалась великолепная: развалины, освещенные косыми лучами солнца. Гил устемил взгляд за Андл-сквер... Снизу раздался резкий хриплый голос; опустив взгляд, Гил увидел мужчину в коричневых брюках и расклешенной черной куртке — один из вашмонтских агентов Министерства Соцобеспечения.

Гил спустился на землю, где ему сделали строгий выговор и потребовали у него назвать свое имя и адрес.

¹ Нескопированные — неполучатели пособий, по слухам — сплошь хаосисты, анархисты, вору, мошенники, блудники.

На следующий день к ним с утра пораньше зашел Хелфред Кобол — агент Министерства Соцобеспечения района Бруэбен, и Гил сильно встревожился. Уж не отправят ли его на перестройку? Но Хелфред Кобол ничего о вашмонтской многоэтажке не сказал и лишь порекомендовал Амианту быть с Гилом построже. Амиант выслушал совет с вежливым безразличием.

Не успел уйти Хелфред Кобол, как явился с инспекцией Энг Сеч, сварливый старый делегат Цеха Резчиков по Дереву, пришедший убедиться, что Амиант подчиняется уставным нормам, применяя только предписанные инструменты и операции, не используя никаких шаблонов, лекал, автоматических процессов или устройств для массового производства. Он оставался у них больше часа, изучая один за другим инструменты Амианта, пока наконец Амиант не осведомился, несколько насмешливым тоном, чего тот, собственно, ищет.

— Ничего конкретного, п-ль¹ Тарвок, ничего конкретного, возможно, отпечаток, оставленный тисочками, или нечто схожее. Могу сказать, что ваши работы последнего времени отличались до странного одинаковой отделкой.

— Если желаете, я могу делать ширмы похуже, — предложил Амиант.

Его ирония пропала втуне, так как делегат был чересчур простодушен.

— Это противоречит уставным нормам. Ну что ж, отлично вижу; вы сознаете ограничения.

Амиант вернулся к работе; делегат удалился. По наклону плеч Амианта, по усердию, с которым отец орудовал киянкой и стамеской, Гил сообразил, что он вне себя от раздражения. Наконец, Амиант бросил инструменты, подошел к двери и посмотрел через площадь Андл-сквер. После чего вернулся в мастерскую.

— Ты понимаешь, что именно говорил делегат?

— Он думал, что ты занимаешься дубликацией.

— Да. Что-то в этом роде. Ты знаешь, почему он озабочен этим?

¹ П-ль — сокращение от получатель, обычная официальная или почтительная форма обращения.

— Нет. Мне это казалось глупостью.

— Ну, не вполне. Мы в Фортиане живем благодаря ремеслу и гарантируем товары, сработанные вручную. Дубликация, шаблоны, слепки — все это запрещено. Мы не делаем двух одинаковых предметов, и делегаты цехов блюдут это правило.

— А как насчет лордов? — спросил Гил. — К какому цеху принадлежат они? Что они производят?

Амиант ответил болезненной гримасой: полуулыбнулся, полупоморщился.

— Это отдельный народ. Они не принадлежат ни к каким цехам.

— Как же они тогда зарабатывают свои ваучеры? — недоумевающе спросил Гил.

— Очень просто, — сказал Амиант. — Давным-давно произошла великая война. От Амброя остались одни развалины. Вот тут-то и явились лорды и потратили много ваучеров на реконструкцию: этот процесс назывался инвестированием. Они восстановили оборудование для водоснабжения, проложили трубы «овертренда» и так далее. Поэтому мы теперь платим за пользование этим оборудованием.

— Хм, — промычал Гил, — я думал, мы получаем воду, энергию и тому подобное, как часть наших бесплатных благ в виде пособий.

— Ничто не бывает бесплатным, — заметил Амиант. — Лорды берут часть денег у нас всех: а точнее — 1,18 процента.

— А это очень много?

— Этого достаточно, — сухо ответил Амиант. — В Фортиане проживает три миллиона получателей и около двухсот лордов — шестисот, считая лордынь и лорденшей, — Амиант покачал головой. — Получается интересный расчет... Три миллиона получателей, шестьсот благородных. По одному благородному на каждые пять тысяч получателей. Похоже, что каждый лорд получает доход пятидесяти получателей. — Амианта, кажется, привели в недоумение собственные вычисления. — Должно быть, даже лордам трудно было столь расточительно проматывать его... Ну, впрочем, это не наша забота. Я отдаю им их процент, притом с радостью. Хотя это и впрямь несколько

озадачивает... Они что — швыряются деньгами? Тратят их на благотворительность где-то далеко? Мне следовало спросить об этом, когда я был корреспондентом.

— А что такое корреспондент?

— Ничего особенного. Один пост, который я занимал давным-давно, когда был молод.

— Это ведь не значит быть лордом?

— Определенно нет, — хохотнул Амиант. — Разве я похож на лорда?

Гил критически посмотрел на него.

— Полагаю, нет. А как же становятся лордами?

— По рождению.

— Но, как же Рудель и Марелви в той кукольной пьесе? Разве они не получили феоды коммунальных служб и не стали лордами?

— На самом-то деле — нет. Отчаянные нескопы, а иной раз и получатели, бывало, похищали лордов и вынуждали их уступать феоды и большие денежные суммы. Похитители делались-таки финансово независимыми и могли сами назвать себя лордами, но никогда не осмеливались общаться с настоящими лордами. В конце концов лорды купили у дамарянских кукольников охранников-гаррионов; и теперь похищений бывает мало. Вдобавок лорды договорились не платить больше никаких выкупов. Поэтому получатель или нескоп никогда не смогут быть лордами, даже если пожелают.

— А когда лорд Бодбозл хотел жениться на Марелви, та стала бы леди? Их дети были бы лордами?

Амиант положил инструменты и тщательно обдумал ответ.

— Лорды очень часто берут метресс — подруг — из среды получателей, — сказал он, — но те никогда не рожают детей. Лорды — отдельная раса и явно намерены такой и остаться.

Янтарные стекла на наружной двери потемнели; она распахнулась, и в мастерскую вошел Хелфред Кобол. Он так мрачно посмотрел на Гила, что у того душа ушла в пятки. Хелфред Кобол повернулся к Амианту.

— Я только что прочел полуденный инструктажный лист. В сноске обращается особое внимание на вашего сына. За ним числятся такие проступки, как

нарушение границ владения и неосторожный риск. Задержание было произведено участком 12 Б, района Вашмонт, агентом Министерства Соцобеспечения. Он докладывает, что Гил забрался по балкам многоэтажки лорда Уолдо «Текуана» на опасную и противозаконную высоту, совершая тем самым преступление против лорда Уолдо, и против районов Вашмонт и Бруэбен и подвергая себя риску госпитализации.

Смахнув с фартука опилки, Амиант вздохнул:

— Да, да. Паренек у меня очень активный.

— Чересчур активный! А фактически, безответственный! Он рыщет где вздумается, днем и ночью. Он бродит по городу, словно вор; и не учится ничему, кроме как бездельничать! Неужели вас нисколько не заботит будущее ребенка?

— Тут спешить некуда, — ответил Амиант. — Будущее — дело долгое.

— А человеческая жизнь — коротка. Давно пора познакомить его со своим ремеслом! Полагаю, вы намерены сделать его резчиком по дереву?

Амиант пожал плечами.

— Ремесло не хуже любого другого.

— Ему следовало бы проходить обучение. Почему вы не отправите его в цеховую школу?

Амиант провел ногтем большого пальца по режущей кромке стамески.

— Пусть пока наслаждается своей невинностью, — промолвил он. — За свою жизнь он успеет познакомиться с нудной работой.

Хелфред Кобол даже крикнул от удивления.

— И еще один вопрос: почему он не посещает Произвольных Храмовых Упражнений?

Амиант положил стамеску и наморщил лоб, словно вопрос его озадачил.

— В самом деле? Не знаю. Я его никогда не спрашивал.

— Вы обучаете его прыжкам дома?

— Ну, нет. Я и сам мало прыгаю.

— Хм. Вам следовало приобщить его к религии независимо от своих личных привычек.

Амиант обратил взгляд к потолку, а затем взял стамеску и занялся панелью из ароматического арзака,

которую он только-только прикрепил к верстаку. Узор был уже нанесен: роща с длинноволосыми девами удирающими от сатира.

Хелфред Кобол подошел посмотреть.

— Очень красиво... Что это за дерево? Кодилла? Болигам? Одно из тех деревьев Южного Континента с твердой древесиной?

— Арзак, из лесов за Перду.

— Арзак! Я и не представлял, что из него получается такая большая панель! Ведь эти деревья всегда не больше метра в поперечнике.

— Я выбираю себе деревья, — терпеливо объяснил Амиант. — Лесники рубят стволы на двухметровые чурбаки. Я одалживаю в красильных мастерских чан. Бревна два года выдерживаются в химическом растворе. Я удаляю кору, делаю единственный надрез вдоль ствола: примерно на тридцать слоев. Потом целиком состругиваю внешние два дюйма со всего ствола, чтобы получить горбыль двухметровой высоты и на два-три метра длиной. Этот горбыль отправляется под пресс, а когда он высыхает, я обстругиваю его.

— Хм. Слой вы снимаете сами?

— Да.

— И никаких жалоб со стороны цеха плотников?

Амиант пожал плечами.

— Они не умеют или не хотят заниматься такой работой. У меня нет иного выбора.

— Если б каждый поступал по собственному вкусу, — скупно обронил Хелфред Кобол, — то мы жили бы словно вирваны.

— Наверное. — Амиант продолжал состругивать дерево с горбыля.

Хелфред Кобол взял одну из стружек и понюхал.

— Что это за запах: древесный или химический?

— Немного и того и другого. Свежий арзак сильнее отдает перцем.

Хелфред Кобол вздохнул.

— Хотелось бы мне достать такую ширму, но на мою стипендию едва удастся прожить. Полагаю, уцененных у вас нет.

Амиант покосился на него без всякого выражения на лице.

— Поговорите с «Буамаркскими» лордами. Все мои ширмы забирают они. Отвергнутые они сжигают, второсортные запирают на складе, а высший и первый сорта экспортируют. Или так я, во всяком случае, полагаю, поскольку со мной на этот счет не советуются. Если б я сам занимался сбытом, то зарабатывал бы больше ваучеров.

— Мы должны поддерживать свою репутацию,— провозгласил тяжелым голосом Хелфред Кобол.— На далеких планетах сказать «вещь из Амбрия» — все равно что сказать «жемчужина совершенства»!

— Восхищение радует,— отозвался Амиант,— но приносит огорчительно мало ваучеров.

— А что бы вы хотели? Рынки, наводненные низкопробной дешевкой?

— Почему бы и нет? — спросил, продолжая работать, Амиант.— В сравнении с ней вещи высшего и первого сорта будут блистать.

Хелфред Кобол покачал головой.

— Торговля далеко не такое простое дело.— Он еще миг-другой понаблюдал за работой, а затем коснулся пальцем линейки.— Лучше не давайте цеховому делегату увидеть, что вы работаете с направляющим устройством. Он потащит вас на комиссию за дубликацию.

Слегка пораженный его словами, Амиант оторвался от работы.

— Здесь нет никакой дубликации.

— Действие приложенной к большому пальцу линейки позволяет вам переносить или дублицировать данную глубину реза.

— Ба,— пробормотал Амиант.— Мелочные придирки. Полнейшая чушь.

— Дружеское предупреждение, не более,— поправил его Хелфред Кобол и покосился в сторону Гила.— Твой отец хороший ремесленник, мальчик, но, наверное, чуточку рассеянный и не от мира сего. А вот тебе я советую прекратить эти шатания. Займись каким-нибудь ремеслом. Резьбой по дереву, или если хочешь чего-то иного, то Цеховый Совет может предложить

вакансии там, где не хватает мастеров. Но я лично считаю, что Амиант может тебя многому научить. — Хелфред Кобол бросил самый беглый взгляд на линейку. — И еще одно. Ты достаточно взрослый для Храма. Тебя приставят к легким прыжкам и обучат надлежащей доктрине. Но если будешь и дальше вести себя как прежде, то вырастешь бродягой или нескопом.

И коротко кивнув Амианту, Хелфред Кобол покинул мастерскую.

Гил подошел к двери и посмотрел, как Хелфред Кобол пересек площадь Андл-сквер. А потом медленно закрыл дверь — еще одну панель из темного арзака, с маленькими окнами из грубого янтарного стекла. И медленно прошел через мастерскую.

— Я должен ходить в Храм?

— К словам Хелфреда Кобола не следует относиться со всей серьезностью, — хмыкнул Амиант. — Он говорит определенные вещи, потому что такая уж у него работа. Полагаю, собственных-то детей он посылает на Скакания, но сомневаюсь, что сам он прыгает более ревностно, чем я.

— А почему все агенты Министерства Соцобеспечения зовутся Коболами?

Амиант придвинул табурет и налил себе чашку чая. Потягивая горячий напиток, он принялся рассказывать.

— Давным-давно, когда столица Фортистана находилась в Тадеусе, на побережье, инспектором Министерства Соцобеспечения служил один человек по фамилии Кобол. Всех своих братьев и племянников он пристроил на хорошие должности, так что вскоре в Министерстве Соцобеспечения работали только Коболы. Также обстоит дело и сегодня; агенты из других семей просто меняют свои фамилии. Амброй — город многих традиций. Некоторые из них полезные, а некоторые — нет. Мэра Амброя выбирают каждые пять лет, но у него нет никаких должностных обязанностей; он вообще ничего не делает, только получает свое пособие. Традиция, но бесполезная.

Гил с уважением посмотрел на отца.

— Ты знаешь почти все, верно? Никто больше не знает таких вещей.

Амиант кивнул.

— Однако такое знание совсем не приносит ваучеров... А, ладно, довольно об этом, — он допил свой чай. — Похоже, что я должен обучить тебя резать дерево, читать и писать... Поди-ка сюда. Посмотри на эти штихели и стамески. Сперва ты должен усвоить, как они называются. Вот это — шпунтгебель. А это — эллиптическое долото номер два. А это — пантографный захват...

Глава 4

Как наставник Амиант требовательности не проявлял. Жизнь Гила почти не изменилась, хотя на небо-скребы он больше не лазил.

В Амброй пришло лето. Пошли дожди и сильные грозы, а потом наступил период ясной погоды, во время которого полуразрушенный город казался почти прекрасным. Амиант пробудился от задумчивости и взял Гила в поход вверх по реке Инесе, в предгорья Грабленных гор. Гил никогда раньше не бывал так далеко от дома. Топая по речному берегу под лиловыми ветвями банионов, они часто останавливались, увидев заросший ивами остров, с домиком, причалом и яликом; или причаленную к берегу прогулочную джонку: в воде плещутся дети, а их родители сидят, развалившись на палубе с кружками пива. По ночам отец и сын спали на постелях из листьев и соломы, покуда тлели угли их костра. В небе горели звезды и Амиант показывал те немногие, которые знал: скопление Мирабилис, Глиссон, Гериарт, Рог, Аллод. Для Гила эти названия звучали просто волшебю.

— В один прекрасный день, — пообещал он Амианту, — когда я подрасту, мы вырежем множество ширм и сбережем все свои ваучеры; и тогда отправимся в путешествие: ко всем этим звездам, а также к Пяти Дженгским Мирам!

— Это было бы очень неплохо, — усмехнулся Амиант. — Мне лучше положить в раствор побольше арзака, чтобы у нас хватило панелей.

— Думаешь, мы сможем купить космояхту и отправиться в путь когда пожелаем?

Амиант покачал головой.

— Они слишком дорого стоят. Сто тысяч ваучеров, а часто и больше.

— Разве мы не сможем столько скопить, если будем очень усердно работать?

— Мы можем всю жизнь работать и копить, и все равно это слишком дорого. Космические яхты — это для лордов.

Они миновали Бейзен и Григлсби-Корнерс и Блоннет, а затем свернули в предгорья. Наконец, устав и сбив ноги, они вернулись домой и Амиант в самом деле потратил драгоценные ваучеры, чтобы проехать «овер-трендом» последние двадцать миль через Риверсайд-Парк, Вашмонд и Ходж.

Некоторое время Амиант трудился весьма усердно. Гил помогал ему по мере сил и практиковался в применении стамесок и сверл, но ваучеры накапливались обескураживающе медленно. Усердие Амианта поувяло; он вернулся к прежним привычкам, и вскоре Гил тоже потерял интерес к этой затее. Должен быть какой-то другой, более быстрый способ заработать ваучеры, например, азартные игры. Похищение лордов было нецелесообразно — Гил это уже понял.

Лето продолжалось: наступило спокойное время, на-верное, самое счастливое в жизни Гила. Самым любимым его местом во всем городе были Дункумские высоты в районе Виж, к северу от Брузбена — покрытый травой взгорок неподалеку от устья. Гил часто приходил туда утром или на закате, иногда один, а иногда со своим другом Флоризлем — большеглазым оборвышем с бледной кожей, хрупкими чертами лица и шапкой густых черных волос. Флоризль жил с матерью, которая работала на пивоварне, где разделяла на части и чистила большие лиловые холлипы, от которых пиво получало свой характерный прокисший привкус. Она была крупной, грубой бабой, не лишенной тщеславия, так как утверждала, что доводится троюродной сестрой мэру. Запах холлипов прочно пристал к матери Флоризля, пропитав и ее саму и все ее принадлежности, и пристал даже к Флоризлю; и позже Гил всякий раз, когда пил пиво, или улавливал на рынке терпкий

мускусный запах холлипов, вспоминал Флоризля и его бледное лицо.

Флоризль был самым подходящим для Гила товарищем: тихим и легким на подъем, не лишенным энергии или воображения. Мальчишки провели на Дункумских высотах много счастливых часов, загорая или наблюдая за пролетающими над илистыми отмелями птицами — шринкенами.

В таком месте, как Дункумские высоты, было хорошо побездельничать и помечтать; космопорт, в районе Годеро, к востоку от Дункумских высот, был сокровищницей для любителей приключений и романтики. Космопорт разделялся на три сектора. К северу располагался коммерческий космодром, где обычно стояли два-три грузовых корабля. В южном секторе выстроились космические яхты, принадлежащие лордам. На западе находился пассажирский космовокзал. Здесь швартовались экскурсионные корабли, обслуживающие получателей, которым, благодаря упорному труду и бережливости, удавалось купить себе поездку на иные планеты. Экскурсии предлагались самые разные. Самым дешевым и самым популярным был пятидневный визит на луну Дамар, странный маленький мир в половину диаметра Донны, где жили дамаряньские кукольники. Туристическим центром служил Гарван, на экваторе Дамара, с отелями, променадами и ресторанами. Там туристы могли увидеть всевозможные кукольные пьесы: легенды о феях, готические ужасы, исторические реконструкции, фарсы, эротические шоу. Сами дамаряне жили под землей, в большой роскоши. Шкуры у них были черного цвета, а костистые маленькие головы украшали хохолки жесткой черной щетины; глаза их сияли, словно огоньки звездного сапфира; в чем-то они походили на собственных экспортных марионеток.

Еще одним туристическим маршрутом, несколько более престижным, была соседняя планета Морган, мир обдуваемых ветрами океанов, плоских, как стол, степей, остроконечных голых скал. На Моргане имелось множество довольно захудалых курортов, предлагавших в основном один вид отдыха — хождение под парусом

по степям в повозках с высокими колесами. Тем не менее тысячи людей выкладывали свои ваучеры, чтобы провести две недели в отеле «Тундра» или «Горный дом», или «Тихая Гавань» на Мысе Бурь.

Куда желаннее были Чудесные Миры. Люди возвращались оттуда умиротворенными — они осуществляли свои мечты — слетали к звездам. До конца своих дней они рассказывали о тамошних чудесах. Однако подобная экскурсия была по карману лишь цехмейстерам и делегатам или инспекторам Министерства Соцобеспечения, буамаркским аудиторам и казначеям, или нескопам, разбогатевшим благодаря торговле, азартным играм или преступлениям.

Было известно, что существуют и более отдаленные планеты: Родион, Алькантара, Земля, Маастрихт, Монтисерра с ее плавучими городами, Химат и многие другие, но так далеко не забирался никто, кроме лордов на их космояхтах.

Гил и Флориэль давно решили, что единственная достойная цель для них — финансовая независимость и космические путешествия. Но сперва требовалось приобрести ваучеры, а это-то и являлось камнем преткновения. Как хорошо знал Гил, ваучеры доставались нелегко. Другие миры, по слухам, были богатыми, ваучеры там распределялись без ограничений. Как же попасть туда? Если б только он мог при помощи какого-то необыкновенного подвига, какого-то чуда заполучить в свои руки космояхту! Какая свобода, какие возможности!

Гил вспомнил поборы, взысканные со злого лорда Бодбозла. Рудель и Марелви добились финансовой независимости — но это была всего лишь кукольная пьеса. Неужели нет иного способа?

Как-то ближе к концу лета Гил с Флориэлем валялись на Дункумских высотах, посасывая стебельки травы и болтали о будущем.

— Прежде всего, — говорил Флориэль, — накоплю ваучеры: дюжины ваучеров. Потом научусь играть, как играют нескопы. Научусь всем трюкам, а потом в один прекрасный день сыграю по крупному и заработаю сотни и сотни ваучеров. Даже тысячи. А потом куплю космояхту и улечу далеко! Далеко! Далеко! За Мирабилис!

Гил задумчиво кивнул.

— Это хороший способ.

— Или же, — продолжал Флоризель, — я, возможно, спасу от опасности дочь лорда. А потом женюсь на ней и сам буду лордом.

— Ничего не выйдет, — покачал головой Гил. — Они чересчур гордые. Среди нижняков у них есть только друзья и подруги. Их зовут метрессами.

Флоризель обратил взгляд к небоскрегам Вашмонта.

— С какой стати им быть гордыми? Они же всего-навсего обыкновенные люди, которым довелось родиться лордами.

— Люди иной породы, — поправил его Гил. — Хотя, я слышал, что когда они разгуливают по улицам без гаррионов, в них никто не узнает лордов.

— Они гордые, потому что богатые, — провозгласил Флоризель. — Я тоже добуду богатство и буду гордым, и они будут умолять меня пригласить их в гости, просто чтобы сосчитать мои ваучеры. Подумать только! Синие ваучеры, оранжевые ваучеры, зеленые ваучеры!

— Они тебе понадобятся, — заметил Гил. — Космояхты стоят очень дорого: полагаю, от полмиллиона ваучеров. Миллион за действительно хорошие модели: «ликсоны» или «гександеры» с верхней палубой. Это ж надо себе вообразить! Ты только представь: мы в космосе, оставили позади Мирабилис, направляемся к какой-то чудесной незнакомой планете. Мы ужинаем в главном салоне, едим турбот и жареного блура, пьем лучшее гейдское вино — а потом идем по верхней палубе к ахтер-куполу и едим в темноте мороженое, а позади нас горят звезды Мирабилиса, а над нами — Сабля Великана.

Флоризель глубоко вздохнул.

— Если я не смогу купить космояхту — то украду ее. Я не думаю, что это плохо, — серьезно сказал он Гилу. — Ведь я буду красть лишь у лордов, которые вполне могут себе позволить потерять немного. Подумай о кучах ваучеров, которые они получают и так никогда и не тратят!

Гил не был уверен, что дело обстоит именно так, но не хотел спорить.

Флоризель поднялся на колени.

— Давай-ка махнем к космопорту! Мы можем посмотреть яхты и выбрать подходящую!

— Сейчас?

— Конечно! Почему бы и нет!

— Но это же так далеко.

— Воспользуемся «овертрендом».

— Отец не любит отдавать лордам ваучеры.

— «Овертренд» стоит недорого. До Годеро, не больше пятнадцати чеков.

— Ладно, — пожал плечами Гил.

Они спустились с высоты по знакомой тропе, но вместо того, чтобы повернуть на юг, обогнули муниципальные сыромятни, направляясь к Вижу и западному «овертрендному» киоску номер два. Спустившись по эскалатору на пандус, они сели в капсулу. Каждый поочередно нажал символ «Космопорт» и приложил к дощечке сенсора свою карточку несовершеннолетнего. Капсула резко набрала скорость, понеслась на восток, затормозила, открылась; мальчики шагнули на эскалатор, который вскоре высадил их на вокзале космопорта.

Гил с Флоризелем решили понаблюдать за тем, как на борт экскурсионных кораблей поднимаются пассажиры. Они подошли к посадочному турникету, но охранник замахал на них руками.

— На обзорную площадку — через арку! На космодром только с билетами!

Но когда он отвернулся, чтобы ответить на вопрос, Флоризель схватил Гиля за рукав, и они быстро проскользнули мимо турникета.

В восторге от собственной смелости, они поспешили укрыться в ближайшей нише. Раздавшийся с неба пронзительный рев заставил их вздрогнуть: экскурсионный корабль компании «Лимас Лайн» садился на своих поглотителях, словно громадная тяжелая утка. Когда силовое поле среагировало на соприкосновение с землей, рев стал жалобным воем, а затем вышел за пределы слышимости. Открылись порты; пассажиры медленно потянулись на выход, ваучеры потрачены, амбиции удовлетворены.

Внезапно Флоризель взволнованно ахнул.

— Порты открыты! — показал он. — Знаешь, если бы мы прямо сейчас прошли через толпу, то могли бы подняться на борт и спрятаться. А потом, когда корабль окажется в космосе, мы бы вышли! Нас бы ни за что не отправили обратно! Мы бы увидели по меньшей мере Дамар, а может быть также и Морган.

— Ничего бы мы не увидели, — покачал головой Гил. — Нас бы заперли в тесной каюте и посадили на хлеб и воду. А счет за проезд предъявили бы нашим отцам — тысячи ваучеров! Мой отец не смог бы заплатить. Не знаю, что бы он сделал.

— Моя мать не стала бы платить, — признался Флоризель. — И к тому же отлупила бы меня. Но мне наплевать. Мы бы отправились в *космос*!

— Нас бы занесли в список склонных к правонарушению, — сказал Гил.

Флоризель сделал пренебрежительно-вызывающий жест.

— Какая разница? В будущем мы, возможно, и станем ходить по струнке — пока не подвернется еще одна возможность вроде этой.

— Никакая это не возможность, — возразил Гил. — Во всяком случае, не настоящая. В первую очередь, нас поймают на месте преступления и вышвырнут вон. Никакого проку с этого не будет. Да и в любом случае, кому охота путешествовать на старом экскурсионном корабле? Мне нужна космояхта. Давай присмотрим такую на южном космодроме.

Но чтобы добраться до космояхт, нужно было пересечь открытое поле, которое свободно просматривалось с обзорной площадки или с диспетчерской вышки.

— Пошли, — позвал Флоризель. — Давай просто пробежим туда.

— Нам лучше идти не торопясь, — решил Гил. — Тогда мы не будем бросаться в глаза. А если увидят, как мы бежим, то будут уверены, что мы затеяли какую-то проказу.

— Ладно, — проворчал Флоризель. — Тогда пошли.

Чувствуя себя голыми, они пересекли открытый участок. Теперь космояхты были прямо перед ними. Первая — тридцатиметровый «Дамерон КоКо-14», вздымала свой нос чуть ли не над их головами.

— Думаешь, нам следует идти дальше? — спросил хриплым шепотом Флориэль.

— Мы вон как далеко зашли, — отозвался Гил. — Мы ведь не делаем ничего плохого. Думаю, возражать никто не станет. Даже лорд.

— А что с нами сделают, если поймают? Отправят на перестройку?

— Ну, конечно, нет, — нервно рассмеялся Гил. — Если кто-нибудь спросит, мы скажем, что просто смотрим на яхты.

— Да, — с сомнением протянул Флориэль. — Полагаю, так.

— Тогда пошли, — сказал Гил.

После «Дамерона» шел «Синий Ломоть», потом «Алый Ломоть» — чуть поменьше и пошикарней; а затем огромный «Галлипул Ирванфорт»; потом «Хац Мародер», а затем — «Зубатка Звездогон»; яхта за яхтой, одна чудесней другой. Раз или два мальчики проходили под корпусами, чтобы дотронуться до блестящей поверхности, хранящей память о чудесах космоса, и изучить эмблемы портов захода.

Носовой блок одной из яхт был опущен.

— Смотри! — прошептал Гил. — Чуть-чуть видно главный салон. Разве она не чудо?

Флориэль кивнул:

— Это «Ликсон Трипланж». У них у всех эти тяжелые обтекатели над передними портами. — Он прошел под корпус изучить эмблемы портов захода. — Эта яхта везде побывала. Триптолем... Дженг... Санреаль. Когда-нибудь, когда научусь читать, я смогу узнать их все.

— Да, я тоже хочу научиться читать, — сказал Гил. — Мой отец много чего знает о чтении; он сможет научить меня. — Он уставился на Флориэля, делавшего настойчивые жесты. — Что случилось?

— Гаррион! — прошипел Флориэль, — Прячься за опорой!

Гил проворно шмыгнул вслед за Флоризлем. Они стояли едва дыша. Флориэль прошептал:

— Они ничего не могут нам сделать, даже если поймают нас. Они просто слуги; они не имеют права прика-

зывать нам или преследовать нас, или что-нибудь такое. Во всяком случае, если мы не причиняем вреда.

— Полагаю, так, — согласился Гил. — Все равно давай спрячемся.

— Конечно.

Гаррион прошел мимо. Он был облачен в светлую серо-зеленую ливрею с золотыми розетками и фуражку из серо-зеленой кожи.

Флоризель, гордившийся своей осведомленностью, рискнул высказать предположение относительно патрона данного гарриона:

— Серо-зеленое... Может быть, Верт «Чалуз». Или Герман «Чалуз». Золотую розетку используют «Чалузские» лорды: она означает энергию.

Гил этого не знал, но кивнул, молчаливо соглашаясь с товарищем. Они ждали, пока гаррион не зашел на терминал и исчез из поля зрения. Мальчики осторожно вышли из-за опоры. Оглядевшись по сторонам, они зашагали дальше.

— Смотри! — выдохнул Флоризель. — «Деме» — черно-золотой! Порт открыт!

— Вот отсюда-то и вышел гаррион, — догадался Гил. — Он вернется.

— Не тотчас же. Мы можем подняться по трапу и заглянуть внутрь. Никто никогда не узнает.

Гил поморщился.

— Мне уже делали выговор за нарушение границ владения.

— Это не нарушение! В любом случае, что тут плохого? Если кто-нибудь спросит, что мы делаем, скажем, что просто смотрим.

— На борту наверняка кто-то есть, — с сомнением протянул Гил.

Флоризель думал иначе.

— Тот гаррион, вероятно, что-то чинил или драил. Он отправился за припасами и вернется еще не скоро! Давай по-быстрому заглянем внутрь.

Гил прикинул на глаз расстояние до терминала: добрых пять минут ходьбы. Флоризель потянул его за рукав.

— Пошли, идем, словно мы лордики! Быстренько заглянем внутрь; увидим, как живут лорды!

Гил подумал о Хелфреде Коболе, подумал об отце. В горле у него пересохло. Они с Флоризлем и так уже сделали больше чем следовало... И все же, гаррион на терминале, а какой может быть вред от того, что они заглянут в шлюз? И Гил сказал:

— Если мы только подойдем к двери...

Флоризлю теперь вдруг расхотелось; очевидно, он рассчитывал на то, что Гил воспротивится его безумному предложению.

— Думаешь, стоит?

Гил сделал предостерегающий знак и быстро пошел к космяхте. Флоризль последовал за ним.

У подножья трапа они остановились и прислушались. Изнутри не доносилось ни звука. Видна была лишь внутренность шлюза и за ним манящий краешек комнаты — резное дерево, алые бархатные портьеры, стеллаж со стекляннно-металлической утварью: роскошь слишком великолепная, чтобы быть реальной. Мальчики поднялись по трапу, крадучись, словно кошки в незнакомом доме.

За шлюзом и коротким корридорм им открылся салон. Стены были обшиты серо-зелеными панелями из дерева Сака и увешаны расшитой тканью, на полу лежал толстый лиловый ковер. В переднем конце салона четыре ступеньки вели на платформу управления. А на корме арочный проем выходил на обзорную палубу под прозрачным куполом.

— Разве она не чудо? — выдохнул Флоризль. — Думаешь, у нас когда-нибудь будет космояхта? Такая же прекрасная как эта?

— Не знаю, — мрачно ответил Гил. — Надеюсь, что да... Когда-нибудь у меня будет яхта... А теперь нам лучше уйти.

— Подумай! — прошептал Флоризль. — Если бы мы знали астронавигацию, то могли бы забрать космояхту прямо сейчас — вверх и прочь из Амброя! Она бы принадлежала нам, только нам одним!

Флоризль вдруг побежал вприпрыжку через салон и поднялся по ступенькам на платформу управления. Гил крикнул:

— Ничего не трогай! Не прикасайся ни к одному рычажку!

— Да брось ты. Ты что, принимаешь меня за дурака? Гил с тоской оглянулся на входной порт.

— Нам лучше уйти!

— Но ты должен подняться сюда, ты и представить не можешь, как это здорово!

— Ничего не трогай! — предупредил его Гил. — А то — беда! — Он сделал пару шагов вперед. — Уходим!

— Как только я... — Флоризель вдруг умолк, уставившись на что-то за спиной Гила.

Тот резко обернулся и увидел стоящую у кормового трапа девочку в костюмчике из розового бархата в мягкой, плоской бескозырке с алыми лентами. Девочка с возмущением переводила взгляд с одного оборвыша на другого. Гил, в свою очередь, замороженно уставился на нее. Наверняка это была та же маленькая леди, на которую указал кукловод в театре марионеток. Очень хорошенькая, подумал он.

Девочка сделала несколько шагов вперед. За ней в салон проследовал гаррион. Флоризель замер, упершись спиной в переборку. И забормотал:

— Мы не хотели ничего плохого; мы хотели только посмотреть...

Девочка смирila его серьезным изучающим взглядом, а затем повернулась к Гилу. С гримасой отвращения она приказала гарриону.

— Всыпь им как следует; вышвырни их!

Гаррион схватил Флоризеля, тот залопотал и завыл. Гил мог бы отступить и сбежать, но, сам того не зная почему, предпочел остаться.

Гаррион усердно отшлепал своего пленника. Флоризель орал и корчился. Девочка коротко кивнула.

— Хватит, теперь другого.

Рыдая и задыхаясь, Флоризель пробежал мимо Гила и вниз по трапу. Гил не сделал и шагу назад. Руки у гарриона оказались холодноватыми и грубыми; от их прикосновения по нервам Гила пробежал странный холодок. Он едва чувствовал удары, все его внимание сосредоточилось на девочке, которая безмятежно наблюдала за этой экзекуцией. Гил гадал, как такая изящная и хорошенькая девочка может быть такой бесчувственной. Все ли лорды такие жестокие?

Девочка увидела взгляд Гиля и нахмурилась.

— Этого бей сильнее, он дерзок!

Гил получил несколько добавочных ударов, а затем его грубо вытолкнули из корабля.

Не говоря ни слова, приятели потащились обратно к терминалу.

Им удалось пробраться мимо турникета, не привлекая внимания. Гил настоял на том, чтобы они отправились домой пешком: порядка четырех миль.

По дороге Флоризель негодовал.

— Ну и гады же эти лорды! Ты видел, девчонка радовалась! Она обращалась с нами, словно с грязью! Словно от нас воняло! А моя мать — троюродная сестра мэра! Когда-нибудь я с ней рассчитаюсь! Слышишь, я твердо решил!

Гил грустно вздохнул.

— Она определенно могла обойтись с нами добрее. И все же — она также могла обойтись и похуже. Намного хуже.

Флоризель в изумлении взглянул на него.

— А? Что все это значит? Она же приказала отлупить нас! А сама смотрела и улыбалась!

— Она могла бы записать наши фамилии. Что если бы она сдала нас агентам Министерства Соцобеспечения?

Флоризель опустил голову. Мальчики потащились дальше в Бруэбен. Заходящее солнце озаряло их лица янтарным светом.

Глава 5

В Амброй пришла осень, а потом зима: сезон холодных дождей и туманов, когда руины начинали зарастать черным лишайником, придававшим старому городу мрачное величие. Амиант завершил отличную ширму, которой присвоили высший сорт и упомянули в Цеховом Списке Мастерства.

Им также нанес визит Прыгрук Храма, молодой человек с резкими чертами лица в алой куртке, высокой черной шляпке и коричневых штанах, плотно обтягивавших тяжелые, бугрящиеся мускулами ноги.

— Почему ваш сын не участвует В Душевном Пожертвовании? Как у него обстоит с Основами Скакания? Он не знает ни Ритуала, ни Зубрежки, ни Славословия, ни Прыжков, ни Скачков! Финука требует большего!

Амиант вежливо слушал визитера, но продолжал работать стамеской.

— Паренек еще слишком мал, чтобы думать, — спокойно проговорил он. — Если у него есть склонность к набожности, то он достаточно быстро поймет это, и уж тогда наверстает все, чего недостает.

— Заблуждение! — разволновался Прыгрук. — Детей лучше всего обучать с младых ногтей. Я сам тому лучшее доказательство! Когда я был младенцем, то ползал по ковру с узором! А первые произнесенные мной слова были Апофеоз и Имитации. Так лучше всего! Натаскивай ребенка смолodu! А иначе он становится воплощением духовного вакуума, восприимчивого к любому чуждому культу! Лучше всего наполнить его душу путем Финуки!

— Я объясню ему все это, — пообещал Амиант.

— На родителе лежит ответственность, — произнес нараспев Прыгрук. — Когда вы в последний раз занимались прыганьем? Подозреваю, что прошел не один месяц!

Амиант кивнул.

— По меньшей мере несколько месяцев.

— Ну вот! — победно воскликнул Прыгрук. — Разве это само по себе не объяснение?

— Вполне вероятно. Хорошо, в таком случае, я сегодня же побеседую с мальчиком.

Когда Гилу стукнуло десять, он вступил в Цех Резчиков по Дереву.

Амиант оделся по такому случаю в официальное цеховое облачение: широко расклепленную на бедрах коричневую шинель с черным галуном и резными пуговицами, обтягивающие брюки с рядами белых пуговиц по бокам, фуражку из желтовато-коричневого фетра с черными кистями и цеховыми медалями. Гил надел свои первые брюки (до сих пор он носил только серый детский комбинезон) с темно-бордовой курткой и модной, начищенной до блеска кожаной кепкой. Приодевшись, они вместе зашагали на север к Цеховому Центру.

Посвящение в члены Цеха было делом длительным, состоящим из дюжины ритуалов, вопросов и ответов, предписаний и заверений. Гил выплатил свои первые годовые взносы, получил свою первую медаль, которую цехмейстер церемонно прикрепил к его кепке.

Из Зала Собраний Гил с Амиантом двинулись на восток через старый Меркантиликум к Министерству Соцобеспечения в Ист-Тауне. Здесь последовали дальнейшие формальности. Гил получил телесный штамп; на правом плече у него вытатуировали его Доходополучительный Номер. Отныне, с точки зрения Министерства Соцобеспечения, он являлся взрослым, и Хелфред Кобол будет давать свои рекомендации непосредственно ему. У Гила спросили, каков его статус в Храме, и ему пришлось признаться, что никакого. Квалификатор и Писец Министерства Соцобеспечения, подняв брови, перевели взгляд с Гила на Амианта, а затем пожали плечами. Писец записал в анкете: «В настоящее время — никакой; статус родителя под сомнением».

Квалификатор произнес размеренным тоном:

— Чтобы достичь полнейшей самореализации в качестве активного члена общества, ты должен быть активен при Храме. Поэтому я вменяю тебе в обязанность Полную Оперативную Функцию. Ты должен отдавать Храму четыре часа добровольного сотрудничества в неделю, вместе с различными обложениями и бенефициальными подарками. Поскольку ты существенно отстал, то будешь зачислен в специальный Класс Индоктринации... Ты что-то сказал?

— Я спрашивал, обязательно ли ходить в Храм, — заикаясь, вымолвил Гил. — Просто хотел знать...

— Храмовое обучение не является «совершенно обязательным», — разъяснил чиновник. — Оно относится к категории «настоятельно рекомендуемого», постольку поскольку любой другой курс предполагает нескопированность. Поэтому завтра в десять утра ты должен явиться в Храмовый Молодежный Отдел.

Когда Гил пришел в Центральный Храм в районе Катон, клерк выдал ему тускло-красный плащ с высо-

кими завязками, книгу, где изображался и объяснялся Великий План, схемы несложных узоров, а затем зачислил его в группу обучающихся.

Успехов в Храме Гил не добился. Его немного превосходили малыши, легко отскакивавшие самые сложные узоры: прыгая, кружась, выбрасывая носок, коснуться там знака, здесь эмблемы, пренебрежительно проскакивая далеко в стороне от черно-зеленых «Правонарушений», быстро проходя по периферии, огибая красные демонические пятна.

Дома же Амиант, как всегда неожиданно, принялся учить Гила читать и писать, пользуясь слоговой азбукой третьего уровня, и отправил его в Цеховые Классы учиться математике.

Когда Гилу исполнилось одиннадцать, Амиант подарил ему на день рождения отборную панель из арзака и предложил вырезать из нее ширму по собственному узору.

Гил перебрал свои наброски, выбрал композицию из мальчиков, лазающих по фруктовым деревьям, и приспособил эту композицию к естественной волокнистой панели.

Амиант одобрил узор.

— Вполне подходит: прихотливый и веселый. Лучше всего вырезать веселые узоры. Счастье мимолетно, а неудовлетворенность и скука — реальны. Те, кто будет глядеть на твои ширмы, имеют право на всю радость, какую ты сможешь им подарить, хотя радость эта будет лишь абстракцией.

Гил счел себя обязанным возразить:

— Я не считаю счастье иллюзией! С какой стати люди должны довольствоваться иллюзиями, когда действительность так остра на вкус? Разве действия не лучше грез?

Амиант ответил с характерным пожатием плечами.

— Превосходных грез намного больше, чем значительных действий. Так, во всяком случае, могут возразить тебе.

— Но действия настоящие! Каждое реальное действие стоит тысячи грез!

Амиант печально улыбнулся.

— Грезы? Действия? Что есть иллюзия? Фортинан стар. Миллиарды людей появились на свет и отошли в мир иной, бледные рыбы в океане времени. Они поднимаются к залитым солнцем отмелям; сверкнув на миг другой, и уплывут во мрак.

Гил нахмурился.

— Я не чувствую себя рыбой. И ты не рыба. И живем мы не в океане. Ты — это ты, а я — это я. И это — наш дом. — Он бросил инструменты и вышел глотнуть воздуха.

Впервые за последний год он поднялся на Дункумские высоты. И обнаружил здесь, к своей досаде, двух мальчиков и девочку, лет семи-восьми. Они сидели на траве, бросая вниз камешки. Их болтовня казалась чересчур шумной для места, где Гил провел столько времени в размышлениях. Гил двинулся на север, вниз по длинному гребню, который сходил на нет на илистых отмелях Додрехтена. Шагая, он гадал, как там дела у Флоризеля, которого он давненько уж не видел. Флоризель вступил в Цех Чеканщиков. Когда Гил виделся с ним в последний раз, Флоризель щеголял в черной кожаной шапочке, из-под которой выбивался кудрявый локон. Держался Флоризель несколько отстраненно.

Когда Гил вернулся домой, Амиант разбирал папку со старинными документами, извлеченную из шкафчика на третьем этаже.

Из-за отцовского плеча Гил рассматривал рукописи, образцы каллиграфии, орнаментов и иллюстрации. Гил заметил несколько крайне древних фрагментов пергамента, на которых виднелись знаки, выполненные с большой правильностью. Озадаченный Гил, прищурясь, пригляделся к этим архаическим документам.

— Кто же мог писать так тщательно и таким мелким почерком? Мизерами пользовались? Сегодня ни один писец не умеет работать так хорошо!

— То, что ты видишь, называется «печатанием», — уведомил его Амиант. — Это стократная, тысячекратная дубликация. В наше время печатание, конечно же, не допускается.

— А как оно делалось?

— Систем существовало множество, во всяком случае, я так понимаю. Иногда резные кусочки металла смазывались чернилами и прижимались к бумаге; иногда струя черного света мгновенно заливала страницу письмена; иногда же знаки выжигались на бумаге сквозь шаблон. Я очень мало знаю о тех процессах, которые, по моему, все еще применяются на иных планетах.

Некоторое время Гил изучал архаические символы, а затем стал перелистывать яркие картинки. Читавший брошюрку Амиант тихо посмеивался. Гил с любопытством оглянулся.

— Что там сказано?

— Ничего важного. Это старое периодическое издание, раздел рекламы. Фабрика «Биддербасс» в Лушейне продает лодки с электромотором. Цена: тысяча двести секвинов.

— А что такое секвины?

— Деньги. Нечто вроде ваучеров Министерства Соцобеспечения. Фабрика эта, по-моему, больше не работает. Возможно, те лодки были плохого качества. А возможно, «овертрендские» лорды наложили эмбарго. Трудно узнать, никаких надежных хроник нет, по крайней мере, в Амброе. — Амиант печально вздохнул. — И все же, полагаю, нам надо считать себя счастливыми. Другие эпохи были намного хуже. В Фортиане нет нищих. Богачей, конечно, тоже нет, если, разумеется, не считать лордов. Но и никакой нужды.

Гил изучал напечатанные знаки.

— Их трудно прочесть?

— Не особенно. Хочешь научиться?

Гил заколебался. Если он хочет когда-либо отправиться на Даммар, на Морган, к Чудесным Мирам, то должен трудиться с большим прилежанием и зарабатывать ваучеры. Но тем не менее кивнул.

— Да, хотел бы.

Амиант, казалось, обрадовался.

— Я не слишком сведущ, а здесь попадаетесь много идиом, которых я не понимаю, но, наверное, мы сможем вместе поломать над ними головы.

Отодвинув в сторону все свои инструменты, Амиант расстелил на ширме, которую выделывал, ткань, раз-

ложил фрагменты, принес стил, бумагу и принялся копировать неразборчивые старинные знаки.

В последующие дни Гил старался овладеть этой архаической системой письма — это оказалось не простым делом. Амиант не мог перевести эти символы ни в первичные пиктограммы, ни во вторичную скорописную версию, ни даже в слоговую азбуку третьего уровня. И даже после того, как Гил научился узнавать и складывать буквы, он то и дело спотыкался на архаических идиомах, которых ни он, ни Амиант не понимали.

Однажды в мастерскую зашел Хелфред Кобол и застал Гила за переписыванием текста со старого пергамента, в то время как Амиант предавался размышлениям и грезам над своей папкой. Хелфред Кобол постоял, подбоченясь, и сердито поинтересовался.

— И что же такое происходит в мастерской резчиков по дереву п-ля Тарвока? Вы превращаетесь в писцов? Не говорите мне, будто придумываете новые планы для своих ширм; мне-то лучше знать. — Он прошел вперед и окинул изучающим взглядом упражнения Гила. — Архаическое письмо, да? Для чего же резчику по дереву нужно архаическое письмо? Его и мне-то не прочесть, а я как-никак агент Министерства Соцобеспечения.

— Вы должны помнить, что резчик не занимается резьбой круглые сутки, — ответил Амиант.

— Понимаю. — отозвался Хелфред Кобол. — Особенно вы. Продолжайте и дальше в том же духе и будете существовать на Минимальное Пособие.

Амиант глянул на свою почти завершенную ширму, словно прикидывая, сколько еще осталось работы.

— Всему свое время, всему свое время...

Обойдя тяжелый старый стол, Хелфред Кобол заглянул в папку. Амиант сделал легкое движение, словно собираясь закрыть ее, но удержался.

— Интересный старый материал, — протянул агент. — Печатный текст, по-моему. Как, по-вашему, сколько ему?

— Не могу сказать наверняка, — признался Амиант. — В нем упоминается Кларенс Тованеско, так что ему будет не больше тринадцати столетий.

Хелфред Кобол кивнул:

— Возможно, даже местного изготовления. Когда вступили в силу антидубликационные правила?

— Примерно через пятьдесят лет после этого, — Амиант кивнул на кусок бумаги. — Просто предположение, конечно.

— Не часто доводится видеть печатные материалы, — задумчиво произнес Хелфред Кобол. — Нет даже контрбанды с космических кораблей. Народ, как мне кажется, стал более законопослушным, что, конечно же, облегчает жизнь агентам Министерства Соцобеспечения. Вот с нескопами везет меньше, в этом году они более активны, все эти вандалы, воры и анархисты.

— Никчемная группа, в основном, — согласился Амиант.

— «В основном»? — фыркнул Хелфред Кобол. — Я бы сказал, в целом! Они не продуктивны, опухоль на теле общества! Эти преступники сосут нашу кровь, эти мошенники подрывают бухгалтерию Министерства.

Амианту было больше нечего сказать. Хелфред Кобол повернулся к Гилу.

— Отложи это в сторону, мальчик, вот мой тебе совет. Как писец ты никогда не скопишь ваучеры. А кроме того, мне говорили, что Храм ты посещаешь нерегулярно и прыгаешь только простой полуоборот кругом «Добросовестность». Побольше занимайтесь там, юный п-ль Тарвок! И побольше работайте стамеской и штихелем!

— Да, сударь, — скромно согласился Гил. — Сделаю все, что в моих силах.

Хелфред Кобол дружески хлопнул его по плечу и покинул мастерскую. Амиант вернулся к своей папке. Гил услышал, как он сварливо пробормотал проклятье, и, подняв взгляд, увидел, что Амиант в порыве раздражения порвал одно из своих сокровищ: длинный хрупкий лист бумаги низкого качества с напечатанными на ней чудесными карикатурами на трех ныне забытых общественных деятелей.

Вскоре, не сказав ни единого слова, Амиант поднялся, накинул на плечи свой будничный плащ и отправился неведомо куда и зачем. Гил подошел к двери и посмотрел вслед отцу. Амиант пересек площадь и свер-

нул в переулок, ведущий в район Нобиль — округ, прилегающий к докам.

Гил тоже не мог больше сосредоточиться на старинном письме. Сделав нерешительную попытку пропрыгать довольно трудное Храмовое упражнение, он принялся работать над своей ширмой и занимался этим до конца дня.

Амиант вернулся на закате. Он принес с собой несколько пакетов, которые без всяких комментариев положил в шкафчик, а затем отправил Гила купить им на ужин водорослевую закуску и луковый салат.

За ужином Амиант то сидел, мрачно уставясь на тарелку, то пытался завязать непринужденную беседу. Вопреки обыкновению, он расспрашивал Гила об успехах в Храме. Гил сообщил, что с упражнениями у него дела обстоят не так уж плохо, но вот с катехизисом возникают трудности. Амиант кивнул, но Гил видел, что мысли его далеки от этого предмета. Вскоре Амиант спросил, не видел ли Гил в последнее время Флоризеля. По воле случая Гил повстречал на днях Флоризеля в Храме, где тот проходил обучение.

— Странноватый паренек, — заметил Амиант. — Легко поддается влиянию и, похоже, ненадежный.

— Я тоже так считаю, — согласился Гил. — Хотя сейчас он, кажется, усердно взялся за Цеховую работу.

— Да, почему бы и нет? — задумчиво произнес Амиант.

Снова наступило молчание. Потом Амиант заговорил о Хелфреде Коболе.

— Намерения-то у этого агента хорошие, но он пытается примирить слишком много конфликтов. Это делает его несчастным. Он никогда не добьется успеха.

— А я всегда считал его грубым и нетерпеливым.

Амиант улыбнулся.

— С Хелфредом Коболом нам повезло. С вежливыми агентами трудней иметь дело. На поверхности они вроде как гладкие; но невосприимчивы... Как бы тебе понравилось быть агентом Министерства Соцобеспечения?

Гил никогда не думал о такой возможности.

— Я же не Кобол. Я бы предпочел быть лордом.

— Естественно...

— Но ведь это невозможно?

— Во всяком случае, не в Фортиане. Они держатся особняком.

— А на своей родной планете они были лордами? Или обыкновенными получателями вроде нас?

Амиант покачал головой.

— Однажды, давным-давно, я работал на одно инопланетное информационное агентство и мог бы порасспросить, но в те времена мои мысли были заняты другим. Я даже не знаю, как называется родная планета лордов. Возможно, Аллод, а возможно — Земля, которая считается первой родиной всех людей.

— Хотел бы я знать, — гадал вслух Гил, — почему лорды живут здесь, в Фортиане. Почему они не выбрали Салулу или Лушейн, или Мангские острова?

Амиант пожал плечами.

— Несомненно по той же причине, по которой и мы. Здесь мы родились, здесь живем, здесь и умрем.

— А, допустим, я уеду в Лушейн и выучусь там на космонавта, наймут меня тогда лорды работать у них на яхтах?

Амиант в сомнении поджал губы.

— Думаю, выучиться на космонавта трудно. Это популярное занятие.

— А тебе когда-нибудь хотелось быть космонавтом?

— О, безусловно. У меня были свои мечты. И все же — возможно, самое лучшее — это заниматься резьбой по дереву. Кто знает? Уж голодать-то мы никогда не будем.

— Но никогда не будем и финансово независимы, — фыркнул Гил.

— Верно, — поднявшись, Амиант отнес тарелку в мойку, где тщательно выскреб и вымыл ее, израсходовав минимум воды и песка.

Гил с интересом наблюдал за этим педантичным процессом. Амиант жалел каждый чек, который ему приходилось выплачивать лордам. Гилу это казалось странным.

— Лорды ведь забирают 1,18 процентов всего, что мы производим, не так ли? — спросил он.

— Да,— подтвердил Амиант,— 1,18 процентов ценности, как с импорта, так и с экспорта.

— Тогда почему же мы употребляем так мало воды и энергии и почему так много ходим пешком? Разве деньги не выплачиваются независимо от этого?

— Повсюду стоят счетчики,— ответил Амиант.— Счетчики измеряют все, за исключением воздуха, которым мы дышим. Даже на сточных водах счетчик. А потом Министерство Соцобеспечения удерживает с каждого получателя, на основе пропорционального распределения, достаточно, чтобы заплатить лордам и себе самим. Получателям остается достаточно мало.

Гил с сомнением кивнул.

— А как лорды вообще стали владельцами коммунальных служб?

— Это случилось примерно полторы тысячи лет назад. Тогда шли войны — с Бодерелом, с Мангскими островами, с Ланкенбургом. А до того шли Звездные войны, а до этого — Страшная война, а до нее — бесчисленные войны. Последняя война, с императором Рисканаем и Белоглазыми, привела к разрушению города. Амброй лежал в развалинах; люди жили, как дикари. И тут прибыли на космических кораблях лорды и привели все в порядок. Они производили энергию, пустили воду, построили транспортные трубы, снова открыли канализацию, организовали импорт и экспорт. А за все это они попросили один процент, и им уступили его. Когда же они снова построили космопорт, им уступили дополнительные восемнадцать сотых процента, и так все и осталось.

— А когда мы узнали, что дублицировать незаконно и неправильно?

Амиант поджал тонкие губы.

— Ограничения впервые ввели около тысячи лет назад, когда наши ремесленники начали завоевывать себе репутацию.

— А всю прошлую историю люди занимались дубликацией? — с благоговейным ужасом в голосе спросил Гил.

— Если это было необходимо.

Вскоре Гил пожелал отцу спокойной ночи и поднялся на третий этаж. Он подошел к окну и выглянул на площадь Андл, думая о людях, которые некогда проходили по этим древним улицам, маршируя навстречу забытым ныне победам и поражениям.

В небе висел испещренный голубыми, розовыми и желтыми пятнами Даммар, отбрасывая на все старые здания перламутровый блеск.

На улицу прямо вниз падал свет из мастерской. Амиант сегодня работал допоздна, хотя обычно он предпочитал пользоваться дневным светом, чтобы лишить лордов ваучеров за электроэнергию. Другие дома, следуя той же философии, стояли, погруженные в темноту.

Вдруг свет, горевший в мастерской, замерцал и померк. Гил озадаченно посмотрел вниз. Зачем Амиант закрыл ставни? Нет ли связи между этой таинственностью и принесенными этим вечером пакетами?

Гил сидел, одеревенев, стискивая руками одеяло. Ему не хотелось увидеть что-то, способное поставить в затруднительное положение и его самого, и отца. Но все же... Гил неохотно поднялся на ноги и тихо спустился по лестнице, пытаясь одновременно и не красться, и не шуметь, чтобы спуститься незамеченным, но не испытывая неуютного ощущения, будто он шпионит.

Из кухни доносились запахи каши и водорослей. Внезапно свет в мастерской погас. Гил замер как вкопанный. Не готовился ли Амиант подняться наверх? Но Амиант оставался в темной мастерской.

Однако не совсем темной. Там внезапно вспыхнул голубовато-белый свет, погасший через секунду-другую. Затем, миг спустя, появилось тусклое, мерцающее свечение. Напуганный теперь Гил прокрался к лестнице и посмотрел сквозь перила на мастерскую.

На столе стояли небольшой ящик из грубого лыка с выступающей из одного конца трубкой, и два тазика, в одном из них, в прозрачной опалесцирующей жидкости плавал какой-то предмет, второй был закрыт. Амиант, погасив весь свет, за исключением одной свечи, открыл второй тазик, окунув лист жесткой белой бумаги в то, что казалось густым сиропом, а затем расстелил бумагу на раме перед ящиком. После чего нажал

на кнопку, и из трубки вырвался интенсивный луч голубовато-белого света. На листке мокрой бумаги появилось яркое изображение.

Свет исчез; Амиант быстро взял листок, положил его плашмя на верстак, покрыл мягким черным порошком, несколько раз прокатил по нему валик. Затем сдул с листка лишний порошок и опустил его во второй тазик. Достал, осмотрел и удовлетворенно кивнул.

Гил замороженно наблюдал за его действиями. Ясно, все ясно как день. Его отец — преступник.

Он занимается дубликацией.

Амиант же тем временем вставил в проекционный ящик новый образец и тщательно сфокусировал изображение на пустом листе бумаги. Гил узнал один из фрагментов собранной Амиантом коллекции древних писаний.

Теперь Амиант работал с большей уверенностью. Он сделал две копии; и продолжал в том же духе, дублируя старые документы из своей папки.

Вскоре Гил прокрался наверх к себе в комнату, стараясь не думать о том, что видел. Час был слишком поздний. Но одна мысль не давала ему покоя: свет просачивался сквозь шторы на площадь. А что, если кто-то заметит это мерцание, и станет гадать, с чего бы это. Гил посмотрел из окна и свет, который становился то тусклым, то ярким, это казалось необыкновенно подозрительным. Как мог Амиант быть таким неосторожным?! Как мог он поставить под угрозу не только свою жизнь, но и жизнь сына?!

Вскоре Гил услышал, как внизу, в мастерской, Амиант убирает свое оборудование, а затем поднимается по лестнице. Мальчик притворился спящим. Амиант подошел к постели. Гил лежал, не в силах заснуть, и ему казалось, что Амиант точно так же лежит, притворно закрыв глаза, думая свои странные думы... Наконец, Гил задремал.

Утром за завтраком Гил спросил самым невинным тоном:

— Ты что, прошлым вечером чинил освещение?

Амиант посмотрел на Гила, сперва озадаченно подняв брови, а затем почти комично смущенно опустив их. Обманывать Амиант, наверное, умел хуже всех ныне живущих.

— Э-э, почему ты об этом спрашиваешь?

— Случайно выглянул в окно и увидел, как свет то зажигается, то гаснет. Ты закрыл ставни, но свет все равно просачивался на улицу. Полагаю, ты ремонтировал лампу?

Амиант помассировал лицо.

— Что-то вроде того... В самом деле, что-то вроде того. Итак, ты идешь сегодня в Храм?

— Да. Хотя и не знаю упражнений.

— Ну, сделай все, что в твоих силах. У некоторых есть к этому призвание, а у других нет.

Гил провел утро в Храме, неуклюже проскакивая простые узоры, в то время как дети намного младше него, но куда более благочестивые, отпрыгивали Стихийный Узор с ловкостью и мастерством, добиваясь похвалы Прыгука. Сегодня зал посетил Третий Помощник-Попрыгун и до такой степени поразился, увидев неуклюжие скачки Гила, что вскоре с отвращением на лице воздел руки и широким шагом покинул зал.

Вернувшись домой, Гил обнаружил, что Амиант принялся за новую ширму. Вместо обычного арзака, он взял панель из дорогостоящего инга. Весь день он работал, перенося свой рисунок на панель. Это был поразительный узор, но Гил невольно почувствовал иронию ситуации. Амиант посоветовал Гилу вырезать забавные картинки, а сам взялся за работу, пронизанную меланхолией. Рисунок изображал узорную решетку, увитую листвой, из которой выглядывала сотня маленьких, печальных лиц. Все эти лица выглядели разными, и все же почему-то казались схожими из-за тревожащей пристальности их взглядов. Поверху шли два слова — Помни Меня — выполненные размашистым и изящным каллиграфическим письмом.

Работать с новой панелью Амиант прекратил уже вечером. Зевнув, он потянулся, поднялся на ноги, подошел к двери, выглянул на площадь, заполненную теперь народом, возвращающимся домой с работы: порто-

вые грузчики, судостроители, механики, мастера, работающие по дереву, металлу и камню, купцы и служители, писцы и клерки, бакалейщики, мясники, рыбаки, статистики и работники Министерства Соцобеспечения, горничные, медсестры, врачи и дантисты.

Словно пораженный неожиданной мыслью, Амиант изучал ставни. Он постоял, потирая подбородок, затем бросил недолгий взгляд на Гила, которого тот предпочел не заметить.

Амиант подошел к стенному шкафу, достал бутыл, налил две рюмки легкого вина из цветов камыша, поставил одну у локтя Гила, немного отлил из другой, и заговорил о ширме Гила.

— ...чуть больше рельефности, вот здесь, в этой детали с лодкой. Общая мысль тут — жизненная сила, молодежь веселится в сельской местности; зачем приглушать тему чрезмерной тонкостью?

— Да,— пробормотал Гил.— Буду резать поглубже.

— Думаю, я не стал бы так тщательно прорисовывать траву и листья... Но интерпретация эта твоя, и ты должен поступать так, как считаешь наилучшим.

Гил кивнул. Отложив стамеску, он выпил вина; резать он сегодня больше не будет. Амиант заговорил об ужине.

— Вчерашние водоросли показались мне какими-то несвежими. Что скажешь, если сегодня у нас будет салат из плинчетов, наверное, с несколькими орехами и кусочком сыра? Или ты предпочел бы хлеб с холодным мясом? Это должно обойтись не слишком дорого.

Гил сказал, что он скорее поест хлеба с мясом, и Амиант отправил его в лавку. Оглянувшись через плечо, Гил с тревогой увидел, что Амиант обследует ставни, мотая их туда-сюда, открывая и закрывая.

Той ночью Амиант опять работал со своей дублицирующей машиной, но тщательно закрыв и законопатив ставни. Мерцающий свет больше не просачивался на площадь, где мог вызвать интерес у какого-нибудь проходящего мимо ночного агента.

Гил в прескверном настроении отправился спать, радуясь лишь тому, что Амиант, по крайней мере, принимает меры предосторожности.

Глава 6

К несчастью, Амиант все же попался. И не Хелфреду Коболу, который, кое-что зная о склонностях резчика, мог удовольствоваться строгим выговором и пристальным наблюдением за Амиантом в дальнейшем, но Эллсому Уоллегу, Цеховому делегату — суетливому человечку с желтым от расстройства пищеварения свиным лицом. Производя обычную проверку инструментов и условий работы Амианта, он поднял бросовую деревяшку и под ней обнаружил неосторожно положенные там Амиантом три бракованные копии старинной грамоты. Уоллег, нахмурился, нагнулся, почувствовав сперва просто раздражение оттого, что Амиант неаккуратно перемешивает какие-то грамоты с заказанной Цехом работой, а затем, когда факт дубликации стал самоочевидным, побагровел и приказал злодею-дубликатору не медля связаться по «спай»-линии с Министерством Соцобеспечения.

Амиант покачал головой.

— У меня нет никакой «спай»-связи.

Уоллег щелкнул пальцами Гилу.

— Мальчик, беги как можно быстрее. Вызови сюда агентов Министерства Соцобеспечения.

Гил полуприподнялся со скамьи, а затем снова сел.

— Нет.

Эллс Уоллег не стал терять времени на споры. Подойдя к двери, он окинул взглядом площадь и зашагал к городскому «спай»-терминалу.

Как только Уоллег покинул мастерскую, Гил вскочил на ноги.

— Быстро, спрячем остальное!

Амиант оцепенело стоял, не в состоянии действовать.

— Быстро! — прошипел Гил. — Он сейчас вернется!

— Куда мне все это положить? — промямлил Амиант. — Искать же будут везде.

Гил побежал к шкафчику, вытащил оборудование Амианта. В ящик он навалил мусор и отходы. Трубку

с линзами он наполнил штифтиками и скрепками и поставил среди других подобных контейнеров. Лампочки, дававшие голубую вспышку, и энергоблок представляли более сложную проблему, которую Гил разрешил, пробежав с ними к задней двери и выбросив их через забор на пустырь, служивший свалкой мусора.

Какой-то миг Амиант наблюдал за его действиями, а затем, осененный мыслью, побежал наверх. Вернулся он за несколько секунд до того, как в мастерскую снова ворвался Уоллег.

— Строго говоря, — произнес жестким размеренным тоном Уоллег, — моя забота — лишь Цеховые правила и рабочие стандарты. Тем не менее, я — государственный служащий и выполнил свой долг. Могу добавить, что мне было стыдно обнаружить хранящиеся у резчика по дереву дублицированные материалы, несомненно, незаконного происхождения.

— Да, — пробормотал Амиант. — Должно быть, это оказалось тяжелым ударом.

Уоллег переключил внимание на скопированные документы и с отвращением крикнул.

— Как эти предметы попали вам в руки?

Амиант с трудом улыбнулся.

— Как вы и догадались, из незаконного источника.

Гил негромко выдохнул. По крайней мере, Амиант не собирался выложить все, как есть, в приступе презрительной откровенности. Прибыло трое агентов Министерства Соцобеспечения: Хелфред Кобол и пара контролеров с острыми, зыркающими глазами. Уоллег объяснил им положение дел, продемонстрировал сдублицированные документы. Хелфред Кобол укоризненно посмотрел на Амианта. Двое других агентов Министерства Соцобеспечения произвели в мастерской короткий обыск, но ничего больше не нашли; было ясно, что они не заподозрили, будто Амиант сам дублицировал эти материалы.

Вскоре два контролера отбыли вместе с Амиантом, несмотря на протесты Гила.

Хелфред Кобол отвел его в сторону.

— Следи за своими манерами, мальчик. Твой отец должен отправиться в управление и ответить на вопросник. Если обвинения ему предъявляются несерь-

езные — а я считаю, что дело обстоит именно так, — то он избежит перестройки.

Хелфред Кобол прошелся туда-сюда по мастерской, то беря какой-нибудь инструмент, то щупая кусочек дерева, иной раз поглядывая в сторону Гила так, словно желал что-то сказать, но оказывался не в состоянии найти нужные слова. Наконец, он пробормотал что-то неразборчивое и стал в дверях, глядя на площадь.

Гил гадал, чего, собственно, он ждет. Возвращения Амианта? Эту надежду вдребезги разбило прибытие высокой седой агентессы, задача которой явно заключалась в том, чтобы взять на себя управление домом. Хелфред Кобол коротко кивнул ей и отбыл без дальнейших слов.

Женщина обратилась к Гилу отчетливым внятным голосом:

— Я — надзирательница Хантиллебек. Поскольку ты несовершеннолетний, мне поручено надзирать за домом до тех пор, пока не вернется ответственный взрослый. Короче, ты под моей опекой. Тебе незачем менять свой обычный распорядок; можешь спокойно работать или упражняться в благочестии, или чем ты там еще обычно занимаешься в это время.

Гил молча склонился над ширмой. Надзирательница Хантиллебек заперла дверь, обследовала дом, везде зажигая свет, пофыркивая при виде холостяцкого хозяйства. И вернулась в мастерскую, оставив везде в доме горящий свет, хотя в окна еще проникало вечернее солнце.

Гил решил робко возразить.

— Если вы не против, я погашу свет. Отец не любит кормить лордов больше, чем необходимо.

Это замечание вызвало сильное раздражение у надзирательницы Хантиллебек.

— Я против. В доме темно и отвратительно грязно. Я желаю видеть, на что ступаю. Не хочу наступить на что-нибудь скверное.

Гил с миг подумал, а затем на пробу предложил:

— Ничего скверного тут на самом-то деле нет. Я знаю, что отец придет в ярость — и если мне можно выключить свет, то я буду бежать впереди и снова

включать его, когда бы вам ни захотелось куда-то пойти.

Надзирательница резко развернулась и прожгла Гила таким разъяренным взглядом, что тот отступил на шаг.

— Пускай горит! Какое мне дело до скупости твоего отца? Он что, хочет задушить Фортиан? Мы что, должны ради него питаться грязью?

— Не понимаю,— запинаясь, проговорил Гил.— Отец — хороший человек. Он никому бы не причинил вреда.

Надзирательница презрительно сморщилась, отвернулась, расположилась поудобней на кушетке и принялась вышивать тамбуром шелковую паутину. Гил медленно отошел к своей ширме. Надзирательница достала из ридикюля вязку из засахаренных водорослей, затем бутылочку кислويمбирного пива и кусок пирога с творогом. Гил поднялся в жилые помещения и перестал думать о надзирательнице Хантиллебек. Он съел тарелку бобов, а затем в пику надзирательнице погасил свет на верхних этажах и направился к кушетке. Он не знал, как провела ночь надзирательница, так как утром, когда он спустился по лестнице в мастерскую, она уже исчезла.

Вскоре после этого в мастерскую притащился Амиант. Его редкие седые волосы торчали во все стороны, а глаза походили на лужицы ртути. Он посмотрел на Гила, Гил посмотрел на него.

— Они,— спросил Гил,— они сделали тебе больно? Амиант покачал головой.

Гил в страхе наблюдал за ним, пытаясь решить, болен отец или нет. Амиант успокаивающе поднял руку.

— Незачем волноваться. Я плохо спал... Они искали?

— Не усердно.

Амиант неопределенно кивнул. Поднявшись, он подошел к двери и постоял, глядя через площадь, словно эта сцена — деревья-мозолепаты, пыльные кусты-аннелы, строения напротив — была ему незнакома. Он повернулся, прошел к своему верстаку, осмотрел полувырезанные пластины своей новой ширмы.

— Можно мне принести тебе чего-нибудь поесть? — спросил Гил. — Или чай?

— Не сейчас.— Амиант поднялся наверх. Через минуту он вернулся со своей старой папкой, которую и положил на верстак.

— Там есть дубликаты? — в ужасе спросил Гил.

— Нет. Они под черепицей.— Амиант, казалось, ничуть не удивился, что Гилу известно о его деятельности.

— Но... Зачем? — спросил Гил.— Зачем ты дублировал эти вещи?

Амиант медленно поднял взгляд и посмотрел Гилу прямо в глаза.

— Если не я,— спросил он,— то кто же?

— Но... Правила...— Голос Гила оборвался. Амиант ничего не ответил. Молчание значило больше, чем все, что он мог сказать.

Амиант раскрыл папку.

— Я надеялся, что ты сам обнаружишь их, когда научишься читать.

— А что это?

— Различные документы из прошлого — когда правила были иными.— Он взял одну из бумаг, взглянул на нее, отложил в сторону.— Некоторые очень ценны.— Он перебрал документы.— Вот: хартия старого Амброя. Почти непонятна, а теперь едва ли вообще известна. Тем не менее, она по-прежнему в силе.— Он отложил бумагу в сторону, коснулся другой.— Вот легенда об Эмфирионе.

Гил посмотрел на знаки и узнал в них старинное архаическое письмо, по-прежнему непонятное ему. Амиант прочел ее вслух. Дойдя до конца страницы, он остановился и положил бумагу.

— Это все? — спросил Гил.

— Не знаю.

— Но чем она заканчивается?

— Этого я тоже не знаю.

Гил неудовлетворенно поморщился.

— А это правда?

— Кто знает? — пожал плечами Амиант.— Наверное, Историк.

— А кто он?

— Некто издалека.— Амиант подошел к шкафчику, принес пергамент, чернила и перо. И принялся

переписывать фрагменты. — Я должен снять копии с них всех, я должен распространить их там, где они не пропадут. — И склонился над пергаментом.

Несколько минут Гил стоял, глядя на него, а затем повернулся, когда дверной проем закрыла тень. В мастерскую медленно вошел какой-то человек. Амиант поднял взгляд. Гил посторонился. Гостем оказался высокий мужчина с большой красивой головой и ежиком тонких седых волос. На нем была куртка из черного поплина с дюжиной вертикальных рубчиков под каждым рукавом, белый жилет, брюки в черно-коричневую полоску: богатый, очень приличный костюм, наряд человека с положением. Гил, видевший его прежде на Цеховых собраниях, узнал п-ля Блейза Фодо, Цехмейстера собственной персоной.

Амиант медленно поднялся на ноги.

— Я слышал о ваших трудностях, п-ль Тарвок, — заговорил глубоким серьезным голосом Фодо, — и пришел доставить вам благие пожелания Цеха и мудрый совет, буде он вам требуется.

— Спасибо, п-ль Фодо, — поблагодарил Амиант. — Жаль, вас не было здесь, чтобы посоветовать Элсу Уоллегу не выдавать меня.

Цехмейстер нахмурился.

— К несчастью, я не могу предвидеть всякий неблагоприятный поступок, совершенный всяким членом. И делегат Уоллег, конечно же, выполнил свой долг так, как он его понимал. Но я удивлен, застав вас за писанием. Чем вы занимаетесь?

— Я переписываю древнюю рукопись, — произнес предельно отчетливо Амиант, — чтобы та могла сохраниться на грядущие времена.

— Что это за документ?

— Легенда об Эмфирионе.

— Ну, в таком случае, это достойно восхищения. Но ведь это же наверняка дело писцов. Они не занимаются резьбой по дереву, а мы не занимаемся ни сочинительством, ни писанием. Какой нам был бы прок? — Он показал взмахом руки на неаккуратный почерк Амианта и слегка улыбнулся. — Эту копию никак не назовешь безупречной.

Амиант почесал подбородок.

— Разобрать-то, надеюсь, можно... Вы умеете читать написанное на архаическом?

— Конечно. Какое старое дело столь занимает вас? — Он взял фрагмент и чуть склонил голову набок, разгадывая смысл текста:

«На планету Доом, или, как говорят некоторые, Дом, которую люди покорили трудом и болью, и где они устроили фермы вдоль берега моря, явилась чудовищная орда с темной луны Сигил.

Люди давно уже отложили оружие и теперь мягко обратились к пришельцам:

— Если вы голодны, ешьте нашу пищу, разделите с нами изобилие, пока не утолите свои потребности.

Чудовища не умели говорить, но их огромные рога громко протрубили:

— Мы явились не за едой.

— Вас окружает аура безумия луны Сигил. Вы явились за покоем? Тогда отдохните, послушайте нашу музыку, омойте ноги свои в волнах морских, и вы скоро успокоитесь.

— Мы явились не за покоем, — пролаяли пришельцы.

— Вас окружает аура безнадежного отчаяния лишенных любви существ, поэтому вы должны вернуться на темную луну Сигил и прийти к соглашению с теми, кто отправил вас.

— Мы явились не за любовью, — проревели те же рога.

— В чем же тогда состоит ваша цель?

— Мы явились сюда поработить людей Доома или, как говорят некоторые, Дома, дабы жить их трудом. Признавайте нас, хозяев своих, ибо тот, кто косо посмотрит на нас, растоптан будет ужасными нашими ногами.

И они поработили людей. И в должное время Эмфирион, сын рыбаков, поднял восстание и повел свой отряд в горы. И все, кто слышал слова его, понимали, что правдивы они, и поэтому много людей поднялось против чудовищ.

Огнем и пламенем, муками и пожарищами творили чудовища с Сигила месть свою. Однако голос Эмфири-

она звенел с горы и побуждал всех, кто слышал его, к неповиновению.

Чудовища двинулись в поход на горы, разбивая скалы камень за камнем, и Эмфирион удалился в далекие края: к камышовым островам, лесам и мраку.

А следом шли чудовища, не давая ни малейшей передышки. В Еловой Седловине, за Кувалдовыми горами, встретил Эмфирион орду. Заговорил он голосом правды и показал им сверкающую скрижаль:

— Смотрите! — говорил он. — Я держу волшебную Скрижаль правды! Ты — Чудовище, я — Человек. Каждый одинок, каждый видит зарю и закат; каждый ощущает боль и избавление от боли. Почему же один должен быть победителем, а другой жертвой? Если вы не внемлете мне, то должны будете испытать горькую чашу и никогда больше не будете разгуливать по пескам темного Сигила.

Не могли чудовища не поверить голосу Эмфириона и остановились, дивясь сему. И сказал верховный монстр:

— Эмфирион! Отправляйся с нами на Сигил и выступи в Катадемhone¹; ибо есть сила, коя побуждает нас к злым деяниям».

Блейз Фодо медленно положил бумагу на стол.

— Да... Да, и верно. — Он передернул плечами, оправив черную куртку. — Изумительны иные из этих старинных легенд. Однако мы должны сохранять чувство соразмерности. Вы опытный резчик по дереву, ваши ширмы превосходны. Вашего прекрасного сына тоже ждет счастливое будущее. Так зачем же терять ценное рабочее время на записывание старых сказок? Это становится одержимостью! Особенно, — многозначительно добавил он, — когда это приводит к действиям, нару-

¹ Название это, кажется, происходит от латинского глагола *damno* — осуждать, приговаривать. А от него, в свою очередь, происходит английское слово *damn* — проклинать, ругать, осуждать, губить. — *Прим. перев.*

шающим правила. Вы должны быть реалистом, п-ль Тарвок!

Амиант пожал плечами, отложил в сторону пергамент и чернила.

— Наверное, вы правы.— Он взял долото и принялся вырезать узор на ширме.

Блейз Фодо еще полчаса расхаживал взад-вперед по мастерской, глядя через плечо сперва Гила, а потом Амианта. Он попенял Амианту за то, что тот позволил коллекционерской страсти одолеть себя и таким образом купить незаконные репродукции. А также обратился к Гилу, побуждая его к усердию, благочестию и скромности.

— Тропа жизни — хорошо проторенна, наимудрейшие и наилучшие установили на ней указатели, мосты и предупреждающие знаки; искать по сторонам новые или лучшие пути — проявление либо упрямства, либо надменности. И потому смотри на своего агента Министерства Соцобеспечения, на своего Цехового делегата, на своего Прыгунку; следуй их наставлениям. И будешь жить спокойно и в довольстве.

Наконец Цехмейстер Фодо отбыл. Как только дверь за ним закрылась, Амиант положил стамеску и вернулся к переписыванию. Гил не знал, что сказать, хотя сердце его переполняли чувства. Он вышел на площадь купить еды и повстречал совершавшего обход Хелфреда Кобола.

Агент Министерства Соцобеспечения остановил его.

— Что такое нашло на Амианта, отчего он ведет себя словно хаосист.

— Не знаю,— ответил Гил.— Но он не хаосист. Он — хороший человек.

— Это-то я понимаю, вот потому я так озабочен. Наверняка ему невыгодны поступки, нарушающие правила; и ты тоже должен это понимать.

Гил считал поведение Амианта несколько странноватым, но ни в коем случае не вредным или неправильным. Однако спорить об этом с Хелфредом Коболом он не стал.

— Он, увь, слишком смел,— продолжил агент Министерства Соцобеспечения.— Ты должен ему помочь. Мальчик ты ответственный. Оберегай отца от опасно-

сти. Тратя зря время на невозможные легенды и подстрекательские трактаты, он может лишь обогатить свою палочку!

Гил нахмурился.

— Это то же самое, что и «увеличить свой заряд»?

— Да. Ты знаешь, что это значит?

Гил покачал головой.

— Ну, в Министерстве Соцобеспечения есть корзинки с палочками, каждая со своим номером, каждая представляет какого-то человека. Меня, или Амианта, или тебя самого. Большинство этих палочек — чистое, неактивное железо; другие же намагничены. При каждом проступке или правонарушении палочке сообщается тщательно рассчитанный магнитный заряд. Если нет никаких новых проступков, то магнитный заряд вскоре рассеивается и исчезает. Но если проступки продолжают, то магнетизм усиливается, и наконец срабатывает сигнал и правонарушитель должен быть отправлен на перестройку.

Гил посмотрел через площадь на дом. А затем спросил:

— А что происходит, когда человека перестраивают?

— Ха-ха! — мрачно воскликнул Хелфред Кобол. — Ты выпрашиваешь о наших Цеховых тайнах. Мы о таких вещах не говорим. Достаточно знать, что правонарушителя излечивают от его склонностей к нарушению правил.

— А у нескопов есть палочки в Министерстве?

— Нет. Они не получатели и находятся за рамками системы. Когда они совершают преступления, что с ними случается часто, то их изгоняют из Амброя.

Когда Гил вернулся домой, Амиант спал за верстаком, уронив голову на руки. Гил в ужасе попятился. Справа и слева от отца лежал разложенный на верстаке сдублированный материал: все имевшиеся у Амианта образцы. Похоже, он пытался разложить бумаги по порядку, когда его сморил сон.

Выронив покупки, Гил закрыл на засов дверь и бросился вперед. Будить Амианта было бесполезно. Он лихорадочно собрал все материалы, сложил их в

ящик, прикрыл его сверху стружкой и обрезками и затолкал под стол. И только теперь попытался разбудить отца.

— Проснись! Сюда идет Хелфред Кобол!

Амиант застонал, накрепился назад и посмотрел мутным взглядом на Гила.

Гил увидел еще два ранее упущенных им листа бумаги. Он схватил их, и как раз тут раздался стук в дверь. Гил запихал бумаги в стружку, окинул напоследок взглядом помещение: оно казалось голым, ведьать не ведающим незаконных бумаг.

Гил открыл дверь. Хелфред Кобол вопросительно посмотрел на него.

— Скаких это пор ты запираешь дверь перед прибытием агента Министерства Соцобеспечения?

— Ошибка,— запинаясь, пробормотал Гил.— Я не хотел причинить никакого вреда.

Амиант к этому времени собрался с мыслями и с обеспокоенным выражением лица обводил взглядом верстак.

Хелфред Кобол прошел вперед.

— Несколько последних слов вам, п-ль Тарвок.

— «Последних слов»?

— Да. Я проработал в этом округе много лет, и мы почти столько же лет знали друг друга. Но я стал слишком стар для полевой службы, и меня переводят на административную работу в Элсенское управление. Я зашел попрощаться с вами и с Гилом.

Амиант медленно поднялся на ноги.

— Мне печально видеть ваш уход.

Хелфред Кобол выдал гримасу, сходявшую у него за улыбку.

— Ну, в таком случае, вот вам мои последние несколько слов: занимайтесь своей резьбой по дереву, постарайтесь вести своего сына путями правоверности. Почему вы не ходите попрыгать с ним в Храме? Ваш пример пошел бы ему на пользу.

Амиант вежливо покивал.

— Ну, тогда,— сказал Хелфред Кобол,— я прощаюсь с вами обоими и рекомендую вас наилучшему вниманию Скута Кобола, который займет мое место.

Глава 7

Скут Кобол был человеком совершенно иного склада, чем Хелфред Кобол. Молодой, педантичный, донельзя официальный, с опущенными уголками рта и щетинящимися на затылке черными волосами. На предварительных обходах он объяснил всем, что намерен работать, строго придерживаясь буквы правил Министерства Соцобеспечения. И ясно дал понять Амианту и Гилу, что не одобряет их образ жизни.

— Каждый из вас, обладающий, согласно вашей психиатрической оценке, способностями выше средних, производит куда меньше нормы для данной степени. А вы, юный п-ль Тарвок, далеко не усердны как в Цеховой школе, так и в Храме...

— Его обучением занимаюсь я, — безучастно произнес Амиант.

— Да? И чему же вы его обучаете в добавок к резьбе по дереву?

— Я обучил его читать и писать, тем расчетам, какие знаю, и, будем надеяться, он хорошо помнит мои уроки.

— Я настойчиво предлагаю ему готовиться к получению вспомогательного статуса в Храме. Согласно имеющимся к меня сведениям, занятия он посещает нерегулярно и не умеет хорошо выполнять основные узоры.

Амиант пожал плечами.

— Наверное, позже, когда подрастет...

— А как насчет вас самого? — набросился на него Скут Кобол. — Похоже, что за последние четырнадцать лет вы лишь дважды посещали Храм и прыгали только раз.

— Наверняка побольше. Точны ли данные Министерства?

— Конечно, точны! Что за вопрос! Разрешите спросить, у вас есть какие-то данные, противоречащие этим сведениям?

— Нет.

— Ну, в таком случае, почему вы прыгали только раз за эти последние четырнадцать лет?

Амиант нервно провел ладонями по волосам.

— Я не отличаюсь гибкостью. И узоров не знаю... Да и времени не хватает...

Наконец Скут Кобол покинул мастерскую. Гил посмотрел на Амианта, ожидая от него каких-то комментариев, но Амиант лишь устало покачал головой и склонился над ширмой.

Столикая ширма Амианта получила на Разбирательстве¹ оценку 9,503, или «Высший сорт», и вошла в экспортную категорию.

Единственная ширма Гила получила оценку 6,855 — «второклассная» или для «внутреннего употребления». Гила похвалили за легкость узора, но настоятельно порекомендовали добиваться большей тонкости и изящества.

¹ Рассмотрение было, с точки зрения амбройского ремесленника, самым важным событием в году, так как оно устанавливало его пособие на следующий год. Рассмотрения проводились в соответствии со сложным ритуалом и порождали огромный драматизм — до такой степени, что судьям аплодировали или же подвергали их критике за церемониальную яркость их выступлений.

Три отдельных бригады судей работали независимо на большом «Буамарковском» складе в Ист-Тауне и оценивали каждый предмет, сработанный амбройскими ремесленниками. В первую бригаду входили мастер Цеха Ремесленников, специалист по определенному классу предметов с одной из межзвездных складов и «буамаркский» лорд, предположительно избранный также за свою опытность. Во второй бригаде работали председатель Межцеховой Благожелательной Ассоциации, Директор Ремесленного Руководства Министерства Соцобеспечения, Арбитр Сравнительных Красот от Главного Храма. Третья бригада состояла из двух «буамаркских» лордов и обыкновенного получателя, избранного наобум жребием из среды населения, который получал звание Независимого Сановника и двойное пособие. Первая бригада исследовала только одну категорию предметов, с оценками, взвешенными вдвойне. Вторая и третья бригады инспектировали все изделия.

Надеявшийся на «первоклассную» оценку Гил сильно расстроился. Амиант не стал его утешать и лишь предложил:

— Возьмись за новую ширму. Если мы доставляем удовольствие своими ширмами, то производим «первоклассные». А если нет, то наши ширмы либо «второклассные», либо «забракованные». А потому, давай доставим удовольствие судьям. Это не слишком трудно.

— Отлично,— согласился Гил.— Моя следующая ширма будет «Девушки, Целующие Юношей».

— Хм,— призадумался Амиант.— Тебе двенадцать? Лучше подожди год-другой. Почему бы не выбрать стандартный узор: возможно, «Ивы и Птицы»?

Так прошли месяцы. Несмотря на недвусмысленное неодобрение Скута Кобола, Гил проводил мало времени в Храме и избегал посещать Цеховую школу. Он учился у Амианта архаическому языку и истории.

— Люди происходят с планеты под названием Земля. Земляне научились отправлять корабли через космическое пространство и таким образом положили начало человеческой истории, хотя, полагаю, до того была и история людей на Земле. Первые люди, прибывшие на Донну, обнаружили там колонии злобных насекомых — существ величиной с ребенка,— живущих в холмах и туннелях. Произошло немало великих битв, пока насекомых не уничтожили. Картины, изображающие эти события, ты найдешь в Зале Антиквариата — наверное, ты видел их?

Гил кивнул.

— Я всегда их жалел.

— Да, наверное... Люди не всегда были милосердны. Было много войн, ныне сплошь забытых. Мы — не исторический народ, похоже, мы живем ради сиюминутных событий. Или, точнее, от одного Рассмотрения до другого.

— Мне бы хотелось посетить иные миры,— задумчиво произнес Гил.— Разве не чудесно было бы, если бы мы смогли заработать достаточно ваучеров для путешествия куда-нибудь далеко-далеко и там зарабатывать себе на жизнь вырезанием ширм?

Амиант с сожалением улыбнулся.

— На других мирах не растут такие деревья, как инг и арзак или хотя бы дабан, или сарк, или руборех... А впрочем, ремесленники Амброя знамениты. Если бы мы работали где-нибудь в другом месте...

— Мы могли бы сказать, что мы — амбройские ремесленники!

Амиант с сомнением покачал головой.

— Никогда не слышал, чтобы такое случалось. Уверен, Министерство Соцобеспечения не одобрило бы этого.

Когда Гилу исполнилось четырнадцать, его приняли в Храм полноправным членом и записали на занятия для религиозного и социологического обучения. Руководящий Прыгун объяснил Стихийную схему более тщательно, чем прежние наставники Гила:

— Схема эта, конечно же, символична. Тем не менее она дает безграничный диапазон настоящих откровений. Ты теперь уже знаешь различные таблички: добродетели и пороки, кощунства и молитвы, которые тут представлены. Праведные утверждаются в своей правоте, отпрыгивая традиционные схемы, перемещаясь от одного символа к другому, избегая пороков, расписываясь в добродетели. Даже пожилые и немощные стараются отпрыгивать несколько узоров в день.

Гил прыгал и скакал вместе с остальными и сумел наконец добиться некоторой точности, так что его не делали предметом всеобщего осмеяния.

Когда ему шел уже шестнадцатый год, его класс отправился летом в паломничество на Рабию Отвесную в Грабленные горы обследовать и изучить Глиф. Они проехали на «овертрендских» машинах до фермерской деревни Либон, а затем в сопровождении фургона, везшего спальные мешки и провизию, отправились пешком к горам.

В первую ночь группа разбила лагерь у подножия скалистого холма, рядом с озером, обрамленным камышами и плакучими ивами. Ребята сидели у костров, пели и болтали. Никогда Гил не знал такого веселого времяпровождения. Остроту этому приключению придавало то, что в любой момент они могли встретить вирванов — полуразумных существ примерно двух с

половиной метров ростом, с тяжелыми узкими головами, черными опаловыми глазами, жесткой твердой кожей, покрытой лиловыми, черными и коричневыми пятнышками. По словам Руководящего Прыгуна, вирваны были исконными обитателями Донны и существовали в Грабленных горах, когда прибыли люди.

— Если мы увидим их, приближаться к ним не следует, — предостерег вожатый. — Они не агрессивны и предпочитают таиться, но известны случаи, когда они атаковали, если их донимали. Мы можем увидеть некоторых среди скал, хотя живут они в туннелях и норах и особо от них не удаляются.

Один из мальчиков, нахальный юнец по имени Нион Бохарт, спросил:

— Они ведь умеют внушать и читать мысли, не так ли?

— Чушь, — отверг вожатый. — Это было бы чудом, а они совсем не знают Финуки, единственного источника чудес.

— Я слышал, что они не разговаривают, — настаивал со своего рода дерзким упрямством Нион Бохарт. — Они посылают свои мысли на далекое расстояние, а как — никто не понимает.

Вожатый уклонился от разговора.

— А теперь — всем под одеяла. Завтра важный день, мы поднимемся на Рабию Отвесную и увидим своими глазами Глиф.

На следующее утро, позавтракав чаем с сухрями и морскими сливами, мальчики выступили в поход. Вокруг тянулись скалы и склоны, покрытые жесткими колючими кустами.

Примерно к полудню они добрались до Рабии Отвесной. Во время какой-то древней грозы в этот крутой откос ударила молния, из-за чего выпуклость черной скалы оказалась покрытой вязью сложных знаков. Иные из этих знаков, которые жрецы заключили в золотую рамку, походили на буквы архаического письма и надпись гласила: **ФИНУКА ГОСПОДСТВУЕТ!**

Перед священным Глифом была построена большая платформа с выложенной на ней из блоков кварца, яшмы, красного сланца, оникса Стихийной Схемой. Целый час вожатый и ученики выполняли ритуальные

упражнения, а затем, разобрав свое снаряжение, двинулись дальше вверх на гребень откоса и разбили там лагерь. Вид оттуда открывался чудесный. К востоку лежала глубокая долина, затем вздымались пики Грабленные горы — прибежище вирванов. На севере и на юге до самого Боредела и Великой равнины Алкали громоздились, уходя вдаль, хребты. К западу располагались необитаемые области Фортинана — серые, коричневые и черно-зеленые степи. Вдали сиял ртутным блеском океан. Умирующий край, земля, где больше развалин, чем обитаемых зданий. Гил гадал, какой она казалась две тысячи лет назад, когда эти города были целы. Сидя на плоском камне, обхватив руками колени, Гил думал об Эмфирионе. Тут, в Грабленных горах, Эмфирион встретил орду с безумной луны Сигил — которая вполне могла быть Дамаром. А вон там та огромная трещина на северо-западе: наверняка, это Еловая Седловина! А вон там поле боя, где Эмфирион вещал через волшебную Скрижаль. Чудовища? Кто как не вирваны?

От висящих на треногах котелков аппетитно пахло ветчиной и чечевицей; дрова потрескивали и плевались искрами; дым таял в сумерках. По коже Гила пробежал странный холодок. Именно так, именно у таких костров, сидели, скорбившись, его предки: на Земле или на какой-то иной далекой планете.

Никогда еда не казалась Гилу такой вкусной. После ужина, когда пламя костров стало гаснуть, а небеса казались пугающе громадными, он испытал такое чувство, словно находился на грани какого-то чудесного нового понимания. Себя самого? Мира? Природы человека? Знание маячило, дрожа у самого края его сознания... Чудесное зрелище ночного неба вдохновило и Руководящего Прыгуна. Он заявил:

— Я желаю, чтобы все наблюдали великолепии, находящееся выше человеческого понимания! Обратите внимание на блеск звезд Мирабилиса, а вон там, несколько выше, самый край Галактики! Разве это не дивно? Вот ты, Нион Бохарт, что ты думаешь? Разве открытое небо не очаровывает тебя до самого мозга костей!

— Да, точно, — провозгласил Нион Бохарт.

— Это самое превосходное и великолепное величие. Если бы и не существовало никаких иных указаний, то, по крайней мере, здесь присутствует оправдание для всего прыгания, совершаемого во славу Финуки!

Недавно среди фрагментов текстов в папке Амианта Гил наткнулся на несколько строчек философского диалога, все не выходявших у него из головы; и теперь он невинно произнес их:

— «В ситуации бесконечности всякая возможность, сколь бы маловероятной она ни казалась, должна найти физическое выражение.

— Это означает да или нет?

— И то и другое, и ни то ни другое».

Раздраженный вожатый осведомился холодным тоном:

— Что означает вся эта обскурантистская двусмысленность? Я что-то не понял!

— На самом-то деле тут все просто,— произнес, растягивая слова, Нион Бохарт.— Это означает, что, возможно, все, что угодно.

— Не совсем,— поправил Гил,— это означает нечто большее, по-моему, это важная мысль!

— Ба, вздор,— фыркнул вожатый.— Но будь любезен растолковать.

Оказавшийся вдруг в центре внимания всех Гил почувствовал себя неуклюжим и косноязычным, тем более, что он не вполне понимал утверждение, которое его призывали защитить. Он обвел взглядом круг света от костра и обнаружил, что все смотрят на него. И заговорил, запинаясь:

— Как я понимаю, космос, вероятно, бесконечен. Поэтому есть местные ситуации — огромное число их. В самом деле, в ситуации бесконечности, есть бесконечный ряд местных условий, и поэтому где-нибудь обязательно должно быть все, что угодно, если это все, что угодно, хотя бы минимально возможно. Наверное, это так. Я действительно не знаю, каковы шансы...

— Полно, полно,— оборвал его вожатый,— ты городишь чепуху! Говори простыми словами!

— Ну, возможно, что в определенных местных регионах по самым законам случайности, Бог вроде Фи-

нуки мог существовать и осуществлять местный контроль. Может быть, даже здесь, на Северном Континенте, боги могут отсутствовать. Это конечно зависит от вероятности конкретного вида бога. — Гил поколебался, а затем скромно добавил: — Я, конечно, не знаю, каков данный бог.

Вожатый сделал глубокий вдох.

— Тебе приходило в голову, что человек, который пытается прикинуть возможность или вероятность существования бога, изрядно кичится, мня себя духовно и интеллектуально превосходящим бога?

— Нет никаких оснований считать, что у нас не может быть глупого бога, — вполголоса пробормотал Нион Бохарт.

— Должен сказать, в духовном плане это состояние является состоянием безграничного высокомерия. — продолжал вожатый. — Глиф гласит: «Финука господствует!» Это явно означает, что Финука заправляет всем! Но всего лишь несколько акров здесь и там. Будь иначе, Глиф гласил бы: «Финука господствует в приходе Элбаум, в районе Бруэбен, наряду с илистыми отмелями Додрехтена». Разве это не очевидно? Глиф гласит: «Финука господствует!», и это означает, что Финука властвует и судит *везде!*

Гил счел за лучшее промолчать.

На следующий день они с утра пораньше свернули лагерь, отпрыгали заключительную службу перед Глифом и промаршировали обратно вниз по склону к «овертрендской» станции в близлежащем горняцком поселке.

На обратном пути вожатый ничего не сказал ни Гилу, ни Ниону Бохарту, но при следующем их визите в Храм обоих перевели в особую секцию для трудных, беспокойных и неподатливых мальчиков; секцией этой заправлял решительный специндоктринатор.

В этом классе оказался, к удивлению Гила, и его старый друг Флоризель Хужуис. Флоризеля сочли «трудным» не из-за упрямства или наглости, а мечтательности и склонности к рассеянным улыбкам, словно он находил занятия в классе неотразимо забавными во всех отношениях. Это было далеко от истины, но бед-

нягу Флоризеля из-за такого выражения лица постоянно попрекали за игривость и легкомыслие.

Индоктринатор, Попрыгун Хонсон Оспюд, был человеком высоким, мрачным, с напряженным, страстным лицом. Всецело посвятив себя своей профессии, он стремился подчинить души своих подопечных силой собственной ревностной правоверности. Тем не менее, он был человеком эрудированным, весьма начитанным и обсуждал на обычных классных занятиях дюжины интересных тем.

— Каждое общество построено на фундаменте из исходных аксиом,— изрек как-то раз Хонсон Оспюд.— Существует множество таких исходных посылок, из которых каждое общество отбирает нужные ему: отсюда и множество галактических цивилизаций. Конечно же, общество Фортинана — одно из наиболее просвещенных, так как оно основывается на возвышенных устремлениях человеческого духа. Нам повезло. Формирующие нашу жизнь аксиомы невыразимы, но неоспоримы; и что не менее важно, они действенны. Они гарантируют нам защиту от дефицита и предлагают каждому из нас, покуда он старателен, возможность стать финансово независимым.

При этих словах Нион Бохарт не смог удержаться от подавленного смеха.

— Финансовая независимость? Если похитишь лорда, возможно.

Хонсон Оспюд не возмутился и не пришел в замешательство.

— Если похитишь лорда, то добьешься не финансовой независимости, а перестройки.

— Если попадешься.

— Возможность перестройки велика,— констатировал Хонсон Оспюд.— Даже если тебе удастся похитить лорда, ты теперь больше не сможешь ничего выгадать. Лорд не станет платить. Лорды обязались больше не платить выкупов, и потому такое преступление, как похищение, больше не является финансово выгодным.

— Мне кажется,— заметил Гил,— что если лордам придется выбирать между выплатой и смертью, то они забудут про договор и заплатят.

Хонсон Оспюд перевел взгляд с Ниона Бохарта на Гила.

— Похоже, у нас здесь отличная коллекция будущих бандитов. Ну, ребята, должен вас предупредить: работая на хаос, вы столкнетесь с горем и бедой. Правила — единственный хрупкий барьер между дикостью и благоденствием, сломайте этот барьер, и вы уничтожите не только самих себя, но и все прочее. На сегодня достаточно. Хорошенько подумайте над тем, что я вам сказал. Все на Схему.

С течением времени многие мальчики из класса, в том числе Флоризель Хужуис, Нион Бохарт, Мэл Вилли, Югер Харшпиц, Шульк Одлебуш и один-два других, сошлись с Нионом Бохартом — задиристым, беспокойным, беспечным юнцом. Он был на год-другой старше остальных: высокий, широкоплечий, красивый, как лорд, с прекрасными зелеными глазами и тонкими губами, с которых не сходила презрительная усмешка. За шалости, придуманные Нионом Бохартом, всегда наказывали попавшихся на них упрямого Югера Харшпица или мечтательного Флоризеля.

Гил держался в стороне от этой группы, хотя и сохранил привязанность к Флоризелю. Озорство Ниона Бохарта, казалось, граничило с безответственностью, и Гил ему не симпатизировал.

Хонсон Оспюд Ниона Бохарта терпеть не мог, но пытался обходиться с упрямым юнцом как можно справедливей. Однако Нион Бохарт и другие из его компании, не жалея сил, подвергали атакам его беспристрастие: споря с ним на уроках, отмечая, словно по ошибке, неправильные или даже кощунственные символы во время прыганий, которыми начинались и заканчивались занятия.

Прошли годы. Наконец, согласно статусу, занятия прекратились. Гил, ныне восемнадцатилетний парень, был выпущен как предположительно ответственный получатель Фортинана.

Чтобы отпраздновать его освобождение от школы, Амиант посоветовался с рестораторами и заказал большой

пир: жареную птицу билоа с виккеновым соусом, лоскутовку, засахаренного морского калча, миски с рубцами, корпентайн, каймер с гарниром из тех отборных лилово-черных водорослей, известных как ливреты, и множество выпечки, тортов, желе и кувшинов эдельского вина.

На пир Гил пригласил Флоризэля. Ребята уписывали за обе щеки всякие деликатесы в то время, как Амиант пробовал понемногу то одно, то другое.

К некоторой досаде Гила, сразу же после трапезы Флоризэль начал проявлять признаки беспокойства и намекать, что ему лучше бы отправляться восвояси.

— Что? — воскликнул Гил. — Солнце едва перевалило за полдень! Останься на ужин.

— Ба, ужин! Я так натрескался, что едва способен двигаться... Ну, по правде говоря, Нион говорил о собрании в одном известном нам местечке и просил меня обязательно быть. Почему бы тебе тоже не пойти?

— Боюсь идти в дом, куда меня не приглашали.

Флоризэль таинственно улыбнулся.

— Об этом не беспокойся. Нион приказал привести и тебя. — Это последнее было явной выдумкой, но Гил, пропустив полдюжины кружек вина, был настроен продолжить празднование.

— Посмотрим, что думает отец.

Амиант не возражал, и поэтому Гил облачился в новые брюки сливового цвета, черную куртку с алыми вставками, стильную черную шляпу с косыми полями.

— Роскошь! — воскликнул Флоризэль. — По сравнению с тобой я похож на свою престарелую тетю! А, ладно, нельзя же всем быть богатыми и красивыми. Тогда пошли. Солнце уже у западного горизонта, а нам ни к чему пропускать какое-то развлечение.

Чтобы отметить событие, они поехали на юг «овертрендом» через Ходж в Катон. Поднявшись на поверхность, они прошли на восток в округ странноватых старинных домов из камня и черного кирпича, которые, благодаря какому-то капризу удачи, устояли при последнем опустошении.

Гил недоумевал.

— Я думал, Нион живет на другой стороне, ближе к Фульгеру.

— А кто сказал, что мы собирались к нему домой?

— Куда же мы тогда идем?

Флоризель загадочно улыбнулся.

— Скоро увидишь.

Они прошли через ворота, на которых висел фонарь с зелеными и лиловыми лампочками, в таверну, занимавшую нижний этаж одного из старых домов.

Едва они вошли, как их окликнул Мэл Вилли:

— А вот и Флоризель, а с ним и Гил! Сюда, ребята!

Они нашли себе стулья, и им сунули в руки кружки. Нион Бохарт предложил тост:

— За прыщик на языке у Хонсона Оспюда, за стертые ноги у всех Прыгруксов: чтоб им попробовать Вдвойне Искренний Восемьдесят Девятый Скок, шлепнуться ничком и проехаться носом до Животной Развращенности!

Под крики «Браво!» и одобрителный свист мальчишки осушили кружки. Гил осмотрелся. Помещение было очень просторным, с резными столбами, поддерживающими элегантный старинный потолок из зеленой саподиллы и желтой плитки. Стены все в тускло-алых пятнах, а пол — каменный. Свет давали четыре люстры с дюжинами лампочек. В нише сидел оркестр из трех человек, с цитрой, флейтой и тимпаном, игравших джиги и кадрили. Рядом на длинном ложе сидели, развалившись, двадцать молодых женщин в самых разнообразных нарядах, в некоторых случаях — кричаще ярких, в иных — строгих, но всегда необычных. Гил, наконец, окончательно понял, где именно он находится: в одной из квазилегальных таверн, предлагающих клиентам вино и еду, музыку и веселье, а также услуги целого штата «хозяек». Гил с любопытством разглядывал девушек. Ни одна не выглядит особо миловидной, подумал он, а иные так по-настоящему смешны, в своей нелепой одежде и с устрашающим слоем краски на лице.

— Видишь какую-нибудь, что тебе по нраву? — крикнул через весь стол Гилу Нион Бохарт. — Выбирай, и она пощекочет тебе пятки!

Гил покачал головой.

— Что ты думаешь об этом заведении? — спросил его Флоризель.

— Оно, конечно, шикарное. Но разве оно не очень дорогое?

— Не очень, если пьешь только пиво и держишься в стороне от девушек.

— Жалко, что здесь нет старины Хонсона Оспюда, а, Нион? — крикнул Шульк Одлебуш. — Мы бы его так накачали, что он не смог бы понять, где верх, а где низ!

— Хотелось бы мне увидеть, как он займется вон той толстухой! — заметил с развратной усмешкой Югер Харшпиц. — Той, что с горжеткой из зеленых перьев. Вот это была бы схватка так схватка!

В таверну вошли трое мужчин и две женщины. Мужчины двигались и смотрели несколько настороженно, а женщины по контрасту с ними держались смело и даже развязно. Нион толкнул Флоризэля локтем в бок и что-то пробормотал ему на ухо, а Флоризэль, в свою очередь, сообщил Гилу:

— Нескопы: те пятеро, что занимают столик.

Гил завороченно уставился на гостей и спросил у Флоризэля:

— Это преступники или просто обыкновенные неполучатели?

Флоризэль переспросил Ниона и снова повернулся к Гилу:

— Он наверняка не знает. Думает, что они занимаются «ломом»: старым металлом, старой мебелью, старыми картинами, вероятно, и всем прочим, что попадет к ним в руки.

— Откуда Нион все это знает? — спросил Гил.

Флоризэль пожал плечами.

— По-моему, у него брат нескоп. Или был им, я вообще-то не уверен. Те, кому принадлежит эта таверна, тоже нескопы, если уж на то пошло.

— А как насчет *них*? — Гил кивнул на девушек, сидящих на длинной скамье.

Флоризэль передал вопрос Ниону и получил ответ:

— Эти сплошь получательницы. Принадлежат к Цеху медсестер, санитарок и обслуги.

— О!

— Сюда иной раз заходят и лорды, — сказал Флоризэль. — Когда я был здесь с Нионом в последний раз, тут

сидели два лорда и две леди. Они пили пиво и жевали маринованные скауфы, словно какие-то портовые грузчики.

— Иди ты!

— Точно, — заявил Нион. — Кто знает, может и сегодня будут лорды. Вот, старина, налей себе — доброе, крепкое пиво!

Гил позволил снова наполнить ему кружку.

— Зачем лордам и леди заворачивать в подобное заведение?

— Затем, что здесь жизни! Волнение! Настоящие люди! А не плосконосые ваучер-кичеры!

Гил, дивясь, покачал головой.

— Я думал, что, когда они спускаются с башен, то летят развлекаться в Лүшейн или на Мангские острова, или еще куда-то с Фортиана!

— Верно. Но иногда ничуть не труднее приземлиться и заскочить в старый добрый «Кабак Кичера». Что угодно, лишь бы сбежать от скуки высотных замков, надо полагать.

— От скуки? — проверил слово Гил.

— Конечно. Ты ведь не думаешь, что жизнь лордов — это сплошное гейдское вино да межзвездные путешествия, не так ли? Многие просто не знают, что делать со своим временем.

Гил обдумал этот новый взгляд на жизнь лордов.

— Они приходят без гаррионов?

— Вот этого не знаю. Здесь ты гаррионов никогда не увидишь. Наверное, они следят вон из-за той узорной решетки.

— Лишь бы не спецагенты, — оглянулся через плечо Мэл Вилли.

— Не беспокойся, они знают, что ты здесь, — хмыкнул Нион Бохарт. — Они все знают.

Гил усмехнулся.

— Может быть, гаррионы и агенты Министерства Соцобеспечения сидят за той ширмой вместе.

Нион Бохарт сплюнул на пол.

— Вряд ли. Агенты приходят поиграть с девушками, как и все остальные.

— И лорды тоже? — спросил Гил.

— Лорды? Ха! Видел бы ты их. И этих леди! Они соперничают в разврате.

— Ты слышал о лорде Морнуне «Спае»? — спросил Югер Харшпиц. — Как он соблазнил невесту моего кузена? Это было в одном местечке в верховьях Инесы — на каком-то курорте. В Бейзене? Григлсби-Корнерсе? Название я забыл — так или иначе, моего кузена отозвали ложным письмом, и когда он вернулся, с девушкой был лорд Морнун, а на следующее утро она так и не вышла к завтраку. Она написала, что с ней все благополучно, что Морнун берет ее в путешествие к Пяти Мирам и дальше. Разве это не жизнь?

— Все, что для этого нужно, это 1,18 процента, — мрачно оборонил Нион Бохарт. — Будь он у меня, я бы не меньше соблазнял девушек.

— Можешь попробовать со своим одним ваучером и восемнадцатью чеками, — предложил Шульк Одлебуш. — Спроси ту толстуху с зеленой горжеткой.

— Ба. У меня нет и одного чека... Но здарсьте! Вон мой друг — Онгер Вермарх. Привет, Онгер! Сюда! Познакомься с моими друзьями!

Онгер Вермарх оказался молодым человеком, одетым по самой последней моде, в остроносых белых ботинках и желтой шляпе с черными кисточками. Нион Бохарт представил его группе:

— Онгер — нескпоп и тем гордится!

— Верно и правильно! — провозгласил Онгер Вермарх. — Меня могут называть хаосистом, вором, парией — могут обзывать как угодно — лишь бы не заносили в свои проклятые поименные списки!

— Присаживайся, Онгер. Выпей кружку пива! Вот молодец!

Онгер пододвинул табурет и принял кружку пива.

— Веселой жизни всем!

— И песку в глаза всем водостражам! — предложил Нион Бохарт.

Гил выпил с остальными. Когда Онгер Вермарх вернулся, он попросил Флоризеля объяснить. Флоризель в ответ многозначительно подмигнул, и Гил вдруг понял, что «водостражами» здесь называют агентов Министерства Соцобеспечения, которые патрулировали бе-

рег, чтобы задерживать контрабандистов, завозящих дублицированные товары, дешевые во всех прочих странах, но запрещенные в Фортиане.

К Онгеру Вермарху подошли поговорить двое других молодых людей и вскоре пододвинули стулья. Гила не представили.

Он уже готовился уйти, когда заметил напряжение за другим концом стола. Онгер Вермарх что-то говорил двум своим друзьям, те украдкой изучали четырех мужчин в черных костюмах, которые только что вошли. Агенты Министерства Соцобеспечения — это было ясно даже Гилу. Нион Бохарт сидел, с интересом глядя в свою кружку пива, но Гил увидел, что его рука нырнула под стол.

Агенты Министерства Соцобеспечения подошли к столу. Онгер Вермарх и двое его дружков разом вскочили и бросились бежать, опрокинув двоих агентов, добежали до двери и исчезли. Нион Бохарт и Шульк Одлебуш в возмущении поднялись на ноги.

— Что это значит?

— В самом деле, что это значит? — сухо осведомился один из агентов. — Это значит, что трое человек покинули заведение без нашего разрешения.

— А зачем им оно? — горячо потребовал объяснений Нион. — Кто вы такие?

— Агенты Министерства Соцобеспечения, Особый Отдел. А вы как думали?

— Ну, в таком случае, — молвил с добродетельным видом Нион, — что же вы сразу не сказали? Вы подкрались так скрытно, что мои друзья сочли вас преступниками и решили удалиться.

— Идемте, — распорядился агент. — Все вы. Вам придется ответить на определенные вопросы. И не будете ли вы столь любезны, — предложил он Ниону Бохарту, — подобрать пакет, который бросили на пол, и передать его мне.

Группу препроводили к фургону и отвезли в Ходжский Центр Задержания.

Гила отпустили через два часа. Допросили его лишь поверхностно. Он сказал чистую правду, и ему велели идти домой. Флоризля, Мэла Вилли и Югера Харшви-

ца отпустили, сделав предупреждение. От Ниона Бохарта и Шулька Одлебуша, имевших при себе пакеты с контрабандным материалом, потребовали искупить свое антиобщественное поведение. Им уменьшили основные пособия на десять ваучеров в месяц и обязали их проработать два месяца в Пешем Отряде Чествований и Чистоты, убирая с улиц мусор. Кроме того, им было предписано заниматься один день в неделю усиленными службами в Храме.

Глава 8

Когда Гил пришел домой, на площади Андл царили прохлада и полнейшая тишина. Тонкий серп Даммара висел низко над горизонтом, освещая невыразительные черные остовы на востоке. Воздух был прохладен и свеж, а из всех звуков слышался лишь шорох шагов Гила.

Он пробрался в мастерскую. До его ноздрей долетел запах дерева и отделочного масла: такой знакомый и надежный, напоминающий обо всем, что он любил, и на глаза его невольно навернулись слезы.

Он остановился, прислушиваясь, а затем поднялся по лестнице вверх.

Амиант не спал. Гил без утайки рассказал ему о своих приключениях. Амиант улыбнулся:

— Ну, тогда ступай спать. Ты не причинил никакого ущерба и не понес его, а узнал многое. Поэтому мы должны считать этот вечер удачным.

Несколько повеселев, Гил улегся на кушетку и сразу заснул.

Его разбудил отец.

— Пришел агент Министерства Соцобеспечения. Желает обсудить с тобой события прошлого вечера.

Гил оделся, вымыл лицо холодной водой, причесал волосы. Спустившись на второй этаж, он застал Скута Кобола и Амианта сидящими за столом, попивая чай, внешне — в обстановке любезности и доброго товарищества, хотя Скут Кобол сердито сжимал губы, а в его глазах появился особый блеск, как у ищейки, взявшей

след. Он поздоровался с Гилом, коротко кивнув ему и бросив на него внимательный оценивающий взгляд, словно оказался лицом к лицу с незнакомцем.

Агент попросил Гилад изложить его версию событий прошлого вечера. Вскоре его вопросы сделались более острыми, а замечания — более резкими. Гил же скорее рассердился, чем испугался.

— Я сказал вам правду! Насколько мне известно, я не сделал ничего противозаконного. Так с какой же стати вы намекаете, будто я хаотичен?

— Я ни на что не намекаю. Предположения строишь как раз ты. Ты определенно проявляешь безответственность в выборе друзей.

— В таком случае, раз вы не хотите мне верить, то нет смысла в этом разговоре. Зачем понапрасну сотрясать воздух?

Рот Скута Кобола плотно сжался, он посмотрел на Амианта.

— А вы, п-ль Тарвок, — вы должны понять, что были нерадивым отцом. Почему вы не внушили своему сыну уважения к нашим институтам? По-моему, вас уже упрекали за это.

— Да, что-то такое припоминаю, — отозвался с едва заметной улыбкой Амиант.

Скут Кобол пришел в еще большее раздражение.

— Так вы ответите на мой вопрос? Помните, ответственность за эти печальные события ложится в конечном счете на вас. Отец обязан учить сына правде, а не уклончивости и двусмысленности.

— А и верно — правде! — задумчиво произнес Амиант. — Если бы только мы могли распознать правду, когда чувствуем ее! Это бы ободряло!

Скут Кобол негодуя фыркнул.

— Вот это-то и есть источник всех наших трудностей. Правда — это правоверие, что же еще? Никакого ободрения, помимо правил, не нужно.

Амиант поднялся на ноги, остановился, сцепив руки за спиной, глядя в окно.

— Жил некогда герой по имени Эмфирион, — произнес Амиант. — Он говорил такую правду, что чудовища остановились, дабы услышать его. Интересно, рас-

толковывал ли он через свою волшебную Скрижаль правила Министерства Соцобеспечения?

Скут Кобол тоже поднялся на ноги. И заговорил бесстрастным и жестко-официальным тоном.

— Я старательно объяснил, чего именно ожидает Министерство Соцобеспечения в ответ на получаемые вами блага. Если вы желаете и дальше получать эти блага, то должны подчиняться правилам. У вас есть какие-то вопросы?

— Нет.

— Нет.

Скут Кобол коротко поклонился. Подойдя к двери, он повернулся к выходу, сказав:

— Даже Эмфирион, живи он сегодня, был бы обязан подчиняться правилам. Никаких исключений быть не может.

Гил плюхнулся за свой верстак, опершись подбородком на руки.

— Интересно, правда ли это? Подчинился бы Эмфирион правилам Министерства?

Амиант уселся на свое место.

— Кто знает? Он бы не нашел тут никаких врагов, никакой тирании — только неумение и, наверное, воровство. Не приходится сомневаться, что мы работаем не покладая рук ради очень небольшой отдачи.

— Едва ли он стал бы нескопом, — размышлял вслух Гил. — Или стал бы? Тем, кто трудится честно и усердно, но не состоит в списках Министерства?

— Возможно. Он мог бы стать Мэром города и попытаться увеличить всем пособия.

— Как он мог бы это сделать? — с интересом спросил Гил.

Амиант пожал плечами.

— У Мэра нет никакой настоящей власти — хотя Хартия называет его главным администратором города. По крайней мере, он мог бы потребовать более высокую цену за наши товары. Он мог бы настоятельно посоветовать, чтобы мы построили фабрики для производства вещей, в которых нуждаемся, но сейчас импортируем.

— Это означало бы дублирование.

— В дублировании нет ничего безоговорочно плохого, покуда оно не снижает нашу репутацию по части мастерства.

Гил покачал головой.

— Министерство Соцобеспечения никогда бы такого не разрешило.

— Наверное. Если бы Эмфирион и правда не стал бы Мэром.

— Когда-нибудь, — пообещал то ли отцу, то ли себе Гил, — я узнаю остальную часть легенды. Мы узнаем, что же произошло.

Амиант покачал головой.

— Наверное. Но более вероятно, что Эмфирион в конце концов всего лишь легенда.

Гил сидел, погрузившись в мрачные раздумья.

— Неужели для нас нет никакой возможности узнать правду?

— В Фортиане — вероятно, нет. Вот Историк должен бы знать.

— А кто такой Историк?

Амиант взялся за стамеску.

— На далекой планете, как мне рассказывали, Историк ведет хронику всех событий человеческой истории.

— В том числе истории Донны и Фортиана?

— Надо полагать.

— Как же такие сведения доходят до Историка?

Склонившись над ширмой, Амиант усердно заработал стамеской.

— Это совсем нетрудно. Задействует корреспондентов.

— Что за странная мысль! — заметил Гил.

— И правда, странная.

По другую сторону площади Андл, в нескольких шагах по переулку Госгар, в доме, дверь которого была украшена синими песочными часами, жила Сонджали Рейд со своей матерью. Сонджали была маленькой худенькой девушкой, с белокурыми волосами и невин-

ными серыми глазами. Гил считал ее очаровательной. К несчастью, Сонджали была кокеткой, отлично сознававшей свою прелесть, всегда готовой надуть губки или с умным видом склонить голову набок.

Однажды вечером Гил сидел с Сонджали в кафе «Кампари», пытаясь завязать серьезный разговор, на что Сонджали отвечала только дерзкими неуместными замечаниями. Тут их уединение нарушил Флоризель. Гил нахмурился и откинулся на спинку стула.

— Твой отец сказал мне, что ты, вероятно, здесь, — сказал Флоризель, падая на стул. — Что пьете? «Помардо»? Не для меня. Официантка, бутылъ эдельского вина, пожалуйста: «Аманур Белое».

Гил представил девушку и Флоризеля друг другу.

— Полагаю, ты слышал новости, — сказал Флоризель.

— Новости? Через месяц с чем-то выборы Мэра. Я закончил новую ширму. Сонджали думает, что перейдет из Цеха полировщиц мрамора в Цех кондитеров.

— Нет, нет, — пожаловался Флоризель. — Я имею в виду *новости*! Нион Бохарт освободился из отряда чествований. Он желает отпраздновать и собирает сегодня вечеринку!

— Вот как? — нахмурился, глядя в бокал, Гил.

— Вот так. Во «Дворце Скрученной Ивы», если ты его знаешь.

— Естественно, — соврал Гил, не желая показаться глупым перед Сонджали.

— Это в районе Фульгер, на устье — но, впрочем, мне лучше отвести тебя. Один ты никогда не найдешь дорогу.

— Я не уверен, что пойду, — сказал Гил, — Мы с Сонджали...

— Она тоже может пойти. Почему бы и нет? — Флоризель повернулся к Сонджали, у которой уже загорелись глаза. — Тебе наверняка понравится «Скрученная Ива». Это замечательное старинное заведение, отсюда открывается чудесный вид. Туда заходит самый интересный народ. Даже лорды и леди: тайком, конечно.

— Похоже, замечательное местечко! Я бы так хотела пойти!

— Твоя мать будет против, — заявил Гил грубее, чем собирался. — Она ни за что не позволит тебе отправиться в такую таверну.

— А ей не обязательно знать, — заявила Сонджали с поразившей Гила дерзостью. — К тому же, случилось так, что сегодня вечером она работает, обслуживает Цеховой банкет.

— Хорошо! Прекрасно! Превосходно! Вообще никаких проблем, — с жаром провозгласил Флоризель. — Отправимся все вместе.

— О, отлично, — раздраженно бросил Гил. — Полагаю, мы должны...

Сонджали расправила плечи.

— В самом деле! Если ты считаешь мое общество таким неприятным, то мне незачем идти.

— Нет! Конечно же нет! — запротестовал Гил. — Ты неправильно поняла.

— Все я правильно поняла, — заявила возмущенная Сонджали. — И уверена, п-ль Хужуис объяснит мне, где находится «Дворец Скрученной Ивы», так, чтобы я могла сама найти дорогу в темноте.

— Не будь смешной! — отрезал Гил. — Мы отправимся все вместе.

— Вот так-то лучше.

Гил прошелся щеткой по своим брюкам сливового цвета, отпарил и выгладил пиджак, вложил в ботинки новые жесткие стельки и начистил до блеска бронзовые наколенники. Бросив искоса взгляд на Амианта, который держался подчеркнуто незаинтересованно, он прикрепил к коленям пару розеток из черной ленты с развевающимися концами, а затем напудрил свои золотисто-каштановые волосы, пока те не стали почти темными. Бросив еще один быстрый взгляд в сторону Амианта, он потрепал кончики волос там, где они закрывали уши, чтобы создать изящные локоны.

Флоризеля восхитила элегантность Гила. Сам он облачился в костюм темно-зеленого цвета с мягкой черной бархатной шапочкой. Вместе они прошли к дому в переулке Госгар с синими песочными часами на две-

рях. Сонджали выглянула из окна и приложила палец к губам.

— Мать еще дома. Я сказала ей, что пойду навесит Геди Энстрат. Идите до угла и подождите.

Через пять минут она присоединилась к ним и подарила своим спутникам самую озорную на свете улыбку.

— Наверное, мы можем взять с собой и Геди. Она очень веселая и вечеринка ей придется по вкусу. Помоему, она никогда не бывала в таверне.

Гил со скрипом согласился на присутствие Геди, хотя это уничтожало всякую надежду провести часик-другой наедине с Сонджали. И к тому же она поднапряжет его кошелек, если не удастся убедить Флоризля выступить в качестве ее кавалера — сомнительная надежда, поскольку Геди была высокой и худощавой занудой, с острым, похожим на клюв, носом и жидкой копной черных волос.

Однако Сонджали полагала, что ее нужно взять, и если бы Гил вздумал возражать, она бы стала дуться. Геди Энстрат охотно согласилась пойти на вечеринку, а Флоризль, как и предполагал Гил, быстро дал понять, что не намерен развлекать Геди.

Четверка проехала «овертрендом» в Южный Фульгер, всего в нескольких ярдах от Хиалис-Парка. Они поднялись на небольшой холм: выход на поверхность той же гряды, которая дальше к северу в Виче становилась Дункумскими высотами. «Дворец Скрученной Ивы» располагался неподалеку. Заведение славилось жареными илистыми утрями, эспергами в пряном соусе и бледным легким вином из прибрежного района к югу от Амброя.

Нион Бохарт еще не прибыл. Четверка нашла себе столик. Подошел официант и, оказалось, что Геди страшно проголодалась, поскольку еще не обедала. Гил мрачно глядел, как она пожирала в огромных количествах угрей с эспергами. Флоризль упомянул, что надеется смастерить или купить небольшое парусное суденышко. Сонджали тут же заявила, что остро интересуется парусными лодками и вообще путешествиями, и между этой парочкой завязался оживленный разговор в то время, как Гил сидел в стороне и отрешенно наблюдал за тем, как Геди набросилась на тарелку с угрем, ко-

торого он заказал для Сонджали, но на которого та теперь решила махнуть рукой.

Прибыл Нион Бохарт в обществе разодетой молодой женщины на пару лет старше него. Гилу подумалось, что он узнал в ней одну из тех девушек, которые сидели на скамейке в «Кабаке Кичера». Нион представил ее, как Марту, не упоминая про ее Цех. Миг спустя, прибыли Шульк и Югер, а вскоре подошел и Мэл Вилли с девушкой довольно вульгарного вида. Словно желая подчеркнуть свое пренебрежение к Правоверности, она щеголяла в облегающем узком платье из черной рыбьей кожи, которое мало скрывало очертания ее тела, если вообще что-то скрывало. Сонджали пренебрежительно подняла брови, а Геди, вытирая рот тыльной стороной руки, тупо гладела на эту девицу, но той было все нипочем.

Принесли кувшины с вином, наполнили и осушили бокалы. Зажгли разноцветные фонарики. Лютнист с Мангских островов играл веселые и мелодичные любовные песни мангов.

Нион Бохарт был странно молчалив. Гил подозревал, что наказание отрезвило его или, по крайней мере, сделало менее буйным. К облегчению Гила, Шульк Одлебуш завязал разговор с Геди и дошел до того, что налил ей полный бокал вина. Гил переместил свой стул поближе к Сонджали, смеявшейся над чем-то сказанным Флоризлем; та обратила в сторону Гила невидящий взгляд, словно его там и не было. Гил набрал побольше воздуха в легкие, открыл рот, собираясь заговорить, снова закрыл его и угрюмо откинулся на спинку стула.

Теперь говорил Нион, рассказывая о пережитом им в Министерстве Соцобеспечения. Все стихли, прислушиваясь к его словам. Он рассказал о том, как его доставили в Управление, о том, как его допрашивали, о строгих предписаниях, запрещающих в дальнейшем якшаться с контрабандистами. Его предупредили, что заряд у его палочки высокий, и что он рискует отправиться на перестройку. Дожевывая эсперг, Геди спросила:

— Вот чего я никогда не понимала: ведь нескопы не получатели, поэтому их нет в списках распределения пособий и у них нет Министерских палочек. Ну так можно ли отправлять на перестройку нескопа?

— Нельзя,— сказал Нион Бохарт.— Если он закоренелый преступник, то его изгоняют за одну из четырех границ. Простого бродягу изгоняют на восток в Бейрон. Контрабандисту приходится хуже, и его изгоняют на равнину Алкали. Самых злостных преступников изгоняют в Боредел. Мне все это объяснил Следователь Особого Отдела. Я сказал ему, что я, мол, не преступник, что я не совершил ничего особо плохого, а он ответил, что я не подчинился правилам. На что я ему возразил, мол, возможно, следует изменить правила.

— Неужели нет никакой возможности изменить правила? — спросила Сонджали.

— Понятия не имею,— признался Нион Бохарт.— Полагаю, Главный Контролер делает то, что считает наилучшим.

— Это в каком-то смысле странно,— сказал Флоризель.— Хотелось бы знать, как вообще все это началось.

Гил подался вперед.

— В прежние времена столицей Фортинана был Тадеус. А Министерство Соцобеспечения было филиалом Правительства Государства. Когда Тадеус был уничтожен, не осталось больше никакого Правительства, и изменять Правила Министерства Соцобеспечения стало некому. Поэтому они никогда и не менялись.

Все теперь обратили взгляды в сторону Гила.

— Э, вот как,— протянул Нион Бохарт.— Где ты все это узнал?

— От отца.

— Ну, если ты такой знающий, то *как же* изменяли Правила?

— Никакого Государственного Правительства у нас нет. Городское Правительство возглавлял Мэр, пока Министерство Соцобеспечения не сделало такое Правительство ненужным.

— Мэр ничего не может сделать,— проворчал Нион Бохарт.— Он всего лишь хранитель городских документов: ничто.

— Да полно! — выкрикнул в притворном возмущении Флоризель.— Мэр, чтоб вы знали, троюродный брат моей матери. Он обязан быть джентльменом!

— По крайней мере, его не могут отправить в изгнание или на перестройку, — сказал Гил. — Если бы Мэром избрали такого же человека, как Эмфирион — а выборы, между прочим, в следующем месяце, — то он мог бы настоять на положениях, записанных в Городской Хартии Амброя, и Министерству Соцобеспечения пришлось бы подчиниться.

— Ха-ха! — хохотнул Мэл Вилли. — Подумать только! Все пособия повышены! Агенты подметают улицы и доставляют посылки!

— Кто может быть избран Мэром? — спросил Флориэль. — Любой?

— Естественно, — презрительно усмехнулся Нион. — Сумел же попасть на эту должность кузен твоей матери.

— Он очень выдающийся человек! — возразил Флориэль.

— Как правило, Совет Цехмейстеров выдвигает одного из своих старейшин, — разъяснил Гил. — Его всегда избирают, а потом переизбирают, и обычно он остается на своей должности до самой смерти.

— А кто такой Эмфирион? — спросила Геди. — Я где-то слышала это имя.

— Мифический герой, — уведомил ее Нион Бохарт. — Часть межзвездного фольклора.

— Возможно, я глупая, — сказала с решительной усмешкой Геди, — но какой прок избирать Мэром мифического героя? Что это даст?

— Я не говорил, что нам следует избрать Эмфириона, — уточнил Гил. — Я говорил, что человек *вроде* Эмфириона, наверное, сумел бы настоять на переменах.

Флориэль быстро пьянел и довольно глупо рассмеялся:

— А я говорю, выберем Эмфириона, мифический он там герой или нет!

— Правильно! — воскликнул Мэл. — Изберем Эмфириона. Я всей душой за!

Геди неодобрительно наморщила нос.

— Все равно я не вижу, что же это даст.

— По-настоящему, это ничего не даст, — объяснил Нион Бохарт. — Просто мы подурачимся и покажем нос Министерству Соцобеспечения.

— Мне это кажется глупостью, — фыркнула Геди. — Ребяческой выходкой.

Гилу только неодобрения Геди и не хватало.

— По крайней мере, получатели осознают, что жизнь — это нечто большее, чем ожидание ваучеров Министерства!

— Верно! — воскликнул Нион Бохарт. — Отлично сказано, Гил! Я и не представлял, что ты такой воспалитель!

— Да вообще-то нет... И все же, обыкновенному получателю не помешает малость встряхнуться.

— Все равно, по-моему, это глупо, — фыркнула Геди и, схватив бокал, отхлебнула большой глоток вина.

— Во всяком случае, это хоть какое-то занятие, — высказался Флоризель. — Как подойти к тому, чтобы стать Мэром?

— Странное дело, — проговорил Нион Бохарт, — на этот вопрос могу ответить я, хотя у моей матери никаких кузенов нет. Все очень просто. Мэр сам организует выборы, поскольку эта должность, теоретически, не входит в епархию Министерства Соцобеспечения. Кандидат должен внести Мэру залог в сто ваучеров, а тот потом обязан вывесить свое имя на доску бюллетеней на Муниципальном Променаде. В день выборов все, кто желает проголосовать, идут на Променад, изучают имена на доске бюллетеней и объявляют о своем выборе писцу, который ведет подсчет.

— Стало быть, нужна всего-навсего сотня ваучеров, — заключил Флоризель. — У меня найдется десять.

— Что? — хихикнула Сонджали. — Ты лишишь работы кузена своей матери?

— Это тупоумный старый фигляр. Не далее как месяц назад он прошел мимо меня и матери с таким видом, словно не заметил нас. Фактически, я отдам на залог пятнадцать ваучеров!

— А я не дам и ломаного чека, — фыркнула Геди. — Затея эта нелепая и совершенно ребяческая. А возможно, даже незаконная.

— Я ставлю десять, — немедленно откликнулся Гил. — Или пятнадцать, если уж на то пошло.

— Я дам пять,— пообещала Сонджали, бросив озорной взгляд на Ниона Бохарта.

Шульк, Мэл и Югер вызвались внести по десять ваучеров каждый, а две девушки, пришедшие с Нионом и Шульком, смеясь, пообещали по пять ваучеров.

— По моим подсчетам, общая сумма залога доходит до семидесяти пяти ваучеров,— подытожил Нион.— Отлично, я внесу двадцать пять, чтобы довести до сотни, и что еще важнее, отнесу эти деньги Мэру.

Геди выпрямилась на стуле и что-то прошептала на ухо Сонджали, которая нахмурилась и сделала нетерпеливый жест.

Флоризель наполнил все бокалы и предложил тост.

— За избрание Мэром Эмфириона!

Все выпили. И тут Гил вспомнил:

— Еще одно! Что если в силу какой-то фантастической случайности Эмфириона выберут? Что тогда?

— Ба! Ничего подобного не случится,— возразил Нион Бохарт.— И что же если выберут? Возможно, это заставит людей задуматься.

— Людям лучше всего думать о том, как вести себя прилично,— чопорно заявила Геди.— Я считаю всю эту затею отвратительной.

— Да брось ты, Геди,— обронил Флоризель.— Не будь такой обидчивой! В конце концов это просто маленькая шутка!

— Тебе не кажется,— обратилась Геди к Сонджали,— что нам пора домой?

— Зачем спешить? — недоумевал Флоризель.— Вечеринка же только начинается!

— Конечно! — эхом откликнулась Сонджали.— Брось ты, Геди, не волнуйся. Не можем же мы так рано уйти домой! Наши друзья сочтут нас смешными.

— Ну, а я хочу домой!

— А я — нет! — отрезала Сонджали.— Так что вот!

— Я не могу ехать одна,— сказала Геди.— Эта часть города очень опасна,— она поднялась на ноги и стояла, ожидая, что кто-нибудь вызовется проводить ее.

— А, ладно,— пробурчал Гил.— Сонджали, нам лучше уйти.

— Но я не хочу уходить. Мне здесь весело. Почему бы тебе не отвезти Геди домой, а потом вернуться?

— Что? К тому времени, когда я вернусь сюда, все уже соберутся расходиться!

— Едва ли, мой мальчик,— усмехнулся Нион Бохарт.— Это же празднование! Мы нацелились гулять всю ночь! Фактически, мы вскоре переберемся отсюда в одно известное мне местечко, где встретимся еще с несколькими друзьями.

Гил повернулся к Сонджали.

— Разве тебе не хочется поехать с нами? По дороге мы могли бы поговорить...

— Ну в самом деле, Гил! Это же такая мелочь, а мне тут весело!

— А, ладно Геди,— сказал Гил.— Пошли.

— Что за грубая компания! — провозгласила Геди, как только они покинули таверну.— Я думала, все будет приятней, иначе ни за что бы не пошла сюда. Помоему, все твои друзья нескопы! О них следует сообщить куда надо!

— Ничего подобного,— буркнул Гил.— Не больше, чем я.

Геди многозначительно фыркнула и ничего больше не сказала.

Они проехали обратно в район Бруэбен, а потом прошли к площади Андл, через переулок Госгер и к дому Геди. Та открыла дверь и оглянулась на Гила с застенчивой редкозубой улыбкой.

— Ну вот, мы здесь, и далеко от той сомнительной компании. Сонджали к ней, конечно, не относится. Она просто избалованная и одержима духом противоречия... Не хочешь зайти? Я заварю отличный чай. В конце концов еще ведь не слишком поздно.

— Нет, спасибо,— поблагодарил Гил.— Мне лучше вернуться на вечеринку.

Геди резко захлопнула дверь у него перед носом. Гил повернулся и, печатая шаг, двинулся обратно через площадь Андл. В мастерской горел тусклый свет, Амиант, должно быть, вырезает ширму или корпит над старинным документом. Гил замедлил шаги, гадая, а пошел бы на эту вечеринку его отец. Вероятно,

нет... Но когда Гил пересек площадь, он несколько раз оглянулся через плечо на одинокий огонек за янтарными оконными стеклами.

Обратно к «овертренду», обратно в Южный Фульгер, вверх на гребень ко «Дворцу Скрученной Ивы». К огорчению Гила, свет уже не горел, таверна пустовала, если не считать уборщика и официанта.

Гил подошел к официанту.

— Та компания, с которой я сидел вон за тем столиком — они сказали, куда уходят?

— Нет, сударь, мне не сказали. Они все веселились и смеялись, много вина пили. Уверен, что не знаю.

Гил медленно спустился с холма обратно. Не отправились ли они в «Кабак Кичера» в Катоне? Маловероятно. Гил запагал в темноту, по гулким улицам Фульгера: мимо каменных складов и хижин из древнего черного кирпича. С устья накатывался туман, создавая влажные ауры вокруг уличных фонарей. Наконец, удрученный, он вернулся к площади Андл. Там он остановился, а затем медленно прошел к переулку Госгар и к двери с синими песочными часами. Сонджали жила на четвертом этаже. Те окна оставались темными. Гил уселся на лестнице и стал ждать. Прошло полчаса. Гил вздохнул и поднялся на ноги. Вероятно, она вернулась давным-давно. Он отправился домой и улегся спать.

Глава 9

На следующее утро Гил проснулся, надел рабочий халат и спустился позавтракать.

— Ну как, — спросил Амиант, — как прошла вечеринка?

— Неплохо. Ты когда-нибудь слышал о «Дворце Скрученной Ивы»?

Амиант кивнул.

— Приятное местечко. Там по-прежнему подают илистого угря с эспергами?

— Да. — Гил отхлебнул чая. — На вечеринке был Нихон Бохарт, и Флоризель и еще несколько человек из спецкласса при Храме.

— А, да.

— Ты знаешь, что в следующем месяце выборы Мэра?

— Не задумывался об этом. Полагаю, самое время.

— Мы говорили о том, чтобы собрать сотню ваучеров и поставить на голосование имя Эмфириона.

Амиант поднял брови.

— Агентов Министерства Соцобеспечения это не позабавит.

— А им-то какое дело до этого?

— Министерству Соцобеспечения есть дело до всего, что происходит с получателями.

— Но что они могут сделать? Предложить имя кандидата в Мэры — это не нарушение правил!

— Имя умершего, легенды.

— А разве это нарушает правила?

— Формально, надо думать, нет. Если общественность желает избрать на должность Мэра легенду... Конечно, легендарный герой может не подойти по возрасту или месту жительства или по иным условиям. Если так, тогда это имя, конечно, не может быть даже помещено на доски.

Гил кивнул. В конце концов это все равно не имело большого значения... Он спустился в мастерскую, затачил стамески и принялся вырезать ширму, все время кося одним глазом на дверь. Наверняка раздастся стук, заглянет вся в слезах, кроткая, Сонджали, извиниться за предыдущий вечер.

Никакого стука. Никаких заплаканных девушек.

Ближе к вечеру, когда через открытую дверь лился янтарный свет солнца, появился Шульк Одлебуш.

— Здорово, Гил Тарвок. Значит, усердно трудимся?

— Как видишь, — Гил отложил стамески и развернулся на скамье. — Что привело тебя сюда? Что-нибудь случилось?

— Решительно ничего. Прошлой ночью ты упоминал о пятнадцати ваучерах на некий проект. Нион просил меня заскочить и забрать.

— Да, конечно, — но Гил заколебался. При свете дня эта озорная выходка казалась какой-то бессмысленной. Даже злой. Или правильней: насмешливой и

издевательской. Однако, как указывал Амиант, если население желало голосовать за легенду, то почему нет?

Желая потянуть время, Гил спросил:

— А куда вы отправились из «Скрученной Ивы»?

— В один частный дом вверх по реке. Тебе следовало бы сходить туда. Все там чудно провели время.

— Вижу.

— У Флоризеля определенно хороший вкус по части девушек, — тут Шульк покосился на Гила. — Не могу сказать того же о тебе. Кто такая та страшная коза, которую ты привел?

— Я ее не приводил. Мне просто пришлось отвезти ее домой.

Шульк пожал плечами.

— Давай пятнадцать ваучеров, я спешу.

Гил поморщился, но пути назад не было. Он посмотрел на отца, надеясь, что тот прикажет ему не делать глупостей, но Амиант, казалось, вообще не обращал внимания на их разговор.

Гил сходил к шкафику, отсчитал пятнадцать ваучеров и отдал их Шульку.

— Вот.

Шульк кивнул.

— Превосходно. Завтра мы пойдем на Муниципальный Променад и зарегистрируем нашего кандидата в Мэры.

— Кто идет?

— Всякий, кому охота. Разве это будет не здорово? Представляешь, какая подымется суматоха!

— Полагаю, что да.

Шульк небрежно махнул на прощанье и ушел.

Гил подошел к верстаку, уселся напротив Амианта.

— Как, по-твоему, я правильно поступаю?

Амиант осторожно положил стамеску.

— Ты определенно не делаешь ничего неправильного.

— Знаю, но не поступаю ли я глупо? Безрассудно? Никак не могу решить. В конце концов пост Мэра — не важная должность.

— Напротив! — возразил Амиант с удивившей Гила горячностью. — Эта должность узаконена Городской Хартией, и она, безусловно, очень древняя. — Амиант

умолк и негромко пренебрежительно хмыкнул. По чьему именно адресу, Гил определить не мог.

— А что может сделать Мэр? — спросил Гил.

— Он может — или по крайней мере может попытаться — провести в жизнь положения Хартии. — Амиант, нахмурясь, поднял взгляд к потолку. — Полагаю, можно возразить, что правила Министерства Соцобеспечения законно заменяли Хартию, хотя никогда ее не отменяли. Об этом свидетельствует само существование поста Мэра!

— Хартия древнее Правил Министерства Соцобеспечения?

— Да, безусловно. Древнее и шире по охвату. — Голос Амианта снова сделался бесстрастным и задумчивым. — Пост Мэра — последнее проявление Хартии, к сожалению. — Он поколебался, поджав губы. — По моему мнению, Мэр может действительно взять на себя защиту принципов Хартии... Трудное дело, полагаю. Да, безусловно, трудное...

— Почему трудное? — спросил Гил. — Ведь Хартия все еще в силе?

Амиант задумчиво уставился через открытую дверь на площадь Андл. Гил начал гадать, а расслышал ли Амиант его вопрос.

Наконец, Амиант заговорил.

— Свобода, привилегии, возможность выбора должны постоянно использоваться, даже с риском столкнуться с неудобствами. Иначе они устареют и станут немодными, неправовыми, и, наконец, незаконными. Иногда человек, который настаивает на своих привилегиях, кажется надоедливым и вздорным, но в действительности он оказывает большую услугу всем. Естественно, свобода никогда не должна становиться вседозволенностью, но правила никогда не должны становиться оковами.

— Значит, ты думаешь, — нахмурился Гил, — что мне следует попытаться стать Мэром и провести в жизнь положения Хартии?

Амиант, улыбнувшись, пожал плечами.

— Что до этого, то не могу ничего советовать. Ты должен решить сам... Давным-давно у меня была воз-

возможность сделать нечто похожее. Меня отговорили, и с тех пор я никогда не чувствовал себя вполне комфортно. Наверное, я не из храбрецов.

— Ну конечно же, ты храбрый! — заявил Гил. — Ты самый храбрый человек, какого я знаю!

Но Амиант лишь улыбнулся, покачал головой и ничего больше не сказал.

На следующий день Гила навестили Нион, Флоризель и Шульк. Все трое — взволнованные, возбужденные, оживленные. Надевший черно-коричневый костюм, Нион выглядел старше своих лет. Флоризель держался небрежно-дружески.

— Да что с тобой случилось позапрошлой ночью? — простодушно спросил он. — Мы все ждали, ждали, ждали... Наконец, решили, что ты отправился домой или может... — он подмигнул, — задержался чуточку потискать Геди.

Гил с отвращением отвернулся.

Флоризель пожал плечами.

— Если тебе охота — дело твое.

— Возникла небольшая трудность, — сказал Нион. — Нельзя зарегистрировать имя Эмфириона, если только это не псевдоним проживающего в городе получателя с репутацией человека добрых нравов. Я, как только только развязавшийся с Отрядом Чествования и Чистоты, естественно отпадал. У Флоризеля и Шулька неприязни с Цехом. Мэла выставили из Храма. Югер — ну, ты же знаешь Югера. Он просто не пойдет. Поэтому мы номинировали тебя под именем Эмфирион. — Нион выступил вперед и весело хлопнул Гила по плечу. — Мой мальчик, возможно, ты будешь новым Мэром!

— Но я не хочу быть Мэром!

— Строго говоря, шансы невелики.

— Разве нет никаких оговорок насчет возраста?

Нион покачал головой.

— Ты полноправный получатель, ты на хорошем счету в своем Цехе и Храм не заносил тебя ни в какой список. Короче, ты — приемлемый кандидат.

Сидевший за своим верстаком Амиант хохотнул. Все повернулись и посмотрели на него, но Амиант больше не издал ни звука.

— У меня нет возражений,— сказал Гил, поразмыслив,— при одном условии.

— Каком?

— Таким, что всем этим делом управляю я. Вы будете подчиняться моим приказам.

— Приказам? — скривил рот Нион. — Ну, в самом деле!

— Если хочешь, чтобы было по-иному — воспользуйся собственным именем.

Нион закатил глаза к потолку.

— А, ладно, если тебе охота поважничать...

— Называй это как угодно. — Уголкем глаза Гил видел, что Амиант внимательно прислушивается. Теперь губы Амианта изогнулись в легкой улыбке, и он склонился над ширмой.

— Ты согласен на мои условия?

Нион поморщился, затем кивнул.

— Да, конечно. Главное, не власть или престиж, а хорошая шутка.

— Вот и отлично. Я не хочу, чтобы в это дело были вовлечены, прямо или косвенно, какие-либо нескопы или преступники. Все должно быть полностью в рамках правил.

— Нескопы не обязательно безнравственны,— возразил Нион Бохарт.

— Верно,— произнес нараспев со своего места за верстаком Амиант.

— Но знакомые тебе нескопы именно такие,— ответил Гил Ниону, посмотрев в сторону отца. — У меня нет желания находиться в милости у твоих знакомцев.

Нион растянул губы, показав на мгновение острые белые зубы.

— Ты определенно хочешь, чтобы все делалось по-твоему.

Гил вскинул руки жестом человека, испытывающего искреннее облегчение.

— Действуйте без меня!

— Нет-нет,— прервал его Нион Бохарт. — Действовать без тебя, когда ты придумал весь этот чудесный план? Ерунда!

— Тогда — никаких несопов. Никаких заявлений или объяснений, или любой деятельности без моего предварительного одобрения.

— Ты не можешь быть сразу везде.

Несколько секунд Гил сидел, глядя на Ниона Бохарта. И как раз, когда он уже открыл рот, готовясь окончательно и бесповоротно отказаться от этого проекта, Нион пожал плечами.

— Как скажешь.

Скут Кобол выразил Амианту горячий протест.

— Идея эта абсолютно нелепая! Юноша, всего лишь подросток, в числе кандидатов в Мэры! Да еще именует себя Эмфирионом! И вы не считаете это антиобщественным поведением?

— Это нарушает какие-то правила? — мягко осведомился Амиант.

— Это чересчур самонадеянное и предосудительное поведение! Вы насмехаетесь над великим постом! Это взбудоражит и собьет с пути многих людей!

— Если какая-либо деятельность не нарушает правил, то она правильная и приличествующая, — заявил Амиант. — А если деятельность правильная и приличествующая, то любой получатель может заниматься ею сколько душе угодно.

Лицо Скута Кобола сделалось кирпично-красным от гнева.

— Неужели вы не понимаете, что создадите мне трудности? Мой начальник спросит меня, почему я не обуздаваю подобное шутовство! Отлично! Упрямство — дело обоюдное. Случилось так, что приказ об увеличении вашего ежегодного пособия лежит у меня в офисе и ждет оставленной на мое усмотрение рекомендации. И я должен поставить указание «Не Одобрено» на основании общественной безответственности. Столкновением со мной вы ничего не добьетесь!

Амианта это ничуть не тронуло.

— Поступайте, как считаете наилучшим.

Скут Кобол резко развернулся к Гилу.

— Каково ваше последнее слово?

Гил, внутренне кипя от негодования, ответил ровным тоном.

— Правил это не нарушает. Почему мне не следует становиться кандидатом?

Скут Кобол вылетел из мастерской как ошпаренный.

— Ба! — пробормотал себе под нос Гил. — Возможно, Нион и нескопы все-таки правы!

Он подошел к своему верстаку, уселся. Работая, он бросал озадаченные взгляды в сторону Амианта, который сидел, глядя в пространство, иной раз шевеля губами, словно он беззвучно с кем-то разговаривал. Вскоре он подошел к шкафчику и извлек свою папку. Гил беспокойно следил за тем, как Амиант перебирает документы.

Той ночью Амиант работал в мастерской допоздна. Гил метался и ворочался у себя на кушетке, но не спустился узнать, чем же это занимается его отец.

На следующее утро мастерскую пронизывал странный кислый запах. Гил не задавал никаких вопросов, а сам Амиант не стал ничего объяснять.

Днем Гил участвовал в Цеховой вылазке на остров Пирит, в двадцати милях от берега моря: горбик скалы с несколькими потрепанными ветром деревьями, павильоном, несколькими коттеджами и рестораном. Гил надеялся, что его причастность к кампании по выборам Мэра — событие относительно малоизвестное и неразрекламированное — может ускользнуть от внимания коллег, но оказалось, что дело обстояло иначе. Весь день к нему относились свысока, говорили ему колкости, тайком изучали, сторонились его. Юноши и девушки задавали ему вопросы о его эксцентричном псевдониме, о его планах в случае, если его выберут. Гил был не в состоянии придумать какой-нибудь толковый ответ. Под конец дня он чувствовал себя униженным и рассерженным. Когда он вернулся домой, то Амианта там не застал. Из мастерской все еще не до конца выветрился кислый запах.

Амиант не возвращался домой допоздна — необычное событие.

На следующий день обнаружилось, что по всем районам Бруэбен, Нобиль, Фульгер, Додрехтен, Катон, Ходж, Виж и далеко в Годеро и Ист-Тауне были вывешены плакаты. Послание гласило:

**ПОДДЕРЖИМ ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ.
НАШИМ НОВЫМ МЭРОМ ДОЛЖЕН БЫТЬ
ЭМФИРИОН!**

Гил с изумлением глядел на плакаты. Они были отпечатаны дубликационным способом.

Один из плакатов висел на стене рядом с их домом. Гил подошел поближе, понюхал чернила и узнал кислый запах, что пронизывал мастерскую.

Гил присел на скамью. Ужасная ситуация! Как мог его отец быть таким безответственным? Что за дух противоречия настолько овладел им?

Он поднялся, медленно прошел через площадь.

Амиант стоял у своего верстака, нанося узор на новую ширму: Крылатое Существо, срывающее плод с Древа Жизни. Панель представляла собой темную, блестящую плиту из пердуры, которую Амиант специально берег именно для этого рисунка.

Гил ненадолго задержался в дверях и постоял, пристально глядя на Амианта. Тот поднял голову и кивнул.

— Итак, юный политик прибывает домой. Как проходит состязание?

— Нет никакого состязания, — пробурчал Гил. — Я сожалею, что вообще согласился на эту глупость.

— О? Подумай о престиже. Конечно, при условии, что тебя выберут.

— На это мало шансов. А престиж? Как резчик по дереву я пользуюсь большим престижем.

— Если тебя выберут как Эмфириона, то ситуация будет иной.

— Я ничего не понимаю в работе Мэра. Это нелепо.

Амиант пожал плечами и вернулся к узору. На верстак Гила упала тень. Он обернулся. Скут Кобол с двумя типами в сине-коричневых мундирах — агентами.

Скут Кобол перевел взгляд с Гила на Амианта.

— Сожалею о необходимости данного визита. Однако я могу доказать, что в этой мастерской имел место нарушающий правила процесс, приведший к дубликационному производству нескольких сот плакатов.

Гил бессильно прислонился к верстаку. Скут Кобол и двое агентов шагнули вперед.

— Либо один, либо оба из вас виноваты,— провозгласил Скут Кобол.— Приготовьтесь...

Амиант стоял, переводя озадаченный взгляд с одного на другого.

— Виновны? В печатании политических плакатов? В том нет ни малейшей вины.

— Вы печатали те плакаты?

— Конечно, печатал. Это мое право. Никакой вины тут нет.

— Я думаю иначе, особенно ввиду того, что вас уже предупреждали. Это серьезное правонарушение!

Амиант вытянул руки вперед.

— Как я могу совершать правонарушение, когда осуществляю право, гарантированное Великой Хартией Амброя?

— Как-как? И что же это за право?

— Великая Хартия, вы с ней знакомы? Она служит основой всех правил.

— Ничего не знаю ни о какой Хартии. Я знаю Кодекс Правил Министерства Соцобеспечения, и этого вполне достаточно.

Амиант был более чем любезен.

— Разрешите показать вам то место, на которое я ссылаюсь.— Он подошел к шкафчику и извлек одну из древних брошюр.— Обратите внимание: Великая Хартия Амброя. Наверняка ведь вы знакомы с ней?

— Я слышал о такой вещи,— со скрипом признал Скут Кобол.

— Ну, в таком случае, вот это место. «Любой гражданин добродетельных качеств и хорошей репутации может представить вниманию общественности уведомление о такой кандидатуре посредством рекламы, вывешивания в общественных местах отпечатанных бюллетеней и плакатов, устных сообщений и призывов, в

общественных местах или вне их...» Есть и еще, но думаю, что этого достаточно.

Скут Кобол пригляделся к брошюре.

— Что это за тарабарщина?

— Это написано на Официальном архаическом,— пояснил Амиант.

— Чем бы оно ни было, я не могу этого прочесть. А если я не могу ее прочесть, то она ни к чему меня не обязывает. Это барахло может быть чем угодно! Вы пытаетесь обмануть меня!

— Вот уж нет,— возразил Амиант.— Здесь основной закон Амброя, перед которым должны отступить и Кодекс Министерства Соцобеспечения, и Цеховые Правила.

— В самом деле? — ответил мрачным смешком Скут Кобол.— И кто же соблюдает этот закон?

— Мэр и народ Амброя.

Скут Кобол сделал резкий жест, подавая знак агентам.

— Доставьте его в Управление. Он совершил противозаконное дублирование.

— Нет! Я этого не делал! Разве вы не видите это место в тексте? Оно признает мои права!

— А разве я не сказал, что не в состоянии его прочесть? Существуют сотни, тысячи таких устаревших документов. Убирайтесь! Я не испытываю никаких симпатий к хаосистам!

Гил прыгнул вперед, ударив Скута Кобола.

— Оставь отца в покое! Он ни разу не совершал правонарушений!

Один из агентов оттолкнул Гила в сторону, второй подставил ему подножку и отправил на пол. Скут Кобол стоял над ним, раздувая ноздри.

— К счастью для тебя, удар не попал в цель, иначе...— Он не закончил фразы и повернулся к агентам.— Идите же! Доставьте его в Управление.

И Амианта увели.

Гил бежал следом за агентами Министерства до их пятиколенного автомобиля.

Амиант выглянул из окна и спокойно сказал:

— Сделай заявление Мэру! Потребуй, чтобы он добивался соблюдения Хартии!

— Да-да! Но это работает?

— Не знаю. Делай, что можешь.

Агенты оттолкнули Гила в сторону. Автомобиль отъехал. Гил стоял, глядя ему вслед. А затем, не обращая внимания на ошеломленные взгляды друзей и соседей, вернулся в мастерскую.

Сунув Хартию в папку, он взял из шкафчика деньги и снова побежал к «овертрендскому» киоску на площади Андл.

Гил отыскал Мэра, кузена матери Флоризэля, в кабачке «Коричневая Звезда». Как и ожидал Гил, тот слыхом не слыхивал о древней Хартии. Гил объяснил обстоятельства дела и попросил Мэра вмешаться, но тот решительно замотал головой.

— Дело совершенно ясное, как мне кажется. Дубликация запрещена по веской и достаточной причине. Похоже, ваш отец — своенравный субъект, раз нарушает такое важное правило.

Гил прожег взглядом вежливое лицо Мэра, а затем в ярости развернулся кругом и широким шагом зашагал в сумраке обратно к площади Андл.

Он добрел, спотыкаясь, до постели и лежал, уставясь невидящим взором в пространство, в то время как внутри у него все переворачивалось при мысли о том, что делали с его отцом.

Бедный наивный Амиант! Он уповал на магию слов: на фразу в одном из его древних клочков бумаги.

Но вскоре, по мере того как тянулась ночь, Гил засомневался. Вспоминая поведение Амианта за последние несколько дней, Гил начал гадать, а не сделал ли Амиант то, что считал себя обязанным сделать, полностью сознавая риск.

Бедный, глупый, храбрый Амиант, подумал Гил.

Амианта доставили домой через полторы недели. Он потерял в весе и казался ошеломленным и безразличным ко всему. Зайдя в мастерскую, он сразу же направился к верстаку и сел, словно ноги его не держали.

— Отец! — вскрикнул внезапно севшим голосом Гил. — Ты здоров?

Амиант кивнул.

— Да. Настолько здоров, насколько можно ожидать.

— Что они сделали?

Амиант сделал глубокий вдох.

— Не знаю. — Он обратил взгляд к ширме, взял в руку стамеску. И пальцы этой руки внезапно показались Гилу медлительными и неуклюжими. — Я даже не знаю, за что меня забрали.

— За печатание плакатов!

— Ах, да! Теперь помню. Я им что-то прочел. Что это было?

— Вот это! — выкрикнул Гил. — Великая Хартия! Неужели ты не помнишь?

Амиант без большого интереса взял брошюру, повертел ее так и сяк и вернул Гилу.

— Кажется, я устал. Не могу прочесть.

Гил взял его за руку.

— Пойдем наверх, приляг. Я приготовлю ужин и мы поговорим.

— Я не очень голоден.

В дверь постучали, и в мастерскую вошел Нион Бохарт в высокой зеленой кепке с вытянутым козырьком, зеленым костюме и черно-желтых ботинках. При виде Амианта он остановился, а затем медленно последовал вперед, горестно качая головой.

— Перестройка, да? Этого-то я и боялся. — Он смотрел на Амианта так, словно тот был восковой фигурой. — Должен сказать, они проявили мало сдержанности.

Гил медленно выпрямился и повернулся лицом к Ниону.

— Все это случилось из-за тебя!

Нион Бохарт негодующе напрягся.

— Да брось ты! Давай без оскорблений! И правила, и Великую Хартию писал не я! Я не сделал ничего худого!

— Ничего худого? — повторил, как эхо, Амиант тихим отчетливым тоном.

Гил негромко скептически фыркнул.

— Ну, тогда чего же ты хочешь?

— Я пришел обсудить выборы.

— Нечего тут обсуждать. Меня это не интересует.

Губы Амианта зашевелились, словно он опять повторял то, что услышал.

Нион Бохарт бросил кепку на верстак.

— Послушай, Гил, вини не меня, а тех, кто это сделал.

— И кто же это?

— Трудно сказать, — пожал плечами Нион Бохарт. Бросив взгляд в окно, он заторопился к дверям, пробормотав. — Новые гости.

В мастерскую вошло четверо. Гил из них знал только Скута Кобола.

Скут Кобол коротко кивнул Гилу, метнул молниеносный взгляд на Ниона Бохарта и долго разглядывал Амианта.

— Итак, как перестроенный, вы имеете право на особый совет. Это Цурих Кобол. Он поможет обеспечить вам новую здоровую основу существования.

Цурих Кобол, кругленький коротышка с лысой головой, чуть кивнул и внимательно пригляделся к Амианту.

Пока Скут Кобол говорил, Нион Бохарт незаметно крался к двери, но теперь знак, сделанный человеком, стоящим позади Скута Кобола — высоким мужчиной в черном, с энергичным, надменным лицом и в большой черной шляпе с многочисленными лентами, — заставил Ниона Бохарта остаться.

Скут Кобол повернулся от Амианта к Гилу.

— А теперь, я должен уведомить вас, что ответственность ваша высока. Квалифицированное мнение определило ваше поведение, как граничащее с преступным.

— Вот как? — переспросил Гил. К горлу у него подступил резкий кислотный привкус. — Это почему же?

— Во-первых, выдвижение вашей кандидатуры — это явно злое озорство, попытка опозорить город. Такая позиция является неуважительной и нетерпимой. Во-вторых, вы пытаетесь внести путаницу в списки Министерства Соцобеспечения, называясь именем легендарного и несуществующего человека. В-третьих, ассоциируя себя с этим легендарным мятежником против установленного порядка, вы косвенным образом

оправдываете хаосизм. В-четвертых, вы якшались с нескопированными.

Тут вперед выступил Нион Бохарт.

— А можно мне спросить, что такого нарушающего правила в общении с нескопами?

Скут Кобол уделил ему лишь беглый взгляд.

— Нескопированные стоят вне законов и правил Министерства Соцобеспечения, и, следовательно, общение с ними нарушает правила, хотя активно и не запрещено. Выдвижение кандидатуры Эмфириона — это несомненно нескопериативная идея. В-пятых, вы — сын и помощник человека, получившего два предупреждения за дублирование. Мы не можем доказать соучастия, но вы наверняка знали о происходящем. Вы не сообщили о преступлении. Преднамеренное недонесение о преступлении является тяжким правонарушением. Пока что ваши проступки не являются достаточными, чтобы привлечь вас к ответственности. Вы юноша хитрый. — При этих словах Скута Кобола, Нион Бохарт обратил на Ги́ла взгляд человека, производящего переоценку. — Однако будьте уверены, что вы никого не обманете, что за вами будут внимательно наблюдать. Вот этот господин, — он показал на человека в черном. — Главный Административный Следователь района Бруэбен, очень важное лицо. Происходящее его заинтересовало, и это не делает вам чести.

— В самом деле, — произнес мягким, приятным голосом чиновник. И показал на Ниона. — Это один из сообщников?

— Это — Нион Бохарт, отъявленный бездельник, — доложил Скут Кобол, — его досье у меня под рукой. Оно не аппетитное.

Чиновник сделал пренебрежительный жест.

— Он предупрежден. Нам незачем больше продолжать.

Агенты Министерства Соцобеспечения отбыли, за исключением Цуриха Кобола, который вывел Амианта на залитую солнечным светом площадь, усадил на скамейку и заговорил с ним.

Нион Бохарт посмотрел на Ги́ла.

— Ну и ну! Что за осиное гнездо!

Гил отошел и сел за свой верстак.

— Не сделал ли я какую-то страшную ошибку? Не могу решить...

Нион, не находя более ничего интересующего его, направился к двери.

— Завтра выборы, — бросил он через плечо. — Не забудь проголосовать!

Глава 10

На пост Мэра претендовали пять кандидатов. Текущий Мэр получил большинство голосов и вернулся к своей синекуре. Эмфирион пришел третьим, получив приблизительно десять процентов всех голосов — достаточно, чтобы заново встревожить Министерство Соцобеспечения.

Скут Кобол явился в мастерскую и потребовал все личные документы Амианта. Безучастно сидевший за верстаком, Амиант внезапно вскочил и ударил Скута Кобола киянкой. Скут Кобол упал на пол. Амиант ударил бы вновь, но тут на него навалился Гил. Стеная и держась за голову, Скут Кобол выбрался из мастерской.

Амиант сказал Гилу голосом, от которого Гил уже успел отвыкнуть:

— Возьми документы. Они твои. Сохрани их в целости, — и, выйдя на площадь, присел на скамейку.

Гил спрятал папку под черепицей крыши. Час спустя, явились агенты Министерства и забрали Амианта.

Когда он вернулся, четыре дня спустя, то был вежливым, покладистым, безразличным. Месяц спустя, он не встал утром с постели. Целый день он лежал, глядя в потолок. Когда Гил принес ему миску с кашей на обед, то Амиант был уже мертв.

Гил сидел один в старой мастерской. В ней везде ощущалось присутствие Амианта: его инструменты, его узоры, его ширмы. Что теперь? Следует ли ему продолжать работать резчиком по дереву? Или уйти в несколько и жить жизнью бродяги? Возможно, ему следует

эмигрировать в Лушейн или Салулу? Он принес с крыши папку Амианта, перебрал документы, с которыми столь любовно обращался Амиант. Гил печально покачал головой, глядя на Хартию — это идеалистическое видение основателей города. И вновь он прочел фрагмент легенды об Эмфирионе.

«Эмфирион сражался и страдал за правду. — подумал он. — Я поступлю так же! Если только смогу найти в себе силу! Амиант хотел бы именно этого!»

Он извлек фрагмент и Хартию из папки и спрятал их отдельно. Папку же он положил на ее привычное место.

Вернувшись, он постоял в мастерской. В здании царила тишина, за исключением странных негромких звуков, которых он раньше никогда не замечал: скрипа древних балок, дребезжания черепицы. Наступил вечер. Через янтарные окна лился поток мягкого света. Как часто Гил сидел при этом свете с отцом за собственным верстаком!

Гил поборол подступившие к глазам слезы. Он должен воспользоваться своей силой, он должен учиться, приобретать знания.

Каким путем пошел бы Эмфирион? В отчаянии, Гил схватился за стамески и, перейдя к верстаку Амианта, стал работать над его большой панелью из пердур: Крылатое Существо срывает плод с Древа Жизни. Весь пол покрылся щепками и стружкой. Мимо мастерской проходил Скут Кобол. Он постучал, открыл дверь, заглянул. И ничего не сказал. Не сказал ничего и Гил. Оба посмотрели друг другу в глаза. Скут Кобол медленно кивнул и удалился.

Прошло время: год, два года. Гил не видел никого из старых друзей. Иногда он совершал долгие походы за городом, часто ночуя под живой изгородью. Волосы он стриг коротко, а одежду носил простую и лишенную украшений.

Однажды, ранним летом, он закончил ширму и, чтобы расслабиться, пошел на юг через Бруэбен и Ходж в Катон и случайно прошел мимо «Кабака Кичера». Повинуясь мимолетному импульсу, он зашел в кабачок, заказал кружку пива и тарелку дымящихся рубцов.

Все было точь-в-точь таким, как ему помнилось. Девушки со скамьи окинули его взглядом, подошли. Гил послал их подальше и сидел, наблюдая за людьми.

...А вот и знакомое лицо: Флоризель! Гил окликнул его. Флоризель обернулся, увидел Гила.

— А ты что здесь делаешь?

— Ничего необычного. — Гил показал на пиво и тарелку. — Ем, пью.

Флоризель осторожно пододвинул стул.

— Должен сказать, я удивлен... Я слышал, что ты после смерти отца стал затворником. Настоящим ваучерохватом по части работы.

Гил рассмеялся. Приятно было засмеяться вновь. Возможно, виновато было пиво.

— А ты как? С тех пор, как я видел тебя в последний раз, ты изменился.

— Полагаю самую чуточку. В душе, конечно, я все тот же Флоризель.

— Ты по-прежнему состоишь в Цехе Чеканщиков?

— Ну конечно, нет! Разве ты не слышал? Я ушел в нескопы. Ты сидишь за одним столом с человеком, стоящим вне рамок организованного общества. Неужели тебе не стыдно?

— Нет, не слышал. И как же ты живешь? Лишений ты, похоже, не испытываешь. Где же ты получаешь свои ваучеры?

— Да устраиваюсь так или иначе. Приобрел вот коттедж выше по реке, замечательное местечко. По выходным я сдаю его и неплохо на этом зарабатываю. И, если откровенно, иногда привожу мужикам девушек для небольшого кутежа. Ничего такого совсем уж криминального, как ты понимаешь. Так или иначе, я живу припеваючи. А ты?

— По-прежнему вырезаю ширмы.

— А, значит, ты и дальше будешь заниматься этим ремеслом?

— Не знаю... Помнишь, как мы, бывало, говорили о путешествиях?

— Да, конечно. Я никогда не забывал.

— И я. — Гил отхлебнул пива. — Жизнь здесь пуста и бессмысленна. Мы проживем свой век и умрем, не

увидев даже проблеска правды. Здесь, в Амброе, что-то не так, как надо. Ты понимаешь это?

Флоризель покосился на него.

— Все тот же прежний Гил! Ты ни чуточки не изменился!

— Что ты имеешь в виду?

— Ты всегда был идеалистом. Думаешь, меня хоть капельку волнует правда или знание? Нет. Но я буду путешествовать, и к тому же с шиком.— Флоризель оглянулся по сторонам.— Ты, конечно, помнишь Ниона Бохарта.

— Разумеется.

— Я часто вижусь с ним. У нас с ним есть кой-какие замечательные идеи. Единственный способ заполучить что-либо — это взять его у тех, кто обладает этим: у лордов.

— Ты имеешь в виду: похитить лорда?

— А почему бы и нет? Я не вижу в этом ничего плохого. Они ведь отбирают у нас. Мы должны восстановить равновесие и отобрать у них. Грабь награбленное!

— Есть только одна трудность: если вас поймают, то изгонят в Боредел.

— Ха-ха! Нас не поймают!

Гил пожал плечами.

— Что ж, валяйте, с моим благословением. Я не против. Лорды в состоянии вынести потерю нескольких ваучеров. Из нас они выжимают вполне достаточно.

— Что за речи!

— Нион ушел в нескопы?

— Разумеется. Он не один год был нескопом втихую.

— Я всегда это подозревал.

Флоризель заказал еще пива.

— За Эмфириона! Что за чудные выборы! Столько народу в смятении, агенты Министерства на ушах стоят, просто чудесно!

Гил поморщился, поставил на стол кружку. А Флоризель, не обратив внимания, продолжал трещать:

— Здорово я повеселился в качестве нескопа, скажу я тебе! Горячо рекомендую! Зарабатываешь на жизнь и

не приходится кланяться и лебезить перед каждым агентом Министерства и Цеховым делегатом.

— Пока не попадешься.

Флоризель глуповато кивнул.

— Надо, конечно, быть осмотрительным. Но это не слишком трудно. Ты бы поразился, узнав, какие открываются возможности! Порви с прошлым! Иди в нескопы!

— Я подумывал об этом, много раз, — улыбнулся Гил. — Но — не знаю, чем тогда зарабатывать на жизнь.

— Для умных людей есть много возможностей. Нион сдает внаем речную баржу и зарабатывает за одни выходные три тысячи ваучеров! Вот как надо действовать!

— Полагаю, да. У меня нет такого умения превращать в золото все, к чему прикоснусь.

— Буду рад ввести тебя в курс дела. Почему бы тебе не приехать на несколько дней ко мне в коттедж? Он прямо на реке, неподалеку от Окружного Павильона. Делать мы ничего не будем — только отдыхать, есть, пить, болтать. У тебя есть подружка?

— Нет.

— Ну, возможно, я смогу тебе устроить. Я сам живу с одной девушкой. Фактически, ты, думаю, ее знаешь: Сонджали Рейд.

Гил с мрачной улыбкой кивнул.

— Я ее помню.

— Ну, тогда что скажешь?

— Звучит приятно. Мне хотелось бы погостить у тебя в коттедже.

— Хорошо! Скажем, на следующие выходные. Удобное время, как раз к Окружному Баллу!

— Отлично. Новая одежда понадобится?

— Конечно, нет! Мы одеваемся совершенно непарадно. Окружной Бал, конечно, костюмированный, так что купи какой-нибудь маскарадный костюмчик подешевле и домино. А в остальном — только плавки.

— Как мне найти дом?

— Езжай «овертрендом» до Григлсби-Корнерс. Пройди двести шагов обратно и иди через эстакаду к голубому коттеджу с желтым горящим солнцем.

— Буду.

— Э... Мне пригласить девушку?

Гил на миг задумался.

— Нет, — отказался, наконец, он. — Думаю, не надо.

— Да брось, — поддразнил его Флоризель. — Ты ведь наверняка не пуританин!

— Верно. Но я не хочу ни во что ввязываться. Я себя знаю. Не умею останавливаться на полпути.

— Так и не останавливайся! Зачем трусить?

— А, ладно. Поступай, как хочешь.

Глава 11

Поездка вдоль Инессы оказалась приятной. «Оверт-рендские» вагончики скользили на магнитных подушках без тряски и шума. Через окна падал отраженный в Инессе солнечный свет. Время от времени его загораживали заросли ив или «конского свиста», или гряды губчатого дерева, или «черной паутины». На другой стороне расстилались пастбища, где паслись птицы билоа.

Вагончик остановился в Григлсби-Корнерс. Гил вышел, получил из эжектора свой чемодан. Какое приятное местечко! — подумал он. Огромные грусть-яблони высились над коричневыми зданиями маленькой станции и магазина, желто-зеленая листва струилась в дымчатом свете солнца, наполняя воздух приятным запахом.

Гил прошелся вдоль берега, по коврику из старых листьев. Невдалеке плыла на ялике темноволосая девушка в белом платье. Увидев, что он смотрит на нее, она улыбнулась и помахала рукой, а затем течение увлекло ее за поворот в темный заливчик, с глаз долой. Гил покачал головой, усмехнувшись собственным фантазиям.

Вскоре он увидел эстакаду, ведущую через камыши к голубому коттеджу под водной вишней.

Гил прошел по ненадежным доскам настила до выходящего на реку крыльца. Здесь сидели Флоризель в белых шортах и хорошенькая блондинка, в которой Гил узнал Сонджали Рейд. Она кивнула и улыбнулась с деланным энтузиазмом. Флоризель вскочил на ноги.

— Значит, ты прибыл! Рад тебя видеть. Занеси чемодан, я покажу тебе, куда закинуть багаж.

Гилу отвели комнатку с видом на реку, где по потолку пробегала желто-коричневая рябь света. Он переоделся в свободную, легкую одежду и вышел на крыльцо. Флоризель сунул ему в руку бокал с пуншем, показав на шезлонг.

— А теперь просто расслабься! Бездельничай! Это нечто такое, чего вы, получатели, никогда не умеете делать. Всегда стараетесь изо всех сил, съезживаясь от страха, когда делегат тычет грязным ногтем в какой-нибудь изъяз! Не для меня!

— И не для меня,— вздохнула Сонджали, прильнув к Флоризелю, бросая загадочный взгляд на Гила.

— И не для меня,— сознался Гил,— если бы я умел жить иначе.

— Иди в нескопы!

— И что, если пойду? Я же только и умею, что вырезать ширмы. Кому я буду их продавать? Определенно не Цеху. Он заботится о своих.

— Способы есть!

— Несомненно. Воровать мне неохота.

— Все зависит,— изрекла Сонджали с видом Прыгуньи, читающей литургию,— от того, у кого крадешь.

— Я считаю лордов законной дичью,— заявил Флоризель.— А также, возможно, и несколько иных величественных учреждений.

— Лорды — да,— согласился Гил,— или, во всяком случае, почти да. Мне пришлось бы рассматривать каждый случай на предмет «за» и «против».

Флоризель рассмеялся, взмахнув бокалом.

— Гил, ты чересчур серьезен, чересчур прилежен! Всегда хочешь углубиться в какие-то невозможные фундаментальные вопросы, словно бесик, ныряющий за илистым угрем.

Гил тоже рассмеялся.

— Если я слишком серьезен, то ты слишком безответственный.

— Ба,— отпарировал Флоризель.— А мир — ответственный? Конечно, нет! Мир весь какой-то случайный, неустойчивый. Быть ответственным, значит, не соответствовать миру.

Гил с минуту поразмыслил.

— Наверное, дело обстоит именно так, в мире, предоставленном самому себе. Но общество навязывает ему порядок.

— Полнейшая чушь! — возмутился Флоризель, — разве наши Цеховые обычаи или Храмовый ритуал, или Правила Министерства разумны?

— Я согласен, не всегда. Но следует ли нам выплескивать с водой и ребенка? Цеха, Министерство, как бы ни безумствовали они временами, это необходимые инструменты. Даже лорды приносят определенную пользу.

— Нам нужны перемены! — провозгласил Флоризель. — Лорды некогда предоставили в распоряжение города ценный капитал и мастерство. Этого нельзя отрицать. Но они многократно вернули себе капитал. Понижаешь ли ты, сколько будет 1,18 процента от нашего валового продукта? Подсчитывал когда-нибудь, какая получается сумма? Нет? Она огромна. С годами она становится колоссальной. Фактически, просто непонятно, на что они тратят деньги. Даже космояхты столько не стоят. И я слышал разговоры, что замки на многоэтажках ни в коем случае не вымощены золотом. Нион Бохарт знает одного водопроводчика, который чинит замковую канализацию, и, по словам этого водопроводчика, там все очень скромно.

Гил пожал плечами.

— Меня не волнует, где или как они тратят свои деньги — хотя я бы предпочел, чтобы они покупали мои ширмы, а не Лу-Ханский окрашиваемый шелк. Но не думаю, что стоит упразднить лордов. Они обеспечивают нас зрелищами.

— Упразднить их? Никогда! — провозгласил Флоризель. — Я хочу жить, как лорд.

Сонджали поднялась на ноги. На ней были только короткая юбка и малюсенькая свободная блузка. Проходя мимо Гила, она провоцирующее покачивала бедрами. Флоризель подмигнул Гилу.

— Налей нам всем еще пунша и поменьше шествуй взад-вперед. Мы и так знаем, что ты прекрасна!

Сонджали с томным видом налила пунш.

— Да, прекрасна. А какой мне от этого толк? Я хочу путешествовать. А Флоризель не свозит меня даже в

Грабленные горы.— И игриво приподняла Гилу голову за подбородок.— А ты свозил бы?

— Я так же беден, как и Флоризель,— сказал Гил,— и даже не вор. Мне приходится путешествовать на своих двоих, и, если тебе охота путешествовать тем же транспортом, буду рад твоему обществу.

Сонджали скривилась и ушла в дом. Флоризель наклонился к Гилу и торопливо прошептал:

— Насчет той девушки, которую я хотел пригласить: та, о которой я подумывал, оказалась занята в ином месте. Сонджали попробовала позвать Геди...

— Что? — в ужасе вскрикнул Гил.

— Но та готовится к экзамену по упаковке рыбы.

— Упаковке рыбы?

— Ну, знаешь — упаковке консервированной рыбы в банки и коробки. Процесс этот требует искусства — так мне говорит Геди. Сворачиваешь в спираль дорогие плавнички, размещаешь образчик и размашистым движением втягиваешь щупальца в ротовую полость.

— Избавь меня от подробностей,— попросил Гил.

— Оно и к лучшему,— заверил его Флоризель.— Ты можешь подцепить подружку прямо на Балу. Кстати, там обязательно будут присутствовать лорды и леди.

— Да ну! Откуда ты знаешь?

— А глянь вон туда,— показал Флоризель,— за излучину. Видишь ту белую сторожку? Это Окружной Павильон. За ним лежит огромный парк, поместье лорда Альдо «Андерлайна». Летом многие лорды и леди — особенно молодые — спускаются из высоких замков на землю, и все они души не чают в Окружном Бале! Ручаюсь, их набегит не меньше полусотни.

— С сотней гаррионов,— добавил Гил.— Гаррионы будут в маскарадных костюмах, домино и всем таком прочем?

— Какое зрелище! — рассмеялся Флоризель.— Увидим. Ты, естественно, привез маскарадный костюм?

— Да. Ничего особенного. Я буду Замболийским Воином.

— Вполне годится. А я — Пьеро. А Нион явится в виде дженгского змеечеловека.

— О? Нион тоже будет здесь?

— Конечно. Мы с Нионом, так сказать, компаньоны. Дела у нас, как ты догадываешься, идут совсем неплохо.

Слегка нахмурившись, Гил пригубил пунш. Флоризель был спокойным и дружелюбным. Гил мог расслабиться и наслаждаться чепухой, которую болтал Флоризель. С другой стороны, Нион всегда провоцировал Гила на безрассудные поступки. Гил осушил бокал. Он не станет обращать на Ниона ни малейшего внимания и будет сохранять спокойствие при столкновении со всякой провокацией.

— Эй там, в доме! — позвал Флоризель Сонджали. — Смешай нам пунш, будь хорошей девочкой!

— Сам смешай, — донесся недовольный голос. — Я в постели.

Флоризель зашел с кувшином в дом. Долетело несколько приглушенных слов перебранки, а затем Флоризель вышел с полным до краев кувшином.

— А теперь расскажи мне о себе. Как тебе живется без отца? Не одиноко ли в том большом старом доме?

Гил ответил, что живет он скромно, но в достатке, что в мастерской и впрямь иногда одиноко.

Они пообедали сыром с соленьями, а потом пошли купаться на реку. Нион Бохарт прибыл как раз, когда они вылезали из воды.

— Привет-привет! Я вижу тут и Гила! Давненько не встречались! И Сонджали! Прелестное создание — особенно в этом мокром облегающем купальничке. Флоризель, ты на самом-то деле не заслуживаешь такой, как она.

Сонджали обратила в сторону Флоризеля довольно-таки недоброжелательный взгляд.

— Я постоянно твержу ему то же самое. Но он мне не верит.

— Придется нам что-то с этим делать... Ну так, Флоризель, куда мне уложить свои чемоданы? В обычную каморку? Для старины Ниона все сойдет, а? Ну, ладно, я не против.

— Да брось ты, — обиделся Флоризель. — Ты всегда требуешь и получаешь лучшую постель в доме.

— В таком случае — постели лучше!

— Да-да, конечно... Ты привез с собой маскарадный костюм?

— Естественно. Это же будет самый величественный Окружной Бал всех времен и народов. Мы сделаем его таким... Что пьете?

— Пунш «Монтарада».

— Если можно, я выпью немного.

— Позволь мне, — предложила Сонджали. И гибко поклонившись, вручила Ниону бокал. Флоризель нахмурился, явно ничуть не позабавленный.

Неодобрение Флоризеля ничуть не повлияло ни на Сонджали, ни на Ниона, и остаток вечера они все более дерзко флиртовали, обмениваясь взглядами, небрежными прикосновениями, которые были едва прикрытыми ласками. Наконец, Флоризель отпустил язвительное замечание, Сонджали в ответ сказала дерзость. Флоризель вышел из себя.

— Поступай как угодно! — насмешливо бросил он. — Я не могу тобой командовать, да и не стал бы, если бы даже и мог, слишком много мной самим командовали!

Нион весьма добродушно рассмеялся.

— Флоризель, ты — идеалист, не меньший, чем Гил. Командовать необходимо и даже полезно — покуда команду ю я.

— Вот странно, — пробормотал Флоризель. — Гил говорит то же самое.

— Что? — в удивлении переспросил Гил. — Ничего подобного я не говорил. Суть моих слов в том, что организация необходима для жизни общества!

— Верно! — изрек Нион. — Даже хаосисты с этим согласны, как это ни парадоксально. А ты, Гил, по-прежнему преданный получатель?

— Да в общем-то нет... Я не знаю, каков я. Я чувствую, что должен учиться.

— Напрасная потеря времени. Снова тут проявляется твой идеализм. Жизнь слишком коротка для раздумий! Никакой нерешительности! Если желаешь сладкой жизни, то должен протянуть руку и взять ее!

— И сумеешь убежать, когда владелец придет наказать тебя?

— И это тоже. У меня нет никакой ложной гордости, побегу я очень быстро.

— По крайней мере, ты честен,— засмеялся Гил.

— Полагаю, да. Министерство Соцобеспечения подозревает меня в жульничестве. Однако не может этого доказать.

Гил посмотрел на вздувшуюся реку. Такого рода жизнь, несмотря на подначки Сонджали и пререкания с Флоризлем, была повеселее, чем его нынешняя: резба, полировка, поход в лавку за едой, еда и сон. И все ради ежемесячного пособия! Если Флоризль мог зарабатывать достаточно, чтобы жить в покое и досуге, в коттедже на реке, то почему он не мог поступить так же?

Гил Тарвок — нескоп? Почему бы и нет? Ему не обязательно красть, шантажировать или сводничать. Несомненно, ваучеры можно заработать и законно — или почти законно. Гил повернулся к Ниону:

— Когда человек уходит в нескопы, то как же ему удастся прожить?

— Без большого труда,— отозвался он.— Существуют дюжины способов оставаться на плаву. Если ты когда-нибудь решишься, приходи ко мне. Вполне вероятно, ты будешь преуспевать, с твоим-то респектабельным видом. Тебя никто не заподозрит в жульничестве.

— Буду о тебе помнить.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая воды реки в алый цвет. Такого заката Гил не видел с детства, когда он часто наблюдал с Дункумских высот, как солнце погружается в океан.

— Пора нам одеваться для бала,— сказал Флоризль.— Музыка заиграет через полчаса. Сперва я приведу ялик.

Он прошел по эстакаде на берег. Гил зашел к себе в комнату, вернулся к столику за забытой курткой, застав врасплох Ниона и Сонджали, нежно обнимавших друг друга.

— Простите,— извинился Гил.

Ни он, ни она не обратили на него внимания, и он вернулся к себе в комнату.

Глава 12

Флоризель перевез их через реку к павильону, где уже взлетали в небо первые ракеты фейерверка.

Он удерживал ялик, пока высаживались его пассажиры, а затем привязал фалинь к кольцу и вылез на причал. Павильон располагался перед ними: просторное сооружение из полированного дерева, с частными ложами и партером по обеим сторонам. На наземном уровне двойной ряд изысканно изукрашенных киосков обеспечивал собравшихся вином и другими прохладительными напитками с закуской.

Они заплатили за билеты и принялись бродить по партеру в обществе, наверное, сотни других масок. Лордов? Леди? Получателей из окружающей сельской местности? Из города? Нескопов вроде Флоризеля, Сонджали, Ниона?

У одного киоска все запаслись зелеными кракелевыми бутылками с эдельским вином и стояли, наблюдая за зрелищем. На помост поднялись музыканты, облаченные в шутовские наряды. Они настраивали инструменты: звук волнующий и предвещающий веселье, такой же сладкий, как сама музыка. Затем они запиликали на скрипках, загудели на концертино и заиграли веселую мелодию.

Танцы той эпохи были крайне степенными, весьма и весьма далекими от галопов Последней Империи или оргиастических кружений и дерганий, какие видишь в морских портах Южного Континента. Танцевали несколько разновидностей паванны, столько же полонезов, а молодежь могла покружиться и попрыгать, взявшись за руки.

Гил наблюдал за тем, как Нион целеустремленно двигался к Сонджали. Однако Флоризель первым оказался рядом и увлек ее на танцплощадку.

Нион остановился рядом с Гилом, глядя на танцующих с добродушной и снисходительной усмешкой.

— Бедный Флоризель, когда же он усвоит?

Танцующие прохаживались перед ними, грациозно-гротескные, гротескно-грациозные. Клоуны, демоны, герои, народы со звезд и из древних времен, выходцы из фантазии, кошмара, сказки. Сверкание металла, мягкое сияние шелка, газовая материя всех цветов, черная кожа, черное дерево, черный бархат. Нион коснулся руки Гила:

— Вон там собираются лорды и леди, у сводчатого прохода. Гляди, как они посматривают туда-сюда. Мне их даже жалко. Почему они не могут поплясать, как обыкновенные люди?

— А как ты узнаешь в них лордов? — полюбопытствовал Гил.

— По манерам. Некоторые говорят, что они боятся открытого пространства от столь долгой жизни на верхотуре. И ходят они странно, если будешь танцевать с леди, то сразу поймешь это. Она будет гибкой, но двигающейся неритмично, не чувствуя музыку.

— О? Ты танцевал с леди?

— Танцевал. И не только. Хочешь — верь, хочешь — не верь... Вот, понаблюдай-ка сейчас за ними: прихоращиваются, щебечут, обсуждают прочих. О, это мудрый, утонченный народ!

Лорды и леди, кажется, набрались смелости и пошли в люди. Один за другим, они скользили по павильону, словно волшебные создания, дерзнувшие отправиться в плавание по опасному морю.

Гил обвел внимательным взглядом верхние ярусы.

— А где же гаррионы? Стоят наготове в темных кабинках наверху?

— Наверное, — пожал плечами Нион. — Взгляни на них, на этих лордов! Смотри, как они пялятся на девушек! Возбужденные, словно самцы-виснеты! Дай им десять минут, и они обрывают всех девок в павильоне!

Музыка прекратилась, Сонджали привела с площадки Флориэля.

— Лорды здесь, — сообщил им Нион.

Сонджали захотела, чтобы ей показали лордов, но теперь даже Ниону стало трудновато отличить лорда от получателя.

Снова заиграла музыка: медленную паванну. Флоризль немедленно повернулся к Сонджали, но та покачала головой.

— Нет, спасибо. Я хотела бы отдохнуть.

Наблюдавший за танцующими Гил счел, что такие па вполне в пределах его способностей. Твердо решив показать себя таким же распутным и галантным, как другие, Гил пригласил на танец фигуристую девушку в костюме из зеленой чешуи и в зеленой же маске.

Девушка оказалась довольно невзыскательной партнершей. Жила она в удаленном пригороде Годлепе, где ее отец служил общественным весмейстером.

— Весмейстером? — призадумался вслух Гил. — Эта должность относится к Цеху Писцов или Инструменталистов? Или Функционеров?

— Функционеров, — она сделала знак юноше в переплетающихся кольцах из черных и красных полос.

— Мой жених, — сообщила она Гилу. — Он тоже функционер, с блестящими перспективами, хотя нам возможно придется переехать на юг в Дицим.

Сонджали избавилась от усталости и танцевала теперь с Нионом. Разумеется, тот двигался гораздо увереннее и изящней Гила. Гил сдал девушку в зеленой чешуе ее жениху и выпил чашу вина для успокоения нервов.

На противоположном конце павильона появилась еще одна компания высокородных. Лорды щеголяли в самых разных маскарадных костюмах: радамесских воинов, калков, варварских принцев, водяных. Одна леди заявила в наряде из серых кристаллов, другая — в наряде из голубых вспышек света, а еще одна — в платье из белых перьев.

Музыканты подстроили инструменты. Снова зазвучала музыка. К Сонджали подошел и отвесил ей поклон субъект в кирасе из черной финифти и бронзы, брюках в охрово-черную полосу и бронзово-черном шлеме типа «моритон». Покосившись на Ниона, Сонджали перепорхнула к незнакомцу. Лорду? Похоже на то. Нион выглядел раздосадованным.

Гил без особого энтузиазма попытался познакомиться с несколькими девушками. Сонджали, по-прежнему

оставалась в обществе молодого лорда. Флоризель выпил больше вина, чем могло пойти ему на пользу и бросал сердитые взгляды туда-сюда. Нион Бохарт казался раздосадованным легкомыслием Сонджали даже больше, чем Флоризель.

Атмосфера в павильоне сделалась более вольной. Танцующие двигались свободней. Гил, то ли из противоречия, то ли еще почему-то не разделял общего настроения. Однако он стиснул зубы, твердо решив быть галантней самых галантных, с помощью чистой воли. Окинув взглядом танцующих, он выбрал девушку в белом платье и белом домино. Она была темноволосой, стройной и очень грациозной. Гил ее уже раньше заметил. Раз или два она танцевала, выпила немного вина и казалась как раз такой веселой и раскованной, каким хотелось быть Гилу. При каждом движении платье прилегало к ее телу, и становилось ясно, что сегодня она не надела нижнее белье. Заметив взгляд Гила, она дразнящее склонила голову набок. Сердце у Гила подпрыгнуло, подступив к горлу. Шаг за шагом он продвигался вперед, внезапно оробев, хотя такого рода сцены сотни раз происходили в его воображении: девушка эта казалась дорогой и знакомой, и весь этот эпизод сильно отдавал дежа вю. Ощущение это стало настолько сильным, что в шаге от нее Гил остановился.

Недоуменно качая головой, он окинул девушку взглядом от носков маленьких белых сандалий до белой маски-домино.

Она рассмеялась.

— У тебя такой недовольный вид! Неужели я тебе не угодила?

— Нет-нет! — заикаясь, заверил Гил. — Конечно, нет! Вы совершенно очаровательны!

Уголки ее губ дрогнули.

— Здесь, наверняка, есть и другие прекрасные маски, но ты глядишь во все глаза только на меня! Уверена, что ты считаешь меня порочной!

— Конечно, нет! Но у меня такое ощущение, словно мы уже встречались, что мы знаем друг друга... Откуда-то... Но я не могу представить, когда и при каких обстоятельствах. Ведь я определенно запомнил бы!

— Ты более чем вежлив, — сказала девушка. — И я тебя тоже запомнила бы. А раз я не помню, — тут она обратила на него свой самый чарующий взгляд, — или помню? Кажется, я узнаю, в твоей речи есть что-то знакомое, словно мы откуда-то знаем друг друга.

Гил шагнул вперед, сердце его заколотилось, а душа наполнилась чудесной сладкой болью. Он взял ее за руки.

— Ты веришь в сны о будущем?

— Ну... Да, наверное.

— А в предопределение и таинственные виды любви?

Она засмеялась чудесным хрипловатым смехом и потянула его за руки.

— Верю в сотню чудесных вещей. Но разве нас не сочтут странными, если мы будем философствовать на балу?

Гил в замешательстве огляделся по сторонам.

— Ну, в таком случае, ты танцуешь? Или, если хочешь, мы можем присесть вон там и выпить вместе чашу вина.

— Я бы с радостью выпила вина... Танцевать мне, в общем-то, не хочется.

Гилу пришла в голову поразительная мысль. Эта девушка наверняка не получательница. Это леди!

Гил в восторге добыл бокалы гейдского вина и отвел девушку к подушкам на скамейке в тених.

— Как вас зовут?

— Шанна.

— А я — Гил. — Он искоса смерил ее изучающим взглядом. — Где вы живете?

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Здесь, там, везде. Где ни нахожусь, там и живу.

— Конечно. И я тоже. Но вы живете в городе или в высоком замке?

Шанна вскинула руки в притворном отчаянии.

— Вы хотите лишить меня всех моих тайн? А если не тайн, то грез? Я — Шанна, бродяжка, без всякой репутации, денег или надежды.

Ги́ла это не обмануло. Отличие бросалось в глаза: та непреодолимая отчужденность, которая отделяла лор-

дов и леди от нижников. Почти невоспринимаемый запах, чистый и свежий, как озон, наверное, от долгого контакта с воздухом высей? Гил заерзал, когда ему пришла в голову одна неуютная мысль. А не верно ли и обратное? Не казались ли простые люди неотесанными, тупыми, неуклюжими, воняющими затхлостью?

Шанна — чудо из чудес! — взяла его под руку и со вздохом облегчения откинулась на спинку скамейки, соприкасаясь с ним плечом.

— Я люблю Окружной Бал, — тихо проговорила Шанна. — Тут всегда такое волнение, такие случайные встречи.

— Вы уже здесь бывали? — спросил Гил, испытывая боль из-за всего, что он не разделял с ней.

— Да, в прошлом году. Но не была счастлива. Человек, которого я повстречала, оказался грубым.

— Грубым? Как так? Что он сделал?

Но Шанна лишь загадочно улыбнулась и по-компанейски сжала ему руку.

— Я ведь почему спрашиваю, — пояснил Гил, — чтобы не совершить тех же ошибок.

Шанна только рассмеялась и вскочила на ноги.

— Идем. Вот эта музыка мне нравится: мангская серенада. Мне хотелось бы потанцевать.

Гил с сомнением посмотрел на площадку.

— Она кажется очень сложной. Я почти ничего не понимаю в танцах.

— Что? Разве в Храме тебя не обучали прыгать и скакать?

Любит подразнить, подумал Гил. Ну, он не возражал. И инстинкт его не подвел: она определенно была юной леди.

— Я очень мало занимался прыганьем, — сказал Гил. — Как можно меньше. И в наказание Финука проклял меня, наградив тяжелой поступью, а мне бы не хотелось, чтобы вы сочли меня неуклюжим. Но у причала есть ялик, хотите я покатаю вас на нем по реке?

Шанна бросила на него быстрый оценивающий взгляд, провела по губам кончиком языка.

— Нет, — задумчиво проговорила она. — Это будет не... не благоприятное направление.

— Тогда попробую потанцевать,— пожал плечами Гил.

— Чудесно! — Она потянула его за собой, и на один захватывающий миг прижалась к нему, так что он почувствовал все очертания ее тела. По коже у Гила пробежали мурашки, ноги сделались ватными и слабыми. Посмотрев в лицо Шанне, он увидел, что та улыбается какой-то особенной тайной улыбкой, и Гил не знал, что и думать.

Танцевал Гил не лучше, чем обещал, но Шанна, казалось, не заметила, да и самом деле, она танцевала ненамного лучше, явно не обращая внимания на ритм музыки.

Конечно! Это была юная леди. Она не стала кататься с ним по реке из опасения стать жертвой похищения. Ясное дело, не могла же она привести в ялик гарриона! Гил негромко рассмеялся. Шанна мгновенно вскинула голову.

— Почему ты смеешься?

— От восторга,— серьезно ответил Гил.— Шанна — бродяжка — самое замечательное создание, какое я когда-либо знал.

— Во всяком случае, сегодня я — Шанна, бродяжка,— уточнила она с некоторым сожалением.

— А завтра?

— Ш-ш,— она прикрыла ему рот ладонью.— Никогда не произноси этого слова! — И, быстро посмотрев по сторонам, она повела Гила через толпу обратно к их скамейке.

Опьяненный близостью, Гил обнял Шанну одной рукой за талию, та положила голову ему на плечо, посмотрела ему в лицо.

— Ты знаешь, я умею читать мысли.— прошептала она.— Твои мне нравятся. Ты — сильный, добрый и умный, но чересчур мрачный. Чего ты боишься?

Гил склонился, поцеловал ее. Это было как взрыв. Никогда он больше не будет прежним, никогда! Каким же малодушным, каким же тупым был тот Гил Тарвок! А его прежние цели — какими жалкими они были! Он снова поцеловал Шанну. Та вздохнула.

— Бесстыжая я. Я же знаю тебя всего лишь час.

Гил протянул руку к ее маске-домино, снял ее, глянул ей в лицо.

— Намного дольше. — Он снял собственную маску. — Узнаешь меня?

— Да. Нет. Не знаю.

— Восемь лет назад? Наверное, девять. Ты была на своей космояхте: черно-золотой «деме». На борт прокрались двое оборвышей. Теперь вспоминаешь?

— Конечно. Ты был тот дерзкий. Ты — негодник и заслужил свою трепку.

— Я думал тогда, что ты такая бессердечная, такая жестокая... Такая далекая.

— Теперь я не кажусь такой далекой? — захихикала Шанна.

— Ты кажешься, — не могу найти подходящего слова. Но это была не первая наша встреча.

— Да? И когда же прежде?

— Когда я был маленьким, отец взял меня посмотреть марионеток Холкервойда. Ты сидела в первом ряду.

— Да. Помню. Как странно, что ты меня заметил!

— Да как я мог не заметить! Должно быть, предвидел этот миг.

— Гил... — Она вздохнула, пригубила вина. — Я так люблю быть на земле! Здесь есть сильные чувства, страсти! Ах, ты счастливчик!

— На самом-то деле, ты не можешь говорить этого всерьез, — рассмеялся Гил. — Ты ведь не променяла бы свою жизнь на, скажем, ее жизнь. — Он показал на Сонджали. Музыка как раз прекратилась. Нион и Сонджали уходили с площадки. Нион заметил Гила. Он замедлил шаг, повернул голову, уставился на них и продолжил путь.

— Да, — признала Шанна. — Не поменялась бы. Ты ее знаешь?

— Да. И ее кавалера тоже.

— Развязный тип. Я наблюдал за ним. Он не был тем, что... — Голос ее стих. Гил гадал, что же она такое начала было говорить.

Некоторое время они сидели молча. Снова заиграла музыка. Сонджали проплыла мимо в танце с лордом в

черно-коричневом. Гил искал взглядом Флоризеля и Ниона, но ни того, ни другого на глаза не попадалось.

— Вон твоя подруга, — прошептала Шанна. — с кое-кем, кого я знаю. И они скоро исчезнут, — она сжала ему руку. — Я хочу вина.

— О! Извини. Минутку.

— Я пойду с тобой.

Они прошли к киоску.

— Возьми целую бутыл, — прошептала Шанна. — Зеленую.

— Да, конечно, — согласился Гил. — А потом?

Она ничего не сказала. Многозначительно взглянула. Гил купил вино, взял ее за руку. Они вышли наружу, прошлись по берегу реки. Гил поцеловал Шанну. Та горячо ответила. Они побрели дальше и вскоре нашли укромную бухту. Дамар, пребывавший в первой четверти, отбрасывал на воду дрожащую дорожку из потускнелой меди.

Шанна сняла домино, Гил сделал то же самое, они выпили вина. Гил пристально посмотрел на реку, а затем поднял взгляд на луну.

— Ты молчалив, — сказала Шанна. — Тебе грустно?

— В некотором смысле. Ты знаешь почему?

Она закрыла ему ладонью рот.

— Никогда не говори об этом. Что должно быть, то и будет. Чего никогда быть не может — не может быть никогда.

Гил взял ее руки в свои.

— Но, — тихо добавила она, — что может быть, то... Быть может.

Она заключила его в объятия, и двое стали одним, и то, что последовало, было столь же далеко от фантазий и помыслов Гила, как волшебное возвращение самого Эмфириона.

Потом они сидели молча, прижавшись друг к другу, и пили вино. Голова у Гила кружилась.

— А после сегодняшней ночи, что?

— Завтра я полечу обратно в свою башню.

— Но когда я тебя увижу?

— Не знаю.

— Я должен тебя увидеть! Я люблю тебя!

Шанна обхватила руками колени и, подняв голову, улынулась Дамару.

— Ровно через неделю я отправляюсь в путешествие. В путь, в путь, в путь! К далеким мирам, за пределы звезд!

— Если ты улетишь, то я больше никогда тебя не увижу! — вскрикнул Гил.

Она покачала головой с задумчивой улыбкой.

— Вполне вероятно, что именно так.

Гил мрачно улыбнулся.

— Ты провоцируешь меня на всякого рода преступления.

— Нет-нет, — сладко прошептала Шанна. — Никогда не помышляй об этом! Тебя могут отправить на перестройку или в Боредел.

Гил медленно, зловеще кивнул.

— Есть такая вероятность. — Он снова повернулся к Шанне, заключил ее в объятия, поцеловал ей лицо, глаза, губы. Она вздохнула. Гил чувствовал себя таким же древним, как Дамар, умудренным знанием всех миров.

Наконец, они поднялись на ноги.

— Куда пойдем теперь? — спросил Гил.

— К павильону. Я должна найти отца. Он будет гадать, где я.

— Разве он не станет беспокоиться?

— Не думаю.

Гил положил руки на плечи девушки.

— Шанна! Разве мы не можем уехать вместе, дальше от Амброя? На Южный Континент! Или на Мангские острова! И жить там своей жизнью вместе?

Шанна опять коснулась его рта ладонями.

— Это невозможно.

— И я никогда больше тебя не увижу?

— Никогда.

Позади них раздались тихие шаги. Гил оглянулся и увидел терпеливо стоящего у залитой лунным светом реки массивного черного зверя.

— Всего лишь мой гаррион, — успокоила его Шанна. — Пошли, давай вернемся в павильон.

Гил отвернулся. Они пошли обратно по берегу реки. А сзади, на почтительном расстоянии, следовал гаррион.

Глава 13

В павильоне Шанна поцеловала Гила в щеку, а затем, надев домино, вернулась к группе лордов и леди.

Гил какой-то миг глядел ей вслед, а затем отвернулся. Какой же иной казалась теперь Вселенная! Какой чужой казалась его прежняя жизнь! А вот и Флоризель. Гил направился к нему.

— Где Сонджали? Где Нион?

— Ты пропустил самое забавное, — невесело рассмеялся Флоризель.

— О?

— Да. Лорд в латах — наверное, ты заметил его — заинтересовался Сонджали. Ниону его внимание очень не понравилось. Когда эта парочка вышла прогуляться по берегу реки, Нион выбежал за ними, хотя в действительности это было не его дело. Если оно кого и касалось, то только меня. Ну, я двинулся следом. Нион бросил лорду вызов, гаррионы схватили его, намяли ему бока и бросили его в реку. А лорд убрался с Сонджали. Нион уплыл вниз по течению, с плеском и руганью. Блеск! Я его больше не видел. А у тебя как дела? Я видел тебя с девушкой в белом.

— Ты готов уйти?

— Почему бы и нет? Злополучный вечер. Ноги моей больше не будет на Окружном Балу.

Они прошли к причалу, и Флоризель переправил ялик через реку. Дамар скрылся за горизонтом, небо на востоке залил пепельный свет. В гостиной коттеджа мерцала лампа. Здесь сидел, сгорбившись под одеялом, попивая чай, Нион. Когда вошли Флоризель с Гилом, он поднял взгляд и сердито сказал.

— Так вы, наконец, вернулись. Что вас так задержало? Вы знаете, что гаррионы избили меня и бросили в реку?

— Так тебе и надо, — буркнул Флоризель. Он налил чая, подал чашку Гилу. Все трое сидели молча, предаваясь мрачным раздумьям. Наконец, Гил сказал со вздохом.

— Жизнь в Амброе пуста и бессмысленна. Это жизнь, растраченная понапрасну.

— Ты только теперь это осознал? — зло спросил Нион.

— Вероятно, жизнь везде пуста и бессмысленна, — заметил, фыркнув, Флоризель.

— Только это и удерживает меня в Амброе, — заявил Нион. — Это и то, что здесь я могу заработать на приличное житье.

Гил стиснул в руках чашку.

— Будь у меня хоть капля смелости, будь у любого из нас хоть капля смелости — мы бы сделали что-нибудь.

— Что ты имеешь в виду? — сварливо спросил Нион.

— Что-то значительное, что-то великое. Сделать что-то полезное, совершить великие деяния, вдохновить людей на все времена! Как Эмфирион!

— Снова Эмфирион? — рассмеялся Нион. — Мы однажды выжали из него все, чего он стоил, и как оказалось не особенно много.

Гил не обратил внимания.

— Где-то существует правда насчет Эмфириона. Я хочу узнать эту правду. А вы?

Флоризель, более проникательный, чем Нион, с любопытством поглядел на Гила.

— Почему это так много значит для тебя?

— Меня всю жизнь преследовал образ Эмфириона. Мой отец умер из-за того же. Он мнил себя Эмфирионом. Хотел принести в Амброй правду.

Нион пожал плечами.

— Твою правду на хлеб не намажешь, — он оценивающе поглядел на Гила. — Та девушка, с которой ты сидел — не была ли это леди?

— Да. Шанна. — Имя это Гил произнес едва слышно.

— Она оказалась привлекательной, судя по ее фигуре. Ты еще увидишься с ней?

— Она отправляется в путешествие. А я останусь в прошлом.

Нион посмотрел на него, подняв брови, и засмеялся негромким, кислым, лающим смехом.

— По-моему, — сказал он Флоризелю, — этот парнишка втюрился!

Все еще страдавшего из-за неверности Сонджали Флоризля это особо не заинтересовало.

— Полагаю, такое бывает.

Нион обратился к Гилу, говоря вполне серьезным, пусть и снисходительным тоном.

— Дорогой мой, никогда не следует принимать этот народ всерьез! Как, по-твоему, зачем они посещают Окружной Бал? Только затем, чтобы малость гульнуть! Они освобождаются от напряжения и эмоций, в конце концов они же там живут, в этих высотных замках какой-то неестественной жизнью. Они ненавидят надменность и холодность друг друга. И поэтому слетаются на Окружной Бал и согреваются у огня искренней страсти!

— Чепуха,— пробормотал Гил.

— Ха! Она сказала, что любит тебя?

— Нет.

— Согласилась она снова увидеться с тобой?

— Нет. Но она скоро отправится в путешествие. Она объяснила мне все это.

— О? — Нион задумчиво потянул себя за подбородок.— Она сказала тебе, когда отправляется?

— Да.

— И когда же это будет?

Гил посмотрел на Ниона Бохарта, тон которого внезапно стал чересчур уж небрежным.

— А почему ты спрашиваешь?

— Есть причины... Странно, что она так откровенничала. Обычно они очень любят секретничать. Должно быть, ты задел какие-то струны ее души.

— Сомневаюсь, есть ли у нее душа.

Нион с миг поразмыслил, а затем посмотрел на Флоризля.

— Ты готов?

Флоризль поморщился.

— Настолько, насколько вообще могу быть готов. Но мы не знаем, когда они отправляются. И откуда.

— Надо полагать, из космопорта в Годеро.

— Надо полагать. Но мы не знаем, на каком судне.— Флоризль посмотрел на Гила.— Она упоминала, на космояхте какого типа она отправится в путь?

— Я знаю эту космояхту.

Нион вскочил на ноги.

— Вот как? Чудесно! Наши трудности разрешены! Как насчет этого? Хочешь присоединиться к нашему предприятию?

— Ты имеешь в виду, угнать космояхту?

— Да. Возможность эта необычная. Мы знаем, или скорее ты знаешь, дату отлета: когда яхта будет заправлена топливом, снабжена довольствием, экипажем и готова выйти в космос. Нам нужно только подняться на борт и взять на себя командование.

Гил кивнул.

— И что потом?

Нион на едва заметный миг заколебался.

— Ну, мы попытаемся получить выкуп за наших пленников. Это всего лишь разумно.

— Они больше не платят за себя выкуп. У них совместный договор.

— И мне так говорили. Ну, не заплатят, так не заплатят. Выкинем их на Моргане или на другом каком-нибудь подобном местечке, а потом полетим на поиски богатства и приключений.

Гил отпил чая и посмотрел на текущую реку. Что ему оставалось в Амброе? Вся жизнь, состоящая из резьбы по дереву и предупреждений со стороны Скута Кобола? Шанна? А разве она, в конце концов, не считала его всего лишь сентиментальной скотиной? Если вообще думала о нем.

Гил скривился. И медленно произнес.

— Я хотел бы взять космояхту, хотя бы только для того, чтобы найти Историка, который знает всю историю человечества.

Флоризель снисходительно засмеялся.

— Он хочет подробно изучить жизнь Эмфириона.

— Почему бы и нет? — непринужденно обронил Нион. — Это его право. Коль скоро мы завладеем космояхтой и заработаем немного ваучеров, не будет никаких препятствий.

Флоризель пожал плечами.

Гил перевел взгляд с одного на другого.

— Прежде, чем я услышу еще хоть слово, надо решить один вопрос: мы должны согласиться — никаких

убийств, никаких грабежей, никаких похищений людей, никакого пиратства.

Нион раздраженно рассмеялся.

— Мы станем пиратами с той минуты, как завладеем той космояхтой! Зачем же стесняться каких-то слов?

— Из-за правды.

— Лорды прихватят с собой большую сумму денег на расходы, — указал Флоризель. — Нам нет никакого резона оставлять ее им.

— Тут я тоже согласен. Собственность лордов — законная дичь. Если уж мы угоняем их космояхту, то глупо бояться запустить руку в их кошельки. Но после, мы не будем никого обдирать и причинять какой-то вред. Согласны?

— Да-да, — нетерпеливо согласился Нион. — А теперь, когда же отправляется эта космояхта?

— Флоризель, как насчет тебя?

— Согласен, конечно. Нам нужна лишь яхта.

— Отлично. Торжественное соглашение. Никаких убийств...

— Если не в порядке самообороны, — вставил Нион.

— Никаких похищений людей или грабежей, или причинения вреда.

— Договорились, — сказал Флоризель.

— Договорились, — сказал Нион.

— Космояхта отбывает меньше чем через неделю от вчерашнего дня. Флоризель отлично знает это судно. Это черно-золотой «деме», из которого нас когда-то давно выкинули.

— Ну и дела, — подивился Флоризель.

— Еще один момент, — продолжал Гил. — Допустим, нам удастся захватить яхту, а кто умеет прокладывать курс? Кто умеет запускать двигатели?

— Тут нет никаких трудностей, — ответил Нион. — Лорды тоже не прокладывают курс. Они используют экипаж, состоящий из лушских техников, которые будут послушно служить и нам, покуда им платят жалование.

— Итак, — заключил Флоризель, — все решено. Космояхта, считай, уже наша!

— Да как у нас может не выйти? — воскликнул Нион. — Нам, конечно, понадобятся еще два-три челове-

ка: Мэл с Шульком и Уолдо Хильд. Уолдо найдет нам оружие. Чудесно! За новую жизнь для всех нас! — Он поднял кружку, и заговорщики выпили за свое отчаянное предприятие, осушив чашки с чаем.

Глава 14

Гил вернулся на площадь Андл с таким чувством, словно вновь посещает место, которое знал давным-давно. Небо застилали хмурые облака. В воздухе повисла неестественная тишина, затишье перед грозой. Получатели спешили по домам, натянув на головы плащи, словно бегущие от света насекомые. Гил зашел в мастерскую, закрыл дверь. Ноздри его уловили знакомый запах стружек и полировочного масла. В оконное стекло бились, жужжа, мелкие оводы. Как всегда, Гил поглядел на верстак Амианта, словно ожидал, что в один прекрасный день обнаружит там отца. Он подошел к собственному верстаку и несколько минут стоял, разглядывая ширму, которую теперь уже никогда не завершит.

Никаких сожалений он не испытывал. Прежняя его жизнь уже казалась далекой. А как насчет будущего? Оно казалось огромным незаполненным пространством, продуваемым всеми ветрами. Гил обвел взглядом мастерскую. Все это придется бросить. За исключением старой папки Амианта, с которой Гил ни за что не расстанется. Он достал ее из шкафчика и постоял, нерешительно держа ее в руках. Она была слишком большой, чтобы таскать ее в кармане. Он сложил в пакет самые ценные страницы, которыми Амиант дорожил больше всего. Что же до остального, то он просто уйдет и никогда больше не вернется. Это разрывало сердце. Много, очень много воспоминаний было связано с этой мастерской, окнами с янтарными стеклами, стружкой на полу.

На следующее утро Нион, Флориэль, Мэл и Уолдо Хильд явились в мастерскую. Нион предложил план, который был прост и дерзок. Он заметил, что гаррионов никогда не останавливали у турникета, контро-

лирующего доступ к южному участку космопорта, и те беспрепятственно ходили туда-сюда. Заговорщики переоденутся гаррионами и таким образом получают доступ к проходу, вдоль которого припаркованы космояхты. Они спрячутся неподалеку от черно-золотого «деме». Когда на борт подыметесь лушский экипаж, вероятно вместе с гаррионом-другим, группа, с должной осмотрительностью и минимумом насилия — это по настоянию Гила, — одолеет гаррионов, припугнет экипаж и захватит управление яхтой. Нион и Флоризель хотели дожидаться лордов, пустить их на борт корабля, взять их в заложники и потребовать за них выкуп. Гил возражал против этого предложения.

— Чем дольше мы ждем, тем меньше у нас шансов.

Уолдо Хильд, высокий юнец с острыми чертами лица, ржаво-оранжевыми волосами и светло-желтыми глазами, принял сторону Гила.

— Я за то, чтобы захватить корабль и по-быстрому сваливать. Как только мы сделаем свой ход, то станем уязвимы. Что если придет сообщение, а мы дадим неверный ответ, или что если мы пренебрежем какой-то мелкой формальностью? К нам сразу же кинется патруль.

— Все это очень хорошо, — сказал Нион. — Будем считать, что нам удалось сбежать с кораблем. У лордов, несомненно, будут при себе немалые суммы денег, которые нам очень даже пригодятся.

Гил не мог придумать никаких убедительных аргументов, и план Ниона был принят.

Заговорщики каждый день встречались в мастерской, чтобы поупражняться в походке и осанке гаррионов. Уолдо Хильд и Нион раздобыли маски и костюмы гаррионов, после этого все репетировали в костюмах.

Трижды они незаметно наведывались в космопорт и точно распланировали свои действия.

В ночь перед днем отлета все собрались в мастерской и попытались уснуть — без большого успеха. Все были слишком напряжены.

Еще до рассвета все уже бодрствовали, перекрашивая кожу в лилово-коричневые тона, как у гаррионов, и пристегивая на себя знакомую теперь сбрую. А затем, кутаясь в плащи, отправились в путь.

Гил выходил последним. На какой-то миг он задержался в дверях, оглянувшись на знакомые верстаки и стойки с инструментами, и на глаза у него навернулись слезы. Он закрыл дверь, повернулся и последовал за товарищами.

Теперь они уже не могли повернуть назад. Они разгуливали, переодевшись гаррионами, и нарушали правила. Если их задержат, то им придется столкнуться, по меньшей мере, с самым тщательным расследованием.

«Овертренд» доставил их к космопорту и каждый из них коснулся своим гаррионским плечом регистрационной панели. Когда-нибудь в будущем каждому выпишут счет за эту поездку, но под рукой не окажется никого, кому полагается заплатить, во всяком случае, они на это надеялись. Зайдя на терминал, они пересекли гулкое старое помещение, шагая хорошо отрепетированной походкой. К ним никто не стал присматриваться.

Пока все шло гладко. Охранник у турникета глянул через стойку и нажал кнопку. Дверь ушла в стену, заговорщики прокрались на южный сектор космодрома.

Они промаршировали мимо шегенги космояхт и заняли места за носом и кормовой надстройкой корабля, стоявшего рядом с «деме».

Взошло солнце. В северном секторе совершил посадку маленький красно-черный грузовой корабль.

— Вот они, — хрипло прошептал Нион, показав на идущую по подходному пути группу: шесть лушских членов экипажа, два гарриона. Дальнейший план действий теперь зависел от того, кто первыми зайдет на корабль: экипаж или гаррионы.

Гаррионы поднялись по трапу, отперли порт, повернулись и застыли лицом к подходу, словно готовые отразить именно такое нападение, какое планировали заговорщики. Экипаж поднялся по трапу и зашел на корабль. Гаррионы зашли следом. Порт закрылся. Налетчики молча следили за происходящим. Они были

совершенно беспомощны. Как только они появятся, гаррионы тут же пустят в ход оружие.

— Ну, в таком случае,— прошипел Нион,— ждем лордов. А потом — мы должны *действовать*!

Прошел час, два часа, заговорщики нервно ерзали на месте. А затем к яхте подъехала небольшая грузовая платформа, нагруженная яркими чемоданами и свертками: личным багажом. Грузовая платформа остановилась под «деме», открылся кормовой люк, опустился грузовой настил, чемоданы и пакеты переправили и подняли в брюхо «деме». Грузовая платформа вернулась тем же путем, каким приехала.

В животе у Гила все бурлило. Казалось, он всю жизнь провел, сгорбившись под носовым блоком космояхты.

— А вот и лорды,— прошептал, наконец, Флоризель.— Все назад.

По подходному пути подошли три лорда и три леди. Гил узнал Шанну. Позади шагали двое гаррионов. Нион шепнул Флоризелю занять место с одной стороны от него, а Мэлу — с другой.

Группа свернула с подходного пути, поднялась по трапу «деме». Открылся входной порт.

— Давай! — скомандовал Нион. Шагнув вперед, он взлетел вверх по трапу, а остальные — за ним. Гаррионы сразу схватились за оружие, но Нион с Мэлом были готовы к этому. Из их пистолетов ударили энергетические разряды. Гаррионы опрокинулись и упали наземь.

— Быстро! — рявкнул лордам Нион.— На корабль! Если вам дорога жизнь — делайте, что говорят!

Лорды и леди в страхе отступили на корабль. Следом вбежали Нион, Мэл и Флоризель, а затем Гил и Уолдо.

Они ворвались в салон. Двое гаррионов, поднявшихся на борт вместе с экипажем, стояли, гневно глядя на заговорщиков и не решаясь что-либо предпринять, а затем бросились вперед. Нион, Мэл и Флоризель выстрелили из своего оружия, и гаррионы стали курящимися комками темного мяса. Леди в ужасе взвыли, лорды захрипели.

С космовокзала донесся вой сирены. Похоже, что на диспетчерской вышке кто-то заметил-таки нападение. Нион Бохарт побежал в машинное отделение, грозя оружием лушейнскому экипажу.

— Поднять корабль! Мы захватили управление, если нам будут угрожать, первыми умрете вы!

— Дурак! — крикнул один из лордов. — Ты же убьешь нас всех! У вышки приказ: сбивать любой захваченный корабль, кто бы там ни находился на борту. Неужели, ты этого не знал?

— Быстро! — проревел Нион. — Кораблю взлет! Или мы все покойники!

— Витки едва нагрелись, система транспириоста не проверена! — взвыл лушейнский механик.

— Взлетай! Не то сожгу тебе ноги!

Корабль взлетел, колыхаясь и трясясь на своих несбалансированных реактивных двигателях, и именно это и спасло его от уничтожения, когда пустили в ход управляемые с диспетчерской вышки энергетические пушки — яхту невозможно было выпелить. Корабль набрал ускорение и исчез в космоприводе.

Глава 15

Командование кораблем принял Нион Бохарт, его товарищи молчаливо согласились с этим.

Он держал лордов под прицелом своего оружия, пока Флоризель обыскивал их. Тот не нашел ни какого-либо оружия, ни ожидаемых крупных денежных сумм.

— Ну, — произнес зловещим тоном Нион. — Так где же ваши средства? У вас есть с собой ваучеры или валюты, или чего там еще?

Лорд — владелец корабля, мрачный субъект с худощавым лицом, в костюме из серебристой фольги и розового бархата и в элегантной шляпе — усмехнулся в лицо Ниону.

— Деньги в нашем багаже, где же еще?

Ни чуточки не потревоженный пренебрежением лорда, Нион снова сунул оружие за пояс.

— Будьте любезны назваться.

— Я — Фантон «Овертренд». Это — моя супруга, леди Раданса, а это — моя дочь — леди Шанна.

— Отлично. А вы, сударь?

— Я — Илсет «Спай». Моя супруга — леди Ясинта.

— А вы, сударь?

— Я — Зейн «Спай».

— Хорошо. Можете все садиться, если хотите.

С миг лорды и леди оставались на ногах, затем Фантон что-то пробормотал, и группа прошла к диванчикам вдоль переборки.

Нион обвел взглядом салон. Показал на трупы гаррионов.

— Ты, Гил, и ты, Уолдо, выбросьте этот мусор.

Гил замер. Если он сейчас безропотно подчинится, то тем самым уступит власть Ниону. А если не подчинится, то вызовет раздор. И завоюет тем мгновенную и стойкую ненависть Ниона. Так что — покорись или борись.

Он решил бороться.

— Чрезвычайное положение миновало, Нион. Мы брались за это предприятие как группа равных, пусть все таким и остается.

— Что такое? — рявкнул Нион. — Ты против неприятной работы?

— Нет. Я против того, что заниматься неприятной работой приказываешь ты.

— Мы не можем ссориться из-за всякой мелочи, — прорычал Нион, — кто-то должен отдавать приказы.

— В таком случае, давайте командовать поочередно. Начать может Флоризель, следующим возьмусь за дело я, или Мэл, или ты, или Уолдо — особой разницы нет. Согласны, ребята?

Первым, колеблясь, высказался Уолдо.

— Да, я согласен. Ни к чему, чтобы кто-то приказывал, покуда мы не столкнулись с чем-то чрезвычайным.

— Мне не по душе приказания, — согласился Мэл. — Как говорит Гил, мы — группа. Давайте решать совместно, а потом действовать.

Нион посмотрел на Флоризеля.

— А как насчет тебя?

Флоризель провел языком по губам.

— Ну, я соглашусь с мнением всех остальных.

Нион уступил с достоинством.

— Годится. Мы — группа и будем действовать как группа. И все же у нас должны быть правила и управление, иначе мы распадемся на куски.

— С этим никто не спорит, — сказал Гил. — Тогда я предлагаю запереть наших гостей, пассажиров, пленников — кем бы они ни являлись — в отдельных каютах и устроить совещание.

— Отлично, — согласился Нион, а затем добавил с тяжеловесным сарказмом. — Наверное, Мэл, вы с Флоризлем и запрете гостей. А мы с Уолдо и Гилом, если он примет такое решение, выкинем трупы.

— Минутку, прежде чем вы станете совещаться, — обратился к ним лорд Фантон, — каковы ваши планы в отношении нас?

— Выкуп, — уведомил его Нион. — Все очень просто.

— В таком случае, вы должны пересмотреть свои планы. Никакого выкупа мы предлагать не станем. А если бы и стали, никто бы не заплатил. Таков наш закон. Ваше пиратство совершенно понапрасну.

— Не совсем, — возразил Нион, — даже если сказанное вами — правда. Мы завладели кораблем, который представляет собой немалое богатство. Если вы не заплатите выкуп, мы отвезем вас на невольничьи рынки на Рубце. Женщины отправятся в бордели, а мужчины будут работать в рудниках или собирать в пустыне кремниевые цветы. Если вы, конечно, не предпочтете этому уплату выкупа.

— Предпочтение тут ни при чем, — промолвил Илсет «Спай». — Таков закон, нравится он нам или нет.

— Мы обсудим эту ситуацию на совещании, — сказал Гил. — Мы не намерены причинять вам вреда, если вы не доставите нам хлопот.

— Так что, будьте любезны, по каютам, — оставил за собой последнее слово Нион.

Корабль дрейфовал в космосе с выключенными реактивными двигателями, в то время как пятеро юных пиратов заседали на совещании.

Сперва обсудили вопрос о руководстве. Нион Бохарт так и лучился мягкой рассудительностью.

— В подобной ситуации, кто-то должен играть роль координатора. Это вопрос ответственности, компетентности, уверенности и взаимного доверия. Кто-нибудь хочет потрудиться? Я — нет. Но я готов взяться за это дело, потому что чувствую ответственность перед группой.

— Я не хочу быть лидером, — добродетельно заявил Флоризель, бросив довольно злобный взгляд на Гила.

— Я не хочу браться за это дело, — явно чувствовавший себя неуютно, Мэл усмехнулся. — Но с другой стороны, не хочу и заниматься грязной работой, бегать туда-сюда, пока кто-то корчит из себя короля.

— И я, — эхом откликнулся Уолдо. — Наверное, нам на самом-то деле и не нужен лидер. Ведь достаточно легко все обсудить, уладить разногласия и прийти к единодушию.

— Это означает постоянные споры, — пробурчал Флоризель. — Намного легче поручить это дело человеку, в компетентности которого мы уверены.

— Споров не будет, если мы установим ряд правил и станем их придерживаться, — сказал Гил. — В конце концов мы же не пираты и не собираемся грабить или пускаться в отчаянные предприятия.

— О? — вопросительно произнес Нион. — А как ты надеешься прожить? Если мы не получим выкуп, то у нас будет космояхта, но никаких средств содержать ее.

— Наш первоначальный договор был совершенно ясен, — напомнил ему Гил. — Мы договорились не убивать. Четверо гаррионов мертвы, полагаю, это было неизбежным. Мы согласились попробовать получить выкуп, а почему бы и нет, в конце концов? Ведь лорды — паразиты и законная дичь. Но самое важное, мы договорились использовать космояхту не для разбоя и грабежа, а для путешествий! К далеким мирам, которые все мы давно жаждали посетить!

— Все это очень хорошо, — сказал, взглянув на Ниона, Флоризель, — но что мы будем есть, когда иссякнет провизия? Как будем платить портовые пошлины?

— Мы можем сдавать корабль внаем по чартеру, можем перевозить туда-сюда людей, заниматься ис-

следованиями или братья за особые предприятия. Наверняка, должны быть способы получать с космояхты прибыли!

Нион со спокойной улыбкой покачал головой.

— Гил, друг мой, эта вселенная жестока. Честность — слово благородное, но ничего не значащее. Мы не можем позволить себе быть сентиментальными. Себя мы уже скомпрометировали, и нам теперь нет пути назад.

— Первоначально об этом не договаривались, — уперся Гил. — Мы поклялись: никаких убийств, никаких грабежей.

Нион пожал плечами.

— А что думают другие?

— Должны же мы как-то жить, — спокойно отозвался Флоризель. — У меня лично нет никаких сомнений.

По-прежнему чувствовавший себя неловко, Мэл покачал головой.

— Я не против воровства, особенно у богатых. Но мне не по душе убивать, торговать рабами или похищать людей.

— Разделяю эти чувства, — сказал Уолдо. — Кража — это в том или ином смысле, закон природы. Всякое живое существо ворует у другого в ходе борьбы за существование.

По лицу Ниона Бохарта расплылась медленная, спокойная улыбка.

— Об этом мы не договаривались! — страстно воскликнул Гил. — Мы договаривались жить после захвата яхты, как честные люди. Недопустимо нарушать это соглашение! Как мы сможем тогда доверять друг другу? Разве мы пустились в это предприятие не в поисках правды?

— Правды? — рявкнул Нион. — Подобное слово может употреблять только дурак! Что оно означает? Я лично не знаю.

— В первую очередь, — ответил ему Гил, — правда — это выполнение обещаний. В данный момент, именно оно и имеет касательство к нам.

— Ты хочешь сказать, — начал было Нион, но Мэл, вскочив на ноги, поднял руки, останавливая спорщиков.

— Не будем ссориться! Это безумие! Мы должны действовать сообща.

— Именно, — поддержал его Флоризель, бросив презрительный взгляд на Гила. — Мы должны думать об общем благе и выгоде для всех.

— Но давайте будем честны друг с другом, — сказал Уолдо. — Нельзя отрицать, что мы заключили соглашение, как и говорит Гил.

— Возможно, — согласился Флоризель, — но если четверо из нас желают внести определенные изменения, то должны ли мы все отказаться от этого из-за идеализма Гила? Помните, поисками правды...

— В чем бы там она ни заключалась, — вставил Нион.

— ...сыт не будешь!

— Забудьте на миг о моем идеализме, — предложил Гил. — Я настаиваю лишь на том, чтобы мы придерживались условий нашего соглашения. Кто знает? Возможно, нам будет лучше жить честными людьми, чем ворами. И разве не лучше жить без необходимости бояться ареста и наказания?

— Тут у Гила здравый довод, — признал Уолдо. — По крайней мере, нам стоит попробовать.

— Никогда не слыхивал, чтобы кто-то неплохо жил, зарабатывая лишь на космояхте, — пробурчал Нион. — И будь разумен, кто нас потревожит, если мы провернем несколько тихих конфискаций?

— Мы договорились определенно и ясно, — напомнил ему Гил. — Никакого воровства, никакого пиратства. Наше главное предприятие завершилось успехом: нам теперь принадлежит космояхта. Если пятеро таких, как мы, не могут честно заработать себе на приличное житье, то мы заслуживаем голодной смерти!

Наступило молчание. Нион скорчил упрямую гримасу отвращения. Флоризель ерзал, поглядывая туда-сюда, куда угодно, только не на Гила.

— Отлично, — тяжело проговорил Мэл. — Давайте попробуем этот путь. Если у нас не получится, нам придется попробовать что-нибудь другое — или, наверное, разделиться.

— А как же тогда, — потребовал ответа Нион, — быть с космояхтой?

— Мы можем ее продать, а деньги поделить. Или бросить жребий.

— Ба. Что за грустное положение дел?

— Как ты можешь такое говорить? — выкрикнул Гил. — Мы добились успеха! Добыли себе космояхту! Чего еще мы можем желать?

Нион повернулся к нему спиной и отошел посмотреть в передний иллюминатор.

— Мы все еще можем попробовать получить выкуп, — указал Флоризель. — Слушайте, сдерем хоть разок налог с лордов, выжмем из них правду. Не могу поверить, что они не заплатят, чтобы уберечься от Рубца.

— Конечно, давайте потолкуем с ними, — согласился Уолдо, жаждущий восстановить узы сотрудничества и доброго товарищества.

Первым в салон привели лорда Фантона.

Полыхающим от ярости взглядом он поочередно окинул лица всех юных пиратов.

— Я знаю, чего вы хотите — выкуп! Вы его не получите!

— Вы ведь, наверняка, хотите спасти себя и свою семью от невольничьих рынков? — произнес вкрадчивым голосом Нион.

— Естественно. Но я не могу заплатить никакого выкупа и друзья мои тоже. Так что поступайте, как хотите. Никаких иных богатств вы от нас больше не получите.

— Только цену, которую дадут за вас самих, — уточнил Нион. — Отлично, возвращайтесь в свою каюту.

Следующим привели Зейна «Спай». Нион, подбоченясь, выступил с важным видом вперед, но Гил заговорил первым:

— Лорд Зейн, мы не желаем причинять никаких ненужных тягот, но надеемся получить выкуп за ваше возвращение целым и невредимым.

Лорд Зейн беспомощно развел руками.

— Надежды дешево стоят. У меня тоже есть надежды. Сбудутся ли мои? Сомневаюсь.

— Это чистая правда, что вы не можете затребовать никакого выкупа?

Зейн «Спай» смущенно засмеялся.

— В первую очередь, мы контролируем очень мало наличных.

— Что? — не поверил Мэл. — Это с 1,18 процента-то от всего дохода Амброя?

— Так уж обстоит дело. Великий Лорд Дугалд «Бу-амарк» — строгий счетовод. После того, как он производит вычеты на издержки, налоги, накладные и другие расходы, остается очень мало, хотите верьте — хотите нет.

— Я лично не верю, — выпалил, брызжа слюной, Флоризель. — Издержки, налоги. Вы что, за дураков нас принимаете?

— Куда же уходят все эти деньги? — осведомился шелковым голосом Нион. — Сумма-то ведь приличная.

— Этот вопрос вы должны задать Великому Лорду Дугалду. И помните, наш закон запрещает выплачивать выкуп величиной хоть в ломаный секвин.

Лорд Илсет «Спай» заявил примерно то же самое. Подобно Фантону и Зейну, он утверждал, что невозможно выплатить ни секвина в качестве выкупа.

— Тогда, — мрачно посулил Нион, — мы продадим вас на Рубце.

Илсет вздохнул.

— А не слишком ли это жестокое решение? В конце концов у вас же есть космояхта лорда Фантона и наши средства.

— Нам нужны добавочные двести тысяч ваучеров.

— Невозможно. Делайте, что хотите. — Илсет покинул салон. Нион крикнул ему вслед:

— Не беспокойтесь, сделаем!

— Группка эта определенно упрямая, — утрюмо проворчал Мэл.

— Странно, что они ссылаются на нищету, — задумчиво проговорил Гил. — И что же такое случилось со всеми их деньгами?

— Я считаю это утверждение наглой ложью, — фыркнул Флоризель. — И, думаю, нам не следует проявлять к ним ни малейшей милости.

— Это определенно кажется странным, — согласился с Гилом Уолдо.

— На Рубце за каждого из них дадут по тысяче ваучеров,— живо сказал Нион.— А за девушку — тысяч пять, а то и больше.

— М-м,— промычал Флоризель.— Девять тысяч, конечно, далеко не такая приличная сума, как двести тысяч, но лучше, чем ничего.

— В таком случае, на Рубец,— решил Нион.— Отдам приказ экипажу.

— Нет! Нет! Нет! — воспротивился Гил.— Мы же договорились посадить лордов на Моргане! Таковы условия нашего соглашения!

Флоризель издал бессловесный крик возмущения. Нион, зловеще улыбаясь, повернулся лицом к Гилу.

— Гил, ты в третий раз противоречишь общей воле.

— Скорее, в третий раз напоминаю вам о ваших же обещаниях,— огрызнулся Гил.

Нион стоял с пренебрежительным видом, сложив руки на груди.

— Ты внес раскол в группу, что совершенно недопустимо.— Тут все увидели, что он держит в руках пистолет.— Неприятная необходимость, но...— Он навел оружие на Гила.

— Ты что, спятил? — закричал Уолдо, схватив Ниона за руку. Оружие выстрелило разрядом прямо в открытый рот Уолдо и тот упал ничком. Мэл, вцепившись в собственное оружие, вскочил на ноги, направил пистолет на Ниона, но не смог заставить себя выстрелить. Флоризель выскочил из-за спины Ниона, пальнул, и Мэл, завертевшись на месте, рухнул на палубу. Гил отпрыгнул в машинное отделение, выхватил собственное оружие, прицелился в Ниона, но не выстрелил, опасаясь промахнуться и послать разряд сквозь корпус. Флоризель находился в более уязвимом положении, но Гил опять-таки не мог заставить себя выстрелить: ведь это же был Флоризель, его друг детства!

Нион и Флоризель отступили в переднюю часть салона. Гил расслышал их невнятное бормотание. Позади него лугейнский экипаж с ужасом следил за происходящим.

— Вы не сможете победить,— крикнул Гил.— Я могу уморить вас голодом. Двигатели, еда, вода — под моим контролем. Вы должны делать, что я говорю.

Нион с Флорием долго перешептывались. Затем Нион крикнул.

— Каковы твои условия?

— Встаньте спиной ко мне, подняв руки.

— И что потом?

— Я запру вас в отдельной каюте, высажу вас на цивилизованной планете.

— Ты — дурак, — хрипло засмеялся Нион.

— Тогда умирайте с голоду, — предложил Гил. — Изнывайте от жажды.

— А как насчет лордов? И леди? Они тоже будут умирать от голода и жажды?

Гил подумал.

— Они смогут, когда понадобится, выходить поодиночке на корму и питаться.

Снова донесся язвительный смех Ниона.

— А теперь я скажу тебе, каковы наши условия. Сдавайся. И я высажу *тебя* на цивилизованной планете.

— Сдаваться? Чего ради? Вам нечем крыть.

— Есть. — Донесся шум движения, потасовки, негромких голосов. В салон вошел деревянной походкой лорд Зейн «Спай».

— Стой, — скомандовал Нион. — Прямо тут. — И повысил голос, обращаясь к Гилу. — Возможно, сильных карт у нас и нет, но слабых у нас достаточно. Тебе же по душе убийства, так что, наверное, ты постараешься предотвратить смерть наших гостей.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы убьем их, одного за другим, если ты не согласишься на наши условия.

— Ты не сделаешь этого!

Треснул выстрел. Лорд Зейн «Спай» рухнул с дочерью на обгоревшей головой.

— Теперь веришь? — крикнул Нион. — Следующая — леди Раданса!

Гил гадал, сможет ли он броситься вперед и убить этих двоих прежде, чем сам будет убит. Ни малейших шансов.

— Ты согласен? — крикнул Нион. — Да или нет?

— Согласен на что?

— Сдаться.

— Нет.

— Отлично. Мы убьем поодиночке лордов и леди, а затем прострелим дыру в борту корабля, и тогда мы все умрем. Ты не можешь победить.

— Мы проследуем до цивилизованной планеты,— ответил Гил.— И вы сможете сойти на берег. Таковы мои условия.

Снова раздался шум, шаги, стон страха. В салон, пошатываясь, вышла леди Раданса.

— погоди! — крикнул Гил.

— Ты сдаешься?

— Я соглашусь вот на что. Мы следуем до какой-нибудь цивилизованной планеты. Лорды, леди и я высадутся на берег. Корабль будет ваш.

Нион с Флоризлем пошептались с миг.

— Согласны.

Космояхта опустилась на планету Маастрихт, пятую планету звезды Капелла.

Состав воздуха и давление были уточнены, те, кто высаживался, вводили себе специфические тонеры, амелиораторы и антигены для защиты от вирусов и бактерий Маастрихта.

Входной порт салона открылся, впуслав поток света. Фантон, Илсет, Раданса, Ясинта и Шанна вошли во входную камеру, спустились и остановились, моргая и щурясь от слепящего света.

Гил не осмелился пересечь салон. Нион Бохарт был человеком мстительным и подлым, а Флоризль, находящийся теперь полностью под его контролем, был ничуть не лучше. Гил отступил в машинное отделение, открыл порт для тяжелых грузов. Он выбросил свертки с едой и водой, а затем багаж лордов, из которого он прежде извлек все деньги. Сунув в куртку узелок с собственными пожитками, он прыгнул наземь и тут же метнулся за ствол ближайшего дерева, готовый ко всему.

Но Нион и Флоризль, казалось, довольствовались хорошим, не стремясь к лучшему. Порты закрылись, загудели реактивные двигатели, яхта поднялась в воздух, набрала скорость и исчезла.

Глава 16

Они стоял посреди огромной саванны, ограниченной с востока и запада похожими на сахарные головы невысокими горами из голого гранита или известняка. Небо было ярко-голубым, совершенно непохожим на пыльно-розовато-лиловое небо Донны. Повсюду насколько хватал глаз расстился ковер из жестких желтых стеблей, увенчанных алыми ягодами, вдали этот цвет приглушался до горчично-охрового. То тут, то там высились купы темных кустов, иногда попадались массивные черные деревья, сплошь лохматые и хохлатые. Скоро стало очевидным и время дня — утро. Солнце, Капелла, висело в небе на полпути к зениту, окруженное зоной тусклого белого блеска, а ландшафт на востоке окутывало яркое марево.

Ну что ж, подумал Гил: вот тот самый далекий мир, который он всю жизнь жаждал посетить. Никогда, даже в самых бредовых мечтах, он не представлял, что будет высажен в таком мире, словно на необитаемый остров, с двумя лордами и тремя леди. Он смерил их оценивающим взглядом и невольно весело фыркнул. Если его планы потерпели крушение, то это было явно ничто по сравнению с тем, что испытали лорды. Они быстро говорили между собой, нервно жестикулируя и поглядывая по сторонам. Теперь они соизволили, наконец, заметить Гила, с отвращением изучая его горящими взглядами.

Гил подошел к ним. Они брезгливо отступили.

— Кто-нибудь знает, где мы? — спросил Гил.

— Это степь Раканга на планете Маастрихт, — кратко ответил Фантон и отвернулся, словно желая исключить Гила из разговора.

— Тут есть поблизости города или села? — вежливо спросил Гил.

— Где-то есть. Мы не знаем, где именно, — бросил через плечо Фантон.

А Илсет, чуть менее грубый, чем Фантон, добавил:

— Ваши друзья приложили все силы, чтобы сделать нашу участь трудной. Это самый дикий район Маастрихта.

— Предлагаю,— обратился к лордам Гил,— всем забыть о прошлом. Будем считать, что оно былшем поросло. Верно, я входил в банду, конфисковавшую ваш корабль, но я спас вам жизнь.

— Мы сознаем этот факт,— холодно отозвался Фантон.

Гил показал в сторону противоположного края саванны.

— Я вижу там, вдали, речное русло, во всяком случае, сплошную цепочку деревьев. Если мы двинемся туда, и если это речка, то она должна в конечном итоге привести нас к поселению.

Фантон словно не расслышал и завязал серьезный разговор с Илсетом, беседуя, оба чуть ли не с тоской глядели на холмы. Старшие женщины перешептывались между собой. Шанна смотрела на Гила с непроницаемым выражением лица. Илсет повернулся к дамам.

— Нам лучше всего перебраться к тем холмам, скрыться с этих адских открытых равнин. Если повезет, мы сможем найти грот или какое-нибудь крытое убежище.

— Да,— поддержал его Фантон.— Мы не будем открыты небу на всю чужую ночь.

— Ах, нет, только не это! — тихо прошептала леди Ясинта.

— Ну, в таком случае, идемте.

Леди, бросая опасливые взгляды на небо, торопливо зашагали по саванне, а лорды Фантон и Илсет последовали за ними.

Гил в замешательстве смотрел им вслед.

— Погодите! — окликнул он их.— Еда и вода!

— Принеси их,— бросил через плечо Фантон.

Гил уставился на него со смесью ярости и веселья.

— Что! Вы хотите, чтобы я тащил все это?

Фантон остановился, изучил взглядом пакеты.

— Да, все.

Гил недоверчиво рассмеялся.

— Свою воду и еду несите сами.

Фантон и Илсет оглянулись, раздраженно подняв брови.

— Еще одно обстоятельство,— Гил показал на холмы, где стоял, глядя в их сторону, большой горбатый

зверь. — Это дикий зверь, — объяснил им словно малым детям Гил. — Вполне возможно, что свирепый. У вас нет оружия. Если цените свою жизнь, не уходите без еды и воды.

— В его словах что-то есть, — пробурчал Илсет.

— Большого выбора у нас нет.

Фантон неохотно вернулся.

— В таком случае, дайте мне оружие, и можете нести нашу провизию.

— Нет, — отказался Гил. — Свою провизию вам придется нести самим. Я иду на север, к реке, которая, несомненно, выведет к человеческому поселению. Если вы пойдете к тем холмам, то будете страдать от голода и жажды и, вероятно, будете убиты дикими зверями.

Лорды хмуро поглядели на небо и без энтузиазма посмотрели через открытую саванну на север.

— Я выгрузил из яхты ваш багаж, — вежливо уведомил их Гил. — Если у вас есть более прочная одежда, то предлагаю вам переодеться в нее.

Лорды и леди не обратили на него внимания. Гил разделил провизию на три части, лорды с огромным отвращением навьючили на себя свою долю тюков и так вот тронулись в путь.

Когда они тащились через саванну, Гил подумал: «Я уже дважды спас этих лордов от смерти. Вне всяких сомнений, как только я доставлю их к цивилизации, они тут же разоблачат меня как пирата. Меня отправят в изгнание, или какое тут положено наказание. Так что же тогда мне делать?»

Будь Гил меньше озабочен будущим, путешествие через саванну могло бы доставить ему удовольствие. Лорды были неиссякаемым источником удивления. Разговаривали они с Гилом то покровительственно, то оскорбительно, а потом вообще отказывались признавать его существование. Его постоянно удивляли их капризы, их почти полная неспособность разумно приспособиться к окружающей среде. Их приводило в ужас открытое пространство, и они бежали, добираясь до убежища под деревом.

Лорды сразу ясно дали понять, что предпочитают путешествовать не днем, а ночью. С обезоруживающей прямоотой они уведомили Гила, что эти просторы кажутся тогда не такими огромными, да и яркого света Капеллы можно будет избежать. Но по саванне бродило множество зловещих зверей. Гил особенно боялся одного: гибкой твари шести метров длиной с тонким, плоским телом и восемью длинными ногами. Из-за его манеры двигаться, Гил мысленно называл этого зверя «скрадом». В темноте он мог подкрасться к ним незамеченным и схватить их когтистыми лапами. Водились и другие создания, почти столь же страшные: короткие, прыгучие звери, похожие на унизанные шипами металлические бочки; гигантские змеи, плавно скользящие на сотне миниатюрных ножек; стаи безволосых красных волков, которые дважды заставляли группу спешно взбираться на деревья. Поэтому, несмотря на предпочтения лордов, Гил отказывался путешествовать после наступления темноты. Фантон грозился уйти без него, но, заслышав рычание и шаги в ночи, решил остаться рядом с вооруженным пиратом. Гил развел под большим губчатым деревом костер и они поужинали.

— Я нахожусь в странном положении, — сказал Гид Фантону и Илсету. — Как вам известно, я был одним из тех, кто напал на вас.

— Этот факт трудно забыть, — кратко высказался Фантон.

— Вот в этом-то и состоит моя дилемма. Я не собирався причинять вреда ни вам, ни леди. Мне требовалась только ваша яхта. И теперь я считаю своим долгом помочь вам вернуться к цивилизации.

Смотревший на пламя костра Фантон, ответил лишь мрачным и зловещим кивком.

— Если я оставлю вас одних, — продолжал Гил, — то сомневаюсь, что вам удастся выжить. Но я также должен подумать и о собственных интересах. Я хочу, чтобы вы дали слово чести, что, если я помогу вам добраться до безопасных мест, то вы не выдадите меня властям.

— И ты еще смеешь выдвигать условия? — возмутилась леди Ясинта. — Взгляни на нас, на наши унижения, неудобства, и ты еще...

— Леди Ясинта, вы неправильно поняли! — воскликнул Гил.

Илсет сделал безразличный жест.

— Отлично, я согласен. В конце концов этот малый сделал для нас все, что в его силах.

— Что? — страстно воскликнул Фантон. — Да ведь это же тот злобный грабитель, который лишил меня моей яхты! Я обещаю только, что он будет хорошенько наказан!

— В таком случае, — заявил Гил, — мы попросимся и разойдемся в разные стороны.

— Пожалуйста, только, оставьте нам оружие.

— Ха! Ничего подобного я делать не стану.

— Полно, Фантон, будьте разумны, — призвал Илсет. — Ведь это же необычная ситуация. Мы должны быть великодушны! — Он повернулся к Гилу. — Я готов забыть ваши выходки.

— А вы, лорд Фантон?

— А, ладно, — поморщился Фантон.

— А леди?

— Они будут хранить молчание, во всяком случае, я так полагаю.

Из темноты налетел тихий ветерок, неся мерзостный запах, вызвавший у Гила зуд беспокойства. Лорды и леди, казалось, не заметили.

Гил поднялся на ноги и всмотрелся в темноту. Повернувшись обратно, он обнаружил, что лорды и леди уже располагаются для сна.

— Нет-нет! — призвал он. — Нам следует для безопасности залезть на дерево, и как можно выше.

Лорды глянули на него с холодным безразличием и не шелохнулись.

— Как хотите, — сказал Гил. — Ваша жизнь принадлежит вам. — Он разворошил костер и подбросил в него хвороста.

— Зачем тебе нужно устраивать такое пожарище? — захныкал Фантон. — Огонь омерзителен.

— Тут звери шастают, — огрызнулся Гил. — Костер, по крайней мере, позволит нам увидеть их. И я настойчиво призываю всех забраться на дерево.

— Сидеть на ветвях, это же просто нелепо, — заявила леди Раданса. — Как же мы сможем отдохнуть? Не-

ужели ты совершенно не считаешься с нашей усталостью?

— На земле вы очень уязвимы, — вежливо объяснил Гил. — На дереве вы отдохнете не так хорошо, но будете в большей безопасности. — И, забравшись на ветви, обосновался на высокой развилке.

Оставшиеся на земле лорды и леди беспокойно зашептались. Наконец, Шанна вскочила на ноги и вскарабкалась на дерево. Фантон помог леди Радансе. Они вместе забрались на ветку, поблизости от Гила. Леди Ясинта, горько жалуясь, отказалась залезть выше крепкого сука в трех метрах от земли. Илсет с досадой покачал головой и разместился сам на ветке повыше.

Костер догорал. Из темноты донесся ряд глухих ударов, далекий вой. Все сидели тихо.

Прошло время. Гил забылся беспокойным сном. Где-то на середине ночи его разбудила мерзкая вонь. Костер уже почти погас.

Донесся звук тяжелых медленных шагов. По дерну подошло, мягко ступая, огромное, темное существо. Оно остановилось под деревом, наступив одной ногой на тлеющие угли. Затем подняло лапу, сорвало с низкой ветки леди Ясинту и уволокло ее, покуда та в ужасе вопила. Все забрались повыше и больше не спали.

Ночь вышла и впрямь долгой. Фантон с Илсетом молча сидели, сгорбившись, неподалеку от верхушки дерева. Леди Раданса издавала прерывистые мелодичные звуки, похожие на трели какой-то птицы. Шанна рыдала. Воздух сделался холодным и влажным от выпадающей росы.

Наконец на восточном краю неба образовалась полоса зеленого света и, распространяясь вверх, стала каймой розового румянца зари, затем вспыхнула искра ослепительно белого света — Капелла взошла над горизонтом.

Позавтракав в утрюмом молчании, пятеро спутников снова двинулись на север. К недоумению Гила, лорд Илсет не выглядел угнетенным из-за потери леди Ясинты, да и все прочие казались не слишком озабоченными случившимся. Что за народ! — дивился Гил. Есть ли у них вообще какие-либо чувства, или они просто

играют в жизнь? Он слышал, как лорды и леди, в какой-то мере вновь обретя прежний апломб, завели меж собой разговор, игнорируя Гила, словно того не существовало. Фантон с Илсетом опять показывали на холмы и начинали отклоняться к западу до тех пор, пока Гил не призвал их вернуться к первоначальному курсу.

Примерно к полудню с юга налетели клубящиеся черные тучи. Засвистел порывистый ветер, а затем путешественников обстрелял круглыми ледышками град, превосходящий любой, с каким когда-либо сталкивался Гил. Гил стоял, прикрыв голову руками, лорды и леди бегали взад-вперед, колотя по градинам, словно те были насекомыми, тогда как Гил в изумлении смотрел на это.

Гроза миновала также внезапно, как и налетела. Через час небо снова сделалось ясным. Капелла изливала пылающие лучи на блистающую саванну. Но высокорожденные оставались унылыми, отчаявшимися, злыми. Поля их чудесных широкополых шляп обвисли, туфли порвались, одежда испачкалась. Только Шанна, наверное, из-за своей молодости не стала ядовито-сварливой, и даже заговорила с Гилом. К его полнейшему изумлению, она не узнала в нем юношу с Окружного Бала. На самом-то деле, она, казалось, вообще забыла этот эпизод. Когда Гил снова напомнил ей о нем, она недоуменно посмотрела на него.

— Но какое совпадение! Ты на Окружном Балу, а теперь ты здесь!

— Странное совпадение, — печально согласился Гил.

— Почему ты такой плохой? Пират, похититель! Если я правильно помню, ты казался таким доверчивым и наивным.

— Да, ты правильно помнишь. Я мог бы объяснить эту перемену, да ты не поймешь.

— В любом случае, это не имеет значения. Как только мы доберемся до цивилизации, отец разоблачит тебя. Ты понимаешь это?

— Прошлой ночью они с Илсетом согласились этого не делать! — воскликнул Гил.

Шанна недоумевающее посмотрела на него, и некоторое время ничего больше не говорила.

В полдень они добрались до цепочки деревьев, которая и в самом деле тянулась вдоль холодного ручейка. Ближе к вечеру они подошли к месту, где ручеек впадал в мелкую речку с тянущейся вдоль берега малохоженной тропкой. И вскоре после этого путешественники подошли к заброшенной деревне, состоявшей из дюжины покосившихся в разные стороны хижин из выгоревших на солнце серых бревен. В самой крепкой из них Гил предложил провести ночь. И на сей раз лорды согласились без споров. Стены этой лачуги были оклеены старыми газетами, напечатанными понятными для Гила знаками. Он не мог удержаться от приступа страха при виде такого количества дубликаций. То тут, то там попадались выцветшие картинки: мужчины и женщины в странных костюмах, космические корабли, строения незнакомого Гилу типа, карта Маастрихта, которую Гил изучал целых полчаса.

Капелла опустилась к горизонту в сияющем блеске золотых, алых и ярко-красных лучей, совершенно не похожих на печальные розовато-лиловые и коричневые, как пиво, закаты Донны. Гил развел в старом каменном очаге огонь, что вызвало раздражение у лордов.

— Зачем ему нужны все эти хлыстики и рубчики пламени? — пожаловалась леди Раданса.

— Полагаю, он хочет видеть, когда ест, — сказал Илсет.

— Но почему этот дурак должен жариться, словно саламандра? — раздраженно спросил Фантон.

— Если бы мы сохранили костер прошлой ночью, — отпарировал Гил, — и если бы леди Ясинта послушалась моего совета и забралась на дерево повыше, то возможно, была бы теперь жива.

При этих словах лорды и леди умолкли, и взгляды их нервно заматались туда-сюда. Затем они отступили в самые темные углы лачуги и прижались к стенам. Гил счел такую форму поведения поразительной.

Ночью кто-то попробовал одолеть хрупкую дверь хижины, запертую Гилом на засов. Гил поднялся, нащу-

пывая пистолет. От тлеющих углей в очаге исходило слабое свечение. Дверь снова затряслась, а затем Гил услышал за дверью шаги, и они казались шагами человека. Гил выглянул в окно и увидел обрисовавшийся на фоне звездного неба силуэт человеческой или почти человеческой головы. Гил бросил в эту голову какую-то деревяшку. Раздался глухой стук, восклицание. Потом тишина. Несколько позже Гил услышал тяжелое дыхание, царапанье, поскребывание, тихий визг. А затем снова тишина.

Утром Гил с опаской подошел к двери и с предельной осторожностью открыл ее. Земля за дверью казалась не тронутой. Над притолокой не было устроено никакой западни, никаких шипов или крюков. Что же тогда означала эта возня прошлой ночью? Гил стоял в дверях, обшаривая взглядом землю в поисках ловчей ямы.

Сзади к нему подошел лорд Илсет.

— Посторонитесь, будьте любезны.

— Момент. Лучше убедиться, что это безопасно.

— Безопасно? А почему должно быть небезопасно? — Илсет оттолкнул Гила в сторону и шагнул вперед. Земля у него под ногой просела. Он отдернул ногу — к его голени прицепилась пухлая тварь с лиловыми щеками, похожая на толстую рыбу или на огромную вытянутую в длину жабу. Илсет с воем побежал по деревне, лягая и цапая тварь у себя на голени. Затем он вдруг громко, мучительно закашлялся и запрыгал огромными дикими прыжками. Он исчез за рядом перистых черных кустов, и больше его не видели.

Гил глубоко вдохнул. Потыкав перед собой палкой, он обнаружил четыре дополнительных ловушки. Смотревший через его плечо Фантон ничего не сказал.

Стоящих от страха леди Радансу и Шанну убедили, наконец, выйти из хижины. Путешественники покинули жуткую деревню и двинулись дальше по берегу речушки. Много часов они шли в тени громадных деревьев с мясистыми желтовато-коричневыми стволами и пышной зеленой листвой. На ветвях висели сотни

маленьких ажурных созданий, похожих на мартышек-скелетов, которые скрежетали и стрекотали, бросаясь, иной раз прутьями, в пятнах солнечного света и тени переливались азрозмеи. Время от времени Гилу казалось, что следом за ними кто-то или что-то двигается. В других случаях некая рябь на воде поднималась по реке вровень с ними. В полдень эти невидимые преследователи исчезли, и час спустя они подошли к возделываемой местности. Пошли поля, засаженные виноградом и кустами, дающими зеленые стручки, груши с черной мякотью, тыквы. Вскоре они вошли в небольшой городок: лачуги и хижины из некрашенных бревен, тянущиеся длинными, беспорядочно разбросанными группами вдоль речки, которая здесь соединялась с каналом. Народ в городишке жил низкорослый, с коричневой кожей, круглыми головами, черными глазами и резкими, тяжелыми чертами лица. Они ходили в грубых коричнево-серых плащах с коническими капюшонами и поглядывали на путников с угрюмым любопытством. Фантон резко обратился к ним, и ему ответили на языке, который, как с удивлением обнаружил Гил, он смог понять, хотя акцент был сильнейший.

— Что это за городок?

— Аттегейз.

— Насколько далеко до крупного ближайшего города?

— Это будет Дейллай — порядка двухсот миль.

— Как быстрее всего добраться до Дейллая?

— Никакого быстрого способа нет. Нам незачем спешить. Через пять дней прибывает водный автобус. Можете проехать на нем до Резо, а оттуда азроботом до Дейллая.

— Ну, в таком случае, мне надо связаться с властями. Где «спай» — система?

— Спай? Что это такое?

— Средство связи. Телефон, дальнее радио.

— У нас ничего такого нет. Это же Аттенгейз, а не Хиагансис. Если вам нужны все эти побрякушки и безделушки, то лучше идите туда.

— Ну, в таком случае, где находится этот Хиагансис? — потребовал ответа Фантон, на что прохожий и все зеваки дружно заржали.

— А нет никакого Хиагансиса! Именно потому!

Фантон втянул щеки и отвернулся. А Гил спросил:

— Где мы можем остановиться на ближайшие пять дней?

— У канала есть небольшая таверна, там крутятся пьяницы и каналы. Может быть, старая Вома позаботится о вас. А может, и нет, если недавно нажралась риберов. Тогда она станет слишком толстой, чтобы заботиться о ком-то, кроме себя.

Путники отправились к таверне у канала: странно-му заведению, построенному из мореного дерева, с огромной островерхой коньковой крышей, гротескно высокой, из которой выпирали под всевозможными неожиданными углами кривые мансардные окна.

Снаружи таверна выглядела живописней, чем внутри. Трактирщица, неряшливая женщина в черном переднике, согласилась приютить путников. Она протянула руку, потирая друг о друга большой и указательный пальцы.

— Давайте-ка, посмотрим на ваши деньги. Я не могу дать доброй еды тем, кто не заплатит, а мне никогда не доводилось видывать, извиняюсь за прямоту, малых, больше смахивающих на клоунов. Что с вами случилось? Выпрыгнули с воздушного причала?

— Что-то вроде того, — уклонился от ответа Гил. Покосившись на Фантона, он извлек деньги, взятые из багажа Фантона. — Сколько потребуете?

Вома изучила взглядом монеты.

— Что это?

— Межпланетная валюта, — рявкнул Фантон. — Неужели у вас никогда не бывало инопланетных гостей?

— Мне везет, когда удастся заполучить нескольких с канала, а потом они хотят, чтобы я выписывала им счет. Но не считайте меня душой, сударь, потому как я склонна к возмущениям духа и известна своим умением натягивать носы.

— Тогда проводите нас в наши комнаты. Не бойтесь, вам заплатят.

Комнаты оказались довольно чистыми, но вот пища — вареные черные клубни с прогорклым запахом — была решительно несъедобной для знати.

— Это, несомненно, и есть риберы? — спросил Гил.

— Риберы и есть, они самые. С приправой из паприки и жучьей пряности. Сама их трогать не могу, а то поплачусь за это.

— Принесите нам свежих фруктов, — предложил Фантон. — Или какую-нибудь обыкновенную похлебку.

— Сожалею, сударь. Могу вот достать вам кружку свабоусского вина.

— Отлично, принесите вина и, если можно, хлеба.

Так прошёл день. Вечером Гил, сидя в пивном зале, упомянул, что они пришли с юга, после того, как покинули потерпевший аварию азробот. Разговор прекратился.

— С юга? Через Ракангу?

— Полагаю, она зовется именно так. В покинутой деревне на нас что-то напало. Кто или что это могло быть?

— Скорее всего, бауны. Некоторые болтают, будто они — люди. Именно потому-то деревню и покинули. Бауны всех прибрали. Хитрые, жестокие твари.

На следующий день Гил наткнулся на прогуливающуюся у канала Шанну. Та не стала возражать, когда он присоединился к ней, и вскоре, они сидели на берегу, укрытые от Капеллы тенью звящего серебристо-черного дискодерева.

Некоторое время они смотрели, как по каналу легко скользили мимо лодки, приводимые в движение вздымающимися прямыми парусами, а в некоторых случаях — двигателями с электрополем. Гил потянулся обнять ее, но она чопорно уклонилась от его объятий.

— Да брось ты, — упрекнул ее Гил. — Когда мы сидели у другой реки, ты не была такой надменной.

— То был Окружной Бал. Это совсем другое дело. И ты тогда не был бродягой и пиратом.

— Я думал, что пиратство в расчет не принимается.

— Отец собирается разоблачить тебя, как только мы доберемся до Дейллая.

Гил приподнялся на локте.

— Но он же обещал! Он дал мне слово!

Шанна посмотрела на него с улыбкой и удивлением.

— Ну не можешь же ты ожидать, что он станет соблюдать соглашение с нижняком? Договор заключается между равными. Он всегда собирался добиться, чтобы тебя сурово наказали.

— Понимаю... — медленно кивнул Гил. — А почему ты предупредила меня?

Шанна пожала плечами, поджала губы.

— Полагаю, мною движет дух противоречия. Или вульгарность. Или скука. Тут не с кем поговорить, кроме тебя. И я знаю, что в душе ты не злой, как те другие.

— Спасибо. — Гил поднялся на ноги. — Думаю, я вернусь в таверну.

— Я тоже пойду... Кругом столько света и воздуха, что я легко делаюсь нервной.

— Оригинальный вы народ.

— Нет. Ты невосприимчив. Ты не сознаешь текстуры света и теней.

Гил взял ее за руки, и какой-то миг они стояли на берегу реки лицом к лицу.

— Почему бы тебе не забыть, что ты леди, и не уехать со мной? Это будет означать, что ты разделишь жизнь с бродягой. Тебе придется расстаться со всем, к чему ты привыкла...

— Нет, — отказалась Шанна, глядя с равнодушной улыбкой на противоположный берег реки. — Ты не должен понимать меня неправильно, как, совершенно очевидно, понимаешь.

Гил поклонился как можно официальной.

— Сожалею, если смутил вас.

Он прошел обратно к таверне и отыскал Вому.

— Я съезжаю. Вот. — Он дал ей монеты. — Это должен возместить, что я должен.

Она глазела на монеты с отвисшей челюстью.

— А как насчет остальных? Тот всем недовольный лорд Фантон, он мне сказал, что ты заплатишь за всех.

— Вы что, за дурака меня принимаете? — презрительно рассмеялся Гил. — Позаботьтесь, чтобы он оплатил свой счет.

— Как скажете, сударь. — Вома бросила монеты в кошель. Гил прошел к себе в комнату, взял свой свер-

ток и, пробежался к каналу и прыгнул на борт проплывающей мимо баржи. Она была доверху завалена шкурами и бочонками с маринованными риберами. Воняла она отчаянно. Тем не менее, это был транспорт. Гил договорился с боцманом и отправился со своим свертком к наветренной части бака. Он расположился там, размышляя о своем положении. Путешествия, приключения, финансовая независимость: именно к такой жизни он стремился. И именно такой жизни он достиг. Он пересчитал свои деньги: двести двадцать межпланетных единиц обмена, так называемой валюты. Хватит на три-четыре месяца, наверное, и больше, если он будет бережлив. Своего рода, финансовая независимость. Гил прислонился к тюку со шкурами и, глядя на медленно проплывающие мимо верхушки деревьев, размышлял о прошлом, о зловонном настоящем, и гадал, что же принесет будущее.

Глава 17

Неделю спустя баржа прошла близ бетонного причала на окраине Дейллая. Гил спрыгнул на берег, ожидая, что там его встретят агенты Министерства Соцобеспечения или местной полиции. Но причал пустовал, если не считать пары рабочих, принимающих концы с баржи, а те не обратили на него внимания.

Гил пошел по улице. По обеим сторонам стояли склады и мануфактуры, построенные из белого бетона и панелей из зелено-голубого волнистого стекла с плавно выгибающимися крышами из белой затвердевшей пены. Все это пылало и сверкало при свете Капеллы. Гил направился на северо-восток, к центру города. Здесь свободно гулял свежий ветер, развевая потрепанные одежды Гила и, как он надеялся, унося вонь от шкур и риберов.

Сегодня, казалось, отмечался какой-то праздник: жутковато пустые улицы, безмолвные свежевывмытые здания и ни звука, кроме свиста ветра.

Гил целый час ходил по городу, не видя ни одного человека. Улица подымалась, переваливая через гре-

бень невысокого холма, а за холмом расстился громадный квартал, над которым — сотня стеклянных призм разных размеров, некоторые такие же высокие, а то и выше остовов строений района Вашмонт, и все они сверкали и блистали в пылании света Капеллы.

Гил двинулся вниз. Теперь навстречу стали попадаться люди: коричневокожий народ невысокого роста, с тяжелыми чертами лица, черными глазами, черными волосами, не сильно отличающиеся от обитателей Аттенгейза. Они прерывали свои занятия, глядя на проходящего мимо Гила. Он все более остро сознавал приставшую к нему вонь от шкур, свою замызганную инопланетную одежду, свою отросшую бороду и нерасчесанные волосы. Впереди он заметил рынок: огромное девятистороннее строение под девятью полупрозрачными потолочными панелями, сплошь разных цветов. Опирающийся на трость пожилой мужчина дал ему совет и направил к кабинке менялы. Гил отдал пять своих монет и получил взамен пригоршню металлических «вафель». Он купил местную одежду и ботинки, направился в общественный туалет, где по возможности лучше умылся и переоделся. Парикмахер побрил и подстриг его на местный лад. Став более чистым и менее заметным, Гил продолжил путь к центру Дейллая, проехав большую часть пути на общественном движущемся тротуаре.

Он снял в недорогой гостинице номер с видом на реку и сразу же погрузился в ванну в высокой восьмиугольной комнате, обшитой полосами ароматического дерева. Прислуживали ему трое наголо обритых детей неопределенного пола. Они окатили его из распылителей маслянистой пеной, отхлестали вениками из мягких перьев, направили на него струи вспененной воды: первая — теплая, а вторая — холодная.

Изрядно посвежевший, Гил опять облачился в свои обновки и не спеша прогулялся, наслаждаясь ранним вечером. Поел он в ресторане у реки, где окна затеняли ширмы, очень похожие на вырезанные в Амброе. Пробудившийся на миг интерес Гила растаял, когда он увидел, что материалом служила какая-то однородная синтетическая субстанция. Ему пришло в голову, что

в Дейллае он видел мало природных материалов. Тут встречались огромные массы пенобетона, стекла, тех или иных синтетических веществ, но мало дерева, или камня, или обожженной глины.

Капелла скрылась за стеклянными башнями. На город опустились сумерки. На каждый столик принесли стеклянную колбу с дюжиной светящихся насекомых. Гил откинулся на спинку стула и, потягивая чай, разглядывал оживленных жителей Дейллая, сидящих за ближайшими столиками. Степь Раканга, бауны из покинутой деревни, Аттенгейз и таверна Вормы казались теперь далекими-предалекими. А события на борту космояхты — полузабытым кошмаром. А мастерская на площади Андл? Гил печально улыбнулся. Он подумал о Шанне. Как приятно было бы сидеть за этим столиком с ней, глядя, как она смотрит на него, опершись подбородком на соединенные пальцы, глазами, отражающими свет насекомых. Как бы позабавились они вместе, исследуя город! А потом путешествовали бы по другим незнакомым планетам!

Гил покачал головой. Несбыточная мечта! Он вернулся в гостиницу и лег спать, уверенный, что больше не увидит ни лорда Фантона, ни леди Радансы, ни Шанны.

Дейллай оказался городом огромным и по площади, и по населению, со своим собственным особенным нравом. В Дейллай прибывали корабли со всей освоенной человеком Вселенной, но, похоже, вызывали мало интереса. В городе не существовало никаких анклавов инопланетян и было мало ресторанов, специализирующихся на инопланетной кухне. Газеты и журналы интересовались, в основном, местными делами: спортом, деловыми событиями и сделками, деятельностью Семнадцати Семейств и их связями. Преступления либо не случались, либо преднамеренно игнорировались. Да и в самом деле, Гил не видел никакого аппарата блюстителей порядка: ни полиции, ни милиции, ни функционеров в форме.

На третий день пребывания Гил переехал в менее дорогую гостиницу около космопорта. На четвертый

день он узнал о Гражданском Бюро Информации, куда сразу же и отправился.

Клерк записал его требования, поработал несколько мгновений на столе кодировки, а затем нажал несколько кнопок на наклонной клавиатуре. Замигали и завспыхивали огоньки, и на поднос выбросило бумажную полосу.

— Здесь не многое, — сообщил клерк. — Эвериос, патолог с Гангалайи, умер в прошлом веке. Нет? Вот Эмфирион — древний деспот Донны. Это тот, кто вам нужен? Есть также Энферон — музыкант Третьей Эры.

— А как насчет Эмфириона, деспота Донны? Есть еще какая-то информация?

— Только то, что вы слышали. И, конечно, ссылка на И.И.

— А что такое И.И.?

— Исторический Институт Земли, который и сообщил эти сведения.

— Институт может предоставить более полные сведения?

— Полагаю, да. У него есть подробные анналы всех важных событий в человеческой истории.

— Как я могу получить эти сведения?

— Без всяких затруднений. Мы отправим запрос. Это будет стоить тридцать пять баусов. Конечно, придется три месяца подождать, таков график.

— Это долго.

Клерк согласился.

— Но ничего быстрее я предложить не могу — если вы самолично не отправитесь на Землю.

Гил покинул Бюро Информации и проехал наземным автомобилем в космопорт. Вокзал представлял собой гигантскую стеклянную полусферу, окруженную зеленой лужайкой, белые бетонные взлетно-посадочные полосы, автостоянки. Великолепно! — подумал Гил, вспоминая невзрачный космопорт в Амброе. Тем не менее, он чувствовал, что тут чего-то не хватает. Чего же это? Тайны? Романтики? И гадал, а могли ли дейллайские мальчишки ощущать, посещая свой космопорт, то благоговение, которые почувствовал он, когда прошмыгнул в амбройский космопорт вместе с Флоризлем... Предателем Флоризлем.

Не успел он зайти на вокзал, как едва не наткнулся на старых знакомых. В каких-нибудь пятнадцати метрах от него стояла Шанна. На ней было новое белое платье и серебристые сандалии, а чистые волосы так и блестели, но, тем не менее, сама она казалась изможденной, а на коже у нее проступил нездоровый румянец.

Укрывшись за опорой, Гил обшарил взглядом космовокзал. У стойки стояли лорд Фантон и леди Раданса, оба исхудалые и суровые, словно их даже сейчас дожимали испытанные ими тяготы. Они завершили свою сделку. Шанна присоединилась к ним, и все трое двинулись через космовокзал, заметные даже здесь, где смешивались путешественники с полусотни миров.

Гил теперь испытывал уверенность, что лорд Фантон не выдал его властям: вероятно, он считал, что Гил покинул планету.

По-прежнему настороженно поглядывая кругом, Гил занялся собственным делом. Он узнал, что на Землю его доставит любая из пяти различных корабельных линий, с той степенью роскоши и шика, какую он там ни выберет. Минимальная стоимость равнялась двенадцати сотням баусов, куда больше суммы, имевшейся в наличии у Гила.

Гил покинул космопорт и вернулся в центр Дейл-лая. Если он желает посетить Землю, то должен заработать крупную сумму денег, хотя совершенно не представлял, как именно. Наверное, он просто попросит Бюро Информации приобрести искомые сведения... Размышляя таким вот образом, Гил фланировал по Гран-вии, улице роскошных магазинов, торгующих самыми разными товарами. Здесь он случайно наткнулся на предмет, который полностью отвлек его от предыдущих забот.

Это была резная ширма благородных пропорций. Она занимала видное положение в витрине Джодела Хеврискса, Торгового Агента. Гил остановился как вкопанный и приблизился к витрине. Ширма была вырезана, наподобие увитой лозами фигурной решетки. С нее смотрели с серьезным видом сотни маленьких лиц. ПОМНИ МЕНЯ — гласила надпись на дощечке. Поблизости от правого нижнего угла Гил обнаружил

собственное детское лицо. А неподалеку с ширмы глядело лицо его отца, Амианта.

Перед глазами у Гила, казалось, все расплылось. Он отвел взгляд. Потом снова взглянул — на это раз на ценник. Четыреста пятьдесят баусов. Гил перевел эту сумму в валюту, а затем в Министерские ваучеры. И снова проделал подсчет. Наверняка, какая-то ошибка: всего четыреста пятьдесят баусов? Амианту уплатили сумму, эквивалентную пятистам баусам: определенно, достаточно мало, учитывая те гордость, любовь и преданность делу, которые Амиант придавал своим ширмам. Странно, — подумал Гил. — И впрямь странно. Фактически — поразительно.

Он вошел в магазин. К нему подошел клерк в чернобелых одеждах торгового функционера.

— Чего желаете, сударь?

— Ширма в витрине... Цена — четыреста пятьдесят баусов?

— Правильно, сударь. Несколько дороговато, но работа превосходная.

Гил скорчил озадаченную гримасу. Подойдя к витрине, он внимательно осмотрел ширму. Он хотел узнать, не могла ли она оказаться поврежденной или побывать в плохих руках. Она казалась в идеальном состоянии. Гил пригляделся попристальнее, а затем вся кровь у него похолодела и, казалось, отхлынула к пяткам. Он медленно повернулся к клерку.

— Эта ширма — репродукция?

— Конечно, сударь. А чего вы ожидали? Оригинал бесценен. Он висит в Музее Славы.

Джодел Хеврискс был энергичным мужчиной начального среднего возраста с приятным лицом, породным, и, судя по манерам, сильным и решительным. Его кабинет представлял собой большую комнату, залитую солнечным светом. Мебели в нем стояло мало: шкафчик, стол, сервант, два стула и табурет. Гил пригнулся на краешке стула.

— Итак, молодой человек, и кто же вы? — спросил Хеврискс.

Гилу оказалось трудно внятно изложить то, чего он желал сказать.

— Ширма у вас в витрине, — выпалил он, — это репродукция.

— Да, хорошая репродукция, выполненная из спрессованного дерева, а не из пластика. Конечно же, ничего столь богатого, как оригинал. И что из этого?

— Вам известно, кто вырезал эту ширму?

Задумчиво нахмурясь, наблюдавший за Гилом Хеврискс кивнул.

— На ширме вырезана подпись «Амиант». Это член «Кооператива Турибль», несомненно, человек большого богатства и престижа. Ни один из товаров «Турибля» не достается задешево, но все они превосходного качества.

— Могу я спросить, у кого вы приобрели эту ширму?

— Можете. Я отвечу: у «Кооператива Турибль».

— Это монополия?

— Для таких ширм — да.

Полминуты Гил сидел, не двигаясь, уронив подбородок на грудь. А затем спросил:

— А что, если бы кто-то оказался в состоянии нарушить эту монополию?

Хеврискс рассмеялся и пожал плечами.

— Тут речь идет не о нарушении монополии, а об уничтожении того, что выглядит сильным кооперативным организмом. С какой стати, к примеру, Амианту вздумалось бы иметь дело с каким-то новичком, когда он и так уже неплохо зарабатывает?

— Амиант был моим отцом.

— В самом деле? Вы сказали, был?

— Да. Он умер.

— Мои соболезнования. — И Джодел Хеврискс с осторожным любопытством присмотрелся к Гилу.

— За вырезание той ширмы, — сообщил ему Гил, — он получил примерно пятьсот баусов.

Джодел Хеврискс в шоке отпрянул.

— Что? Пятьсот баусов? Не больше?

Гил фыркнул с печальным отворачиванием.

— Я вырезал ширмы, за которые получал семьдесят пять ваучеров. Примерно, двести баусов.

— Поразительно,— пробормотал Джодел Хеврискс.— И где же ваш дом?

— В городе Амброй на Донне, далеко отсюда, за Мирабилисом.

— Хм-м,— Хеврискс явно ничего не знал о Донне, или, наверное, о большом скоплении Мирабилис.— Значит, ремесленники Амброя продают свои изделия «Туриблю»?

— Нет. Наша торговая организация называется «Буамарк». Должно быть, «Буамарк» и торгует с «Туриблем».

— Наверное, это одна и та же организация,— предположил Хеврискс.— Наверное, вас обманывали свои же.

— Невозможно,— усомнился Гил.— Распродажа «Буамарка» удостоверяется Цехмейстерами, а лорды получают свой процент от этой суммы. Будь тут растрата, то лорды оказались бы обманутыми не меньше, чем нижняки.

— Кто-то получает громадные прибыли,— задумчиво произнес Хеврискс.— Уж это-то ясно. Кто-то на вершухе монополии.

— А что, если тогда, как я уже спрашивал, вы смогли бы нарушить эту монополию?

Хеврискс задумчиво постучал себя пальцем по подбородку.

— Как этого можно будет достичь?

— Мы наведаемся на одном из ваших кораблей в Амброй и купим товары прямо у «Буамарка».

Хеврискс протестующе поднял руки.

— Вы что, принимаете меня за магната? По сравнению с Семнадцатю, я — мелкая сошка. У меня нет своих космических кораблей.

— Ну, в таком случае, разве нельзя зафрахтовать корабль?

— Можно, пойдя на существенные расходы. Конечно, прибыль тоже будет немаленькой, если группа «Буамарк» станет нам продавать.

— А почему бы ей этого не сделать? Если мы предложим вдвое или втрое больше прежних расценок? Это же всем выгодно: ремесленникам, Цехам, агентам Министерства Соцобеспечения, лордам. Выигрывают все,

кроме «Турибля», который достаточно долго пользовался этой монополией.

— Это кажется разумным. — Хеврискс прислонился к столу. — Как вы представляете себе собственное положение? Сейчас у вас пока нет ничего для дальнейшего вклада в это предприятие.

Гил недоверчиво уставился на него.

— Ничего, кроме своей жизни. Если меня поймают, то отправят на перестройку.

— Вы преступник?

— В определенном смысле.

— Возможно, вы поступите лучше всего, сию же минуту выйдя из дела.

Гил почувствовал, как ему опалил кожу лица жар гнева, но он тщательно сдерживал свой голос.

— Естественно, я хотел бы добиться финансовой независимости. Но это неважно. Моего отца эксплуатировали, его лишили жизни. Я хочу уничтожить «Турибль». И буду счастлив, если добьюсь этого.

Хеврискс разразился коротким лающим смехом.

— Ну, можете быть уверены, что у меня нет желания обманывать ни вас, ни кого-либо еще. Предположим, что после должного размышления я соглашусь достать корабль и взять на себя весь финансовый риск. Тогда я считаю, что мне должны отойти две трети чистой прибыли, а вам — одна треть.

— Это более чем справедливо.

— Приходите завтра, и я сообщу о своем решении.

Через четыре дня Джодел Хеврискс и Гил встретились в кафе на берегу реки, где вели свои дела дейлайские торговые агенты. С Хеврисксом явился молодой человек лет этак на десять старше Гила.

— Я приобрел корабль, — сказал Хеврискс. — Его название «Града». Он фактически принадлежит моему брату — Бонару Хеврисксу. — Он указал на своего спутника. — Мы будем участвовать в этом предприятии совместно. Он отвезет груз специализированных инструментов в Лушейн, на Донну, где, согласно «Справочнику Ролвера», имеется емкий рынок для таких товаров.

Никакой особой прибыли это не принесет, но ее хватит, чтобы покрыть издержки. А потом вы с ним отправитесь на «Граде» в Амброй, купить ремесленные изделия. Финансовый риск снижен до минимума.

— Мой личный риск, к несчастью, остается.

Хеврискс бросил на стол полоску из эмали.

— Вот это, когда сюда будет впечатана ваша фотография, будет удостоверять вашу личность в качестве Тала Гана, постоянно проживающего в Дейллае. Мы покрасим вам кожу, выведем волосы на голове и снабдим модной одеждой. Вас никто не узнает, если вам не повстречается близкий друг, встречи с которым вам, несомненно, без труда удастся избежать.

— У меня нет никаких близких друзей.

— Тогда поручаю вас заботам моего брата. Он человек несколько более своевольный, чем я, несколько менее осторожный: короче, самый подходящий для этого предприятия. — Джодел Хеврискс поднялся на ноги. — Оставляю вас двоих вместе и желаю вам обоим удачи.

Глава 18

Странно вернуться в Амброй! Каким же знакомым и милым, каким же далеким, тусклым и враждебным казался теперь этот ветхий полуразвалившийся город!

В Лушейне они не столкнулись с трудностями, хотя инструменты продали куда как дешевле, чем рассчитывал Бонар Хеврискс, и это привело его в уныние. Затем взлет и полет вокруг планеты, над Глубоким Океаном, на север рядом с полуостровом Баро и Салулой, и дальше над Бухтой с видневшимся впереди низким берегом Фортинана. Внизу раскинулся Амброй. «Града» приняла из диспетчерской вышки посадочную программу и опустилась в знакомый космопорт.

Связанные с посадкой формальности славились в Амброе своей утомительностью. Прошло целых два часа, прежде чем Гил и Бонар Хеврискс прошли в бледном свете утреннего солнца на космовокзал. Позвонив по «спая» в контору «Буамарка», Гил узнал, что, хотя Великий Лорд Дугалд у себя, он крайне занят, и с ним

нельзя встретиться без предварительной договоренности.

— Объясните Лорду Дугалду, — вежливо предложил Гил, — что мы прилетели сюда с планеты Маастрихт поговорить о «Турибльской» системе сбыта, что ему будет выгодно встретиться с нами немедленно.

Последовало трехминутное ожидание, после чего клерк несколько кисло объявил, что лорд Дугалд сможет уделить им несколько минут, если они немедленно явятся в контору «Буамарка».

— Будем сию же минуту, — заверил Гил.

Они проехали «овертрендом» на противоположный край Ист-Тауна, район заброшенных улиц, ровных пустырей, усыпанных мусором и битым стеклом, и немногих все еще обитаемых зданий, в общем, покинутый округ, не лишенный определенной мрачной красоты.

На двенадцатигектарном участке стояли два строения, буамаркский административный Центр и склад «Объединенных Цехов». Пройдя через ворота в ограде из колючей проволоки, Гил с Бонаром Хевриском проследовали в контору «Буамарка».

Из невеселого фойе их проводили в большое помещение, где работали за столами, калькуляторами и регистрационными устройствами двадцать клерков. Лорд Дугалд сидел в загородке со стеклянными стенами, слегка приподнятой над остальным помещением, и, подобно другим буамаркским функционерам, выглядел крайне занятым.

Гила с Бонаром Хевриском отвели прямо к загородке лорда Дугалда. Здесь они и ждали, на скамейках с подушками. Бросив один быстрый взгляд сквозь стекло, лорд Дугалд больше не обращал на них внимания. Гил с огромным любопытством изучал его взглядом. Он выглядел невысоким, тяжеловесным и сидел, обмякнув в кресле, словно наполовину заполненный куль. Его черные глаза были близко посаженными. Над ушами у него подымались хохолки седых волос. Кожа у него казалась какого-то неестественного лилового оттенка. Он был воплощением карикатуры, которую где-то видел Гил. Ну, конечно! Лорд Бодбозл из

«Театра Марионеток Холкервойда»! И Гил с большим трудом удержался от усмешки.

Гил смотрел на него, покуда лорд Дугалд изучал, один за другим, желтые листы пергамента, очевидно, счет-фактуры или заявки, и проштамповывал каждый документ красивой печатью, увенчанной большим шаром из полированного красного сердолика.

Наконец лорд Дугалд положил печать на стол и сделал короткий знак, указывая, что Бонар Хеврискс и Гил должны пройти вперед.

Двое компаньонов зашли в обнесенную стеклом загородку. Лорд Дугалд велел им присаживаться.

— Что это там насчет «Кооператива Турибль»? Кто вы такие? Торговцы, говорите?

— Да, совершенно верно, — осторожно заговорил Бонар Хеврискс. — Мы только-только прибыли на «Граде» из Дейллая, на Маастрихте.

— Да-да. Тогда говорите.

— Наши исследования, — продолжил более оживленно Бонар Хеврискс, — привели нас к убеждению, что кооператив «Турибль» работает неэффективно. Короче говоря, мы можем справиться с этой работой лучше и с существенно большей выгодой для «Буамарка». Или, если вы предпочитаете, мы будем покупать прямо у вас, по ценнику, тоже дающему сильно умноженные прибыли.

Лорд Дугалд сидел совершенно неподвижно, лишь взгляд его метался туда-сюда, с одного гостя на другого. И резко ответил:

— Это предложение неприемлемо. У нас превосходные отношения с нашими торговыми организациями. В любом случае, мы связаны долгосрочными контрактами.

— Но это же не самая выгодная для вас система! — возразил Бонар. — Я готов предложить новые контракты за двойную плату.

Лорд Дугалд поднялся на ноги.

— Сожалею. Вопрос закрыт для обсуждения.

Удрученные Бонар Хеврискс и Гил посмотрели на него.

— Почему вы, по крайней мере, не попыдаете поработать с нами? — заспорил, было, Гил.

— Категорически нет. А теперь, с вашего позволения...

Выйдя и шагая на запад по бульвару Хусс, Бонар уныло произнес:

— Вот и все. У «Турибля» долгосрочный контракт.— И, поразмыслив с миг, пробурчал: — ясное дело, конечно же. Мы проиграли.

— Нет,— не согласился Гил.— Пока еще нет. Контракт с «Туриблем» заключил «Буамарк», но не Цеха. Мы отправимся прямоиком к источнику товаров и обойдем «Буамарк».

— Зачем? — скептически фыркнул Бонар Хеврискс.— Лорд Дугалд явно говорил, как обладающий властью.

— Да, но у него нет никакой власти над получателями. Цеха не обязаны продавать все только «Буамарку», а ремесленникам не обязательно работать только для Цехов. Любой может, когда ни пожелает уйти в нескопы, если не боится потерять свое пособие.

— Полагаю, попробовать можно,— пожал плечами Бонар Хеврискс.

— Именно так я и считаю. Ну, в таком случае, сперва — в Цех Писцов, запросить о сработанных вручную книгах.

Они прошли на юг через старинный Купеческий Квартал на Бард-сквер, куда выходило большинство Цеховых Центров. Оглядывавшийся через плечо Бонар Хеврискс, вскоре прошептал:

— За нами следят. Те два человека в черных плащах наблюдают за каждым нашим шагом.

— Агенты,— угрюмо улыбнулся Гил.— Не удивительно... Ну, насколько мне известно, мы не делаем ничего незаконного. Но мне лучше подстраховаться.

И с этими словами он остановился, с озадаченным выражением лица обвел взглядом Бард-сквер и спросил дорогу у какого-то прохожего, который показал на Центр Писцов, высокое строение из черно-коричневого кирпича с четырьмя смутными фонтонами из древних балок. Изображая для агентов неуверенность и колебания, Гил с Бонаром Хеврисксом осмотрели здание, а потом выбрали один из трех входов.

Гилу никогда не доводилось бывать в Центре Писцов, и его поразила почти неприличная громкая болтовня, доносящаяся из классов учеников, расположенных по обеим сторонам фойе. Подымаясь по лестнице, увешанной образцами каллиграфии, двое спутников отыскивали дорогу в кабинет Цехмейстера. В приемной сидело два десятка ерзающих, горящих нетерпением писцов, каждый из которых сжимал футляр со своей текущей работой.

Бонар Хеврискс в смятении посмотрел на эту толпу.

— Мы должны ждать?

— Наверное, нет, — сказал Гил. Пройдя через помещение, он постучался в дверь, которая распахнулась, открыв взорам сварливую на вид пожилую женщину.

— Почему стучитесь?

— Пожалуйста, сообщите о нас его превосходительству Цехмейстеру, — обратился к ней Гил с наилучшим своим дейллайским акцентом. — Мы — торговцы с далекой планеты. Желаем организовать новый бизнес с писцами Амброя.

Женщина отвернулась, сказала что-то через плечо, а затем снова обернулась к Гилу.

— Заходите, пожалуйста.

Цехмейстер писцов, желчный старик с растрепанной гривой седых волос, сидел за громадным столом, заваленным книгами, постерами, каллиграфическими справочниками. Бонар Хеврискс выложил свое предложение, сильно поразив Цехмейстера.

— Продавать наши рукописи вам? Что за мысль! Как мы можем быть уверены, что получим свои деньги?

— Наличные есть наличные, — изрек Бонар.

— Но — что за нелепость! Мы пользуемся давно утвердившимся методом. Именно так мы зарабатывали себе на жизнь с незапамятных времен.

— Значит, тем больше причин подумать о переменах.

Цехмейстер покачал головой.

— Теперешняя система действует вполне прилично. Все удовлетворены. С какой же стати нам что-то менять?

— Мы заплатим вдвое больше расценок «Буамарка», — заговорил Гил, — или втрое больше. Тогда все будут еще более удовлетворены.

— Отнюдь! Как мы будем рассчитывать вычеты на пособия, особые налогообложения? Сейчас это делается без всяких усилий с нашей стороны!

— Даже уплатив все сборы, вы все равно будете получать доход вдвое больше прежнего.

— И что тогда будет? Ремесленники станут жадными. Они будут работать вдвое менее старательно и вдвое быстрее, надеясь добиться финансовой независимости. Сейчас они знают, что должны трудиться со скрупулезной тщательностью, чтобы добиться для своего изделия высшего или первого сорта. Если же их подразнить процветанием и поднять большой шум, то что станет с нашими стандартами? С нашим качеством? Что станет с нашими будущими рынками? Следует ли нам выбрасывать на свалку надежность нашего положения ради нескольких жалких ваучеров?

— Ну, в таком случае, продавайте нам свои второсортные изделия. Мы отвезем их на другой край галактики и будем распространять там. Ремесленники удвоят свой доход, а ваши нынешние рынки нисколько не пострадают.

— А потом производить только продукцию второго сорта, поскольку она расходуется ничуть не хуже, чем первосортная? Тут применимы те же соображения! Наш основной принцип — это высокое качество, если мы откажемся от этого принципа, то испортим себе торговлю и станем всего-навсего халтурщиками.

— Ну, в таком случае, позвольте нам быть агентами по продаже ваших товаров, — в отчаянии воскликнул Гил. — Мы будем платить по текущим расценкам, мы заплатим вдвое больше этой суммы в фонд на благо города. Мы можем расчистить районы развалин, финансировать учреждения и развлечения.

Цехмейсте прожег его возмущенным взглядом.

— Вы пытаетесь обмануть меня? Как вы сможете столько сделать на доходы от продукции писцов?

— Не одних только писцов! На доходы от продукции всех Цехов!

— Предложение это заумное. А старый способ — испытанный и верный. Никто не становится финансово независимым, никакого самомнения и своеволия, всяк

старательно трудится, и нет никаких раздоров или жалоб. А как только мы введем новшества, то сразу уничтожим равновесие. Невозможно!

Цехмейстер взмахом руки велел им убираться. Обескураженные компаньоны покинули Цеховой Центр. Стоявшие поблизости агенты, скорее осторожные, чем таящиеся, наблюдали за ними с откровенным любопытством.

— И что теперь? — спросил Бонар Хеврискс.

— Мы можем попробовать прощупать другие важные Цеха. Если у нас ничего не выйдет, то, по крайней мере, сможем сказать, что приложили все силы.

Бонар Хеврискс согласился на это, и они продолжили путь к Синдикату Ювелиров, но, когда им удалось, наконец, добиться внимания Цехмейстера, они получили тот же ответ, что и раньше.

Цехмейстер Стеклодувов отказался с ними говорить, а в Цехах Лютнеделов им посоветовали обратиться к Конклаву Цехмейстеров, который должен был собраться лишь через восемь месяцев.

Цехмейстер Эмалировщиков, Фаянсо- и Фарфорodelов высунул голову в приемную ровно на такой срок, чтобы выслушать их предложение, сказал «Нет» — и убрался.

— Остается только Цех Резчиков по Дереву, — приуныл Гил. — Он, вероятно, самый влиятельный. Если мы и там получим отрицательный ответ, то вполне можем с тем же успехом возвращаться на Маастрихт.

Они прошли через Бард-сквер к длинному низкому зданию со знакомым фасадом. Гил решил, что он войти не смеет. Цехмейстер, хоть и не близкий знакомый, был человеком с острым глазом и отличной памятью. Пока Гил ждал на улице, Бонар зашел в кабинет один. Следовавшие за ними агенты Министерства, подошли к Гилу.

— Можно спросить, зачем вы навещаетесь к Цехмейстерам? Это кажется странным занятием для лиц, недавно прибывших на планету.

— Мы расспрашиваем о торговых возможностях, — коротко объяснил Гил. — «Буамаркский» лорд не пожелал к нам прислушаться, и мы решили попробовать прощупать Цеха.

— Гм-м. Министерство Соцобеспечения все равно не одобрит такой организации дела.

— Попытка не пытка.

— Да, конечно. Как называется ваша родная планета? Говорите вы почти как амброец.

— Маастрихт.

— В самом деле, Маастрихт.

Народ потянулся с наступлением вечера с работы к будке «овертренда». Мимо, толкаясь, проходили люди. Рядом пробежала вприпрыжку одна молодая женщина, а затем резко остановилась, обернулась и уставилась на Гила. Тот отвернулся. Женщина вытянула шею, приглядываясь к лицу Гила.

— Да это же Гил Тарвок! — каркнула Геди Энстрат. — Чего это ты делаешь в этом диковинном костюме?

Агенты Министерства разом подались вперед.

— Гил Тарвок? — воскликнул один. — Где же я слышал это имя?

— Вы ошиблись, — сказал Гил Геди.

Геди отступила, разинув рот.

— Я и забыла. Гил Тарвок скрылся вместе с Нионом и Флоризэлем... Ой! — Она захлопнула рот ладонью и попятилась.

— Минуточку, пожалуйста, — вмешался тот же агент Министерства. — Кто такой Гил Тарвок? Вас так зовут, сударь?

— Нет-нет. Конечно, нет!

— А вот и неправда! — завизжала Геди. — Ты — подлый пират, убийца. Ты тот самый страшный Гил Тарвок!

В Министерстве Соцобеспечения Гила вытолкнули под пресветлые очи «Клиники Общественных Трудных Проблем». Члены ее, сидевшие в длинном боксе за железными столами, изучали его с ничего не выражающими лицами.

— Вы — Гил Тарвок.

— Вы видели мои документы.

— Вас опознали Геди Энстрат, агент Министерства Соцобеспечения Скут Кобол, а также другие лица.

— Тогда, как вам угодно. Я — Гил Тарвок.

Дверь открылась. В комнату вошел лорд Фантон «Овертренд». Приблизившись, он пристально посмотрел в лицо Гилу.

— Это один из них.

— Вы признаетесь в пиратстве и убийстве? — спросил Гила председатель «Клиники Общественных Трудных Проблем».

— Признаюсь в конфискации корабля лорда Фантона.

— Конфискации? Претенциозное слово.

— Я действовал не из низменных побуждений. Я собирался узнать правду относительно легенды об Эмфирионе. Эмфирион — это великий герой. Эта правда вдохновила бы народ Амбрия, который остро нуждается в правде.

— Это к делу не относится. Вас обвиняют в пиратстве и убийстве.

— Никакого убийства я не совершал. Спросите у лорда Фантона.

— Было убито четверо гаррионов, — произнес безжалостным голосом лорд Фантон, — не знаю кем именно из пиратов. Тарвок украл мои деньги. Мы совершали ужасный переход по степи, при котором леди Ясинту пожрал зверь, а лорд Илсет был отравлен. Тарвок не может избежать ответственности за их смерть. И, наконец, он оставил нас, застрявшими в какой-то убогой деревушке без единого чека. Нам пришлось пойти на самые неприятные компромиссы, прежде чем мы добрались до цивилизации.

— Это правда? — спросил у Гила председатель.

— Я несколько раз спасал этих лордов и леди от рабства и смерти.

— Но первоначально в это тягостное положение их поставили вы?

— Да.

— Больше ничего говорить не требуется. В перестройке отказано. Вы приговорены к вечному изгнанию из Амбрия, в Боредел. Изгнание будет произведено немедленно.

Гила отвели в камеру. Прошел час. Дверь открылась. Агент сделал ему знак выходить.

— Идем. Тебя хотят допросить лорды.

Двое гаррионов отконвоировали Гила. Его засунули во флиттер и доставили по воздуху в Вашмонт. Флиттер опустился к высокому замку и сел на крытой голубой плиткой террасе. Гила отвели в замок.

Одежду с него сняли. Его совершенно голым привели в высокое помещение на вершине многоэтажки. В помещение вошли трое лордов: Фантон «Овертренд», Фрей «Андерлайн» и Великий Лорд Дугалд «Буамарк».

— Натворили вы дел вдоволь, молодой человек, — сказал Дугалд. — Что именно вы задумали?

— Нарушить торговую монополию, которая удушает народ Амброя.

— Понятно. А что это за истерическая болтовня об Эмфирионе?

— Я интересуюсь этой легендой. Она имеет для меня особое значение!

— Бросьте, бросьте! — потребовал с удивительной резкостью Дугалд. — Это не может быть правдой! Мы требуем, чтобы вы сказали откровенно!

— Да как я могу чего-то с собой поделывать, чтобы говорить что-то, кроме правды? — спросил Гил. — Или что-либо, кроме неправды, если уж на то пошло?

— Ты подвижен, как ртути! — разбушевался Дугалд. — Предупреждаю тебя, с нами ты не поувиливаешь! Расскажи нам все, или мы будем вынуждены обработать тебя так, чтобы ты ничего не мог с собой поделывать!

— Я сказал правду. Почему вы мне не верите?

— Ты знаешь, почему мы тебе не верим! — И Дугалд сделал знак гаррионам. Те схватили Гила и поволокли его через узкую трапезиевидную дверь в длинную комнату. Там они усадили его в тяжелое кресло, зажав руки и ноги так, что он не смог пошевелиться.

— А теперь приступим к обработке, — сказал Дугалд.

Допрос закончился. Дугалд сидел, широко расставив ноги, уперевшись взглядом в пол. Фрей и Фантон стояли по другую сторону комнаты, старательно избе-

гая смотреть друг другу в глаза. Внезапно Дугалд повернулся и пристально взглянул на них.

— Все, что вы здесь услышали, все, о чем вы догадались, все, что вы хотя бы предположили, должно быть забыто. Эмфирион — миф. Да и этот юный несостоявшийся кандидат в Эмфирионы скоро будет меньше, чем мифом. — Он подал знак гаррионам. — Верните его Министерству Соцобеспечения. Порекомендуйте произвести изгнание немедленно.

Черный аэрофургон ждал на задворках Министерства Соцобеспечения. Одетого лишь в белый балахон Гила вывели и засунули в аэромобиль. Входной порт с лязгом закрылся. Аэромобиль завибрировал, взлетел и устремился на север. Вскоре он совершил посадку около бетонной стены, отмечавшей границу Боредела. Между двух вспомогательных стен шла кирпичная дорога, ведущая к отверстию в пограничной стене. Точную границу Фортинана-Боредела отмечала пятисантиметровая полоса белой краски. Непосредственно за полосой отверстие было заткнуто бетонной пробкой, замызганной и заляпанной отвратительными пятнами тускло-коричневого цвета.

Гила схватили и вытолкнули на кирпичную дорогу, между стен, ведущих к границе. Агент Министерства нахлобучил традиционную черную широкополую шляпу и напыщенным голосом зачитал указ об изгнании:

— Изыди из нашей нежно любимой страны, о злой человек, причинивший, как доказано, великое зло! Великий Финука запретил убивать по всему Космическому Царству. Благодарю же Финуку за дарованную тебе милость, большую, чем проявил ты к своим жертвам! Отныне ты изгоняешься навечно и на все времена с территории Фортинана в страну Боредел. Желаешь ли ты отпрыгать отходной ритуал?

— Нет, — хрипло ответил Гил.

— Ступай же тогда, как можешь, ступай себе с Финукой в страну Боредел!

Гил встал, прислоняясь спиной к поршню, уперевшись ногами в крошащийся кирпич. Поршень толкнул его вперед. Восемнадцать метров до границы. На доро-

гу упал луч солнечного света, обрисовывая неровные края кирпича, обрамляя бетонную пробку черной тенью.

Гил уставился на кирпичи. Он побежал вперед, дернул на себя один кирпич, затем другой, до тех пор, пока не обломал ногти и не содрал кожу с пальцев. К тому времени, когда он нашел непрочно державшийся кирпич, поршень оставил ему всего двенадцать метров дороги. Но после того, как вышел первый кирпич, другие пошли без труда. Он бросился перетаскивать кирпичи к стене, сложил их в груды и побежал обратно за новыми.

Кирпичи, кирпичи, кирпичи: в голове у Гила стучало, он тяжело дышал и сопел. Девять метров дороги, шесть метров, три метра. Гил вскарабкался на груды кирпичей, они рухнули под ним. Он лихорадочно стал снова складывать их. Снова вверх и когда груды поддалась под ним, он забрался на верх стены. Поршень уткнулся в кирпичи. Хруст, треск: кирпичи спрессовало в крошащийся красный кекс.

Гил лежал, распластавшись, на стене, скрытый стенами по обеим сторонам дороги и поршнем, готовый свалиться на территорию Боредела, если агенты Министерства сочтут нужным проследить за исполнением указа.

Гил лежал, распластавшись, словно рыба-прилипла. Солнце скрылось за облаками, закат сделался мрачной картиной из темно-желтых и водянисто-коричневых цветов. Из пустыни налетел холодный ветерок.

Гил не слышал ни звука. Механизм поршня умолк. Агенты Министерства отбыли. Гил осторожно поднялся на колени и осмотрелся. Боредел на севере утопал в темноте. На юге мерцало несколько далеких огоньков.

Гил поднялся на ноги и постоял, покачиваясь. Аэромобиль улетел. Гил посмотрел на юг в сторону Амброя, где в сорока милях отсюда было его единственное убежище — «Града».

Убежище? Гил хрипло рассмеялся. Ему требовалось нечто большее, чем убежище. Ему требовалась мсть: воздаяние за долгие годы обмана, злобы, печали, растраченных понапрасну жизнью. Он спрыгнул на землю и двинулся на юг через поросшую кустарником пу-

стошь к огням деревни. Ноги его, сперва обмякшие, вновь обрели прежнюю силу.

Он подошел к огороженному пастбищу, где степенно расхаживали взад-вперед билoa. Было известно, что в темноте билoa, если их возбудить, нападали на людей. Гил обошел пастбище стороной и вскоре вышел к незамощенной дороге.

На краю села он остановился. Белый балахон делал его приметным: если его увидят, то сразу признают и вызовут местного агента Министерства... Гил, крадучись, двинулся, переходя из тени в тень, по боковой дорожке и к задворкам сельской пивной. Упав на четвереньки, он прополз по периферии туда, где дородный господин повесил на ограду свой бежево-черный плащ. Пока он завязывал разговор с барменшей, Гил взял плащ и, отступив под деревья, набросил его на плечи и натянул на голову капюшон, чтобы скрыть свою дейллайскую стрижку. По другую сторону площади он заметил станцию «овертренда» с уходящим на юг бетонным рельсом.

Надеясь, что дородный господин не сразу заметит пропажу своего плаща, Гил торопливо зашагал к станции.

Три минуты спустя, прибыл вагончик. Бросив последний взгляд через плечо в сторону пивной под открытым небом, Гил шагнул в вагончик и унесся на юг. Миля за милей, миля за милей: в Вальс и Батру, а затем Элсен и Годеро. Вагончик остновился. Гил шагнул прямо из него на движущийся тротуар, отвезший его к эскалатору на космовокзал. Он снова откинул капюшон украденного плаща и двинулся решительной поступью к северному турникету. Навстречу ему шагнул дежурный.

— Документы, сударь?

— Я их потерял, — соврал Гил, стараясь говорить с дейллайским акцентом. — Я с «Грады» — вон с того корабля. — Он наклонился над журналом регистрации. — Вот моя подпись: Тал Ганн. Вот этот чиновник, — Гил указал на стоявшего поблизости клерка, — пропускал меня через турникет.

Охранник повернулся к указанному клерку.

— Верно?

— Верно.

— Будьте, пожалуйста, поосторожней со своими документами, сударь. Ими может злоупотребить для преступных целей какая-нибудь неразборчивая в средствах личность.

Гил величественно кивнул и двинулся широким шагом на взлетное поле. Пять минут спустя, он был уже на борту «Грады».

Бонар Хеврискс пораженно смотрел на него.

— Я сильно тревожился! Думал, что никогда больше тебя не увижу!

— День у меня выдался страшный. В живых остался лишь случайно.— Он рассказал Хеврисксу о своих приключениях, и тот, глядя на него, дивился произошедшим всего за один день переменам. Щеки у Гила ввалились, глаза горели, доверчивость и надежду своей юности он навеки оставил в прошлом.

— Ну, в таком случае, пора домой. Не солоно хлебавши, но хоть шкуры свои сбережем.

— Не так быстро,— остановил его Гил.— Мы прилетели сюда заниматься товарообменом. И мы займемся им!

— Вы ведь наверняка это не всерьез? — требовательно осведомился Хеврискс.

— Кое-что все еще может оказаться возможным,— сказал Гил. Он подошел к своему шкафчику, сбросил белый балахон, надел темные дейллайские брюки, облегающую темную рубашку.

Бонар Хеврискс озадаченно наблюдал за его действиями.

— Мы ведь не собираемся снова отправиться в город, на ночь глядя?

— Я, а не ты. Надеюсь, кое-что организовать.

— Но почему не подождать до завтра? — нажаловался Бонар Хеврискс.

— Завтра будет слишком поздно,— покачал головой Гил.— Завтра я снова буду спокойным, буду разумным, не буду отчаянным и злым.

Бонар Хеврискс не ответил. Гил прихватил рулон клейкой ленты и надел на обритую голову темный берет.

— Возможно, меня не будет два часа. Если к утру не вернусь, вам лучше улетать.

— Все это очень хорошо, но чем ты собираешься заниматься?

— Товарообменом. Того или иного рода.

Гил покинул корабль. Вернувшись к турникету, он подвергся вялому обыску на предмет выявления контрабанды и получил новое разрешение на побывку в городе.

— Будьте повнимательней, — напутствовали его таможенники. — И остерегайтесь девиц в тавернах. Они будут приставать, а утром проснетесь с кислым вкусом во рту и без единой монеты в кармане.

— Буду осторожен.

Гил снова отправился «овертрендом» в Ист-Таун. Он снова подошел к двенадцатигектарному участку, окружающему склад «Объединенных Цехов» и контору «Буамарка». Склад окружала темнота, за исключением света в сторожке охраны. В конторе «Буамарка» виднелся ряд освещенных окон. Пара прожекторов, по обеим сторонам, заливали светом участок, где днем работали грузовые лифты, загружая и разгружая аэрофургоны и грузовые платформы.

Стоя в тени сломанной сигнальной опоры, Гил изучал весь окруженный оградой участок. Ночь выдалась темная и влажная. К востоку лежали развалины. Далеко на юге виднелись в вышине несколько желтых огней высотных замков Вашмонта. Намного ближе он видел красно-зеленый отблеск местной таверны. На окруженном колючкой участке вокруг прожекторов клубился приползший с океана туман.

Гил начал обходить по краю участок и вскоре вышел к месту, где мокрая земля просела, образовав канаву и оставляя под проволокой узкий лаз. Гил упал на колени, увеличил лаз и вскоре смог прокатиться под проволокой.

Припадая к земле, скользя в темноте, он приблизился к конторе «Буамарка» с севера. Заглянув в окно, он увидел пустые комнаты. Освещения хватало, но ни единого звука и ни малейшего следа чьего-то присутствия.

Гил посмотрел по сторонам, отступил, обогнул здание, осторожно пробуя двери и окна, но, как он и ожидал, все они оказались запертыми. У восточного крыла строился небольшой флигель. Гил вскарабкался по новой кладке, а оттуда — на крышу. Прислушался. Ни звука.

Гил прокрался по крыше и вскоре нашел ненадежный вентилятор, который он отсоединил, и таким образом смог спрыгнуть в верхнее хранилище.

Он бесшумно спустился на нижний этаж и, наконец, заглянул в контору. От панелей исходило спокойное, ровное сияние. Он услышал тиканье какого-то автоматического инструмента. Помещение, как и раньше, оставалось пустым.

Гил по-быстрому обследовал его, беря на заметку различные двери, на случай, если ему понадобится спешно уходить. А затем, более уверенно, снова повернулся к загородке лорда Дугалда. Он заглянул за стол. Там лежала в своем гнезде печать. На столе были новые заявки, пока еще не утвержденные. Гил взял три из них и, подойдя к учетному механизму, попытался разгадать форму, кодировку и метод, с помощью которого отпечатывались заявки. А затем изучил показания приборов на автоматическом учетном калькуляторе.

Прошло время. Гил испробовал несколько простых заявок и, постоянно сверяясь с образцами форм и графиком оператора, приготовил заявку. Внимательно проверил ее. Насколько он видел, получилось идеально.

Он удалил свидетелства своей работы и положил на место образцы заявок. А затем, вынув из гнезда печать лорда Дугалда, утвердил заявку.

А теперь что же делать? Гил изучил записку, приклеенную к пульта компьютера: график времени выполнения заказа на новую продукцию и крайних сроков, и утвердился в своем предположении — заявка должна быть переправлена к диспетчеру на склад.

Гил покинул контору тем же путем, каким проник в нее, не посмея воспользоваться дверями из страха задействовать сигнализацию.

Стоя в тени, он посмотрел на склад, который окружала темнота, за исключением огней в сторожке караульных.

Гил подошел к складу с тыла, поднялся по пандусу к погрузочному доку и, крадучись, побежал к углу здания. Выглянув из-за него, он увидел поблизости будку, в которой сидело двое охранников. Один вязал, а другой раскачивался взад-вперед на стуле, положив ноги на полку.

Гил отступил, прошел вдоль погрузочной платформы, пробуя двери. Все были надежно заперты. Гил печально вздохнул. Найдя кусок полусгнившего дерева, он занял позицию и подождал. Прошло пятнадцать минут. Вязавший охранник взглянул на часы, поднялся, включил фонарь и что-то сказал товарищу. А затем двинулся в обход. И прошел мимо Гила, немелодично насвистывая сквозь зубы. Гил съежился в тени. Караульный остановился у двери, повозился с ключами и вставил один из них в замок.

Гил подкрался к нему сзади и ударил деревяшкой. Охранник рухнул, где стоял. Гил забрал его оружие, фонарь, связал ему руки и обмотал рот клейкой лентой.

Бросив последний взгляд по сторонам, он осторожно открыл дверь и вошел на темный склад. Посветил туда-сюда фонарем: повсюду тюки с товарами, ящики и коробки в отделах, помеченных: *Высший, Первый, Второй*. Кабинет диспетчера располагался сразу налево. Гил вошел, направил луч фонаря на стойки, на столы. Где-то он должен увидеть стопку жестких желтых листов... Вот, в комнатухе сбоку. Гил шагнул вперед и изучил заявки. Верхний лист был самым ранним, на нем стояло самое маленькое число. Гил удалил этот лист, вписал его число в собственную заявку и положил ее на стопку.

И побежал обратно к двери. Валявшийся караульный стонал, все еще не приходя в сознание. Гил затащил его на склад и приволок к груде ящиков. Сняв два ящика, уложил их на пол, около головы караульного, приведя остальные ящики в беспорядок. Вернув караульному фонарь, оружие и ключи, он снял с него путы и кляп в виде клейкой ленты и поспешно удалился.

Три четверти часа спустя Гил снова находился на борту «Грады», застав Бонара Хеврискса взвинченным от беспокойства.

— Тебя так долго не было! Чего ты достиг?

— Почти всего! Или, во всяком случае, надеюсь на это. Утром узнаем.— И Гил, торжествуя, объяснил свой план.— Весь высший сорт! И запас высшего! Я заказал самые отборные товары на складе! Лучшие из лучших! Ах, какую шутку удалось сыграть с лордом Дугалдом!

Хеврискс выслушал его, ошеломленный до крайности.

— А риск? Что, если подмену заметят?

Гил беззаботно взмахнул руками.

— Немыслимо! Но все же — нам желательно быть готовыми сваливать, и сваливать тотчас же! На это я согласен.

— За всю свою жизнь я не украл ни одного медяка! — воскликнул расстроенный Бонар Хеврискс.— И не буду красть сейчас!

— Мы не ворует! Мы берем — и платим!

— Но когда? И кому?

— В должное время. Тем, кто примет наши деньги.

Бонар бессильно опустил в кресло, устало помассировал лоб.

— Что-нибудь да выйдет не так. Вот увидишь! Невозможно украсть...

— Извини: совершить товаоробмен.

— Украсть, позаимствовать, слямзить, как там ни назови, с такой легкостью.

— Посмотрим! Если все пройдет как надо, то грузовые платформы придут вскоре после восхода.

— А если все пойдет не как надо?

— Как я сказал, будь готов сваливать!

Ночь миновала. Наконец наступил рассвет. Гил с Бонаром Хеврисксом ждали, мучаясь неизвестностью, либо заполненных товарами грузовых платформ, либо черных пятиколесных машин агентов.

Через час после рассвета по погрузочной лесенке поднялся портовой служащий.

— Эгей, там, на борту «Грады»!

— Да-да? — откликнулся Бонар Хеврискс.— Что такое?

— Вы ожидаете груза?

— Конечно.

— Ну, тогда, откройте люки, приготовьтесь складывать. Мы здесь, в Амброе, любим работать быстро и не тратя лишних сил.

— Как скажете.

Десять минут спустя около «Грады» остановилась первая из грузовых платформ.

— Должно быть, вы птицы высокого полета, — сказал водитель. — Сплошь высший сорт и резерв высшего сорта!

В ответ Бонар Хеврискс лишь издал какой-то неопределенный звук.

Всего к «Граде» подкатило шесть грузовых платформ. Водитель шестой из них заметил:

— Вы сметаете у нас весь высший сорт. Никогда не видел такого груза. На складе все дивятся такому чуду.

— Всего лишь еще одна партия, — сказал Гил. — У нас все набито под завязку. Больше ничего не привозите.

— Немного же еще найдется, чего привезти, — пробурчал водитель. — Ну, тогда, подпишите накладную.

Гил взял счет-фактуру и, поддавшись внезапной прихоти, нацарапал поперек документа «Эмфирион».

Бонар Хеврискс скомандовал экипажу:

— Задраить люки! Взлетаем!

— И как раз вовремя, — добавил Гил, показывая. — Вон мчатся агенты.

«Града» взмыла в небо, а на посадочном поле внизу стояла, глядя им вслед, повыскакивавшая из своих черных машин дюжина агентов.

Амброй внизу превратился в ничто. Донна стала сферой. Дамар, хмурый и лилово-коричневый, отвалил в сторону. Реактивные двигатели завывали еще нутужней. «Града» перешла на космопривод.

Джодел Хеврискс был поражен качеством и количеством груза.

— Это не товар, это — сокровище!

— Он представляет собой накопленное за много веков, — подтвердил Гил. — Все изделия высшего сорта. Обратите внимание на эту ширму «Крылатое Суще-

ство» — последняя ширма, которую вырезал мой отец. Я отполировал и навошил ее после его смерти.

— Отложите ее в сторону, — предложил Джодел Хеврискс. — Сохраните ее для своих.

Гил мрачно покачал головой.

— Продайте ее вместе с остальными. Она навевает мне меланхолические мысли.

— У вас когда-нибудь будет сын. Разве эта ширма не стала бы для него отличным подарком?

— Если такое маловероятное событие когда-нибудь произойдет.

— Тогда эта ширма — ваша, и будет храниться у меня дома, пока она вам не понадобится.

— А, ладно. Кто знает, что там ожидает в будущем?

— Остальной груз мы отвезем на Землю. Зачем мелочиться, связываясь с провинциальными рынками? А на Земле — огромные состояния, древние дворцы. Мы привлечем деньги ценителей. Для Цехов Амбрия будет зарезервирована определенная сумма. Мы вычтем путевые расходы. Остальное будет разделено на три части. Богатство ждет нас всех! Вы станете-таки финансово независимым, Гил Тарвок!

Глава 19

Всю свою жизнь Гил Тарвок слышал рассуждения о происхождении человека. Некоторые заявляли, что родиной человечества была Земля, еще одна группа склонялась к мысли, что ею был Триптолем; другие указывали на Аменаро, единственную планету Денеб Кайтоса; а кое-кто доказывал, будто произошло спонтанное воспроизводство от плавающей по Вселенной массы спор.

Джодел Хеврискс живо разрешил сомнения Гила.

— Можешь быть уверен: исток человечества — Земля! Все мы земляне, где бы мы ни родились!

Земная действительность во многом шла вразрез с предвзятыми представлениями Гила. Он-то думал обнаружить умирающий мир, утыканный разлагающимися развалинами горизонт, пламенеющий красный

глаз солнца, покрытые масляной пленкой и затхлые от многовековых сточных вод моря.

Но солнце тут оказалось теплым и желтым, во многом похожим на солнце Маастрихта, а моря выглядели куда более свежими, чем Глубокий Океан к западу от Фортиана.

Еще одним сюрпризом оказались жители Земли. Гил готовился столкнуться с усталым цинизмом, пресыщенной закатной апатией, эксцентричностью, утонченной искушенностью; и в этом отношении его ожидания в какой-то мере сбылись. Кое-какие встреченные им люди демонстрировали эти качества, но другие были такими же непринужденными и простыми, как дети. А иные ставили Гила в тупик своей горячностью, словно день был слишком короток для свершения всех их дел. Сидя с Джоделом Хевриском в расположенном прямо на улице кафе старого Кельна, Гил заговорил о своих обманутых ожиданиях.

— Все верно, — согласился Джодел Хевриск. — Другие города на других планетах достаточно космополитичны, но Земля — сама по себе Вселенная.

— Я думал, что увижу людей, которые будут казаться старыми, степенными, мудрыми. Некоторые, конечно, такими и кажутся. Но другие — ну, взгляните вон на того мужчину в зеленой замше. Глаза блестят, он посматривает по сторонам так, словно видит все в первый раз. Конечно, это может быть инопланетянин, вроде нас.

— Нет, это землянин, — уверенно определил Джодел Хевриск. — Не спрашивайте меня, откуда я знаю, не могу объяснить. Это вопрос стиля, мелких признаков, выдающих происхождение человека. Что же до его неутомленного вида, то социологи утверждают, что материальное благополучие и психическая уравновешенность обратно пропорциональны. У варваров нет времени ни для идеализма, ни для психоза. Однако, жители Земли интересуются «оправданием своего существования» и «реализацией своих возможностей», и некоторые, такие, как тот мужчина в зеленой замше, ударяются в крайности. Но вариаций тут не счесть. Некоторые посвящают всю свою энергию неосуществимым

проектам. Другие замыкаются в себе, становясь сибаритами, сластолюбцами, знатоками прекрасного, коллекционерами, эстетами. Или же сосредоточиваются на изучении какой-то эзотерической дисциплины. Само собой, есть и многочисленные обыкновенные люди, но их почему-то никогда не замечают, и они служат только для усиления контраста. Но, впрочем, если вы пробудете какое-то время на Земле, то сами откроете для себя многое.

Груз «Грады» распродали, и с большой прибылью. В Триполи Гил расстался с Джоделом и Бонаром Хеврисками. Он пообещал когда-нибудь вернуться в Дейллай.

— В тот день, — сказал ему Джодел Хеврискс, — мой дом будет твоим домом. И никогда не забывай, что я храню для тебя твою чудесную ширму «Крылатое Существо».

— Не забуду. Ну, а сейчас — до свидания!

— До свидания, Гил Тарвок!

С безотчетной печалью Гил наблюдал за тем, как «Града» поднимается в открытом всем ветрам голубом африканском небе. Но, когда корабль, наконец, уменьшился до точки и исчез, настроение у него быстро поднялось: бывает и куда худшая судьба, чем гулять по Земле с эквивалентом миллиона ваучеров в кошельке! Гил подумал о своем детстве: нереальном времени, подернутом золотистой дымкой. Как часто они с Флориэлем лежали среди желтой травы на Дункумских высотах, болтая о путешествиях и финансовой независимости! Оба различным образом достигли того, к чему стремились. Гил гадал, где же скитался теперь Флориэль, и жив ли он или же умер... Бедный Флориэль! — подумал Гил, пропасть так вот навсегда.

Целый месяц Гил бродил по Земле, изучая небоскребы Америки и подводные города Большого Барьерного Рифа, огромные заповедники, над которыми не разрешалось пролетать на аэромобилях. Он посетил восстановленные древние города Афины, Вавилон, Мемфис, средневековые Брюгге, Венецию, Регенсбург. И на всем лежал, зачастую легкий, но иногда такой

тяжелый, что просто угнетало, груз истории. Каждый мелкий участок Земли дышал воспоминаниями о миллионе трагедий, миллионе триумфов, о рождениях и смертях, обманах, поцелуях, пролитой крови, песнях, заклинаниях, боевых кличах, безумствах. Земля пахла древними событиями. Привидения бродили в покоях старых дворцов, в горах Кавказа, на вересковых пустошах и моховых болотах Севера.

Гил начал верить, что жители Земли поглощены мыслями о прошлом. Теория эта продкреплялась существованием Исторического Института, который заносил в анналы, сжато излагал, систематизировал все обрывки фактов, имеющих отношение к происхождению и развитию человека... Исторический Институт! В скором времени он наведается в штаб-квартиру Института в Лондоне, хотя по какой-то причине, докапываться до истоков которой ему не хотелось, он не очень-то спешил туда съездить.

В Санкт-Петербурге он повстречал молоденькую и стройную белокурую норвежку по имени Флора Эйландер, которая иной раз напоминала ему Шанну. Некоторое время они путешествовали вместе, и она указывала ему на те стороны жизни Земли, которых он раньше не замечал. Особенно она насмеялась над его теорией, что жители Земли поглощены мыслями о прошлом.

— Нет, нет, нет! — твердила она ему с уморительным акцентом. — Ты не уловил самую суть! Нас интересует душа событий, истинная сущность!

Гил не мог быть уверен, что ясно понял ее толкование, но в этом уже не было ничего нового. Люди Земли часто сбивали его с толку. При каждом разговоре он чувствовал тысячу тонкостей и косвенных намеков, состояние ума, который ценил невысказанное ничуть не меньше, чем высказанное.

Гил стал сердиться на себя и ссориться с Флорой, которая усугубляла положение своей снисходительностью.

— Ты должен помнить, что мы познали все, испробовали все муки и восторги. Поэтому вполне естественно, что...

Гил резко рассмеялся.

— Чушь! Ты когда-нибудь знала горе или страх? Ты когда-нибудь угоняла космояхту и убивала гаррионов? Ты убегала от поршня, который должен был превратить тебя в кровавую лепешку? Видела Окружной Бал в Григлсби-Корнерс, куда слетались похожие в своих чудесных маскарадных костюмах на волшебников лорды и леди? Или спотыкалась, пытаясь отпрыгать ритуал в Храме Финуки? Или глядела, мечтая, с Грабленных гор на древний Фортиан?

— Нет, конечно. Я ничего такого не делала,— и, окинув его долгим, медленным, изучающим взглядом, Флора ничего больше не сказала.

Еще месяц они беспорядочно переезжали с места на место: В Абиссинию — рай алоэ, асфальта и древней пыли; на Сардинию с ее оливковыми рощами и асфальтами; в туман и мрак готического Севера.

Однажды в Дублине Гил наткнулся на афишу, при виде которой замер и встал как вкопанный:

**ОРИГИНАЛЬНЫЕ
БРОДЯЧИЕ АРТИСТЫ «ФРАМТРИ»
ЧУДЕСНАЯ ТРАНС-ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ФЕЕРИЯ!
УСЛЫШИТЕ ЖУТКИЕ ВОПЛИ
МОПТЕ-ВАКХАНИДОВ!
ПОГЛАЗЕЙТЕ НА УЖИМКИ
МАРИОНЕТОК ХОЛКЕРВОЙДА!
ПОЧУВСТВУЙТЕ ПОДЛИННЫЕ АРОМАТЫ ДВУХ
ДЮЖИН ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ!
И МНОГОЕ ДРУГОЕ! МНОГОЕ ДРУГОЕ!
В ПАРКЕ КАСТЕЙН, ВСЕГО СЕМЬ ДНЕЙ!**

Флору это не заинтересовало, но Гил настоял, чтобы они немедленно отправились в парк Кастейн, и на сей раз в тупик была поставлена Флора. Гил сказал ей лишь, что он видел это шоу в детстве. Ничего большего он ей сказать и не мог.

Рядом с рощей гигантских дубов Гил обнаружил те же броские панели, те же афиши и те же звуки и крики продавцов, какие узнал в детстве. Он отыскал «Театр Марионеток Холкервойда» и терпеливо выси- дел не очень забавное ревью. Марионетки пищали и

выделывали антраша, выводили трели, распевая песни на злобу дня, карикатурно изображали местных деятелей, а затем группа кукол, одетых, как Полишинель, исполнила серию фарсов.

После представления, оставив на месте скучающую, но снисходительную Флору, Гил подошел к занавеске сбоку от сцены, она могла быть той самой, и он невольно оглянулся через плечо туда, где наверняка должен сидеть его отец. Он медленно отдернул в сторону занавеску, а там сидел, словно не сдвинувшись за все эти годы, Кукловод Холкервойд, чинивший какой-то реквизит.

Кукловод постарел. Кожа его сделалась восковой, губы растянулись, зубы казались желтыми и торчащими, но зрение оставалось таким же острым, как и всегда. Завидев Гила, он прервал работу и чуть склонил голову набок.

— Да, сударь?

— Мы уже встречались.

— Я это знаю,— Кукловод отвел взгляд, потирая узловатым пальцем нос.— Я видел столько народу. Побывал в стольких местах: привести все в порядок — непростая задача... Давайте-ка посмотрим. Мы встречались давным-давно, на далекой планете, в той канаве на краю Вселенной. На Донне. Она висит под зеленой луной Даммар, где я покупаю своих марионеток.

— Как вы можете помнить? Я же был совсем мальчишкой.

Кукловод улыбнулся, покачав головой.

— Вы были серьезным пареньком, озадаченным тем, куда движется мир. Вы пришли с отцом. Что с ним случилось?

— Умер.

Кукловод, не удивившись, кивнул.

— А как вам живется? Вы далеко от Амброя.

— Живется мне довольно неплохо. Но есть один вопрос, который тревожит меня до сего дня. Вы представляли на сцене легенду об Эмфирионе. И того актера-марионетку казнили.

Кукловод пожал плечами и вернулся к починке реквизита.

— Марионетки живут не вечно. Они начинают сознавать существование окружающего мира, начинают чувствовать себя настоящими. И тогда они, считай, испорчены и должны быть уничтожены, пока не заразили всю труппу.

— Надо полагать, марионетки дешевы, — поморщился Гил.

— Достаточно дешевы. Даммаряне — торговцы искусные, холодные, как сталь. Как они обожают звон валюты! Себе во благо! Они живут во дворцах, тогда как я сплю на раскладушке, вздрагивая от случайных звуков, — Кукловод разволновался. — Пусть снизят цены, а сами поменьше купаются в роскоши! Они глухи к моим увещаниям. Хотите снова посмотреть Эмфириона? У меня есть один актер-марионетка, который вот-вот испортится. Уж я его предупреждал и бранил, но все равно постоянно обнаруживаю, что он смотрит за огни рампы на зрителей.

— Нет, — Гил попятился к занавеске.

— Ну, тогда я вторично прощаюсь с вами.

Кукловод небрежно махнул на прощанье.

— Возможно, мы еще встретимся вновь, хотя подозреваю, что нет. Годы проходят быстро. Однажды утром меня обнаружат лежащим, окоченевшим, с лазающими по мне, заглядывающими мне в рот, щиплющими меня за уши марионетками...

Вернувшись в отель «Черный Лебедь», Гил и Флора сидели в баре. Флора сделала несколько попыток завязать разговор, но мысли Гила блуждали где-то далеко, за Мирабилисом, и он отделялся односложными ответами. Глядя на вино, он видел дом с узким фасадом на площади Андл. Слышал тихий голос Амианта, негромкое поскребывание стамесок по дереву. Чувствовал бледный свет амбройского солнца, туман, накатывающийся через илистые отмели в устье Инесы; вспоминал запахи доков Нобиля и Фульгера, остовы многоэтажек Вашингтона, рассыпающиеся внизу развалины.

Ги́ла охватила тоска по дому, хотя Амброй и не мог больше считаться домом. Размышляя об унижении и

бесполезной смерти Амианта, Гил ощутил такую горечь, что опрокинул в глотку весь бокал вина. Графин опустел. Чувствуя настроение Гила, официант в белом переднике поспешил принести новый графин.

Флора встала из-за стола, посмотрела секунду-другую на Гила, а затем неторопливо покинула бар.

Гил подумал о своем изгнании, о надвигающемся поршне, раздавленных кирпичах, о часе, который он пролежал на стене в то время, как вокруг него сгустились печальные сумерки. Наверное, он заслуживал наказания. Нельзя отрицать, что он похитил космическую яхту. И все же, разве это реступление не было оправданным? Разве лорды не использовали «Буамарк» или кооператив «Турибль» для обмана получателей? Гил предавался мрачным думам и потягивал вино, гадая, как же лучше всего распространить добытые им знания среди получателей. Вскоре он прикончил бутылку и поднялся в свой номер. Флоры там не оказалось. Гил пожал плечами. Он ее никогда больше не увидит, уж это он знал. Наверное, оно и к лучшему.

На следующий день он переправился через Ирландский пролив в древний Лондон. Теперь, наконец, он наведается в Исторический Институт.

Но подступиться к Историческому Институту оказалось не так-то легко. Обращенные к телеэкрану «Справки» вопросы Гила наткнулись сперва на вежливую уклончивость, а потом на рекомендацию совершить экскурсию по Оксфордскому и Кембриджскому университетам. Когда Гил продолжал настаивать, его отослали в «Бюро Мер и Весов», которое отфутболило его в «Данди-Хауз». Это заведение оказалось штаб-квартирой какой-то разведслужбы, задач которой Гил так полностью и не понял. Какой-то клерк вежливо осведомился по какой причине его интересует Исторический Институт, после чего Гил, сдерживая нетерпение, упомянул легенду об Эмфирионе.

Клерк, златовласый молодой человек с завитыми усами, отвернулся и произнес несколько негромких слов, говоря вроде бы с пустым воздухом, а затем выслушал ответ этого самого воздуха. И снова повернулся к Гилу.

— Если вы останетесь в своем отеле, то агент Института вскоре свяжется с вами.

Через час с ним встретился некрасивый коротышка в черном костюме и сером плаще: Арвин Ролус, суб-директор «Мифологических Исследований» при Институте.

— Как я понимаю, вы интересуетесь легендой об Эмфирионе.

— Да, — подтвердил Гил. — Но сперва объясните мне, для чего столько таинственности и секретности?

Ролус хохотнул, и Гил увидел, что на самом-то деле тот, в конце-концов, не так уж и безобразен.

— Эта ситуация может казаться экстравагантной. Но Исторический Институт собирает великое множество секретных сведений. Задачей Института это, как вы понимаете, не является: мы ученые. И все же, время от времени мы оказываемся в состоянии разрешить трудности людей, занимающихся более активной деятельностью, — он окинул Гила оценивающим взглядом с головы до пят. — И когда заявляется инопланетник, расспрашивающий об Институте, власти гарантируют, что он не собирается подложить бомбу под это учреждение.

— Такой опасности нет, — заверил его Гил. — Мне нужна информация, не больше.

— Какая именно информация?

Гил вручил ему фрагмент из папки Амианта. Ролус без видимых затруднений прочел неразборчивые древние буквы.

— Ну и ну, действительно. Интересно. И теперь вы хотите выяснить, что же произошло? Чем, так сказать, закончилась повесть?

— Да.

— Можно спросить почему?

— Ну и подозрительный народ, эти земляне! — подумал Гил.

— Половину этой легенды я знал с детства, — сообщил он. — И пообещал себе, что если я когда-нибудь смогу узнать остальное, то так и сделаю.

— И это единственная причина?

— Не совсем.

Ролус не стал дальше углубляться в этот вопрос.

— Ваша родная планета называется... — он поднял кустистые седые брови.

— Донна. Это мир за скоплением Мирабилис.

— Донна. Отдаленный мир... Ну, наверное, я смогу удовлетворить ваше любопытство, — он повернулся к настенному экрану, и постучал кончиками пальцев, проецируя кодированный сигнал. В ответ на него по экрану потянулись ссылки, одну из которых и избрал Ролус.

— Вот, — сказал он, — полная хроника, написанная неизвестным автором мира Доом, или, как говорят некоторые, Дом, примерно две тысячи лет назад.

На экране появился текст, отпечатанный на архаическом. Первые несколько абзацев были такими же, как во фрагменте Гила, а затем:

«В Катадемноне сидели не имеющие ушей, дабы слышать, кои не обладали никакими душами и не знали ни покоя, ни товарищества. Они подняли тревогу и размахивали зелеными вымпелами. Эмфирион призывал к братству, но, не имея ушей, дабы слышать отвратив взоры, никто не мог понять, и они замахали голубыми вымпелами. Эмфирион взывал к доброте, коя отличала человека от чудовища, или, за неимением оной, к милосердию. Они же растоптали Скрижаль правды и махали красными вымпелами. А затем они высоко подняли Эмфириона на вытянутых руках и держали его высоко у стены, и вогнали ему в череп огромный гвоздь, дабы висел он на стене Катадемнона. Когда же все смотрящие увидели, какова судьба человека, который говорил правду, его забрали вниз и под балку, где прибили его, и там в крипте своем они заточили его навеки!

Но в чем же состояла их выгода?

Кто был жертвой?

На планете Доом, или Дом, чудища с Сигила не опустошали больше страну. Они смотрели глаза в глаза и спрашивали:

— Это правда, как утверждает Эмфирион, что мы создания, для коих есть заря и закат, боль и избавление от боли? Зачем же тогда мы опустошаем страну?

Давайте сделаем свою жизнь хорошей, ибо никакой иной у нас нет,— и побросали они оружие свое и удалились в те места, кои были всего приятней для них, и сразу стали самым спокойным народом, так что все люди дивились их прежней свирепости.

Эмфирион погиб, призывая темных к обычаям человеческим, и чтобы те обуздали чудовищ, порожденных ими. Те же отказали ему, повесили его на стену на гвозде. Но чудовища, сперва бесчувственные, стали теперь благодаря правде самым спокойным из всех народов. Если здесь есть какой-то урок или мораль, то он неведом тому, кто пишет сию хронику».

Глава 20

Распечатанный лист с текстом выполз из стены. Ролус отдал его Гилу, который вторично прочел его, а потом присоединил к фрагменту Амианта.

— Тот мир, Доом — это Донна? А Сигил — луна Даммар?

Ролус вызвал на экран дальнейшую информацию, набранную незнакомым Гилу письмом.

— Доом — это Донна,— подтвердил он.— Мир со сложной историей. Вы знаете ее?

— Подозреваю, что нет,— сказал Гил с горечью.— Мы в Амброе очень мало что знаем. Действительно, очень мало.

Ролус читал с экрана, иной раз дополняя или делая вставки. За две или три тысячи лет до Эмфириона, и задолго до появления людей, даммаряне учредили колонии на Донне, используя космические корабли, предоставленные расой звездных скитальцев. Но разразилась война, даммарян изгнали и вынудили вернуться на Даммар, где они придумали средство для уничтожения звездных скитальцев. Благодаря устройству своей системы производства потомства даммаряне были в состоянии дублировать любой генетический материал. Они решили произвести на свет армию непобедимых воинов, безжалостных и свирепых, которые разорвут в клочки звездных скитальцев. Они приготовили прото-

тип, а затем построили искусственные инкубаторы, чтобы производить этих созданий в больших количествах. Когда собралась целая армия, они отправили ее с Сигила, или Даммара, на планету. Но изолированные в своих пещерах, они отстали от эпохи на полтысячелетия. Звездные скитальцы исчезли неведомо куда, а на планету прибыли и завладели ею люди. Атака Даммара оказалась бессмыслицей. Вирваны — чтобы не оставлять чудовищ без названия — казались подобными чертям из ада. У них, как и у их прародителей, отсутствовал слух, и они общались посредством радиоволн. Эмфирион изобрел механизм, который переводил человеческие слова в вирванское излучение. Он был первым человеком, наладившим связь с захватчиками. Он заставил их осознать, что их агрессия бессмысленна, и они, не пожелав более воевать, удалились в горы. Поощренный своим успехом, Эмфирион отправился через пространство на Сигил, надеясь умиротворить тех, кто отрядил эту армию.

— Судьба Эмфириона точно не известна, — сказал Ролус. — Отчет, который вы только что прочли, утверждает, что даммаряне забили ему в голову гвоздь и убили его. Еще один источник заявляет, что Эмфирион договорился о перемирии и вернулся на Доом, где и стал первым лордом. Есть и другие сообщения, суть которых сводится к тому, что жители Сигила вечно держали Эмфириона в плену, сохраняя его в состоянии анабиоза. Ныне все изменилось. Даммаряне производят в своих инкубаторах живых марионеток и манекенов. Вирваны, покинутая раса, доживают свой век на склонах Грабленных гор. А люди таковы, какими вы их знаете.

Гил вздохнул. Так вот оно выходит: повесть рассказана. Фортинан, арена былых сражений, ныне был мирным краем. На Даммаре кукольники угождали туристам и разводили марионеток. А Эмфирион? Его судьба осталась неопределенной. Гил вспомнил детство и посещение Грабленных гор, когда он находил на тамошней топографии признаки древних кампаний. Оказывается, он был ближе к истине, чем мог когда-либо мечтать.

Арвин Ролус готовился уйти.

— Желаете узнать еще что-нибудь?

— А сейчас Институт собирает информацию с Донны? Из Фортинана?

— Да, конечно.

— У вас есть корреспондент в Амброе?

— Несколько.

— А кто они такие — это что, тайна?

— Конечно. Будь они известны, то могли оказаться под угрозой. От нас требуют оставаться в стороне от событий. Не все способны так поступать. Ваш отец, например.

Гил, повернувшись, уставился на Ролуса.

— Мой отец? Амиант Тарвок? Он был корреспондентом?

— Да. Много лет.

Гил отправился к хирургу-косметологу. Его нос сделали крючковатым, брови установили под новым углом. Татуировку у него на плече вывели, отпечатки языка, пальцев, ладоней и подошв изменили. Коже его придали тускло-оливково-бронзовый тон, волосы перекрасили в черный цвет.

В галантерейном магазине «Болл и Сыновья» Гил приоделся по земной моде и поразился, увидев свою голограмму. Кто бы связал этого изящного молодого светского щеголя с прежним бедным, измотанным Гилом Тарвоком?

Достать фиктивные удостоверения оказалось нелегко. Наконец, Гил позвонил в «Данди-Хауз» и вскоре его соединили с Арвином Ролусом.

Ролус сразу же узнал Гила, что вызвало у того раздражение и беспокойство. Гил высказал, что ему требовалось, но Ролус не проявил большой охоты помочь ему.

— Поймите, пожалуйста, положение Института. Мы исповедуем беспристрастие и невмешательство. Поэтому мы ведем анналы, анализируем, истолковываем — но не вмешиваемся и не пропагандируем. Если я как сотрудник Исторического Института окажу помощь в вашей интриге, то устрою вторжение Института в течение истории.

Гилу подумалось, что Ролус без надобности сделал ударение на одной из фраз.

— Я не хотел, чтобы это было официальным звонком,— поспешил уточнить Гил.— Просто думал обратиться к вам как к моему единственному знакомому на Земле, за каким-нибудь негласным советом.

— Понимаю,— молвил Ролус.— Ну, в таком случае...— он на миг задумался.— Конечно, я ничего не понимаю в этих делах. Но,— из стенной прорези в номере Гила выползла бумажка,— если вы позвоните по этому номеру, то кто-то, по меньшей мере, выслушает вас не поморщившись.

— У меня также есть к вам вопрос в вашем официальном качестве.

— Ладно тогда. Что это за вопрос?

— Где находится Катадемнон, где, на Даммаре?

Ролус живо кивнул, словно вопрос Гила ничуть не удивил его.

— Я поставлю вопрос в процессор. Информация вскоре доберется до вас, и гонорар за услугу будет добавлен к вашему итоговому счету отеля.

Десять минут спустя из прорези в стене выполз лист бумаги. Текст гласил:

**КАТАДЕМНОН, ЗАЛ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ
ДРЕВНЕГО СИГИЛА, НЫНЕ ИЗВЕСТНОГО
КАК ДАММАР — РАЗВАЛИНЫ В ГОРАХ
В ДЕСЯТИ МИЛЯХ К ЮГО-ЗАПАДУ
ОТ НЫНЕШНЕГО СТАРОГО ГОРОДА.**

В течение вечера Гил связался с человеком, чей номер предоставил Арвин Ролус. На следующий день он забрал новые документы и присвоил себе личность Хартвига Торна, гранда. Он сразу же взял билет до Даммара и в тот же вечер покинул Землю.

Глава 21

Даммар был жутковатым маленьким миром, в половину диаметра Донны, и двумя третями ее поверхностной силы тяжести. В полярных регионах раскинулись огромные болота, на средних широтах — горы и скалы

поразительных размеров, в жаркой зоне росли уникальные даммарские экваториальные густые заросли: путаница из колючек и «усиков» в десять миль шириной и, в иных местах, в полмили высотой. Из-за болот, скал, ущелий и этих зарослей было мало районов, удобных для обитания. Гарван, туристический центр, и Даммарский Старый Город, располагались на противоположных концах Большой Центральной Равнины, этого шрама, нанесенного касательным ударом метеора.

В Гарвине были отели, рестораны, бани, спортплощадки и, разумеется, театры марионеток. Артисты — марионетки — были особой породой: красивые маленькие существа полтора метра ростом, сильно отличающиеся от полуобезьян-бесенят, поставляемых таким, как Кукловод Холкервойд.

Сами даммаряне редко выходили из своих резиденций под холмами, на которые они тратили громадные состояния. Типичная резиденция представляла собой сложную систему покоев, затянутых мягкими серыми или перламутровыми тканями. За слоями газовой материи висели шары, испускавшие темно-лиловый и зеленый, как волнующееся море, свет. В редких случаях человека, которому даммаряне желали сделать приятное, или же заплатившего достаточно солидный гонорар, могли пригласить в резиденцию: визит предусматривал необыкновенный ритуал. Визитера мыли в бане щебечущие марионетки, обдавали его струями пара, закутывали с головы до пят в белый халат, надевали ему сандалии из белого фетра. Подвегнутый такой санобработке, он шел вдоль бесконечных панорам из занавесей и драпировок в гроты, увешанные колышущимися паутинами и газовыми тканями, через голубые и серо-зеленые огни и, наконец, выходил на поверхность, приведенный в трепет и озадаченный.

Прибыв в Гарван, Гил обосновался в одном из отелей «Старый Даммар»: скопище белых куполов и полусфер, с немногими маленькими окнами, размещенными, казалось, где попало. Ги́ла поселили в двух комнатах с куполами на разных уровнях, украшенных бледно-зелеными панелями, а полы устилал толстый черный ковер.

Покинув отель, Гил зашел в агентство экскурсий и путешествий. На затененном балконе стоял даммарянин, его глазные яблоки сверкали светящимися звездами: создание поменьше, помягче, погибче гарриона, но в остальном во многом такое же. На стоящем на стойке экране появились светящиеся буквы:

— Вы желать?

— Я хочу взять напрокат аэромобиль, — слова стали на экране подрагивающими формами, которые даммарянин прочел одним взглядом.

Пришел ответ:

— Это возможно, хотя и дорого. Тур по экскурсионной трубе стоит не больше и предпочтительней по части безопасности и люкс-комфорта.

— Несомненно, — согласился Гил. — Но я ученый одного земного университета. Я желаю взглянуть на ископаемые остатки. Мне хочется посетить фабрики по изготовлению марионеток и осмотреть древние развалины.

— Посещать фабрики по изготовлению марионеток не рекомендуется, ввиду деликатности процедур. Гостя не позабавит увиденное. Никаких представляющих интерес развалин у нас нет. Экскурсионная труба предоставит более ценную поездку и обойдется дешевле.

— Я предпочитаю взять напрокат аэромобиль.

— Вы должны внести залог, равный цене аэромобиля. Когда он вам понадобится?

— Завтра рано утром.

— Ваше имя?

— Хартвиг Торн.

— Завтра утром аэромобиль будет стоять позади отеля. Можете сейчас заплатить три тысячи сто стандартных валютных единиц. Три тысячи — залог. Он будет вам возвращен. Прокат аэромобиля — сто единиц в день.

Час-другой Гил погулял по городу. С наступлением вечера он расположился в кафе под открытым небом выпить импортированного из Фортиана пива. В небе проплывала Донна — огромный янтарный полудиск.

В кафе вошел мужчина, сопровождаемый женщиной. Мужчиной был Скут Кобол. Женщина, несомнен-

но, доводилась ему женой. Они прилетели на Даммар потратить свои накопленные ваучеры, как любые другие получатели. Скут Кобол взглянул на Гила, изучил взглядом его одежду по последней земной моде и что-то шепнул жене, которая окинула Гила таким же взглядом. А затем они посвятили все свое внимание меню. Гил, с кривой усмешкой, посмотрел на небо в сторону Донны.

Глава 21

Сутки на Даммаре длились недолго. Поужинав, Гил долго изучал карту Даммара. Он едва успел лечь, как небо начало светлеть.

Он поднялся с постели с ощущением судьбоносности сегодняшнего дня. Давным-давно Холкервойд провозгласил его «обреченным»: живущим под бременем рока. Он медленно оделся, сознавая этот груз. Казалось, что вся его жизнь была направлена именно к этому дню.

Аэромобиль ждал на платформе позади отеля. Он сел в машину, закрыл обтекатель, передвинул руль в удобное положение и закрепил его там. Проверил уровень энергии: аккумуляторы заряжены, он коснулся кнопки ВКЛ и потянул на себя руль. Машина поднялась в воздух. Гил плавно двинул руль вперед, накренил его назад: машина заскользила вверх по наклонной.

Покамест все шло хорошо. Гил направил машину выше, над горами. Далеко на юге располагались экваториальные заросли, бесформенная серо-коричневая клякса. Гил повернул на север.

Впереди сверкал заиндевелый единственный пик: ориентир. Гил свернул к северу от пика и увидел впереди Даммарский Старый Город: отнюдь не блистающее красотой скопище сараев и складов. Предпочитая, чтобы его присутствие осталось незамеченным, Гил резко повел аэромобиль на снижение и направился на юго-восток от Старого Города.

Он проискал целый час, прежде чем нашел развалины: беспорядочную грудку камня, затерянную среди обломков скал на склоне горы.

Он посадил аэромобиль на маленькой ровной площадке в пятидесяти ярдах от низкой стены, и теперь Гил дивился тому, что так долго искал, так как строение это было монументальным и стены все еще не рухнули. Он вылез и постоял у машины, прислушиваясь, и услышал лишь вздохи ветра. Старый Город, в десяти милях отсюда, был бесформенным скопищем серо-белых брусков. Он не видел ни одного признака жизни.

Взяв с собой фонарик и пистолет, он приблизился к разрушенной стене. За ней находилась впадина, а потом более массивная стена из покрытого пятнами лишайника бетона: потрескавшаяся, осевшая, но все еще стоящая; Гил приблизился, пытаясь обуздать проснувшийся в нем благоговейный страх. Это был дом великанов. Гил почувствовал себя ничтожным и незначительным. И все же... Эмфирион ведь был человеком, подобно ему самому, с человеческим страхом. Он явился в Катадемнон, — а потом?

Гил пересек ров между двумя стенами и подошел ко входу, заваленному щебнем. Вскарабкавшись на кучу щебенки, он заглянул внутрь, но солнечный свет, падавший с неба наискось, избегал этого провала, и он увидел лишь черные тени.

Гил включил фонарик и соскользнул по куче вниз в коридор, заваленный многовековыми наносами. На стене висели лохмотья ткани, сотканной, наверное, из волокон расплавленного обсидиана, протравленного окислами металлов. Узоры покрылись коркой грязи, но тем не менее напоминали Гилу занавеси, которые он видел где-то в другом месте... Коридор вывел в овальный зал, крыша которого давно рухнула. Пол был открыт небу.

Гил остановился. Он стоял в Катадемноне. Здесь Эмфирион столкнулся с тиранами Сигила. Не слышалось ни звука, даже шороха ветра, но давление прошлого было почти осязаемым.

В противоположном конце зала находился проем с обрывками регалий по обеим сторонам. Здесь Эмфириона могли поднять и прибить к балке — если его и впрямь ждала такая судьба.

Гил пересек зал. Остановившись, он поднял взгляд на каменную балку над проемом. В ней определенно была впадина. Если Эмфириона подвесили здесь, то его ноги болтались на уровне плеч Гила, а кровь окрасила камень у ног Гила... Камень давно покрылся коркой серой пыли.

Гил прошел под балкой, направил луч фонарика в отверстие. Первую часть широкой лестницы завалило пылью, обомками и кусочками сухой растительности. Гил пролез в ход. «Под балку, где прибили его, и там в крипте своем они заточили его навеки». Лестница привела в овальную камеру, с тремя уходящими в темноту проходами. Пол камеры выложили тусклым камнем, на котором лежал непотревоженный слой пыли. Крипта? Гил обвел камеру лучом фонарика и пошел в ту сторону, где могла находиться крипта. Заглянул в длинное помещение, холодное и неподвижное. На полу лежало в беспорядке полдюжины выплавленных из стекла ящиков, покрытых густой пылью. В каждом лежали органические останки: хитиновые пластинки, полосы ссохшейся черной кожи... В одном из ящиков был человеческий скелет, сочленения его распались, кости рухнули. Пустые глазницы смотрели прямо на Гила. А в центре лба зияло круглое отверстие.

Гил направил аэромобиль обратно в Гарван, посадил его на платформу позади отеля, забрал свой залог. А потом ушел к себе в номер, где принял ванну и переделся во все свежее. И пошел посидеть на террасе, выходящей на площадь. Он чувствовал себя раздавленным, так, словно из него выпустили воздух. Он не ожидал найти того, что нашел.

Он надеялся на большее. Как насчет того чувства предзнаменования, с которым он начал день? Инстинкт подвел его. Все прошло с глупой легкостью, с такими малыми затруднениями, что все это дело казалось каким-то обидным. Гил испытывал беспокойство, неудовлетворенность. Он нашел останки Эмфириона: уж в этом-то не возникало никаких сомнений. Но знал

не больше, чем раньше. Эмфирион погиб напрасно, его славная жизнь заканчивалась провалом и попусту. Но ничего удивительного: именно об этом говорила легенда.

Солнце опустилось за западные холмы. Силуэт Гарвана — покатые купола, наложенные один на другой — выглядел черным на фоне пепельно-коричневого неба. Из переулка рядом с отелем вышла темная фигура — даммарянин. Он бочком пробрался вдоль окружавшей террасу черной ограды и остановился, посмотрев на площадь. Затем он повернулся и изучил взглядом террасу, словно подсчитывая стоимость ночного дела. Жадные, купающиеся в гипер-роскоши звери, подумал Гил, вбухивающие каждый секвин, каждый ваучер и каждый баус в свои экстравагантные резиденции. Он гадал, были ли даммаряне такими же сибаритами в былые героические дни, во времена Эмфириона... Катадемон не предполагал никакой особой изысканности. Наверное, в те дни они не располагали финансовыми средствами для потакания своим вкусам...

Чувствуя внимание Гила, даммарянин повернул свою странную, хохлатую голову. Гил в свою очередь воззрился на него, и тут ему в голову пришла поразительная мысль.

Даммарянин внезапно повернулся и исчез за оградой. Гил откинулся в кресле. В качестве упражнения в абстрактной логике эта проблема имела поразительно простое решение. Но решение это означало такую душепераздирающую трагедию, что в нее не хотелось верить.

И все же факты — вещь упрямая. Ведь столько всяких странных маленьких пустяков, которые он, дивясь, наблюдал, стали теперь звеньями одной цепи. Ему никто не мог дать совета. Он был один.

Что сделал бы на его месте Эмфирион?

Сказал бы правду.

Отлично, подумал Гил. Значит, будет Правда, и пусть последствия сами о себе заботятся.

Гил сделал знак принести ему меню и заказал ужин. Утром он отправится в Амброй.

Глава 23

Гил прибыл в знакомый старый космопорт Годеро ранним вечером, по времени Амброя. Он подождал, пока с корабля схлынут экскурсанты, а затем не спеша спустился по трапу.

Чиновник на входе был человеком желчного нрава. Он хмуро посмотрел на одетого по земной моде Гила и изучил его документы.

— С Земли, да? Что же вы делаете здесь в Амброе?

— Путешествую.

— Хм. Сэр Хартвиг Торн. Гранд. У нас они тоже есть. Везде одно и то же. Гранды путешествуют, а нижняки работают. Продолжительность пребывания?

— Наверное, неделя.

— Здесь не на что смотреть. Хватит и дня.

— Вполне возможно, — пожал плечами Гил.

— Ничего, кроме серости, скуки да нудной работы. Вы здесь не найдете никакой роскоши, кроме как в высотных замках. Вам известно, что они только что подняли взываемый с нас процент? Теперь они берут 1,46 процента вместо 1,18. Вы на Земле взываете свой процент?

— Там действует иная система.

— Как я понимаю, вы не ввозите никаких дублицированных, сделанных машиной или незаконно скопированных предметов для распространения, либо даром, либо ради прибыли?

— Никаких.

— Отлично, сэр Хартвиг. Проходите, пожалуйста.

Гил вышел в памятный ему зал. Войдя в «спай»-будку, он позвонил Великому Лорду Дугалду «Буамарку», в его высотный замок в районе Вашмонт.

Экран показал белый диск на синем фоне. Вежливый голос произнес:

— Великого Лорда Дугалда в замке нет. Он будет рад, если вы оставите меморандум относительно вашего дела.

— Я гранд с Земли, только что прибыл. Где я могу найти Лорда Дугалда?

— Он на празднестве, в замке Лорда Парнасса «Андерлайна».

— Я позвоню туда.

На второй звонок ответил какой-то лорденыш с худощавым лицом и уложенными надо лбом в фантастической прическе, покрытыми лаком черными волосами. Он с изысканной надменностью выслушал Гила и отвернулся, не сказав ни единого слова. Миг спустя появился Лорд Парнасс.

Гил принял этакий позабавленно-снисходительный вид.

— Я — сэр Хартвиг Торн, турист с Земли. Я позвонил выразить уважение Великому Лорду Дугалду, и меня отослали к вам.

Парнасс, худощавый и резкий, как тот лорденыш, с темно-красной кожей, смерил Гила взглядом.

— Для меня большая честь познакомиться с вами. Лорд Дугалд гостит у меня в замке, наслаждаясь представлением, — он на едва заметный миг поколебался. — Я был бы рад приветствовать вас в своем замке, особенно если у вас к лорду Дугалду срочное дело.

Гил рассмеялся.

— Оно ждало много лет и вполне может подождать еще день-другой, но я был бы рад разобраться с ним как можно скорее.

— Отлично, сударь. Вы где остановились?

— В космопорте Годеро.

— Если вы зайдете в Бюро «Ц» и сошлетесь на меня, то в ваше распоряжение предоставят транспорт.

— Я скоро прибуду.

Среди обыкновенных получателей бытовало мнение, что лорды жили в роскоши, окруженные изысканными предметами и восхитительными ароматами, а прислуживали им прекрасные юноши и девушки. Постели лордов, по слухам, были ложами из воздушного пуха и диких цветов. Каждая трапеза, поговаривали, была пиром из вкуснейших сластей и отборнейших гейдских вин. Не смотря на свое знание, Гил почувствовал волнение и трепет, когда аэромобиль поднялся к вы-

сотному замку. Его высадили на террасу, окруженную белой балюстрадой. Две широких лестницы вели на верхнюю террасу с возвышающимся за ней дворцом Лорда Парнасса.

Поднявшись по лестнице, он приблизился к входу, у которого стояли двое гаррионов в тускло-красных ливреях. Сквозь задрапированные портьерами из золотистого атласа высокие окна виднелось великолепное собрание лордов и леди. Все разговаривали вибрирующим, лукавым шепотом и смеялись почти беззвучно.

Пол был покрыт черным ковром с Мангских островов. Вдоль стен стояли кушетки, обитые бутылочно-зеленым плюшем, — на взгляд Гила, эксцентричной и сверхутонченной модели, определенно, работа не амбройских краснодеревщиков. По стенам висели гобелены, импортированные с Даммара. И правда, великолепие и роскошь, подумал Гил, но странное ощущение — будто смотришь на потрепанную театральную декорацию. Атмосфере, несмотря на мягкое освещение и пышные драпировки, недоставало непринужденности и насыщенности, а веселью недоставало спонтанности. Это все равно, подумал Гил, что смотреть на марионеток, играющих в празднество. Не удивительно, подумал он, что лорды и леди посещали такие приемы, как Окружной Бал, где они могли принять участие в страстях нижняков... И едва он подумал об Окружном Бале, как увидел Шанну в чудесном платье приглушенно лимонно-желтого цвета, с белыми лентами и оборками. Гил завороченно наблюдал за тем, как она стояла, разговаривая тихим полупшепотом с галантным молодым лордом. С каким же очаровательным рвением она играла в чувства: улыбки, надутые губки, лукавые наклоны головки, премилые легкие возмущения, гримаски восторга, смятаения, замешательства и ужаса.

Подошел высокий худощавый лорд: Лорд Парнасс. Остановился, поклонился.

— Сэр Хартвиг Торн?

— Он самый, — поклонился в ответ Гил.

— Надеюсь, мой замок вам по нраву? — тон Лорда Парнасса был легким, сухим, с самым слабым, какой только возможен, обертоном снисходительности.

— Он очарователен.

— Если дело у вас к Лорду Дугалду неотложное, то я отведу вас к нему. Когда закончите, можете наслаждаться, не стесняясь.

— Я не желал бы злоупотреблять вашим гостеприимством,— поблагодарил его Гил.— Мое дело, вероятно, не займет много времени.

— Как пожелаете. Тогда будьте добры последовать за мной.

Шанна заметила Гила и заворуженно уставилась на него. Гил улыбнулся ей и кивнул. Невелика беда, если она узнала его. Озадаченная, она повернулась, провожая Гила взглядом, когда тот последовал за Лордом Парнассом в маленькую отгородку, увешанную голубым атласом. За инкрустированным столиком сидел Великий Лорд Дугалд «Буамарк».

— Вот сэр Хартвиг Торн с Земли, которому нужно обсудить с вами какое-то дело,— сказал Парнасс и, натянуто поклонившись, вышел.

Великий Лорд Дугалд, осанистый мужчина среднего возраста, с кожей сливового цвета, пристально посмотрел на Гила.

— Я вас знаю? В вас есть что-то, кажущееся мне знакомым. Как вас зовут, простите?

— Мое имя не имеет значения,— сказал Гил.— Можете считать меня принцем Эмфирионом Амбройским. Дугалд пронзил его холодным взглядом.

— Это кажется слишком экстравагантной шуткой.

— Дугалд, Великий Лорд, почему это вас удивляет, когда вся ваша жизнь — сплошная экстравагантная шутка?

— А? Что такое? — Дугалд с усилием поднялся на ноги.— Что все это значит? Ты не приезжий с Земли! У тебя голос нижняка. Что это за фарс? — Дугалд повернулся позвать стоявшего в конце зала гарриона.

— Погодите,— остановил его Гил.— Выслушайте меня, а потом уж решайте, что делать. Если вы сейчас позовете гарриона, то потеряете всякую возможность выбора.

Дугалд уставился на него, с апоплексически полноватым лицом, то открывая, то закрывая рот.

— Я тебя знаю. Я видел тебя. Я помню твою манеру речи... Может ли такое быть? Ты — Гил Тарвок, которого изгнали! Гил Тарвок — пират! Великий вор!

— Я — Гил Тарвок.

— Мне следовало догадаться, когда ты сказал «Эмфирион». Что за безобразие! Чего ты от меня хочешь? Отомстить? Ты заслужил свое наказание! — Лорд Дугалд посмотрел на Гила с новым гневом. — Как ты спасся? Ведь тебя же изгнали!

— Верно, — согласился Гил. — А теперь я вернулся вновь. Вы уничтожили моего отца, вы собирались уничтожить меня! Я не испытываю к вам особой жалости.

Лорд Дугалд снова повернулся к гарриону, и Гил опять остановил его, подняв руку.

— У меня есть при себе оружие. Я могу убить и вас, и гарриона. Вам лучше выслушать меня. Это не займет много времени, а уж потом можете решить, как вам поступить.

— Тогда говори! — раздулся от гнева лорд Дугалд. — Скажи то, что должен сказать и убирайся!

— Я произнес имя Эмфирион. Он жил две тысячи лет назад и сорвал планы кукловодов Даммара. Он пробудил в вирванах их самосознание и убедил их заключить мир. А затем он отправился на Даммар и выступил в Катадемноне. Вы знаете о Катадемноне?

— Нет, — пренебрежительно бросил Лорд Дугалд. — Дальше.

— Кукольники вогнали в голову Эмфириону гвоздь, а затем затеяли новую кампанию. То, чего они не добились силой, они надеялись добиться хитростью. После Имперских Войн они восстановили город, смонтировали «овертренд» и «андерлайн» и учредили «Буамарк». А также организовали кооператив «Турибль», и впоследствии «Буамарк» всегда продавал только «Туриблю» и, наверное, и покупал тоже только у «Турибля». И впрямь, настоящие кукольники! Зачем дамарянам марионетки? Они использовали в качестве своих марионеток фортинанцев, и лишили нас нашего богатства.

Дугалд помассировал нос двумя указательными пальцами.

— Откуда вам все это известно?

— Да как же может обстоять иначе? Вы называли меня вором и пиратом. Но вор и пират — вы! Точнее, вы — марионетка, управляемая ворами.

Лорд Дугалд, казалось, набух, сидя в кресле.

— Так значит. Так, значит, теперь вы еще и оскорбляете меня?

— Это вовсе не оскорбление, а сущая правда. Вы — марионетка, созданная давным-давно в даммаряньских инкубаторах.

Лорд Дугалд пристально посмотрел на Гила.

— Вы уверены в этом?

— Конечно. Лорды? Леди? Что за анекдот! Вы — превосходные копии человека, но вы марионетки.

— Кто заразил вас такими фантастическими взглядами? — потребовал придушенным голосом ответа Лорд Дугалд.

— Никто. В Гарване я наблюдал, как ходит даммарянин. Он шагал, тихо ступая, словно у него болели ноги. И вспомнил, что именно так ходили на Маастрихте те лорды и леди. Вспомнил, как они боялись света, открытого неба, как они желали убежать, спрятаться в пещеры: как вирваны, как даммаряне. Я вспомнил цвет их кожи — тот розовый оттенок, который иногда тяготеет к лиловому цвету даммарян. На Маастрихте я только дивился, как это такие похожие на людей личности могли вести себя так странно. Как я мог быть таким наивным? И столько поколений мужчин и женщин: как они могли быть такими глупыми, такими непроницательными? Достаточно просто. Обман был настолько большой, что не поддавался уразумению.

Покуда Гил говорил, лицо Дугалда начало дрожать и корчится самым странным образом, губы втягивались в рот и выпячивались, глаза вылезали из орбит так, что Гил гадал, переживает ли лорд этот припадок. Наконец, Дугалд выпалил:

— Глупости... Ерунда... Подлая чушь...

— Нет, — покачал головой Гил. — Коль скоро эта мысль начинает распространяться, все становится ясным. Посмотрите! — Он показал на драпировки. — Вы душите себя тканью, как и даммаряне, у вас нет ника-

кой музыки, вы не в состоянии завести детей от настоящих людей, даже запах у вас странный.

Дугалд медленно опустился в кресло и какой-то миг сидел молча. А затем хитро покосился на Гила.

— Как далеко вы распространили эти дикие предположения?

— Достаточно широко, — заверил его Гил, — иначе я бы и не явился сюда.

— Ха! Кого вы уведомили?

— Во-первых, я отправил меморандум в Исторический Институт.

Дугалд болезненно застонал. А затем с жалкой попыткой бравады заявил:

— Там никогда не обратят внимания на такую чепуху! Кого еще?

— Убив меня, вы ничего не добьетесь, — вежливо уведомил его Гил. — Я прекрасно понимаю, что вам хотелось бы это сделать. Заверяю вас, это будет бесполезно. Хуже, чем бесполезно. Мои друзья распространят новости не только по всему Фортиану, но и по всей человеческой Вселенной: о том, что лорды — всего лишь марионетки, что их гордость — всего лишь актерская игра, что они обманули доверявших им.

Дугалд сгорбился в кресле.

— Гордость эта не поддельная. Это истинная гордость. Сказать вам кое-что? Только у меня, Великого Лорда Дугалда «Буамарка», нет никакой гордости. Я скромный, я лиловый от забот — потому что только я знаю правду. Все остальные — они не виноваты. Они осознают свое отличие и считают его мерой своего превосходства. Только я не гордый. Только я знаю, кто я такой, — он жалобно застонал. — Ну, я вынужден выполнять ваши требования. Чего вы хотите? Богатства? Космическую яхту? Городской дом? Все это?

— Мне нужна только правда. Правда должна быть известна всем.

— Да что я могу сделать! — протестующее закаркал Дугалд. — Вы хотите, чтобы я уничтожил свой народ? Честь — это все, что у нас есть. Один я только лишен чести, и взгляните на меня! Видите, каково мне! Я отличаюсь от всех остальных. Я — марионетка!

— Вы один знаете это?

— Один. Прежде чем умереть, я уведомяю другого и тем самым обреку его так же, как давным-давно обrekli меня.

В отгороженную часть зала вошел Лорд Парнасс. Он перевел вопросительный взгляд с Гила на Лорда Дугалда.

— Вы все еще занимаетесь своим делом? Мы почти готовы к ужину. — И обратился к Гилу. — Вы присоединитесь к нам?

— Конечно, — согласился Гил. — Буду рад поужинать с вами.

Лорд Парнасс коротко поклонился и покинул отгороженную часть зала.

Лорд Дугалд сумел состроить грубовато-добродушное лицо.

— Ну, тогда давайте рассмотрим этот вопрос. Вы не хаосист. Уверен, что вы не желаете уничтожить испытанное временем устройство общества, в конце концов...

— Лорд Дугалд, — прервал его, подняв руку, Гил. — Как бы там ни было, с обманом должно быть покончено, и обманутым вами людям должны возместить ущерб. Если вы и ваше «общественное устройство» сможете пережить эти шаги, то и флаг вам в руки. Я питаю злобу только к вам и даммарьянам, а не к лордам Амбоя.

— То, что вы требуете, невозможно, — заявил Дугалд. — Вы явились сюда, чванясь и угрожая, и теперь мое терпение истощилось! Предупреждаю вас и прошу не распространять никаких лживых или подстрекательских басен!

Гил повернулся к двери.

— Первыми, кто узнает, будут Лорд Парнасс и его гости.

— Нет! — с болью воскликнул Дугалд. — Неужели вы уничтожите нас всех?

— С обманом должно быть покончено. Ущерб должны возместить.

Дугалд в отчаянии и пафосе простер руки.

— Вы человек упрямый?

— Упрямый? Вы убили моего отца. Вы две тысячи лет грабили и обманывали. И вы еще ожидаете, чтобы я был иным?

— Я исправлю дело. Вычеты вернутся к 1,18 процента. Нижняки будут получать заметно более высокий доход. Я потребую этого. Вы не представляете, как настойчивы даммаряне!

— Правда должна быть известна всем!

— Но как же наша честь?

— Покиньте Донну. Увезите свой народ на какую-нибудь далекую планету, где никто не знает вашей тайны.

Дугалд издал крик дикой боли.

— Как же я смогу объяснить такой крутой поворот?

— Сказав правду.

Дугалд уставился Гилу прямо в глаза, и Гил, на короткий странный миг, почувствовал себя вглядывающимся в непроницаемую даммарянскую пустоту.

Должно быть, Дугалд тоже обнаружил в глазах Гила нечто, внушающее ужас. Он повернулся и вышел широким шагом в большой зал. Голос его заскрежетал, прорываясь сквозь тихое бормотание и чуть слышный шепот.

— Слушайте меня! Слушайте все! Правда должна быть сказана!

Общество повернулось к нему в вежливом удивлении.

— Правда! — выкрикнул Дугалд, — правда должна быть сказана. Все должны узнать, наконец.

В зале воцарилась тишина. Дугалд дико озираясь по сторонам, пытаясь выдать из себя слова.

— Две тысячи лет назад, — объявил он, — Эмфирион избавил Фортинан от тех даммарянских чудовищ, известных как вирваны.

А ныне явился еще один Эмфирион, чтобы изгнать еще одну расу даммарянских чудовищ. Он настоял на правде. И сейчас вы услышите правду.

Почти две тысячи лет назад, когда Амброй лежал в развалинах, с Даммара отправили новый набор марионеток. И эти марионетки — мы. Мы служили своим хозяевам — даммарянам и выплачивали им деньги, выколотые из труда нижняков. Это и есть правда, и

теперь, когда она известна, даммаряне не могут больше принуждать нас.

Мы не лорды, мы — марионетки.

У нас нет никаких душ, никаких мыслей, никаких личностей. Мы синтезированы.

Мы не люди, и даже не даммаряне. И самое главное, мы не лорды. Мы — прихоти, фантазии, выдумки. Честь? Наша честь так же реальна, как струйка дыма. Достоинство? Гордость? Смешно даже употреблять эти слова.

Дугалд показал на Гила.

— Он явился сюда сегодня вечером, назвавшись Эмфирионом, принудив меня к правде.

Вы слышали правду.

И, когда правда, наконец, сказана, сказать больше нечего.

Зал безмолвствовал.

Прозвенел колокольчик. Лорд Парнасс пошевелился, обвел взглядом гостей.

— Нас ждет банкет.

Гости один за другим медленно потянулись из зала. Гил посторонился. Рядом с ним прошла Шанна. Она остановилась.

— Ты — Гил. Гил Тарвок.

— Да.

— Когда-то, давным-давно, ты любил меня.

— Но ты меня никогда не любила.

— Возможно, любила. Наверное, я любила тебя настолько, насколько могла.

— Это было давным-давно.

— Да. Теперь все по-иному, — Шанна вежливо улыбнулась и, подобрав юбки, ушла своей дорогой.

— Завтра вы должны выступить перед получателями, — обратился Гил к Лорду Дугалду. — Скажите им правду, как сказали правду своему народу. Наверное, они не снесут ваши башни. Если же они придут в неудержимую ярость, то вы должны быть готовы убраться.

— Куда? В Грабленные горы к вирванам?

Гил пожал плечами. Лорд Дугалд повернулся, Лорд Парнасс ждал. Они прошли в банкетный зал, оставив Гила стоящим в одиночестве.

Он повернулся и вышел на террасу, и постоял с миг, глядя на древний город, который раскинулся, слабо посвечивая огнями до самой Инесы и дальше. Никогда он не видел такого прекрасного зрелища.

Он прошел к аэромобилю.

— Отвези меня в гостиницу «Коричневая Звезда».

Глава 24

Жители Амброя, такие осторожные, такие усердные, такие бережливые, после того как их оповестили по «спай»-системе, несколько часов пребывали в ошеломленном состоянии. Работа прекратилась, люди выходили на улицы, тупо глядели в небо на Даммар, вверх на высотные замки на вашмонтских многоэтажках, а затем сквозь город на Министерство Соцобеспечения.

Люди мало говорили друг с другом. Иной раз кто-нибудь раздражался смехом, а затем снова умолкал. Народ начал потихоньку стекаться к Министерству Соцобеспечения, и к полудню на площади стояла уже огромная толпа, сверлящая взглядами мрачное старое здание.

В здании собрался клан Коболов, проводя чрезвычайное заседание.

Толпа начала беспокойно шевелиться. Послышался ропот, который, нарастая, стал оглушительным. Кто-то, наверное, какой-то хаосист, бросил камень, который разбил окно. В пробитом стекле появилось лицо, и рука принялась делать предостерегающие жесты, которые, казалось, привели толпу в раздражение. Прежде еще возникали какие-то колебания и сомнения относительно роли Министерства. Но гневные жесты из окна, казалось, отправили Министерство на одну доску с теми, кто обманывал и обирал получателей, и в конце концов разве не агенты Министерства проводили в жизнь этот обман?

Толпа заволновалась. Ропот стал угрожающим рычанием. Полетели новые камни, разбились новые стекла.

Громкоговоритель на крыше внезапно истошно завопил:

— Получатели! Возвращайтесь к работе! Министерство Соцобеспечения изучает ситуацию и в должное время заявит надлежащие протесты. Все! Разойдитесь! Немедленно уходите: по домам или по рабочим местам. Это официальное распоряжение!

Молодежь хлынула к запертым дверям и попыталась взломать их. Раздались выстрелы — несколько юношей упали. Толпа рванулась вперед и ворвалась в Министерство Соцобеспечения через выбитые окна. Раздались новые выстрелы, но толпа уже проникла в здание, и произошло много ужасных деяний. Коболов разорвали на мелкие кусочки, строение предали огню.

Истерия продолжалась всю ночь. Высотные замки остались невредимыми, главным образом потому, что толпе было до них не добраться. На следующий день Совет Цехов попытался восстановить порядок, и Мэр приступил к работе по организации ополчения.

Шесть недель спустя из Амброя отправилась сотня космических судов всех разновидностей — пассажирские посудины, грузовые суда, космояхты — и устремилась к Даммару. Несколько даммарян убили, еще нескольких захватили в плен. Остальные укрылись в своих резиденциях.

Депутации, составленной из пленных даммарян, вручили ультиматум:

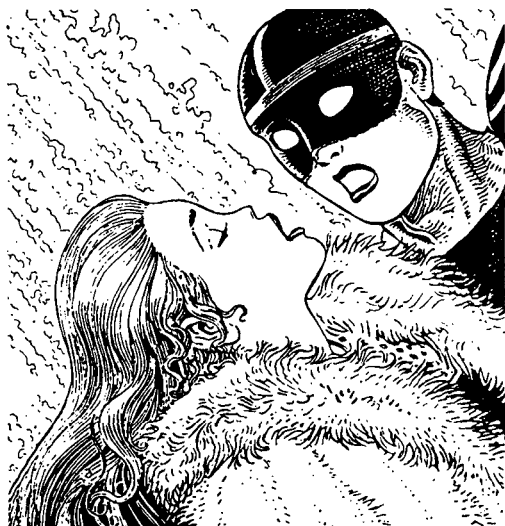
Две тысячи лет вы грабили нас без жалости или раскаяния. Мы требуем полного возмещения. Вынесите все свои богатства: каждую нитку тканей, каждый драгоценный артефакт, все свои сокровища в виде денег, кредитов, иностранных счетов и валюты и всю другую ценную собственность. Отныне эти предметы и это богатство станут нашими. Затем мы уничтожим резиденции взрывчаткой. С этой поры даммаряне должны жить на поверхности в условиях, столь же суровых, как те, которые вы навязывали нам. Впоследствии вы должны платить государству Фортинан контрибуцию в размере десяти миллионов ваучеров ежегодно, на протяжении двухсот лет Донны.

Если вы немедленно не согласитесь на эти условия, то будете уничтожены, и не останется ни одного живого даммарянина».

Четыре часа спустя из резиденций начали вывозить первые драгоценные предметы.

На площади Андл воздвигли святилище, в котором поместили хрустальный гроб, содержащий скелет Эмфириона. На двери стоящего рядом дома с узким фасадом и окнами из янтарного стекла висела мемориальная доска из полированного черного обсидиана. Серебряные буквы гласили:

«В этом доме жил и работал сын Амianта Тарвока, Гил, который, взяв себе имя Эмфирион, оказал великую честь этому имени, своему отцу и себе...»

КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

Глава первая

Сидя в театре Палладиум, в глубине ложи своей тетки, Роджер Вул налил себе очередной, уже третий по счету бокал шампанского. Его тетя, дама Изабель Грейс, занятая двумя своими гостями, не заметила этого, и Роджер опустил на место, испытывая удовольствие.

Оставалось пять минут до поднятия занавеса. Зал был насыщен золотым светом и тлел от великолепного предвкушения. После триумфа всему свету Девятая труппа Рлару прибыла, наконец, в Палладиум. Все знали об ее исключительной программе, подобной которой на Земле еще никогда не видели; правда, некоторые считали ее очаровательной и задумчивой, другие — что она представляет собой низкопробный декаданс.

Росту популярности и интереса к Девятой труппе способствовали споры, сопровождавшие ее по всему миру: действительно ли труппа является порождением далекой планеты, или же это просто обман, задуманный предприимчивой кучкой музыкантов? Повсюду и критики, и знатоки разделились во мнении. Да и сама музыка была очень сумбурной: с одной стороны, она казалась совершенно чуждой и необычной, а с другой — в ней постоянно проскакивали темы, напоминающие земные музыкальные произведения.

Роджер Вул не потрудился придти к какому-нибудь определенному суждению; а вот позиция дамы Изабель Грейс, секретаря-казначея Оперной Лиги, была далеко не безразличной: только благодаря ее спонсорству Адольф Гондар смог войти в мировые оперные театры и студии. В данный момент дама Изабель была полностью поглощена разговором со своими гостями. Это были Джозеф Льюис Торп, музыкальный критик из *«Транс-атлантик Таймс»*, и Эльджин Сиборо, театральный редактор *«Галактик Ревью»*. Оба прославились своими циничными статьями относительно Девятой труппы, хотя ни тот, ни другой еще не удосужились посетить ни одного концерта. Однако дама Изабель настояла, чтобы они исправили это упущение.

Поднялся занавес, и перед зрителями предстала пустая сцена, на которую вышел импрессарио Адольф Гондар. Это был высокий темный мужчина с нахмуренным лбом, сверлящими черными глазами и безвольным подбородком — в общем, не тот тип, чтобы вызывать доверие, а значит, и не тот человек, которому слишком просто удалось бы кого-то уговорить. Он сказал вступительное слово и покинул сцену. После нескольких минут томительного ожидания на сцене появились музыканты Девятой труппы, поднялись на возвышение вдоль края сцены, почти небрежно взяли инструменты и начали играть. Музыка была утонченной и мелодичной, и в этот вечер казалась почти веселой.

Постепенно остальная часть труппы заняла место у рампы, чтобы сыграть небольшую оперетку, настолько легкую, что она казалась импровизацией, и в то же время все было точно рассчитано во времени — и получилось очень изысканным в смысле блеска и вкуса. Что можно сказать про сюжет? Действие на сцене никак не подходило для этого слова; возможно, сюжета просто и не было. Роджер наслаждался представлением и дивился поднятому вокруг него ажиотажу. Актеры казались не совсем людьми, но чувства, присущие человеку, передавали довольно близко. Они были гибкими и хрупкими, и некоторым почему-то представлялось, что их внутренние органы отличались от органов земных людей по строению и расположению. Мужчи-

ны были стройные и мускулистые, с поразительно белой кожей, со сверкающими черными глазами и такими же черными лоснящимися волосами. Женщины были мягче, с восхитительными фигурами, с пикантными маленькими личиками, наполовину скрытыми локонами черных волос. Они весело проплывали в танце от одного края сцены к другому, пели мелодичными то-ненькими голосами, меняли костюмы с поразительной быстротой; мужчины же или стояли неподвижно, поворачивая лица в разные стороны, или кружились по сцене в соответствии с определенными, но мало понятными канонами. Другая часть труппы в это время была занята музыкальным сопровождением. Изящная полифония иногда казалась случайными звуками, затем, когда уже подозрение перерождалось в уверенность, заканчивалась восхитительными аккордами, которые объясняли всю предыдущую тему и расставляли все по своим местам.

«Приятно, хотя и загадочно», — подумал Роджер Вул, наливая себе еще один бокал шампанского. Бутылка звякнула о лед, и дама Изабель бросила в его сторону гневный взгляд. Роджер с особой осторожностью поставил бутылку на место.

Но вот наступил антракт. Дама Изабель отвернулась от Джозефа Льюиса Торпа и повернулась к Эльджину Сиборо, чопорно взглянув на него с победоносным триумфом.

— Ваши сомнения и заблуждения рассеялись, я правильно поняла?

Джозеф Льюис Торп прочистил горло и взглянул на Эльджина Сиборо.

— Своего рода виртуозы. Да, это действительно так.

— В том, что мы здесь видим искусную, милую и довольно хорошо сыгранную группу, нет никаких сомнений. Я бы сказал, новый свежий талант, — ответил Эльджин Сиборо. — Свежо по-настоящему.

— Да, справедливое замечание, — вмешался Торп.

Дама Изабель нахмурила брови.

— Так, значит, вы согласны, что Адольф Гондар и Девятая труппа — это не фальсификация?

Джозеф Льюис Торп натянуто усмехнулся.

— Милая леди, я могу только повторить, что нахожу их поведение далеким от того, чтобы способствовать распространению подобного мнения. Но почему они отказываются от всяческих интервью прессе? Почему бы не позволить осмотреть этих людей какому-нибудь этнологу? Все эти обстоятельства отнюдь не способствуют тому, чтобы поверить утверждениям мистера Гондара.

— Вы хотите сказать, что мистер Гондар вводит меня в заблуждение? В конце концов все турне было под моим наблюдением; я контролировала всю финансовую сторону и сомневаюсь, что вы можете обвинить меня в недобросовестности.

— Моя милая леди, я даже и не пытаюсь намекнуть на нечто подобное, — возразил Торп, — Вы, так сказать, известны своей бескомпромиссностью!

— Возможно, Адольф Гондар великолепный парень, — поддакнул Сиборо, — если не брать во внимание его попытки напустить тумана.

— Именно, — согласился Торп. — А собственно кто такой Гондар?

Дама Изабель поджала губы, а Роджер с восхищением наблюдал за происходящим.

— Мистер Гондар, — членораздельно заявила она, — очень тонкий и проникательный человек. Вообще-то, он космический капитан, посетивший не одну дюжину дальних миров. И побывав на одной из планет под названием Рлару, он сумел уговорить местную Девятую труппу совершить турне на Землю. Вот и все. Я не могу понять ваш скептицизм, особенно после всех моих заверений.

Сиборо от души рассмеялся.

— Наша профессия обязывает нас быть скептиками. Вы слышали когда-нибудь про доверчивых критиков?

— Мои сомнения частично основываются на теории музыки, а частично — на знании галактики на уровне образованного человека, — заметил Торп. — Мне трудно поверить, что чужая раса может осмысленно использовать принятые на Земле музыкальные идиомы, к тому же я никогда не слышал о планете Рлару, ко-

торая, очевидно, должна обладать довольно высокоразвитой цивилизацией.

— Ах, вот оно что, — прищурившись, сказала дама Изабель, и эта реплика заставила Роджера произвольно вздрогнуть, — Так вы хотите сказать, что это обычные земные музыканты, выраженные под инопланетян?

— Я не могу утверждать этого, — пожал плечами Сиборо. — Мы видим представление, которое просто великолепно, но это вполне можно отнести к умелой режиссуре. Эти артисты продемонстрировали нам характеры, которые никак нельзя назвать далекими от земных. Если бы вы представили их, как выпускной класс Театральной Кайквокской академии из Землеграда на планете Порселон, то у меня не зародилось бы ни капли сомнения.

— Глупец, — заявила дама Изабель с таким видом, что было ясно: это решение окончательное и бесповоротное.

Сиборо засопел и заерзал в кресле. Торп нервно рассмехался.

— Вы несправедливы! Ужасно несправедливы! Мы просто обычные смертные, желающие получше разглядеть темную лошадку! Бернард Бикль, который, вероятно, знает...

Дама Изабель издала звук, выражающий высшую степень раздражения.

— Не смейте упоминать при мне этого имени! — огрызнулась она. — Это просто самоуверенный *позер*, к тому же абсолютно поверхностный.

— Но он, можно сказать, мировая знаменитость сравнительного музыковедения, — холодно заметил Сиборо. — Что бы вы ни говорили, но в этой области он неоспоримый авторитет.

Дама Изабель вздохнула.

— Иного я от вас и не ожидала.

И в этот момент снова поднялся занавес.

Во втором отделении Девятая труппа представляла костюмированное шоу. В нарядах из розовых и голубых, зеленых и синих, желтых и сиреневых кружев являли, представляли собой некий гибрид между фея-

ми и арлекинами. Как и прежде, складывалось впечатление, что нет никакого определенного сюжета, никаких заранее установленных па. Музыка напоминала щебетанье: игровая, с проблесками сладострастия, временами акцентированная хриплым воем сирены или трубным завыванием раковины. Актеры порхали с одной стороны сцены на другую, туда-сюда. Что это? Пavana? Сельский праздник? Демонстрировались явно бессмысленные движения, реверансы, фривольные прыжки и легкий галоп, продолжавшиеся без какого-либо развития и изменения; и вдруг интуитивно почувствовалось, что это вовсе не какой-нибудь фарс, не веселое развлечение, а представление чего-то мрачного и ужасного: разрывающего сердце печального воспоминания. Свет померк почти до темноты. Вспышки зеленоватого голубого света высветили артистов Девятой труппы, застывших в вопросительно-выжидательных позах, как будто они сами были поражены той проблемой, которую изобразили. И тут на глазах изумленной публики занавес упал, и музыка прекратилась.

— Искусно, — пробормотал Торп, — но слишком рудиментарно.

— Я заметил некое отсутствие дисциплины, — заявил Себоро. — Достойная похвалы пышность, попытка оторваться от традиционных форм, но, как вы сказали, рудиментарно.

— До свиданья, мадам Грейс, — сказал Торп. — Большое спасибо за приглашение. До свиданья, сэр.

Последнее адресовалось Роджеру.

Эльджин Сиборо эхом повторил сказанное коллегой, и оба удалились.

Дама Изабель встала.

— Парочка фигляров. Пойдемте, Роджер.

— Думаю, на этом я вас покину, — заметил Роджер. — У меня назначена встреча.

— Ничего подобного. Вы отвезете меня на званый ужин к Лиллиан Монтигль.

Роджер Вуд легко согласился. Он в большой степени зависел от щедрости своей тетки, и поэтому считал целесообразным оказывать ей мелкие услуги. Они покинули ложу, вышли на крышу, где из посадочного

колодца был подан маленький скромный воздушный экипаж Роджера модели Герлингфосс. Дама Изабель, отказавшись от протянутой Роджером руки, грузно уселась на переднее сиденье.

Лиллиан Монтигль жила за рекой в старинном дворце, перестроенном в соответствии с современными стандартами. Ее финансовое состояние было сравнимо с состоянием дамы Изабель. Лиллиан была известна своим пристрастием к изысканным развлечениям, но сегодняшний ужин был относительно неформальным. То ли не подумав, то ли легкомысленно желая насолить подруге, она пригласила в этот вечер Бернарда Бикля, выдающегося музыковеда, космического путешественника, лектора, который должен был стать сегодня гвоздем программы.

Когда ему представили даму Изабель, та едва заметно поджала губы и не стала упоминать о своей связи с Адорльфом Гондаром и Девятой труппой Рлару.

Но, конечно же, была затронута и эта тема; сама Лиллиан Монтигль, бросив косой озорной взгляд в сторону дамы Изабель, спросила мистера Бикля, не присутствовал ли он на представлении, которое наделало столько шума.

Бернард Бикль, улыбнувшись, покачал головой. Это был приятный мужчина, среднего возраста, с легким шармом во внешности, с бросающейся в глаза щетиной усов.

— Я видел небольшой кусочек по телевизору, но не обратил на это особого внимания. Большинство людей на Земле стремятся к чему-то новому, модному и проходящему. Это только на руку Адольфу Гондару: если дураки и бездельники хотят ему платить, то чего же ему отказываться от денег?

— Милый мой мистер Бикль, — запротестовала Лиллиан Монтигль, — вы говорите так, будто сомневаетесь в подлинности этой труппы!

Бернард Бикль спокойно улыбнулся.

— Скажу вам больше, я никогда не слышал о такой планете, как Рлару, или как там это произносится. А, как вы знаете, я достаточно попутешествовал по космосу.

Молодая леди на другом конце стола подалась вперед.

— Но мистер Бикль! Думаю, вы чудовищно несправедливы! Вы даже не были ни на одном представлении! А я была и потрясена увиденным до глубины души.

Бернард Бикль пожал плечами.

— Адольф Гондар, кем бы он ни был, фантастически хороший шоумен.

Дама Изабель откашлялась. Роджер расслабился, сидя на стуле: действительно, а чего ему переживать или напрягаться? Что будет, того уже не избежать; благодаря своему возрасту, полу и командной позиции дама Изабель никогда не теряла достоинства, и оппозиция, как правило, моментально отступала.

— Должна вам заметить, что Адольф Гондар — совершенный дилетант в области шоубизнеса, — возразила она. — Зато он, вероятно, очень компетентный космический капитан, ведь это его основная профессия.

— Да? — вопросительно изогнул одну бровь Бернард Бикль. — Это, конечно, придает определенную яркость его заверениям. А что касается меня... — он поднял свой бокал с вином, внимательно изучая его красный блеск, — ...отложим в сторону скромность, я очень близок к вершинам того, что называют сравнительным музыковедением, символическим благозвучием или же просто музыковедением. И я не желаю, чтобы меня надувал какой-то таинственный мистер Гондар. Его музыка понятна, и это выдает его с ног до головы. Музыка — это как язык, вы не поймете ее, пока не выучите, а точнее говоря, с ней просто надо родиться.

— Вот видите, — прошептал кто-то.

Дама Изабель резко повернула голову, чтобы посмотреть на наглеца. Затем ледяным тоном заявила:

— Значит, вы отказываетесь верить в то, что обладающие чувствами разумные существа одного мира могут понять артистические усилия, включая сюда и музыку, таких же чувствующих разумных существ — из другого?

Бернард Бикль понял, что столкнулся с еще той мегерой, и решил retirоваться.

— Нет, конечно же. Вовсе нет. Мне припомнился один курьезный случай на четвертой планете Капел-

лы, представляющей малюсенький жалкий мирок, кстати, если кто захочет его посетить, то не советую! Во всяком случае, я присоединился к минералогической партии, совершавшей поход в глубь страны. Однажды мы расположились на ночь лагерем недалеко от местного племени: Бидрачат Дендисапс, как если известно?.. — он оглядел стол. — Нет? Ну, в общем, это довольно милые существа, около пяти футов ростом с густым черным мехом. У них две маленькие ножки, а что там под шерстью, одному Богу известно. Короче говоря, как только мы разбили лагерь, около тридцати этих самых капсов пришли нас навестить. Мы выложили серу, которую они использовали примерно так же, как мы соль, а ради смеха я включил свой портативный магнитофон, знаете, такой маленький «Доудекс» с долгоиграющими кассетами. Прочный маленький приборчик, правда, с не очень широкой полосой, но нельзя же получить все сразу. Капсы, скажу вам, прямо-таки впали в какой-то транс. Они сидели, уставившись на эту маленькую коробочку, целых три часа и не пошевелили за это время ни единым мускулом. Они даже позабыли про свою серу, — при воспоминании об этом Бикль улыбнулся.

Вдоль стола пробежал шепоток удивления. Лиллиан Монтигль сказала:

— Действительно, это очень трогательно. Возможно, они впервые слышали хорошую музыку!

— Ну... а эти капсы проявили какое-нибудь понимание или хотя бы одобрение услышанного? — спросил кто-то.

Бернард Бикль рассмеялся.

— Давайте скажем так. Я уверен, что они не уловили никакого смысла в Брандербургских концертах. Но они с таким же вниманием слушали и сюиту из «Щелкунчика», так что в поверхностности их никак не обвинишь.

Дама Изабель нахмурилась.

— Я не уверена, что полностью уловила смысл сказанного. Все-таки вы признаете универсальность музыки?

— Ну, в каком-то смысле, если выполняются определенные условия. Музыка — это средство общения...

эмоционального общения, в этом нет никакого сомнения и все это связано с основами символики. Вы меня понимаете?

— Естественно, — отрезала дама Изабель. — Я — секретарь-казначей Оперной лиги; если бы я ничего не понимала в музыке, я вряд ли долго продержалась бы на этом месте.

— В самом деле? Я не знал о вашем... скажем так, околопрофессиональном положении.

Дама Изабель резко кивнула головой.

А Бикль продолжил:

— Так вот, что я хочу сказать. Музыкальная символика проста и сложна одновременно. Медленный тихий ритмичный звук является хорошим успокаивающим. Серия резких, отрывистых, пронзительных звуков в форме стаккато, наоборот, всегда возбуждает. Это абстракция первого уровня. Когда мы рассматриваем аккорды, обращение аккордов, созвучия, мелодические структуры, то мы имеем дело с объектами, у которых символическое значение в отношении условности имеет более высокую степень. Даже среди разнообразия земной музыки нет согласования относительно этих значений. В символических же образах музыки других миров галактики мы можем рассматривать только возможные соответствия. Вполне вероятно, что посредством окультуривания или параллельного развития... — он поднял руку, так как кто-то из присутствующих хихикнул. — ...Не стоит так рано выражать свой скептицизм! Диатоническая гамма — это отнюдь не какой-то каприз и не случайное открытие! Она основана на фундаментальных гармонических соответствиях. Например, начнем с любой произвольно взятой ноты. Для простоты выберем «до», которую используем в качестве базового тона, тоники. Даже детское ухо услышит «до», которое находится на октаву выше или ниже, так как инстинктивно почувствует явное созвучие. Частотное соответствие в данном случае будет 2:1. Почти таким же базовым будет созвучие с частотным соответствием 3:2. В данном случае, это будет нота «соль», так называемая доминанта. Какая же нота займет для «соль» то же место, которое «соль» занимает для «до»? Это

будет нота «ре». А если тоникой выбрать «ре», то доминантой в данном случае будет «ля». А выбрав «ля», мы получим в качестве доминанты «ми». Двенадцать нот связаны между собой подобным образом и в конце концов мы окажемся опять очень близки к ноте «до». Теперь сдвиньте все это на равное число октав, выверите их, и вы получите знакомый вам диатонический звукоряд. Ничего сверхъестественного, обычная механическая процедура. И что из всего этого получается? А вывод очень прост: не будет ничего удивительного, если среди какой-то совершенно незнакомой расы, на какой-нибудь неведомой планете, мы обнаружим подобные нашим музыкальные инструменты, основанные на уже знакомых нам «до», «ре», «ми», «фа», « соль », «ля», «си», «до».

— Ха, ха! — воскликнула дама Изабель, — Это именно то, что я и говорю тем глупцам, которые придираются к Адольфу Гондару и Девятой труппе.

Бернард Бикль с улыбкой покачал головой.

— В этом нет ничего общего! Согласие с тем, что такие вещи, как шарнир, блок или теорема Пифагора являются универсальными понятиями, никак не влияет на скользкий случай с Адольфом Гондаром. Нет... — он подчеркнуто вскинул руку, — ...не надо обвинять меня в противоречии. Я просто с трудом могу поверить в то, что музыкальные символы и соответствия чужой расы, каковой по утверждению является Девятая труппа Рлару, способны оказаться близки к нашим настолько, что смогут эмоционально воздействовать на нас. Разумно?

— Очень разумно, — ответила дама Изабель, — настолько разумно, что никак не скрывает ужасных брешей в вашей логической цепи. Факт остается фактом: я лично спонсирую мистера Гондара; я полностью контролирую всю финансовую сторону этих гастролей, и я не из тех женщин, из которых можно делать дуру.

Бернард Бикль рассмеялся.

— Ну, в таком случае мне придется переосмыслить мои рассуждения и попробовать найти эту «ужасную брешь» в моей логике.

— А я предлагаю вам просто посетить один из спектаклей, — сказала дама Изабель. — Если хотите, може-

те, присоединиться ко мне в моей ложе на завтрашнем представлении.

— Я посмотрю, что у меня запланировано на завтра, и если отыщется такая возможность, то обязательно приму приглашение, — мрачно ответил музыковед.

* * *

Но Бернарду Биклю так и не удалось насладиться выступлением Девятой труппы из роскошной ложи дамы Изабель. В эту ночь Девятая труппа исчезла — исчезла полностью, не оставив ни следа, ни намека, словно растворившись в воздухе.

Глава вторая

После того, как Роджер Вул отвез даму Изабель в ее прекрасный старый дом Беллоу, стоящий в одноименной долине, он решил заночевать там, так как вечер был уже потерян, и возвращаться домой, в город, не имело никакого смысла. Таким образом, он находился в комнате, когда дворецкий Холкер поставил на стол для завтрака видеотелефон, пробормотав:

— Мистер Гондар, мадам. Срочное сообщение.

— Спасибо, Холкер.

Дама Изабель нажала кнопку, и на экране появилось лицо Гондара. Его глаза были злее, чем обычно, лицо имело отсутствующее выражение без всякого следа тех богатых эмоций, которые свойственны всем импресарио.

— Да, Адольф? — сказала дама Изабель. — Какие у тебя затруднения?

— Очень простые, — ответил Гондар. — Девятая труппа исчезла.

— Исчезла, говоришь, — и дама Изабель одарила Гондара долгим задумчивым взглядом, заставившим Роджера подумать о том, что замечание Бернарда Бикля оказалось более весомым, чем это пыталась изобразить его тетя. — И при каких именно обстоятельствах?

— После сегодняшнего представления я проводил всю труппу на базу отдыха театра. Они поели и начали

спокойно устраиваться на ночь, хотя, должен отметить, что мне они показались несколько возбужденными. Можно сказать, какими-то озорными. Накануне я пообещал им экскурсию: поездку на яхте мистера Сейверино, и поэтому решил, что причиной их возбуждения является именно это... А утром их здесь просто не оказалось. Швейцар клянется, что никого на улицу не выпускал, а дежурный по базе божится, что ни один воздушный экипаж в течение ночи на базу не прибывал и с базы не отлетал.

— Это очень серьезно,— заметила дама Изабель.— В данном случае замешана моя личная репутация. Должна заметить, что такой поворот дела меня совершенно не устраивает.

— Не устраивает? — взревел Гондар.— С чего бы это? Вы получили все до последнего пенса из того, что мы заработали за последние три месяца. Уж вам-то нет никаких оснований жаловаться.

— Похоже, оправдались мои худшие предположения. Насколько вы знаете, в отношении трупы проскакивали некие цинические замечания. Я, естественно, не обращала на них никакого внимания, но теперь мне очень интересно узнать, как и почему исчезли гастролеры.

Мрачное выражение лица Гондара совершенно не изменилось.

— Я бы с большим удовольствием разорвал наши отношения,— заявил Гондар.— Все, что для этого требуется, так это вернуть мои деньги.

— И не подумаю,— ответила дама Изабель.— Я настаивала на существующих условиях, имея в виду именно такое развитие событий; предполагая нечто подобное, я рассчитывала вернуть потраченные мною деньги. На данный момент я совершенно не удовлетворена сложившейся ситуацией. К тому же, вы мне почти ничего не рассказали о Рлару, и прежде чем я выдам хоть какие-то средства, я должна быть абсолютно уверена в своей позиции.

Гондар недовольно кивнул головой.

— Вы будете дома сегодня утром?

— Перед лицом сложившихся обстоятельств, да.

— Тогда я приеду через полчаса,— экран видеотелефона потух. Дама Изабель повернулась к Роджеру и недовольно фыркнула:

— Иногда мне кажется, что весь наш мир состоит из подделок и грязи.

Роджер поднялся из-за стола.

— Так как у меня...

— Сядь, Роджер. Ты мне потребуешься здесь.

Роджер покорно сел обратно.

Вскоре Холкер объявил о прибытии Адольфа Гондара. На импресарио был строгий темно-синий костюм с белыми кантами и алыми клиньями на бедрах и темно-синяя свободная фуражка с кокардой космонавта. В руках он держал небольшой дипломат, который при входе отставил в сторону.

— Хотите кофе? — спросила дама Изабель. — Или вы предпочитаете чай?

— Спасибо, ни того, ни другого.

Он кинул взгляд в сторону Роджера, подошел к столу и встал напротив дамы Изабель, одетой этим утром в элегантное милое платье из кружев и синего атласа.

— Присаживайтесь, пожалуйста, мистер Гондар.

Гондар придвинул к столу стул и, усевшись на него, сразу приступил к делу.

— Думаю, что мне стоило бы получить свои деньги,— сказал он.— Я выполнил все условия...

— Вот именно это я и хотела бы обсудить,— строго произнесла дама Изабель.— В нашем договоре гарантируется отсутствие «подлогов, неточностей и подтасовки фактов». Я старательно соблюдала все эти условия.

— Равно как и я!

— Вы были не слишком-то откровенны. Вы раздули вокруг себя ужасную таинственность и скрыли от меня существенные факты, так что я вправе считать наше соглашение недействительным.

Гондар ошолбенел от неожиданности.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я расторгаю наш договор и отказываюсь выдать заработанные трупной деньгами.

Лицо Гондара побелело и застыло.

— Я считал вполне достаточным изложить вам только конкретные факты.

— Но вы мне рассказали далеко не все? Как и где точно вы наняли Девятую труппу? Почему они исчезли? И где они находятся в данный момент?

Гондар решил ответить только на последний вопрос.

— Полагаю, они просто вернулись домой.

— На Рлару? — в голосе дамы Изабель прозвучал явный скепсис.

— Да. Хотя, откуда мне знать? Эти существа используют такую технику и научные достижения, о которых мы и понятия не имеем. Но я думаю, что они решили возвратиться на свою планету.

— Используя, как я полагаю, телепортацию? — со слов дамы Изабель так и сочилось презрение.

— Мне это тоже любопытно. Кстати, я и сам как-то пользовался этим. И вообще, я сталкивался на Рлару с такими вещами, которые невозможно даже описать... В том числе и с совершенно потрясающими музыкальными произведениями. Думаю, вы назвали бы это операми.

У дамы Изабель разыгрался интерес.

— Это какие такие оперы? Наподобие представлений Девятой труппы?

— О нет. Однако и Девятая труппа не совсем комический ансамбль, хотя их репертуар и относится к тому, что мы с вами называем легким жанром.

— Хммм, — некоторое время дама Изабель смотрела в окно. — И что вы им пообещали, чтобы уговорить на земные гастроли?

Теперь настало время задуматься Гондару.

— Я был на Рлару около четырех месяцев, выучил за это время основы их языка. Когда я увидел качество их спектаклей, то упомянул, что у нас, на Земле, тоже существует нечто подобное и что было бы недурно организовать некий культурный обмен.

Роджер хотел было рассмеяться, но, заметив взгляд дамы Изабель и выражение недовольства на лице Гондара, подавил смешок.

— Никаких трудностей с ними у меня не возникло, — продолжил Гондар. — Я привез Девятую труппу

на Землю и должен был, согласно договоренности, отправить на Рлару творческий коллектив с Земли. Но теперь...— он развел руками,— ...не знаю, как быть. Я ничего не понимаю.

Дама Изабель налила из серебряного кофейника чашку кофе и протянула ее Гондару.

— Вы сможете еще раз найти эту планету — Рлару?

— Если возникнет такая необходимость.

Дама Изабель нахмурилась.

— Сложилась очень неприятная ситуация, и в наших обоюдных интересах прекратить всякие нежелательные слухи. А могла ли труппа просто отлучиться куда-нибудь, не предупредив вас?

Гондар покачал головой.

— Я считаю, что они вернулись на Рлару, но почему это произошло, мне остается только догадываться.

— Наука этой планеты находится на высоком уровне?

— Я не стал бы так утверждать. Видите ли, все не так просто... На самом деле там совершенно другая ситуация: похоже, никто не трудится в поте лица, разве что за исключением представителей самых низких классов.

— О? Значит, там классовое общество?

— Думаю, можно сказать и так. На вершине их общества находятся аристократы, одновременно являющиеся музыкантами и актерами. Далее следует что-то вроде нашего среднего класса, у которого тоже есть свои творческие натуры. На самом дне находятся своего рода бродяги, индивидуалы безо всяких талантов. Если на этой планете и есть какие-то ученые или промышленные предприятия, то я, во всяком случае, с ними не сталкивался.

— И вы не проводили тщательного исследования?

— Нет. Мне дали понять, что совать свой нос куда не просят не совсем, гм, безопасно.

— Так, так. Это очень интересно. Определенно, контакт между нашими двумя планетами должен продолжаться. Роджер, а что ты думаешь по этому поводу?

— Совершенно с вами согласен. У меня нет никаких вопросов.

— Сегодня вечером соберется Оперная лига,— сказала дама Изабель.— Я доложу там обо всем, что вы

мне рассказали, и буду рекомендовать продолжить программу культурного обмена.

— Очень хорошо,— монотонно заметил Адольф Гондар,— но как насчет денег?

— Всему свое время,— сказала дама Изабель.— Деньги находятся в сохранности и продолжают расти. Но вы были довольно небрежны... очень небрежны.

Гондар, похоже, очень удивился этому замечанию.

— Как так?

— Вы не сказали мне ни слова об обязательстве послать на Рлару музыкальный коллектив. А такие дела с кондачка не делаются.

Гондар задумчиво потер свой длинный подбородок. Он бросил взгляд в сторону Роджера, затем перевел его на даму Изабель.

— Не думаю, что это осуществимый проект... Особенно теперь, в свете последних событий...

Взгляд дамы Изабель стал каменным.

— Мистер Гондар, я никогда не допускала в своих поступках никакой двусмысленности и всегда действовала так, чтобы мне можно было доверять, и от тех, с кем я имею дело, я требую того же самого. Вы только что заверили меня, что Девятая группа с Рлару прибыла на Землю, осуществляя половину программы культурного обмена.

— Да, конечно, но...

— То, что вы мне сейчас сказали, это правда или нет?

— Естественно, правда. Однако...

— Если это правда, то наши обязательства вполне определены. К тому же, ваша репутация, равно как и моя, находится под угрозой. Мы должны поставить на место тех, кто подвергает ее сомнению. Вы с этим согласны?

— Да, конечно. Я полностью согласен с вами.

— И, организовав поездку на Рлару группы представителей музыкантов, мы можем убить двух зайцев сразу.

Гондар скривил кислую мину.

— По личным мотивам я не собираюсь пока покидать Землю. Боюсь, на данный момент это невозможно.

— Тогда мне придется использовать благотворительные средства, находящиеся под моей опекой. Я не вижу другого пути доказать нашу порядочность.

Гондар глубоко задумался, потом издал покорный вздох.

— Ладно. Организовывайте свое турне. Вреда от этого не будет.

— Хорошо. Я уверена, что Оперная лига с большим энтузиазмом поддержит этот проект.

* * *

Однако Дама Изабель ошиблась. К ее великому удивлению, директорат Оперной лиги отказался от всякого спонсирования этих гастролей.

— Мы должны побеспокоиться о нашей репутации, — сказал Штильман Гордвейнер, президент Лиги. — Из достоверных источников мне известно, что Адольф Гондар обыкновенный шарлатан. На мой взгляд, мы должны полностью от него отречься, а в будущем быть более осторожными.

— Согласен с каждым вашим словом, — заявил Бруно Бруновский. — Этак дело дойдет до того, что в следующий раз мы будем спонсировать группу танцующих медведей.

Дама Изабель заявила самым ледяным тоном, на который только была способна:

— Мне совершенно ясно, что дирекция хочет уйти от всякой ответственности. Я считаю ту политику, о которой только что объявил Совет директоров, безвкусной, бесплодной, недалекой и глупой; у меня не остается иного выбора, кроме как с этого момента подать в отставку. Я сама возьму на себя ответственность за это турне на Рлару. Если вы выберете сейчас нового Секретаря-казначея, я тут же передам ему все документы и счета.

Глава третья

Когда Роджер Вул прочитал в утренних газетах о планах своей тетки, то первой его реакцией было изумле-

ние, второй — испуг, а третьей — слепое инстинктивное желание действовать, пока еще не было слишком поздно.

На звонок по видеотелефону ответил Холкер, он передал аппарат тетке Роджера, которая сидела в тот момент за своим секретером и просматривала какие-то программки и записки. Наигранным веселым тоном Роджер спросил:

— Тетя Изабель, вы не читали еще сегодняшние газеты? Там опубликованы очень забавные сообщения.

— Да? — Дама Изабель даже не оторвалась от своего занятия. — Нам надо заполучить Бианколлели. И Отто фон Шеерупа. — Затем, наконец-то, подняла глаза к видеотелефону. — Да, что ты говоришь?

— Я говорю про газеты, — сказал Роджер. — В них говорится о фантастических слухах, будто вы отправляетесь в космос с музыкальным турне... глупее не придумаешь. Думаю, вам следует подать в суд на... на...

— На что, Роджер?

— На оскорбительную клевету, вводящую в заблуждение публику.

— Роджер, не тараторь. В газетах написано все правильно. Я действительно собираюсь организовать оперную труппу и отправиться с ней на Рлару.

— Но, тетя, вы только подумайте! Расходы, трудности! В оперной труппе должно быть не менее полсотни человек...

— Я думаю, нас вполне устроит коллектив в семьдесят два или семьдесят три человека. Труппа должна быть очень гибкой, все участники должны быть в состоянии взять на себя любые эпизодические роли.

— Но ведь для этого придется нанять целый космический корабль: с командой, с необходимым обеспечением...

— Я заинтересовала, мой друг, этим проектом адмирала Рателюу; он обеспечит меня кораблем по вполне подходящей цене за чартер. Это-то как раз самая малая из проблем.

— Но вы же не можете просто так отправиться в космос! Подумайте хотя бы об опасностях!

— Ерунда. Как говорил мистер Бикль, он везде встречает сердечный прием. Ты, Роджер, просто начитался бульварных романов; твоей неумемной энергии, очевид-

но, нужен какой-то выход. Возможно, тебе следует подыскать работу.

— Я говорю серьезно, — возразил Роджер, — вы и понятия не имеете о тех проблемах, деталях, заботах, с которыми вам придется столкнуться.

— Для того, чтобы решить все эти проблемы, я, естественно, найму компетентных специалистов.

— Но каковы будут расходы! Такое мероприятие потребует миллионов!

Дама Изабель пожала плечами.

— У меня весьма приличное состояние; какой толк от него будет, когда я умру?

Против такого аргумента спорить было глупо. Однако, являясь самым ближайшим родственником своей тетки, Роджер рассматривал себя как ее наследника, и деньги, которые она собиралась спустить на столь экстравагантное мероприятие, он вполне мог воспринимать как уже свои.

— Вероятно, мы можем надеяться даже на прибыль, — бодро заявила дама Изабель. — Я вовсе не собираюсь ограничиться выступлениями только на Рлару. Я твердо уверена в универсальности музыки, а рассказ мистера Бикля об этих мохнатых существах, которые слушали его магнитофон, тронул меня до глубины души.

Роджер хотел было что-то сказать, но потом решил, что лучше промолчать.

— У меня очень далеко идущие идеи, — продолжала дама Изабель. — Мы все признаем, что у жителей дальних планет зачастую нет музыкального восприятия подобного нашему; и, тем не менее, любое наше начало, любая искра, которую мы сумеем разжечь, могут привести к очень драматическим музыкальным событиям. Разве сам мистер Бикль не высказывал предположения, что, может быть, именно среди таких существ и зародится новая музыка будущего?

— Мне казалось, что ты считаешь мнение мистера Бикля слишком поверхностным, — тоскливо заметил Роджер.

— У каждого есть своя собственная точка зрения. По крайней мере, мистер Бикль говорит, основываясь на своем обширном исследовательском опыте, в то вре-

меня как такие господа, как мистер Торп и мистер Сиборо, все свои познания выудили друг у друга.

Роджер недовольно хмыкнул.

— Я бы ни на йоту не доверял мистеру Адольфу Гондару. Что вы вообще знаете о нем?

— Я знаю, что он должен во всем мне помогать, в противном случае он не получит ни пени из того, что заработал. А раз уж мы затронули вопрос о заработках, то, по-моему, для тебя настало время подыскать себе какое-нибудь занятие. Вчера мне звонили и просили уладить дела с кое-какими твоими счетами. Я довольно либерально отношусь к твоему поведению, но такую расточительность нахожу трудно объяснимой...

Роджер почувствовал, что пора заканчивать разговор, и мрачно подумал о будущем. Он более-менее привык к эксцентричным выходкам дамы Изабель, но эта затея была чересчур монументальной, скорее даже слишком радикальной, чем экстравагантной. Роджер никак не мог подобрать для нее соответствующее слово.

Что же касалось его собственного положения, то тут было над чем призадуматься. Работа, служба. Эти понятия Роджер отождествлял с пущенным на ветер драгоценным собственным временем. А ведь это могло стать просто необходимостью, так как на свой абсурдный дорогостоящий каприз дама Изабель могла спустить все, что имеет. И тут Роджер вспомнил про Бернарда Бикля: если кто и сумеет отговорить ее от этой затеи, так только он. Не раздумывая, заботливый племянник позвонил в гостиницу «Номад».

На звонок ответил сам Бикль и сообщил, что с большим удовольствием готов принять Роджера прямо сейчас.

Незамедлительно Роджер сел на воздушный автобус и отправился на встречу. Бикль встретил его в фойе отеля и предложил выпить чашечку кофе в близлежащем кафе «Звездный пассажир».

Когда они уселись за столиком, поставив перед собой кофе и вазочку с пирожными, Бикль вопросительно посмотрел на визитера.

— Вы, вероятно, догадываетесь, зачем я пришел к вам, — сказал Роджер.

— Ни малейшего понятия, мой юный друг.

— Разве вы еще не слышали о новой затее моей тетушки?

Бикль покачал головой.

— Меня не было в городе. Что-нибудь интересное, как я полагаю?

— «Интересное», — с горечью повторил это слово Роджер. — Она набирает оперный театр, чтобы отправиться с ним в турне на эту планету Рлару. Она намерена, не моргнув глазом, истратить на эту затею несколько миллионов.

Бикль слушал, время от времени кивая головой и капризно поджав губы.

— Ваша тетушка относится к той категории людей, которая сейчас почти исчезла: богатый, очень эксцентричный любитель. Впечатляющая женщина... но, к сожалению, я не могу разделить ее веру в капитана Гондара.

— Это ужасно! — заявил Роджер. — Он втянул ее в проект, который стоит целое состояние. А еще она хочет посетить попутно и другие миры, кстати, именно вы вдохновили ее к этому своим рассказом о том, как Бидрачат Дендисапс слушал музыку на вашем магнитофоне.

Бернард Бикль от души рассмеялся.

— Как забавно! На самом деле эти примитивные существа были просто поражены тем, как я сумел загнать столько много насекомых, а местные насекомые издают довольно громкий свист, в такую маленькую коробочку. Вы уж меня извините за откровенность, но в данном случае идея вашей тетушки глупа донельзя. Да эти дендисапы не отличат концерта от стука в дверь.

Роджер натянуто рассмеялся.

— Однако на нее очень подействовал ваш рассказ. Я даже не знаю, как бы вам это сказать, но не могли бы вы попробовать разъяснить ей истинное положение вещей?

Бернард Бикль нахмурился и погладил свои красивые серебряные усики.

— Я, конечно, буду счастлив дать вашей тетушке несколько советов, но я же не могу просто так начать ее отговаривать и навязывать свое мнение.

— Послушайте, что я вам скажу! — воскликнул Роджер. — Приезжайте-ка сегодня ко мне в гости в Беллоу. Не сомневаюсь, что моя тетушка будет очень рада встретиться с вами.

Бернард Бикль слегка пожал плечами.

— У меня на сегодня нет никаких дел... так что я с удовольствием приму ваше приглашение.

— Отлично! Мы можем договориться на любое удобное для вас время.

— Ну... скажем, в два часа?

— Великолепно! Я заеду за вами на своем воздушном экипаже.

Около трех часов дня Роджер и Бернард Бикль прибыли в Беллоу. Роджер приземлился на взлетной площадке, где их встретил Грумиано, старый швейцар, который взял на себя заботу поставить экипаж в гараж.

Бернард Бикль медленно прошелся по балюстраде, осмотрелся и восторженно произнес:

— Какое великолепное место, настоящее дворянское гнездо! Этому поместью, наверное, несколько сотен лет!

— Да, место великолепное, — согласился Роджер. — И мне не хотелось бы видеть, как оно пойдет с аукциона... Мы, вероятно, найдем тетушку в розовом саду или на южной террасе.

Дама Изабель действительно сидела за мраморным столиком на южной террасе и записывала на диктофон письма, одновременно делая звонки по видеотелефону. Очевидно, не узнав Бернарда Бикля, она сухо кивнула в сторону Роджера и его гостя.

— Садись, Роджер. Я сейчас освобожусь. У меня на связи Марцик Ипсигори, и я пытаюсь обговорить с ним условия контракта. Я уверена, что он к нам присоединится.

Мужчинам пришлось ждать, пока дама Изабель переговорит со знаменитым баритоном, который, естественно, не смог дать никакого определенного ответа, так как должен был выполнить свои обязательства по уже существующим договорам на текущий год.

Закончив беседу, она повернулась к племяннику.

— Ну, Роджер, познакомь меня со своим другом. Ба, да это же мистер Бикль!

— Да, мадам, это именно я. И я счастлив посетить ваш дом и увидеть его столь роскошное окружение.

Дама Изабель кивнула.

— Лучше всего здесь бывает летом. Роджер, найди Холкера и скажи, чтобы он приготовил чай.

Когда Роджер вернулся, дама Изабель и Бернард Бикль прогуливались по восхитительному саду роз и оживленно беседовали. Время от времени дама Изабель громко, от чистого сердца смеялась, музыковед тоже выглядел очень довольным. «По крайней мере, — подумал Роджер, — тетушка слушает пока без возражений. Возможно, она и сама уже начала понимать всю сложность задуманного. Роджер с облегчением вздохнул: обратиться со своей проблемой к Бернарду Биклю было поистине мудрым решением.

Холкер накрыл стол для чаепития, и все трое расположились за ним для продолжения беседы.

— У меня хорошие новости, Роджер! — воскликнула дама Изабель. Действительно очень хорошие! Мистер Бикль согласился присоединиться к нашему небольшому турне по планетам! Он будет нашим музыкальным консультантом. Правда, к сожалению, за очень высокую плату... — она шаловливо хихикнула, — ...но зато, надеюсь, нам сильно помогут его специализированные знания.

Роджер с болью и удивлением посмотрел на Бернарда Бикля, который, улыбаясь, кивал головой.

— Я скажу вам честно, — заявил Бикль. — Лучшего человека для такой цели вам не найти. В космосе существуют дюжины ловушек, в которые вы без опытного совета обязательно попадетесь.

Роджер поднялся; дама Изабель удивленно взглянула на него:

— Разве ты не останешься с нами обедать, Роджер?

— Нет, — ответил тот, — я только что вспомнил, что у меня назначена встреча.

Он мрачно поклонился Бернарду Биклю и удалился.

Дама Изабель вздохнула:

— Не могу я понять Роджера. Хороший паренек, но, как и многие другие люди его поколения, слишком беспечен. Я договорилась о месте для него на бирже ценных бумаг «Атлантик Секьюрити». Говорят, этот мир акций и облигаций прямо завораживает, и я уверена, что обязательное рабочее время окажет на него благотворное влияние.

— Совершенно верно, — согласился Бернард Бикль, — вы приняли очень разумное решение.

Глава четвертая

С журналистской точки зрения, мировые события вступили в фазу застоя. Общество не будоражили никакие политические соглашения; скандальный процесс «Холл против Андерсена» закончился; восстановление древних Афин было завершено; Лох несского чудовища никто не видел уже несколько месяцев. Пищу для слухов и размышлений черпать было практически неоткуда: бракоразводный процесс Барбары Бенквиллер и Великого герцога Тибетского был предрешен; демонстрация новых моделей воздушных экипажей должна была состояться только в ближайшем будущем. Конечно, время от времени какие-то события все-таки происходили, например общество голубых купило несколько миллионов акров земли в центральной Мавритании, с центром в Себкра де Чинчана, и теперь отпускники могли наслаждаться древней кочевой жизнью; появились на рынке полые сухарики, содержащие тринадцать унций пива; команды «Лос Вегас Доджерс», «Осака Эаквокерс», «Сант-Луис Браунс», «Милан Грин Сокс» и «Бангалор Аватарс» готовились к упорной борьбе в предстоящем мировом первенстве. Но все это были мелочи. Поэтому проект дамы Изабель относительно турне по дальним планетам вызвал оживленный мировой интерес. Эксперты бурно комментировали это событие на все лады; их заявления обсуждались и взвешивались, и вскоре яростный спор охватил все интеллектуальное общество. Сторонники одной точки зрения называли даму Изабель просто чокнутой,

а весь ее проект — не иначе как музыкальной чепухой; другие отмечали, что надо, по крайней мере, учесть опыт всех заинтересованных сторон. В связи с разгоревшейся полемикой Бернард Бикль написал убедительную статью для «Космолоджисьян». В ней говорилось: «Вполне возможно, что каждый индивидуал любой планеты полностью воспримет репертуар, тогда это окажется своего рода толчком; в худшем случае представление вызовет просто удивление новым звукам и цветам, в лучшем — энтузиазм, возможно, чисто интуитивный ответ (не надо забывать, что в основе репертуара лежит классическая опера, вычурная и утонченная форма музыки). Мы можем встретиться с расами, у которых существует своя продуманная звуковая структура, я сам уже несколько раз сталкивался с таким явлением. Другие расы могут оказаться совершенно глухими, таким просто не дано представить, что такое музыка. Тем не менее, никто не должен остаться равнодушным перед величием классической оперы и энтузиазмом артистов, участвующих в постановке. Мы достигнем, по крайней мере, хороших общественных связей; а в лучшем случае передадим хоть какую-то часть нашего опыта расам, которые оказались в этом плане беднее нас».

В другой статье Бернард Бикль осторожно затронул вопрос о планете Рлару: «К сожалению, я сумел увидеть только маленький кусочек того спектакля, который ставила Девятая труппа. Должен сказать, что эти *soirзоп* дали мне богатую пищу для размышлений. Что же касается расположения Рлару, то ничего конкретного вам сказать не могу: даже путешествующие музыковеды смогли посетить только малую толику обитаемых миров. Но я хотел бы сделать замечание на тему, которая пока еще не затрагивалась: Девятая труппа, согласно всем сообщениям, состояла из индивидуумов как очень близких к людям, так и очень от них далеких, но, тем ни менее, они явно относились к одному из многочисленных антропоидных типов. Если внешние черты, анатомия и строение могут продемонстрировать факт параллельного развития, то почему бы подобному не произойти и с музыкальными идио-

мами, особенно, если учесть, что гармония является такой же объективной наукой, как, скажем, химия.

Однако отложим на время решение этого непростого вопроса. Благодаря счастливому стечению обстоятельств и помощи Адольфа Гондара мы вскоре посетим эту чудесную планету и все увидим своими глазами. Верны наши предположения или же нет, мы выясним во время этой поездки. А пока я бы посоветовал воздержаться от каких-либо суждений».

* * *

Роджер все-таки устроился на работу в «Атлантик Секьюрити», так как прекрасно понимал, что трудности ему ни к чему: всегда разумнее гнутья по ходу ветра. И, конечно же, события развивались так, как он и предполагал. После недели приятного ничегонеделанья он был вызван к мистеру МакНабу, который сообщил, что в связи с определенными финансовыми тенденциями фирма вынуждена пойти на сокращение штатов. Мистер Вуд был одним из последних принятых на работу сотрудников, и поэтому должен будет первым покинуть фирму.

Роджер, постаравшись принять скорбный вид, отправился в Беллоу, чтобы объяснить сложившуюся ситуацию тетушке, но там обнаружил, что она в сопровождении Бернарда Бикля поехала в космопорт. Роджер последовал туда и нашел даму Изабель в ремонтном доке, расположенном в северной части летного поля. Ее «Феб» (так она назвала свой корабль) переделывался под те специальные цели, для которых был предназначен.

«Феб», как обнаружил Роджер, обойдя корабль в поисках дамы Изабель, оказался внушительным транспортом, состоящим из пяти сфер размером порядка шестидесяти футов в диаметре, соединенных яйцевидными в сечении трубами, достигавшими в самых толстых местах двадцати футов. Одна сфера была открыта и переделывалась под сцену. Там-то Роджер и обнаружил свою тетушку, беседующую с разработчиком. Она коротко поприветствовала Роджера, не выразив при

этом ни удивления, ни раздражения. Роджер несколько раз осторожно вздохнул и расправил плечи, почувствовав, что самое худшее осталось позади, так как в прошлой подобной ситуации дома Изабель проявила неприличную говорливость. Сейчас же она внимательно слушала, как проектировщик рассказывал ей о том, как он собирается оборудовать сцену в космическом корабле. Пятигранная форма «Феба» ограничивала вполне подходящее пространство в центре, где можно было возвести опору, от нее протянуть тросы к каждой сфере, все это обтянуть легким материалом, и в результате получалось напоминающее палатку помещение для аудитории.

Вскоре к ним присоединился Бернард Бикль. Он отходил, чтобы осмотреть жилые помещения, и теперь докладывал, что там все в порядке. Правда, каюта дамы Изабель, как, впрочем, и его каюта с кабинетом, показались музыковеду несколько тесноватыми. «Нельзя ли немного расширить эти помещения?», — поинтересовался он. Проектировщик обещал рассмотреть этот вопрос.

Когда Дама Изабель несколько отвлеклась от своих космических забот, она заметила присутствие Роджера, и выражение ее лица изменилось.

— Роджер! Скажи мне, ради всего святого, что ты здесь делаешь? Почему ты не на работе?

Роджер был застигнут врасплох.

— Временный отпуск, — заикаясь, пояснил он, — по крайней мере, я так надеюсь. На рынке ценных бумаг сейчас очень тяжелая ситуация. Мистер МакНаб сказал мне, что бизнес ожидают серьезные потрясения, и он собирается перевести треть своего штата на работу по вызову.

— Правда? — ледяным тоном спросила дама Изабель. — Когда я в последний раз с ним разговаривала, он не говорил мне ничего подобного.

Роджер заявил, что в деловом мире несчастья происходят зачастую с быстротой молнии.

— Мистер МакНаб, естественно, хотел меня оставить, но побоялся, что это будет выглядеть как нездоровый протекционизм. Я ответил, что он может не

беспокоиться о моих чувствах и должен сделать так, как считает нужным.

— Роджер, — вздохнула дама Изабель, — я просто не знаю, что с тобой делать. У тебя прекрасное образование, хорошие манеры, ты обладаешь определенным шармом, который умело используешь, когда тебе это надо, и впридачу ко всему у тебя невероятный талант к жизни на широкую ногу. Ну что ты будешь делать без моего пособия? Умрешь с голоду? Или ты думаешь, что запросы твоего живота неподвластны тискам реальности?

Роджер вынес эту головомойку, по его мнению, с должным достоинством. Наконец, дама Изабель закончила правоучительную траду и всплеснула руками.

— Полагаю, что пока у меня есть средства, мне так и придется делить их с тобой.

Поставив точку в беседе с племянником, она снова переключила свое внимание на разработчика, а Роджер с облегчением отошел в сторону.

Вдруг он заметил очень симпатичную девушку, внимательно разглядывающую «Феб». На ней был коричневый костюм с черным кантом и коричнево-черная шапочка. Она была чуть выше среднего роста и имела слегка растерянный вид. У незнакомки были каштановые волосы, карие глаза и правильные приятные черты лица. Первое, что почувствовал Роджер по отношению к ней, было симпатией, второе и третье впечатление называлось так же. Девушка просто излучала женскую притягательность; посмотрев на нее, хотелось подойти к ней, прикоснуться, заявить право на собственность. В ней было нечто большее, чем просто физическое очарование. Даже с первого взгляда, а Роджер никогда раньше не ставил высоко свою интуицию, он почувствовал в ней какую-то таинственность и экстраординарность, некий легендарный *élan*, который трудно подобно описать.

Девушка заметила, что Роджер обратил на нее внимание. Это, казалось,нисколько ее не смутило. Роджер улыбнулся, правда, без особого пыла: недавно полученная головомойка не прибавила ему самоуверенности. Но незнакомка рассматривала его с выражением, близ-

ким к восхищению, и Роджер подивился, неужели эта девушка чудесным образом сумела заглянуть в глубины его души и обнаружила там великолепную сущность.

И тут, о чудо из чудес, она сама подошла к нему, сама заговорила с ним: голос у нее был мягкий, речь звучала в каком-то непонятном ритме, который Роджер никак не мог уловить, но это придавало каждой ее фразе некий поэтический пульс.

— Вон та леди... это случайно не дама Изабель Грейс?

— Вы совершенно правы. Это она самая, — сказал Роджер. — Вернее не бывает.

— А кто тот мужчина, что разговаривает с ней?

Роджер взглянул через плечо.

— Это мистер Бикль. Музыкальный эксперт; по крайней мере, сам он считает себя таковым.

— А вы тоже музыкант? — продолжала расспрашивать девушка.

Роджеру внезапно очень захотелось, чтобы именно так оно и было; совершенно ясно, что она хочет, чтобы он был музыкантом, что она бы это одобрила... «Ну, всегда можно всему научиться», — подумал он и решил немного приврать.

— Да... в некотором роде.

— Ух ты! Правда?

— Да, конечно, — сказал Роджер, — я играю... Я, в общем-то, могу многое... А вы кто такая?

Девушка улыбнулась.

— На этот вопрос я не могу вам ответить... Дело в том, что я и сама еще толком не знаю ответа. Но я скажу вам свое имя... если вы скажите свое.

— Я — Роджер Вуд.

— Вы ведь имете какое-то отношение к даме Изабель Грейс?

— Она моя тетушка.

— Вот здорово! — девушка одарила его восхищенным взглядом. — И вы полетите в экспедицию к далеким планетам?

До этого момента Роджер даже и не задумывался о такой возможности. Он нахмурился, бросил украдкой взгляд в сторону тетки и испугался, встретившись с ее

взглядом. Дама Изабель оценивающе взглянула на девушку, и Роджер моментально понял, что у тетки она не вызвала никакой симпатии. Дама Изабель искренне любила простых и ясных типов, безо всяких скрытых слоев или темных пятен. А у этой девушки явно были и скрытые слои, и темные пятна, и тысячи мерцающих таинственных огоньков.

— Да, — сказал Роджер, — думаю, что, возможно, я отправлюсь вместе с ними. Наверно, это будет довольно занято.

Она торжественно кивнула головой, как будто Роджер объявил космическую истину.

— Я бы тоже с удовольствием присоединилась к этой экспедиции.

— Ты так и не назвала мне своего имени, — заметил Роджер.

— Извини, действительно не сказала. Видите ли, это странное имя, по крайней мере, мне все так говорят.

Роджер был вне себя от нетерпения.

— Так как же тебя зовут?

Ее губы дернулись:

— Медок Росвайн.

Роджер попросил ее назвать имя еще раз по буквам, и она исполнила его просьбу.

— На самом деле это уэльское имя, из графства Марионет, это к северу от Барвинских гор, но теперь там никого не осталось. Я последняя из рода.

Роджер хотел высказать ей свое сожаление, но в это время к ним частыми короткими шагами подошла дама Изабель.

— Роджер, представь мне свою подругу.

— Дама Изабель, мисс Медок Росвайн.

Дама Изабель отрывисто кивнула. Девушка сразу же воспользовалась возможностью обратиться к ней:

— Я очень благодарна, что удостоилась чести встретиться с вами, дама Изабель. Я считаю, что вы делаете замечательную вещь, и очень хотела бы к вам присоединиться.

— В самом деле? — Дама Изабель оглядела девушку с ног до головы. — Вы играете?

— Не профессионально. Я пою, музицирую на фортепиано и концертино, а еще я умею играть на таком пустяковом инструменте, как жестяной свисток.

— К сожалению, наш репертуар полностью состоит из классических опер, — как можно суше ответила дама Изабель, — хотя я собираюсь в него включить одно-два произведения из Раннего Декаданса.

— А разве у вас не будет каких-нибудь интермедий в промежутках между программами или каких-нибудь там эпизодических легких номеров? Я умею очень быстро осваивать новое, и вообще, я могу быть вам полезна во многом другом.

— Возможно, вы и правы, — согласилась дама Изабель. — Но, к несчастью, на корабле не так уж много места. Если бы вы были высокопрофессиональным сопрано, свободно разбирающимся в основных русских, французских, итальянских и немецких произведениях, то я бы еще согласилась прослушать вас вместе с другими шестью претендентами на это место. Наша компания должна действовать, как хорошо отлаженный механизм, каждый элемент должен органически входить в единое целое. Не вписывающиеся в общую картину фрагменты, такие, как концертино или игра на жестяных свистках, будут непозволительной роскошью.

Медок Росвайн вежливо улыбнулась:

— Конечно, я вынуждена согласиться с вашими доводами. Но если вы все же решите внести в вашу программу нечто не совсем официальное, то, надеюсь, вспомните обо мне.

— Это я могу вам пообещать. Думаю, в этом случае Роджер сумеет с вами связаться.

— Да, разумеется. Спасибо, что выслушали меня, желаю вам успеха.

Дама Изабель повернулась, чтобы уйти, и уже через плечо бросила:

— Я ожидаю тебя, Роджер, сегодня вечером в Беллоу. Мы с тобой должны придти к какому-то определенному решению.

Внезапно осмелев, Роджер взял Медок Росвайн за руку, и от этого контакта по всей его руке пробежал нервный зуд.

— Я знаю, что делать, — объявил он. — Я возьму тебя с собой на обед, и, пока меняют блюда, ты можешь поиграть на своем жестяном свистке.

— Надо было мне сразу взять его с собой.

Роджер провел ее к своему маленькому воздушному экипажу, и они полетели в гостиницу, расположенную на вершине холма. Там у Роджера произошел самый очаровательный завтрак в его жизни. Он сделал дюжину экстравагантных заявлений, которые Медок Росвайн выслушала в равной степени с улыбкой, скептицизмом и терпимостью. Роджер старался выведать про нее все, что можно: он хотел за один час узнать всю ее жизнь, выяснить все упущенные за это время практические возможности. Прошлое Медок Росвайн, как она сама описывала его, было простым и бесхитростным. Ее семья владела куском земли и фермой в дальнем районе Уэльса; начальную школу она закончила в небольшой каменной деревушке, а среднюю — в Лланголлене. Когда ее родители умерли, она продала старую ферму и с тех пор странствует по миру. Она работала то тут, то там, не зная, чем заняться окончательно, чтобы не лишиться своей свободы. Роджер сразу решил, что именно в этом заключаются и все его трудности: он не был ни лентяем, ни бездарем, у него просто была клаустрофобия на работу. Что же касается Медок Росвайн, то ее внутренний мир так и остался тайной, сплошной непроницаемой тайной. Временами у нее проскакивали эмоции, которые он никак не мог понять, у него не было даже намека на определение их сущности.

Роджер очень болезненно это воспринял. Как бы много ни узнал он про нее, за всем этим осталось еще немало такого, что было ему недоступно... Его первоначальный энтузиазм поостыл, и вместо того, чтобы взять ее на вечер в Беллоу, он проводил ее до дома. Он просто не осмелился привести ее к тетюшке.

* * *

За обедом дама Изабель подчеркнуто не упоминала о Медок Росвайн. За столом присутствовал Бернард

Бикль, и разговор крутился исключительно вокруг формирования компании.

— Я настаиваю на участии Гвидо Альтрочи, — говорила дама Изабель. — Конечно, я могла бы заполучить Нельса Лессинга, кстати, он даже согласен отказаться от гонорара, а Гвидо заламывает ужасающую сумму... но я не пойду ни на какой компромисс. Нам нужно только лучшее.

Бернард Бикль одобрительно кивал головой:

— Ах, если бы таких людей, как вы, было больше! Роджер поморщился.

— Если бы я занимался этим делом, — сказал он, — я бы просто воспользовался трехмерными записями. А почему бы нет? Вы только подумайте, насколько это упрощает дело и насколько дешевле это выйдет!

Дама Изабель покачала головой:

— Записи спектаклей всегда несовершенны, они никогда не смогут передать жизнь, эмоции, дыхание, присутствие живой музыки.

— Для дальних планет и это чересчур хорошо, — проворчал Роджер.

— Мы и так в достаточной мере зависим от милости машин, Роджер, если еще и музыка станет механической, то нам останется признать себя побежденными и выбросить всякую надежду о будущем человечества.

— Это если поставить музыку в опере на первое место, — пробормотал Роджер.

— Извините, что вы сказали? — вмешался Бернард Бикль.

— Я просто хочу подчеркнуть, насколько это будет экономичней.

— Когда-нибудь, мой юный друг, — сказал музыковед, — вы оцените мудрость и смелость своей тетушки. Что значат несколько презренных долларов? Да ничто по сравнению с живым присутствием артистов, действующих добросовестно и грамотно, передающих восторженность должного музыкального опыта... это волнение, ощущение чуда, которое мы и собираемся донести до нашей аудитории!

Роджер мог бы найти и другие аргументы, но решил послушать, как дама Изабель и Бернард Бикль обсужда-

ли достоинства Кассандры Праути в сравнении с Нелли Млановой; преимущество великолепного чувства сцены у Руджера Мандельбаума перед его невозможностью, в связи с тучностью, сыграть некоторые роли. Блитц Сорнер очень слаба в итальянском. Но зато никто из живых лучше нее не понимает Декаданс. Бернард Бикль предложил Андрея Сциника на должность сценического директора. Дама Изабель согласилась. И так продолжалось целых два часа, во время которых Роджер уныло сидел и рисовал ложкой круги на скатерти.

— Но вот с одним выбором у нас не может быть никаких разногласий,— объявила дама Изабель.— Дирижером у нас должен быть сэр Генри Риксон! Без него наша затея неосуществима.

Роджер оторвал глаза от скатерти и подумал, не сможет ли он как-нибудь упрятать этого сэра Генри Риксона куда-нибудь на полгода, пока тетюшка не потеряет интерес к этому фантастическому, безумно дорогому пикнику.

Бернард Бикль задумчиво нахмурился.

— Сэр Генри Риксон... или Зиберт Хольгенесс.

— Конечно! Я и забыла про него,— призналась дама Изабель,— а ведь еще есть этот волшебник — молодой Ярвис Акерс.

Роджер вернул свой взгляд к кругам на скатерти. Если сэра Генри Риксона еще можно было бы посадить в заточении на каком-нибудь далеком необитаемом острове, то с дюжиной других справиться было бы весьма проблематично.

Наконец дама Изабель взглянула на племянника.

— А теперь, Роджер, давай-ка поговорим, что нам делать с тобой.

— Ну,— начал Роджер,— я почти уже решил отправиться с вами на «Фебе».

Дама Изабель энергично тряхнула головой.

— Это невозможно, Роджер. Я уже говорила сегодня твоей подруге мисс Росвайн, что на корабле и так мало места.

Роджер ничего другого и не ожидал.

— Я думаю, ты должна принять хотя бы мисс Росвайн. Она чрезвычайно талантлива.

— Сомневаюсь. И вообще, что это за девушка, Роджер? Что тебя с ней связывает?

— Ничего не связывает. Я просто случайно узнал, что она компетентный музыкант и...

— Пожалуйста, Роджер, не надо рассуждать о вещах, в которых ты ничего не смыслишь.

* * *

На следующий день Роджер опять завтракал вместе с Медок Росвайн. Ей, казалось, очень нравилось находиться в его обществе, и, когда они вышли из ресторана, она сама взяла его за руку.

На воздушном экипаже Роджера они отправились к океану. Внезапно он заявил:

— Я знаю тебя только два дня, но мне кажется, что это... ну, если честно, два самых восхитительных дня.

Медок Росвайн рассмеялась.

— Ты мне нравишься, Роджер. Ты такой непосредственный. Такой простой... Я буду скучать, когда ты уедешь.

Роджер набрал в легкие побольше воздуха и совершил галантное жертвоприношение.

— Да черт с ним, с этим космическим турне. Уж лучше я останусь с тобой. Слушай... давай поженимся!

Медок Росвайн печально покачала головой.

— Если из-за меня ты упустишь возможность отправиться в такое чудесное путешествие, то всю жизнь будешь на меня обижаться. Может быть, не сразу, но со временем ты начнешь об этом жалеть и в конце концов возненавидишь меня. Я видела, как такое случалось с другими... Поэтому я никогда не встану у тебя на пути. Отправляйся в экспедицию, а я буду жить, как жила.

— Если бы только тетя Изабель не была такой упрямой старухой! Мы бы вполне могли совершить это турне вместе! — воскликнул Роджер.

— Ах, Роджер! Это было бы так восхитительно! Но это просто невозможно.

— Возможно! Так оно и произойдет! Предоставь это мне!

— Ох, Роджер... ты такой впечатлительный!

Она обняла его за шею и поцеловала. Роджер тут же поставил воздушный экипаж на автопилот, но Медок Росвайн моментально от него отодвинулась.

— Не забывайся, Роджер. Ты чересчур горяч...

— Так ты выйдешь за меня замуж? — вопросом повторил он свое предложение.

Медок Росвайн задумалась и скривила ротик:

— Нет, так как в скором времени нам предстоит расстаться.

Роджер замахал руками.

— Да плевать мне на этот маленький космический пикничок! Я остаюсь здесь!

— Ну, вот, Роджер, ты опять возвращаешься к старому.

— Действительно. Я забыл. Значит, мы оба полетим на «Фебе».

Медок Росвайн грустно улыбнулась.

— Твоя тетушка высказалась по этому поводу вполне определенно.

— Положись на меня, — заявил Роджер. — Уж я-то с этой старухой договориться сумею.

* * *

Дама Изабель была в очень хорошем настроении. Сэр Генри Риксон, Андрей Сдиник и Эфраим Цернер согласились отправиться в турне на «Фебе», так что переговоры с другими музыкантами такого же класса теперь не представляли никакой сложности.

Роджер сидел в углу и слушал, как сэр Генри высказывал свои соображения по составу оркестра.

— Мы будем вынуждены то тут, то там идти на компромисс, но, естественно, бессмысленно даже говорить об оркестре в сто двадцать инструментов. Как вы знаете, я считаю маленькие оркестры более гибкими, способными на более тонкое выражение чувств. Так что, если позволите, я рассмотрю состав оркестра, основываясь на этой предпосылке.

Вскоре сэр Генри Риксон ушел; дама Изабель некоторое время посидела в задумчивости, после чего по-

звонила, чтобы накрывали стол к чаю. Она повернулась к Роджеру.

— Ну? Что ты скажешь о сэре Генри?

— Очень впечатляюще, — согласился Роджер. — Самое лучшее, что только можно пожелать на эту должность.

Дама Изабель сухо хмыкнула:

— Рада услышать, что ты одобрил мой выбор.

Роджер решил, что сейчас самый подходящий момент для обсуждения собственных проблем:

— Да, тетя, я все таки хотел бы присоединиться к этой поездке.

Холкер ввез сервировочный столик с чаем. Дама Изабель двумя решительными движениями налила две чашечки чая.

— Как я уже говорила, я не собираюсь брать тебя с собой. В данном случае ты, Роджер, будешь просто мертвым балластом.

— А я не пойму, почему мне нельзя найти в этом турне какую-нибудь должность, — проворчал Роджер. — Всех этих паразитов ты наняла с большим удовольствием.

— Не надо называть этих людей паразитами, Роджер; они музыканты.

— Паразиты или музыканты — это просто разные грани одного и того же. Аборигены далеких планет вряд ли поймут эту разницу.

— Не поймут? — переспросила дама Изабель с излучающей опасностью мягкостью.

— Конечно, нет. И вообще, весь этот твой проект чистое сумасбродство. Все эти существа абсолютно чужды нам. Как, скажи мне ради Семи муз, они смогут воспринять любую нашу музыку, я уж не говорю о классической опере? Я могу посоветовать только одно: отмени эту затею, и ты сохранишь уйму сил и денег!

Дама Изабель снова холодно фыркнула.

— Иногда, Роджер, твоя риторика бывает весьма красноречива. Я, в частности, очень тронута твоим упоминанием о музах. Но в своих заботах о моем кошельке ты забываешь некоторые факты. Например, как ты сможешь объяснить такой потрясающий успех Девятой группы здесь, на Земле?

Роджер сделал глоток чая.

— Ну... они были почти что людьми.

— Только в одной галактике существует около сотни различных человекоподобных рас, — спокойно возразила дама Изабель.

Роджер не стал продолжать спор, вспомнил о своей главной цели. Какое-то время он сидел, задумчиво уставившись на чашку с чаем, затем кивнул головой.

— Ну что ж... может быть, ты и права. Полагаю, ваше турне будет очень интересным, и, конечно, кому-то из вас надо будет вести аккуратный дневник, — Роджер поднял глаза, как будто его осенила внезапная мысль. — Вот за эту работу я бы с удовольствием взялся. Потом мы, несомненно, сможем издать его, как документальный отчет о нашей поездке. С фотографиями, звуковыми записями... Ты можешь написать к нему предисловие...

Дама Изабель начала было говорить, но замолчала на полуслове. Наконец, после паузы выдала:

— Ты уверен, что у тебя хватит способностей для такой работы?

— Конечно! Писать — это именно то, что у меня всегда лучше всего получалось.

Дама Изабель вздохнула:

— Ну что же, Роджер. Полагаю, это я могу себе позволить. Я прослежу, чтобы тебя включили в штат.

— Спасибо, тетя Изабель.

— Я надеюсь, ты обладаешь хоть какими-то познаниями в области истории и развития классической оперы и развил в себе хотя бы посредственный вкус. Ты попадешь в дурацкое положение, если обитатели дальних миров проявят более глубокое понимание музыки, чем ты.

— Об этом можете не беспокоиться, — заявил Роджер, и дама Изабель бросила в его сторону скептический взгляд, заподозрив бахвальство.

— Может, мне стоит ознакомиться с планом турне, — заметил Роджер, — чтобы иметь представление о том, что стоит изучить поглубже.

Дама Изабель, не говоря ни слова, протянула ему листок бумаги, который он пробежал глазами за несколько минут.

— Но некоторые из этих миров почти неизведанны!

— План наших гастролей,— заметила дама Изабель,— составлен с учетом тех планет, на которых мы можем рассчитывать на дружественную и понимающую аудиторию. Как видишь, Роджер, вопреки твоим заверениям, мы не страдаем ни непрактичностью, ни безответственностью, мы не собираемся ставить «Валькирию» перед колонией полипов или что-нибудь в этом роде. Поверь мне хоть в этом.

— И в самом деле,— Роджер снова принялся изучать список.— И какой же из этих миров является громко разрекламированным Рлару?

— Пожалуйста, оставь свой сарказм, Роджер; не забывай, что твое участие в экспедиции еще под большим вопросом. А что касается Рлару, то в свое время капитан Гондар обязательно доставит нас туда. У него есть веские причины не разглашать информацию до тех пор, пока «Феб» не покинет Землю.

— Может, это так, а может, и нет,— проворчал Роджер.— На вашем месте я бы потребовал от него хоть какие-то гарантии в том, что он не высадит нас Робинзонами на какой-нибудь необитаемой планете. И это не сарказм, а здравый смысл.

Дама Изабель начала терять терпение.

— Я полностью доверяю капитану Гондару. В довершение ко всему, я контролирую очень большую сумму денег, которую он, несомненно, захочет получить. А в третьих, если ты так уж боишься таких абсурдных неожиданностей, то тебе лучше совсем не соваться в это дело.

— Я беспокоюсь только за вас и ваше дело,— заверил Роджер.— И, естественно, я прикидываю возможные нежелательные случайности.

— Об этом я уже позаботилась сама. А теперь, если позволишь, я займусь корреспонденцией, которая требует просмотра и ответа, а также мне надо сделать распоряжение, чтобы подумали, где и как тебя разместить.

— Ну, нам много места не потребуется,— добродушно заявил Роджер.— Мой секретарь может работать в кабинете мистера Бикля, который ему не очень-то и

нужен. А что касается жилья, то наши койки можно поставить где угодно.

Дама Изабель удивленно уставилась на Роджера.

— Ради всего святого, о чем это ты говоришь? Если под «секретарем» подразумевается та ловкая молодая особа, которую я встретила в космопорту, то можешь забыть обо всей этой затее.

— Она профессиональный секретарь, — мрачно сказал Роджер, — к тому же она моя невеста.

Дама Изабель сделала губами несколько движений, будто хотела что-то сказать, но у нее возникли трудности с дыханием, ибо с языка рвалось нечто непроизносимое. Наконец она выдавила:

— Ты упустил один существенный факт. Это серьезная экспедиция, предпринимаемая людьми, увлеченными артистической идеей, а вовсе не амурный пикник.

В тот же вечер, но несколько позже Роджер позвонил по видеотелефону Медок Росвайн. Когда она услышала от него последние новости, ее великолепный ротик печально искривился.

— Ах, Роджер, какая жалость. А может, она все-таки передумает?

— Никакой надежды. На самом деле у нее... ну... какая-то антипатия к тебе, что ли...

Медок Росвайн кивнула:

— Женщины никогда меня не любили. Почему — не знаю. Я ведь никогда не флиртую и не стараюсь привлечь к себе внимание...

— Это потому, что ты необычайно прекрасна, — заявил Роджер. — Ума не приложу, как ты согласилась выйти замуж за такого обычного человека, как я.

— А я не знаю, что я буду делать без тебя, — вздохнула Медок Росвайн. — Наверно, поеду в Париж. У меня там есть друзья; я никогда не бываю одинокой.

— Я откажусь от этой идиотской экспедиции, — взорвался Роджер. — И мне плевать, если...

— Нет, Роджер. Так не пойдет.

— Тогда, клянусь всеми святыми, ты поедешь со мной, даже если мне придется просто спрятать тебя!

— О Роджер! Неужели ты осмелишься на такое?

— Конечно, осмелюсь! Я самый отважный и самый непокорный племянник во всей Вселенной, и если ты мне не веришь, то я сейчас же приеду к тебе и заставлю в это поверить!

— Я верю тебе, Роджер... но удастся ли тебе это сделать?

— Что удастся?

— Спрятать меня.

Какое-то мгновение Роджер колебался.

— Ты серьезно?

— Да, — голос и взгляд Медок Росвайн не выказывали ни тени смнений.

Роджер глубоко вздохнул.

— Хорошо. Значит, так оно и будет.

Глава пятая

«Феб» уже два часа находился в открытом космосе. Артисты и музыканты труппы стояли и задумчиво смотрели в сторону покинутой Земли. Дама Изабель не выходила из своей каюты, страдая, как гласили слухи, от острого приступа космической болезни. Слухи подтверждались частыми визитами к ней доктора Шенда, корабельного врача.

Адольф Гондар, теперь капитан Гондар, неотлучно находился на мостике вместе с Логаном де Апплингом, молодым симпатичным астронавигатором. Роджера Вуда можно было встретить в разных концах корабля; его неусидчивость, необычайную нервозность и бледность все списывали на космическую болезнь. Бернард Бикль появлялся то тут, то там, отвечал на вопросы, успокаивал разнервничавшихся новичков, поддерживал моральный дух труппы, в то время как сэр Генри Риксон инспектировал в трюме состояние музыкальных инструментов, он хотел удостовериться, что взлетная вибрация не повредила два огромных рояля.

Вскоре объявили о начале первого обеда на борту: это было совершенно неформальное мероприятие, выдержанное в духе закуски в кафетерии. Заметив, что

Роджер во второй раз подходит к подносам, стюард кафетерия весело воскликнул:

— Посмотрите, вот человек с хорошим аппетитом! Ешьте, как он. И вы все скоро станете толстячками!

Роджер покраснел.

— Я просто сильно проголодался, — коротко бросил он и быстренько отошел с подносом.

— Обидчивый паренек, — заметил стюард Джорджу Джемсону. — Будем надеяться, что на корабле таких не много.

— Это племянник дамы Изабель, — ответил Джемсон. — Она держит его на очень коротком поводке, поэтому нет ничего удивительного в том, что он такой капризный.

— Хотелось бы мне посмотреть, куда он все это запихает, — съязвил стюард. — На вид не скажешь, что он любит поесть.

В следующий раз, во время ужина, на прожорливость Роджера снова обратили внимание.

— Вы только поглядите, — сказал посудомойщик, — этот друг куда-то потащил поднос из салона. Он что, клептоман какой-то, что ли?

В дальнейшем Роджер стал осмотрительнее, однако ловкости ему не хватило: очень скоро стюард кафетерия заметил, что мистер Вуд откладывает кусочки пицци в мешочек.

А уже через два часа исполнительный посудомойщик сообщил Роджеру, что дама Изабель хочет немедленно с ним поговорить.

Когда Роджер входил в каюту дамы Изабель, ноги у него были словно налиты свинцом. Лицо тети, приобретенное из-за космической болезни цвет овсянки, было каменным.

— Садись, Роджер, — сказала она. — Я хочу поговорить с тобой о нескольких вещах. Но сначала я хочу заметить, что из всех человеческих пороков одним из самых презренных я считаю неблагодарность. Я понятно выражаюсь?

— Если говорить в общем смысле, то — да.

— Ну, а если говорить о частностях, то я имею в виду присутствие твоей так называемой «невесты» на

борту корабля, — она подняла руку, предупреждая возражения. — Не надо меня перебивать. Раньше я очень хорошо к тебе относилась и собиралась, покидая этот свет, оставить тебе немалую долю своего состояния. События последнего часа заставили меня в корне изменить мои намерения. Мне нечего добавить к этому, кроме уведомления, что первый порт захода будет у нас на Планете-Сириус, где ты и эта женщина покинете борт корабля.

— Но, тетя Изабелы! — в отчаянии воскликнул Роджер. — На самом деле все не так, как вы себе представляете! Позвольте мне все объяснить!

— Факты говорят сами за себя. Твоя любовница находится в данный момент под попечительством капитана Гондара, думаю, он уже организовал что-то вроде камеры в грузовом отсеке. Тебе еще повезло, что с тобой не поступили точно так же. А теперь уходи. Мне очень жаль, что мои страдания от этой ужасной космической болезни отягощены еще и бесстыдством собственного племянника.

— Одно последнее замечание, — строго сказал Роджер. — Она мне не любовница, а невеста! И это вовсе не потому, что какие-то мои попытки оказались тщетными. Она, пока мы не поженились, а это, надеюсь, вскоре случится, не позволяла мне ничего, кроме поцелуя в щеку. И избавьте меня от вашего лицемерия; я слышал кое-какие рассказы о вас, относящиеся к тому времени, когда вы были лет на пятьдесят моложе. И если они правдивы, то мисс Росвайн можно было бы и не прятать.

— Вон отсюда, нахальный щенок, — воскликнула мадам Изабель глубоким носовым голосом, который всегда свидетельствовал об ее крайнем раздражении.

Роджер вышел из ее каюты и, опустив голову, побрел по коридору. Да, положение было незавидное: тетка от него отрекалась; наследства он лишился; и, впридачу ко всему этому, он покрыт позором! Роджер горько усмехнулся: чувства Медок Росвайн, питаемые ей к нему, компенсируют все с лихвой. Он пошел на мостик, чтобы поговорить с капитаном Гондаром и, к своему удивлению, столкнулся с Медок Росвайн, спо-

койно сидящей там на скамейке. Она взглянула на него, но потом снова потупила глаза. Девушка казалась такой беспомощной, такой одинокой, находящейся в таком отчаянии, что Роджер еле сдержался, чтобы не броситься ее успокаивать. Но вместо этого он повернулся к капитану Гондару, выглядевшему в своей темно-синей форме еще более строгим и угрюмым.

— Как я понял, моя тетя передала мисс Росвайн на ваше попечительство.

— Совершенно верно, мистер Вуд.

— Вы позволите мне сказать ей несколько слов наедине?

Ответ капитана Гондара привел Роджера в замешательство:

— Разве вам недостаточно того зла, которое вы уже причинили?

Выражение лица капитана было натянутым и злым, не обещающим ничего хорошего. Однако он всего лишь пожал плечами:

— Если мисс Росвайн желает поговорить с вами, то я возражать не буду.

Медок Росвайн бросила на Гондара очень странный взгляд, который озадачил Роджера: казалось, она о чем-то молит его. Капитан Гондар сделал непонятный порывистый жест и отвернулся от нее. Девушка поднялась и молча последовала за Роджером в коридор. Молодой человек попробовал обнять ее, но она резко отпрянула в сторону.

— Пожалуйста, мистер Вуд, скажите, что вы собирались сказать, и оставьте меня...

— Дорогая! — вырвалось у Роджера. — Что случилось?

— Что случилось? — переспросила она с усмешкой. — Вы втянули меня в гнусную аферу и наговорили про меня тут такого... Интересно, что после всего этого осталось от моей репутации!

— Ничего не понимаю, — обиженно сказал Роджер. — Я просто...

— Я никогда в жизни не попадала в столь неприятное положение, в какое вы меня поставили! Еще спасибо, что я узнала, какой вы самовлюбленный про-

ходимец, до того как вы успели вовлечь меня во что-то худшее! А теперь уходите и больше не пытайтесь со мной даже разговаривать! Капитан Гондар настолько добр, что по крайней мере организовал мне место для сна и проследил, чтобы я не ходила голодной.

Ошалев от услышанного, Роджер повернулся и чуть было не наткнулся на капитана Гондара, стоявшего в дверях мостика.

Последний час спустя предстал с докладом перед дамой Изабель.

— Ну, капитан? Как идут дела?

— Все отлично, мадам. Я отдал все необходимые распоряжения, чтобы устроить ту юную леди, чуть было не ставшую жертвой вашего племянника.

— Что? Какая у него может быть еще жертва, кроме меня? Не имеете же вы в виду эту маленькую шлюху! — возмущенно воскликнула дама Изабель.

Лицо капитана Гондара потемнело.

— Очевидно, вам придется услышать всю правду, мадам. На данный момент юная леди не только полна раскаяния, но и готова возместить весь ущерб, который она непреднамеренно нанесла.

— Вы говорите какими-то загадками, — отрезала дама Изабель. — Как она могла сделать что-то «непреднамеренно»?

— Дело в том, что мистер Вуд заманил ее на борт. Он напичкал ее наркотиками, и она проснулась уже в закрытом грузовом отсеке. К тому же, мистер Вуд периодически делал попытки изнасиловать ее, слава богу, пока безуспешно.

Дама Изабель издала хриплый смешок.

— Если это правда, а я очень сомневаюсь в этом, то это именно тот уровень, на который Роджер, по-моему, только и способен. Не смочь справиться с девушкой, которую закрыл в трюме и напичкал наркотиками! Ну и ну, бедный Роджер.

— Юная леди слышала, что вы страдаете от космической болезни, и была этим очень расстроена. Она сказала мне, что знает специальный способ борьбы с этой напастью и готова помочь вам.

Дама Изабель потеряла свой бледный лоб.

— Я себя чувствую так, что готова принять помощь хоть от самого дьявола. А в чем заключается этот способ?

— Я доставлю ее к вам, и мы посмотрим, что можно будет сделать.

Через несколько минут в каюту дамы Изабель привели Медок Росвайн. Какое-то время она внимательно глядела на даму Изабель, затем задумчиво кивнула головой и тихо сказала несколько слов капитану Гондару. Тот вышел, а Медок Росвайн приблизилась к больной.

— А теперь, мадам, закройте глаза и расслабьтесь, а я попробую простимулировать нервы, которые сжались в результате новых непривычных условий. Капитан Гондар пошел за лекарством... это старый деревенский рецепт с холмов Уэльса...

И она стала легкими массирующими движениями притрагиваться к горлу, шее, лбу дамы Изабель.

Вскоре вернулся капитан Гондар, неся стакан с густой пенящейся жидкостью.

— Что это такое? — подозрительно спросила дама Изабель.

— Сера, мед и несколько капель виски. Выпейте, и вы почувствуете себя другим человеком.

Дама Изабель сделала глоток, скорчила недовольную мину и сказала:

— Либо я вылечусь, либо помру.

Медок Росвайн продолжала касаться разных точек ее тела, она буквально поглаживала их кончиками пальцев. Наконец дама Изабель выпрямилась в своем кресле и удивленным голосом сказала:

— Вы знаете, я действительно чувствую себя лучше!

— Я очень рада, — промолвила Медок Росвайн и тихо вышла из каюты.

— Хм, — сказала дама Изабель после некоторых раздумий. — Она, несомненно, кое-что может... Какое странное создание... И все же она должна быть высажена на Сириусе. Но пока проследите, чтобы ее устроили поудобней; я обязана сделать для нее хотя бы это. Хм. А во всем виноват мой непутевый племянник. И что на него, ради всего святого, нашло?

* * *

«Феб» прогрызал космическое пространство, как червь гнилой желудь, и скользил вперед с быстротой мысли. Солнце превратилось в маленькую точку, а Сириус замаячил впереди яркой звездой. Музыканты были заняты тем, что играли этюды, а солисты пели вокализы и репетировали. На фоне этого происходили неизбежные вспышки темперамента, образование и распад всевозможных групп, возникло несколько романов и примерно столько же ссор, велись пустые разговоры, звучали высказывания, содержащие тонкие намеки или язвительные выпады; и за всей этой активностью большая часть путешественников забыла про свои приступы космической болезни.

Накануне первой остановки дама Изабель устроила торжественный вечер с шампанским, на котором обратилась к членам труппы с речью:

— Я очень довольна тем, как все приспособились к походным условиям. Впереди у нас лежит Сириус и Планета-Сириус; для большинства из нас это будет первым чуждым миром, с которым придется столкнуться. В отношении атмосферы и гравитации Планета-Сириус совершенно не похожа на Землю. По отношению к Сириусу А и Сириусу Б она занимает, как вам, наверное, известно, «тройную позицию». Она получает в десять раз меньше солнечного излучения, чем Земля, и все же имеет приемлимую для нас температуру, поддерживаемую как внешним излучением, так и парниковым эффектом атмосферы. Флора и фауна этой планеты не похожи ни на что из известного нам, и вообще, слова «флора» и «фауна» могут быть здесь даже и неуместны, так как существующие на Сириусе формы жизни или не подходят ни под одно из этих определений, или же вполне подходят и под то, и под другое. Здесь обитает разумное население, которое и является причиной нашего визита. Через несколько минут мистер Бикль расскажет вам подробнее о местных аборигенах. Я опережу его и скажу вам, что эта раса не

является музыкально-ориентированной; образ местной цивилизации может показаться с первого взгляда очень примитивным, так как существа эти живут в пещерах и норах. И все же, нам следует избегать обособленности, потому как бизантюры — так называется местное население — возможно, считают нас такими же примитивными, как и мы — их.

Затем дама Изабель перешла к музыкальной теме:

— Я очень долго думала над нашей первой программой. Задача выбора оказалась намного сложнее, чем можно было предположить. В данном случае необходимо выдержать разумный баланс. Мы хотим общения с неподготовленной аудиторией, и в то же время мы должны поддерживать наши художественные особенности на должном уровне. Исходя из этой точки зрения, следует выбрать произведения, предполагающие наиболее широкий контакт с местной средой обитания, демонстрирующие ситуации, сходные с местными условиями существования. Я решила, что для начала мы предложим им «Фиделио», так как большинство действий там происходит в пещере, напоминающей те норы, в которых живут бизантюры.

— А теперь мистер Бикль расскажет нам подробнее об этих аборигенах и их образе жизни, — дама Изабель кивнула музыковеду, предлагая продолжить познавательную лекцию.

Мистер Бикль поднялся и чопорно поклонился. На нем был свободный костюм из черного шелка, облегавший в коленках и на поясе, с нарядными золотыми и серебряными кантами; его маленькие серебряные усы торчали, как щетина проволоочной щетки. С вежливой саркастичной улыбкой он произнес:

— Дама Изабель вполне подробно описала ситуацию, но я позволю себе добавить несколько деталей, касающихся бизантюров и природы их обитания, так как я уже три... а может, даже четыре раза побывал на этой планете. Во всяком случае, я хорошо знаком с комендантом местного поселения Большеном и с радостью предвкушаю возобновление нашей дружбы.

После ироничного вступления Бернард Бикль перешел к конкретным вопросам:

— Как заметила дама Изабель, Планета-Сириус довольно темна, ее дневной свет напоминает земные сумерки. На глаза достаточно быстро привыкают к этому полумраку, и местный ландшафт приобретает своеобразный шарм. Поселение землян на Сириусе лежит у подножья Трапедии Вулкана, а ближайшее к нему племя Великих королевских Бизантуров считается, пожалуй, самым цивилизованным. Боюсь, что на первый взгляд, эти существа так же, как и местный ландшафт, покажутся вам уродливыми. Конечно, их нельзя отнести к антропоидному классу: у них четыре руки, четыре ноги и очень похоже, что две головы, но впоследствии становится понятно, что это всего лишь органы чувств, так как сам мозг у них находится в теле. Несмотря на свою кошмарную внешность, это вполне приветливые существа, готовые воспринимать многие человеческие манеры, методы и инструменты; правда, когда считают, что это вполне им подходит. Это утверждение особенно верно в отношении Великих королевских Бизантуров района Трапедии, проживающих в местных пещерах. Они занимаются, в основном, чем-то вроде земледелия, и их липайниковые террасы довольно интересны. Это вполне миролюбивые создания, которые нетерпимо относятся только к преступникам и бродягам, ведущим, естественно, не такой спокойный образ жизни.

— Я уверен, что от этого визита мы получим намного большую прибыль, чем просто приобретение знаний об этих существах, может быть, мы сумеем своим музыкальным наследием зажечь искру в совершенно отсталых в этом отношении созданиях. Кто знает? Может быть, именно наш визит даст толчок к перевороту всей жизни бизантуров! — торжественно заключил мистер Бикль.

После этого дама Изабель захотела сказать еще несколько слов.

— Вполне возможно, что вы испытаете некоторую неловкость, выступая перед совершенно чуждыми существами. Но я могу сказать только одно: сделайте все, что в ваших силах! Мы, конечно, внесем по возможности какие-нибудь незначительные изменения в соответствии с местными чувствами. Вероятно, вам придется

столкнуться с некой пустотой и отсутствием ответной реакции, но повторяю: сделайте все, что в ваших силах!

Во время выступления дамы Изабель и Бернарда Бикля Роджер сидел в дальнем конце зала и мрачно пил шампанское. Незадолго до начала банкета он еще раз попробовал встретиться с Медок Росвайн, но, как и при предыдущих попытках, она отказалась разговаривать с ним. Устав от болтовни и смеха, Рожер вышел из зала и пошел бродить по всем сферам корабля и соединяющим их трубам. Но настроение от этого не поднялось. Проходя мимо капитанского мостика, он увидел стоящих рядышком Медок Росвайн и капитана Гондара. Те смотрели на Сириус, или, скорее, на его изображение на экране, которое передавалось с носа корабля колоннами насыщенного света. К тому времени капитан Гондар уже отдал свой кабинет Нейлу Хендерсону, главному механику, и поселил Медок Росвайн в освободившейся каюте. О чуткой заботе капитана свидетельствовал и находившийся на девушке голубой комбинезон из корабельных запасов.

Несколько минут Роджер наблюдал за ними. Парочка вела оживленный разговор: беседа, очевидно, касалась курса корабля, так как капитан постоянно показывал рукой куда-то вправо от Сириуса, а девушка внимательно следила взглядом за его рукой.

В коридоре показался астронавигатор Логан де Апплинг; стройный молодой человек со скуластым лицом, поэтической курчавой черной шевелюрой и яркими голубыми глазами. Он бросил взгляд в сторону мостика и неодобрительно покачал головой.

— Знаете, что я думаю? — обратился он к Роджеру. — Нашему капитану вскружили голову. Едва ли я заблуждаюсь в этом.

Он быстро развернулся и пошел прочь, оставив Роджера в грустных размышлениях

Глава шестая

А между тем первый этап космической одиссеи подходил к благополучному завершению.

Уже отчетливо была видна Планета-Сириус: сумрачный серый мир с тяжелыми шапками, нависшими над полюсами, кучкой мелководных экваториальных морей, парой огромных пятен суши, состоящей из плоских серых равнин, горных цепей и дымящихся вулканов. «Феб» лег на орбиту на высоте около двадцати тысяч миль над планетой; и почти сразу же, вычислив расположение местного поселения, капитан Гондар передал по радио уведомление о прибытии.

Вскоре в ответ на него пришло подтверждение приема и разрешение на посадку. Гондар ввел соответствующую программу в автопилот, и «Феб», сорвавшись с орбиты, устремился вниз.

Тусклый серый шар начал быстро увеличиваться, за бортом корабля зашуршала и зашипела атмосфера планеты. Поселение людей на Сириусе располагалось на краю долины Педвей, в тени нависающих гор Трапеции. Именно здесь «Феб» и совершил посадку.

В течение первых трех дней атмосфера на корабле постепенно подгонялась по давлению и составу к местной, а всем пассажирам и команде, во избежание биологических эффектов от смены условий выдавались строго дозированные лекарства. После этих мероприятий никаких препятствий для высадки не осталось. Верхний люк открылся, оттуда спустили наклонный трап, и путешественники начали осторожно выбираться наружу. Первыми из корабля вышли капитан Гондар, дама Изабель и Бернард Бикль, за ними последовали члены труппы. Открывшийся им пейзаж глаз не радовал; над головами висело темно-серое небо, на котором холодным белым сиянием мерцал Сириус. Примерно в четверти мили от корабля виднелась линия бетонных зданий, больше похожих на бараки, чем на административные корпуса и торговые представительства.

Прибывших встретил комендант Дайрус Больцен, худощавый мужчина со светлыми волосами и суровым лицом, на котором застыло выражение сухого скептицизма. Его сопровождал один из помощников. Шагнув навстречу, комендант с удивлением уставился на оживленно переговаривающихся членов труппы.

— Я — комендант Дайрус Больцен. Добро пожаловать на Планету-Сириус! На первый взгляд, наше поселение не так уж привлекательно, но, поверьте мне, при ближайшем изучении оно будет казаться еще хуже.

Капитан Гондар вежливо рассмеялся.

— Я — Адольф Гондар, капитан этого корабля. А это — дама Изабель и Бернард Бикль, которого, как я полагаю, вы знаете.

— Да, конечно. Здравствуйте, Бернард. Рад снова видеть вас.

Гондар продолжал:

— Остальных людей я представлять не буду, замечу только, что перед вами всемирно известные музыканты и оперные певцы.

Песочные брови коменданта Больцена полезли вверх.

— Оперная труппа? Что ее сюда занесло? Боюсь вас огорчить, но на Планете-Сириус нет ни одного театра.

— У нас на корабле оборудован собственный театр, — вмешалась дама Изабель, — и мы бы хотели сыграть здесь «Фиделио». Конечно, с вашего разрешения.

Дайрус Больцен почесал затылок и оглянулся в сторону Бернарда Бикля, но тот сделал вид, что изучает местный ландшафт. Он перевел взгляд на капитана Гондара и столкнулся с его ничего не говорящими глазами. Не скрывая недоумения, комендант вновь обратился к даме Изабель.

— Это очень приятно, даже мило, да только здесь наберется всего лишь пять землян на всю планету, и то двое из них сейчас в разведывательном походе.

— Естественно, мы будем рады видеть вас на нашем представлении, — сказала дама Изабель, — но, пожалуй, мне следует кое-что разъяснить вам. Мы рассматриваем себя, как неких миссионеров музыки: мы планируем выступать перед разумными представителями разных миров Вселенной, не имеющих никакого представления о земной музыке. Бизантуры вполне подходят под эту категорию.

Дайрус Больцен почесал подбородок, переваривая услышанное, и с явным удивлением переспросил:

— Насколько я понял, вы собираетесь играть оперу для бизантуров?

— Именно так! И не просто оперу, а «Фиделио»!

Больцен снова задумался и через некоторое время начал рассуждать вслух.

— Одной из моих главных задач, является предотвращение оскорбления и эксплуатации «тъяров», и я не нахожу, что постановка оперы может принести им какой-либо вред.

— Конечно же, нет! — поспешно заверила дама Изабель.

— Надеюсь, вы не собираетесь устанавливать входную плату? В противном случае я должен буду вас разочаровать: «туры» полностью лишены коммерческих понятий.

— Если это необходимо, наши представления будут совершенно бесплатными, без каких-либо условий.

Больцен пожал плечами.

— Тогда валяйте. Мне самому интересно будет посмотреть, что из этого получится. Говорите, вы привезли с собой собственный театр?

— В этом и заключается суть нашего турне. — И, не меняя интонации, дама Изабель обратилась уже к сопровождавшим ее лицам. — Капитан Гондар, позаботьтесь о том, чтобы установили сцену и собрали аудиторию. А вы, Андрей, проследите, чтобы не возникло недоразумений с местами.

На эти распоряжения последовал немедленный ответ.

— Непременно, мадам. Все будет сделано.

И капитан Гондар вместе со сценическим директором поспешили на корабль.

А дама Изабель тем временем принялась изучать местный ландшафт.

— Я ожидала увидеть нечто более впечатляющее. Возможно, какие-то города... или памятники культуры, — обратилась она к коменданту.

Больцен рассмеялся:

— Бизантуры разумны, в этом нет сомнений. Но они применяют свой разум исключительно для собственных нужд. Вы меня понимаете?

— Боюсь, что нет.

— Хорошо, попытаюсь сказать иначе. Они используют свой разум точно так же, как мы наш — чтобы

сделать жизнь проще, удобнее, безопаснее. Об этом свидетельствуют их постройки из камней и террасы с лишайниками — вы можете их видеть вон там, на склонах. Но, когда они сидят в своих норах, в головы им приходят такие мысли, которые могут очень озадачить нас.

— Они что, не могут их правильно связать? — поинтересовалась дама Изабель. — А как же они обмениваются идеями?

— Я не хочу так далеко забираться в свои рассуждения. Они достаточно умны, когда хотят этого, а многие вполне сносно говорят на нашем языке. Но всякий раз, когда вас что-то поражает в них, а не поразиться вы не можете, вам в голову невольно приходит мысль об имитации разума.

Но любопытство дамы Изабель этим не удовлетворилось.

— И у них нет письменности? Нет навыков рисования? — продолжала она пытаться коменданта.

— Королевские, это те, которые живут в районе трапедии, умеют писать и читать, по крайней мере, некоторые из них. У них есть своя математика, однако, такая, которую ни один из наших математиков не поймет. К сожалению, я имею только поверхностные представления о бизантурах. Но для того чтобы узнать этот народец хотя бы настолько, надо несколько лет прожить с ними.

— А что вы скажите о их музыке? — настаивала дама Изабель. — У них есть хоть какой-нибудь музыкальный слух? Они сочиняют мелодии? Есть ли у них народные музыкальные идиомы?

— Полагаю, что нет, — ответил Дайрус Больцен с осторожной вежливостью. — Но я, конечно, не могу быть в этом полностью уверен. Я руковожу этим поселением уже около шести лет, и все равно периодически сталкиваюсь с поражающими меня вещами.

В знак благодарности за информацию, дама Изабель кивнула головой. Хотя она не нашла в его поведении ничего подобострастного, но и обижаться ей было не на что. После этого она церемонно начала представлять членов труппы, краем глаза наблюдая за реакцией Дай-

руса Больцена. Известные всему миру имена, похоже, не произвели на него никакого впечатления.

Чуть позже дама Изабель высказала Бернарду Биклю свое мнение:

— Как я подозреваю, это совершенно безграмотный в музыкальном отношении человек.

После знакомства с музыкантами Дайрус Больцен сводил их на экскурсию в поселение, состоящее из четырех бетонных зданий и небольшой огороженной территории. Два здания являлись обычными складами: одно для импорта, другое — для предметов экспорта: здесь хранились чаши, подносы, бокалы, вазы, столовые приборы из полированных местных камней: прозрачного обсидиана, бирюзы, сердолика, жадеита, темно-синего дьюмортерита и черного базальта. Особое внимание экскурсантов привлекли драгоценные камни и хрусталь, люстры с подвесками из бриллиантов, изумрудов и сапфиров, подвески для дверей и окон из турмалина. В поселении музыканты впервые столкнулись с бизантурами. Команда из четырех существ, вооруженных метлами и шлангами, очень тщательно и сосредоточено убирала территорию. В действительности они выглядели еще более несуразными, чем на фотографиях; это впечатление усиливали движения четырех рук и ног, мимика на двух странно посаженных головах, кожа, такая же грубая и серая, как гранит.

— Но эти существа довольно дружелюбны и даже кротки, — заметила дама Изабель.

Больцен рассмеялся.

— Этих четверых, не сумев подобрать лучшего слова, мы называем старцами. Каждый день, по причине, которая выше моего понимания, они приходят сюда и наводят порядок. Видите платки у них на шеях? Они сделаны из каменистых волокон. Их цвет имеет определенное значение, как у старых шотландских пледов. Черный, синий и коричневый — цвета Великих королевских Бизантуров, а длина материи указывает на общественное положение.

Он подозвал одного из бизантуров, и тот подошел, стуча толстыми негнушимися ногами по бетону.

— Друг кьянт,— обратился к нему Больцен.— Эти люди прилетели с неба на большом корабле. Они хотят показать друзьям кьянтам много интересных вещей. Они приглашают друзей кьянтов к ним на корабль. Хорошо?

Откуда-то из недр грудной клетки послышался урчащий голос.

— Может быть, и хорошо. Но друзья кьянты боятся.

Дама Изабель тут же вышла вперед и мягко, но уверенно произнесла:

— Вам нечего бояться. Мы — вполне законная оперная труппа, мы покажем вам спектакль, который, несомненно, доставит друзьям кьянтам большое удовольствие.

— Может быть, хорошо, мы пойдем посмотрим ничемных желтых кьянтов. Может быть, не испугаемся.

Увидев замешательство гостей, Больцен принялся объяснять:

— Нельзя сказать, что они чего-то боятся в буквальном смысле этого слова, просто они не любят вылезать из своих туннелей без особой необходимости. Они испытывают при этом унижение.

— Интересно! Но с чего бы это?

— Это определенные социальные условности. Бизаньтуры выдворяют своих преступников и нонкомформистов в равнину, где те либо дичают, либо сколачиваются в бандитские шайки. Так что, как видите, равнина представляет для кьянтов нежелательное место для прогулок.

— Все понятно,— сказала дама Изабель.— Но наш спектакль состоится внутри корабля, так что им нечего опасаться унижения от того, что их могут наблюдать со стороны равнины.

Больцен повернулся к старцу:

— Ты слышал, что сказал небесный человек? Они покажут вам интересные вещи, приятный шум, и все это будет не на равнине, а внутри корабля. Ты и твои друзья только перейдете равнину и заберетесь в корабль. Там и будете смотреть. Хорошо?

— Хорошо. Я пойду и расскажу об этом друзьям кьянтам.

Бернард Бикль остался с комендантом Больценом повспоминать старые деньки, а остальная часть труппы вернулась на «Феб». Корабль к тому времени уже заметно преобразился. Под руководством капитана Гондара в центре пятиугольного пространства, ограниченного трубами и сферами, была воздвигнута мачта. От нее натянули тросы, а на них накинули полотна металлизированной ткани. Все эти сооружения образовали палатку. Сцена была уже открыта, оркестровый колодец организован. Дама Изабель, пришедшая с проверкой, осталась весьма довольна увиденным. И даже не рассердилась, обнаружив в театре Медок Росвайн, которая аккуратно приводила в порядок откидные кресла.

«Хмм,— подумала про себя дама Изабель.— Старается быть полезной, чтобы я ее не высадила».

Она мрачно хмыкнула и поискала глазами Роджера, но того нигде не было.

Вскоре вернулся Бернард Бикль и поспешил поделиться с дамой Изабель новостями.

— У нас с комендантом Больценом произошел весьма интересный разговор, и мне кажется, я сумел разъяснить ему нашу точку зрения. В его душе еще копошатся сомнения, но все же он согласился с тем, что никакого вреда от нашего представления не будет, а, возможно, мы сумеем достичь и каких-то положительных результатов.

Дама Изабель усмехнулась:

— А я в этом ни капли не сомневаюсь.

— Он также пригласил меня, вас и капитана Гондара к себе на обед, во время которого он попробует рассказать нам еще что-нибудь о бизантьях.

— Очень мило с его стороны,— заметила дама Изабель.— Я с удовольствием принимаю приглашение.

— Я так и думал, поэтому сразу принял приглашение от лица всех троих.

Тремя часами позже Сириус уже висел над горизонтом так низко, что его нижний край касался полоски мягкого белого тумана, покрывавшего долину. Вся труппа собралась посмотреть наступление сумерек и стала свидетелем впечатляющего зрелища: Сириус опускался

ся в облака, окрашивая их перламутром в розовые и зеленоватые тона.

После этого Дама Изабель, Бернард Бикль и капитан Гондар отправились на званый обед. А несчастный Роджер, побродив по долине, возвращался тем временем на корабль и совершенно случайно стал невольным свидетелем чужого разговора. Он остановился возле трапа, чтобы взглянуть на закат Сириуса, совершенно не подозревая, что Медок Росвайн и Логан де Апплинг, скрытые от него полотняной перегородкой, сидят на нижней ступеньке.

Роджер узнал слегка хриловатый голосок Медок Росвайн и застыл как вкопанный.

— Логан, пожалуйста, не надо так больше говорить... ты совершенно не прав.

— Нет, прав! — голос де Апплинга дрожал от переполнявших его эмоций. — Ты не знаешь его так, как я.

— Капитан Гондар был более чем просто добр ко мне; он отнесся ко мне с большим сочувствием и никогда не позволял себе никакого давления на меня, как это делал Роджер Вуд, которого, кстати, мне вообще не хочется вспоминать.

У Роджера покраснели уши, а по лицу пробежали мурашки, как будто его обдало ледяным ветром. Слышать такое было просто невыносимо, но он решил остаться.

— Гондар просто старался завоевать твою симпатию, — возразил де Апплинг. — Он очень тяжелый человек, дорогая...

— Пожалуйста, Логан, не надо меня так называть.

— ...он очень эгоцентричный и беспринципный человек. Я-то знаю! Я видел, как он действует.

— Нет, Логан, не надо на него наговаривать. Он помогает мне остаться на корабле, он пообещал, что дама Изабель не высадит меня. Он делает для меня все возможное.

Последовала пауза, во время которой Логан обдумывал сказанное. Роджер тоже задумался, но не о капитане Гондаре с его возможностями, а о своем, о личном.

Наконец, Логан де Апплинг спокойно заговорил:

— Почему для тебя так важно участие в этом турне?

— Ну... я даже не знаю, — замялась с ответом Медок, и Роджер представил себе, как она передергивает плечиком, склоняет головку и кривит губки. — Полагаю, мне просто так хочется. А ты хочешь, чтобы меня высадили?

— Нет, и ты это прекрасно знаешь. Но обещай мне, что ты никогда не...

— Что «не», Логан? — нежно спросила Медок Рос-
вайн.

— Не позволишь Адольфу Гондару играть с тобой! — яростно воскликнул де Апплинг. — Меня от одной мысли об этом бросает в холодный пот. Я думаю, что в этом случае я или его убью, или себя, или вообще сделаю что-нибудь ужасное... например, разнесу весь этот проклятый корабль...

— Логан, не надо так переживать. Давай лучше любоваться восхитительным закатом Сириуса. Посмотри, разве это зрелище не великолепно? Так таинственно и необычно! Я никогда не думала, что один заход может настолько отличаться от другого!

Роджер глубоко вздохнул, отошел в сторону и побрел вокруг корабля, пытаясь придти в себя после услышанного.

* * *

Дайрус Больцен благодаря, как он сам признался, тому факту, что корабль обеспечения был на планете всего три недели назад, устроил очень приличный обед.

— Хотя мы и расположены близко от Земли, сравнительно близко, конечно, и все равно это очень заброшенная планета. К нам крайне редко заглядывают такие случайные посетители, как вы. А уж со столь амбициозными проектами, как у вас, так и вообще никого никогда не бывало.

Дама Изабель расценила это заявление как комплимент и поспешила перевести разговор в свое русло.

— Так вы считаете, что мы можем достичь понимания у бизантьяров? — спросила она. — По своему поведению они кажутся очень далекими от людей.

— В каких-то случаях это так, а в каких-то — нет. Иногда меня просто поражает, как близки порой оказы-

ваются наши суждения. А иногда я просто недоумеваю, как одни и те же простые вещи можно рассматривать под такими разными углами зрения. Скажу вам больше: если вы хотите, чтобы ваша программа нашла отклик у бизантьяров, то ее надо делать, учитывая их обычаи.

— Естественно, — согласился Бернард Бикль. — Мы к этому готовы. Какие-нибудь у вас есть конкретные предложения и пожелания?

Большен налил всем присутствующим вина и на некоторое время призадумался.

— Что ж, давайте порассуждаем. В первую очередь важен цвет, они к нему очень чувствительны. Желтый — это цвет бродяг и деклассированных элементов, поэтому все отрицательные персонажи должны быть одеты в желтое, герои и героини — в синее или черное, а второстепенные персонажи должны быть в сером и зеленом. Немаловажен и вопрос секса или любви, романтики — называйте это, как хотите. Дело в том, что у бизантьяров довольно странный способ размножения и три различных сексуальных процесса, причем на два из них способны все особи. Поэтому, если в этой области вы не сделаете некоторых изменений, то возможно сильное непонимание. У них нет такого проявления чувств, как поцелуи или объятия, избранного партнера бизантуры просто опрыскивают липкой жидкостью. Но я сомневаюсь, что вы сможете подогнать соответствующие сцены под такой стандарт.

— Скорее всего — нет, — согласился Бернард Бикль.

— Ну, давайте подумаем еще... насколько я помню «Фиделио»... там ведь некоторые сцены изображены в пещере, не так ли?

— Совершенно верно, — сказала дама Изабель, — почти весь второй акт.

— Вы должны помнить, что пещера для бизантьяра — это священное жилище. Бунтари, возмутители спокойствия выселяются в долину, где сбиваются в банды. Между прочим, предупредите своих актеров, чтобы они никуда не ходили в одиночку. Бродяги не обязательно должны быть агрессивными, но могут быть слишком непредсказуемыми. Особенно, если у них в руках есть камни.

— Так, так, так, — медленно произнесла дама Изабель. — Полагаю, мы довольно легко можем изменить некоторые сцены, можно даже весь первый акт сыграть в пещере, а начало второго — на открытом воздухе.

— Нечто подобное я и предлагал, — кивнул головой Больцен.

— Что ж, так мы и сделаем, — объявила дама Изабель. — Стоило ли проделывать такой путь, чтобы разочаровать нашу публику?

— Действительно, зачем разочаровывать? — отозвался эхом Бернард Бикль.

Дайрус Больцен продолжил:

— А теперь о костюмах. Вы знаете, как кьянты называют нас на своем языке? Небесные вши. Да-да, именно так. Как я понимаю, они испытывают к нам дружелюбное презрение. В их глазах мы — раса, которую надо эксплуатировать, эксцентрики, готовые менять сложные металлические предметы на полированные камни!

Дама Изабель беспомощно взглянула на Бернарда Бикля, который спокойно разглаживал усы.

— Надеюсь, — растерянно сказала она, — наш спектакль поможет им изменить свою точку зрения.

— И опять-таки... я, правда, не знаю, рискнете ли вы зайти так далеко, но, с точки зрения вашей аудитории, спектакль будет иметь успех лишь в том случае, если они смогут отождествить себя и свою жизнь с тем, что будут показывать актеры.

— Но мы же не можем переписать оперу, — взмолилась дама Изабель, — в таком случае мы будем играть уже не «Фиделио», а непонятно что.

— Я все понимаю и не собираюсь ничего рекомендовать вам, я просто стараюсь снабдить вас информацией, которую вы можете как принять к сведению, так и проигнорировать. Например, если вы оденете ваших актеров, состоящих из «небесных вшей», в костюмы византийцев, то достигнете большего внимания.

— Все это очень хорошо, — запротестовала дама Изабель, — но скажите мне, ради Бога, где мы можем сейчас достать такие сложные костюмы? Это же просто невозможно!

— Пожалуй, в этом плане я могу вам помочь,— сказал Дайрус Больцен.

Он опять налил всем вина и принял задумчивый вид. Дама Изель и Бернард Бикль терпеливо и внимательно следили за ним.

— У меня на складе,— наконец сказал он,— есть какое-то количество дубленых шкур бизантьяров, предназначенных для Британского музея. Они вполне могут подойти вместо костюмов, по крайней мере, мне так кажется. Если хотите, я могу распорядиться, чтобы их привезли вам на корабль. Все, что я прошу, так это поаккуратнее обращаться с ними.

— Вы очень добры,— сказала дама Изель.— А что думаете по этому поводу вы, мистер Бикль?

Бернард Бикль захлопал глазами.

— Ну... Я определенно согласен с тем, что раз уж мы намерены заинтересовать космические народы музыкой, именно земной музыкой, то мы должны честно приложить для этого все наши усилия.

Дама Изель решительно кивнула головой:

— Да, именно это мы и должны сделать.

— Хорошо, я отправлю шкуры к вам на корабль,— заключил Дайрус Больцен.

— И еще один вопрос,— подалась вперед дама Изель.— Я назначила спектакль на три часа пополудни. Сколько это будет по местному времени?

— Три часа,— повторил Дайрус Больцен.— Наш день тянется двенадцать часов двенадцать минут, так что и полночь, и полдень попадают на три минуты одиннадцатого. Три часа — вполне подходящее время.

— Надеюсь, вы сделаете все возможное, чтобы бизантуры пришли на наш спектакль?

— Обещаю сделать все, что в моих силах. И прямо с утра отправлю шкуры к вам на корабль.— Больцен поднял свой бокал вина.— За успех вашего спектакля!

* * *

Ночь была темной. Со стороны долины и подножия гор долетали странные звуки: тихие крики, дребезжащие визги, раза два раздавались жалобные свисты. Ни

Бернард Бикль, ни капитан Гондар не могли сказать ничего определенного о происхождении этих звуков. Но оба сошлись во мнении, что источник относится к низшим формам жизни планеты.

Никто не отходил от корабля далеко, хотя у многих и возникало трепетное желание отойти на пятьдесят футов от трапа, встать в ночи Сириуса и посмотреть на изменившиеся созвездия, послушать таинственные звуки.

Вскоре после четырех часов небо посветлело, а в пять Сириус, сияющий белый шар, поднялся над горами Трапедии. А через час или два, верный своему слову комендант Больцен прислал джип, нагруженный шкурами бизантьяров.

Гермильда Варм играющая в «Фиделио» роль Леоноры, с отвращением вскрикнула и повернулась к даме Изабель.

— Вы же не можете серьезно полагать, что я натяну на себя такое.

— Это почему же? — спокойно возразила дама Изабель. — Ради нашей аудитории мы пойдем на какие угодно уступки.

Герман Скантинг, исполняющий партию Пизарро, негодуя всплеснул руками:

— Может, вы мне тогда объясните, как я буду выражать свои чувства четырьмя руками? И которую из двух голов я должен использовать для того, чтобы просунуть туда свою собственную. И что, хотя бы приблизительно, мне делать с этими складками и вырезами сзади?

— Шкуры довольно дурно пахнут, — заметил Отто фон Ширап, поющий в «Фиделио» партию Флорестана. — И вообще, вся эта затея мне кажется довольно странной.

Рот дамы Изабель превратился в узкую полоску.

— По этому поводу не может быть никаких споров. Это ваши костюмы для сегодняшнего спектакля, и я больше не потерплю никакого нарушения субординации. В ваших контрактах это положение определено вполне четко. От вас не могут потребовать рисковать здоровьем, но с небольшими неудобствами вы должны

примириться. Так что не надо устраивать никаких истерик, и давайте больше не будем возвращаться к этому разговору, — она повернулась к стоящему невдалеке Роджеру. — Вот тебе, Роджер, случай проявить хоть какое-то участие. Отнеси эти шкуры к мистеру Сдинику в раздевалку и помоги ему подогнать их для участников сегодняшнего представления.

Роджер скорчил недовольную гримасу и подошел к стульям. Гермильда Варм с трудом сдержала гневный вздох:

— Я никогда еще не сталкивалась с таким оскорбительным обращением.

Проигнорировав ее, дама Изабель отправилась на очередное совещание к Дайрусу Больцену. А артисты принялись обсуждать столь не понравившееся им нововведение..

— Вы слышали о чем-нибудь более фантастичном? — поинтересовался Герман Скантинг.

Отто фон Ширап отрицательно покачал головой.

— Подождите, мы сообщим об этом безобразии в Гильдию! Все что я могу посоветовать, так это немного потерпеть! Подождите, еще полетят клочья чьей-то шкуры.

— Ну... а сейчас? — спросила Рамона Токстед, игравшая в сегодняшнем спектакле Марселлину. — Мы что, должны будем это одеть?

— Мы будем судиться, — заявила Джулия Бианко-лелли, правда, довольно тихо.

Ни Герман Скантинг, ни Гермильда Варм, ни Отто фон Ширап ничего не ответили. Лишь Рамона Токстед подвела печальный итог:

— Полагаю, что в турне подобного рода надо быть готовым к любым неожиданностям.

Так прошло утро. В шесть минут одиннадцатого наступил полдень, в час тридцать на флаере прилетел Дайрус Больцен с помощником. На коменданте были габардиновые бриджи, тяжелые сапоги и куртка с капюшоном, на поясе висело оружие. Он пошел к даме Изабель, занятой внесением последних изменений в либретто.

— Извините, но я не смогу присутствовать на вашем спектакле. Нам предстоит одно очень неприятное

занятие. Только что донесли, что банда каких-то неизвестных бродяг направляется в нашу сторону. Их надо остановить, пока они не причинили вреда террасам.

— Какая жалость! — воскликнула дама Изабель. — И это после того, как вы нам так помогли! Кстати, вы убедили местных жителей, чтобы они пришли на представление?

— О да. Они все знают об этом и в три часа будут здесь. Если повезет, то по возвращении я еще успею застать последний акт!

Он вернулся на флаер, который тут же поднялся в воздух и полетел на север.

— Как жаль, что он пропустит оперу, но, полагаю, здесь уж ничем не поможешь, — сказала дама Изабель. — А теперь внимание, это касается всех! Нигде нельзя использовать слово «пещера». Мы заменяем его на слово «пустыня».

— Но какая разница? — поинтересовался Герман Скантлинг. — Мы поем на немецком языке, которого никто из местных жителей даже не слышал.

Дама Изабель заговорила с той мягкостью, которая должна была предупредить ее подчиненных о последствиях:

— Наша главная цель, мистер Скантлинг, лежащая в основе всего, это — правдивость. Если декорации на сцене изображают пустыню, а это уже сделано, и вы будете петь про подземелье, пусть даже на немецком, то это будет звучать очень фальшиво. Я ясно все объяснила?

— Произошла замена, — прорычал басом Отто фон Ширап. — «Пещеры» на «пустыню».

— Вы должны сделать все возможное, чтобы произвести приятное впечатление, — произнесла дама Изабель, и на том наизидания закончились.

Приближалось время спектакля. Музыканты уже собрались в оркестровой яме, сэр Генри Риксон занял место дирижера и быстренько пролистал партитуру. В сопровождении недовольных высказываний, выданных сквозь зубы проклятий и вздохов отчаяния шкуры бизантьяров были переделаны на костюмы и, насколько это было возможно, подогнаны под участников представления.

Без пяти три дама Изабель вышла наружу и посмотрела на равнину.

— Наша аудитория, определенно, должна уже быть в пути,— сказала она Бернарду Биклю,— надеюсь, никакого непонимания относительно времени у нас не произошло.

— Чертовски жаль, что Больцена так не вовремя вызвали,— заметил Бикль.— Может быть, кьянты ждут, что кто-то должен их сюда привести или что-то в этом роде. По рассказам Больцена, они выбираются на равнину с большой опаской и неохотой.

— Вы правы. Так может быть, вы, Бернард, сходите к пещерам и посмотрите, что там случилось.

Бикль нахмурился, подул себе в усы, и, так и не найдя подходящей отговорки, он покорно направился в сторону поселения. А дама Изабель вернулась за кулисы, чтобы убедиться в том, что все идет своим чередом. Но, зайдя туда, она лишь покачала головой. Где то достоинство, та легкая элегантность, которую она так хотела увидеть? Наверно, глупо было искать это здесь, среди рассерженных теноров, сопрано и басов. Вместо изящества здесь царил бедлам: у некоторых шапка была только на одной голове, другие умудрились засунуть в каждый рукав плаща по две руки, третьи закидывали лишние руки через плечо. Дама Изабель развернулась на каблуках и вышла.

Через четверть часа к ней зашел Роджер и объявил, что вернулся Бернард Бикль вместе с бизантурами.

— Великолепно! — воскликнула дама Изабель.— Роджер, будь так добр, пойди в зал и помоги всем расстаться. Но помни, чем длиннее у кьянта шарф, тем выше его положение в обществе.

Роджер согласно кивнул и побежал доказывать, что может быть полезным. Появившийся Бернард Бикль доложил:

— Они уже были в дороге, просто шли несколько обходным путем, поэтому, наверное, и задержались. Я притащил их за собой, и вот они здесь!

Дама Изабель посмотрела сквозь глазок в занавесе и увидела, что действительно почти весь зал заполнен бизантурами. В своем большинстве они выглядели еще

более дикими и не похожими на людей, чем вчерашние. Их вид вызывал даже некоторую тревогу. Несколько мгновений дама Изабель колебалась, потом вышла из-за занавеса к рампе и произнесла вступительное слово:

— Леди и джентльмены! Я приветствую вас в стенах нашего маленького театра. Сейчас вы услышите оперу «Фиделио», которую написал один из самых замечательных наших композиторов Людвиг ван Бетховен. Мы привезли вам эту программу в надежде, что после нее некоторые из вас заинтересуются великой земной музыкой. А сейчас, так как я не уверена, что вы меня хорошо понимаете, я умолкаю, и пусть музыка скажет сама за себя. Итак, «Фиделио»!

Сэр Генри Риксон взмахнул палочкой, и зал наполнился музыкой.

Дама Изабель спустилась со сцены и, остановившись у входа в зал, вслушалась в увертюру. Ах, как великолепно звучала она здесь, на Сириусе! Как трогательно этот величественный дух, эта седьмая сущность земной цивилизации пропитывала атмосферу чужой планеты, проникала в души этих загадочных и непритязательных существ! Затронет ли их услышанное, поднимет ли над их каменным существованием, донесет ли до них хотя бы десятую часть красоты и возвышенности земного музыкального наследия? Какая жалость, думала дама Изабель, что она так никогда и не сможет ответить на этот вопрос с уверенностью.

Увертюра закончилась, поднялся занавес, и начался первый акт. Марселлина и Жакинно, одетые в византийские шкуры, пели о любви и страсти, стараясь для необычной аудитории. На сцене эти экстравагантные костюмы выглядели совсем не так ужасно, как за кулисами. В общем, все шло замечательно.

Но тут появился Дайрус Больцен с помощником. Дама Изабель издали махнула им рукой и вышла встретить их возле трапа.

— Чертовски сожалею, что все так произошло, — запыхавшись, сказал комендант. — У меня не было времени предупредить вас, что сегодня они не придут. Они слишком осторожны.

Дама Изабель вопросительно подняла брови:

— Кто не придет? Бизантуры? Но они здесь. У нас сегодня полный зал!

Дайрус Больцен удивленно уставился на нее.

— Они здесь? Не могу в это поверить! Они никогда не покидают своих пещер, если бандиты подходят к предгорью.

Дама Изабель с улыбкой покачала головой.

— Но они пришли. Они здесь и с большим удовольствием наслаждаются музыкой.

Дайрус Больцен подошел ко входу в зал и заглянул внутрь, затем медленно отпрянул назад. Когда он повернулся к даме Изабель, его лицо было пепельно-серым и дергалось.

— Ваша аудитория, — сказал он странно дрожащим голосом, — состоит из бандитов, тех самых, которых и боятся Великие королевские Бизантуры.

— Что? Вы в этом уверены?

— Да. Разве вы не видите, что они все в желтом? И у всех камни, а это значит, что у них бойцовское настроение!

Дама Изабель заломила руки:

— И что же мне делать? Прекратить спектакль?

— Не знаю, — сказал Больцен. — Но замечу, что малейший повод может вывести их из равновесия.

— Но что-то же мы можем предпринять, — прошептала дама Изабель.

— Ни коим образом не раздражайте их. Не создавайте никакого внезапного шума. А также верните лучше ваш сценарий к первоначальному варианту; любое упоминание об их нынешнем положении приведет бандитов в ярость.

Дама Изабель побежала за кулисы.

— Все меняется! — закричала она. — Возвращаемся к первоначальной версии; у нас не та аудитория!

Отто фон Ширап недоверчиво посмотрел на нее.

— Другая аудитория? Что вы хотите этим сказать?

— Это дикари, а может, даже кое-что похуже! При малейшем поводе они могут доставить нам серьезные неприятности!

Отто фон Ширап неуверенно посмотрел на сцену. Там Гермильда Варм пела о жалости Фиделио к несча-

стной любви Марселлины. Она достала платок, которым привыкла подчеркивать свои жесты; дама Изабель кинулась и вырвала его у нее из рук.

— Он желтый,— прошепела она пораженной примадонне и убежала со сцены.

Сквозь глазок она посмотрела на аудиторию. Зрители вертелись и ерзали на своих местах, головы дергались и крутились угрожающим образом.

— Где мистер Бикль? — спросила она.

— В зале, объясняет смысл оперы вон тому верзиле с каменной дубиной,— показал пальцем в зал Андрей Сциник.

— Какая чудовищная ситуация! — воскликнула дама Изабель.

Она побежала через весь корабль к сфере А, где находился мостик, и обнаружила там капитана Гондара, целующегося с Медок Росвайн.

— Капитан Гондар! — крикнула она голосом, напоминающим рев противотуманной сирены океанского лайнера.— Отложите свои личные проблемы, у нас неприятная ситуация, которую срочно надо уладить!

Она, как могла, кратко обрисовала положение вещей.

Капитан Гондар отрывисто кивнул головой и тут же по внутренней связи, объявил команде тревогу. Затем в сопровождении дамы Изабель он поспешил по соединительным трубам к сцене.

Дама Изабель сразу же бросилась к глазку на занавесе. Аудитория явно начинала нервничать. Некоторые из бандитов стояли на своих четырех ногах и раскачивались, махая руками и похлопывая головами. Певцы были сбиты с толку этим оживлением в зале и начали фальшивить. Сэр Генри Риксон энергично дирижировал оркестром, но оживление зрителей нарастало.

Бернард Бикль сидел в зале рядом с бандитом, которого он определил как старшего, и давал ему комментарии, упрощая их настолько, чтобы они были понятны собеседнику. Очевидно, он упомянул то ли желтый шарф, то ли каменную дубинку, а может быть, просто принял последнюю за какой-то церемониальный предмет. Впоследствии он так и не смог вспомнить

свое замечание, выведшее его собеседника из себя. Коротче говоря, создание подняло свою дубинку с явной целью остановить комментарии музыковеда, но оно недооценило способности музыкального критика, успевшего уже побывать до этого в подобных переделках. Бикль заехал жожаку по правой голове, уклонился от опускающейся дубинки и нырнул в оркестровую яму, где приземлился среди драгоценных инструментов. Громко и резко звякнули тарелки, и это, похоже, подхлестнуло хулиганов. С рычаньем и воем, размахивая каменными дубинками, они направились в сторону Бернарда Бикля и оркестровой ямы.

Всех артистов как ветром сдуло со сцены, оркестранты, оказавшиеся ближе всего к буйной аудитории, отбивались от нее своими инструментами. Капитан Гондар, выкрикивая приказы, ринулся вперед, члены команды в то время уже раскручивали пожарные шланги.

Один из певцов, буквально впад в истерику, выпрыгнул из бизантьярской шкуры и швырнул ее со сцены в зал, что вызвало еще большее беспокойство среди неуравновешенных созданий. С уханьем и гиканьем остальные актеры последовали его примеру, и в недоумении бизантуры отпрянули назад. К этому моменту заработали пожарные шланги высокого давления, и хулиганов смыло из театра прямо в долину, где они потихоньку приплы в себя и затрусили неуклюжей рысцой на север.

Через полчаса было восстановлено некое подобие порядка. Дама Изабель, Бернард Бикль, капитан Гондар, сэр Генри Риксон, Андрей Сциник и множество других музыкантов и певцов собрались в главном зале корабля. Комендант Больцен попытался дать хоть какой-то поверхностный анализ произошедшего, но его голос потонул в общем хоре.

Наконец Дайрус Больцен заставил себя услышать.

— Завтра все будет по-другому! Завтра я точно приведу сюда Великих королевских Бизантуров... и никаких дубинок!

Внезапно в комнате установилась полная тишина. Андрей Сциник подошел и что-то сказал сэру Генри Риксону, тот кивнул головой, приблизился к даме Изабель

и, взяв ее под руку, отвел в сторону. Она поджала губы, набрала в легкие воздуха, будто хотела сделать решительное заявление, но потом ее охватило колебание, и, наконец, она кивнула головой. Дайрусу Больцену она ответила:

— Думаю, больше представлений для жителей Сириуса не будет. Некоторые музыканты выведены из строя, а остальные... мм, тоже неважно себя чувствуют. Мы взлетим, как только «Феб» будет готов к старту.

Глава седьмая

В связи со столь сильными переживаниями, связанными с первым спектаклем труппы, дама Изабель совсем забыла о своем намерении оставить Медок Росвайн в поселении Сириуса, а сама Медок в то время осмотрительно не попадалась на глаза.

Когда дама Изабель вспомнила об этом, ей осталось только с досадой пощелкать языком. А припомнив еще и увлеченность капитана Гондара, она тяжело вздохнула и засомневалась в том, что сложившуюся ситуацию стоит предавать огласке. Весьма неохотно она решила, что это, вообще-то, не ее дело, и при обсуждении с капитаном дальнейшего маршрута имя Медок Росвайн ею не упоминалось.

— Согласно нашему графику, — заявила она сугубо официальным тоном, — следующая остановка должна быть на второй планете Пси Ориона. Мистер Бикль сказал, что местное население того мира относится к гуманоидам. Это так, Бернард?

Бикль, только что появившийся в ее каюте, тут же отозвался и уверенным тоном произнес:

— Сам я не бывал на этой планете, но, насколько знаю, жители Заде, гуманоиды не только по внешности, но и проявляют культурные задатки, аналогичные нашим. Сюда входят и определенные формы, основанные на модуляции звука. Короче говоря, они знакомы с музыкой.

— Значит, это будет Заде, — согласилась дама Изабель. — Надеюсь, капитан, наш маршрут не уводит нас в сторону от Рлару?

— Нет, — недовольно отозвался капитан. — В этом плане не возникнет никаких затруднений: Пси Орион лежит в том же направлении. Но у меня есть одно предложение.

Дама Изабель вопросительно вскинула голову:

— Да?

— Я внезапно вспомнил о том, что некоторые мои коллеги упоминали планету в системе Гидра как место обитания очень интересных существ. Вряд ли туда когда-либо ступала нога человека, и это сильное упущение, ибо, насколько я понял, этот мир очень развит музыкально. Нам стоит посетить эту планету. По крайней мере, я так считаю.

Дама Изабель внимательно на него посмотрела. В голосе капитана явно слышалась фальшь.

— До этого мы собирались, согласно вашему же предложению, посетить планету Рлару. Или я не права?

— Именно так. Все совершенно верно.

— Давайте-ка задумаемся об этом, Гондар, — вмешался Бикль. — Не кажется ли вам, что настало время открыть загадку местонахождения Рлару? Мы же не убийцы и не похитители, мы никоим образом не собираемся причинить вам вред.

Вытянутое лицо Гондара искривилось в улыбке.

— Предоставьте лучше мне судить об этом... у меня есть очень веские причины для молчания.

— Но предположим, что с вами что-нибудь случится! — воскликнул Бернард Бикль. — Тогда мы просто не сможем найти эту планету, а ведь она является главной целью нашего путешествия!

Капитан Гондар упрямо покачал головой.

— Я не могу понять вашего необоснованного недоверия нам, — заметила дама Изабель, — не думаете же вы, в самом деле, что мы хотим как-то вас надуть?

— Конечно, нет. И прошу меня простить, если я дал вам повод так думать.

— Тогда к чему же такая неестественная осторожность?

Капитан Гондар на мгновение задумался.

— Буду с вами полностью откровенен, — наконец сказал он. — В основу нашего разговора вы кладете дове-

рие друг к другу и в то же время задаете мне вопросы, свидетельствующие о явном сомнении во мне. А это вызывает во мне ответное недоверие. Вы обладаете контролем над большой суммой денег, которые по праву принадлежат мне, и именно этим рычагом вы пытаетесь на меня воздействовать. Я знаю, чего именно вы от меня хотите, и это является тем единственным фактором, которым я могу воздействовать на вас. А теперь вы уговариваете меня отдать этот рычаг полностью в ваши руки, не предлагая ничего взамен.

Дама Изабель озадачено покачала головой:

— Все, что вы сейчас сказали, имело бы смысл на Земле... Но теперь-то, когда мы уже на пути к Рлару, чего вы добиваетесь? И мистер Бикль, и я, мы оба являемся порядочными людьми. Я не могу допустить и мысли, даже в рамках нашего спора, каким-то образом надуть, или, что еще более невероятно, убить вас.

— Иногда происходят очень немыслимые вещи,— сказал капитан Гондар с чрезвычайно мрачной улыбкой.

Дама Изабель фыркнула.

— Вы совершенно невыносимы, капитан Гондар.

— Если бы в отношении вас у нас были какие-то преступные замыслы,— вмешался в спор Бернард Бикль,— то мы вполне могли бы осуществить их *после* посещения Рлару, *после* того, как вы доставите нас туда, точно так же, как мы это сделали бы сейчас. На самом деле, если бы мы, действительно, были такими, какими вы нас себе представляете, то мы бы постарались получить точные координаты *до* того, как убрать вас с дороги.

Капитан Гондар покачал головой:

— Давайте оставим этот разговор. Когда настанет время, я отвезу вас на Рлару. И тогда же, я надеюсь, вы отдадите мне мои деньги.

— Полагаю, у нас нет никаких других вариантов,— натянуто сказала дама Изабель.

— А сейчас давайте поговорим о планете, которую я упомянул... думаю, что ее посещение будет весьма выгодным.

— Возможно, что и так. Но вернемся все же к Рлару. В каком хоть секторе она лежит?

— В системе Кита,— ответил капитан с жалкой улыбкой.

— Тогда... посещение планеты в созвездии Гидра уведет нас в совершенно противоположную сторону от Рлару. Нам придется сделать довольно большой крюк. Разве я не права?

Вид капитана Гондара стал почти подобострастным.

— Ну, не такой уж и большой... и это с лихвой окупится. Я на самом деле думаю, что будет большой ошибкой обойти стороной эту планету; население там вполне гуманоидное, я бы даже сказал, почти люди...

Бернард Бикль нахмурился:

— В созвездии Гидра? Что-то я не припоминаю там ни одной подобной планеты.

— Откуда у вас такая информация? — поинтересовалась дама Изабель у Адольфа Гондара.

— Тот мир мне описывал один старый космический исследователь,— сказал капитан Гондар с той же самой бесстыдной уверенностью, которая перед этим вызвала подозрения у дамы Изабель.— С тех пор я все время мечтал посетить эту планету.

— Вам придется подыскать для этого какую-нибудь другую возможность,— безапелляционно заявила дама Изабель.— Наш маршрут заранее определен; мы не можем прыгать туда-сюда по всей галактике из-за прихоти одного человека. Извините, капитан Гондар.

Гондар развернулся на каблуках и направился к двери.

— Будьте так добры, предупредите астронавигатора, что нашей следующей целью будет вторая планета в созвездии Пси Ориона,— сказала ему вслед дама Изабель.

Когда дверь за капитаном Гондаром закрылась, Бернард Бикль повернулся к даме Изабель; брови его были удивленно изогнуты.

— Странно! С чего вдруг, черт подери, Гондару так захотелось посетить этот мир?

Но дама Изабель уже выбросила этот разговор из головы.

— Какая вам разница? Мы все равно не собираемся этого делать,— ответила она.

* * *

Пока дама Изабель, Бернард Бикль и капитан Гондар совещались, Роджер Вуд, бесцельно слоняясь по кораблю, забрел на сцену, находящуюся в сфере С. Музыканты и певцы уже закончили свою ежедневную репетицию, но сцена все еще хранила следы их присутствия: запах парфюмерии, канифоли, камфары и масла для кулис. Она была освещена единственной тусклой лампой, но этого было вполне достаточно, чтобы заметить спокойно сидевшую Медок Росвайн.

Когда девушка увидела Роджера, холодное выражение ее лица не изменилось.

— Мне очень хочется узнать, — подойдя к ней, сказал Роджер, — почему ты это сделала: начала рассказывать про меня всякие ужасные небылицы... Как будто я когда-либо заставлял тебя делать что-то против твоего желания...

Она отмахнулась от него рукой.

— Тогда это казалось мне самым лучшим решением. Ты, Роджер, должен был понять, что я легкомысленна и испорчена, а вовсе не та пай-девочка, за которую ты меня принимал.

— Знаешь, у меня не проходит ощущение, что ты просто использовала меня, но вот для чего, я никак понять не могу... Когда-то мне казалось, что я тебе нравлюсь. Если это так, если я все еще нравлюсь тебе, ради Бога, объясни мне смысл происходящего, и покончим с этим ужасным непониманием.

— А никакого непонимания и не было, Роджер, — ответила Медок Росвайн.

Ее голос был ласковым, но совершенно бесцветным.

Роджер долго и пристально глядел на нее. Потом покачал головой:

— Ума не приложу, как у такого красивого, отзывчивого, умного человека может ничего не оказаться за душой!

— А тебе и не нужно что-либо понимать, Роджер. Оставь меня и беги ищи свою тетушку, у нее, кажется, есть к тебе дело.

Роджер развернулся на каблуках и быстро спустился со сцены. Медок Росвайн проводила его любопытным прищуренным взглядом, который мог означать дюжину всевозможных вещей.

* * *

Продолжая бесцельно болтаться по кораблю, в коридоре напротив салона Роджер наткнулся на свою тетюшку, которая выслушивала жалобы Ады Франчини, сетовавшей на какие-то странные звуки.

Попавшись на глаза даме Изабель, он увидел в этих глазах готовность дать ему поручение.

— Роджер, ты не замечал скрипучих глухих звуков в сфере D? Они возникают через произвольные промежутки времени и непонятно откуда исходят.

— Нет, я ничего не замечал, — кисло ответил Роджер.

— Мисс Франчини сказала мне, что они сильно раздражают всю труппу. Она сообщила об этом капитану Гондару, но тот не обратил на ее жалобы никакого внимания, — продолжала обрисовывать проблему дама Изабель.

— Может быть, это кто-нибудь так храпит? — предположил Роджер.

— Я тоже сначала об этом подумала, но мисс Франчини заверила, что эти звуки совершенно не похожи на храп.

Роджер опять заявил, что не слышал ничего подобного.

— Хорошо, я хочу, чтобы ты разобрался в этом деле. Если этот звук вызван какими-то механическими причинами, то обрати на это внимание старшего механика.

Роджер пообещал сделать все, что в его силах, и поплелся в сторону сферы D. Постучавшись, он вошел в каюту, где проживали Эфраим Цернер и Отто фон Ширап, и принялся расспрашивать их об особенностях этих странных звуков.

Оба: и Цернер, и Ширап с готовностью рассказали все, что знали, но их рассказы несколько расходились

в деталях. Эфраим Цернер поведал о звуках, похожих на пронзительные свистки, сопровождаемые стуком и скрежетом, в то время как фон Ширап говорил о «глухих ударах и гудении, сопровождаемом треском и скрипом, что в общей сложности создает невыносимый гам». Это безобразие возникает совершенно непредсказуемо, с интервалами в день или два и продолжается около двух часов, а то и дольше.

По этому поводу Роджер расспросил и других членов труппы. Некоторые из них затруднялись ответить на его вопросы, другие охотно делились своими соображениями. Каждый по-своему описывал характер звуков, но все единодушно соглашались с теми неприятными ощущениями, которые они производили.

Несколько часов Роджер расхаживал взад-вперед по сфере D, но странные звуки так и не проявились. Он еще раз поговорил с Адой Франчини и попросил ее сообщить ему сразу же, как только эти звуки вновь возникнут, вот тогда-то он и произведет более тщательное расследование.

Шесть часов спустя такая возможность наконец-то появилась. Ада Франчини прибежала к Роджеру, который, будучи верным своему слову, немедленно отправился с ней в сферу D. Оперная дива привела его в свою каюту, подняла палец и сказала:

— Слушай!

Роджер прислушался и явственно услышал те самые звуки, о которых шла речь. Он вынужден был признать, что все те, с кем он говорил, описали этот шум вполне правильно, так как он состоял из целого сложного спектра различных звуков: глухих ударов, скрежета, скрипа, свиста и треска. Звук, казалось, исходил из стены, из воздуха, отовсюду и ниоткуда конкретно.

Он вышел в коридор, там шум стал значительно слабее. Роджер добросовестно обошел каюту за каютой и в конце концов пришел к выводу, что звук исходит из вентиляционного канала. Приложив ухо к вентиляционному отверстию, несколько минут он внимательно прислушивался. Затем решительно поднялся на ноги и отряхнул колени.

— Кажется, я понял причину этого шума, — сказал он Аде Франчини, — но сначала мне надо все тщательно проверить.

Час спустя дама Изабель обнаружила Роджера в салоне, раскладывающим пасьянс.

— Ну что, Роджер? — спросила она. — Чем ты сейчас занят? Мисс Франчини сказала, что шум стал еще хуже, чем раньше. Более того, она сообщила, что ты выяснил его причину.

— Да, — подтвердил Роджер, — я нашел его источник. Он исходит из столовой команды в сфере D и по вентиляционным каналам распространяется дальше.

— Невероятно! И что же такое там у них происходит?

— Ну... похоже, что кто-то из команды создал группу в стиле регги.

— *Что?* — с величайшим удивлением спросила дама Изабель.

— *Что?* — в тон ей повторил Бернард Бинкль, вошедший следом за ней в салон.

Роджер, насколько смог, попробовал обрисовать инструментальный состав и идеологию группы, известной среди команды под названием «Таф Лак Джаг». Когда такой ансамбль начинает играть полным составом, в нем можно услышать и банджо, и губную гармошку, и стиральную доску, и казу, и медный таз, и пустую банку, а иногда даже носовую флейту.

Дама Изабель сидела с лицом, выражавшим полное недоверие услышанному.

— Но ради всего святого, объясни мне, зачем команде создавать такую какофонию? Распалившаяся кучка детишек еще может колотить в горшки и сковородки...

— Они играют разные мелодии, — возразил Роджер. — И, надо заметить, довольно бодренькие.

— Что за ерунда, — сказала дама Изабель. — Бернард, вы когда-нибудь слышали что-либо подобное?

Бернард Бинкль небрежно покачал головой:

— Как бы они ни называли этот грохот, это не дает им права донимать своим гамом весь корабль.

— Разберитесь с этим, Бернард. Господи, что они еще придумают в следующий раз! — с тяжелым вздохом произнесла дама Изабель и на этом закрыла тему.

* * *

Космос, эта темная пустота, в сравнении со звездной системой ставшая почти осязаемой, подобной разделяющему отдельные острова океану, отступила назад, если, конечно, пустота вообще способна на какое-то действие. И все же что-то отодвинулось, так как Сириус стал меркнуть, а Пси Орион становился все ярче и ярче, и благодаря этому достигался эффект некоего протекающего процесса. Роджер, проходя по салону, наткнулся на книжку, открыл ее наугад и прочитал небольшой отрывок из размышлений, вышедших из-под пера знаменитого космолога Дениса Кертца: «Бесконечность — это очаровывающая идея, заставляющая задуматься каждого из нас. Особенно это относится к бесконечности пространства, которая подразумевает отсутствие границ у Вселенной. Другим областям уделялось намного меньше внимания; а ведь бесконечность малых величин, простирающаяся в другую сторону, так же не имеет границ и является не менее удивительным явлением, как, впрочем, и другие примеры бесконечности.

Что случается с материей, взятой в малых дозах? Она превращается во все более тонкую структуру, которую уже нельзя ощутить не только экспериментально, но даже математически. Исходя из этого напрашивается такой вывод: вся материя, вся энергия и даже все пространство может быть выражено одним-единственным антитезисом: так же, как да и нет, вперед и назад, внутрь и вне, по часовой стрелке и против, закручивание или разворачивание четвертого измерения. Независимо от того, насколько малую часть материи мы возьмем, ее можно будет рассматривать как основу для получения еще меньших экстремов (но только формальных экстремов), которые будут меньше в сотни раз...♦

Роджер, находящийся и без того в меланхолическом настроении, нашел эти рассуждения слишком пугающими и отложил книгу в сторону.

Бернард Бикль обратил его внимание на то, что космос, видимый с борта «Феба», в сущности не отличается от звездного неба, которое можно наблюдать с террасы виллы Беллоу в ясную ночь. В принципе Роджер с ним согласился, но его депрессия от этого уменьшилась не намного.

А впереди все ярче и ярче светился Пси Орион, и, наконец, наступил день, когда стала видна и вторая планета. И вскоре «Феб» вышел на посадочную орбиту.

Специальный постоянный уполномоченный, расположившийся в Землеграде, передал разрешение на посадку, и «Феб» начал спускаться на Заде.

Глава восьмая

Как и большинство обитаемых планет галактики, Заде был очень разнообразен с географической точки зрения. На две третьих поверхности планеты раскинулся единственный континент со множеством мысов, полуостровов, заливов, бухт и извилистых фиордов. Землеград — комплекс складских, жилых и административных построек — был расположен на берегу реки в нескольких милях от Южного океана. Специальный постоянный уполномоченный Эдгар Кам, высокий внимательный мужчина с большим носом, большим подбородком, большими руками и ногами, в очень осторожной форме попытался отговорить даму Изабель от ее затеи.

Сидя в ее каюте, он старался обосновать свою точку зрения.

— Теоретически у меня нет никаких возражений против вашей затеи. Но учтите, жители Заде в своем большинстве ни враждебны, ни дружелюбны: они просто непредсказуемы. Здесь обитает, по крайней мере, шестнадцать разновидностей разумных созданий, намного более различающихся друг от друга, чем земные расы. А вместе с различиями в цвете и анатомии существуют естественно и культурные различия. Всевозможных особенностей столько, что я даже не смог сделать какие-то обобщения.

— Но это же гуманоидные существа, не так ли? — спросила дама Изабель.

— Да, вне всякого сомнения. Здесь не возникает никаких вопросов. С расстояния в несколько сотен ярдов вы даже вряд ли сумеете отличить их от людей.

— И, насколько я знаю, они в каком-то смысле обладают художественным восприятием? Я хочу сказать, что они имеют понятие о творческом процессе, о замене фактов на символы, об использовании символов для передачи эмоций?

— Так оно и есть, но здесь опять-таки существуют большие различия как в путях, так и в методах. Одной из особенностей жизни на Заде является полное отсутствие культурного обмена. Каждое племя считает себя самодостаточным и, если не считать рейдов для добычи рабов, почти не обращает никакого внимания на своих соседей.

Дама Изабель нахмурилась.

— Вы хотите сказать, что, выступая перед аудиторией на Заде, мы можем подвергнуться физической или моральной опасности?

— Вполне возможно, если вы будете настолько опрометчивы, что вторгнитесь в Коричневые горы или попытаете выступить перед Стагаг-Огог Склоубилсами. Но это отдельные случаи, а в основном население Заде надо бояться не больше и не меньше, чем обычную земную публику. Конечно, при этом следует тщательно соблюдать все условности и обычаи, именно здесь и кроется их непредсказуемость.

— Надеюсь, вы просветите нас в этой области, — вмешался Бернард Бикль. — Мы не такие уж новички в подобных делах, и, естественно, сделаем все возможное, чтобы учесть местные особенности.

— И, тем не менее, — сказала дама Изабель, — я была бы вам очень благодарна, если бы вы организовали для нас подходящий маршрут, чтобы мы могли выступить именно перед теми племенами, которые получают от этого максимальную пользу.

— Конечно, я могу предложить вам маршрут, — довольно педантично ответил Кам. — Но не смогу организовать его. Наша позиция здесь абсолютно не подра-

зумекает автоматического уважения к нам. На самом деле, все обстоит совсем наоборот: некоторые племена считают, что Земля — это несчастный заброшенный мир, так как для чего бы иначе нам потребовалось приложить столько усилий в освоении других миров. Короче, моя власть простирается только на территорию нашего поселения, и если вы отправитесь куда-то дальше, то там я не смогу быть вам полезен. В большинстве случаев такие путешествия не несут никакого риска, но я еще раз подчеркиваю, что жители Заде очень различны, отягощены многими условностями и абсолютно непредсказуемы.

— Как сказал мистер Бикль, — заметила дама Изабель, — мы не новички. И я уверена, что местные обитатели поймут наши добрые намерения.

Кам без особой уверенности кивнул головой.

— Пока вы будете осторожны, терпеливы и ненавязчивы, у вас не возникнет никаких трудностей. Я даже могу выделить вам человека, который будет выполнять роль переводчика. А что касается областей, которые стоит посетить, дайте подумать... Определенно — это водяные люди; у них хорошо развита собственная музыка, она занимает важную церемониальную роль в их жизни. Еще Стриады; добрый умный народец. Ну... кто же еще? Триножники? Скорее всего — нет, они слишком застенчивы и не очень-то умны... Ментальные воины? Точно. Не беспокойтесь о названии, оно относится к ритуалу испытания на положение в обществе. Это очень перспективный народ; возможно, самый разумный на всей планете.

— Спасибо, мистер Кам. Мы обязательно воспользуемся вашими советами, — сказала дама Изабель. — А каково ваше мнение, Бернард?

— Я с вами полностью согласен. И нам надо избежать тех ошибок, которые мы допустили на Планете-Сириус.

— Совершенно верно. Больше не будет никаких приспособлений и подгонок. Мы будем ставить оперы точно так же, как делаем это у себя дома.

Кам поднялся, чтобы раскланяться.

— Я пришлю к вам Дарвина Личли. Он поможет вам добраться до тех регионов, о которых я упомянул,

и, кроме всего прочего, он великолепный лингвист. Ну и, естественно, желаю вам всяческих успехов.

Он ушел, и вскоре после этого на «Фебе» появился Дарвин Личли, низенький круглый человечек с розовым мрачным лицом и лысым черепом такого же необычного цвета.

— Уполномоченный Кам описал мне ваши задачи, — сказал он даме Изабель каким-то зловещим голосом. — В общем я их одобряю, однако, боюсь, что низкое развитие непременно вызовет трудности и искажения в понимании сложности столь значительного проекта.

Дама Изабель посмотрела на него с холодным презрением.

— Вы странный самоуверенный человек, мистер Личли. После нескольких недель тщательного планирования, специальных репетиций и немалых расходов, после долгого путешествия по космосу мы, наконец, прибыли на Заде, готовые показать здесь нашу программу. А вы делаете поспешные пессимистические прогнозы и, видимо, рассчитываете, что мы в сомнениях и растерянности изменим наши планы и отправимся обратно на Землю.

— Мадам, вы меня не правильно поняли, — выпалил Личли. — Я просто хотел обрисовать вам действительное положение вещей, чтобы впоследствии вы не обвинили меня в безответственности. Хотя жители Заде и разумны, но они обладают довольно узким кругозором, а некоторые из них слишком ненадежны и непостоянны.

— Очень хорошо, вы высказали свою точку зрения, мы ее выслушали. А теперь позвольте нам изучить карты, которые, как я вижу, вы захватили с собой.

Дарвин Личли натянуто поклонился и развернул Меркаторскую проекцию единственного материка планеты.

— Мы находимся здесь, — сказал он, указав на юго-восток. — Мистер Кам, наверно, поведал вам о большом разнообразии местных аборигенов и, думаю, советовал посетить Стриадов, водных людей и ментальных воинов. Я мог бы дать вам и другие рекомендации, но давайте оставим все, как есть. Стриады находятся в

зоне Терсеры... — он хлопнул рукой по карте, — их можно посетить первыми. И все же, несомненно, это очень своеобразный народ.

Пока «Феб» величаво скользил над черно-оранжевыми и желто-зелеными джунглями, Дарвин Личли вкратце описал Стриадов.

— Жители этой планеты биологически более гибки, чем люди на Земле: имея общие корни, они сильно различаются как физически, так и психологически. Например, Стриады великолепно приспособились к своим специфическим условиям. Область Терсеры является зоной постоянной вулканической активности, там много горячих источников и луж кипящей грязи, из которой Стриады строят свои замки. Это довольно кроткий народ, обладающий высокоразвитой способностью к воспроизведению звуков, которые они издают с помощью уникального в своем роде органа.

Джунгли начали редеть и взору открылась посадочная площадка, покрытая черными, похожими на бамбук стволами и большими шарами оранжевого пуха. Вдали в небо врезалась гряда серых гор. Дарвин Личли указал рукой на облако висящего в воздухе тумана:

— Это и есть термальная зона. Посмотрите внимательней, и вы увидите, как из тумана поднимаются города Стриадов.

Через несколько минут можно было ясно различить высокое, похожее на крепость строение Стриадов; тяжелое здание в шесть или семь этажей, слепленное из цветной глины.

«Феб» приземлился на плоской площадке перед городом. Незамедлительно из железных ворот появилось несколько дюжин Стриадов. Дарвин Личли, дама Изабель, Бернард Бикль и Роджер вышли из корабля и стали их поджидать.

Несомненно, эти существа относились к гуманоидной расе, высокие, с тонкими руками и ногами и с несколько массивным угловатым туловищем. Кожа у них была медно-красного цвета с зеленоватым глянцевым отблеском, головы — высокими и узкими, покрытыми черной растительностью на подобие перьев. Одежды Стриады были в рубашки из грубой ткани и брон-

зовые наплечники, при этом грудь и ребристое отверстие для звуковой диафрагмы оставались открытыми. Они выжидательно остановились в нескольких ярдах от корабля. Их диафрагмы начали сокращаться и дергаться, издавая мягкий приветственный звук.

Дарвин Личли заговорил с ними на резком гортанном языке, который казался одновременно и фрикативным, и грудным. После короткого совещания между собой Стриады что-то ответили.

Личли повернулся к даме Изабель:

— Они с удовольствием посетят ваш музыкальный спектакль. Должен сказать, что меня это очень удивило. Дело в том, что Стриады довольно застенчивы, и мало встречались с земными жителями; возможно, всего лишь с дюжиной коммерческих миссионеров. Когда вы хотите устроить ваше первое представление?

— Если мы сделаем это завтра, не будет ли это слишком поспешно?

Дарвин Личли обратился с этим вопросом к местным жителям, а затем проинформировал даму Изабель, что время спектакля их вполне устраивает. После этого он предупредил о нескольких простых табу, которые необходимо строго соблюдать: не входить в жилища, не бросать никакие предметы в горячие источники, никакого шумного или экстравагантного поведения, никакого особого внимания детям, которых, по словам Личли, здесь рассматривают как паразитов и очень часто поедают. Когда дама Изабель выразила ужас по поводу последнего замечания, Личли рассмеялся:

— Это всего лишь, так сказать, отношения «баш на баш». Дети платят им тем, что сталкивают взрослых в горячие источники.

Не забывая про советы Дарвина Личли, большинство членов труппы до самого вечера бродила по городу Стриадов. С удивлением они рассматривали озера бурлящей грязи: самые большие были горчично-желтого цвета, остальные — красные, серые, шоколадно-коричневые. Из этой грязи были построены высокие здания, и земляне с изумлением наблюдали, как стриады, испуская высокие звуковые и ультразвуковые колеба-

ния, кололи, обрабатывали и прессовали грязь во все возможные удобные для использования формы.

Земные путешественники, похоже, произвели хорошее впечатление. Представитель Стриадов даже пригласил всю группу на банкет. После короткого совещания с дамой Изабель Дарвин Личли с благодарностью отклонил приглашение, заявив, что в канун музыкального спектакля труппа привыкла отдыхать.

На следующее утро была раскрыта сфера С, поставлена мачта и натянут тент, образующий театр. Для Стриадов дама Изабель выбрала «Волшебную флейту». Слишком свежи были еще воспоминания о фиаско на Сириусе, поэтому она решила не делать никаких изменений в спектакле. Местная аудитория увидит и услышит оперу в оригинальном, земном варианте.

— В конце концов, — сказала дама Изабель Бернарду Биклю, — эти неприятные мелочные компромиссы отдают каким-то унижением. Наша цель — донести до жителей отдаленных миров нашу музыку так, как знаем ее мы, во всей ее мощи и великолепии, а не нести им какие-то жалкие ободренные версии, которые не смогли бы узнать и сами авторы.

— Вы очень точно высказали мою точку зрения, — ответил Бернард Бикль. — Я не заметил никаких признаков существования музыки у этих Стриадов, но в целом они производят впечатление обходительных и творческих личностей. Вы обратили внимание на фрески из разноцветной глины у них над воротами?

— Да, действительно, очень впечатляюще. Надо напомнить Роджеру сфотографировать их, по крайней мере, это хоть как-то оправдывает его присутствие на корабле.

— Похоже, он совсем не наслаждается этой поездкой, — заметил Бернард Бикль. — В истории с мисс Росвайн он выбрался сухим из воды лишь потому, что капитан Гондар монополизировал эту пташку.

Дама Изабель поджала губы:

— Я не могу вспоминать об этом без возмущения, особенно после того, как мы не осудили поведение капитана Гондара, взявшего, как вы только что справедливо заметили, это юное создание под свое крылышко.

Бернард Бикль пожал плечами.

— Похоже, это никого, кроме Роджера не задело. Она из всех сил старается не болтаться под ногами; трудно найти более скромное создание.

— Будем надеяться, что так оно и есть, — фыркнула дама Изабель.

* * *

Приближалось время для поднятия занавеса. Певцы уже облачились в свои костюмы; музыканты оркестра, после хорошего завтрака и прогулки взад-вперед перед кораблем, собрались в оркестровой яме, где разобрали партитуры, и сидели в ожидании, обмениваясь добродушными шутками.

В это время появились и Стриады. Выйдя из своего высотного города, слепленного из разноцветной глины, они, как и вчера, шествовали с огромным достоинством и серьезностью. Безо всякой застенчивости или колебания Стриады заняли места в зрительном зале и выжидательно замерли. Взглянув на оставшиеся пустые места, дама Изабель посмотрела в сторону города, но желающих посетить представление больше не наблюдалось.

— И это вся аудитория? — поинтересовалась она у Дарвина Личли. — Да здесь и сотни не наберется.

— Сейчас я выясню, — ответил Личли и направился к одному из Стриадов, затем, нахмурившись, вернулся к даме Изабель. — Он сказал, что это все: здесь все ответственные лица, что-то вроде членов городского совета, как я полагаю. Они уполномочены принять любое решение, какое сочтут верным.

Дама Изабель раздраженно покачала головой:

— Не могу сказать, что я понимаю это.

— Я тоже, — согласился с ней Личли. — Но все же лучше начать оперу для этой группы. В конце концов она представляет из себя местную элиту.

— Возможно, это все объясняет, — заметил Бернард Бикль. — Я уже сталкивался с подобной ситуацией, когда своего рода культурная аристократия обладает эксклюзивной привилегией наслаждаться эстетическими таинствами.

Дама Изабель устала на застывшую аудиторию, внимательно прислушивающуюся к звукам настраивающегося оркестра.

— Художественная верхушка, говорите? Определенно, идея не плоха... Ну что же, начнем.

Сэр Генри Риксон поднялся на дирижерское возвышение, поклонился аудитории и поднял палочку; оркестр издал три резких отрывистых аккорда вступительного адажио. Зрители сидели не шелохнувшись.

Занавес поднялся, и представление началось: на сцене появился Томино, преследуемый змеей. Дама Изабель была восхищена сосредоточенным вниманием аудитории. Они сидели неподвижно, время от времени выражая негромкое одобрение. Особенно Стриады оживились, когда во втором акте Ада Франчини продемонстрировала им свое высокое альтовое «фа».

Когда опера закончилась, и состав вышел к рампе поклониться, зрители поднялись с мест и стали переговариваться между собой. Похоже, среди них возникли какие-то разногласия, и, игнорируя оркестр и певцов, стриады вышли из театра, чтобы продолжить дискуссию на открытом воздухе.

Грациозно улыбаясь во все стороны, в сопровождении Бернарда Бикля и Дарвина Личли дама Изабель последовала за ними.

— Каково ваше мнение о нашей замечательной музыке? — подойдя к Стриадам, спросила она, и Дарвин Личли тут же перевел ее вопрос.

Старший представитель группы что-то ответил, и лицо Личли стало озадаченным.

— Что он сказал? — обратилась дама Изабель к переводчику.

Личли, нахмурившись, посмотрел в сторону местной культурной аристократии и неуверенно произнес:

— Он интересуется наличием.

— «Наличием»? Я ничего не понимаю!

— Я тоже, — поддакнул Дарвин Личли и повел дальнейшие расспросы. Стриад начал отвечать более подробно.

Глаза у Личли стали круглыми, он что-то переспросил, потом беспомощно пожал плечами и повернулся к даме Изабель:

— Произошла небольшая ошибка, некоторое непонимание. Я уже упоминал, что Стриады знакомы с Землей только по редким коммерческим вояжам?

— Да, да, вы об этом говорили!

— Они, кажется, приняли «Феб» за такую миссию и пришли на спектакль именно с этой мыслью, — Дарвин Личли какое-то мгновение колебался, потом выпалил скороговоркой. — Вы не произвели на них слишком сильного впечатления. Они сказали, что им не нужны ни скрипки, ни тромбоны, их диафрагма вполне адекватна этим инструментам, но они готовы заказать двух музыкантов с гобоем и колоратуро.

— Боже милостливый! — воскликнула дама Изабель. Она бросила в сторону терпеливо ожидающих Стриадов взгляд, полный негодования. — Можете сказать им...

Но тут вмешался Бернард Бикль.

— Скажите им, — мягко сказал он, — что именно эти позиции пользуются очень большим спросом, и мы не можем гарантировать им поставку в ближайшем будущем.

Стриады выслушали Дарвина Личли с большим вниманием и вежливостью, затем развернулись и медленно направились по направлению к городу.

Кипя возмущением, дама Изабель велела разбирать театр, и уже через несколько часов «Феб» двинулся в сторону земель водяных людей.

* * *

Медленная река вытекала из джунглей и бежала сначала на запад, потом поворачивала на север, после чего круто изгибалась на юго-запад и, наконец, впадала в большое внутреннее море, образуя дельту примерно в пятьдесят миль в длину и столько же в ширину. Вот здесь и обосновались водяные люди, эволюционировавшие в соответствии с условиями своего обитания в совершенно отличную от Стриадов расу. Они были ниже; звуковая диафрагма у них атрофировалась, а может быть, никогда и не была достаточно развита; цвет кожи был бледно-серым. В глаза бросалась жуткая гибкость, как у тюленей. Головы у во-

данных людей были более круглыми, а черную перьевую корону Стриадов заменяли несколько безвольных прядей черно-зеленоватых волосиков. Они были намного многочисленней Стриадов и значительно нервно-активнее. Водяные люди расширили место своего обитания до внушительных размеров, создав удивительно запутанные системы каналов, прудов, дамб, плавающих островов, по которым и вокруг которых они либо плавали, либо водили тростниковые шаланды, либо тащили баржи, груженные какими-то связками и тюками. На всей территории не было ни одного большого города, зато раскинулось неимоверное множество деревенок, состоящих из травяных и тростниковых хижин. В центре дельты, на острове примерно в милю диаметром, поднималась похожая на пагаду башня, сделанная из бревен, циновок и покрытых чем-то красным панелей.

Дарвин Личли заблаговременно описал даме Изабель и Бернарду Биклю водяных людей:

— Возможно, вы не сочтете этот народ таким же радушным и любезным, как Стриады; на самом же деле они просто склонны к холодной беспристрастности, которую легко можно принять за недовольство. Но это абсолютно не так; нельзя сказать также и о том, что у водяных людей отсутствует эмоциональная глубина. Просто они чрезвычайно консервативны и подозрительны к любым инновациям. Вы можете удивиться, почему представитель Кам послал вас именно сюда, но ответ очень прост: у здешних обитателей существует высоко развитая музыка, традиция которой уходит корнями на тысячи лет назад.

— Ну-ну,— сказала дама Изабель, тяжело вздохнув.— Я очень рада наконец-то встретить людей, которым знакомо слово «музыка».

— В этом отношении бояться нечего,— продолжил Дарвин Личли.— Они настоящие эксперты: у них у всех абсолютный слух, они сразу же определяют вам любой аккорд в любом его исполнении.

— Это действительно хорошая новость,— сказала дама Изабель.— Однако вряд ли у них существуют оркестры подобные нашему. Я права?

— Не совсем. Каждый взрослый житель является своего рода музыкантом, и с самого рождения ему отведена определенная партия в церемониальной фуге, которую он играет на унаследованном от свой семьи инструменте.

— Очень интересно! — воскликнула дама Изабель. — А у нас будет возможность послушать их музыку?

Дарвин Личли с сомнением поджал губы.

— На этот счет я ничего не могу вам сказать. Водяных людей нельзя назвать ни агрессивными, ни дружелюбными, но они, как вы скоро сами убедитесь, очень странные существа, и их надо воспринимать с учетом их обычаев. Я довольно хорошо знаком с ними, и меня они тоже хорошо знают, но вы все равно не увидите никакой теплоты или там радушия, да даже простого знака того, что они меня узнали. Но это неважно; вы хотели встретить музыкально мыслящих существ, так вот они перед вами.

— Если они действительно таковы, как вы их нам описали, — сказала дама Изабель, — полагаю, что мы сможем показать им такое, о чем они и понятия не имеют. Что вы предложите, Бернард?

Музыковед задумался:

— Может быть, Россини; например, «Севильский цирюльник»?

— Достойная идея; здесь присутствует достаточный задор, чтобы покорить фантазию таких существ, как водяные люди.

«Феб» приземлился на острове рядом с пагадой, которую Дарвин Личли охарактеризовал, как Хранилище Архива. Социальная система водяных людей была полна парадоксов и неразберихи, которые не сумел разрешить еще ни один этнолог. По большому счету, любая активность или жизненная фаза была регламентирована и систематизирована. И все это контролировалось армией наставников и наблюдателей.

Все еще продолжая обсуждать странности водяных людей, дама Изабель, Дарвин Личли и Бернард Бикль спустились по трапу. Внизу их уже поджидала делегация месных жителей, представитель которой сразу же спросил о цели визита.

Личли подробно описал цель их прибытия, после чего делегация удалилась.

— Надо подождать, — сказал Личли даме Изабель. — Они пошли сообщить о нас Музыкальному Комиссару.

Комиссар прибыл приблизительно через час в сопровождении еще одного существа, которого он представил как Местного наблюдателя. Они очень внимательно выслушали Дарвина Личли, затем Комиссар сказал несколько осторожных фраз. Личли перевел сказанное землянам.

— Он интересуется традиционными истоками музыки, которую вы собираетесь... — он замаялся. — Мне не придумать подходящего слова. Разразиться? Распространить? Да. Он хочет узнать поподробнее о той музыке, которую вы хотите здесь распространять.

— Мне сложно что-либо сказать, — ответила дама Изабель. — Это очень приятная опера, без выражения каких-либо социальных вопросов, просто огромный букет великолепной музыки. Мы преследуем чисто художественные цели: поделиться своей музыкой с ним и его народом.

Дарвин Личли перевел ее высказывание, выслушал ответ и снова повернулся к даме Изабель.

— Когда вы собираетесь распространять свою музыку, как долго это продлится, и по каким поводам это будет происходить?

— Все будет зависеть от того, насколько хорошо нас примут, — хитро ответила дама Изабель. — Если мы заметим, что наша программа доставляет публике удовольствие, то мы дадим несколько спектаклей, а если нет, то уедем. Все очень просто. Наш первый концерт состоится как только сможет собраться публика, которую... Мне даже не представить, как созвать.

Между Дарвином Личли и Комиссаром опять произошел обмен словами, затем Личли объявил:

— Первый спектакль можете устроить уже завтра.

— Очень хорошо, — решительно сказала дама Изабель. — Значит, завтра в три часа.

* * *

Утром следующего дня уже привыкшая к этому занятию команда собрала театр. В два часа актеры обла-

чилились в костюмы и наложили грим, в половине третьего в оркестровой яме собрались музыканты, и все приготовления были завершены.

Однако никаких признаков потенциальной аудитории не наблюдалось. Дама Изабель вышла из корабля и, нахмурившись, оглядела горизонт. Жизнь вокруг шла своим обычным чередом, и на спектакль, похоже, никто не собирался.

И без десяти три публики нигде не было видно.

Ровно в три часа появился Местный наблюдатель, тот самый, которого руководители труппы видели вчера. Коротко поздоровавшись с дамой Изабель, Бернардом Биклем и Дарвином Личли, в гордом одиночестве он прошествовал в театр, уселся на одно из сидений, открыл принесенный с собой небольшой плоский чемоданчик, вынул из него бумагу, чернила и кисточку и разложил все это перед собой.

Дама Изабель, стоя у входа, с подозрением следила за этими приготовлениями.

— Он, очевидно, пришел посмотреть оперу. Но где же остальные?

Бернард Бикль вышел и пристально оглядел окрестности.

— Больше никого не видно, — вернувшись, доложил он.

Дама Изабель повернулась к Личли:

— Выясните, пожалуйста, когда нам ожидать остальную аудиторию.

Личли переговорил с наблюдателем и передал даме Изабель его неожиданный ответ.

— Он и *есть* аудитория. И он несколько раздражен, что спектакль не начинается вовремя.

— Но мы же не можем играть спектакль для одного индивидуала! — запротестовала дама Изабель. — Вы ему объяснили это?

— Ну да. Я заметил ему, что мы ожидали довольно большое количество зрителей, но он заявил, что должен произвести предварительный просмотр, чтобы изучить и оценить нашу музыку, прежде, чем население в массовом масштабе рискнет подвергнуть себя воздействию, возможно, нервизирующих звуков.

Дама Изабель сжала челюсти; наступил момент, когда решалось, будет ли «Севильский цирюльник» демонстрироваться для одобрения или нет.

Неожиданно в разговор вмешался Бернард Бикль и вкрадчивым голосом промолвил.

— Я полагаю, мы должны были предвидеть необходимость получения одобрения, особенно в высокоразвитых мирах. И мы ничего не можем с этим поделать; нам придется или подчиниться местным правилам, или улететь ни с чем.

Дама Изабель с раздражением кивнула.

— Полагаю, вы правы; однако, когда такие идеалисты, как мы, тратят свои таланты и деньги на такой эксперимент, то от тех, кто должен, по идее, получить от этого выгоду, можно было бы ожидать, по крайней мере, понимания. Я вовсе не требую восторгов, меня устроит даже крупница доброго отношения. Я не могу поверить... — она замолкла на полуслове, заметив приближение наблюдателя.

Подойдя к землянам наблюдатель заговорил, а Личли принялся переводить необычные для человеческого уха звуки.

— Ему не терпится узнать, когда начнется программа, он хочет также отметить, что начало концерта задержалось уже на девятнадцать минут.

Дама Изабель всплеснула руками.

— Я вынуждена подчиниться прихоти местного чиновника..

Она подала знак сэру Генри Риксону, который с удивлением посмотрел на нее поверх сидений, пустых за исключением одного — того, где расположился наблюдатель. Дирижер еще раз вопросительно взглянул на даму Изабель, та подтвердила свой сигнал к началу, и сэр Генри поднял свою палочку. Зазвучали первые ноты увертюры, и «Севильский цирюльник» предстал суду музыкального эксперта одной из внеземных цивилизаций.

Спектакль, идущий перед ни на что не реагирующим наблюдателем, остался у его участников не самым живым воспоминанием, но в то же время мастерство труппы не дало ему, как того можно было ожидать,

превратиться в чисто механический процесс воспроизведения сюжета.

Во время представления наблюдатель был очень внимателен, не выказывал ни одобрения, ни недовольства, не делал никаких движений, если не считать внесения пометок в свои бумаги.

Финальный хор потонул в заключительных аккордах оркестра, и занавес упал. Дама Изабель, Бернард Бикль и Дарвин Личли повернулись к своему единственному зрителю, делающему в тот момент последние пометки. Закончив писать, наблюдатель встал и направился к выходу. Дарвину Личли даже не потребовались инструкции дамы Изабель, чтобы выпрыгнуть вперед и ринутся за ним. У самого выхода он догнал наблюдателя, и между ними завязался многословный диалог, прерванный подошедшей дамой Изабель. Она сгорала от нетерпения узнать мнение представителя водяных людей.

— Он неприятно поражен, — выдавил из себя Личли. — Вот основной смысл его реакции.

— *Что?* — переспросила дама Изабель, — И это почему же?

Наблюдатель, видимо, понял смысл восклицания дамы Изабель и снова заговорил. Личли переводил его речь явно без удовольствия.

— Он отметил множество разных недочетов. Например костюмы совершенно не подходят для климата. И еще он сделал ряд технических замечаний... Певцы... хмм... я не совсем понял слово «*бграссик*». В общем, чтобы оно ни значило, певцы ошиблись, когда пытались... тут еще одна незнакомая фраза: «*телу гай шлрама*» во время игры оркестра, в результате чего фальшиво прозвучало «*гхарк джиссу*». Черт его знает, что он имеет в виду. Может быть, под «играть» он подразумевал акцентировку... Хоровые секвенции... нет, здесь что-то другое: секвенции не могут двигаться с севера на запад, — Дарвин Линчи опять прислушался к наблюдателю, продолжающему излагать еще несколько своих замечаний. — Первоначальная антифония была неполной... «*такал ске хг*» был слишком близок к «*брга скт гз*», и ни то, ни другое не соответствовали

стандартному материалу... Он нашел дуэты интересными только наполовину из-за необычного, хотя и вполне законного «грэгк ай тгык трг». Он недоволен тем, что музыканты сидели слишком статично. Он думает, что им надо двигаться, скакать и прыгать, чтобы подчеркнуть музыкальную тематику. Работа сырая, неотработанная, в которой очень много неправильного... подтекста? Хотя, возможно, он подразумевает легато. Во всяком случае, он не может рекомендовать это представление своему народу, пока не будут исправлены все указанные недочеты.

Дама Изабель, не веря своим ушам, покачала головой.

— Очевидно, он неправильно понял наши цели и задачи. Предложите ему присесть... я сейчас пошлю за чаем.

Наблюдатель согласился задержаться, и дама Изабель, усевшись рядом с ним, вместе с Бернардом Бинклем, вносившим местами свои замечания, около часа старательно разъясняла историю, философию и структуру классической земной музыки и классической оперы в частности. Наблюдатель вежливо слушал и даже время от времени делал какие-то записи.

— А теперь, — сказала дама Изабель, — мы покажем ему еще один спектакль... дайте подумать... «Тристан и Изольда». Он, правда, несколько зануден, но, думаю, вполне подойдет для нашего случая; мы сможем продемонстрировать резкий контраст как по форме, так и по стилю. Бернард, пожалуйста, попросите участников спектакля надеть костюмы и сообщите им, что «Тристан и Изольда» начнется через двадцать минут. Роджер, скажи об этом сэру Генри и Андрею. И побыстрее, пожалуйста, мы должны убедить этого «эксперта», что мы не какие-то там тупицы!

Уставшие музыканты вернулись в оркестровую яму, скрипачи массируют пальцы, трубачи старательно слюнявили губы. И лишь благодаря виртуозности оркестра и динамичной работе палочки сэра Генри прелюдия прозвучала со своей невыразимой горько-сладостной страстью.

Во время спектакля дама Изабель, Бернард Бикль и Дарвин Личли сидели рядом с серебренкожим наблю-

дателем, старательно разъясняя ему перипетии душевного конфликта, разворачивающегося перед ним. Наблюдатель не делал никаких устных замечаний, а, возможно, и сам не больно-то обращал внимание на комментарии хозяев, однако, как и прежде, постоянно вносил пометки в свой блокнот.

Спектакль подошел к концу; Изольда пропела свою «Смерть любви»; ее голос сошел на эхо; по музыкальной ткани оркестра печальной нитью прошелся голос гобоя, подчеркивая великую тему очарования и скорби... Упал занавес.

Дама Изабель повернулась к Дарвину Личли и торжественно воскликнул:

— А теперь! Надеюсь, теперь-то он удовлетворен!

Наблюдатель быстро и безэмоционально заговорил на своем хриплом языке, состоящем в основном из согласных. Личли слушал его речь с отвисшей челюстью. Услышав перевод, дама Изабель поперхнулась и упала бы на пол, не поддержи ее вовремя рука Бернарда Бикля.

— Он все еще... несколько недоволен,— сказал Личли упавшим голосом.— Он говорит, что кое-что понимает в нашей точке зрения, но это не является извинением для плохой музыки. Он особенно возражает против того, что называет термином «скованная монотонность развития вашего хора»; он заявляет, что аудитория с менее широким кругозором, чем у него, при такой музыке просто сойдет с ума от скуки. Он находит нашу музыку такой же монотонно повторяющейся, как лепет младенца, при этом любая интерпретация, любая новая тема, любой повтор выражены с педантичной и невообразимой предсказуемостью.

Дама Изабель закрыла глаза. Наблюдатель снова встал, собираясь уйти.

— Сядьте,— сказала она хриплым натянутым голосом.— Бернард, сейчас мы покажем ему «Войцех».

Симпатичные седые брови Бернарда Бикля изогнулись в удивленную арку.

— «Войцех»? Сейчас?

— Немедленно. Пожалуйста, сообщите об этом Андрею и сэру Генри.

Бернард Бикль, постоянно оглядываясь через плечо, пошел выполнять ее просьбу. Вскоре он вернулся.

— Труппа устала, — неуверенно сказал он. — Они с полудня ничего не ели. Гермильда Варм жалуется на то, что у нее устали ноги, то же самое говорят Кристина Райт и Эфраим Цернер. Первая скрипка заявил, что из-за мозолей ему придется играть в перчатках.

— Представление «Войцех» начнется через двадцать минут, — спокойным холодным голосом заявила дама Изабель. — Пусть певцы переоденут костюмы и побеспокоятся о смене грима. Выдай таблетки тем, кто жалуется на хрип в горле, а тем, у кого болят ноги, искренне советую одеть более свободную обувь

Бернард Бикль послушно удалился за кулисы помогать актерам, и вскоре музыканты снова заполнили оркестровую яму. Там слышалось недовольное бормотанье, хлопанье партитур и тяжкие вздохи. Первая скрипка демонстративно вышел в белых хлопковых перчатках; второй тромбонист изобразил вульгарное глассандо.

«Войцех»! Дама Изабель смотрела на наблюдателя со скрытой улыбкой, как будто хотела сказать: «Думаешь, наш хор так предсказуем, да? А попробуй-ка проанализировать вот это!

Для единственного зрителя старалась усталая, но парадоксально триумфальная труппа, сумевшая довести «Войцех» до его великолепного финала. А наблюдатель все так же делал свои пометки с ученической старательностью и полным отсутствием эмоций.

После спектакля дама Изабель настояла, чтобы все собрались в салоне на чашечку чая с пирожным. Когда все расселись, она вопросительно уставилась на наблюдателя, взгляд ее откровенно походил на вызов.

— Ну, а теперь?

В ответ наблюдатель выдал очередную партию трудноразличимых звуков, Дарвин Личли тоскливо начал переводить.

— Я не могу рекомендовать тенденциозные, провокационные или пропагандистские произведения для водяного народа. Последняя импровизация содержательна, но слишком безрассудна. А напоследок я могу по-

рекомендовать вашим музыкантам больше доверяться «бграссик», слушая для начала шелест ветра.

— «Шелест ветра»?

— Это определение относится к палочке сэра Генри. Наблюдатель слышит звук создаваемого ею ветра и принимает палочку за музыкальный инструмент.

— Он полный кретин, — заявила дама Изабель ледяным голосом. — Можете сказать ему, что наше терпение подошло к концу, что мы категорически отказываемся выступать перед теми, кому в детстве медведь на ухо наступил, как это случилось с водяным народом.

Корректно изменив последние фразы, Дарвин Личли довел их до наблюдателя. Выслушав все, наблюдатель склонился над своим блокнотом и, казалось, производил какие-то подсчеты, затем сказал что-то Дарвину Личли, и тот заморгав удивленно, начал неуверенно переводить.

— Он хочет назвать свою цену за...

— Свою цену? — переспросила дама Изабель, ее голос дрожал от переполнявших ее эмоций. — Какая неслыханная наглость! Велите ему немедленно убираться с корабля!

Дарвин Личли возразил спокойным, умиротворяющим тоном:

— Местные обычаи таковы, что наблюдатель должен получать плату за свою экспертизу. Шестьсот батареек для сигнальных фонарей, кажется, вполне...

— Да о чем, ради всего святого, вы говорите? — взмолилась дама Изабель. — Что это за разговоры о батарейках к «сигнальным фонарям»?

Личли неуверенно улыбнулся.

— Батарейки к сигнальным фонарям — это единица местного обмена, по крайней мере, при сделках с земными людьми.

Несколько придя в себя, дама Изабель заговорила громко и членораздельно:

— Скажите этому созданию, что он не получит ничего: ни батареек, ни чего-либо другого. Объясните ему, что я нахожу его экспертизу крайне некомпетентной, что он оскорбил не только меня, но и весь наш коллек-

тив; если и требуется какая-то оплата в батарейках, так это он нам их должен. Скажите ему, что мы все устали, и он свободен. Роджер! Сообщите капитану Гондару, что театр можно немедленно разбирать!

Наблюдатель, однако, не двинулся со своего места и что-то произнес. Дама Изабель скептически уставилась на него.

— Что еще?

— Он говорит, что ошибся в подсчетах, — взволнованно сказал Дарвин Личли. — К названной сумме, добавляется плата за композицию, написанную в более чем трех тональностях, что требует особых знаний от критика. Первые две вещи оцениваются по двести батареек за каждую, а в случае с «Войцех» плата увеличивается на сто пятьдесят батареек. Таким образом, в общей сложности получается восемьсот пятьдесят батареек.

— Скажите ему, чтобы убирался. Мы не собираемся ничего платить.

Между Личли и наблюдателем произошел короткий и, видимо, неприятный разговор, после которого Личли сообщил даме Изабель.

— Он сказал, что если мы ничего ему не заплатим, то он опорожнит в воздух свой мешочек со спорами, после чего атмосфера на «Фебе» будет насыщена примерно десятью миллионами зародышей водяных людей, более или менее на него похожих.

Дама Изабель открыла было рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала, закрыла его и обратилась за советом к Бернарду Биклю.

— Полагаете, мы должны заплатить?

— Да, — печально промолвил Бернард Бикль. — Нам придется это сделать.

— Но у нас на борту нет такого количества батареек, — сказала дама Изабель Дарвину Личли. — Как нам быть?

— Позвольте мне связаться с представителем Камом; он вышлет батарейки на требуемую сумму, — ответил Личли.

Через час прибыл флаер от Специального уполномоченного. Наблюдателю были выданы батарейки, и тот без дальнейших дебатов покинул «Феб».

— Такой возмутительной ситуации я не припомню за всю свою жизнь,— заявила дама Изабель.— Совершенно невероятно, что разумное существо может обладать таким узким кругозором!

Бернард Бикль рассмеялся.

— Если бы вы попутешествовали по космосу столько, сколько я, то вы бы уже ничему не удивлялись. К тому же мы с вами давно пришли к выводу, что должны ожидать не только триумфов, но и непонимания или разочарования.

— Может быть, я ожидала слишком многого. И все же...— дама Изабель покачала головой и налила себе чашечку чая.— Полагаю, я слишком оптимистична и доверчива. Интересно, научусь ли я когда-либо чему-нибудь? — вздохнула она.— Но мы должны продолжать делать все, что в наших силах. Как только мы пойдем на компромисс с нашими идеалами, все будет потеряно. Мистер Личли, а эти ментальные войны, о которых вы говорили... надеюсь, они-то не так придирчивы?

— Я знаю их не так хорошо, как водяных людей,— осторожно заметил мистер Личли.— Согласно рапортам они очень общительны и дружелюбны, хотя и не столь утонченны, как некоторые другие племена на Заде.

— Приятно это слышать,— сказала дама Изабель со вздохом облегчения.— Мне наскучили бухгалтерские типы, которые думают только о критике и батарейках. Господи, как я устала, пойду отдохну немного. Бернард, проследите, пожалуйста, чтобы театр был убран как положено. Мы отправляемся в дальнейшее путешествие завтра рано утром.

* * *

«Феб» скользил на северо-запад над роскошными пейзажами Заде. Под ним проплывали горы и долины, на которых были разбросаны деревни и села, среди которых встретился только один город с высокими остроконечными шпилями. Здесь, по словам Личли, проживал народ, который мог лицезреть демонов, невидимых для остальных. На расспросы дамы Изабель Лич-

ли ответил, что это очень милый и отзывчивый народ, но его не стоит рассматривать как потенциальную аудиторию: если они почувствуют или даже им просто покажется, что среди трупы присутствуют духи, то их крики ужаса явно сорвут спектакль.

Они пересекли джунгли с разноцветными деревьями, весьма характерными для этой планеты, и приблизились к огромному массиву из сланцев, гнесса и прочих горных пород. Вскоре они достигли земли ментальных воинов: района изломанных камней, пропастей и вулканических извержений, горных пиков и трещин. Их столица размером чуть больше земного провинциального городка, занимала центр довольно ровного плато. Рядом с городом располагался комплекс плавилен, рудоочистительных сараев и кузниц, окруженный горами шлака и руды. Дарвин Личли охарактеризовал ментальных воинов как искусных металлургов и кузнецов, снабжающих железом и медью весь континент.

— Не обращайтесь внимания на их внешность или манеры, — сказал он. — Это довольно суровый и грубый народ, но это совершенно не значит, что они дикари или варвары. Я плохо знаком с их культурой, но среди других рас они известны своими карнавалами и массовыми представлениями, и говорят, что они обладают очень широким кругозором. Если мы постараемся не нарушать их обычаев, то уверен, что нас примут с подчеркнутой вежливостью.

Капитан Гондар посадил «Феб» на открытом пространстве рядом с городом. Дама Изабель, Бернард Бикль и Дарвин Личли спустились по трапу и готовились к встрече с местной делегацией, которая не заставила себя ждать.

Как и предупреждал Дарвин Личли, их внешность никак нельзя было назвать приятной. Черты лица ментальных воинов были очень грубыми, а торс покрывали черные хитиновые пластины. Они казались необычайно сильными, так как их одежда не позволила бы земному человеку даже встать на ноги: на них были железные сандалии, килты из металлических пластин, связанных бронзовой проволокой, плечи покрывали конструкции, похожие на эполеты, сделанные из железа и

бронзы, с которых свисали нанизанные на нити серебряные шарики. Головных уборов не было, черепа были покрыты черными хитиновыми гребешками высотой примерно в два дюйма. Ментальные воины остановились и принялись внимательно и оценивающе разглядывать группу с «Феба».

Один из них заговорил низким хриплым голосом на языке, который, казалось, состоит из одних гласных. Дарвин Личли внимательно его выслушал и, запинаясь, начал что-то отвечать. Ментальный воин сказал еще несколько фраз, и Личли, повернувшись к даме Изабель, перевел:

— Насколько я догадываюсь, он хочет узнать о цели нашего визита. Я сказал ему, что вы только что прилетели с Земли, что вы слышали много замечательного про ментальных воинов и хотите на них посмотреть. Немножко лести никогда не помешает.

— Совершенно справедливо, — заявил Бернард Бикль. — Скажите им, что их безупречная репутация известна во всей Вселенной, поэтому мы прибыли выразить им свое уважение и хотим поставить для них спектакль.

Насколько смог, Дарвин Личли перевел это на тяжелый рычащий язык. Ментальные воины выслушали его, затем собрались в кучу и принялись что-то обсуждать, периодически бросая оценивающие взгляды на землян.

Затем, не торопясь, вернулись к группе представителей «Феба», и старший задал Личли вопрос:

— Вы сказали, что наша репутация известна по всей Вселенной?

— Да, именно так, — ответил Бернард Бикль. Дарвин Личли старательно переводил вопросы и ответы.

— И вы прибыли сюда с единственной целью — поставить «спектакль»?

— Совершенно верно. В нашей труппе собраны самые талантливые артисты Земли.

Ментальные воины опять отошли в сторону посоветоваться. Наконец, они пришли к какому-то решению, и старший прорычал тяжеловесную фразу.

— Они принимают приглашение, — перевел Личли, — и пришлют к нам делегацию самых смелых и мудрых из местной знати...

— «Смелых и мудрых»? — озадаченно переспросила дама Изабель. — Очень странное выражение.

— Похоже, это просто общий смысл фразы. Однако он поставил условие: вся команда «Феба» должна в свою очередь посетить их представление, которое для вас организует специально обученная труппа.

После небольшой паузы и растерянного взгляда в сторону ментальных воинов дама Изабель ответила:

— Я не вижу причин отклонить это приглашение... В самом деле, с нашей стороны было бы очень невежливо отказать им. Вы согласны, Бернارد?

Бикль почесал подбородок и с сомнением посмотрел на мрачных, ожидающих ответа аборигенов, затем неуверенно произнес:

— Полагаю, они просто чувствуют себя обязанными перед нами. Возможно, их устрашающая внешность ничего не значит.

— Разве не в этом заключается смысл культурного обмена? — заметила дама Изабель. — Разве не для этого мы добирались сюда, за миллионы миль от дома? Она решительно повернулась к Дарвину Личли. — Переведите им, что мы почтем за честь посетить их представление.

Личли перевел, после чего обменялся еще несколькими фразами с аборигенами, и делегация удалилась обратно в город.

Дама Изабель и Бернارد Бикль тут же пригласили к себе Андрея Сциника и сэра Генри Риксона, чтобы обсудить предстоящую программу. Бернارد Бикль, на которого сильное впечатление произвела мужественная внешность аборигенов, предложил «Зигфрида». Андрей Сциник порекомендовал «Аиду», для которой на «Фебе» были великолепные декорации, сэр Генри попробовал предложить декадентов, но потом отказался от этой затеи. Дама Изабель выдвинула идею, что данный народ, ведущий явно тяжелую жизнь, можно поразить чем-нибудь легким и очаровательным, как, например, «Ганзель и Гретель», «Летучая мышь», «Так поступают все» или даже просто «Сказки Гофмана».

В конце концов согласились на «Проданной невесте». Андрей Сциник поспешил к артистам, чтобы на

скорую руку устроить репетицию, а сэр Генри отправился собирать партитуры.

Ночь была темной, лишь от кузниц с другой стороны плато исходило мрачное мерцание. В воздухе висели незнакомые земляным запахи, так что те, кто вышел перед сном размять ноги, далеко от корабля не отходили.

Утром следующего дня был возведен театр: а оркестр еще раз просмотрел партитуру и приготовился к началу спектакля. Через некоторое время на плато появилась большая группа ментальных воинов. Когда дама Изабель встретила их у входа в театр, вперед выступил один из аборигенов, указал на своих товарищей и заговорил. Личли начал переводить.

— Мы пришли в полном соответствии со взятыми на себя обязательствами. Раз уж мы что-то решили, то никакие разногласия, никакие отговорки, никакие передумывания не остановят нас. И вот мы отдаем себя на волю вашего представления.

Дама Изабель прощebetала короткую приветственную речь и провела их в зрительный зал, и быстро оглянулась по сторонам. Аборигены компактной группой уселись в совершенно идентичных позах: торс прямой и напряженный, руки прижаты к бокам, ноги плотно соединены вместе.

Сэр Генри Риксон вскинул вверх свою палочку, предвещая начало увертюры, и глаза аборигенов напряженно застыли на его фигуре. Поднялся занавес, и начался первый акт, но зрители все так же сидели как замороженные, не делая никаких движений, разве что время от времени подергивая мышцами. Так продолжалось до финального занавеса, но даже и после него они все продолжали сидеть неподвижно, будто не были уверены в том, что представление окончилось. Затем они медленно и неуверенно поднялись со своих мест и потянулись к выходу из театра, на ходу обмениваясь озадаченными репликами. Там, на выходе, желая узнать их впечатление, ментальных воинов встретили дама Изабель и Бернард Бикль. Старший из них посоветовался со своими товарищами, сложилось впечатление, что они чем-то недовольны, хотя по выражению их

грубых лиц невозможно было сказать что-либо уверенно.

Дама Изабель подошла к ним поближе и спросила напрямую:

— Вам понравился наш спектакль?

Старший группы заговорил чересчур гулким голосом.

— Мои люди не испытали ни закалки, ни утомления; и это самый энергичный спектакль, который вы можете нам показать? Неужели люди на Земле настолько вялы?

Это замечание весьма удивило даму Изабель.

— В нашем репертуаре больше дюжины различных опер, и ни одна из них не похожа одна на другую. Вчера вечером мы посоветовались и решили, что вам понравится что-нибудь легкое, а не суровое или трагическое.

Выслушав перевод Личли, ментальный воин весь напрягся.

— Так, значит, вы принимаете нас за любителей легкого? Это такая репутация ходит о нас по космосу?

— Нет, конечно, нет,— затараторила дама Изабель.— Ничего подобного.

Ментальный воин бросил несколько кратких слов своим товарищам, затем снова повернулся к даме Изабель.

— Мы говорим: больше не будет никаких представлений. Мы имеем честь пригласить вас завтра поупражняться с нашей специально обученной труппой. Вы придете?

— Конечно! — воскликнула дама Изабель.— Мы с нетерпением ждали такой возможности. Вы пришлете кого-нибудь, чтобы нас проводил до вашего театра?

— Мы это сделаем.

И ментальные воины побрели по плато к своему городу.

— Боюсь, наш спектакль не произвел на них большого впечатления,— покачал головой Бернард Бикль.

Дама Изабель вздохнула.

— Возможно, просто следовало показать им «Зигфрида»... Ну что же, завтрашнее представление должно

быть очень интересным. Надо будет напомнить Роджеру захватить звукозаписывающую аппаратуру.

* * *

На следующий день, сразу после полудня, перед кораблем появились два ментальных воина. Делегация с «Феба» была еще не готова: Рамона Токстед и Кассандра Праути в последний момент решили поменять вечерние платья на что-нибудь более свободное. Наконец все желающие посетить представление ментальных воинов собрались около корабля: певцы, музыканты, дама Изабель, Роджер, Бернард Бикль, сэр Генри, Андрей Сциник и некоторые члены команды. Ни капитана Гондара, ни Медок Росвайн среди собравшихся не было, и Роджер почувствовал болезненный укол, подумав о том, что эти двое остаются вместе. Похоже, подобное чувство испытывал и Логан де Апплинг, привлекательный молодой астронавигатор. Он нервно прохаживался взад-вперед перед кораблем, а когда ни капитан Гондар, ни Медок Росвайн так и не появились, он решительно подошел к трапу и вернулся на корабль.

Наконец делегация собралась и в веселом настроении двинулась через плато. На время были забыты все мелкие разногласия и обиды, были отложены в сторону всякие личные интересы, небольшая группа просто беззаботно шла, болтая и хихикая, в местный театр. Рамона Токстед и Кассандра Праути поздравляли друг друга с мудрым решением одеть легкие платья, так как мероприятие казалось совершенно неофициальным. Похоже, даже даму Изабель захватило общее настроение: она шла, подавая шутливые замечания о книге, которую собирался писать Роджер.

Они пересекли весь город, спустились по широкой дорожке с каменными ступенями и оказались в естественном амфитеатре. Стены его были довольно крутыми, а сиденья располагались на самом дне и представляли из себя каменные цилиндры, расставленные концентрическими кругами.

Дама Изабель с живым интересом оглядела амфитеатр.

— У них не возникло и мысли о том, чтобы создать здесь хоть какие-то удобства, — заметила она Бернарду Биклю. — Сиденья или тумбы, называйте это, как хотите, похоже, совершенно неудобны. Но, полагаю, нам придется с этим смириться.

Бернард Бикль обнаружил над головой какую-то металлическую связку.

— Очевидно, для каких-то спецэффектов, — предположил он, — а может, просто для освещения.

Дама Изабель продолжала рассматривать необычное сооружение.

— Странное помещения для театра. А где сцена? Где сидят музыканты?

Бернард Бикль пощелкал языком.

— За время моих скитаний по галактике я научился ничему не удивляться, даже театрам без сцены.

— Конечно, мы должны быть менее привередливы... Ну, я, пожалуй, сяду вот тут. Ты, Роджер, садись вон на то сиденье или тумбу, как там это лучше назвать, а вы, мистер Личли, устройтесь рядом с Роджером так, чтобы при необходимости можно было делать ремарки на звукозаписывающую аппаратуру.

Вся компания с шутками и улыбками расселась по местам.

Появился абориген, выполнявший вчера роль старшего. Побрякивая одеждой, он прошествовал через арену, подошел к даме Изабель и заговорил. Дарвин Личли преобразил его рычание в человеческую речь.

— Вы сдержали свое слово. Вы никуда не улетели.

— Конечно, нет, — заявила дама Изабель. — Такой поступок с нашей стороны был бы крайне невежливым.

Выслушав перевод, ментальный воин почтительно кивнул головой:

— Вы странный народ, но вы достойны уважения.

— Большое спасибо, — ответила дама Изабель, чрезвычайно польщенная таким замечанием.

Бернард Бикль с улыбкой закивал головой в знак согласия.

Ментальный воин удалился со сцены. Минуты две продолжалась тишина, внезапно прерванная ударом в

большой гонг. Это послужило сигналом к началу удивительных и чудовищных событий. Снизу фонтаном вырвался поток пламени; сверху с грохотом в проход между сидениями упали железные рельсы. Затем откуда-то сверху появились шесть маятников с острыми, как у бритвы, краями и начали раскачиваться взад-вперед. Завыла оглушительная сирена, ей ответила еще одна, со свистом упал огромный валун, привязанный к цепи, и начал раскачиваться в дюйме над головами зрителей. Струя пламени ударила горизонтально, затем вертикально, и в довершение ко всему сверху посыпались раскаленные докрасна капли металла... Через две минуты сорок секунд труппа начала визжать, падать в обморок, короче, предалась всевозможным видам истерии.

Представление закончилось совершенно внезапно. На металлических цепях сверху и по краям арены появились ментальные воины и принялись презрительно завывать, мяукать, кричать. Позже Дарвин Личли сумел вспомнить некоторые из их комментариев: «И откуда только взялись такие трусишки?» Или: «Мы же просидели три часа на вашем худшем из худших представлений!» Или совсем уж обидное: «Ну и слабаки же живут на Земле!».

Бестолковым стадом труппа вернулась на «Феб». Дама Изабель тут же отдала приказ собирать театр и стартовать при первой возможности.

Вскоре «Феб» полетел обратно к Землеграду, чтобы высадить Дарвина Личли, после чего незамедлительно отправился дальше в космос.

Глава девятая

На следующий день, когда Пси Орион превратился в почти анонимную небольшую звездочку, дама Изабель наконец пришла в себя настолько, что смогла обсудить с Бернардом Биклем события, произошедшие на плато.

— Мне бы не хотелось обвинить кого-либо в недоброжелательности, — заявила она, — и я не нахожу в случившемся злого умысла.

— Вероятно, так оно и есть,— согласился Бернард Бикль.— Скорее всего, мы просто не так поняли друг друга... Попали в ситуацию «испорченный телефон». Ну и шут же гороховый этот мистер Личли. Полная некомпетентность!

— Вынуждена с вами согласиться,— кивнула дама Изабель.— Только совершенный профан мог перевести «испытание» как «представление» или «вызов» как «приглашение».

— Но надо быть справедливым,— задумчиво заметил Бикль,— он с самого начала честно признался, что слабоват в языках. Однако все пропустили это заявление мимо ушей.

В салон вошел капитан Гондар и присоединился к беседе. Выглядел он очень плохо: под глазами были черные круги, а его и без того болезненный цвет кожи приобрел желтоватый оттенок. Дама Изабель сделала по этому поводу, возможно, не слишком-то тактичное замечание:

— Вам надо бы делать какую-нибудь зарядку, капитан Гондар. Даже в наш век биологических чудес человек должен и сам прикладывать некоторые усилия, чтобы разгонять по венам кровь.

В ответ капитан Гондар лишь безразлично кивнул и сразу же перевел разговор на другую тему:

— Не так давно я упоминал одну цивилизованную и культурную планету...

— Да, я хорошо об этом помню. А также о том, что для этого нам придется делать крюк.

— Возможно, совсем небольшой,— возразил Гондар.— Все зависит от того, каким образом вырулить на Гидру. Вы верно заметили, что пунктом нашего назначения является система Кита... Правда, я не уверен в разумности такого решения...

— Что! — негодуя воскликнула дама Изабель.— Посещение Рлару — главная цель нашего путешествия! Мы ни на секунду не должны об этом забывать!

Капитан Гондар потер лоб.

— Да, разумеется. Но эта планета на Гидре не менее развита, чем Рлару. Местные жители могут даже согласиться послать на Землю какой-нибудь коллектив,

точно так же, как это в свое время было с Девятой группой.

Дама Изабель бросила взгляд в сторону Бернарда Бинкля, тот скептически покачал головой.

— Капитан, — заговорила она спокойным голосом, — эта планета, несомненно, заслуживает посещения. Но у нас есть продуманный, тщательно разработанный маршрут, и мы просто не можем бросаться из угла в угол, следуя случайным идеям, — капитан Гондар хотел что-то возразить, но она подняла руку. — Есть и еще одно веское основание не сбиваться с намеченного курса. Наш ближайший пункт назначения — Жаворонок. Если мы сумеем принести хоть одну радостную искорку заключенным там беднякам, то все наши усилия и затраты можно будет считать оправданными. Жаворонок находится в Эридане, а это всего лишь небольшое отклонение от курса на систему Кита, так что, как видите сами, об изменении маршрута не может быть и речи.

Капитан Гондар отрешенно и грустно уставился на нее.

— На вашем месте, — без всякой жалости сказала дама Изабель, — я бы обратилась к доктору Шенку за тоником. Мне кажется, вы перетрудились.

Капитан Гондар издал неприятный хриплый звук, вскочил на ноги и вышел из салона.

— Станный человек! — заметила дама Изабель. — Что, интересно, его мучает?

Бернард Бикль улыбнулся.

— По-моему, у капитана Гондара небольшое недомогание в связи с тем, что он никак не может дойти, как сказал бы Карвет, до блаженства на «розовых лепестках».

Дама Изабель возмущенно покачала головой.

— Какая бесстыжая дрянь! Сначала бедный Роджер, а теперь капитан Гондар! — она решительно взяла подобранные для нее Биклем заметки по Эридану BG12-IV, известному в народе как Жаворонок. — Однако полагаю, нам не стоит вмешиваться в это дело, — она углубилась было в чтение заметок, но почти моментально подняла недовольный взгляд. — Бернард... вам не кажется, что вы чересчур строги?

Бикль удивленно нахмурился.

— Вы о чем?

— Вы ни слова не говорите о физических условиях на планете, относительно ее особенностей вы заявляете следующее: «Жаворонок интересен тем, что в последние двести лет является исправительной колонией для наиболее закореневших, неисправимых и жестоких преступников в человеческой Вселенной».

Бикль пожал плечами.

— Ну и что? Жаворонок имеет известную репутацию последней инстанции.

— Я отказываюсь думать об этой планете в таком контексте, — возразила дама Изабель. — Многие из этих «преступников» просто жертвы обстоятельств.

Говоря это, она бросила беглый взгляд на Роджера, только что вошедшего в салон.

— В какой-то мере это можно сказать про каждого из нас, — заметил Бернард Бикль.

— Именно это я и имею ввиду! В каком-то смысле я рассматриваю «Феб» как судьбу... но благотворную судьбу. Если мы сумеем убедить хотя бы дюжину осужденных в том, что они не забыты, не заброшены; если после нашего посещения эта дюжина посмотрит на себя новыми глазами, то визит на Жаворонок уже будет являться большим успехом.

— Вашей сентиментальности можно только позавидовать, — сказал Бернард Бикль и с явным сожалением добавил: — Теоретически у меня, конечно, нет никаких возражений против гуманизма.

— Пожалуйста, не относитесь к моим словам так уж серьезно. Сказать по правде, я сегодня просто не в духе. Проблемы так и валяются на нас, мы не достигли и половины того, на что надеялись, и вообще, вся эта затея начинает казаться довольно пустым мероприятием.

— Выступления на Заде отобрали у нас слишком много сил, — сказал Бернард Бикль. — Но одино-два успешных выступления, несомненно, все исправят и поднимут дух.

— Капитан Гондар ведет себя очень странно, — продолжала жаловаться дама Изабель. — Эта планета в Гидре становится для него какой-то навязчивой идеей.

И мне опять доложили, что команда вновь принялась за этот свой ужасный гам, орудуя жестяными сковородками и консервными банками.

— Да-да, «Таф Лак Джаг оркестр», — покачал головой Бернард Бикль с грустным неодобрением. — Я поговорю с главным стюартом.

— Пожалуйста, Бернард, поставьте все на свои места. Мы не можем позволить, чтобы все страдали из-за нескольких безмозглых шутников... Роджер, полагаю, дела с книгой продвигаются?

Последнее было сказано с большой долей сарказма.

— Я делаю заметки, — мрачно ответил Роджер. — Все-таки это очень грандиозный проект.

— Я должна сообщить тебе, что женщина, которую ты притащил с собой на борт, не перестает создавать трудности. И я считаю, что вся ответственность за это лежит на тебе... Что ты сказал?

— Я сказал «фантастика»!

— «Фантастика»? Что здесь фантастического?

— Я просто подумал о твоей благотворительности в отношении преступников на Жаворонке.

Дама Изабель открыла было рот, чтобы что-то сказать, но не нашла подходящих слов. После некоторой паузы она, наконец, произнесла:

— Моя этическая доктрина, Роджер, базируется на принципах ответственности и самоуважения, но это относится только к тем, кто способен следовать этим принципам. И раз уж мы будем останавливаться на Жаворонке, то я хотела бы сделать еще одно замечание. Несмотря на всю свою «благотворительность», как ты соизволил выразиться, я все же остаюсь реалистом и считаю, что все находящиеся на борту корабля должны быть уверены в полной безопасности. Ни при каких обстоятельствах нам не следует браться с осужденными, приглашать их на корабль, предлагать им спиртное. Мы не должны выказывать ничего, кроме персональной вежливости и доброжелательности.

— У меня и мыслей других не было, — с достоинством ответил Роджер.

— Власти Жаворонка, вероятно, выдвинут примерно такие же условия, — заметил Бернард Бикль. — Ко-

лония не является какой-то там крепостью или подземельем, и осужденные пользуются определенной степенью свободы. А мы не хотим, чтобы они сбежали, воспользовавшись нашим кораблем.

— Совершенно верно, — согласилась дама Изабель. — Но я уверена, что, если мы будем соблюдать элементарные меры предосторожности, то все будет хорошо.

* * *

С орбиты в тридцать тысяч миль Жаворонок казался очень большим. Выйдя на нее, «Феб» запросил разрешение на посадку. Почти сразу же к кораблю причалил патрульный катер, и на борт «Феба» высадились четыре офицера. Внимательно осмотрев корабль, они затем несколько часов беседовали с дамой Изабель и капитаном Гондаром о специфике здешнего мира.

— Вы должны осознать, что Жаворонок не похож на обычную планету, — сказал Старший Инспектор, худой седовласый мужчина с висячими усами и черными сверлящими глазками. — Осужденным предоставлена полная свобода на площади почти в десять квадратных миль, на всей территории Стола.

— Как же вы поддерживаете дисциплину? — спросила дама Изабель. — Мне кажется, что четырнадцать тысяч отчаявшихся мужчин, если захотят, без труда одолеют сравнительно небольшую группу административного персонала.

— На этот счет не беспокойтесь, у нас есть свои методы. И смею вас уверить, они достаточно эффективны. У нас большой набор средств электронного наблюдения, наши маленькие электронные пчелки еще ни разу нас не подводили. Мы больше боимся скуки, чем беспорядков; жизнь на этой планете совершенно бесцветна.

— Думаю, что наш визит значительно поможет вам поднять моральный дух, — сказала дама Изабель. — Осужденные, наверное, изголодались по музыке.

Старший Инспектор усмехнулся:

— Мы не такие уж варвары, как вы себе это представляете; у нас есть несколько собственных неплохих

оркестров. В конце концов наше общество собрано из всевозможных слоев населения. Среди осужденных есть и плотники, и сантехники, и фермеры, и музыканты. Наши архитекторы — осужденные, персонал наших больниц укомплектован, это тоже сосланные сюда преступники, наши химики и агрономы — осужденные. Мы образуем самодостаточное общество, криминальную цивилизацию, если хотите. И все равно, мы очень благодарны за каждый глоток свежего воздуха, за любую мелочь, отвлекающую нас от наших забот. Поэтому мы безмерно признательны вам за ваше предложение.

— Не стоит благодарности, — сказала дама Изабель. — Мы рады сослужить доброму делу. Ну, а теперь, давайте обсудим программу. Я предлагаю «Турандот», «Кавалер роз» и «Так поступают все» — в сущности веселые и забавные вещицы. «Турандот», конечно, немного мрачновата, но она поставлена у нас в таком экстравагантном духе, что, скорее всего, этого никто не заметит.

Старший Инспектор заверил ее, что в этом отношении беспокоиться нечего:

— Среди нас живет достаточное количество мрачных и странных личностей, так что вряд ли нас можно будет шокировать театральной экстравагантностью.

— Великолепно. Что же, настало время перейти к тем правилам и запретам, которые нам следует соблюдать, — заметила дама Изабель.

— На самом деле их очень немного. Естественно, никакого оружия, наркотиков или спиртного для осужденных. У входа на ваш корабль будет выставлена охрана, и мы настоятельно просим всех вас возвращаться на борт до темноты. В основном, наши осужденные ведут себя хорошо, но порой среди них встречаются неустойчивые или просто недисциплинированные экземпляры, думаю это понятно. Например, мы крайне не советуем гулять в одиночку симпатичным молодым женщинам: они могут встретить намного большее гостеприимство, чем ожидали.

— Я отдам соответствующие указания, — натянуто сказала дама Изабель, — но не думаю, что кто-то окажется настолько глуп, чтобы не подумать об очевидном.

— И последнее: мы всегда запрашиваем точную судовую роль, это для того, что если, скажем, вы приземлились, имея на борту сто одного члена экипажа, то и при взлете у вас должен быть ровно сто один член экипажа.

Капитан Гондар составил судовую роль, и офицеры отбыли на свой катер: Сразу же после этого «Феб» сошел с орбиты и направился на посадку.

* * *

Жаворонок, имеющий в диаметре всего семь тысяч миль, был пока самой маленькой планетой, посещенной «Фебом». С орбиты, на которой ранее находился корабль, поверхность планеты казалась ровной и однородной, в основном зеленой, с небольшими темными пятнами на полюсах. Но, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, зеленый цвет означал пульсирующую гнилую лужу, в центре которой на вулканическом острове, возвышавшемся примерно на двести футов, в тишине и прохладе располагалась исправительная колония. На самом плато естественная экология была изменена, и теперь там преобладали земные растения.

На первый взгляд, колония казалась небольшой приятной коммуной, но на самом деле принятые за нее здания официального вида — четырехэтажные строения из бетонных блоков с утопленными окнами принадлежали Губернатору и его штату.

Четыре аккуратненьких деревеньки, производственная фабрика, различные представительства, офисы и склады находились в значительном удалении, и все это полностью было укомплектовано осужденными. Заключенные ходили, куда хотели, в их поведении не чувствовалось никакой скрытности, и в то же время их никак нельзя было спутать со свободными людьми. Трудно было сказать конкретно, чем они так отличаются: возможно, какой-то их характерной чертой — смесью меланхолии, раболепства, затаенной горечи и отсутствия непосредственности, и в каждом отдельном случае черта эта проявлялись по-своему.

Другая, еще более тонкая особенность осужденных могла бы остаться незамеченной, если бы не одинаковая форма, которую они все носили: серые брюки и голубая куртка. Дама Изабель, вышедшая оглядеть толпу, собравшуюся вокруг «Феба», первой высказалась по этому поводу.

— Странно, — сказала она Бернарду Биклю, — я ожидала увидеть здесь менее привлекательные лица: отталкивающие физиономия дикарей и бандитов, явных идиотов или что-то вроде того. Но ни один из них не будет выделяться в любом светском обществе. Правда, в их внешности заметна некая унификация.

Бернард Бикль полностью согласился с этим тонким наблюдением, но объяснить его никак не смог.

— Возможно, сходство им придает тот факт, что они все одеты в одинаковую форму, — предположил он.

Во время второй беседы со Старшим Инспектором дама Изабель снова подняла этот вопрос:

— Это просто мое воображение или это действительно так, но мне кажется, что все осужденные похожи друг на друга?

Старший Инспектор, бывший и сам весьма симпатичным мужчиной среднего телосложения, с правильными чертами лица, несколько удивился этому заявлению:

— Вы так считаете?

— Да, хотя, конечно, это сходство довольно относительное. Я внимательно присмотрелась к людям с разным цветом кожи, разного телосложения, и все же что-то...

Она запнулась, подыскивая подходящие слова, чтобы выразить свое полуинтуитивное предположение.

Внезапно инспектор щелкнул пальцами.

— Думаю, я могу это объяснить. То, что вы заметили, это скорее негатив, чем позитив, скорее отсутствие, чем наличие, а такое обстоятельство намного труднее поддается определению.

— Возможно, вы правы. Меня озадачило именно то, что я не увидела «преступных типов», хотя я и не согласна с научной ценностью данного термина.

— Так оно и есть. И мы строго следим за этим. Нам не нужны «преступные типы» здесь, на Жаворонке.

— Но как, ради всего святого, вы можете этого избежать? В воспитательной колонии для совершенно неисправимых, я думаю, «криминальные типы» должны преобладать!

— Мы получаем свою долю таких типов, — согласился инспектор, — но они тут долго не задерживаются.

— Вы хотите сказать... они уходят?

— О нет! Ничего подобного. Просто мы придерживаемся мнения, что «преступный тип — преступный акт» это связь, действующая в обоих направлениях: можно сказать, что многие, особенно люди с сильной внушаемостью, совершают преступление из-за символических черт их физиогномики. Человек с выступающим подбородком, глядя на себя в зеркало, говорит: «Ага, у меня сильный агрессивный подбородок!», — и пытается приложить этот свой вывод к мотивировке своих действий. Человек с маленькими покрасневшими глазками знает о своем «хитром, жуликоватом выражении лица», и в соответствии с этим старается сыграть свою роль. Конечно, действуя таким образом, они сами поддерживают популярное заблуждение, построенное на подобных символах. Здесь, на Жаворонке, мы очень внимательно относимся к этому и, в первую очередь, из-за эгоистических интересов. Когда мы получаем экземпляр с маленькими глазками, выступающим подбородком, отвислыми губами, идиотским или злым лицом, мы сразу же направляем его в нашу «Реконструирующую лабораторию» и изменяем наиболее деморализующие черты лица. Я полагаю, что наши специалисты, а это все те же осужденные, придерживаются определенных стандартов, основанных на оптимальных образцах. Таким образом, вы не встретите здесь не только слабых подбородков, бегающих глаз или похотливых губ, но и слишком прямых носов, слишком благородных лбов, решительных челюстей и великодушных взглядов.

— Действительно так! — воскликнула дама Изабель. — Вы очень точно описали положение вещей. И после этого с этими людьми происходят соответствующие изменения?

— В большинстве случаев — да, но мы вовсе не являемся колонией идеалистических филантропов.

Последнее было сказано с веселой улыбкой на губах.

— На самом деле,— произнесла дама Изабель,— меня очень удивляет, как такой маленький административный штат может управлять таким большим количеством неблагонадежных и отчаявшихся мужчин. Подобное поселение должно просто кишить разными бандами и группировками, должно страдать от, я даже не знаю, как правильнее выразиться, от самосуда, что ли. Я уж не говорю о простом неподчинении и бунте.

Инспектор согласился с уместностью такого замечания:

— При отсутствии строгой дисциплины подобные трудности, конечно, могут возникнуть. Однако же мы четко контролируем не только порядок, но и некоторые привилегии, а также у нас в запасе есть несколько хитростей. Одним из наших уникальных институтов является то, что мы здесь называем «наблюдательная милиция», состоящая из ответственных осужденных. Она действует как часть отдела правосудия, который также комплектуется сосланными сюда лицами. Приговор, конечно, утверждается губернатором, но он редко вмешивается в это дело, даже в тех редких случаях, когда выносятся приговор на выселение.

— Выселение? — удивилась дама Изабель. — Куда?

— На другую половину планеты, осужденного туда высаживают на парашюте.

— Прямо в джунгли? Но ведь это равносильно смерти.

Инспектор поморщился.

— Мы точно не знаем, что там с ними происходит: никого из выселенных мы больше никогда не видели.

Даму Изабель передернуло, с долей негодования она заметила:

— Полагаю, что даже общество осужденных должно пытаться защитить себя.

— Такое происходит очень редко. На самом деле здесь намного меньше «преступлений», чем в подобных заведениях на Земле.

Дама Изабель удивленно покачала головой.

— Я думала, что люди в таких суровых условиях совершенно безразлично относятся к жизни и смерти.

Инспектор мягко улыбнулся.

— Вовсе нет. Честно говоря, я лично доволен своей жизнью и не хочу ни оказаться в числе выселенных, ни заслужить понижения в статусе.

Дама Изабель удивленно заморгала.

— Вы... вы осужденный? Такого не может быть?

— Почему же нет, — возразил инспектор. — Я убил топором мою бабушку, и так как это было мое второе абсолютно аналогичное преступление...

— Второе? — переспросил зашедший в салон Роджер. — Совершенно аналогичное? Как такое может быть?

— У каждого из нас есть две бабушки, — очень вежливо ответил ему инспектор. — Но все это, так сказать, вода под мостом. Некоторые из нас, правда, совсем немногие, начинают здесь новую жизнь; некоторые, опять-таки немногие, отправляются на выселение. А остальные так и остаются просто осужденными.

— Все это чрезвычайно поучительно, — отметила дама Изабель и, бросив многозначительный взгляд в сторону Роджера, добавила: — Все сказанное является сильным аргументом против безделья и распущенности и ратует за полезную и упорную работу.

* * *

На следующий день «Турандот» прошла в переполненном помещении. «Кавалер роз» и «Так поступают все» были открыты с таким же успехом, при этом уныние и апатия, угрожавшие деморализовать всю труппу, бесследно исчезли.

После выступлений Губернатор устроил для всей труппы прием: высказанные им слова благодарности так тронули даму Изабель, что она решила дать еще три спектакля и предложила Губернатору выбрать три его любимые оперы. Объявив себя почитателем Верди, он заказал «Риголетто», «Травиату» и «Трубадура». Дама Изабель засомневалась, не вызовет ли трагедия, пусть даже и не очень-то и реальная, депрессию среди осужденных. Но Губернатор рассеял ее сомнения:

— Ни в коем случае. Они будут очень довольны, что не у них одних случаются неприятности.

Это был крупный сильный мужчина, с грубоватыми манерами, которые, очевидно, скрывали настоящий талант администратора.

Сразу же после обеда, данного Губернатором в честь «Феба», был организован небольшой концерт местного симфонического оркестра, на котором сэр Генри Риксон произнес речь, восхваляющую универсальность музыки. На следующий день труппа сыграла «Риголетто», на другой — «Травиату», а на третий — «Трубадура». На каждом спектакле охранникам приходилось следить за тем, чтобы зал не был чересчур переполнен. Жестко соблюдались и другие меры предосторожности: вход на корабль находился под строгим контролем, и каждый вечер команда вместе с представителями администрации проверяла каждый квадратный дюйм на судне.

После «Трубадура» и музыканты, и певцы были до предела измотаны. Аудитория требовала еще представлений, и дама Изабель, встав перед прожекторами, обратилась к ней с небольшой речью, объясняя необходимость отлета труппы:

— Нам надо посетить еще много других миров, наших выступлений ждет множество разных народов, — говорила она. — Но мы получили истинное удовольствие, играя для вас, и я уверена, что ваши аплодисменты были от всего сердца. Если нам когда-нибудь придется еще раз совершить подобное звездное турне, мы будем твердо знать, что Жаворонок обязательно радостно встретит нас!

После последнего представления охранники тщательнее, чем обычно, обыскали весь корабль. Наутро, перед самым отлетом предстоял еще один, более доскональный досмотр, и только после этого со всеми официальными формальностями будет покончено, и «Феб» сможет продолжить свое путешествие.

* * *

Охранники покинули борт корабля и заняли пост у входа, закрытого как снаружи, так и изнутри. Все готовились ко сну, лишь Роджер беспокойно бродил по

всему кораблю: от мостика через салон команды, снова к салону, где Медок Росвайн играла в девятку с Логаном де Апплингом; и это говорило о той жуткой растерянности, в которой он находился, хотя он вряд ли осознавал это сам. Наконец он решительно направился к каюте дамы Изабель и постучал в дверь.

— Да? Кто там?

— Это я, Роджер.

Дверь открылась, и из нее выглянула дама Изабель.

— Что случилось? — недовольным голосом спросила она.

— Можно, я зайду на минутку? Мне надо кое-что вам сказать.

— Я очень устала, Роджер. Думаю, твои проблемы вполне могут потерпеть до завтра, а то и дольше.

— А я в этом не уверен. На борту происходит что-то странное.

— Странное? Что ты имеешь в виду?

Роджер оглядел коридор во все стороны. Все двери были закрыты, но он, тем не менее, все равно снизил голос до шепота:

— Вы слышали сегодня оркестр?

— Естественно, слышала, — раздраженно ответила дама Изабель.

— И вы не заметили никакой разницы?

— Никакой.

— А вот я заметил. Это довольно тривиально, но чем больше я об этом думаю, тем более странным мне это кажется.

— Если ты мне, наконец, расскажешь, что тебя тревожит, то, возможно, я смогу рассеять твои сомнения.

— Вы когда-нибудь присматривались к Кальвину Мартине, первому гобоисту? — спросил Роджер.

— Без особого внимания, — ответила дама Изабель, явно недовольная этим разговором.

— За ним всегда весело наблюдать. Он расстегивает свои манжеты, надувает щеки и делает очень смешную физиономию.

— Мистер Мартине — великолепный музыкант, — сказала дама Изабель. — Гобой, если ты этого не знаешь, очень трудный инструмент.

— Полагаю, что так оно и есть. Но сегодня, могу сказать, я не уверен, человек, игравший на гобое, был вовсе не Кальвином Мартине.

Дама Изабель укоризненно покачала головой.

— Пожалуйста, Роджер, оставь свои глупости, я, действительно, очень устала.

— Но это же очень важно! — воскликнул Роджер. — Если первый гобой не мистер Мартине, то тогда кто же он такой?

— Ты думаешь, сэр Генри не заметил бы такого странного явления?

Роджер упрямо покачал головой.

— Да, он очень похож на мистера Мартине. Но у него не такие большие уши. У мистера Мартине очень примечательные уши...

— Именно на этой чуши и базируется вся твоя тревога? — в голосе дамы Изабель стали проскакивать нотки возмущения.

— О нет. Я внимательно наблюдал за его игрой. Он сидел неподвижно, он не корчил никаких рож, не расстегнул своих манжет. Он сидел как вкопанный вместо того, чтобы качаться из стороны в сторону, как ранее делал это всегда. А потом я заметил его уши.

— Роджер, все это абсолютная ерунда. Я не желаю ничего больше слушать и отправляюсь спать. Утром, если тебя все еще будут беспокоить уши мистера Мартине, поделись своими подозрениями с сэром Генри, возможно, ему удастся тебя успокоить. А сейчас я полагаю, тебе лучше пойти хорошенько отдохнуть, так как завтра утром ровно в девять часов мы улетаем.

Дверь в тетушкину каюту закрылась, Роджер медленно побрел в сторону салона. В салоне он присел за столик и задумался над своей проблемой. Стоит ли ему сейчас идти к сэру Генри? Или на свой страх и риск самому разобраться с поддельным гобоистом? Что за дурацкая ситуация! Роджер недовольно потряс головой, размышляя про себя: «Должен же быть какой-то простой способ разрешить это дело!» Он напряженно думал минут десять, потом тихо стукнул по столу кулаком. У него в голове созрел план.

Утром начались последние приготовления к отлету. Примерно в полдевятого один из охранников неуверенно подошел к даме Изабель.

— Мистер Вуд все еще не вернулся на борт корабля, мадам.

Дама Изабель тупо уставилась на охранника.

— Куда, черт подери, он мог запропасться? — раздраженно спросила она.

— Он ушел примерно два часа назад, заявив, что вы послали его отнести письмо Губернатору.

— Очень интересно! Я не посылала его ни с каким поручением! Что он еще придумал? Мы вполне можем улететь и без него!

Подошел Бернард Бикль, и дама Изабель поведала ему об эксцентричной выходке Роджера.

— Боюсь, он совсем лишился рассудка, — сказала она. — Вчера вечером он пришел ко мне и лепетал что-то про уши мистера Мартине; а сегодня утром убежал с каким-то воображаемым посланием для Губернатора!

Бернард Бикль недоуменно покачал головой:

— Думаю, нам стоит послать за ним охранника.

Дама Изабель поджала губы, этот жест свидетельствовал о ее сильном негодовании.

— Совершенно непростительная безответственность! Я серьезно намерена уехать без него. Он прекрасно знал, что я собираюсь стартовать ровно в девять часов.

— Единственным объяснением этого поступка может быть напешдшее на него временное помутнение, — сказал Бернард Бикль.

— Да, — пробормотала дама Изабель, — полагаю, вы правы, — она повернулась к охраннику. — Надо найти мистера Вуда. Если предположить, что у него действительно помутился разум, то не исключено, что он побегал в резиденцию Губернатора с воображаемым посланием. Думаю, в первую очередь вам надо поискать его именно там.

В это время у входа началась какая-то перебранка. Дама Изабель и Бернард Бикль поспешили на шум и обнаружили там Роджера и взъерошенного мистера Мартине, яростно спорящих с охранником.

— Вы можете подняться на борт, мистер Вуд. А этот мужчина — лишний: судовая роль уже заполнена, — решительно говорил охранник.

— Я — Кальвин Мартине, — слабым, но настойчивым голосом уверял гобоист. — Я требую, чтобы меня пропустили на корабль!

— Что здесь происходит? — спросила дама Изабель. — Мистер Мартине, может быть, вы мне объясните?

— Я был пленником! — закричал Мартине. — Я подвергался унижениям! Я был одурманен наркотиками! Мне угрожали! Я не знаю, что бы со мной случилось еще, если бы не мистер Вуд!

— Я же вам говорил, что тот гобоист не настоящий, — сказал Роджер, с укором взглянув на тетушку.

Дама Изабель набрала в легкие воздуху, выдержала паузу, оценивая ситуацию и, наконец, спросила:

— И как ты узнал, где искать истинного мистера Мартине?

— Это оказалось достаточно просто. Лицо можно изменить, манеру поведения подделать, но только гобоист может подменить гобоиста. Таким образом, я пришел к выводу, что подмененный мистер Мартине играл на гобое, и скорее всего, в симфоническом оркестре. Я узнал, где живет гобоист из симфонического оркестра Жаворонка и пошел по этому адресу. Мистер Мартине лежал там со связанными руками и ногами под кроватью.

Мартине разразился новыми жалобами. Дама Изабель подняла руку, сдерживая эти причитания, и обратилась к мистеру Биклю:

— Бернард, пожалуйста, возьмите охранника, поднимитесь на корабль и арестуйте преступника.

Через пять минут мрачный обманщик был выведен с «Феба». Внешнее сходство самозванца и мистера Мартине было поразительным.

— Господи, как такое могло... — начал было Бернард Бикль.

Старший Инспектор, вызванный к этому времени, печально покачал головой:

— Очевидно, здесь приложила руку «Реконструирующая лаборатория». Я поражен... Хотя, если чест-

но, не очень. Многие заключенные рискнули бы всеми своими привилегиями, чтобы сбежать с Жаворонка.

— Я этого совершенно не понимаю, — задумчиво произнес Бернард Бикль. — Как можно лицо одного человека преобразовать в лицо другого?

— Я точно не знаю, как происходит этот процесс, — ответил инспектор, — но для «Реконструирующей лаборатории» такие операции не в новинку. Полагаю сначала с подлинного лица надо было снять маску. Затем второе лицо путем определенных инъекций делается податливым для изменения формы и временно подгоняется под маску. С фигурой проделывается приблизительно то же самое, плоти требуется совсем небольшое время, чтобы закрепиться в новой форме. Естественно, что для убедительности подделки самозванец и жертва должны обладать примерно одинаковой конституцией.

— Великолепно! — заметил Бернард Бикль. — Ну и ну, а вам, мистер Мартине, чертовски повезло, — он снова повернулся к инспектору. — Вы использовали слово «временно» и как долго плоть будет сохранять приданную ей форму?

— Не могу сказать точно, но, думаю, что около недели.

Бернард Бикль кивнул и продолжил эту мысль:

— А там — кто знает? Самозванец может сказать, что у него что-то случилось с кожей и завязать себе лицо или отрастить бороду. А когда мы достигнем следующего порта, он может просто исчезнуть с корабля.

— Дьявольщина! — пробормотала дама Изабель. — Ну, ладно. Сейчас уже почти девять, надо закрывать корабль. Роджер, хватит суетиться и, если не хочешь, чтобы мы тебя оставили здесь, поднимайся на борт!

— Минуточку! — воскликнул Роджер. — Вы же не можете вот так просто взять и улететь!

— Это почему?

— А вы не думаете, что сначала надо проверить весь экипаж и пассажиров? Мы ведь не знаем, сколько еще самозванцев у нас на борту.

Дама Изабель тупо уставилась на него.

— Забавно! — сдавленно сказала она.

— А вы знаете, он ведь абсолютно прав,— вступился Беранрд Бикль,— мы должны проверить весь личный состав корабля.

Дама Изабель вызвала сэра Генри Риксона, Андрея Сдинику, капитана Гондара и объяснила им сложившуюся ситуацию.

— Всю команду можете смело вычеркнуть из списка подозреваемых,— твердо сказал капитан Гондар. Никто из нас не покидал борт «Феба», это легко проверить по записям у квартирмейстера.

Документы подтвердили слова капитана Гондара. Нога Медок Росвайн тоже не ступала на землю Жаворонка.

Легковозбудимое сопрано Ада Франчини с негодованием заявила:

— Вы думаете, я — это не я? Да вы с ума сошли! Слушайте!

И она пропела вокализ, перескакивая с октавы на октаву так легко, как будто это были терции.

— Может ли кто-нибудь, кроме Франчини, так петь? — с вызовом спросила она.

Возражений не последовало.

— Кроме всего прочего,— добавила Ада,— я прекрасно знаю голос каждого певца на корабле, а также их небольшие секреты. Дайте мне три минуты, и я укажу вам на самозванцев.

Пока Ада Франчини разбиралась с певцами, заставляя их исполнять вокализы и гаммы, задавая им шепотом вопросы и выслушивая даваемые таким же шепотом ответы, прибыл Губернатор, который был тут же проинформирован о положении дел. Новость его шокировала. Он принес даме Изабель свои искренние извинения и пообещал разобраться с этим чудовищным происшествием.

Тем временем Роджер отвел в сторону Бернарда Бикля.

— Я явно настоящий,— сказал он,— так как именно я раскрыл это дело. Извините за подозрительность, но не могли бы вы ответить, где моя тетя наняла вас?

— В розовом саду, в Беллоу.

— Очень хорошо, вы тоже настоящий. Я разговаривал с мистером Мартине об обстоятельствах подмены.

Его похитили два дня назад. А это значит, что уже два дня на гобое в оркестре играл другой человек.

Бернард Бикль пожевал усы, размышляя над услышанным, затем поделился своими соображениями:

— На струнные можно не обращать особого внимания, на медную группу тоже. А вот с коллективом деревянных духовых инструментов...

Роджер кивнул головой.

— Я тоже так подумал. Вся группа деревянных духовиков должна быть поддельной.

— Я сейчас переговорю с сэром Генри...

— Нет! — зашипел Роджер. — Если вся группа деревянных духовых инструментов состоит из самозванцев, то как сэр Генри мог не заметить этого?

— Ты хочешь сказать... и сэр Генри?

— Это же очевидно.

Бернард Бикль взглянул на людей, стоящих у входа на корабль.

— Ты прав! Сэр Генри выше; более того, он никогда бы не надел черные ботинки к коричневому костюму!

Самозванный сэр Генри услышал свое имя. Он незаметно оглянулся, понял, что находится под подозрением, и бросился бежать, но тут же был пойман и задержан.

— Какой позор! — воскликнул Губернатор. — Да ты понимаешь, что если с настоящим сэром Генри что-то случилось, то ты будешь подвергнут высылению?

Мошенник печально улыбнулся:

— Не бойтесь. Возможно, я и не столь ловок, чтобы убежать, но уж ни в коем случае не дурак.

Он рассказал, где надо искать настоящего сэра Генри, и вскоре разъяренный дирижер поднялся на борт корабля.

Когда ему объяснили сложившуюся ситуацию, он зловеще кивнул головой.

— Ни один самозванный музыкант в оркестре не надует меня ни на минуту. А ну-ка, всем взять инструменты!

Арфистке, пианисту и ударнику пришлось доказывать свою подлинность вербально, что они и сделали, ответив на серию вопросов сэра Генри.

Остальные музыканты настроили инструменты и готовились к проверке. Все по очереди подходили к сэрзу Генри и играли небольшие пассажи и гаммы.

Как и предполагал Роджер, вся группа деревянных духовых инструментов оказалась поддельной. Под угрозой выселения самозванцы сообщали, где можно найти настоящих музыкантов и под охраной покидали корабль.

Дама Изабель следила за происходящим со все возрастающим вниманием.

— И все равно, я не чувствую себя в полной безопасности,— пожаловалась она.— А вдруг мы кого-нибудь пропустили? Вы можете внести в этот вопрос полную ясность и успокоить меня?

— Мы проверили всех находящихся на борту,— ответил Бернард Бикль.— Их достоверность не вызывает сомнений. Полагаю, у нас нет причин задерживать вылет. А, Губернатор? У вас есть возражения?

Губернатор, который в тот момент спокойно разговаривал с Роджером, обернулся.

— Что вы говорите, сэр?

Бернард Бикль повторил свой вопрос.

— Вы хотите взлетать, да? — уточнил Губернатор.— Ну что ж, это можно обсудить. Мадам, с вами все в порядке?

Он подошел к даме Изабель и уставился в ее лицо. Затем схватил ее своей тяжелой рукой за шею и потрянул, как терьеры трясут пойманную крысу. С головы псевдодамы слетел парик, обнажив покрытый рыжеватой щетиной череп.

— Скотина! Где дама Изабель? Да ты понимаешь, что если на ней будет хоть одна царапина, тебе мало не покажется?! — заорал губернатор.

— Не беспокойтесь, старая стерва в полном порядке,— ответила фальшивая дама Изабель, теперь уже своим собственным голосом.

Немедленно по указанному адресу была отправлена группа охранников, и через полчаса настоящую даму Изабель доставили на корабль.

— Это ни в какие рамки не лезет! — возмущенно заявила она Губернатору.— Вы понимаете, что я два

дня была заперта в вонючем притоне? Была отдана на милость бандитам?

— Полностью признаю свою вину! — сказал Губернатор. — Такого позора я еще никогда не испытывал! Вы, конечно, знаете, что за свое освобождение должны благодарить своего племянника. Я до сих пор не понимаю, как он смог разглядеть жульничество. Откуда у вас взялась уверенность в подмене дамы Изабель? — спросил он Роджера. — Перевоплощение казалось таким безупречным!

Роджер искося взглянул на тетю.

— Ну... мошенник допустил некоторые ошибки. Самозванец показался мне слишком плаксивым и мягким. Когда обнаружили, что сэр Генри и целая группа деревянных духовников подменены, он говорил только «ах, ах», в то время как тетушка Изабель сразу же потребовала бы кипящего масла или, по крайней мере, выселения. Это, конечно, мелочи, но именно они и возбудили во мне подозрение.

Дама Изабель, все еще кипя от негодования, поднялась на борт корабля, бросив при этом через плечо:

— Мы вылетаем немедленно.

Бернард Бикль устало улыбнулся.

— Одного не могу понять, если этот маскарад мог продолжаться всего неделю...

— Они собирались захватить корабль, — сказал Старший Инспектор. — Я уже успел поговорить с кларнетистом на эту тему. Спасибо мистеру Вуду, что он вовремя раскрыл этот чудовищный заговор.

Глава десятая

Несколько дней на «Фебе» царила атмосфера подозрительности и недоверия, однако постепенно все успокоилось, и жизнь на корабле вернулась в обычное русло. Дама Изабель, оправляясь от потрясений, какое-то время не покидала своей каюты, но срочное сообщение о том, что капитан Гондар сошел с ума, заставило ее выйти.

Известие, доставленное Гермильдой Варм, находящейся в состоянии, близком к истерике, было не со-

всем верным. Капитан Гонадр вовсе не тронулся умом, а просто пытался убить голыми руками Логана де Апплинга, к счастью, вовремя вмешались Главный механик и Бернард Бикль, которые и оттащили брыкающегося и отбивающегося капитана Гондара в его каюту, где и заперли.

Дама Изабель поспешила на мостик, но никого там не обнаружив, спустилась в салон, где застала оживленную дискуссию. Прислушившись к разговорам, она полностью восстановила картину происшедшего: капитан Гондар наткнулся на Логана де Апплинга, обнимающего Медок Росвайн, что и послужило толчком к вспышке эмоций.

В различные версии случившегося дама Изабель вникала молча, ничем, кроме плотно сжатых губ, не выдавая своих эмоции. Наконец, она решилась вмешаться в это обсуждение.

— И где эта юная леди сейчас? — грозно спросила она.

Медок Росвайн уединилась в своей каюте. Рамона Токсед и Кассандра Праути, случайно проходившие мимо нее, доложили, что оттуда не доносится ни звука.

— Если бы я была причиной такого количества беды и неприятностей, — заявила Рамона Токсед, — то у меня бы сердце разорвалось от горя. А тут я не услышала ни единого воздуха.

— Может быть, вы не слишком плотно прижали ухо к двери, — высказал свое предположение Роджер, явно ехидничая.

— Хватит, Роджер, — резко оборвала его дама Изабель. — Сейчас не время для плоских шуток.

В этот момент из изолятора вернулся Бернард Бикль, и дама Изабель тут же отвела его в сторону для консультации. Бикль сообщил об инциденте примерно то же самое, что дама Изабель уже слышала от музыкантов.

— Я просто не знаю, что делать, — с досадой сказала она. — Я, конечно, ожидала, что в турне нам придется столкнуться с трудностями и непониманием, но это, определенно, уже чересчур. И приличная доля наших бед исходит от этой девицы Росвайн. Мне надо было все-таки посадить ее на Планете-Сириус!

— Похоже, что некоторые люди просто притягивают к себе неприятности,— согласился Бернард Бикль.— Но что бы ни было тому виной, результат один: мы временно остались без капитана.

Дама Изабель взмахом руки прервала его.

— Ладно, не велика беда; мистер де Апплинг может проложить наш курс, а Мистер Хендерсон вполне способен исполнять остальные обязанности капитана. Меня больше беспокоит Рлару. Если капитан Гондар серьезно заболел, заработал умственное расстройство или же просто вдруг упрется и откажется показать нам путь к Рлару, то у нас могут возникнуть серьезные неприятности.

Бернад Бикль задумался. Он полностью разделял тревоги дамы Изабель, однако смотрел на это дело более оптимистично:

— На мой взгляд, нам надо подождать, пока уляжется пыль. Когда капитан Гондар успокоится, то сумеет взять себя в руки и в конце концов показать дорогу к Рлару, ведь это и в его интересах. Мистер де Апплинг вполне в состоянии доставить «Феб» к месту следующей запланированной остановки, которым, насколько я помню, является планета, известная под названием Лебединая звезда.

— Да. Несчастный крохотный мирок, вступивший в феодализм.

Бернард Бикль удивленно поднял брови:

— Мне всегда казалось, что это очаровательная цивилизация, старомодная и обаятельная.

Дама Изабель печально усмехнулась:

— Вполне возможно, Бернард. Я сейчас в таком ужасном настроении, что мне и Райский сад покажется лепрозорием... Несмотря на все наши неоспоримые успехи я несколько растерянна.

Бернад Бикль от всего сердца рассмеялся.

— Бросьте, нельзя так говорить! Только вспомните о приеме, оказанном на Жаворонке!

Дама Изабель закрыла глаза и раздраженным тоном произнесла:

— Никогда больше не упоминайте при мне этой планеты! Когда я вспоминаю, какому грубому обращению

я там подверглась: угрозы, глумление, грязные шутки... — она тяжело вздохнула: но я не замкнулась на этом эпизоде. Успех да, это можно назвать своего рода успехом. Но не забывайте о том, что мы выступали перед землянами, изголодавшимися по музыке, а это вовсе не тот триумф, на который я рассчитывала в этом турне. По большому счету, тоже самое можно сказать и про Лебединую звезду.

— В конце концов мы все же доберемся до Рлару, — уверенно заявил Бернард Бикль, — и удовлетворим свои амбиции.

— Очень на это надеюсь. А что, других культурных рас во Вселенной больше нет?

Бернард Бикль пожал плечами:

— Честно говоря, я о таковых не знаю.

— Что ж, полагаю, нам надо придерживаться нашего первоначального маршрута, — заключила дама Изабель. — Позовите, пожалуйста, мистера де Апплинга.

Бернард Бикль быстрехонько сходил за ним. Дама Изабель окинула вошедшего астронавигатора холодным взглядом и не слишком-то любезно обратилась к нему:

— Насколько я вижу, вы не очень серьезно пострадали в переделке.

— Похоже, я сумел остаться живым, — попытался отшутиться Апплинг.

Это был высокий молодой человек, с непринужденными уверенными манерами, поэтому не было ничего удивительного в том, что Медок Росвайн предпочла его капитану Гондару.

— Согласно нашему плану, следующая остановка должна быть на Лебединой звезде, — сказала дама Изабель астронавигатору. — Я забыла официальное описание планеты, но вы, несомненно, обладаете соответствующими данными.

— Да, разумеется.

На взгляд дамы Изабель, Логан де Апплинг был чересчур веселым и беззаботным.

— Капитан Гондар решил несколько дней посидеть у себя в каюте, — заявила она как можно официальной и строже. — Таким образом, вся ответственность за прокладку курса лежит на вас.

Логан де Апплинг кивнул головой:

— Никаких проблем. Я могу доставить вас хоть на Великую Туманнасть. Так вы говорите Лебединая звезда?

— Да.

— Позвольте высказать предложение? — все тем же самоуверенным тоном обратился он к даме Изабель.

— Конечно.

— Совсем недалеко отсюда лежит мир, который люди посещали всего лишь пару раз. Насколько я знаю, эта планета необычайно прекрасна и населена очень близкими к людям существами с высокой культурой.

— И этот славный мир находится в созвездии Гидра? — с иронией спросил Бернард Бикль.

Логан де Апплинг удивленно уставился на него и, похоже, несколько ступешался...

— Да, именно там.

— А откуда же вы про него слышали? — поинтересовалась дама Изабель.

— Из разных источников, — замаявшись, ответил астронавигатор, и все они сходятся в том...

Дама Изабель решила поторопить события и, пристально глядя в его глаза, подчеркнуто вежливо спросила:

— Не будете ли вы так добры и не опишите ли нам подробнее ваши источники?

Логан де Апплинг почесал затылок.

— Дайте вспомнить... Думаю, в одном из моих учебников по астронавигации...

— Тогда поставлю вопрос иначе: не мисс ли Росвайн упоминала вам об этой планете?

Логан де Апплинг покраснел.

— Ну, вообще-то, да. Дело в том, что она тоже кое-что слышала об этом. Мы с ней сошлись во мнении, что я обязательно должен рекомендовать вам эту планету.

— Короче говоря, — произнесла дама Изабель таким ледяным голосом, что астронавигатора бросило в дрожь, — она настояла на том, чтобы вы предложили мне ее посетить.

— Ну... я бы не сказал, что именно настояла.

— Так передайте мисс Росвайн, что мы вовсе не собирались пересечь полгалактики, ради удовлетво-

ния ее прихоти. Ни в коем случае посещать этот мир мы не будем. И, пожалуйста, не напоминайте мне больше о нем,— отчеканила дама Изабель тоном, не терпящим возражений.

Лицо Логана де Апплинга покраснело от гнева. Однако он не позволил вырваться своим эмоциям наружу и покорно ответил:

— Как прикажете.

— А теперь, если вопросов больше нет, отправляйтесь прокладывать наш курс прямо к Лебединой звезде.

Логан де Апплинг поклонился и вышел.

* * *

Прошло несколько дней, а капитан Гондар все еще не спешил покидать свою каюту.

— Пусть поварится в собственном соку,— сказал по этому поводу Бернард Бикль.— Чем дольше он там просидит, тем проще с ним потом будет разговаривать.

Дама Изабель согласилась с этим замечанием, хоть оно и не развеяло ее тревожений.

— Он очень странный и непредсказуемый человек. Но мы не можем терять время на то, чтобы анализировать его поведение... Вы полагаете, Бернард, что наша аудитория на Лебединой звезде будет полностью состоять из аристократов? Если это так, то для нашего следующего спектакля я бы предложила «Фиделио»... или, может быть, лучше выбрать что-нибудь из Вагнера?

— И то и другое вполне подходит для этого выступления,— ответил Бернард Бикль.— Но можно еще подумать и о Пуччини...

Внезапно он умолк, заметив, что в салон вошел Логан де Апплинг. Дама Изабель кивнула в знак приветствия и помахала ему рукой, и молодой астронавигатор очень неохотно приблизился к ним.

— Как еще долго нам лететь до Лебединой звезды, мистер де Апплинг? — спросила дама Изабель.— Этот перелет начинает мне казаться бесконечным. А впереди по курсу я не вижу ни единой звездочки.

— Это действительно так; но в данном месте надо делать сноску на эфирный дрейф... Нам, возможно, осталось еще несколько дней...

— Боже мой! — воскликнул Беранд Бикль. — А я и не подозревал, что Лебединая звезда находится так далеко!

— Успокойтесь, мистер Бикль, наслаждайтесь пейзажем! — жизнерадостно изрек астронавигатор.

Он коротко улыбнулся даме Изабель и вышел из салона.

Прошло еще три дня; капитан Гондар так и не показывался, и тогда дама Изабель решила сама отправиться к нему за советом, взяв для поддержки Бернарда Бикля. Проходя мимо мостика, они заметили там оживленно беседующих Логана де Апплинга и Медок Росвайн. Завидев даму Изабель, оба резко замолчали.

Не удостоив их вниманием, дама Изабель направилась к экрану, на который дефазирующая система проецировала лежащий впереди космос. Проверив показания, она повернулась к астронавигатору:

— Лебединая звезда — это вон то маленькое зеленое солнышко прямо по курсу?

— Этого не может быть, — возразил Бернард Бикль. — Лебединая звезда — оранжевый карлик!

— Вы правы, — ответил ему Логан де Апплинг. — Мы до сих пор увлечены эфирным дрейфом и вращением Вселенной, которые в этом районе довольно значительны.

— Мне кажется, что мы должны бы находиться намного ближе к точке нашего назначения, — сказала дама Изабель. — Вы уверены в своих расчетах, мистер Апплинг?

— Конечно! Я не стал бы рисковать, чтобы заблудиться так далеко от дома!

Дама Изабель озадачено покачала головой и покинула мостик. Спустя минуту она постучала в дверь каюты капитана Гондара.

— Да? — послышался изнутри уверенный голос капитана Гондара. — Кто там?

— Это я, — ответила дама Изабель. — Я хотела бы перекинуться с вами парой слов.

Дверь открылась, и из-за нее выглянул исхудавший и заросший до безобразия капитан Гондар.

— Ну? — прохрипел он. — Что вам надо?

— Я хотела бы проверить наш курс, — сказала дама Изабель спокойным, даже чересчур мягким голосом. — Я больше не доверяю показаниям мистера де Апплинга. Я почти уверена, что мы уже давно должны были достичь Лебединой звезды.

Чтобы очутиться на мостике, капитану Гондару хватило четырех широких шагов. Он взглянул на экран и хрипло засмеялся. Потом, будто бы задумавшись, умолк, но через мгновение его охватил новый приступ смеха, да такой, что даму Изабель посетила мысль о его действительном умопомешательстве. Она бросила вопросительный взгляд в сторону Логана де Апплинга, но тот молча и напряженно взирал на происходящее, его бледные щеки пылали. Дама Изабель снова повернулась к капитану Гондару.

— Что здесь такого смешного? — раздраженно спросила она.

Гондар указал пальцем на экран.

— Видите край Млечного пути? А вон ту звездочку справа? Это Альфард, или можете считать меня бабуином. Мы держали курс прямо в созвездие Гидры.

— Это, должно быть, какая-то ужасная ошибка, — заикаясь, пролепетала дама Изабель. — Лебединая звезда находится в созвездии Таурус.

Капитан Гондар опять издал короткий хриплый каркающий смешок.

— Никакой ошибки, — он навел свой длинный палец на Медок Росвайн. — Вот почему мы оказались в Гидре.

Дама Изабель потеряла дар речи. Некоторое время она просто переводила недоуменный взгляд с Медок Росвайн на Логана де Апплинга, с того на капитана Гондара, затем снова на мисс Ройсвайн.

— Вы хотите сказать... Этого не может быть... — она никак не могла подобрать нужных выражений.

— Он свершил с вами увеселительную прогулку. Но не надо судить его слишком строго. — Капитан Гондар злорадно посмотрел на астронавигатора. — Я не верю, что какой бы то ни был живой мужчина может устоять перед ней. Она настоящая Уэльская ведьма. На вашем

месте я бы просто вышвырнул ее в космос, пусть пользуется своими чарами там.

Дама Изабель наконец-то пришла в себя и гневно спросила:

— Это правда, мистер де Апплинг?

— Да.

— Капитан, разверните корабль. Затем закройте эту парочку в разных каютах.

— Не надо изолировать де Апплинга, — вступился за него капитан Гондар. — Он просто марионетка. Пусть работает. Если он еще раз отклонится от курса, я сам его повешу. А ее обязательно закройте. И держите подальше от мужских глаз, а то она опять кого-нибудь околдует.

— Хорошо. Мисс Росвайн, ступайте в свою каюту. Я еще подумаю, что с вами сделать.

— Посадите меня на спасательный катер и отпустите на все четыре стороны.

Дама Изабель удивленно уставилась на нее:

— Вы это серьезно?

— Да, — в голосе девушки звучало скорее отчаяние, чем сожаление.

— Естественно, — сказала дама Изабель, — я не сделаю ничего подобного. Это будет ни больше ни меньше чем обычное убийство. Будьте милостивы, проследуйте в свою каюту и не выходите из нее.

Медок Росвайн неспешно покинула мостик.

— А что касается вас, — обратилась дама Изабель к Логану де Апплингу, — капитан Гондар отметит о случившемся в бортовом журнале. Жалования вы не получите, и я сделаю все, чтобы вы никуда больше не устроились в качестве астронавигатора.

Логан де Апплинг понуро опустил голову и ничего не ответил. Капитан Гондар тем временем начал разворачивать корабль, и небо на экране мостика стало медленно вращаться. «Феб» направился к новым космическим приключениям.

* * *

Четыре часа спустя Роджер тихонько поскребся в каюту Медок Росвайн. Дверь медленно открылась, и,

появившаяся в проеме девушка удивленно взглянула на визитера.

— Можно войти? — спросил Роджер.

Не говоря ни слова, она безразлично отошла в сторону.

Роджер прошел в каюту и, не дожидаясь приглашения, уселся на койку.

— Ты ела? — первым делом поинтересовался он.

— Я не голодна, — бесцветным голосом ответила Медок.

Она пересекла свою крохотную каморку и прислонилась спиной к стене. Девушка находилась в состоянии полнейшей апатии.

— Если бы только знать, зачем ты все это сделала, — начал Роджер. — Мне этого никак не понять. Как можно быть такой привлекательной и такой вероломной одновременно, если для того нет веских причин?

Медок Росвайн, похоже, совершенно его не слушала.

— Если бы только твоя тетушка... — произнесла она тихим голосом. — Но нет, она такого никогда не делает.

— Я знаю, ты всего лишь притворялась, что любишь меня, — продолжал Роджер, — чтобы попасть на борт корабля... То же самое можно сказать и про Гондара, и про эту задницу Апплинга...

Медок Росвайн кивнула.

— Да. Я всего лишь притворялась. Но у меня не было другого выхода.

— Но для чего? Если я пойму это, то уже не буду думать о тебе так плохо.

По лицу Медок пробежала тень улыбки:

— А ты действительно думаешь обо мне очень плохо?

Роджер кивнул.

— Да. Это очень унижительно, когда тебя просто используют.

— Я могу сказать лишь одно: мне очень жаль, что все так получилось. Это правда, Роджер. Но я бы повторила все с самого начала, — добавила она тихо, — если бы знала, что от этого будет прок... Но теперь мне уже ничто не поможет.

— Не поможет,— эхом отозвался Роджер.— Сейчас — нет. Но Расскажи мне, зачем все-таки нужен был этот жестокий обман?

— Нет... Я думаю, этот разговор бесполезен.

— Но почему нет?

— Потому что я обладаю тайной, которая тебе и не снилась. Я получила ее в наследство и бережно хранила всю свою жизнь.

— В этом я не сомневаюсь,— печально сказал Роджер.— Но это почти ничего не объясняет.

Медок Росвайн застенчиво присела рядом с ним на койку. Роджер склонился над ней, как будто он был из железа, а она магнитом, но, сделав над собой усилие, почти сразу же вернулся в первоначальное положение. После недолгого размышления он спросил:

— Эта пресловутая планета в созвездии Гидра одна из твоих тайн?

— Да.

— Но если бы «Феб» посетил ее, то твоя тайна была бы раскрыта.

Теперь настала очередь задуматься Медок Росвайн.

— Мне это никогда не приходило в голову. Я слишком привыкла жить с ней, она стала частью меня самой...

— Тайны — это ужасное зло,— сказал Роджер.— Вот у меня никаких тайн нет.

Медок Росвайн устало убилнулась.

— Ты действительно удивительный человек, Роджер. Хорошо, я поведаю тебе о своем сокровенном. Теперь эта тайна принадлежит исключительно мне, так как уже не осталось в живых никого из тех, кто ее делил со мной. А поскольку мы не стали посещать Ян, то ни моим ни твоим рассказам никто не поверит.

— «Ян» — это название той загадочной планеты?

— Ян... — она произнесла это имя с горячей почти-тельностью и страстью,— это мой дом среди звезд. Такой близкий и такой далекий.

Роджер озадаченно нахмурился.

— Это и есть Уэльс? Ты уж прости мое невежество, но ничего подобного я никогда не слышал.

Она покачала головой.

— Я не из Уэльса. По крайней мере, не совсем из Уэльса. Очень, очень давно, тридцать тысяч лет назад...

Она говорила безостановочно почти час, и от тех удивительных вещей, которые слетали с ее губ, у Роджера закружилась голова.

Суть ее истории была очень проста. Тридцать тысяч лет назад одна из земных народностей поселилась в прекрасном уголке планеты, точное местонахождение которого теперь неизвестно. Одни считают, что это где-то в Гренландии, другие говорят, что ныне этот район лежит на дне Бискайского залива. Поселенцы создали там цивилизацию, по своему развитию не уступающую тем, что пришли на Землю много позже. В период упадка одна из тайных организаций изобрела космический корабль и на нем покинула Землю. Это эпическое путешествие закончилось на планете Ян, которую они и сделали своим новым домом. Дальнейшую судьбу процветающей цивилизации, оставшейся на Земле, никто так и не узнал. Очевидно, она потихоньку изжила себя и превратилась в руины.

На Яне началась новая эра человеческой жизни — со своими взлетами и падениями, темными веками и возрождением, кульминациями и их последствиями. Затем двести лет назад очередная группа диссидентов решила вернуться на Землю. Их приземление на остров обернулось катастрофой, в которой выжила лишь небольшая горстка пассажиров. Они бежали от суеверного преследования аборигенов и поселились в Уэльсе, где в течение нескольких поколений возделывали поля в долине Мерионет. Это и были предки Медок Росвайн. Они свято хранили свои традиции и постоянно нашептывали своим детям про планету Ян, завещая беречь эту тайну. Эти люди жили грезами о возвращении на Ян и передавали эту жажду своим потомкам. Одной из таких детей и была Медок Росвайн, последняя в своем роду. Мечтая о той сказочной планете, она воспользовалась влюбленностью Роджера, чтобы попасть на борт «Феба» и затем изменить его курс.

Медок закончила свой печальный рассказ. Она сделала попытку добраться до вожака мира и проиграла; теперь Ян был навсегда для нее потерян.

Роджер долго сидел в полном молчании, потом тяжело вздохнул.

— Я попробую помочь тебе и сделаю для этого все, что в моих силах,— медленно произнес он. — Если у меня это получится, то я навсегда потеряю тебя... хотя это не совсем так, потому что нельзя потерять то, что не имеешь... Я поговорю с тетушкой.

Медок Росвайн ничего не ответила, но, когда Роджер вышел, она откинулась на кушетку и постаралась сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы.

* * *

Роджер нашел даму Изабель на мостике, где та старалась выведать у мрачного и неразговорчивого капитана Гондара о конкретном местонахождении Рлару. Но на все ее увещевания он твердил одно и то же:

— Всему свое время. Всему свое время.

Роджер привлек к себе внимание тетушки и заявил, что хотел бы переговорить с ней наедине. Она не очень охотно, но все же согласилась и провела его к себе в каюту. Рассказывая взад-вперед, он начал излагать свое дело:

— Я знаю, что ты считаешь меня никчемным человеком и не очень-то высокого мнения обо мне.

— А разве у меня нет на то причин? — резко спросила дама Изабель. — Разве не ты притащил на борт «Феба» эту ужасную девицу? Она испортила нам все турне!

— Да,— согласился Роджер. — Это невозможно отрицать. Но я только что узнал о том, что побудило ее к этому. Это очень странная история, и я хочу, чтобы вы ее выслушали.

— Роджер, я не настолько простодушна, как ты полагаешь, поэтому ты ничего от меня не добьешься.

— Но она вовсе не то, за кого ты ее принимаешь,— возразил Роджер. — А причина, по которой она хочет посетить именно этот мир, просто поразительна.

— Я уже ничему больше не хочу поражаться,— возмущилась дама Изабель. — С меня вполне достаточно всяких разных сюрпризов... Однако, полагаю, ради справедливости я должна поговорить с этой загадочной особой. Где она?

— В своей каюте. Я схожу за ней.

Медок Росвайн упорно отказывалась разговаривать с дамой Изабель.

— Она ненавидит меня. Она чувствует во мне то, что не может объяснить и не хочет понять. Она беседует со мной только для того, чтобы поупражняться в сарказме.

— Пойдем, — настаивал Роджер. — Разве не стоит попытаться? Что ты теряешь? Просто повтори ей то, что ты рассказала мне. Как она сможет помочь, если ее не заинтересовать?

— Хорошо, — согласилась Медок Росвайн, — я сделаю это... дай только я умою лицо.

Роджер отвел Медок Росвайн в каюту к даме Изабель, а сам скромно вышел в коридор. Почти час он слушал через дверь мягкий певучий голосок Медок Росвайн, который время от времени прерывался резкими вопросами или замечаниями его тетюшки. В конце концов он решил, что можно войти, но ни дама Изабель, ни Медок Росвайн не заметили его присутствия.

Когда девушка закончила свой рассказ, в каюте воцарилась полная тишина. Дама Изабель сидела молча, барабанила пальцами по подлокотнику своего кресла. Наконец, собравшись с мыслями, она решила поделиться своими впечатлениями.

— То, что ты мне рассказала, чрезвычайно интересно, — сказала она. — Не могу этого отрицать. Хотя я несколько и не оправдываю твоего поведения, но признаю, что у тебя были на то веские причины. Будем считать эту тему закрытой. Да, действительно, очень интересно... — она кисло улыбнулась Роджеру. — Ну что же... В чем, в чем, а в тупом упрямстве меня обвинить нельзя, — она снова повернулась к Медок Росвайн. — Расскажи мне побольше об этой планете, об ее обычаях, ее устройстве.

Медок Росвайн неуверенно покачала головой.

— Я даже не знаю, с чего начать. История Земли насчитывает шесть тысяч лет, а история Яна — в пять раз длиннее.

— Ответь тогда мне на такой вопрос: ваши традиции подразумевают искусство и музыку?

— А как же, конечно!

И Медок Росвайн спела странную песенку на непонятном языке. Мелодия, ритм и размер языка, несомненно, соответствовали человеческим ощущениям и потребностям, и в то же время в ней присутствовало что-то неземное, инопланетное.

— Это колыбельная песенка, — пояснила Медок Росвайн. — Я знаю ее с тех пор, как помню себя. Я всегда с ней засыпала.

Дама Изабель подала Роджеру знак подойти к ней и попросила:.

— Пожалуйста, пригласи сюда капитана Гондара, если он ничего не имеет против.

Через несколько минут появился капитан Гондар и удивленно уставился на странную компанию.

— Я решила отвезти мисс Росвайн на планету Ян, — четко сказала дама Изабель холодным голосом. — Она это честно заработала, неважно каким способом. Я не буду утверждать, что услышала полную и абсолютную правду, но мисс Росвайн заинтриговала меня настолько, что я сама захотела взглянуть на факты. Итак, капитан, проложите новый курс на Ян, так, кажется, называется эта планета.

Капитан Гондар одарил Медок Росвайн мрачным взглядом.

— Это бесстыжее и нахальное существо; она освоила все силы зла, царящие в горах Уэльса. Вы еще пожалеете о том дне, когда она убедила вас принять это решение.

— Вполне возможно, — сказала дама Изабель. — И тем не менее, мы летим на Ян.

Медок Росвайн молча подождала, пока капитан Гондар оставит их. Потом повернулась к даме Изабель и замешкалась, не зная, как выразить свою признательность.

— Спасибо, — сдержанно сказала она и вышла из каюты.

Глава одиннадцатая

Вновь на экране переднего обзора появилась зеленая звездочка, которая в звездном каталоге значи-

лась как Гидра GRA 4442. История, рассказанная Медок Росвайн, путешествовала по «Фебу», вызывая некоторую долю скептицизма. Но все рассуждения сводились к тому, что найдет ли «Феб» на Яне древнюю цивилизацию или нет, развязка все равно будет драматичной. И атмосфера корабля наполнялась ожиданием.

Зеленая звездочка увеличилась и сдвинулась к краю экрана. Теперь там висела планета размером с Землю, с явно означенной зоной возможного обитания. «Феб» соскользнул со своего звездного курса и перешел на посадочную орбиту.

В это время дама Изабель, капитан Гондар, Медок Росвайн и Роджер стояли на мостике и смотрели, как внизу во всем великолепии вращается Ян. Несомненно, это была прекрасная планета, ненамного отличавшаяся от Земли. Отчетливо прорисовались океаны и континенты, горы и пустыни, леса, тундра и ледяные поля. Приборы показали, что атмосфера планеты вполне пригодна для дыхания.

— Никаких ответов на наши радиосигналы, — подчеркнуто бесцветным голосом доложил капитан Гондар. — И вообще, мы не засекли там никаких радиоволн.

— Странно, — сказала дама Изабель. — Давайте более внимательно изучим поверхность. Вы можете увеличить усиление экрана?

Капитан Гондар поколдовал с пультом управления, и поверхность планеты резко приблизилась.

— Я узнаю эти континенты, — показала Медок Росвайн. — Вот это Эстерлоп и Керлоп, а там, на севере, Ноалут. Вон тот большой остров — это Дрист Амiamу, а тот маленький — Суторе Стил. Длинный полуостров называется Дротант, на самой южной его оконечности должны стоять шесть храмов, — она внимательно всматривалась в увеличенное изображение на экране, но так и не увидела никаких признаков упомянутых ею сооружений. — Ничего не понимаю, — тихо пробормотала она. — Все выглядит не так... А где Дилисет? Такс? Кошиум?

— Я не вижу никаких признаков обитания, — сухо заметила дама Изабель.

— Вон там развалины,— показал Роджер.— А может, просто поляны, похожие на руины.

— А вон там, рядом с заливом, где лес начинает подниматься на горы, должен бы лежать Сансуи, город моих предков. Но где он? Опять развалины?

— Да, это настоящие руины,— сказал Роджер,— похоже, там камня на камне не осталось.

— С такой высоты, да еще через плотный слой атмосферы и туман, детали могут быть очень обманчивыми,— неохотно вступился капитан Гондар.— Я не верю, что в таких условиях можно отличить настоящий город от руин.

— А почему бы нам не приземлиться,— сказала дама Изабель,— соблюдая все предосторожности, конечно.

«Феб» начал снижаться по спирали, и детали поверхности начали проясняться. Городов не было, в глаза бросались только груды разбитых камней да огромные выжженные поляны, покрытые углем и валунами.

— Ты уверена, что это именно та планета? — спросила дама Изабель Медок Росвайн.

— Конечно! Просто случилось что-то ужасное!

— Ну, это мы скоро выясним. Эта территория около залива и есть область обитания твоих предков?

Медок Росвайн неуверенно кивнула. Дама Изабель отдала соответствующую команду капитану Гондару, и «Феб» приземлился в миле к востоку от города Сансуи на каменистой площадке, в сотне ярдов от кромки густого леса.

Едва ощутимая вибрация от работающих двигателей затихла, выходной люк открылся, и трап коснулся поверхности Яна. Поскольку приборы показали вполне здоровую атмосферу, почти все пассажиры поспешили познакомиться поближе с новым миром.

Первыми на трапе показались капитан Гондар, дама Изабель и Медок Росвайн, за ними шли Роджер, Бернард Бикль и остальная труппа. С полчаса они прогуливались возле корабля, вдыхая воздух Яна, наполненный неизвестными запахами, пока бледно-зеленое солнце не начало опускаться за горизонт.

Вокруг стояла мертвая тишина, нарушаемая только тихими голосами пассажиров «Феба». Медок Росвайн поднялась на небольшой пригорок и застыла, вглядываясь в сумерках на запад. И тут и там возвышались холмы, поросшие травой и кустарником. Они вполне могли оказаться руинами, но в полумраке нельзя было различить никаких деталей. Легкий ветерок, налетевший с долины, принес странный застоявшийся прокисший запах, исходящий то ли от каких-то растений, то ли от берега, а, может, и от самих холмов.

Медок Росвайн двинулась вперед, будто хотела спуститься в долину, но Роджер, все это время молча стоявший у нее за спиной, взял ее за руку.

— Только не в темноте, — сказал он. — Это может быть очень опасно.

— Я ничего не понимаю, — сказала она едва различимым шепотом. — Что случилось с Яном?

— Может быть, традиции твоего народа были не совсем верны?

— Это исключено! Я всю свою жизнь мечтала посетить этот город... я знаю его так же хорошо, как вы знаете любой из земных городов. Я знаю его улицы, площади, дворцы; я могу найти тот квартал, в котором жили мои предки до того, как покинули эту планету. Возможно, это именно то место... А теперь здесь нет ничего, кроме руин.

Роджер аккуратно, но настойчиво потянул ее в сторону корабля.

— Становится совсем темно, — пояснил он свой жест. Она неохотно пошла с ним.

— Все на корабле меня ненавидят... Они и так думают обо мне бог знает что, а теперь еще будут считать дурой.

— Вовсе нет, — успокаивающе сказал Роджер. — В худшем случае, решат, что ты просто ошиблась.

Медок Росвайн подняла руку.

— Слушай!

Из леса донеслось едва различимое улюлюканье, которое могло родиться только в человеческом горле. В этом крике прозвучала целая гамма эмоций, и в душе Роджера возникло смутное тревожное чувство. Он еще настойчивей потянул Медок Росвайн за руку.

— Пойдем обратно на корабль.

Она покорно пошла с ним; в полной тишине они добрались до трапа. Там стояла группа пассажиров, настороженных от вызывающего какое-то приятное чувство ощущения неизвестного, и вглядывалась в сторону леса. Опять прозвучал тихий вой, раздавшийся на сей раз немного ближе.

Сумерки почти угасли, только на западе осталось небольшое зеленоватое свечение. Включились корабельные прожектора, осветив небольшую площадь вокруг корабля и кучку любопытных землян. Из леса вновь слышались странные звуки, раздался свист разрываемого воздуха, и в пяти футах от Роджера упал камень.

Все отпрянули назад, ближе к корпусу «Феба», затем толпой поспешили по трапу на корабль.

Утром дама Изабель решила обсудить ситуацию с Медок Росвайн, Бернардом Биклем и Роджером. Она плохо спала, поэтому говорила с нескрываемым раздражением.

— Обстоятельства складываются не так, как я ожидала, и должна признаться, я не знаю, что делать дальше.

Она оглядела собравшихся, ожидая конструктивных предложений.

— Полагаю, надо послать на разведку воздушный катер, — с умным видом вылез вперед Бернард Бикль.

— Для чего? — поинтересовалась дама Изабель. — С исследовательской орбиты мы не видели ни городов, ни даже центров примитивной культуры.

— И то верно, — согласился Бикль.

Дама Изабель повернулась к Медок Росвайн.

— Вы совершенно уверены, что это именно та планета?

— Да, — без тени колебания ответила девушка.

— Странно, — мрачным голосом произнесла дама Изабель.

— Похоже, вокруг множество развалин, — высказал предположение Роджер. — Может быть... — его голос сошел на нет.

— Может быть — что, Роджер? — спросила его тетка таким кислым тоном, какой только сумела воспроизвести.

— Ну, я не знаю точно...

— Тогда твое замечание излишне. Прошу тебя, не надо лишний раз будоражить народ, у нас и так хватает поводов для беспокойства. Пока что я не сомневаюсь в словах мисс Росвайн, но возможность того, что она все-таки ошибается, остается. Однако, что бы мы ни говорили, результат один: мы слишком удалились от нашей главной цели.

Медок Росвайн встала и вышла из каюты. Роджер сердито бросил в сторону дамы Изабель:

— Нет никаких сомнений, что здесь была цивилизация; какая-то и когда-то.

— По этому поводу мы можем только строить предположения. А ты, Роджер, должен усвоить, что пустое философствование никогда не положит в твой рот ни хлеба, ни масла.

В это время тактично вмешался Бернард Бикль.

— Как правильно заметил Роджер, вокруг находятся развалины, и не может быть никаких споров о том, что в лесу существует какая-то осмысленная жизнь. Лично я склонен верить, что мисс Росвайн привела нас сюда из самых добрых побуждений.

— Мы сейчас обсуждаем вовсе не побуждения мисс Росвайн, — огрызнулась дама Изабель. — Что касается меня, то...

В это время в дверях появился стюарт из салона команды.

— Мисс Росвайн покинула корабль, — выпалил он. — Она ушла в лес!

Роджер выскочил из салона и очертя голову бросился по коридору к трапу. Там он встретил группу музыкантов, вышедших позагорать под экзотическим солнышком, но вместо того они взволнованно смотрели в сторону леса и перешептывались.

— Что случилось? — спросил Роджер.

— Девушка совсем потеряла голову, — сказал виолончелист. — Она выскочила из корабля, какое-то время постояла, глядя на лес, а потом, прежде чем мы успели остановить ее, просто побежала туда.

И он указал пальцем в сторону густых зарослей. Роджер, внимательно всматриваясь в неясные тени,

сделал несколько неуверенных шагов в том направлении. Деревья были очень похожи на земные: толстый ствол, покрытый темно-коричневой корой, и листва зеленого, зеленовато-голубого и темно-синего цвета. Внизу, в ворохе опавших листьев, можно было различить следы, оставленные Медок Росвайн.

Роджер подошел к опушке леса, стараясь разглядеть, что происходит в его тени. В это время оттуда раздался неожиданный приглушенный крик. Еще какое-то мгновение Роджер колебался, затем отважно ринулся в лесную чащу.

Внезапно он оказался в совсем другом мире. Листва почти полностью скрывала солнечный свет; под ногами шуршал мягкий ковер из опавших листьев, издававших густой смолистый запах. Ухо не улавливало абсолютно никаких звуков — в лесу стояла мертвая тишина. Роджер не заметил там и признаков органической жизни: ни птиц, ни насекомых, ни грызунов — ничего подобного земной фауне.

Не переставая изумляться, зная, что надо торопиться, пока следы Медок Росвайн не начали теряться в опавшей листве и густой траве, он остановился перевести дыхание, и внезапно на него нахлынуло чувство беспомощности и бессилия. Роджер сделал еще несколько шагов и позвал Медок. Ответа не последовало; его голос затерялся среди деревьев.

Он прочистил горло и позвал еще раз, на этот раз громче... Ощувив покалывание у себя на шее, обернулся, но ничего не заметил. Роджер прошел еще двадцать футов, пятьдесят футов, теперь уже осторожно передвигаясь от ствола к стволу, и опять прислушался. Где-то рядом зашелестела листва и в шести футах от его головы о ствол дерева ударился камень. Роджер, как загипнотизированный, уставился на него; камень был круглый и черный, примерно трех дюймов в диаметре. Инстинктивно он пригнулся, в этот момент еще один камень, поменьше, ударил его в бок. Еще два камня просвистели у него над головой, третий попал по ноге. Рассыпая ругательства и проклятья, Роджер бесславно отступил... Край леса оказался дальше, чем ему помнилось; он почувствовал, как на него нахлынула

паника: неужели он заблудился? Но, наконец, впереди появился спасительный просвет, и уже через мгновение он, моргая от яркого света, вышел из леса в сотне ярдов от того места, где ступил в него. Невдалеке стоял «Феб». Неуклюжая конструкция из шаров и труб сейчас казалась самым желанным и надежным укрытием. Он поспешил к нему, хромя на ушибленную ногу и прижимая руку к ноющим ребрам.

Почти вся труппа собралась возле корабля; у капитана Гондара, Нейла Хендерсона и Бернарда Бикля в руках было оружие.

— Роджер, что на тебя нашло? Разве можно так себя вести? — резко отчитала племянника дама Изабель.

— Я отправился на помощь мисс Росвайн, — ответил Роджер. Он с отчаянием посмотрел в сторону леса. — Я слышал, как она кричала. Мне казалось, что я смогу ей помочь.

— Этот твой порыв был глупым и бесцельным, — строго сказала дама Изабель, но потом добавила более мягким голосом. — Но отнюдь не позорным.

— Если мы спустим спасательный катер и покружим над лесом... — отчаянно заговорил он.

— Это бесполезно, — возразил Бернард Бикль. — Чтобы достичь какого-либо результата, нам надо будет лететь над самыми верхушками деревьев, а мы не представляем, какими способностями обладают живущие там существа. Хорошо прицеленной стрелой вполне можно вывести катер из строя.

— Я не хочу показаться безжалостной, — сказала дама Изабель, — но я отказываюсь бесцельно рисковать чей-либо жизнью.

— Возможно, она уже мертва, — пробормотал капитан Гондар.

Все замолчали и обратили печальные взоры в сторону леса.

— Откровенно признаться, я не знаю, что сейчас предпринять, — наконец промолвила дама Изабель. — Похоже, нет никакой возможности установить контакт с аборигенами, скрывающимися в лесу. И как бы мы ни сожалели об этом ужасном инциденте, оставаться здесь бесконечно мы не собираемся.

— Но мы же не можем бросить ее здесь,— запротестовал шокированный Роджер.

— Я готова в разумных пределах попытаться помочь ей,— ответила ему дама Изабель,— но нельзя забывать и о том, что она ушла по собственной воле, даже не посоветовавшись со мной, капитаном Гондаром или мистером Биклем. Мисс Росвайн производит впечатление очень беспокойной и неуравновешенной натуры. Не думаю, что мы в праве рисковать чьей-то жизнью или ставить под угрозу срыва главную цель нашей экспедиции из-за эгоистических амбиций этой юной леди.

Роджер не смог подыскать убедительных возражений. Ища поддержки, он взглянул на Бернарда Бикля и капитана Гондара, но те промолчали.

— Не можем же мы просто так уехать, оставив ее здесь на произвол судьбы,— в отчаянии повторил он.

— Но ничем помочь ей мы не в состоянии,— мрачно ответил Бернард Бикль.

Роджер обернулся к лесу, с трудом сдерживая нахлынувшие на него чувства.

— До конца своих дней я буду гадать, что с ней случилось,— сказал он.— Может, она жива и ждет, что мы придем к ней на помощь. Представьте себе, что вы ранены или привязаны к дереву и видите, как «Феб» поднимается в небо, унося с собой последнюю надежду на спасение.

Последовала тишина, последнее замечание Роджера тронуло всех до глубины души.

— Если бы мы только могли установить контакт,— сказал Бернард Бикль, сдерживая эмоции.— Если бы можно было бы как-то показать им, что у нас нет никаких враждебных намерений...

— Медок Росвайн говорила, что эти люди очень любят музыку,— произнес Роджер.— Так почему бы нам не устроить для них представление; там, где они могли бы это видеть? Если уж что-то и может доказать наши добрые намерения, так это наша волшебная музыка.

Бернард Бикль повернулся к даме Изабель.

— Действительно, почему бы не сделать это?

— Очень хорошо,— согласилась дама Изабель.— Под давлением обстоятельств, мы вынуждены будем сыграть

здесь, перед кораблем. Акустика, конечно, будет отвратительной. И все же, идея стоит того, чтобы попробовать ее воплотить. Капитан, распорядитесь, чтобы вынесли рояль. Андрей, позаботьтесь о местах, не откидных, конечно, но соорудите что-нибудь чисто символическое.

— Как скажете. А что насчет оперы?

— Я думаю... да, «Пелеас и Мелизанда» вполне сойдется.

* * *

Зеленоватое солнце клонилось к горизонту; к этому времени были закончены все приготовления: для оркестра был возведен помост, звукоусиливающая аппаратура была развернута в сторону леса.

Музыканты и певцы, плотно пообедав, в ожидании начала спектакля тихо переговаривались. Предстоящее выступление перед неизвестной и невидимой аудиторией было, возможно, самым волнующим событием в их жизни.

Под покровом зеленовато-серых сумерек музыканты заняли свои места в оркестре. В воздухе висела еще более зловещая тишина, чем в предыдущий вечер; со стороны леса не раздавалось ни шороха. Инструменты были настроены, небольшие фонари освещали музыкальную площадку и напряженные лица артистов. Сэр Генри взошел на небольшое возвышение; высокий, симпатичный, безупречно одетый, он чинно поклонился в сторону леса и поднял свою дирижерскую палочку. В ночи полилась музыка Дебюсси, заполнив собой все окружающее пространство.

Фонари выхватили из темноты декорации первой картины: мифический лес и фонтан. Актеры представляли оперу, как обычно; внимание невидимых зрителей было почти ощутимо. Первый акт сменился вторым, и вот музыка достигла того редкого и чудесного состояния, когда кажется, что она рождается сама по себе естественно и непринужденно... В этот момент на краю леса возникло движение. В освещенное фонарями пространство вышла Медок Росвайн. Она была вся в грязи и в синяках, осунувшаяся, ее одежда были порвана, глаза блестели; она делала странные дергающиеся движения, как кукла со

сломанным механизмом. Роджер поспешил ей навстречу, и Медок почти рухнула ему в руки. К ним подбежал на помощь Бернард Бикль, и совместными усилиями они доставили ее к кораблю. А все это время продолжала звучать музыка; обреченные влюбленные шли навстречу своей неумолимой судьбе.

— Что случилось?.. — взволнованно спросил девушку Роджер. — Ты не ранена?

Она сделала жест, который можно было истолковать как угодно.

— Здесь поселилось зло, — сказала она хриплым, срывающимся голосом. — Мы должны улететь и выбросить Ян из головы.

— Иди в каюту, дитя мое, — ласково обратилась к ней дама Изабель. — Доктор Шенд позаботится о тебе. Мы улетим завтра утром...

Медок Росвайн резко рассмеялась, и указала рукой в сторону леса.

— Они слушают музыку; впервые за сотни лет на Яне слушают музыку. Они наслаждаются ею и вместе с тем ненавидят вас за это, и, как только она прекратится, эти монстры нападут на корабль.

— Нападут? — переспросила дама Изабель. — Почему они это сделают?

— Они слушают, — повторила Медок Росвайн, — и завидуют, понимая, кто они такие и что сделали с Яном...

— Странно, — заявила дама Изабель. — Я не могу представить себе человеческое существо, наполненное такой злобой... Ведь, полагаю, это человеческие создания?

— Это не играет роли, — ответила Медок Росвайн почти шепотом. — Они пришли не только послушать музыку, они подготовили свою месть, к счастью; они забыли обо мне, и я смогла ускользнуть от них и пробраться по лесу в направлении музыки, — она повернулась в сторону корабля. — Пожалуйста, позвольте мне подняться на борт; я хочу очистить себя от этой ужасной планеты...

Роджер и доктор Шенд помогли ей взойти по трапу на корабль. Дама Изабель проводила ее взглядом и обернулась к Бернарду Биклю.

— А что думаете по этому поводу вы, Бернард?

— Она знает этих людей лучше, чем мы. Полагаю, мы должны быть готовы к отходу, как только закончится представление.

— И оставить здесь декорации? Ни за что! — возмущенно воскликнула дама Изабель.

— Тогда нам стоит начать заносить декорации на борт уже сейчас. Мы можем делать это, не привлекая внимания, ведь музыка может играть столько, сколько потребуется. Я пойду переговорю с Андреем и сэром Генри.

Команда в спешном порядке начала затаскивать использованные декорации обратно на корабль. Действие оперы закончилась, а музыка все еще продолжалась. Продолжал звучать Дебюсси: «Ноктюрны». Наконец, на борт была поднята последняя декорация, за ней последовало осветительное и звукоусиливающее оборудование.

Оркестр, начавший понимать сложившуюся ситуацию, краем глаза посматривал в сторону леса, однако на игре это беспокойство нисколько не отразилось.

Из-под музыкантов убрали стулья, а из-под сэра Генри дирижерское возвышение; теперь они играли стоя. Через некоторое время по оркестру пробежало известие, что пора сворачиваться: под прикрытием бегающих огней музыканты один за другим брали свои пюпитры и инструменты и тихонько ускользали на борт корабля. Арфистке и ударнику помогли члены команды. Наконец, в импровизированном театре остались только сэр Генри, рояль и скрипачи. И тут лесной народ понял, что происходит, и очнулся ото сна. Брошенный с силой камень описал в воздухе дугу и упал на клавиатуру рояля.

— Все на борт! — крикнул Бернард Бикль. — И живее!

Пианист, скрипачи и сэр Генри рванули к трапу, и вовремя: на то место, где они только что стояли, посыпалась груда камней. В тени леса почувствовалось движение, похоже, аборигены решили приблизиться. Почти моментально трап был затащен на борт, вход закрыт; «Феб» взмыл в воздух, оставив после себя только блестящий черный рояль.

Дама Изабель, испытав облегчение намного большее, чем пыталась это показать, направилась в изолятор, проведать Медок Расвайн. Девушка лежала с от-

крытыми глазами, отрешенно уставившись куда-то в потолок. Дама Изабель вопросительно взглянула на доктора Шенда, и тот утвердительно кивнул головой.

— С ней все будет в порядке. Просто шок, усталость, ушибы. От успокоительных она отказалась.

Дама Изабель подошла к кровати и вкрадчивым голосом заговорила:

— Мне очень жаль, что тебе пришлось так страдать... но не надо было бежать в лес.

— Я должна была узнать правду про Ян, — неожиданно резко ответила Медок.

— И ты ее узнала? — сухо спросила дама Изабель.

— Да.

— И кто же именно живет там, в лесу?

Медок Росвайн, казалось, не услышала вопроса. Она почти полминуты лежала неподвижно, уставившись в одну точку на потолке. Дама Изабель раздраженно повторила свой вопрос.

Медок Росвайн покачала головой:

— Я не хочу говорить об этом. Для вас это теперь уже не имеет значения. Если я скажу хоть одно слово, мне уже будет не освободиться от этого. Нет, я ничего не расскажу. С этого момента я больше ничего не хочу знать про Ян. Теперь я всего лишь Медок Росвайн из Мерионета и никогда не стану никем другим.

Несколько раздраженная, дама Изабель вышла из изолятора и направилась в салон, где музыканты пили вино и обсуждали свои впечатления от прошедшего концерта.

Там она нашла Бернарда Бикля и отвела его в сторону.

— Девушка абсолютно ничего не сказала о том, что случилось в лесу или хотя бы о том, что произошло с этой ужасной планетой! — Поделилась она своим возмущением. — Никогда еще я не сталкивалась ни с кем настолько эгоистичным! Она ведь, несомненно, должна понимать, что всем нам очень любопытно!

Бернард Бикль кивнул головой, выражая сожаление, и осторожно заметил:

— А, может быть, она права. Может, будет значительно лучше, если Ян навсегда так и останется тайной.

— Вы неисправимый романтик, Бернард! — усмехнулась дама Изабель.

— Не больше, чем вы! Если это не так, то разве вы были бы сейчас здесь, в космосе?

Дама Изабель кисло улыбунулась:

— Конечно, вы правы... Итак, наше посещение Яна закончилось. Все, с меня хватит всяких отклонений от маршрута. Теперь мы направляемся прямо на Рлару, — она встала. — Может, вы проводите меня на мостик, я должна отдать необходимые указания капитану.

Капитан Гондар стоял на мостике в гордом одиночестве и любовался раскинувшейся перед ним сверкающей бездной космоса. Корабль еще не вышел в открытый космос, поэтому звезды сияли своим естественным светом.

— С этого момента, капитан, — сказала дама Изабель, — мы берем курс прямо на Рлару.

Капитан Гондар тяжело вздохнул.

— Это будет чертовски долгий путь. Заход в Гидру увел нас очень далеко. С такой же легкостью мы можем вернуться на Землю.

— Нет, капитан, — непреклонно заявила дама Изабель, — я настаиваю на том, чтобы мы следовали нашему первоначальному плану. Следующая остановка — Рлару.

Лицо капитана Гондара как-то внезапно осунулось, тени под глазами стали еще заметнее. Он отвернулся и посмотрел на лежащий перед ним космос.

— Ну, хорошо, — пробормотал он сдавленным голосом, — Я отвезу вас на Рлару.

Глава двенадцатая

«Феб» летел в обратном направлении через всю галактику, пересекая сектор Ориона, где Ригель заслонял далекую тусклую звезду, освещавшую родной дом путешественников. Настроение в оперной труппе было подавленным, но моральный дух не пострадал. Так как оркестр был укомплектован двумя роялями, то репетиции продолжались и без подаренного Яну инструмента.

Медок Росвайн несколько дней находилась в изоляторе. Доктор Шенд сказал даме Изабель, что только молодость и воля к жизни вернули Медок обратно на «Феб», тот, кто напал на нее в лесу, вполне мог убить

ее. Роджер проводил с ней очень много времени, стараясь хоть как-то помочь. Временами она становилась прежней Медок, а порой, похоже, вспоминая о том, что произошло с ней в лесу, она впадала в странное оцепенение. Тогда она начинала часто мигать и отворачивала лицо к стенке. Но все же большую часть времени она просто спокойно лежала и смотрела на Роджера.

Логан де Апплинг исполнял свой долг молча, с обиженным самолюбием. Капитан Гондар отстранился от всего, замкнутый в своем внутреннем мире и, если не считать минимального вмешательства в управление кораблем, ни с кем не разговаривал. Дама Изабель пыталась выудить из него детальную информацию, касающуюся Рлару, но капитан Гондар казался рассеянным и забывчивым.

— По отношению к нам местные жители настроены дружелюбно? — резко спросила его дама Изабель во время очередного «допроса».

Капитан Гондар повернулся, в его запавших глазах, проскочила живая искорка.

— К чему этот вопрос? Вы же видели Девятую трупку, разве они не были дружелюбны?

— Так-то оно, конечно, так, однако я всегда рассматривала их внезапное исчезновение, как довольно невежливый поступок, особенно, учитывая наши усилия и наше расположение.

Капитан Гондар ничего по этому поводу не ответил.

Не добившись разъяснений по этому вопросу, дама Изабель вернулась к теме самой Рлару.

— Мне помнится, вы утверждали, что фотографировали планету, это так?

Капитан Гондар удивленно уставился на нее.

— Разве я вам говорил это?

— Да, еще во время наших переговоров.

— Что-то не припомню, когда это было.

— Я хотела бы увидеть эти фотографии, — резко сказала дама Изабель. — Не вижу причин для дальнейшей скрытности.

Капитан Гондар неохотно пошел к себе в каюту и вернулся с простым белым конвертом, из которого вынул три измятые фотографии.

Дама Изабель строго взглянула на него, как бы укоряя за ненужные предосторожности. Она взяла фотографии и принялась их рассматривать. Отсутствие деталей вызвало сильное разочарование. Первая фотография была сделана с высоты около пятисот миль, вторая — со ста, а последняя снималась примерно миль с пяти. На первом снимке был виден обширный океан, северный континент с длинным полуостровом, расположенным в умеренной зоне. На втором, изображающем южную оконечность полуострова, виднелись намеки на ландшафт: невысокие горы на севере, разбросанные к югу холмы и почти плоская речная долина, протянувшаяся вплоть до южного мыса. На третьей фотографии изображение было немного расплывчатым. Там был берег, петляющая между широких террас река, участки, которые можно было принять за искусственные поля.

Дама Изабель нахмурилась.

— Эти фотографии трудно назвать информативными. У вас нет ничего, что говорило бы о здешних людях, их городах, традициях, ритуалах?

— Нет. Выходя из корабля, я не брал с собой камеру.

Дама Изабель еще раз внимательно посмотрела на третью фотографию.

— Как полагаю, здесь изображена территория, где вы приземлялись?

Капитан Гондар разглядывал фотографию так, как будто не узнавал ее.

— Да, — сказал он наконец, — именно здесь я и приземлялся. Вот тут. — Он ткнул пальцем в фотографию.

— Местное население приняло вас радушно?

— О да. Не было никаких проблем.

Дама Изабель пристально посмотрела на него.

— Вы говорите как-то неуверенно.

— Вовсе нет. Хотя в данном случае слово «радушно» не совсем подходит. Они приняли меня, не проявив никакого интереса.

— Хммм. Они что, не были удивлены, увидев вас?

— Трудно сказать. Они не одарили меня большим вниманием.

— И они не проявляли любопытства относительно Земли и космического корабля?

— Нет, особенно не проявляли.

— Хмм. Если верить вашим словам, складывается впечатление, что это какие-то бесстрастные или глупые люди, хотя феномен Девятой труппы говорит совсем об обратном...

Дама Изабель долго еще мучила расспросами капитана Гондара, но он мало что добавил к уже выданной информации.

Проходили дни, каждый из которых отличался от другого каким-нибудь незначительным событием. Медок Росвайн покинула из изолятор и ушла в себя еще глубже, чем раньше. Музыканты и певцы время от времени разряжались, проявляя вспышки темперамента. «Таф Лак Джак оркестр», несмотря на запрет дамы Изабель, исполнил для команды то, что Эфраим Цернер описал, как «мозгодробительная какофония». Бернарду Биклю, вновь отправленному на устранение источника беспокойства, исполнитель на стиральной доске, которого сам Бернард впоследствии охарактеризовал как «пьяного и озверевшего», пригрозил физической расправой. К счастью, Нейл Хендерсон, старший механик, вмешался раньше, чем угроза была приведена в исполнение, и Бернард Бикль вернулся в салон в ярости от услышанных оскорблений.

Спустя еще несколько дней «Феб» вошел в систему Кита и проследовал недалеко от звезды Кси Аритис, на седьмой планете которой располагался Межзвездный Грузовой терминал. В тот день во время одной из своих прогулок по кораблю, совершаемых от беспросветной скуки, Роджер зашел в колодец, где висел спасательный катер. Совершенно случайно он заметил, что дверца катера закрывается, хотя по всем корабельным правилам вход в катер должен быть постоянно открыт, свободен и незагроможден. Роджер поспешно бросился к катеру и успел схватиться за дверцу до того, как она захлопнулась. Он дернул ее, дверца распахнулась, вытащив за собой в проход капитана Гондара.

Выражение гнева на лице капитана комично сменилось на мину, излучающую любезность.

— Просто проверяю оборудование, — сказал он, — это часть моих ежедневных обязанностей.

Роджер скептически хмыкнул.

— А зачем же закрывать дверь?

Лицо капитана Гондара снова стало суровым.

— Какое вам дело до того, как я выполняю свои обязанности?

В ответ Роджер лишь пожал плечами, затем взялся за дверцу спасательного катера и заглянул внутрь. Гондар схватил его сзади за плечо и выдернул обратно в проход, и все же он успел заметить в кабине катера чемодан и спортивную сумку. Теперь лицо капитана Гондара было искажено от ярости. Он сунул руку в карман и выхватил маленький пистолет; на лице капитана Роджер отчетливо увидел желание убить его. Он с трудом заставил свои мускулы действовать: такими онемевшими они еще не были никогда. Он нырнул в сторону и скорее случайно, чем преднамеренно выбил пистолет из рук капитана. Гондар зашипел и, тяжело дыша, наклонился за ним; в этот момент Роджер изо всех сил толкнул капитана Гондара и ногой отбросил пистолет дальше в коридор.

После этого Гондар потерял всякий контроль над своими эмоциями. Он кинулся на Роджера; оба повалились на пол и начали кататься, нанося друг другу удары руками и ногами.

Создаваемый ими шум привлек внимание, и внезапно между дерущимися возникли Нейл Хендерсон и несколько членов команды, растащив их в разные стороны.

— Что это значит? — строго спросил Хендерсон.

Капитан Гондар поднял дрожащую руку и указал на Роджера, но так и не смог ничего вымолвить.

— Он собирался убить меня... — тяжело дыша, выпалил Роджер. — Я помешал ему бежать на спасательном катере...

Капитан Гондар осторожно, бочком протиснулся в коридор и метнулся к пистолету, но Роджер снова успел встать у него на пути. Хендерсон поднял оружие.

— А это уже серьезно! — сказал он. — Вы можете доказать свои слова?

— В спасательном катере лежит его багаж, — ответил Роджер. — Он рассчитывал покинуть «Феб» и долететь до межзвездного терминала.

Капитан Гондар скривил губы, но снова не издал ни звука.

Хендерсон осмотрел кабину, катер и вылез оттуда с мрачным выражением лица.

— Вытащите это барахло, — приказал он одному из членов команды, потом повернулся к Гондару. — Пойдем-ка поговорим о случившемся с высокими шишками.

Дама Изабель выслушала рассказ об инциденте в зловещей тишине. Когда Роджер закончил свое повествование, она направила на капитана Гондара всю силу своего взора, пылающего негодованием.

— Вы можете что-либо добавить по этому поводу? — обратилась она к нему.

— Нет.

— Надеюсь, вы понимаете, что после случившегося, вы уже не имеете права требовать себе доверенные мне деньги.

— Вовсе нет, — презрительно ответил капитан. — Я свои обязательства выполнил.

— Разве? Вы пока еще не доставили нас на Рлару. И точное метонахождение планеты до сих пор известно только вам.

— Теперь уже нет, — возразил капитан Гондар. — Сегодня утром я составил детальное описание маршрута и отдал его де Апплингу. Вы не можете отобрать мои деньги под таким предлогом.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказала дама Изабель. — Мне кажется, что, следуя букве договоренности, вы, тем не менее, нарушили его дух.

— Я с вами не согласен, — заявил капитан Гондар. — Хотя в данный момент и не собираюсь спорить по этому поводу, так как мы находимся в неравных условиях.

— Вы сами виноваты в этом. Я даже не знаю, что теперь с вами делать. Вполне очевидно, что ваша власть на корабле подошла к концу.

Гондар восстановил свое хладнокровие, он иронично поклонился и почтительно произнес:

— Раз уж вы не позволили мне воспользоваться спасательным катером, то прошу высадить меня на Межзвездном терминале около Кси Аритис.

— Я не собираюсь делать ничего подобного. Кси Аритис и его терминал находятся в стороне от нашего пути, к тому же, мы с вами заключили договор на все турне.

Адольф Гондар нахмурился, но потом со вздохом пожал плечами; очевидно, ни на что другое он и не рассчитывал.

— В таком случае, я настоятельно прошу, чтобы с меня сняли всякую ответственность за управление кораблем.

— Для этого нет никаких препятствий, — сухо ответила дама Изабель.

— И еще: я хотел бы, чтобы мне позволили пользоваться моей каютой до тех пор, пока я считаю это для себя подходящим, — продолжил обговаривать условия теперь уже бывший капитан.

— Пока это является подходящим для нас, — поправила его дама Изабель. — Ваши пожелания в данном случае стоят на последнем месте. Может, вы все-таки объясните мне, почему вы решили действовать подобным образом?

— Конечно, — вежливо ответил Адольф Гондар. — Внезапно мне очень сильно захотелось покинуть этот корабль.

Дама Изабель повернулась к Главному механику Хендерсону и Бернарду Биклю.

— Пожалуйста, отведите мистера Гондара в его каюту. Убедитесь, что там больше нет никакого оружия. Мистер Хендерсон, проследите, чтобы на дверь каюты был поставлен новый замок.

В сопровождении Бернарда Бинкля и Хендерсона, Адольф Гондар вышел из каюты дамы Изабель и направился под «домашний арест».

* * *

«Феб» летел сквозь межзвездное пространство со скоростью, возможно, большей скорости мысли, хотя скорость последней величина довольно спорная. Логан де Апплинг действительно получил точные координаты Рлару: она вращалась вокруг оранжево-желтой звезды FQR910. Спустя несколько дней эта звездочка, наконец-то, появилась на экране переднего обзора. Прямо

по курсу можно было разглядеть и вождеденную планету. Приблизившись, «Феб» перешел на разведывательную орбиту и занялся первичным изучением. Любая планета, наблюдаемая из космоса, имеет удивительный вид: ее массивная сферическая поверхность подчеркнута резким контрастом между освещенной солнечными лучами поверхностью и темнотой окружающего ее космоса. Если планета кажется обитаемой и имеет интересную конфигурацию, то невольно и неудержимо начинает работать воображение.

Рлару была именно такой планетой; по размерам и другим основным параметрам она сильно напоминала Землю, являясь, возможно, несколько поменьше, зато с более зрелой физической географией. Датчики окружающей среды выдали данные: атмосфера вполне пригодна для человеческого существования, и температуры на полюсах и экваторе близки к земным.

Изумленные и взволнованные, дама Изабель и Бернард Бикль смотрели на медленно вращающуюся сферу.

— Вы только подумайте, Бернард! — воскликнула она. — После стольких месяцев планирования и подготовки! После стольких приключений и переживаний! Наконец-то Рлару! Родина Девятой труппы!

— Можно быть уверенным, что это великолепный мир, — согласился с ее восторгами Бернард Бикль.

— Смотрите! — показала дама Изабель. — Вон тот самый полуостров, который изображен на фотографии Гондара! Это доказывает, если нам еще нужны доказательства, что это, действительно, Рлару!

— Мне бы очень хотелось понять поведение Гондара, — неожиданно заметил Бернард Бикль. — Если внимательно взглядеться в его поступки, то они кажутся прямо таки зловещими.

— Вы, конечно, шутите?

— Ни в коей мере.

Дама Изабель недоверчиво покачала головой.

— Мистер Гондар неоднократно уверял меня, что население этой планеты дружелюбно. У меня нет причин думать иначе; ведь Девятая труппа казалась вполне добропорядочной... Правда, мистер Гондар все время старался держать их очень обособленно.

— Нет смысла придумывать трудности, — Бернارد Бикль снова переключил свое внимание на планету. — И где вы предполагаете приземлиться?

— На месте первоначальной стоянки Гондара. Мы знаем, что народ там дружелюбен, а в других местах условия могут быть совершенно иными, — без колебаний ответила дама Изабель.

Она отдала необходимые указания Логану де Апплингу, который тут же внес соответствующие изменения в программу автопилота. Рлару выросла, стала более объемной и внезапно ушла вниз; произошел странный психологический эффект, когда предмет смещается на девяносто градусов и из позиции «напротив» оказывается «внизу».

Логан де Апплинг, пользуясь межзвездным кодом, запросил разрешения на посадку, но не получил никакого ответа. Он вопросительно взглянул на даму Изабель, ожидая дальнейших распоряжений.

— Мы приземляемся, — кивнула она головой.

Используя макрообозреватель, дама Изабель и Бернارد Бикль принялись внимательно изучать лицо Рлару. К великому разочарованию, они не заметили никаких признаков развитой цивилизации. Бернارد Бикль указал на один из больших курганов и высказал предположение, что это какие-то развалины. Дама Изабель оставила это замечание без ответа: события на Яне были еще слишком свежи в ее памяти.

При полном увеличении они обнаружили несколько поселений, но те казались не больше обычных деревенок. Как и говорил Адольф Гондар, все они концентрировались вдоль южного берега длинного полуострова.

Для консультации из каюты привели Адольфа Гондара. Весьма неохотно он указал место своей прошлой посадки.

— Но сейчас я бы не стал тут приземляться, — уверенно заявил он. — Попробуйте немного южнее, там люди более гостеприимны.

— Насколько я помню ваши заверения, они почти ни на что не обращают внимания, — сухо заметила дама Изабель.

— Я вам посоветовал, а уж вы сами думайте, как поступить.

Считая разговор законченным, Гондар резко развернулся и направился в свою каюту.

Бернард Бикль снова подошел к макрообозревателю и внимательно осмотрел ландшафт.

— Ну, и что вы думаете? — спросила дама Изабель.

— Дальше на юг, похоже, не так-то уж и много деревень. Наверное, там менее плодородная почва.

— Мы приземлимся там же, где садился Гондар, — решила дама Изабель. — Я не собираюсь идти на поводу у его непонятных амбициозных намеков.

«Феб» успел совершить посадку в запланированной точке еще до захода солнца, еще раз была произведена тщательная проверка окружающей среды, и, как и прежде, данные говорили о том, что местные условия вполне совместимы с человеческим метаболизмом.

Пока шло исследование, дама Изабель поднялась на мостик и внимательно оглядела окрестности. Она и заметила несколько расположенных невдалеке деревушек, однако жителей там не наблюдалось. И никто, вопреки ожиданиям, не подошел к «Фебу», чтобы полюбопытствовать. Когда, сопровождаемая почти всей труппой, дама Изабель спустилась с корабля, то обнаружила только извивающуюся в нескольких сотнях ярдов к северу речку да разбросанные вдоль восточного горизонта невысокие холмы. Кое-где виднелись беспорядочно росшие деревья, напоминающие небрежно рассажженные сады, и в то же время южные поля были засажены ровными рядами кустов. В общем, это был милый мирный ландшафт, выдававший следы длительного обитания.

По мере сгущения темноты в стороне деревни начали появляться огоньки, но вскоре они стали мигать и, наконец, совсем погасли. Казалось, что в этом уголке Рлару бодрствуют только пассажиры «Феба», наслаждающиеся тишиной и покоем.

Дама Изабель распорядилась о ночном карауле, и люди один за другим начали расходиться: одни шли спать, другие собирались в салоне.

Дама Изабель и Бернард Бикль оставались возле корабля дольше остальных. Наконец, и они поднялись на борт. Роджер собирался последовать за ними, но, почув-

ствовав где-то сбоку движение, уставился в темноту и разглядел Медок Росвайн. Она медленно подошла к нему.

— Такое спокойное местечко, правда, Роджер, — сказала она. — Так тихо и спокойно... — какое-то время она смотрела в сторону деревни, потом внезапно повернулась к Роджеру. — Я была такой злой, а ты был так добр ко мне. Мне очень стыдно. Правда.

— Давай не будем об этом, — оборвал ее Роджер.

— Нет, мы должны об этом поговорить! Мне очень больно! Теперь, когда все позади, я вижу, каким маньяком я была.

— Я уверен, что ты никому не желала вреда.

Медок Росвайн тихо и грустно рассмеялась.

— Самое грустное заключается в том, что мне было на это наплевать, а это, на самом деле, еще хуже.

Роджер не смог придумать достойного ответа: любая фраза звучала бы или правоучительно, или фальшиво. Медок Росвайн, очевидно, расценила его молчание как нежелание прощать старые обиды и потихоньку направилась в сторону трапа.

— Подожди! — крикнул ей вслед Роджер, и она покорно вернулась.

— Я вот что хочу узнать, — сказал он, спотыкаясь на каждом слове. — Что ты собираешься делать дальше?

— Не знаю. Вернусь на Землю, а там, наверно, найду какую-нибудь работу.

— Во время всей этой поездки я досыта наслаждался только одним-единственным эффектом, — проворчал Роджер. — У меня выработался рефлекс. Я чувствую себя как лабораторная крыса. Нажимают зеленую кнопку, и, раз, — появляется сыр. Потом я нажимаю эту же кнопку, а вместо сыра мне достается удар током и струя сжатого воздуха.

Медок Росвайн взяла его за руку.

— А что, если я попрошу тебя нажать на зеленую кнопку еще один раз и пообещаю, что теперь там, кроме сыра, ничего не будет? Никакого электричества или сжатого воздуха для бедной лабораторной крысы?

— Тогда я нажму все зеленые кнопки, которые только найду в своей клетке, — ответил Роджер.

— Ну что ж... Я обещаю, что так оно впрямь и будет.

Глава двенадцатая

Над Рлару вставал ясный и свежий рассвет. Солнце, немного крупнее и более золотистое, чем на Земле, медленно поднялось из-за дальних холмов.

Вскоре после этого на горизонте показались местные жители: полдюжины мужчин в синих брюках, белых куртках и в шляпах с чрезвычайно широкими полями. Они шли работать на ближайшее поле. Заметив «Феб», они из любопытства ненадолго останавливались, но затем двигались дальше, лишь изредка оглядываясь через плечо.

— Странно, — пробормотала дама Изабель. — Отсутствие интереса с их стороны даже обижает.

— Вы отметили их физические особенности? — спросил Бернард Бикль. — Они почти как люди, и все же чувствуется какое-то неуловимое, скрытое отличие от нас, может быть, это проявляется в их манере держаться?

— И не удивительно, — ответила дама Изабель с нотками раздражения. — Они точно такие же, как и представители Девятой труппы. Можно больше не сомневаться в правдивости рассказов мистера Гондара, по крайней мере, относительно Рлару и Девятой труппы.

— Ни в коей мере, — согласился Бернард Бикль. — Насколько я помню, он рассказывал о трех кастах или классах: бедняки, рабочие и артисты, составляющие местную элиту.

— Да. Я тоже помню это его замечание. Очевидно, скоро появится делегация, которая и поприветствует нас.

Но утро перешло в полдень, а перед «Фебом» никто так и не появился, разве что три-четыре перепачканных грязью человека, одетых в грубые серые халаты и тряпичные сандалии. Некоторое время они изучали корабль, затем прогулочной походкой удалились и исчезли за деревьями.

Дама Изабель беспокойно прохаживалась взад-вперед перед «Фебом», вначале беспрестанно поглядывая в сторону деревни, затем на поля, где работали люди.

Наконец она вернулась на корабль и постучала в дверь каюты Адольфа Гондара.

На свой призыв она не получила никакого ответа и стала ломиться более властно.

— Мистер Гондар, откройте, пожалуйста!

Результат был тот же самый: полная тишина. Сделав еще одну попытку, дама Изабель попробовала открыть дверь, но та оказалась запертой.

Невдалеке от нее, на мостике, сидел один из членов команды, которому было поручено охранять дверь каюты Гондара. Дама Изабель резко бросила в его сторону:

— Сходите за мистером Хендерсоном, а потом позовите сюда мистера Бикля. Боюсь, что мистер Гондар заболел.

Старший механик появился почти моментально. Постучав в дверь пару раз, он взломал ее. Адольфа Гондара в каюте не было.

Дама Изабель зловеще повернулась к человеку, охраняющему дверь каюты.

— Как и когда мистер Гондар покинул помещение?

— Не знаю. Я уверен, что он оттуда не выходил. — Всего час назад ему принесли завтрак, он его взял, после чего дверь снова заперли. Я не спускал с нее глаз. Тут и кошка не пробежала бы незамеченной.

— Бернارد, — коротко бросила дама Изабель, — проверьте спасательные катера.

Бернارد Бикль поспешил выполнить поручение и, вскоре вернувшись, доложил, что все спасательные катера находятся на своих местах. Не мог Гондар покинуть «Феб» и по трапу, там тоже стоял караульный, который обязательно его заметил бы. Дама Изабель приказала обыскать корабль.

Тщательные поиски ни к чему не привели, Адольфа Гондара на борту не было. Каким-то непонятным образом он покинул каюту и словно растворился в воздухе.

В середине дня труженики в странных широкополых шляпах прекратили работу на полях и вернулись в деревню. Как и прежде, они проявили к «Фебу» минимальный интерес и даже не замедлили шаг, проходя мимо. Только чувство гордости остановило даму Иза-

бель от отчаянного жеста: пойти в деревню и потребовать ответственную делегацию для приветствия. Несколько минут она с плохо скрываемым раздражением смотрела на удаляющиеся спины, затем повернулась к Бернарду Биклю и Андрею Сцинику.

— А каково ваше мнение как экспертов? — спросила она. — Как прикажете работать в таких условиях? Сумеет ли мы привлечь внимание кого-либо, кроме бродяг и бездельников?

Андрей Сциник только развел руками, желая сказать тем самым, что для людей с полным отсутствием любопытства подойдет любая опера. Бернард Бикль ответил примерно то же самое:

— Очень трудно решить, что в данном случае будет лучше. Откровенно говоря, я рассчитывал на совсем другую культурную атмосферу... более приятное и серьезное окружение.

— Я тоже ожидал большего, — сказал Андрей Сциник, осматривая ландшафт.

Потонувший в золотом свете полудня пейзаж казался удивительно спокойным и прекрасным, и вместе с тем пропитанным чувством отдаленности и даже меланхолии, как воспоминание юности.

Нахмурившись, Андрей Сциник медленно произнес:

— На этой планете чувствуется какая-то бесцельность, отсутствие смысла, как будто и пейзаж, и люди какие-то нереальные. Возможно, здесь уместно слово «архаичные». На всем лежит некая печать старости и полузабытости.

Дама Изабель сухо фыркнула.

— Должна признаться, что я представляла себе Рлапу совсем иначе. Однако ни один из вас так и не ответил на мой вопрос.

Бернард Бикль засмеялся и потянулся к своим прекрасным седым усам.

— Я не ответил, потому что просто нахожусь в растерянности. Я рассуждал, надеясь, что в разговоре родится хоть какая-то идея... но не получилось. И все же, вот так, с лету, я могу предложить «Сказки Гофмана». А может быть, снова «Волшебную флейту»? Или даже «Ганзель и Гретель», а?

— Любая из них вполне подойдет, — кивнул головой Андрей Сцинник.

— Хорошо, — сказала дама Изабель, — Завтра мы будем играть «Ганзель и Гретель», и я искренне надеюсь, что звуки музыки, которые мы непременно усилим и направим в сторону деревни, привлекут к нам нашу аудиторию. Андрей, проследи, пожалуйста, за декорациями и организуй что-то вроде занавеса. А вы, Бернард, будьте добры, проинформируйте о нашем решении сэра Генри и остальных артистов.

Труппа, в которой от ожидания и неизвестности уже начало рости раздражение, восприняла весть о предстоящем спектакле с огромным энтузиазмом. Музыканты и певцы с большой охотой принялись помогать команде выносить реквизит, расставлять сиденья и вешать импровизированный занавес. Работа продолжалась и после наступления темноты, при включенных прожекторах. Дама Изабель обратила внимание на то, что в эту ночь огни в деревне оставались зажженными намного дольше, чем раньше, а те, что погасли рано, загорелись снова.

В историю с исчезновением Адольфа Гондара так и не внеслось никакой ясности. Строились разные предположения, но большинство из них сводилось к тому, что Гондар каким-то ловким методом улизнул с корабля и отправился в деревню искать своих старых знакомых. В конце концов все пришли к выводу, что в свое время Гондар сам вернется на борт «Феба».

* * *

На следующее утро из деревни пришла почти дюжина местных жителей, и труппа «Феба» впервые увидела так называемых аристократов Рлару. По внешности и манерам эти люди очень напоминали участников Девятой труппы, которую Адольф Гондар привозил на Землю: стройные, хорошо сложенные, подчеркнуто изящные, живые и веселые. На них были одежды всевозможных ярких расцветок, причем ни один цвет не повторял другой; некоторые из аристократов были с музыкальными инструментами, подобными тем, которыми пользовалась Девятая Труппа.

Дама Изабель вышла вперед, держа руки сложенными в международном дружеском приветствии. Но народ Рлару, судя по их озадаченным лицам, очевидно, этого жеста не понял.

Желая подчеркнуть свои мирные и дружественные намерения, Дама Изабель, заговорила медленно и отчетливо.

— Здравствуйте, дорогие друзья с планеты Рлару! Нет ли среди вас участников Девятой труппы, которая посещала Землю? Девятая труппа? Земля?

Все слушали вежливо и внимательно, однако никто из собравшихся не выразил никакого понимания того, о чем идет речь.

Дама Изабель попробовала еще раз.

— Мы — музыканты с Земли. Мы приехали сюда, на Рлару, выступать, так же, как Девятая труппа выступала на Земле. Сегодня в полдень мы покажем вам одну из наших величайших опер «Ганзель и Гретель» композитора Энгельберта Хампердинка, — финал ее речи прозвучал очень возвышенно. — Я надеюсь, что вы придете сами и приведете с собой своих друзей.

Деревенские жители довольно мрачно перекинулись несколькими фразами, затем внимательно осмотрели сиденья и ушли по своим делам.

Дама Изабель поглядела им вслед с некоторым недоумением.

— Я пыталась передать им хотя бы намек на наши добрые намерения, — сказала она Бернарду Биклю. — Но, боюсь, это мне не совсем удалось.

— Не надо быть слишком пессимистичной, — ответил Бернард Бикль. — Некоторые из этих чуждых нам рас очень чувствительны, когда речь идет о намерениях.

— Так вы думаете, мы все-таки соберем аудиторию?

— Я не удивлюсь ни тому, ни другому.

Через три часа после того, как солнце перешло свой зенит, оркестр под руководством сэра Генри издал первые ноты увертюры, и величественный духовой хорал поплыл над полями.

Первыми зрителями были одетые в перепачканные халаты бродяги, которые вышли на звук оркестра из тени рощи, мигая глазами так, как будто их только что разбудили. Примерно двадцать таких бедолаг подошло

поближе и уселось на последний ряд сидений. Потом явилась примерно дюжина рабочих с ближайшего поля проверить в чем дело. Пятеро или шестеро из них остались послушать, а остальные вернулись к своей работе.

— Деревенщина есть деревенщина, где бы она ни находилась,— задумчиво проворчала дама Изабель.

Во время пятой сцены оперы прибыла группа деревенских жителей, среди которых, к великому удовлетворению дамы Изабель, было несколько аристократов. К началу второго акта в зале присутствовало уже около сорока слушателей, включая сюда и полуоцепенелых бродяг, которых и рабочие, и аристократы открыто сторонились.

— Все прошло замечательно,— сказала дама Изабель сэру Генри, Андрею Сцинику и Бернарду Биклю после представления.— Я очень довольна. Похоже, нашей аудитории понравилось то, что они слышали.

— Отсутствие Гондара создало нам большие неудобства,— заметил Бернард Бикль.— Я предполагал, что он знаком с местным языком и сможет оказать нам большую помощь в объяснении нашей программы жителям Рлару.

— Управимся и без него,— резко ответила дама Изабель.— Если здесь находится кто-то из Девятой труппы, а это вполне вероятно, то они наверняка знают хотя бы основы нашего языка. Мы докажем, что Адольф Гондар не так уж незаменим, как он это думает.

— И все же весьма любопытно, куда подевался этот парень,— сказал сэр Генри.— По трапу он точно не спукался, в этом я могу поклясться. Я тогда все время стоял у выхода и не видел даже намека на горе-капитана.

— Он непременно вернется, когда сочтет это для себя благоприятным,— заявила дама Изабель.— Я не собираюсь о нем беспокоиться. Завтра мы покажем «Сказки Гофмана». И будем надеяться, что сегодняшнее представление поможет нам собрать завтра большую аудиторию.

* * *

Надежды дамы Изабель полностью оправдались. Как только над полями поплыли первые музыкальные звуки, со всех сторон начали собираться слушатели и безо

всякого стеснения рассаживались по местам. Три касты, описанные Адольфом Гондаром, можно было легко различить по их костюмам. Беднота в своих грязных бесформенных халатах сидела в сторонке, как парии. Рабочие были одеты в синие или белые брюки, голубые, белые или коричневые куртки и в большинстве случаев носили широкополые шляпы. «Аристократы», конечно, выделялись своей экстравагантностью, как павлины среди стада коров; только их естественная элегантность и наиграное высокомерие придавали серьезность и важность их одеяниям. Некоторые пришли с музыкальными инструментами, на которых они, очевидно, машинально что-то наигрывали.

Дама Изабель наблюдала эту картину в полном удовольствии.

— Это именно то, на что я и рассчитывала, — сказала она Бернарду Биклю. — Рлору ни в коей мере нельзя отнести к технически развитым мирам, но население здесь восприимчивое и грамотное во всех слоях общества, чего никак не скажешь о Земле.

Бернард Бикль не стал спорить с этим замечанием.

— После того, как окончится спектакль, — продолжила дама Изабель, — я подойду к одному из местных жителей и попробую расспросить о мистере Гондаре. Вполне вероятно, что он прячется где-то у своих друзей, а я хотела бы узнать о его дальнейших намерениях.

Но когда дама Изабель попыталась завязать общение с одним из «аристократов», то наткнулась на стену полного непонимания.

— Мистер Гондар, — очень отчетливо произнесла она. — Я хочу узнать место пребывания мистера Адольфа Гондара. Вы не знаете, где он?

Но аристократы вежливо отходили в сторону. Даме Изабель оставалось только раздраженно цокать языком.

— Мистер Гондар легко бы мог послать нам весточку, — жаловалась она Бернарду Биклю. — А теперь нам только и остается, что сидеть, как на иголках... Ну что ж, он, очевидно, лучше знает, что делает.

Она перевела взгляд на окрестные пейзажи и увидела, как Роджер и Медок Росвайн возвращаются после прогулки по берегу реки.

— Похоже, Роджер опять увлечен мисс Росвайн. Не скажу, что одобряю это, но он даже не удосужился спросить меня об этом, — она тяжело вздохнула. — Похоже, мир никогда не будет таким, каким я хотела бы его видеть.

— А разве кому-нибудь это удастся? — с добродушным цинизмом поинтересовался Бернард Бикль.

— Возможно, вы правы, и я должна смириться с этим фактом. А теперь вернемся к делам насущным. Пожалуй, нам стоит обсудить с Андреем завтрашнее представление. Мне надо наказать ему тщательнее следить за костюмами, сегодня они были совершенно не выглажены.

Бернард Бикль проводил ее до сцены, где она высказала администратору все, что думает о сегодняшних костюмах.

А вот что касается Роджера, то вокруг него мир был именно таким, каким он и хотел бы его видеть. После того, как Медок Росвайн распрощалась со своей навязчивой идеей, она стала более спокойной и уверенной, что придало ей еще большую привлекательность. Молодые люди много времени проводили вместе — ходили за луг и бродили вдоль берега реки. Там росли похожие на тополя деревья с розовато-лиловой листвой, дендроны тащили черные листья папоротников к воде. Примерно в четверти мили выше по реке высокие черные деревья окружали некое подобие развалин. В этом уголке не было никаких признаков жизни, никакого движения, никаких звуков. Насладившись тишиной и спокойствием, Медок и Роджер возвращались сквозь золотистые лучи полудня на «Феб».

На следующий день ставили «Волшебную Флейту»; аудитория собралась еще более многочисленная, чем раньше, и дама Изабель была чрезвычайно довольна. После финального занавеса она вышла к зрителям и поблагодарила их за проявленный большой интерес. Она кратко рассказала о цели экспедиции, а когда аудитория начала расходиться, вновь спросила о местопребывании Адольфа Гондара. Но даже если кто-то ее и понял, то ей этого не показал.

На следующий день на «Летучего голландца» народу собралось заметно меньше. Дама Изабель была расстроена как малочисленной аудиторией, так и тем без-

различием, с которым зрители отнеслись к ее приветственным речам.

— Мне не хотелось бы использовать слово «неблагодарность», — жаловалась она, — но нельзя не признать тот факт, что мы потратили большое количество сил и средств и не получили взамен ни малейшего признания с их стороны. А сегодня такой грандиозный спектакль мы играем какому-то подобию аудитории, состоящему в большинстве из низших классов.

— Может быть, аристократам не позволило придти на спектакль какое-то особое событие, — высказал свое предположение Бернард Бикль.

— А рабочий класс? Они даже и не подумали посетить наше представление. Наша аудитория состоит почти целиком из бродяг и нищих!

— Я заметил, что вчера они слушали намного внимательней, чем рабочие, которые в большинстве случаев открыто скучали, — сказал Бикль.

— А я видел, как бродяги или нищие, называйте их, как хотите, почти спали на спектакле, — возразил Андрей Сцинник. — Думаю, они просто наркоманы и в этих маленьких мешочках на поясе носят свое зелье.

— А это интересная мысль, — заметила дама Изабель. — Правда, я никогда не видела, как они «принимают дозу», так, по-моему, это называется, но это ни о чем не говорит. Если это так, то тогда легко объясняется и их апатия и то, что их сторонятся, — на какое-то мгновение она задумалась. — Я тоже обратила внимание, что они носят эти маленькие шарики, но я никогда не задумывалась о наркотиках... Хммм... Может быть, имеет смысл не допускать их на спектакли, и таким образом мы сможем снова привлечь нашу аудиторию?

Бернард Бикль нахмурился.

— Я ни разу не замечал вражды между этими слоями. Они просто друг друга игнорируют, равно как и нас.

— А исчезновение мистера Гондара ставит перед нами еще одну проблему, — раздраженно продолжала дама Изабель. — Если даже кто-то из них и знает, куда он пропал, никто не собирается сообщать об этом нам.

— Из чего можно сделать два предположения, — сказал Бернард Бикль, — либо его жизнь пришла к печаль-

ному концу, либо он сам не хочет, чтобы мы узнали о его местопребывании. В обоих случаях мы бессильны.

— Ну, попробуем подвести итоги,— медленно произнесла дама Изабель.— Признаться, я подумываю о досрочном возвращении на Землю. Мы более чем удовлетворили свои амбиции, особенно здесь, на Рлару... хотя было бы совсем неплохо получить что-то вроде признания.

— Да, народ здесь, несомненно, несколько гм... апатичный, особенно, когда речь заходит о выражении чувств,— согласился Бернард Бикль.

— Завтра мы поставим «Парцифалья»,— сказала дама Изабель.— Сэр Генри предложил «Женитьбу Фигаро», но я думаю, что после «Летучего голандца» это будет несколько однообразно.

— Риск наскучить есть всегда,— заметил Бернард Бикль.— Особенно это касается тех случаев, когда зритель не знаком с вагнеровской мистикой.

— Этот риск я считаю оправданным,— возразила ему дама Изабель.— Не забывайте, что мы имеем дело с аудиторией, у которой уровень музыкального мышления довольно высок.

— Что делает сегодняшнее отсутствие слушателей еще более удивительным,— отметил Бернард Бикль.

* * *

На следующий день вся западная часть неба была затянута грозowymi облаками, и, казалось, буря неизбежна. Но подул ветер, облака ушли на юг, а на волшебно свежем небе снова засияло солнце.

Несмотря на надежды мадам Изабель, аудитория на «Парцифаль» собралась плачевно маленькой; пришло четыре аристократа и группа бродяг. Это выражение безразличия привело даму Изабель в бешенство, и она даже хотела прекратить оперу на первом же акте. Возникла у нее и другая мысль: послать Роджера в деревню, чтобы тот привел публику. Театральные традиции не дали осуществить ей первый вариант, а невозможность найти Роджера — второй.

К еще большему раздражению дамы Изабель, даже собравшаяся публика в процессе представления начала

потихоньку расходиться. Один за другим зрители боком пробирались к кораблю и покидали зал. Так ушли все аристократы, в результате на спектакле осталось всего лишь полдюжины бродяг. Этого дама Изабель уже перенести не смогла. Она послала Бернарда Бикля вслед за аристократами, велев ему уговорить их досидеть до конца представления, хотя бы из уважения к певцам. Без всякого энтузиазма Бернард Бикль отправился выполнять возложенную на него миссию, но уже через пять минут вернулся злой и мрачный.

— Пойдемте со мной на минутку, — сказал он ей. — Я хочу, чтобы вы увидели это своими глазами.

Дама Изабель последовала за ним на другую сторону «Феба»; там, в лучах полуденного солнца, расположился «Таф Лак Джаг оркестр», с завидным пылом исполняя свой незатейливый репертуар. Вокруг тесным кружком сидело около сорока бродяг, а чуть в сторонке — примерно столько же аристократов. Неподалеку стояли Роджер и Медок, а также большая часть команды.

Все, включая и жителей Рлару, слушали эту музыку с неподдельным интересом.

В немом гневе дама Изабель взирала, как «Таф Лак Джаг оркестр» наякивал мелодию, которая, кажется, называлась «Надо навещать маму каждый вечер». Она прослушала несколько куплетов и несколько музыкальных проигрышей, каждый из которых был еще более несдержанным, чем предыдущий.

Дама Изабель вопросительно взглянула на Бернарда Бикля, тот с отвращением покачал головой. В явном недоумении они вернулись вместе к плачевному показу «Парцифалья». Последняя кучка бродяг уже перешла на другую сторону корабля, и оставшейся части оперы суждено было пройти при пустом зале. Дама Изабель прокричала в ухо Бернарда Бикля:

— Это говорит о местном уровне вкуса. Мы вполне можем возвращаться на Землю хоть сию минуту!

Бернард Бикль кивнул головой в знак согласия, и в этот момент они услышали, как «Надо навещать маму каждый вечер» достигла крещендо. Весь оркестр хором пел последний куплет; дама Изабель закрыла глаза и подумала про себя: «Господи, какая вульгарность!»

Какая безвкусица! Ритмичность, конечно, присутствует... но это просто смешно, как они этого не понимают? Однако надо признать, что эта музыка, если ее можно так назвать, противостоит меланхолии и апатии внешнего мира...» Дама Изабель заметила, что все присутствующие аккуратно держали между губ свои маленькие кожаные мешочки или шарики. «После такого представления, — с горечью подумала она, — им действительно потребуются все их наркотики».

Музыка разразилась оглушительной кодой и смолкла. «Таф Лак Джаг оркестр» опустил инструменты, очевидно, очень довольный сам собой. Аристократы в каком-то изумлении переговаривались между собой, бродяги глубоко вздохнули и впали в свою обычную меланхолию.

Дама Изабель подошла к артистам самодеятельности.

— Что это значит? — воскликнула она дрожащим голосом.

«Таф Лак Джаг оркестр» даже не удостоил ее ответом. Поспешно собрав свои инструменты, они удалились на корабль. С большим трудом она придала своему лицу доброжелательное выражение и повернулась к публике.

— Идите обратно на оперу! Мы играем специально для вас и надеемся, что вы получите истинное удовольствие. Уверяю вас, что эти клоуны здесь больше не появятся.

С помощью Бернарда Бикля ей удалось согнать небольшую группу обратно на оперу, с такими вот слушателями и прошел финальный акт. Как только опустился занавес, появился стюарт, держа в руках поднос с пирогами и стаканами с лимонадом. Дама Изабель знаком предложила аристократам попробовать угощение.

— Это очень вкусно! Я уверена, что вам это понравится!

Но аристократы вежливо удалились.

Дама Изабель суежилась и упрашивала, но даже бродяги отказались от земных даров. Наконец, она расстроенно всплеснула руками.

— Очень хорошо, поступайте, как хотите. Но я просто не понимаю, почему вы не желаете принимать то, что делается именно для вас.

Самый старый из бродяг, слушая даму Изабель, рассеянно мямл в пальцах маленький кожаный мешочек. Он пристально оглядел своих товарищей, будто приглашал их к молчаливому разговору, потом перевел взор на даму Изабель. Она почувствовала странный электрический озноб.

— Смотри, — как бы говорили ей. — Смотри, а потом продолжай делать то, что считаешь нужным.

Старец сжал свой мешочек. Бернард Бикль раскрыл рот от удивления; дама Изабель обернулась и с великим изумлением обнаружила, что в небе танцуют разноцветные фигурки. Они сталкивались и расходились, взлетали вверх и вниз, опускались на луг, превращая его в волшебный светящийся ковер. Вся труппа подошла к краю сцены и в восторженном изумлении наблюдала за разноцветной магией. Города, похожие на сады цветов, появлялись один за другим, словно в калейдоскопе: все различные, каждый — продолжение предыдущего, каждый со своими красотами и гордостью, со своими бурями и затишьем. И все это на фоне смеси изображений: регаты парусных лодок с большими узорными парусами, каждая из которых казалась живой. Высокопарные фигуры двигались в торжественной паване; в этом танце чувствовался турнир любви и красоты, взрывы и шепот музыки. Потом последовала серия карнавалов, устраиваемых артистами, напоминающими Девятую труппу, и даме Изабель показалось, что она их действительно узнает. Внезапно наступила тишина, да такая, что, казалось, все вокруг замерло. В воздухе возникла новая картинка: с неба на землю спускался потрепанный космический корабль; он приземлился, и из него вышел Адольф Гондар, или скорее даже карикатура на него. Девятая труппа прогуливалась в своих роскошных костюмах; Адольф Гондар набросился на них, как паук, и с помощью безликих помощников грубо загнал на борт корабля, который тут же поднялся в небо. И снова воцарилась тишина. Эпизоды пролетали перед глазами с поразительной быстротой; Адольф Гондар казался более комичным, чем злым; и весь эпизод представлялся не более чем кривой заметкой, маленькой злой шуткой, пародией на зло,

которой труппа «Феба» могла наслаждаться, а могла и возмущаться. Это уж по ее усмотрению.

Потом последовали другие сценки и спектакли, но те казались картинами далекого прошлого, как полубытые воспоминания. Парад умерших героев, которые, казалось, смотрели в лица тех, кто за ними наблюдает, будто спрашивая о знании, которым те обладают. В их глазах читался один и тот же вопрос. Затем они исчезли, появились города, они возводились и становились заброшенными: все цели были достигнуты, все рубежи взяты. В итоге не осталось ничего, только отрешенность, да случайные забавы... Наконец, в увеличенном масштабе появился «Таф Лак Джаг оркестр» с его смелой и зажигательной музыкой, с его энтузиазмом, граничащим с излишеством. В одно мгновение мир преобразился, и невозможное стало казаться возможным. А потом луг принял свой прежний вид, небо стало таким же пустым, как и раньше. Труппа «Феба» в одиночестве стояла возле своего корабля.

В сильном потрясении все вернулись на корабль. Дама Изабель пошла в салон и заказала чайник крепкого чая. Бернард Бикль и сэр Генри присоединились к ней, но все сидели молча, никто не хотел затевать разговор. В каком-то смысле дама Изабель чувствовала себя униженной и осмеянной, хотя и в доброй, беззлобной форме... Почему жители Рлару не объяснили ей все это до того, как она начала свою программу? Ведь ясно, что им изначально не нужно было ничего из того, что мог им предложить «Феб»,... кроме «Таф Лак Джаг оркестра». «Очевидно, это народ с очень дурными наклонностями,— кисло подумала дама Изабель.— Их прежние избирательное изящество умерло... И все же... Нет, конечно, нет. Это невозможно — дама Изабель решительно отогнала посетившее ее мысли.— Каждый должен сам выбрать свой путь и твердо придерживаться его, не зависимо от того, насколько он сомнителен. Она допила свой чай и со звоном поставила чашку на блюде. Бернард Бикль и сэр Генри вздрогнули, будто испугались этого звука.

— Больше нам здесь, на Рлару, делать абсолютно нечего,— мрачно произнесла дама Изабель.— Утром мы возвращаемся домой.

Она позвала Андрея Сциника и велела ему погрузить на корабль все сценические принадлежности.

— А как же Адольф Гондар? — спросил Бернард Бикль.

— Всем ясно, что он совершил преступление против этих людей, — сказала дама Изабель. — И понятно, что он был предупрежден, чтобы больше здесь не показывался. Он вернулся и был наказан. Теперь его судьба уже не в наших руках.

— И как же они могли выкрасть его из каюты? — с сомнением спросил Бернард Бикль. — И это через крепкие стены корабля?

— А почему бы нет? — резко ответила дама Изабель. — Теперь же совершенно ясно, что это они забрали Девятую трупку с Земли. Так почему же они не могли подобным образом забрать мистера Гондара из каюты?

— Мне этого не понять, — сказал Бернард Бикль.

— И мне тоже, — согласилась дама Изабель. — Но тем не менее это факт.

* * *

Роджер осмотрел весь корабль: салон, мостик, все места, которые только пришли ему в голову, но Медок Росвайн нигде не было. Он вышел на трап, посмотрел во все стороны, потом обошел корабль, наконец, увидел ее. Медок Росвайн сидела в одиночестве и смотрела на закат. Роджер, не зная, какое у нее настроение, хотел уже было тихонько удалиться, но она позвала его, и он с радостью присоединился к ней. Не говоря ни слова, они наблюдали, как солнце медленно опускается за поля. На фоне заката показались два силуэта: по их одежде и походке можно было догадаться, что это те, кого Адольф Гондар называл «бродягами».

Медок Росвайн заговорила так тихо, что Роджеру пришлось наклониться, чтобы услышать ее.

— Они могли забыть все, что знали, забыть все, что умели; они могли улететь на новую планету, и все начать сначала. Я все удивляюсь, почему они этого не сделали.

Роджер не мог дать ответа на эти вопросы, и они молча продолжили наблюдать за двумя бредущими в

сумерках фигурами. С моря подул прохладный бриз; молодые люди встали и собрались подняться на корабль. Внезапно на фоне неба показался еще один силуэт: высокая полубегущая, полуковыляющая фигура, издававшая хриплые звуки.

— Это Гондар! — воскликнул Роджер. — Он жив!

Адольф Гондар пробежал мимо них к кораблю, прижался к нему руками и с облегчением вскрикнул. Затем неуверенно направился к трапу, Роджер и Медок последовали за ним. У самого входа он, казалось, мобилизовал все свои оставшиеся силы, выпрямился, расправил плечи, собрал в кулак все свое достоинство и переступил комингс.

* * *

В салоне после того, как он с животной жадностью поел, Адольф Гондар рассказал свою историю. Как и предполагала дама Изабель, ему запретили появляться на Рлару. Он рассчитывал, что, не выходя из своей каюты, останется незамеченным, но это не получилось. Его выкрали, его кинули в ночь, бросали взад-вперед по облакам. Сквозь ветер, дождь, град опустили в океан, опять подняли вверх, он пролетел вниз головой в двадцати милях над холмами, а затем швырнули в заросли колючего дрека. Он блуждал по лесам и полям несколько дней, и только сегодня, с гребня холма, к неопишуемой радости, он увидел «Феб».

Дама Изабель не проявила никакого сочувствия.

— Вам повезло, что вы так легко отделались! — строго сказала она. — Ваше поведение нельзя назвать иначе, как просто пиратским: вы похитили двадцать человек, совершенно не собираясь возвращать их домой.

— Вовсе нет! — протестовал Адольф Гондар, — Я собирался отправить их обратно, как только они заработают достаточно денег. Я говорил им об этом, только поэтому они и согласились выступать.

— Теперь сам собой отпал вопрос о вашем гонораре, — заметила дама Изабель. — Ни при каких обстоятельствах я не позволю вам воспользоваться деньгами, которые были получены таким, мягко говоря, неэтич-

ным путем. Эти деньги с трудом смогут покрыть стоимость нашего турне. А лучшего применения им нам и не придумать.

Адольф Гондар в отчаянии вскинул руки и побрел в свою каюту.

На следующее утро, как только над вершинами холмов показалось солнце, «Феб» покинул Рлару. Логан де Апплинг ввел в компьютер координаты Земли, и «Феб» устремился к дому. Рлару осталась позади; золотистое солнце начало тускнеть, а потом и вообще затерялось среди звезд.

Глава четырнадцатая

На следующий день после возвращения «Феба» дама Изабель собрала пресс-конференцию на террасе своего прекрасного дома в Беллоу.

— Турне имело потрясающий успех, — заявила она собравшимся журналистам, — нет никаких сомнений в том, что оно способствовало развитию культуры и взаимопонимания среди тех, перед кем мы выступали.

Бернард Бикль, который тоже там присутствовал, пошел в хвалебных оценках дальше.

— Как и следовало ожидать, мы столкнулись с разными уровнями понимания и работали в соответствии с тем, что мы называем «культурной перспективой» людей, образующих нашу разнообразную аудиторию. В результате они многому научились от нас, а мы — от них. Я уверен, что мы укрепили музыкальную репутацию Земли.

— А что вы скажете о Рлару? — выкрикнул кто-то из зала. — Эта планета существует? Или Адольф Гондар просто жулик?

— По этому поводу никогда не существовало никаких сомнений, — холодно ответила дама Изабель. — Я уже информировала вас о том, что этот мир существует, и моих заверений должно быть вполне достаточно.

— Так, значит, вы посетили Рлару? — не унимались репортеры.

— Конечно, ведь это была одна из главных целей нашего турне. Правда, этот мир оказался не таким уж

ярким, как мы того ожидали. Мы дали там несколько спектаклей, которые были тепло восприняты, хотя население Рлару и не проявило того хорошего вкуса, на который мы рассчитывали.

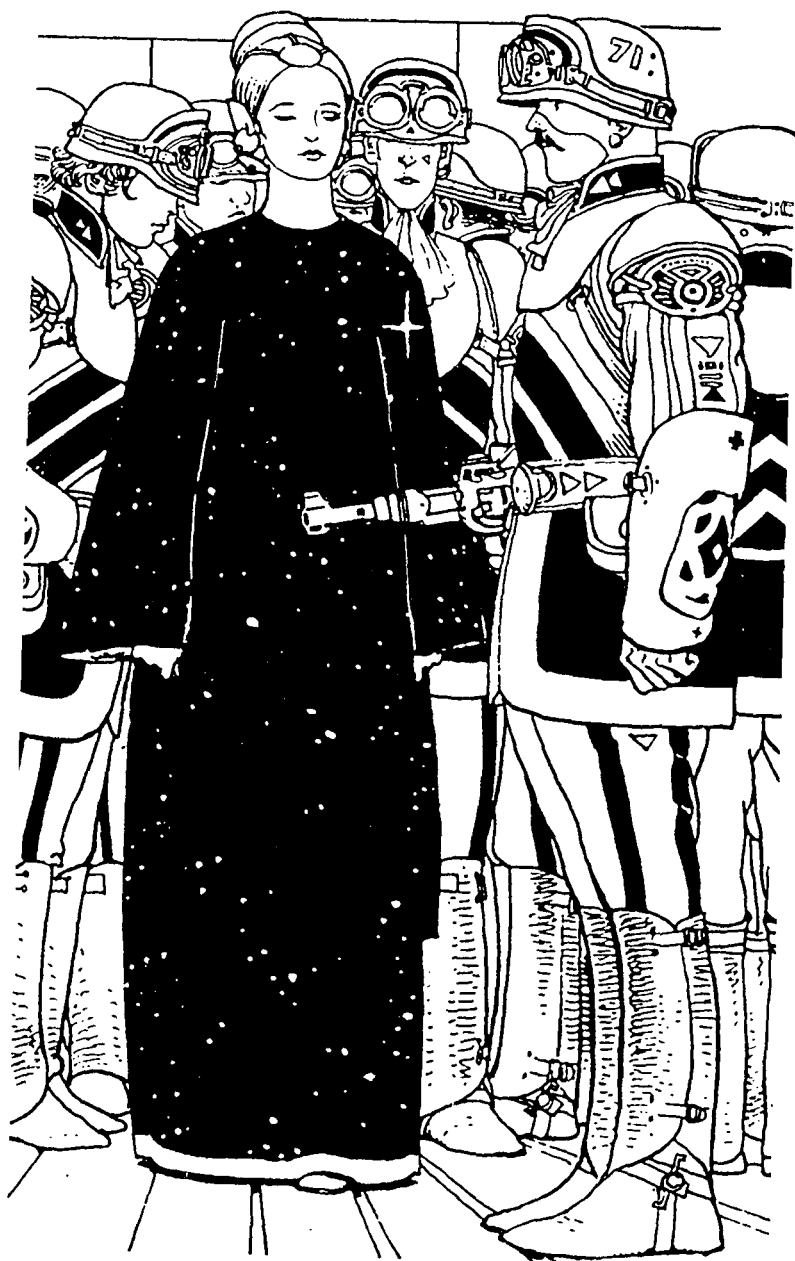
— Расскажите нам о Рлару побольше. Есть ли там театры? Мюзик-холлы?

— Извините. В данный момент я не собираюсь обсуждать этот вопрос, — категорически ответила дама Изабель. — Мой племянник Роджер Вуд пишет книгу, детально описывающую наше путешествие; если вам нужна более подробная информация, то вы без труда найдете ее там.

Несколько месяцев после турне Роджер Вуд был занят работой над книгой, его молодая жена Медок Вуд, оказывала ему в этом деле неоценимую помощь. На взгляд Роджера, окружающий мир был вполне удовлетворительным. Состояние его тетки достигло прежних размеров, а сам он надеялся получить приличную сумму от публикации книги. Было вполне вероятно, что дама Изабель ввяжется в новый, еще более экстравагантный и дорогой проект, но это вполне можно было отнести к обычным жизненным перипетиям. Правда, временами, глядя на супругу, он ловил себя на темных мыслях: «Что случится, если она встретится с человеком своей расы? Она сказала, что на Земле таких не осталось, а на Яне?» И мысли Роджера устремлялись далеко-далеко, через космические дали к каменным завалам, где рядом с темным лесом стоит разбитый рояль... «Шансы слишком малы, убеждал он себя, — слишком малы...»

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

1. САБОТАЖ

Его звали Артур Хиддерс. Он был одет по земной моде и, если бы не длинные волосы и лихо закрученные усы, ничем не отличался бы от землянина. Он был сравнительно небольшого роста, 5 футов и 6 дюймов, и, казалось, состоял лишь из костей и мышц. Тонкие черты лица были слишком мелкими для большой круглой головы.

Он отвернулся от иллюминатора и уставился на старика Пианца с младенчески простодушным выражением.

— Это очень интересно, но не кажется ли вам, что вся затея... хм, фатальна?

— Фатальна? — с достоинством переспросил Пианца. — Я не совсем понимаю.

— Уже пятьсот лет, раз в поколение, Земля посылает комиссии на Большую Планету. Иногда комиссия возвращается. Чаще — нет. И в любом случае результаты равны нулю. Земля теряет людей, теряет деньги, раздражает местное население и ничего не добивается по сути.

— Вы правы, — серьезно кивнул Пианца. — Но на этот раз все пойдет по-другому.

Хиддерс поднял брови:

— А что, что-нибудь изменилось? Большая Планета? Или Земля?

— Изменились условия. — Пианца неуверенно оглядел каюту — пустая, если не считать застывшей в ме-

дитации Сестры Благоедения. — Сильно изменились. Наших предшественников посылали. Скажем так, для очистки совести. Мы знали про убийства, пытки, террор — и надо было хоть что-нибудь делать. — Он печально улыбнулся. — Теперь на Планете появилось кое-что новенькое: Бэджарнум Бьюджулэйса.

— Да, да, я часто проезжал через его земли.

— На Большой Планете, вероятно, сотни не менее жестоких правителей, но Бэджарнум — вы это знаете — расширяет свою империю. И не только в пределах Большой Планеты.

— Да. То есть вы собираетесь расследовать дело Чарли Лисиддера?

— В общем, да. И мы можем это сделать.

На пороге каюты появился невысокий загорелый человек. Он вошел стремительной походкой, все его движения были резкими, быстрыми и очень точными. Клод Клайстра, председатель Комиссии. Он оглядел каюту тяжелым, ищущим, почти подозрительным взглядом, подошел к иллюминатору, около которого стояли Хиддерс и Пианца, нашел прямо по курсу желтую звезду.

— Федра. Мы будем на Большой Планете через несколько часов.

Прозвенел гонг.

— Ленч, — сказал Пианца, с трудом скрывая облегчение. Клайстра направился к выходу и остановился, чтобы пропустить Сестру Благоедения.

— Чудная, — пробормотал Пианца.

Клайстра рассмеялся:

— На Большой Планете все чудные. Именно поэтому они там и живут. Если она хочет обратить их или присоединиться к ним — это ее право. И — за исключением манеры одеваться — такой вид чудачества делает честь любой планете.

Хиддерс кивнул. Сестры Благоедения, подобно прежним Сестрам Милосердия, обладали высокой репутацией во всех цивилизованных мирах. И эта репутация была заслуженной.

— На Большой Планете совершенная демократия, да, мистер Клайстра?

Пианца с интересом ждал ответа. Чего за Клайстрой не числилось, так это разговорчивости. И Клайстра не подвел его.

— Совершенная анархия, мистер Хиддерс.

В молчании они спустились по лестнице в кают-компанию и заняли свои места. Один за другим появлялись члены Комиссии: большой и шумный Роджер Фэйн, Мосс Кетч, темнокожий и молчаливый, Стив Бишоп, самый молодой член Комиссии, человек с овечьим лицом, мозгом, наполненным всевозможными сведениями, и склонностью к ипохондрии. Он всегда таскал с собой аптечку и карманную библиотеку. Последним явился Брюс Дэррот, прямой и воинственный, с растрепанными волосами огненно-рыжего цвета.

Еда была вкусной, но видневшийся в иллюминаторах шар Большой Планеты отвлекал внимание путешественников.

От резкого толчка зазвенела посуда. Удар, ощутимая смена направления. Клайстру отбросило от иллюминатора. Лампы замигали, потом погасли, включилось аварийное освещение. Клайстра кинулся вверх по лестнице на мостик. На верхней площадке стоял приземистый человек — Эббидженс, радист.

— Что случилось? — резко спросил Клайстра.

— Не знаю, мистер. Я попытался войти. Дверь заперта.

— Корабль явно вышел из-под контроля. Мы можем разбиться?

— Не беспокойтесь, сэр. Если повреждение серьезное, автоматически включится механизм аварийной посадки. Нас может тряхнуть, но в салоне достаточно безопасно. — Он мягко взял Клайстру под руку.

Председатель Комиссии оттолкнул его и подошел к двери. Дверь выглядела солидно.

Он сбегал вниз, проклиная себя за то, что не принял мер на случай крушения. Приземлиться на Большой Планете вне Территории Земли — это беда. Это катастрофа. Он стоял в дверях салона — белые лица повернулись к нему. Фэйн, Дэррот, Пианца, Бишоп, Кетч, Хиддерс и Сестра — все были на месте. Клайстра кинулся в машинное отделение. Дверь открылась. Эса

Элтон, главный инженер, вытолкнул его из помещения.

— Мы должны перейти в спасательные шлюпки, — жестко сказал Клайстра.

— Шлюпок нет.

— Что значит «нет»? Что происходит?

— Повреждены. Нам придется остаться на корабле.

— Где капитан и помощник? Что, собственно, произошло?

Ответ Элтона заглушила сирена, прибавив к мигающему свету страшный вой.

В салон вошел Эббидженс. Он триумфально оглядел пассажиров и кому-то кивнул. Кому? Клайстра развернулся. Поздно. Он видел только белые изумленные лица. А потом — зрелище, которое он вряд ли забудет — дверь отворилась, помощник шагнул в проем, сжимая рукой горло. Другой, дрожащей, он показал на Эббидженса, потом колени его подогнулись и он упал. Клайстра шагнул к коротышке-радисту.

Он не успел. Потому что пол ударил его.

Клайстра медленно приходил в сознание. Он открыл глаза. Он лежал на низкой кровати в углу деревянного дома. С лихорадочным усилием приподнявшись на локте, Клайстра взглянул в дверной проем. Ему показалось, что он видит прекраснейшее зрелище в своей жизни.

Он смотрел на зеленый склон, пестревший желтыми и красными цветами. Склон поднимался к лесу. Сквозь листву виднелась изгородь, обыкновенная изгородь из потемневших от времени стволов. Все было залито бело-золотым сиянием, и Клайстра наслаждался чистотой и яркостью красок.

В поле три девушки в крестьянской одежде танцевали веселую джигу. Он слышал музыку.

Потом донесся шум шагов. Из-под полуприкрытых век он увидел, как в дом вошли Эли Пианца и Роджер Фэйн. Вслед за ними появилась девушка с двумя тонкими косичками. Она несла поднос.

Клайстра опять приподнялся на локте, но Пианца остановил его.

— Расслабься, Клод. Ты у нас больной.

— Кто-нибудь погиб? — Перебил его Клайстра.

— Стюард. Он был в своей каюте. И Сестра: она тоже вернулась к себе, как раз перед крушением. Теперь они в 20 футах под землей. И, конечно, капитан и помощник. У обоих перерезаны глотки.

— Сколько времени прошло?

— Около четырех дней.

— Ну?

— Корабль погиб, — сказал Фэйн. — Развалился на куски. Чудо, что мы остались живы.

Девушка поставила поднос на кровать, наклонилась и приготовилась кормить Клайстру с ложечки. Он уныло поглядел на нее:

— И так было все это время?

— За тобой нужно было ухаживать, — сказал Пианца. Он положил руку на плечо девушки. — Это Натилиен Тлисса, короче, Нэнси. Отличная сиделка.

— Ты у нас счастливчик, — улыбнулся Фэйн.

Клайстра отвел руку девушки:

— Я сам. — Он перевел взгляд на Пианцу: — Где мы, Эли?

— Джубилит. Деревня на северо-восточной границе Бьюджулэйса.

Клайстра сжал губы:

— Хуже некуда. Я удивляюсь, что нас до сих пор не взяли.

— Место глухое, связи у них нет. Мы здорово перенервничали.

— Где Эббидженс?

— Исчез, — Пианца растерянно посмотрел на Фэйна.

— Почему вы не убили его?

Пианца покачал головой. Фэйн сказал:

— Он сбежал раньше.

— С ним был еще кто-то, — прошептал Клайстра.

Эли Пианца наклонился вперед, остро блеснули серые глаза.

— Кто?

— Не знаю. Эббидженс убил капитана и помощника. Второй повредил двигатель и спасательные шлюпки, — Клайстра заметался на кровати, Нэнси положила прохладную руку ему на лоб. — Я был без сознания четыре дня. Это странно.

— Мы накачали тебя успокоительным, — сказал Пианца. — Тебе был нужен отдых. Ты был не в себе.

2. ДОРОГА В СОРОК ТЫСЯЧ МИЛЬ

Не обращая внимания на протесты Нэнси, Клайстра сел, сжал руками раскалывающуюся голову и попытался встать. Пианца кинулся к нему:

— Ради бога, Клод, лежи!

Клайстра покачал головой:

— Нам нужно убираться отсюда. И быстро. Подумайте: где Эббидженс? Он отправился с докладом к Чарли Лисиддеру, — Клайстра подошел к двери и застыл в столбе золотистого света. Пианца пододвинул ему кресло, и Клайстра сел.

Деревня и лес стояли на середине огромного — по земным меркам — склона. Горизонта просто не было: склон поднимался вверх и уходил в голубую даль.

Фэйн подставил солнцу мускулистые руки:

— Я вернусь сюда, когда состарюсь. Мы зря отдали Большую Планету всем этим уродам.

Спина Нэнси выразила явное неодобрение. Девушка вышла из домика.

— Она считает, что я назвал уродом ее, — хихикнул Фэйн.

— А ты не доживешь до старости, Фэйн, — сказал Клайстра. — Если мы не уйдем отсюда. Где корабль?

— В лесу. Недалеко отсюда.

— Далеко ли до Бьюджулэйса?

— У Бьюджулэйса нет четких границ, — ответил Фэйн. — Выше по склону есть долина, видимо, вулканического происхождения. Теплые источники, гейзеры, родники — они называют ее Долиной Стеклодувов. В прошлом году Бэджарнум ввел туда войска, и теперь это часть Бьюджулэйса. Он пока не прислал в Джубилит сборщиков налогов, но их ждут со дня на день вместе с гарнизоном.

— С гарнизоном? Для поддержания порядка?

— Для защиты от кочевников-работорговцев. Их называют цыганами.

— Непохоже, чтобы они слишком страдали от кочевников, — сказал Клайстра, оглядев деревню. — Сколько отсюда до Гросгарта?

— Он в двухстах милях южнее. Ближайший гарнизон стоит в Монтмарчи. Насколько я понимаю, это в пятидесяти милях на юго-восток по склону.

— Пятьдесят миль, — повторил Клайстра. — Скорее всего, Эббидженс направился именно туда.

Со стороны леса послышался резкий металлический звук. Клайстра вопросительно взглянул на Пианцу.

— Они разбирают корабль. Это самый большой кусок металла, какой они видели в своей жизни. Мы сделали их миллионерами.

— Пока Бэджарнум не конфискует все, — заметил Фэйи.

— Мы должны выбраться, — бормотал Клайстра. — Мы должны как-то дойти до Территории Земли.

Пианца закусил губу:

— Это сорок тысяч миль. На другой стороне планеты.

Клайстра с трудом поднялся на ноги, прислонился к стене:

— Мы не можем оставаться здесь. Мы как утки на болоте, Эли. Если не взлетим, Лисиддер нафарширует нас яблоками. Где остальные?

— В деревне. Нам дали большой дом. Хиддерс ушел.

— Куда?

— В Гросгарт. Сказал, что возьмет лодку до залива Марвен. А потом присоединится к какому-нибудь каравану.

— Так. Стюард и Сестра мертвы, капитан и помощник тоже, Эббидженс и Хиддерс ушли. — Клайстра считал по пальцам. — Нас восемь. Комиссия и двое инженеров. Зовите всех. Устроим военный совет.

Несколько минут Клайстра следил, как Фэйи и Пианца поднимаются к деревне, потом озабоченно перевел взгляд на тропинку, идущую вниз по склону. Если солдаты появятся днем, они не застанут землян врасплох. Клайстра возблагодарил Бога за неметаллическую структуру Большой Планеты. Нет металлов — значит, нет машин, нет электричества и, конечно, нет радио и телефона.

Появилась Нэнси. Она сменила свою голубую юбку на костюм арлекина: зеленый комбинезон весь в желтых и оранжевых заплатках. На мгновение Клайстра потерял дар речи. Нэнси закружилась вокруг него, сделала пируэт.

— Неужели все девушки Джубилита так же очаровательны, как вы?

Она подставила лицо солнцу и улыбнулась:

— Я не из Джубилита. Я здесь чужая.

— Откуда вы?

— С севера. Лес Вейво. Мой отец обладал пророческим даром, люди приходили к нему за сотни миль, чтобы узнать будущее. Мой отец разбогател. Он послал меня учиться. Я жила в Гросгарте, Каллиоппи, Вэйле. С бродячими трубадурами я путешествовала по разным странам, видела прекрасные земли, города и замки. И зло. Очень много зла,— голос ее стал тих и печален.— Когда я вернулась домой, я нашла там только пепел. Цыгане с севера совершили набег на деревню. Они сожгли дом моего отца. Вся моя семья погибла. Вот я и пришла в Джубилит. Здесь меня научат танцевать, и танец унесет мое горе.

Клайстра внимательно наблюдал за ней. Подвижное лицо, голос, то звонкий, то приглушенный, то почти поющий. И огромные, завораживающие глаза.

— Почему именно вы ухаживали за мной?

Нэнси пожала плечами.

— Я нездешняя. Я училась в Гросгарте по книгам с Земли. Нэйсука.

Клайстра удивленно повторил слово:

— Что это?

— Так говорят в Гросгарте. Ну... то, что заставляет человека действовать без всякой причины.

— Что там дальше, вниз по склону?

Нэнси уселась на траву рядом с ним.

— Границей Джубилита служит Тсаломбарский лес,— она показала на темную линию деревьев.— Там, над триксомом, живут Древесные Люди.

«Еще одна местная идиома»,— подумал Клайстра.

Со стороны деревни показались земляне. Клайстра смотрел, как они приближаются. Обвинить в преда-

тельстве кого-то из них было так же немислимо, как обвинить в предательстве Нэнси. И все же кто-то помог Эббидженсу, кто-то испортил двигатели. Правда, этим человеком мог быть Артур Хиддерс. А он ушел.

— Садитесь, — пригласил Клайстра. Все пришедшие уселись на землю. Подавив минутную неуверенность, Клайстра заговорил: — Мы в крайне тяжелом положении. Я не думаю, что это нужно объяснять.

Все молчали.

— На помощь Земли рассчитывать нечего. В техническом отношении мы не только не превосходим людей деревни, мы уступаем им. Они умеют обращаться со своими примитивными инструментами, а мы — нет. Имей мы время, нам, наверное, удалось бы соорудить какое-то подобие передатчика и вызвать помощь, но его у нас нет. В любую минуту здесь могут появиться солдаты, чтобы уволочь нас в Гросгарт. У нас есть только один шанс выжить — уйти как можно дальше от Бьюджулэйса.

Он остановился, вглядываясь в лица своих товарищей. Уклончивый взгляд Пианцы, напряженное, прорезанное морщинами лицо Фэйна, Кетч, ковыряющий землю кусочком гравия, удивленно вскинувший брови Бишоп, Дэррот, что-то бормочущий про себя, равнодушная улыбка Элтона.

Второй инженер Валюссер смотрел на Клайстру так, как будто считал его виновником всех бед. Он раздраженно спросил:

— Что случится, если мы скроемся? Куда нам бежать? — Он махнул рукой вниз по склону. — Там живут дикари. Они убьют нас. Или продадут в рабство, что немногим лучше.

Клайстра пожал плечами:

— Вы можете идти куда угодно и спасать свою шкуру любым способом. Лично я вижу только один путь. Тяжелый, долгий и опасный. Скорее всего, дойдут не все. Но если мы хотим выжить и вернуться домой, мы должны добраться до Территории Земли.

— Звучит хорошо, — сказал Фэйн. — И как мы это сделаем?

— Единственное средство передвижения, которым мы располагаем — наши ноги, — ухмыльнулся Клайстра.

— Что? — взревел Фэйн.

— То есть нам предстоит укрепляющая пешая прогулка, — сказал Дэррот.

— Не будем обманывать себя. Это наш единственный шанс вернуться на Землю, — ответил Клайстра.

— Но 40 000 миль, — жалобно запротестовал Фэйн. — Я слишком толст, чтобы ходить пешком.

— Мы добудем вьючных животных, — сказал Клайстра. — Купим, украдем. Как-нибудь.

— Но сорок тысяч миль!

— Долгий путь. Но если мы встретим реку, мы поплывем. Или спустимся до Черного океана и найдем корабль, идущий вдоль побережья.

— Не получится, — заговорил Бишоп. — Австралийский полуостров здесь изгибается на восток. Нам пришлось бы добираться до Хендерленда и обогнуть Черные Кордильеры, чтобы выйти к Пармабро. А согласно Альманаху Большой Планеты, навигация на Пармабро невозможна: рифы, пираты, плотоядные водоросли и ураганы каждую неделю.

Роджер Фэйн снова застонал. Клайстра поглядел на Нэнси и увидел, что она с трудом сдерживает смех. Он поднялся на ноги. Пианца с сомнением поглядел на него:

— Как ты себя чувствуешь, Клод?

— Слабость. Но завтра я буду как новенький. Со мной нет ничего такого, чего бы не вылечила маленькая прогулка. Единственное, за что мы должны быть благодарны судьбе.

— Что же? — Спросил Фэйн.

— Наши ботинки. Непромокаемые, несносимые. Они нам очень пригодятся.

Фэйн оглядел себя:

— Я так хотел отрастить живот и выглядеть солидно. Теперь все сойдет.

— Есть еще идеи? — Спросил Клайстра, обводя взглядом маленький кружок. — Валюссер?

— Я — как все.

— Хорошо. Наша программа: упаковать все необходимое. Весь металл, какой сможем унести. На Большой Планете это ценность. Каждый понесет 15 фунтов.

Лучше всего ножи и инструменты, но, в принципе, надо брать все, что только можно. Карты. Компас. Каждому взять нож, одеяло и, самое главное, оружие. Кто-нибудь обыскивал корабль?

Элтон сунул руку за пазуху и показал черный ствол ионного пистолета.

— Он принадлежал капитану.

— У меня два, — сказал Фэйн.

— В моей каюте должен быть один, — добавил Пианца. — Вчера я не смог до него добраться, может быть, сегодня повезет.

— И еще один в моей, — подытожил Клайстра.

Семь человек пропали за сине-зелеными стволами деревьев. Клайстра отошел от порога. Нэнси поднялась на ноги:

— Вам нужно поспать.

Медленно и осторожно, чтобы не вызвать нового приступа головной боли, Клайстра стал устраиваться на низкой кровати. Нэнси не сводила с него глаз.

— Клод Клайстра.

— Да?

— Возьмите меня с собой.

Он повернул голову и ошеломленно уставился на нее.

— Туда, куда идете вы.

Он решительно покачал головой:

— Вас убьют. У нас один шанс из тысячи.

— Мне все равно. Умирают только раз. А я хотела бы увидеть Землю. Я много путешествовала и много знаю. Я пригожусь.

Клайстра с трудом отогнал сон. Что-то было не так. Он напряженно вглядывался в ее лицо. Может быть, это просто влюбленность. Девушка покраснела.

— Вы легко краснеете, — отметил Клайстра.

— Я сильная, я могу работать, я не слабее Бишопы или Кетча.

— Хорошенькая девушка — это всегда неприятности.

— Женщины есть везде, — улыбнулась Нэнси.

Клайстра опустил обратно на кровать, все еще качая головой.

— Вам нельзя идти с нами, Нэнси.

Она наклонилась к нему:

— Скажите им, что я проводник. Я ведь могу пойти с вами до леса.

— Ладно. Но только до леса.

3. ВО ИМЯ СВОБОДЫ

Клайстра спал, всем телом впитывая отдых. Когда он проснулся, комнату заливал шафрановый поток солнечных лучей. Наверху в деревне праздник был в полном разгаре. Цепочки юношей и девушек в разноцветных костюмах плыли взад и вперед в сложных движениях танца. Ветер доносил до Клайстры обрывки джиги — скрипка, концертино, гитара. Танцоры качались взад и вперед в местном варианте гусяного шага.

В дверях появились Пианца и Дэррот:

— Ты не спишь, Клод?

Клайстра спустил ноги с кровати и сел.

— Я свеж и бодр.— Он встал, потянулся, помассировал руками затылок. Боль почти прошла.— Все готово?

— Хоть сейчас в путь,— кивнул Пианца.— Мы нашли твой ионник и тепловой пистолет помощника.— Он странно посмотрел на Клайстру:

— Нэнси включена в экспедицию?

— Нет. Я сказал, что она может проводить нас до леса. Это два-три часа пути.

Эли Пианца был полон сомнений.

— Она собрала вещи и сказала, что идет с нами.

— Мне это очень не нравится, Клод,— заговорил Дэррот.— Наш отряд не место для женщин. Начнутся трения.

— Я с тобой полностью согласен, Брюс,— ответил Клайстра.— Я отказал ей.

— Но она собрала вещи,— сказал Пианца.

— Я не знаю, как мы можем помешать ей идти, скажем, в ста ярдах позади нас.

— Да, конечно,— промычал неудовлетворенный Пианца.

Но Дэррот был непреклонен.

— Она много путешествовала, она была в Гросгарте. А что, если она — шпион Бэджарнума? Как я понял, они есть всюду, даже на Земле.

— Возможно. Возможно, что и ты, Брюс, тоже работаешь на Бэджарнума. Ведь кто-то из нас, определенно, его агент.

Дэррот фыркнул и отвернулся.

— Не беспокойся,— сказал Клайстра, похлопав его по плечу.— Как только мы дойдем до леса, я отошлю ее.— Он подошел к двери и вышел наружу.

Пианца сказал:

— Бишоп спас аптечку, пищевые таблетки и свои витамины. Они могут пригодиться: наша пища не всегда будет так хороша.

— Прекрасно.

— Фэйн нашел свое туристское снаряжение. Мы берем его с собой вместе с печкой и водоочистителем.

— Есть запасные батареи к ионникам?

— Нет.

— Плохо. Нашли тело Сестры?

Пианца покачал головой.

— Очень плохо,— сказал Клайстра, хотя особых угрызений совести он не чувствовал. Эта женщина не была для него живым существом. Он вспомнил тонкое белое лицо, черную рясу, ощущение силы, но воспоминание тут же погасло в его мозгу.

Со стороны деревни спускались земляне, окруженные пестрой толпой танцоров. Кетч, Элтон, Валюссер, Фэйн, Бишоп и Нэнси. Она шла отдельно и наблюдала за танцорами со странным безразличным выражением, как будто уже разорвала нити, привязывавшие ее к Джубилиту.

Клайстра поднял голову. Выше по склону группы танцоров кружили, высоко поднимая ноги, запрокидывая головы. Там звенела музыка, яркая и счастливая. Глядя вниз, на огромный склон, Клайстра вдруг ощутил страх перед долгим путешествием. Джубилит, казалось, сулил мир и безопасность. Он был почти домом. А впереди была только дорога. «Сорок тысяч миль,— подумал он.— Путешествие вокруг Земли. И еще столько же».

Глядя туда, где на Земле был бы горизонт, он мог поднять глаза и увидеть земли, лежащие впереди — карандашные линии различных тонов — равнина или лес, море или пустыня, горный хребт или каньон. Он шагнул вперед и сказал через плечо:

— Пошли.

Веселая музыка еще долго следовала за ними. Лишь когда солнце ушло за лес и на землю опустились сумерки, музыка пропала вдали.

Дорога вела через заросли папоротника. Толстый ковер из серых стеблей приятно пружинил под ногами. Склон был ровным и пологим. Темнота не сбивала путешественников, нужно было только идти вниз по склону.

Фэйн и Дэррот шли рядом во главе группы, за ними — Клайстра с Нэнси и Пианцей, затем Кетч и Бишоп, арьергард составляли бесшумный Элтон и хромающий Валюссер.

Небо прояснилось, появились звезды. И не было в мире ничего кроме неба, планеты и людей, таких хрупких и ничтожных.

Нэнси шла спокойно и осторожно, но темнота заставляла ее идти почти рядом с Клайстрой.

— Какая из этих звезд — Старое Солнце?

Клайстра задрал голову. Созвездия были незнакомы. По дороге Цетус оставался за кормой. Это — Спика, а рядом черный шар Горшка с Овсянкой.

— Я думаю, вот эта звезда, прямо над яркой, белой, около туманности.

Нэнси смотрела в небо.

— Расскажите мне о Земле.

— Это мой дом, — сказал Клайстра. Он уже не смотрел на желтую звезду. — Мне там нравится.

— Земля красивее Большой Планеты?

— Это сложный вопрос. По сути — нет. Большая Планета. Она большая, она поражает воображение. Гималаи на Земле — просто холмы по сравнению со Склаемонским хребтом или Черными Кордильерами.

— Где они?

— Кто? — на какое-то мгновение Клайстра потерял нить разговора.

— Эти горы.

— Склаемон в тридцати тысячах миль на северо-восток, этот район планеты называется Матадор. Там живут Снежные Люди. Черные Кордильеры лежат на юго-востоке, в пяти тысячах миль отсюда, на Австралийском полуострове, в Хендерленде.

— Так много еще надо узнать, увидеть, — ее голос дрожал. — Земляне знают нашу родину лучше, чем мы сами. Это несправедливо.

Клайстра сухо рассмеялся:

— Большая Планета — компромисс между слишком многими идеями. А компромисс никому не нравится.

— Мы живем в варварстве, — страстно сказала она. — Мой отец...

— Варвар не сознает, что он варвар, — в голове Клайстры звучала насмешка.

— ...был убит. Повсюду убийства, убийства и убийства. И голод.

Клайстра пытался говорить спокойно.

— Это не ваша вина. Но и не вина Земли. Мы никогда не пытались утвердить свою власть за Виргинскими Рифами. Те, кто переходят границу, предоставлены сами себе. И их дети платят за это.

Нэнси покачала головой. Она явно не была убеждена.

Клайстра чувствовал себя неловко. Он не мог мириться с болью и нищетой миллионов людей. Он был убежден, что власть Земли должна где-то кончаться. Невозможно запретить людям пересечь границу в поисках свободы. Но в этом случае многие страдали от ошибок немногих.

Нэнси испытала это на себе. Голод, убийства, несправедливость, усиливаясь в течении поколений, калечили племена, народы, континенты и, в конце концов, затопили целый мир. Это вьелось в кровь и стало неотъемлемой частью сознания Нэнси. Его задачей было пробиться через этот заслон отрицательных эмоций.

— На Земле, с самого начала ее истории, Человечество было разделено. Одни люди жили в полном согласии со своим временем, другие — не соответствовали ему. Такие люди были несчастны в жестоком обществе, ибо не могли войти в его структуру. Они становились пионерами, исследователями, философами, преступниками, пророками, гениальными художниками.

Они шли через темноту. Под ногами хрустел папоротник, справа и слева раздавались приглушенные голоса их спутников.

Нэнси, все еще глядя на Солнце, сказала:

— Но это не имеет отношения к Большой Планете!

— Джубилит был основан балетной труппой, которая хотела в мирном одиночестве совершенствовать свое искусство. Вероятно, они хотели прожить здесь несколько лет, но остались навсегда. Первые поселенцы — те, что прилетели 600 лет назад — были примитивистами — людьми, которые не принимали машинной цивилизации. На Земле примитивизм не запрещен, но считается формой чудачества. Поэтому примитивисты купили корабль и отправились за пределы Системы. И нашли Большую Планету. Сначала они решили, что она слишком большая, чтобы на ней можно было поселиться.

— Почему?

— Гравитация. Чем больше планета, тем сильнее гравитация. Но Большая Планета состоит из легких элементов, и сила тяжести здесь почти равна земной, хотя объем Большой Планеты в тридцать раз больше земного. Дело в том, что Земля состоит из тяжелых металлов. Примитивистам понравилась Большая Планета. Это был рай, солнечный, яркий, с мягким климатом и, что главное, с органической жизнью, аналогичной земной. Иными словами, местный протеин совместим с земной протоплазмой. Здешные животные и растения съедобны. Примитивисты поселились здесь и послали на Землю за своими друзьями. Здесь хватило места и для других меньшинств, бесконечно много места. Постепенно они перебирались сюда: различные культуры, мизантропические общества и просто люди. Иногда они строили города, иногда жили просто так, в тысячах миль от любого соседа. На Большой Планете нет рудных залежей, то есть нет базы для технической цивилизации. А Земля наложила эмбарго на продажу современного оружия. Поэтому местная цивилизация состоит из крошечных государств и городов и огромных неосвоенных пространств.

Нэнси попыталась заговорить, но Клайстра прервал ее:

— Да, мы могли бы организовать жителей Большой Планеты, дать им закон и порядок. Но, во-первых, Большая Планета лежит за пределами Системы. Во-вторых, все люди, прилетевшие сюда, пожертвовали

своим местом в цивилизованном мире ради независимости. В-третьих, мы лишим убежища остальных неудачников, посылая их в открытый космос на поиски новых миров, наверняка не столь пригодных для обитания. Правда, мы создали Территорию Земли с университетом и технической школой для тех, кто захочет вернуться на Землю. Однако, туда приходят очень и очень немногие.

— Конечно,— сморщилась Нэнси.— Это сумасшедший дом.

— Почему?

— Все это знают. Однажды Бэджарнум Бьюджулэйса отправился туда. Он посещал эту школу и вернулся другим человеком. Он освободил всех рабов, отменил наказания. Когда он объявил, что земля принадлежит всем, Совет Герцогов восстал и убил его, потому что он явно сошел с ума.

Клайстра слабо улыбнулся:

— Он был самым разумным человеком на планете. Нэнси фыркнула.

— Да,— сказал Клайстра.— Очень немногие обращаются к нам. Большая Планета — их дом. Огромный, открытый. Человек здесь может избрать себе любой образ жизни. Правда, его могут убить в любую минуту. На Земле и других планетах Системы мы живем в жестком обществе со множеством законов. Впрочем, все идет гладко: большая часть нарушителей переселилась на Большую Планету.

— Скучно,— сказала Нэнси.— Глупо и скучно.

— Не совсем. Во всяком случае, на Земле живет пять миллиардов человек, и каждый из них — личность.

Нэнси умолкла на мгновение, а затем спросила почти с насмешкой:

— А Бэджарнум Бьюджулэйса? Он собирается покорить Планету. Он уже увеличил свои владения втрое.

Клайстра смотрел вперед, в бесконечную ночь Большой Планеты.

— Если Бэджарнум Бьюджулэйса, или Номарх Скена, или Девять Волшебников, или кто-нибудь еще покорит Планету, ее жители потеряют свою свободу еще

более верно, чем в случае вмешательства Системы. Ибо должны будут подчиняться не нескольким разумным законам, а фантастическим искажениям, причем отличным от тех, к каким они привыкли.

Она опять не поняла:

— Меня удивляет, что Система считает Бьюджу-лэйс основанием для беспокойства.

Тонкая улыбка мелькнула по лицу Клайстры.

— Сам факт нашего присутствия здесь кое-что говорит о Бэджарнуме. У него агенты повсюду, в том числе и на Земле. Он постоянно нарушает наше эмбарго на ввоз оружия и металлов на Большую Планету.

— Человека можно убить и деревянным мечом и вспышкой света.

Клайстра покачал головой:

— У этого дела есть еще несколько аспектов. Откуда он берет оружие? Система запрещает нелегализованное производство оружия. И очень трудно построить в тайне современный завод. Большая часть оружия украдена с заводов Системы или добыта путем грабежа. Его пираты грабят корабли и станции, а людей либо убивают, либо продают в рабство в Королевства-для-одного.

— Королевство-для-одного. Что это?

— Среди пяти миллиардов жителей Земли есть очень странные люди, — задумчиво сказал Клайстра. — Недостаточно странные, чтобы эмигрировать на Большую Планету. Очень богатые люди. Они колонизируют маленькие миры в стороне от космических трасс и становятся их королями. Пираты продают им рабов, а в их маленьких владениях их воля — закон. Через два-три месяца они возвращаются на Землю и становятся гражданами. Потом они устают от цивилизации — и снова царствуют в Королевстве-для-одного.

4. ВОСЕМЬ ПРОТИВ АРМИИ

Нэнси помолчала.

— Какое это имеет отношение к Чарли Лисиддеру?

Клайстра повернул голову, и она увидела его лицо — белую маску в темноте.

— Чем платит Бэджарнум за контрабандное оружие? Оно стоит дорого. Очень много крови и боли стоит каждый ионный пистолет.

— Я не знаю. Я не думала об этом.

— На Большой Планете нет металлов, но есть куда более ценный товар.

Нэнси молчала.

— Люди.

— Ох.

— Чарли Лисиддер — это чума. Он заразил половину вселенной.

— Но что вы можете сделать? Вас восемь человек. У вас нет оружия, документов, нет даже плана действий.

— Только разум.

Нэнси снова погрузилась в молчание. Клайстра насмешливо посмотрел на нее:

— Это не производит на вас впечатления?

— Нет. Я очень неопытна.

Клайстра попытался разглядеть в темноте ее лицо. Он не знал, насколько она серьезна.

— Мы — команда. Каждый из нас специалист. Пианца — организатор и администратор, Мосс Кетч — техник, Бркс Дэррот — эколог.

— Что такое эколог?

Клайстра поглядел вперед — Фэйн и Дэррот шли в ногу. Справа и слева уже встречались редкие деревья, а чуть ниже по склону шелестел Тсаломбарский лес, черное пятно на фоне ночного неба.

— Главная задача экологии — накормить людей. Голодные люди злы и опасны.

— Цыгане всегда голодны. Они убили моего отца.

— Они убили его, но не потому, что были голодны. Мертвецы работоторговцам не нужны. Они пытались взять его живым. Ладно. Фэйн — геолог. Я — координатор и пропагандист. — Предугадав ее желание, он спросил: — Как вы думаете, почему Бэджарнуму удастся покорять своих соседей?

— У него сильная армия. И он очень умен.

— А что, если армия перестанет подчиняться ему? Если люди не будут выполнять его приказы? Что он сможет сделать?

— Ничего. Он будет бессилён.

— Эффективная пропаганда может создать такую ситуацию. Я работаю с Бишопом. Бишоп занимается культурой, человеческим обществом. Он может поглядеть на наконечник стрелы и сказать, от кого унаследовал имя ее владелец, от отца или от матери. Он изучает группы людей, их особенности, болевые точки, «кнопки» — идеи, при помощи которых людьми можно управлять как стадом, — тут Клайстра вспомнил, что на Большой Планете нет овец, — как стадом печавье.

— А вы тоже можете управлять людьми как печавье? — улыбнулась она.

Клайстра покачал головой:

— Не совсем. Или, вернее, не всегда.

Они все еще спускались по склону. Деревья придвигались все ближе, и, наконец, отряд вошел в Тсаломбарский лес. Вокруг Клайстры плыло восемь темных теней. Он вздохнул и повернулся к Нэнси.

— Кто-то здесь — я не знаю, кто — мой враг. Мне нужно вычислить его.

Нэнси задохнулась.

— Вы уверены? — испуганно спросила она.

— Да.

— Что он будет делать?

— Если бы я знал.

— Магический Фонтан Миртлисса может помочь. Он знает все.

— Где это — Миртлосс?

— Далеко на восток. Я там никогда не была. Путешествие опасно, если не ехать по монорельсу. А это стоит много металла. Отец рассказывал мне об оракуле Фонтана. Он говорит безумные вещи и отвечает на любые вопросы. А потом умирает, и Служители выбирают нового оракула.

Фэйн и Дэррот вдруг резко остановились.

— Тихо, — прошептал Дэррот. — Впереди лагерь. Огни.

Шелестящие ветви закрывали небо. Было очень темно. Впереди, за стволами деревьев, мерцал крошечный красный огонек.

— Возможно, Древесные Люди? — сказал Клайстра.

— Нет, — с сомнением ответила Нэнси. — Они никогда не покидают деревьев. И панически боятся огня.

— Все сюда, — скомандовал Клайстра. Темные тени качнулись ближе. Клайстра заговорил тихо и торопливо: — Я иду вперед на разведку. Я хочу, чтобы вы держались вместе. Это необходимо. Никто не оставит группу, не произнесет ни звука, пока я не вернусь. Нэнси — в центр. Остальные вокруг нее, касаясь друг друга локтями. Проверьте соседей и следите, чтобы они не двигались.

Он обошел группу:

— Каждый касается двух других? Хорошо. Назовите себя.

Тихо прозвучали имена.

— Я вернусь, как смогу. Если буду нуждаться в помощи, позову. Так что держите уши открытыми.

Прямо на середине поляны был разложен большой костер. Пятьдесят или шестьдесят человек с беспечным видом сидело вокруг него. Они носили свободную голубую одежду: шаровары, подвязанные под коленями, и перетянутые черными кушаками халаты. На груди у каждого был нашит красный знак — треугольник острием вниз. У солдат были ножи, пращи и тяжелые колчаны, набитые дротиками.

Они не были красавцами: приземистые, плотные, с плоскими коричневыми лицами, остроконечными бородками, узкими глазами и крючковатыми носами. Они пили что-то из черных кожаных бурдюков и громко переговаривались. Им явно не хватало дисциплины.

Невдалеке, повернувшись к костру спиной, стоял человек в черной форме — Эббидженс. Он давал указания офицеру, очевидно, командиру отряда. Офицер слушал и почтительно кивал.

На краю поляны стояло несколько очень странных животных. Они вытягивали длинные шеи, со свистом вдыхали воздух, бормотали и подвывали. Узкие плечи, высокая холка, шесть сильных ног, копьевидная, не вызывающая доверия и симпатии голова — сочетание верблюда, лошади, козы, собаки и ящерицы. Погонщик даже не позаботился снять с них груз. С внезапным интересом Клайстра стал разглядывать выюки.

В одном было три металлических цилиндра, в другом — большая труба и связка металлических прутьев. Клайстра узнал механизм. Бластер. Полевое орудие, способное снести Джубилит с лица земли. Земного производства. Клайстра неуверенно огляделся. Странно, что они не выставили часовых.

Его внимание привлек шум на другой стороне поляны. Там столпилось около десятка солдат. Они стояли, задрав головы, глядя вверх и оживленно размахивая руками. Клайстра тоже запрокинул голову. На высоте в две сотни футов в воздухе висела деревня: сеть деревянных переходов, мостки из лиан, домики-гнезда. В деревне было темно. Из-за стволов виднелись белые, испуганные лица жителей. Древесные Люди передвигались осторожно и медленно, лишь иногда совершая резкие прыжки. Видимо, солдаты только что заметили деревню. Но не это было поводом для энтузиазма. Во-яки заметили там девушку. С лицом цвета сыворотки, с тусклыми глазами, но все же девушку.

Клайстра смотрел на выючных животных, оценивая свои шансы увести их в лес, пока солдаты заняты воздушной деревней. Не бог весть какие шансы.

А на краю поляны положение изменилось. Какой-то хвостун со смешными усишками пытался добраться до домика девушки. Это было несложно — на высоте человеческого роста в стволе дерева начинались ступени. Солдат, подогреваемый одобрительными криками товарищей, взобрался по лестнице, влез на деревянную платформу и скрылся в ветвях. Какое-то движение, свист, удар, шум потревоженных ветвей. Искалеченное, извивающееся тело вылетело из темноты и с тяжелым стуком упало на землю.

Ошеломленный Клайстра отступил назад и поднял глаза — никто из жителей деревни не двинулся с места. Очевидно, солдат попал в ловушку. Ступил не туда, и его сбросило с платформы. Теперь он лежал и стонал. Его товарищи бесстрастно наблюдали за ним. В их взглядах, обращенных на Древесных Людей, не было ни следа враждебности.

Эббидженс и офицер подошли к краю поляны и остановились около упавшего солдата. Тот подавил стоны

и теперь лежал спокойно, с побелевшим от боли лицом. Офицер заговорил. Клайстра слышал общий тон речи, но не мог разобрать слов. Лежащий солдат ответил, потом попытался встать. Ему это почти удалось, но его нога подломилась, и он снова упал.

Офицер что-то сказал Эббидженсу. Потом заговорил Эббидженс, показывая рукой на деревню. Офицер кивнул одному из солдат, отвернулся. Солдат поглядел на своего раненого товарища, пробормотал что-то извиняющимся тоном, вынул меч и заколол лежащего.

Клайстра проглотил комок.

Офицер быстро шел через поляну, выкрикивая приказы. Теперь Клайстра хорошо слышал его.

— Встать! Всем на ноги! Построиться! Быстро: мы окружены! Погонщик, смотри за животными!

Эббидженс подошел к офицеру, что-то коротко сказал, офицер кивнул и отдал приказ. Клайстра опять не слышал слов, но увидел, что солдаты отвели в сторону двух верблюжцов, тех, что несли пушку.

Клайстра прищурился. Неужели они используют пушку против деревни?

Солдаты собрали аппарат и установили его на металлической треноге. Отблески костра играли на гладком вороненом стволе. Канонир поводит дулом вправо-влево, покачал треногу, проверяя устойчивость орудия, затем снял предохранитель, прицелился и нажал на спуск. Из дула вырвался фиолетовый луч, вспыхнула трава, в воздухе запахло озоном.

Проверка. Теперь бластер в боевой готовности.

Канонир поставил оружие на предохранитель, подошел к верблюдам, выбрал самого сильного. Тут возмущился погонщик и налетел на канонира, размахивая руками. Началась бурная дискуссия.

Клайстра шагнул вперед, заколебался, остановился. Собрал всю свою решимость, действовать нужно было сейчас. Он вышел на поляну. Руки у него дрожали. Скорее от нетерпения, нежели от страха. Он развернул бластер, поставил регулятор на минимум и снял предохранитель. Все было до смешного просто.

Один из солдат заметил его и закричал.

— Не двигаться! — громко и ясно произнес Клайстра.

5. ЗАХВАТ

Люди на поляне застыли, ошеломленно уставившись на него. Потом канонир с яростным воплем кинулся к пушке. Клайстра нажал на спуск. В воздухе развернулся фиолетовый веер. Канонир был мертв, как и пятеро других, оказавшихся в пределах досягаемости.

— Пианца! Фэйн! — Крикнул Клайстра.

Солдаты не двигались. Лицо Эббидженса было бледнее мела.

Шум шагов.

— Кто это? — спросил Клайстра.

— Эли Пианца и все остальные.

— Хорошо. Идите с той стороны, вы окажетесь в мертвом пространстве, — он повернул голову: — Эй, вы, бюджулэйсцы! Все в центр поляны справа от костра. Быстро!

Солдаты угрюмо столпились в центре поляны. Эббидженс шагнул к ним, но резкий окрик Клайстры остановил его.

— Эббидженс, руки на голову и марш ко мне. Пианца, заведи у него оружие. — Клайстра повернулся к офицеру: — Вы — вперед, руки за голову! Кто-нибудь, Элтон, общитесь с ним.

Элтон шагнул вперед, за ним, хромя, потянулся Валуоссер.

— Остальным стоять на месте, — рявкнул Клайстра. — Эта штука щекочется.

У Эббидженса оказался ионник, у офицера — ракетный пистолет.

— Положите оружие на землю и свяжите этих типов.

Через минуту Эббидженс и офицер лежали на земле.

— Нэнси!

— Да.

— Точно выполняй мой приказ. Подними оба пистолета. За стволы. Принеси мне. Не становись между бластером и солдатами.

Нэнси прошла через поляну к тому месту, где на земле блестили брошенные пистолеты.

— За стволы! — выдохнул Клайстра.

Она искоса поглядела на него, остановилась. Клайстра с каменным выражением лица наблюдал за ней. Не та была ситуация, чтобы доверять кому-либо. Она наклонилась, осторожно подняла оба пистолета и принесла ему. Клайстра запихал их в сумку и устало посмотрел на своих спутников. Кто-то из них сейчас яростно просчитывал положение. Кто?

Это был критический момент. Кем бы он ни был, он постарается зайти Клайстре за спину.

— Я хочу, чтобы вы все встали на той стороне поляны, — он указал направление. — Теперь: солдаты, по одному переходите через поляну.

Через полчаса солдаты сидели в кругу на корточках — угрюмая, внешне расслабленная группа. Эббидженс и офицер лежали там, где их оставили. Эббидженс спокойно следил глазами за Клайстрой. Клайстра тоже не спускал с него глаз, пытаясь определить, на кого надеется радист.

Эли Пианца с сомнением разглядывал пленных.

— Они станут проблемой. Что ты собираешься делать с ними, Клод?

Клайстра, все еще стоящий у бластера, расслабился, потянулся:

— Мы не можем освободить их. Если нам удастся скрыть этот маленький эпизод от Бэджарнума, мы выиграем время. Нам придется или убить их или взять с собой.

Пианца покачал головой:

— Взять их с собой?

— В нескольких милях вниз по склону начинается степь. Земли кочевников. Если нам придется драться, лишние руки не помешают.

— Но у нас есть бластер. Нам не нужны мечи и дротики!

— А если нас застанут врасплох? Налетят со всех сторон? Бластер хорош, когда видишь мишень.

— С ними будет трудно.

— Я подумал об этом. Пока мы в лесу, мы свяжем их друг с другом. А в степи они будут идти перед бластером. Конечно, нам придется быть очень осторожными.

Клайстра поставил бластер на предохранитель, направил ствол в землю и подошел к Эббидженсу.

— По-моему, нам пора поговорить.

Эббидженс облизнул губы:

— Конечно, я буду говорить. Что вы хотите знать?

Клайстра нехорошо улыбнулся:

— Кто помогал тебе на борту «Витторио»?

Эббидженс посмотрел на белые лица землян.

— Пианца, — объявил он.

Эли Пианца протестующе поднял брови. Еще одно лицо изменило выражение, на долю секунды.

Клайстра отвернулся от пленника. Единственным человеком, которому он сейчас доверял, был он сам. Он обратился к Дэрроту и Элтону:

— Вы дежурите у бластера. Не доверяйте друг другу. Враг среди нас. Мы не знаем, кто он, и мы не можем дать ему шанс уничтожить всех нас. — Он отступил на шаг, поднял свой ионник. — Эли, у тебя есть пистолет?

— Да. Фэйн отдал мне один из своих.

— Повернись ко мне спиной и положи его на землю.

Пианца подчинился без возражений. Клайстра подошел к нему, провел рукой по одежде, заглянул в сумку — другого оружия не было.

Точно так же он отобрал ионник у Фэйна и Кетча, у Валюссера и Бишопы были только ножи, у Нэнси не было ничего.

Сложив весь арсенал в свою сумку, Клайстра направился к бластеру и отобрал ионник у Элтона. Теперь у него было пять ионников, считая принадлежавший Эббидженсу, ракетный пистолет офицера и тепловой покойного помощника.

— Теперь, когда мы разоружились, мы можем поспать. Кетч и Валюссер, возьмите мечи и разойдите по сторонам поляны. Не становитесь между бластером и солдатами: в этом случае, если что-нибудь произойдет, вы погибнете первыми. Дэррот, Элтон, вы слышали? Стреляйте, если заметите тень движения.

— Хорошо, — сказал Элтон. Дэррот кивнул.

Клайстра поглядел на Нэнси, Пианцу и Бишопы:

— Мы сменим их через четыре часа. Здесь у огня есть местечко вне радиуса действия бластера.

Папоротник был сухим и мягким. От костра веяло теплом. Клайстра улегся поудобнее, расслабился и чуть не потерял сознание от боли. Весь этот час его мышцы были напряжены до предела, теперь с трудом возвращаясь в нормальное состояние.

Он лежал, закинув руки за голову и размышляя. Прямо над ним белели лица лесных жителей. Казалось, Древесные Люди не сдвинулись с места с того момента, как он впервые их увидел.

Стив Бишоп устроился рядом с ним и вздохнул. Клайстра на мгновение почувствовал жалость к нему. Стив Бишоп был кабинетным ученым, любил комфорт и не имел тяги к приключениям.

Из леса вернулась Нэнси. Клайстра глядел на нее с нарастающим подозрением, потом расслабился. Невозможно наблюдать за всеми сразу. Он напомнил себе: первое дело на утро — отослать Нэнси обратно в Джубилит.

На поляне было тихо, только в толпе солдат слышалось какое-то бормотание. Дэррот и Элтон застыли у бластера. Кетч медленно обходил свою часть поляны, Валюссер — свою. Рядом с Клайстрой лежала тихая и теплая Нэнси. Бишоп спал как младенец. Пианца раздраженно всхрапывал во сне.

Напряжение росло. Клайстра пытался определить его источник. Что это — настороженность Элтона, жесткое лицо Дэррота? Или то, что за его спиной лежит Нэнси? Или что-то неестественное в дыхании Бишопы и Пианцы? Он безуспешно пытался определить, за кем наблюдает Эббидженс.

Текли минуты, прошло полчаса, час. Воздух казался стеклянным.

Мосс Кетч сделал несколько шагов к бластеру, взмахнул рукой, что-то пробормотал и отступил назад. Солдаты задвигались, резкий крик Дэррота заставил их замереть. Теперь в лес углубился Валюссер. Солдаты снова зашевелились, и снова команда Дэррота принудила голубые мундиры к спокойствию.

Черная тень метнулась к бластеру, свист меча, стон. Потом топот и снова блеск стали.

Клайстра вскочил, сжимая в руке ионник.

Около бластера стоял только один человек, и он медленно наводил дуло на Клайстру. Клайстра видел это, видел, как рука человека потянулась к спуску, и выстрелил первым. Фиолетовая вспышка. Голова человека у бластера обуглилась, потом исчезла. Ствол бластера был погнут в трех местах. Клайстра развернулся к солдатам. Те уже вскочили, не зная, что им делать: атаковать или бежать.

— Сесть, — приказал Клайстра. Тихий голос его говорил о смерти. Солдаты медленно подчинились.

Клайстра открыл свою сумку и отдал два пистолета Пианце и Бишопу.

— Следите за ними. У нас больше нет бластера.

Он подошел к разбитому полевому оружию и увидел тела. Элтон был жив. Мертвое лицо Брюса Дэррота искажено яростью. Рядом с ним лежал Валюссер. Клайстра перевернул скрюченное маленькое тело:

— Так это был Валюссер. Интересно, чем его купили.

Мосс Кетч распаковал аптечку, и они наклонились над Элтоном. Рана на шее инженера сильно кровоточила. Клайстра промыл ее антисептиком, залил коллодием и заклеил эластичной пленкой. Когда пленка высохнет, она стянет края раны.

Потом Клайстра встал и подошел к Эббидженсу:

— Ты больше не нужен. Я знаю то, что хотел знать.

Эббидженс потрянул головой, отбрасывая со лба прядь волос.

— Ты собираешься убить меня? — спокойно спросил он.

— Поживем — увидим, — ответил Клайстра. Он посмотрел на часы. — Ровно двенадцать. — Он протянул пистолет Элтона Кетчу, повернулся к Пианце и Бишопу: — Ложитесь спать. Мы с Моссом подежури́м до трех.

6. ЦЫГАНЕ

Дэррота и Валюссера похоронили в одной могиле с упавшим с дерева солдатом и теми шестью, которых убил Клайстра, когда захватил бластер.

Когда яму засыпали землей, Эббидженс облегченно вздохнул. Клайстра улыбнулся, очевидно, радист считал, что будет в могиле десятым.

Солнечные лучи, густые и яркие, пробивались сквозь листву. От догоревшего костра поднимался белый дым. Пора было в путь.

Клайстра оглядел поляну. Где Нэнси? Она стояла около вьючных животных с самым невинным видом, какой только может изобразить юная очаровательная девушка. За ее спиной ввысь вздымались три дерева, подобные колоннам античного храма. Солнечный свет играл на их гладких стволах.

Она почувствовала, что на нее смотрят, и ответила Клайстре быстрым взглядом и улыбкой. Клайстра почувствовал, что его сердце бьется сильнее. Резко обернулся. Лицо Элтона было непроницаемо. Клайстра сжал губы и начал:

— Нэнси, вам лучше вернуться в Джубилит.

Улыбка медленно сползла с ее лица, уголки рта опустились, глаза заволокло туман. Явно понимая бесполезность спора, она молча повернулась, пересекла поляну. На краю леса она остановилась, оглянулась.

Клайстра молча смотрел на нее.

Она пошла вперед. Какое-то время он видел в проветах между стволами, как она поднимается вверх по склону, в Джубилит.

Через полчаса колонна тронулась в путь. Солдаты Бьюджулэйса шли тесной группой, их руки были связаны, и каждый был пристегнут к идущему впереди. Они несли свои мечи и плащи. Дротики были связаны во вьюк и нагружены на одного из верблюжачеров.

Первым шел офицер, последним — Эббидженс. За ним двигались вьючные животные. В носилках, висящих между первой парой, лежал Элтон. Элтон был в сознании и в прекрасном настроении. Он охранял колонну солдат с тепловым пистолетом в руках.

Воздушная деревня пристально наблюдала за ними. Путь колонны через лес сопровождался топотом ног по деревянным переходам, скрипом веревочных мостиков. Иногда сверху раздавались голоса или детский плач. В воздухе висела сеть из переплетенных живых и за-

сохших ветвей, лиан, ярких красных и желтых цветов. Второй этаж леса тянулся на огромное расстояние. На головы путников все время сыпались сухие листья и обрывки лиан.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Пианца.

— На первый взгляд напоминает висячий сад, — ответил Клайстра. — У нас больше нет эколога. Брюс что-нибудь да знал бы про это.

Сад кончился, и лучи солнца снова пробивались сквозь листву. Клайстра направился к голове колонны. Офицер бюджулэйсцев шел, глядя строго перед собой.

— Ваше имя?

— Морватц. Командир руки Зармандер Морватц. Сто двенадцатый в Военной Академии.

— Какой приказ вы получили?

Офицер явно не знал, стоит ли отвечать на вопрос. Он был чуть ниже среднего роста, круглолицый и темноголазый. Его акцент сильно отличался от речи его солдат. Морватц был исполнен самоуважения.

— Каков был приказ!?

— Нас отдали в распоряжение землянина. — Морватц кивнул в сторону Эббидженса: — У него был приказ, подписанный Лисиддером. Это очень большая власть.

— Приказ был адресован лично вам?

— Командиру гарнизона Монтмарчи.

— Хм. — Где Эббидженс мог достать приказ за подписью Бэджарнума Бьюджулэйса? Здесь было что-то, чего Клайстра не понимал, из-за чего не мог соединить фрагменты в единое целое. Измена Валюссера вовсе не объясняла событий последней недели.

Он задал еще несколько вопросов и узнал, что Морватц по рождению Гуэрдон, то есть принадлежит к мелкой знати, чем очень гордится. Морватц родился в Пеллисаде, деревеньке южнее Гросгарта. Он считал, что на Земле живут безмозглые роботы, исполняющие все действия по звонку.

— Мы, бюджулэйсцы, скорее умрем, чем позволим так искалечить себя! — пламенно заявил он.

«Он мог бы служить подтверждением земного стереотипа. Типичный житель Большой Планеты, вспль-

чивый и безрассудный», — подумал Клайстра. Улыбнувшись, он спросил:

— Мы, что, выглядим так, как будто нам не хватает свободы воли?

— Вы — явно элита. Мы в Бьюджулэйсе не знаем такой тирании, какую вы установили на Земле. Нам о вас известно все, от тех, кто изучал вас. — Он внимательно поглядел на Клайстру: — Почему вы смее-тесь?

— Нэйсука, — рассмеялся Клайстра. — По причине отсутствия причины.

— Вы использовали слово из лексикона высших каст, — подозрительно сказал Морватц. — Даже я чувствую себя неловко, произнося его.

— Ну и ну, — Клайстра поднял брови. — Вы не имеете права произносить некоторые слова, зато вы не живете при тирании.

— Именно. Как это и должно быть. — Морватц собрал всю свою отвагу, чтобы спросить:

— А что вы сделаете с нами?

— Если вы будете подчиняться приказам, получите равные с нами шансы. Я рассчитываю на вас и ваших людей, как на защитников. Как только мы прибудем на место, вы свободны.

— А куда вы направляетесь?

— На Территорию Земли.

— Я не знаю, где это, — покраснел Морватц. — Сколько лиг?

— Сорок тысяч миль. Тринадцать тысяч лиг.

Морватц споткнулся от неожиданности:

— Вы с ума сошли.

Клайстра рассмеялся:

— Поблагодарите за это Эббидженса.

Морватц собрался с мыслями.

— Впереди Земли Кочевников, цыгане. Если они захватят нас, они запрягут нас в повозки и погонят как зипанготов, — он кивнул в сторону верблюдащеров. — Они другой расы и терпеть нас не могут.

— Я не думаю, чтобы они позарились на большой хорошо вооруженный отряд.

Морватц покачал головой.

— Шесть лун назад Этман Бич Божий напал на Бьюджулэйс. Там, где он прошел, осталась только голая земля.

Клайстра посмотрел вперед, где в просветах между деревьями уже виднелась открытая местность.

— Впереди Земли Кочевников. А что потом?

— За ними, — Морватц наморщил лоб, — река Уст. За ней болота и Болотный остров. После болот.

— Что же?

— Я плохо знаю восток. Дикие земли, дикие люди. На юго-востоке Фелиссима, Кристиендэйл, монорельс к Фонтану Миртлисса и оракулу. За Миртлиссом — Земля Камней, но о ней я ничего не знаю, Миртлисс лежит очень далеко на восток.

— Сколько лиг?

— Несколько сотен. Трудно сказать точно. Отсюда до реки пять дней пути. Чтобы пересечь ее, вам придется воспользоваться Эдельвейсской воздушной дорогой до Болотного острова. Или пойти по берегу на северо-запад, к Бьюджулэйсу.

— Почему нельзя переправиться на лодках?

— Гримоботы, — с умным видом сказал Морватц.

— А это кто?

— Хищные речные звери. Ужасные.

— Так. А за рекой? Что там? Где кончаются болота?

— Если идти на восток — четыре дня, — подсчитал Морватц, — это если наймете хорошую болотную лодку. А если свернете на юг, сможете поехать по монорельсу через Гибернскую Марку к Кристиендэйлу. Затем, если вы, конечно, поедете дальше...

— Почему нет?

— Некоторые остаются, — хитро улыбнулся Морватц. — От Кристиендэйла монорельс идет на запад в Гросгарт, на юг — в Фелисиму, и на восток — к Фонтану.

— Как далеко от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Два-три дня по монорельсу. Иначе путешествовать опасно. В горах разбойники.

— А за Миртлиссом?

— Пустыня.

— А за ней?

— Спросите у оракула, — пожал плечами Морватц. — Если у вас есть металл, он ответит на любой вопрос.

Листва над головой поредела, и теперь колонна шла под ослепляющим солнцем Большой Планеты. Склон переходил в открытую вересковую пустошь, волнуемую ветром. Не было и следа человека. Только с севера ветер доносил запах дыма.

Клайстра остановил колонну и перегруппировал солдат, построив их в каре вокруг зипанготов. Вьюки с дротиками охранял Элтон, удобно лежащий на носилках. У него была праща, дротик и тепловой пистолет в кобуре, уложенный так, что никто, кроме инженера, не мог до него дотянуться. Эббидженс шел в первом ряду. Морватц — в арьергарде. Справа и слева от каре двигались Пианца и Фэйн с ионниками. Сзади — Бишоп и Кетч.

Два часа они шли через вереск, чувствуя, как под ногами разравнивается склон.

Клайстра услышал бормотание солдат, они заметили что-то в степи. В их глазах был страх. Клайстра поглядел в том направлении и увидел дюжину зипанготов, беспечной рысью приближавшихся к ним.

— Кто это, цыгане?

Морватц, прищурившись, рассматривал пришельцев.

— Цыгане. Но не казаки. Воины высокой касты, возможно, политбюро. Только они ездят на зипанготах. Мы можем отбиться от казаков. У них нет ни мужества, ни дисциплины, ни разума. Но политбюро... — Голос офицера дрогнул.

Клайстра посмотрел на Бишопа:

— Ты о них что-нибудь знаешь, Стив?

— Короткая глава в «Сборнике большой планеты» Вандома. Но больше об их происхождении, чем о культуре. Сначала были киргизские пастухи с Земли, по моему, из Туркестана. Когда метеорологи усилили дожди в Закавказье, они откочевали на Большую планету, где степи остаются степями. Ехали третьим классом вместе с племенем цыган и полинезийским семейством. По дороге Панвилсап — предводитель цыган — убил вожда киргизов и женился на Старшей Матери полинезийцев. К тому времени как их выгрузили на Планету, он

руководил всей группой. В результате их культура — смесь киргизской, полинезийской и цыганской — очень сильно деформирована личностью Панвилсапа.

Цыгане были теперь на расстоянии мили и все еще не увеличили скорость.

Клайстра повернулся к Морватцу:

— Как они живут?

— Они разводят зипанготов, кроликоловов, печавье, молочных крыс. Ловят черепах в горячих источниках, собирают личинки цикад. Весной и осенью совершают набеги на Бьюджулэйс, за рабами. Еще они грабят Кератен на севере и Рамспур на юге. Уст отделяет их от Фелиссимы и Реббиров из Гнезда. Ах, — мечтательно вздохнул он, — какая могла быть война между Реббировыми и цыганами.

— Типично кочевое общество, — заметил Бишоп. — Почти не отличаются от древних скифов.

— Я понимаю, почему вас так интересует их образ жизни, — раздраженно сказал Морватц. — Этой ночью мы будем тащить их повозки.

7. ЭТМАН БИЧ БОЖИЙ

Солнце было в зените, серо-зеленый вереск пах медом. По мере того как всадники приближались, к ним присоединялось все больше пеших казаков. Они бежали за медленно трусящими зипанготами.

— Это их обычный способ нападения? — Спросил Клайстра.

Морватц почесал в затылке:

— У них нет обычных способов.

— Прикажите вашим людям взять по пять дротиков из व्यюка и быть наготове, — приказал Клайстра.

Морватц явно пришел в себя. Он побежал вдоль фронта, выкрикивая приказы. Бьюджулэйсцы подтянулись, подравняли строй. Они по очереди подходили к зипанготам, брали дротики и возвращались в каре.

— Ты не боишься, что... — проговорил Бишоп.

— Я боюсь выглядеть испуганным, — сказал Клайстра. — Без оружия они кинутся к лесу как кролики.

Это вопрос выдержки. Мы должны вести себя так, как будто цыгане — прах под нашими ногами.

— Теоретически ты прав.

Всадники остановились в сорока ярдах от каре, как раз вне предела досягаемости пращей. Их зипанготы были больше бюджулэйских, холеные, с длинными тяжелыми шеями, с блестящей кожей. На них красовалась кожаная сбруя с грубыми бляхами, у каждого на морде было что-то вроде носорожьего рога.

На переднем зипанготе сидел высокий дородный человек в голубых сатиновых штанах, коротком черном плаще и голубой шапке. В каждом его ухе висело по большому медному кольцу, на груди он носил медаль из полированного железа. Лицо было круглым, мускулистым, с тяжелыми веками.

Клайстра услышал бормотание Морватца:

— Этман Бич Божий.

Клайстра оглядел вождя цыган, спокойно кивнул. Равнодушие всегда поражает больше самоуверенности. За Этманом стояла дюжина всадников, а следом крадось около сотни мужчин и женщин в темно-красных шароварах, синих и зеленых блузах и остроконечных колпаках.

Клайстра повернулся, чтобы проверить строй — что-то просвистело мимо его лица. Он отскочил, наклонился и взглянул в невозмутимое лицо Эббидженса, медленно опускающего пращу.

— Морватц, заберите у него оружие, свяжите руки и ноги.

На мгновение Морватц заколебался, затем отдал приказ.

Клайстра уже не обращал внимания на свалку за спиной, ибо Этман и его политбюро спешили и направлялись к нему.

Этман остановился в нескольких шагах от Клайстры, улыбаясь и поигрывая хлыстом.

— О чем вы думали, вторгаясь в земли цыган? — речь его была свободной и стремительной.

— Мы идем в Кристиендэйл, дорога лежит через ваши земли.

— Выходя в степь, вы рискуете свободой.

— Работоторговцы рискуют больше.

— Нам ли бояться солдат? — презрительно отмахнулся Этман.

И тут Клайстра услышал крик:

— Клод!

Он окаменел, потом понял, что Этман с удовольствием следит за ним.

— Кто назвал мое имя?

— Женщина со склона, которую мы поймали в лесу. За нее дадут хорошую цену.

— Отдай ее мне. Я заплачу.

— Так ты богат? Это удачный день для цыган, — лениво сказал Этман.

— Приведи ее сюда, или я пошлю за ней человека.

— Человека? Одного? — Этман насмешливо сощурился. — Кто вы? Вы не из Бьюджулэйса, а для жителей Монвира у вас слишком темная кожа.

Клайстра осторожно вытащил ионник.

— Мы — электрики, — он улыбнулся собственной нехитрой шутке.

Этман потер свой тяжелый подбородок:

— Где живет ваш народ?

— Это не народ, а профессия.

— А... таких среди нас нет. Мы воины, убийцы, работоторговцы.

Клайстра уже нашел решение. Он повернул голову:

— Приведите Эббидженса. Электрики, видите ли, могут убивать взмахом руки.

Эббидженса вытолкнули вперед. Клайстра сказал:

— Если бы твоя смерть не была нужна для дела, я, клянусь, доставил бы тебя на Территорию Земли для исправления. — Он поднял ионник.

Эббидженс вскинул голову и рассмеялся:

— Неплохую шутку сыграл я с вами, Клод Клайстра! Через мгновение Эббидженс был мертв.

Этман не казался испуганным.

— Отдай мне женщину. Иначе я убью тебя, — властно сказал Клайстра. — Быстро!

Этман удивленно поднял брови, что-то пробормотал, потом махнул своим.

— Дайте ему ее.

Нэнси упала, дрожа и плача, к ногам Клайстры. Он даже не посмотрел на нее.

— Идите своей дорогой, а мы пойдем своей,— сказал он.

Но Этман быстро сравнял счет.

— Я уже видел такие штуки. Наши копья убивают так же верно. Особенно когда темно и копья летят со всех сторон.

Клайстра повернулся к Морватцу:

— Командуйте «марш».

Морватц вскинул руки вверх и опустил.

— Вперед.

Этман улыбнулся и кивнул:

— Возможно, мы еще встретимся.

Великий Склон остался позади. Впереди была степь, широкая как океан, поросшая серо-зеленым вереском с темными пятнами папоротника в ложбинах. Позади остались цыгане: пешие казаки и политбюро на своих зипанготах.

В середине дня на горизонте появилось темное пятно.

— Похоже на деревья. Вероятно, родник,— сказал Фэйн.

Клайстра напряженно всматривался в степь.

— По-моему, это единственное укрытие на десятки миль. Мы станем лагерем здесь.— Он посмотрел назад, на темные точки в степи.— Боюсь, что у нас еще будут неприятности.

В глубине роци был маленький родник, обложенный камнями. Вода была подозрительного цвета, но бюджулэйсцы пили ее с удовольствием. Около родника лежала большая куча веток со странного вида желтыми плодами и чан с чем-то, напоминавшим пиво.

Солдаты с воплями ринулись к чану. Морватц выкрикнул приказ, остановил их. Крайне недовольные, солдаты повернули обратно.

Клайстра достал из व्यюка кружку и протянул Морватцу:

— Норма на каждого.

Он услышал восторженные крики солдат и сказал Пианце:

— Если бы мы могли каждый вечер поить их грогом, нам не пришлось бы их охранять.

Пианца покачал головой:

— Совсем как дети. Никакого контроля над эмоциями. Надеюсь, они не напьются.

— Напьются или нет, главное, что мы можем расслабиться. Ты с Фэйном — первая вахта. Через четыре часа вас сменю я с Бишопом. Не спускайте глаз с вьюка с дротиками. — Он пошел сменить Элтону повязку, но увидел, что с раненым уже сидит Нэнси.

Бьюджулэйсцы, распевая, разожгли костер и подкинули в огонь несколько веток из кучи, от которых дым приобрел острый, пряный запах. Пианца был явно обеспокоен.

— Они уже пьяны. И, боюсь, могут стать неуправляемыми.

Клайстра смотрел на солдат с растущим раздражением. Те, толкаясь и крича, пытались пробиться туда, где дым был гуще. Их лица расплывались в идиотских улыбках. Те, кого вытолкнули, с проклятиями пытались прорваться обратно.

— Какой-то наркотик, — сказал Клайстра. — Местный аналог марихуаны. Морватц!

Красноглазый Морватц вышел из дыма и несколько раз тряхнул головой, будто сметая опьянение.

— Накормите ваших людей и устраивайтесь на ночлег. Хватит дышать дымом.

Морватц кивнул и после недолгих, хотя и яростных, пререканий привел лагерь в порядок.

Сварили котел каши. К каше полагалась добавка — горсть сушеного мяса и зелень.

Клайстра подошел к Морватцу. Тот ел отдельно от своих солдат.

— Что это за дым?

— Это зигаге, очень сильное зелье, очень ценное. Но только низшие касты вдыхают дым — очень вульгарно, да и ощущения не те.

— А как же его используют высшие касты?

Морватц тяжело вздохнул:

— Обычно я вообще им не пользуюсь. Зигаге высасывает жизнь — дым, жидкость, трубка — люди доро-

го платят за эту радость. Простите, а что глотает ваш спутник?

Стив Бишоп запивал водой очередную порцию витаминов.

— Это другое дело, — улыбнулся Клайстра. — Бишоп думает, что это укрепляет его здоровье. Если скормить ему мел вместо витаминов, он не заметит.

— Еще один странный и бесполезный обычай землян, — сказал озадаченный Морватц.

Клайстра вернулся к своим товарищам. Нэнси уже закончила перевязку и теперь сидела рядом с зипанго-тами.

Со стороны костра донеслась ругань. Какой-то солдат снова подбросил зигаге в огонь, и теперь Морватц пытался оттащить его от костра. Солдат с налитыми кровью глазами отчаянно сопротивлялся.

Клайстра встал.

— Дисциплина. Ладно. Надо дать им урок.

Морватц вытаскивал из костра дымящиеся ветви. Солдат, не помня себя, вскочил и ударил его. Морватц упал лицом в огонь.

Роджер Фэйн кинулся вперед, чтобы помочь стонущему Морватцу. Трое солдат навалились на него и сбили с ног. Пианца выхватил ионник, но не стрелял — боялся попасть в Фэйна. Солдаты окружили его, но прежде, чем его повалили, он убил троих.

Вскоре земляне лежали безоружные, руки скручены за спиной.

Рядом лежал несчастный Морватц. Тот солдат, что ударил его, вынул свой меч и добил офицера. Потом подошел к своим пленникам. Провел острием меча по подбородку Клайстры.

— Ваши жизни не в моих руках. — Солдат взмахнул мечом. — Мы вернемся в Гросгарт. Мы получим деньги и звания. Пусть Лисиддер разбирается с вами.

— А цыгане? — выдохнул Клайстра. — Они доберутся до нас.

— Тыфу. Грязные животные! — рассмеялся солдат. — Мы убьем их, если они придут. — Он дико взревел, потом взял кипу веток из кучи и швырнул в костер.

Поднялся густой дым, и солдаты ринулись в него, отталкивая друг друга.

Клайстра заворочался в веревках, но они крепко держали его. Он чуть не свернул себе шею. Где Нэнси?

Он уловил дальний звук, прислушался — со стороны степи доносилось пение, перелив четырех нот, изредка прерываемый звуком горна.

Поднялся ветер. Дым зигаге несло прямо на них. Не вдыхать его было невозможно. Едкий и приторный, он просачивался сквозь ноздри.

Первым ощущением была удвоившаяся, утроившаяся сила. Цвета, запаха, звуки стали ярче и четче. Каждый лист на дереве был неповторим, каждое бие пульса открывало вселенную.

Казалось, мозг не выдержит этого наплыва счастья. И одновременно другая часть мозга яростно работала. Проблемы становились удивительно простыми. Трудности, вроде скрученных рук и перспективы встречи с Чарли Лисиддером — едва ли заслуживающими внимания.

А пение звучало все ближе. Клайстра отчетливо слышал его, наверное, бюджулэйсцы слышали его тоже.

Пение гремело совсем рядом, и солдаты опомнились. Они оторвались от костра — налитые кровью выпученные глаза, испытанные лица, перекошенные рты, жадно хватающие воздух.

Их командир — убийца Морватца — запрокинул голову как волк и завыл.

Остальные подхватили. Смеясь и крича, они расхватили дротики и кинулись в беспорядке навстречу цыганам.

Командир что-то выкрикнул, солдаты на бегу приняла какое-то подобие строя и исчезли в темноте.

Роца была пуста. Клайстра перекатился на колени, встал на ноги и огляделся, пытаясь найти хоть какое-нибудь средство снять свои путы. Пианца прохрипел:

— Подожди. Я посмотрю, могу ли я развязать веревки. — Он тоже встал на колени, затем на ноги, прижался спиной к спине Клайстры, потом сказал со вздохом:

— Мои пальцы затекли. Я не могу ими двигать.

Солдаты уже выбежали в степь, на которую опустились сумерки. Пение цыган умолкло, и только горн продолжал звучать. Было трудно что-либо разглядеть. Клайстра видел падающие тела и отчаянную атаку бьюджулэйсцев.

Сражение поглотила ночь.

8. ПРОБЛЕМА ВИТАМИНОВ

Клайстра безуспешно пытался разорвать веревки на запястьях Пианцы. Его пальцы тоже распухли и потеряли чувствительность. Он почувствовал внезапную слабость, мысли двигались с трудом — видимо, сказывались последствия наркотика.

Шум боя то нарастал, то затихал. Из колодца вылезла дрожащая и мокрая Нэнси.

— Нэнси! Скорее сюда.

Она растерянно поглядела на Клайстру, нервно шагнула вперед, остановилась, глядя в степь, где все еще шла свалка.

До пленников донесся победный крик солдат.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. — Освободи нас, пока нас всех не перебили!

Нэнси поглядела на него со странным презрительным выражением.

Глубокие сильные голоса наполнили воздух. Крики солдат оборвались. И четко стало слышно, кто ведет боевую песнь — Этман Бич Божий.

— Нэнси! Сюда! Развяжи нас. Они будут здесь через минуту!

Она кинулась вперед, вытаскивая нож. Земляне вставали, разминая затекшие запястья. Боль от восстанавливавшегося кровообращения усиливало наркотическое похмелье.

— В конце концов, нам больше не придется сторожить бьюджулэйсцев, — пробормотал Клайстра.

— У цыган сегодня праздник, — сказал Бишоп. Он был единственным, кто сохранил силы, как будто и не получал своей порции дыма зигаге. Клайстра с завистью наблюдал, как Стив носится на поляне, собирая

вещи. Его собственные мускулы сейчас напоминали тряпки.

Мосс Кетч с усилием поднял что-то с земли:

— Чей-то ионник.

Клайстра обшарил поляну и нашел свой пистолет там, где его беспечно бросили.

— Вот мой. Их это не заинтересовало. — Ветер дохнул ему в лицо дымом. Клайстра снова почувствовал себя счастливым. — Черт! Сильное зелье.

Стив Бишоп лег на землю и стал отжиматься. Заметив ошеломленные взгляды остальных, он легко вскочил.

— Я чувствую себя великолепно, — улыбнулся он. — Этот дым — прекрасный допинг.

Степь молчала. Высоко в небе мерцали чужие звезды.

И тут снова зазвенела боевая песнь цыган. Громко и совсем рядом. Что-то свистнуло в вышине, прошелестело сквозь листву.

— Ложись, — прошептал Клайстра. — Стрелы. Все от огня!

А песнь становилась все громче. Четыре ноты в странном, прыгающем ритме и непонятные слова.

Голос Этмана звучал как гром.

— Выходите, чужестранцы, жалкие бродяги, выходите. Я Этман Бич Божий. Этман Работорговец. Ваша жизнь — бремя для вас, ваши мысли тяжелы. Выходите, я привяжу вас к своей повозке, вы будете есть траву, и вас не беспокоят мысли. Выходите ко мне.

Они увидели его силуэт и кольцо зипанготов за ним. Клайстра прицелился, потом опустил пистолет. Это было все равно, что рубить вековое дерево.

— Лучше оставь нас в покое, Этман! — крикнул он.

— Ба! — сколько презрения было в этом звуке. — Вы не смеете встретиться со мной. Я пойду к вам, одолею ваши электрические штуки, согну ваши шеи.

Клайстра опустил пистолет еще ниже, затем собрался, смахнул с себя чары этого человека и нажал на спуск. Багровый луч вошел в грудь Этмана — и ничего не произошло. «Он заземлен» — в панике подумал Клайстра.

Фигура Этмана четко виднелась на фоне костра. Огромная, больше, чем чья-то жалкая жизнь.

Бишоп поднялся на ноги и медленно пошел к Этману. Цыган пригнулся. Внезапно Бишоп резко взмыл вверх и приземлился за спиной противника. А тот совершил замечательное сальто-мортале и упал. Бишоп вскочил ему на спину, взмахнул рукой, потом встал, отряхивая ладони. Клайстра, все еще ничего не понимая, кинулся к нему.

— Что ты сделал?

— Попробовал на нем прием дзюдо, — скромно ответил Бишоп. — Этот тип выигрывал сражения голосом и гипнотизмом. На деле он совершенно безобиден. Кажется, я убил его первым ударом.

— Я не знал, что ты владеешь дзюдо.

— Я не владею. Несколько лет назад я прочел книжку о дзюдо. А сейчас вспомнил. Черт! Ты посмотри, сколько зипанготов.

— Они, наверное, принадлежали тем из политбюро, которых убили солдаты. А теперь они принадлежат нам.

— А где же остальные цыгане?

Клайстра прислушался. В степи было тихо.

— Ушли.

Они вернулись в рощу, ведя за собой зипанготов.

— Нам пора отправляться, — сказал Клайстра.

— Сейчас? — возмутился Фэйн.

— Сейчас, — огрызнулся командир. — Мне это нравиться не больше, чем вам. Но, — он показал на зипанготов, — теперь мы можем ехать верхом.

Утро, день и вечер земляне провели верхом, едва держась в седлах от слабости. Из-за резкой, прыгающей походки верблюдам спать в седле было невозможно. Наконец, небо потемнело.

Они развели в ложбине костер, сварили и съели кашу, выставили часовых и улеглись спать.

На следующее утро Клайстра открыл глаза и увидел, что Бишоп делает пробежки туда и обратно по склону ложбины. Командир протер глаза, зевнул и с усилием поднялся на ноги. Он чувствовал себя полностью разбитым. Шатаясь, он подошел к Бишопу:

— Какая муха тебя укусила? Ты раньше никогда не делал зарядку.

Длинное некрасивое лицо Бишопа пошло красными пятнами.

— Сам не понимаю. Я в прекрасной форме. Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Наверное, действовали витамины.

— Они почему-то не действовали, пока мы не надышались зигаге. Вот тогда это пошло как лавина, и ты разделал Этмана на котлеты.

— Как ты думаешь, это навсегда?

Клайстра потер подбородок.

— Если так, то это замечательно. Но почему тогда остальные чувствуют себя отвратительно? Ведь мы ели и пили одно и то же. За исключением тебя, — он удивленно посмотрел на Бишопа. — Ты ведь накачал себя витаминами, прежде чем нас связали?

— Ну да. Это так. Интересно, может, тут есть какая-то связь. Очень интересно.

— Если мне еще когда-нибудь придется вдыхать зигаге, — пробормотал Клайстра, — я узнаю наверняка.

Четыре дня от восхода до заката они ехали по степи, не видя людей, пока в середине четвертого дня не натолкнулись на двух девушек-цыганок. Им было лет по шестнадцать. Они пасли стадо грязно-желтых животных — печавье. Девушки носили полосатые халаты, ноги их были обмотаны тряпьем. Завидев всадников, девушки бросили свое стадо и кинулись к ним.

— Вы чужеземцы-работорговцы? — радостно спросила первая. — Вы не возьмете нас?

— Простите, — сухо сказал Клайстра. — Мы просто путешественники. Ваш народ тоже торгует рабами. Зачем искать чужеземцев? И откуда столько энтузиазма?

Девушки захихикали, и Клайстра почувствовал, что сказал глупость.

— Рабов часто кормят, и едят они с тарелок, им позволяют укрываться от дождя. Цыгане не продают людей своей крови, и мы живем хуже, чем рабы.

В нерешительности Клайстра разглядывал девушек. Если он будет исправлять каждую несправедливость по дороге, то никогда не доберется до Территории Земли. Он обернулся к своим.

Элтон поймал его взгляд.

— Я могу взять хорошую служанку, — легко сказал он. — Ты, как тебя зовут?

— Мотта. А это — Вайли.

— Есть еще желающие? — устало спросил Клайстра.

Пианца покачал головой. Фэйн засопел и отвернулся.

Стив Бишоп произнес с видом экспериментатора:

— Я, пожалуй, возьму.

Еще три дня в степи, и каждый похож на предыдущий. На четвертый день рельеф начал меняться. Вереск стал выше, и сквозь него стало труднее ехать. Иногда встречались роскошные кусты высотой около шести футов с листьями, похожими на хвост павлина. Впереди блеснула голубая полоса. Цыганки сказали, что это река Уст.

В середине дня они добрались до Эдельвейса, деревянного форта с трехэтажными башнями по углам.

— Иногда южные казаки нападают на Волшебников, — объяснила Мотта. — Их не пускают на распродажу: вид голых ног сводит их с ума, и они начинают убивать. Но они ценят серую соль, которую привозят из верховьев Уста, из Гаммерея. У волшебников ее много. Поэтому Эдельвейс хорошо охраняется.

Город в свете полуденного солнца казался игрушечным, собственной миниатюрной копией — коричневые дома с черными окнами и двускатными красно-зелеными крышами. В центре города стояла высокая мачта с большим шаром наверху, напоминавшая смотровую надстройку на паруснике.

— Здесь начинается воздушная дорога до Болотного острова. А еще отсюда наблюдают небо. Самые мудрые из волшебников могут читать судьбу по облакам.

— По облакам?

— Так говорят. Но мы, женщины, знаем мало.

Они ехали по направлению к реке и во второй половине дня достигли ее. Широкий Уст тек с севера и потом поворачивал на запад. На поверхности бурлили водовороты, как будто какое-то подводное чудовище всасывало воду. Другой берег, пологий и низкий, порос густым лесом. Посреди реки лежал небольшой остров.

— Смотрите! — хрипло закричал Фэйн. И без его крика все глаза уже были прикованы к воде. Со сторо-

ны острова подплывало черное чудовище. Его тело было круглым и гладким, а голова, напоминавшая лягушечью, разделялась на две половины огромным ртом. Голова качалась в разные стороны, что-то подхватывала с поверхности воды и, чавкая, жевала. Зверюга описала круг и скрылась в зарослях у противоположного берега.

Фэйн облегченно вздохнул:

— Вот это да. Неплохое соседство.

Пианца внимательно оглядел реку:

— Меня удивляет, что кто-то отваживается пересекать ее.

— Все пользуются воздушной дорогой, — ответил Элтон.

Тонкий серый провод тянулся от башни в центре Эдельвейса до одного из деревьев на другом берегу. На середине реки он висел всего в пятидесяти футах над водой.

Клайстра раздраженно фыркнул:

— Они действительно сшили два берега. Нам придется просить перевоза.

— Вот так волшебники и получили свое богатство, — сказала Мотта.

— Они обдерут нас как липку, — проворчал Фэйн.

Клайстра провел рукой по волосам:

— У нас нет выбора.

И они направились вдоль берега к Эдельвейсу.

Перед ними возвышались стены города: балки двухфутовой толщины, связанные наверху лианами и скрепленные скобами. Дерево казалось теплым и мягким. Клайстра подумал, что решительный человек легко мог бы прорубить себе дорогу топором.

Когда они подошли к воротам, то увидели, что ворота распахнуты и ведут в маленький окруженный стенами двор.

— Странно, — сказал Клайстра. — Ни стражи, ни привратника. Никого.

— Они напуганы, — хихикнула Вайли и пронзительно закричала: — Волшебники! Выходите и проводите нас к воздушной дороге!

Нет ответа. Что-то прошуршало за стенами.

— Выходите! — завизжала Мотта. — Не то мы сожжем стены!

— Боже мой, — пробормотал Пианца. Бишоп зажал уши руками.

Вайли не хотелось отставать от подруги.

— Выходите и приветствуйте нас, иначе мы перебьем всех!

Стив Бишоп заткнул ей рот:

— Вы с ума сошли!

— Мы перебьем всех волшебников и снесем город в реку!

В проеме что-то зашевелилось. Из него вышли трое лысых дрожащих старцев. Их голые, не прикрытые лохмотьями ноги словно состояли из костей и вен.

— Кто вы? — спросил первый. — Идите своей дорогой, у нас ничего нет.

— Мы хотим пересечь реку, — сказал Клайстра. — Перевезите нас, и мы больше не будем вас беспокоить.

Старцы о чем-то посоветовались, бросая на Клайстру подозрительные взгляды:

— Вы опоздали. Вы должны подождать.

— Подождать? Чего? — потребовал Клайстра.

— Мы мирные волшебники, безобидные заклинатели и торговцы. А вы — люди из Разбойничьих земель и, конечно, собираетесь отнять у нас наше добро.

— Восьмером? Ерунда! Мы хотим переправиться.

— Это невозможно, — дрожащим голосом ответил старец.

— Почему?

— Это запрещено, — все трое кинулись в проем. Ворота захлопнулись.

Клайстра закусил губу.

— Какого черта!

Эса Элтон показал на мачту:

— Там гелиограф. Они посылали сигналы на запад. У них приказ Бэджарнума.

— В этом случае, — сказал Клайстра, — мы должны переправляться немедленно. Здесь мы в ловушке.

Фэйн оглядел берег:

— Лодок не видно.

— И плот не из чего сделать.

— Плот нам не поможет,— нахмурился Фэйн.— У нас нет ни парусов, ни весел.

Клайстра внимательно рассматривал стену Эдельвейса. Элтон улыбнулся.

— Пари, что мы думаем об одном и том же.

— Кусок стены, что стоит параллельно реке — это готовый плот.

— Ну и что,— сказал Фэйн.— Здесь такое течение, что нас снесет до Марванского залива.

— Есть очень простой способ,— сказал Клайстра. Он снял с вьюка веревку и сделал из нее лассо.— Я лезу на стену, а вы прикрываете меня снизу.

Он закинул лассо на балку, подтянулся, осторожно взобрался на стену и поглядел вниз.

— Никого нет. Тут крыши. Кто-нибудь! Элтон, давай ко мне.

Когда Элтон залез на крышу, за темными стенами и закрытыми окнами не было слышно ни звука.

9. ГРИМОБОТ

Клайстра услышал треск: Мосс Кетч тоже взобрался на стену.

— Хотел посмотреть на Эдельвейс изнутри. Мерзкое местечко.

— Посмотрите на стену,— сказал Клайстра.— Если мы разрежем скрепляющие ее веревки и сломаем скобы здесь и здесь, то сможем опустить целый кусок стены прямо в воду.

— А как с великими речными змеями — гримоботами? — спросил Кетч.

— Незвестное в нашем уравнении. Придется рискнуть.

— Они могут поднырнуть под плот?

— Наверное,— сказал Клайстра.— Ты хочешь остаться здесь?

— Ну нет.

Элтон взмахнул руками:

— Давайте займемся делом.

Клайстра поглядел на небо:

— До заката еще час. Достаточно, чтобы управиться, если все пойдет хорошо. Кетч, давай вниз и гони всех, включая зипанготов, на берег под обрыв. Будь осторожен, когда мы обрушим стену. Если плот упадет в реку, тащите его на берег, чтобы не уплыл.

Кетч спрыгнул на землю.

— Мы должны сделать дело, прежде чем они поймут, чем мы заняты. — Клайстра поглядел вниз. В двадцати футах кончался обрыв и еще пятьдесят футов до берега. — Стена поедет вниз под собственной тяжестью.

— Пятьдесят футов будет достаточно, — сказал Элтон. — Очень легкое дерево.

— Мало. Но это все, что мы можем взять. Я не думаю, что волшебники будут стоять и смотреть, когда мы начнем работу.

На берегу появились зипанготы, Кетч, Пианца, Фэйн, Дэррот и девушки. Клайстра кивнул Элтону, вынул свой нож и полоснул по первой веревке. Сзади послышались внезапные крики ярости. Из ниоткуда, крича и воя, вынырнули четыре старухи. Рядом с ними появилось несколько волшебников, худых, белокожих, размалеванных зеленью.

Веревка разошлась.

— Пора, — сказал Клайстра. — Пока они не навалились на нас. — Он вытащил ионник. Раз, два, три. Стена зашаталась. Они уперлись в нее плечами и толкнули. Стена перекосилась и застыла.

— Вниз, — скомандовал Клайстра. — Там есть еще несколько веревок. — Он нагнулся и заглянул под крышу. — Придется стрелять вслепую. Ты — со своей стороны, я — со своей.

Две полосы багрового света протянулись вниз. Нижние концы бревен охватил огонь. Стена подалась и затрещала.

— Двигай! — крикнул Клайстра. — А теперь быстро назад! — Стена развалилась, часть ее поползла вниз, упала ребром на берег, закачалась и с грохотом рухнула в реку.

Клайстра проследил, как Кетч закрепляет плот у берега, и развернулся, чтобы встретить атаку волшебников. Они яростно кричали, но отступили назад, встре-

тив взгляд Клайстры. Женщины размахивали руками, ругались и кричали, но тоже не двигались вперед. Клайстра поглядел на реку. Стена, ставшая плотом, мирно покачивалась на воде, удерживаемая веревкой Кетча. Фэйн и Пианца стояли рядом, задрав головы.

Клайстра закричал:

— Заводите животных на плот и стреножьте.

Бишоп закричал что-то, чего Клайстра не понял. Волшебники подбирались все ближе.

— Назад, — жестко сказал Клайстра, — или я перерублю ваши длинные ноги. — Его слова не оказали действия, волшебники продолжали наступать. В руках у них, словно по мановению волшебной палочки, появились длинные острые пики.

— Похоже, нам придется уложить нескольких, — сказал Клайстра, — если они не остановятся. — Он прицелился в крышу и прожег дыру в футе от ближайшего волшебника. Тот даже не повернул головы и продолжал идти вперед.

— Чертовы истерики, — пробормотал Клайстра. — Бедняги. Мне это не нравится. — Он нажал на спуск. Объятые пламенем люди падали с крыш, скатывались по лестницам.

Клайстра перегнулся через стену и крикнул:

— Заканчивайте скорей и будьте готовы!

Элтон глядел на мачту.

— Нам нужно повредить все: и мачту, и веревки. Смотри, три провода ведут наверх. Еще три — к креплению в середине. Если мы перережем три верхних, мачта тихо сломается.

Клайстра проверил магазин своего ионника:

— Надо беречь энергию. У нас не так много осталось. — Он прицелился и выстрелил. Со звуком лопнувшей струны три кабеля, извиваясь, опустились на крыши Эдельвейса. Мачта треснула как морковка и рухнула у самых ног землян. Крики прекратились.

Элтон крикнул вниз:

— Внимание! Идет!

Кабель, соединявший берега, был натянут очень туго и теперь, когда натяжение исчезло, поволок обломов мачты по крышам, через пролом, за обрыв.

— Держите его,— крикнул Клайстра,— привязывайте к плоту! — Он начал спускаться по стене. Элтон за ним. Они скатились по обрыву и вылетели на берег.

— Скорей,— взывал Пианца.— Наш якорь долго не выдержит! Он может порваться в любую минуту.

Клайстра и Элтон вбежали в воду, вскарабкались на плот.

— Поехали.

Плот тронулся, оставляя за собой обрыв и опустошенный, опечаленный Эдельвейс.

— Бедняги,— сказал Клайстра.

Течение сносило плот на запад, но кабель разрушенной воздушной дороги удерживал его на курсе.

— Ах! — воскликнул Фэйн, тяжело опускаясь на выюки.— Мир, покой — какая прелесть!

— Придержи восторги до того берега,— сказал Кэтч.— Или до встречи с гримоботом.

Фэйн вскочил.

— Я совсем забыл о них! Боже! Где они? Не одно, так другое!

— Посмотрите,— тихо сказал Бишоп. Все обернулись и увидели темное пятно почти рядом с краем плота. Что-то плоское, блестящее и, видимо, очень большое. Оно зашевелилось и вспрыгнуло на плот. Шесть дюймов в диаметре.

Эли Пианца рассмеялся. Бишоп наклонился к «чудовищу»:

— Мне казалось, что это кончик щупальца.

— Местная разновидность пиявки.

— Однако, вид у нее.— Бишоп сбросил гостью обратно в реку.

Плот дернулся, остановился, вода вокруг заволновалась.

— Что-то прямо под нами,— шепнул Клайстра.

Мотта и Вайли заплакали.

— Тихо,— скомандовал Клайстра. Девушки испуганно умолкли. Движение прекратилось, и вода успокоилась.

Бишоп дотронулся до руки Клайстры:

— Посмотри на Эдельвейс.

Над одной из башен города появился фонарь. Он вспыхивал и гас, вспыхивал и гас.

— Клод, они с кем-то разговаривают. Наверное, с Болотным Островом. Надеюсь, они не собираются перерезать свой конец кабеля.

— Фэйн может сплавать на тот берег с сообщением, — предложил Элтон. Фэйн недовольно вздохнул. Элтон хихикнул.

Из-за острова, задрав голову, выплыл гримобот. Мрак скрывал его очертания, но не мог скрыть огромных горящих глаз. Вода журчала, смыкаясь за ним. Гримобот что-то урчал про себя.

— Он видит нас, — сказал Клайстра, вытаскивая ионник. — Надеюсь, я смогу ранить или отогнать его. На то, чтобы убить его, у нас не хватит энергии.

— Целься в голову, — сказал Пианца, — в глаза. Пусть он не видит нас.

Клайстра кивнул. Пламя охватило голову животного, но гримобот не изменил направления. Клайстра прицелился в туловище. Звук рвущейся ткани. В боку гримобота открылась рваная рана, из которой сыпалось что-то белое.

Клайстра перевел прицел на уровень ватерлинии. Чудовище закричало человеческим голосом.

— Копья! — крикнул Клайстра. — Они бросают копья!

Удар. Что-то вонзилось в дерево за его спиной. Затем еще удар, еще, потом странный звук и гортанный крик. Клайстра вскочил:

— Кетч!

Мосс Кетч попытался вытащить копьё из своей груди и упал на колени, все еще судорожно сжимая древко руками.

— Они идут на abordаж! — воскликнул Фэйн.

— Разойдитесь, — сказал Пианца. Он приподнялся на локте.

Оранжевое пламя вырвалось из дула теплового пистолета и накрыло волшебников, сметая их с плота в реку.

Гримобот, глубоко сидя в воде, поплыл по течению прочь от плота.

Клайстра осторожно перевернул Кетча. Руки Мосса окостенели на древке копья. Клайстра встал и поглядел на темные стены Эдельвейса.

— Фэйн, помоги.

Он поднял Кетча за ноги. Фэйн наклонился, взял мертвеца за плечи.

— Что ты собираешься делать?

— Бросить его в реку. Что мы еще можем?

Фэйн открыл было рот, что-то пробормотал. Клайстра ждал. Наконец, Фэйн заговорил подчеркнуто вежливым тоном:

— Мы могли бы похоронить его. Я имею в виду — по-настоящему.

— Где? В болотах?

Фэйн поднял тело.

Клайстра стоял, глядя на удаляющийся Эдельвейс.

— Гримобот — мошенничество. Коммерческое предприятие — отпугнуть людей от реки, чтобы они пользовались воздушной дорогой.

Ночь опустилась на Большую Планету. Берег казался черным. На плоту молчали. Они плыли вниз по реке, уносимые течением. А в сторону берега их тянул кабель бывшей воздушной дороги.

Над ними возвышались сосны Болотного острова. Уши забивало жужжание и гудение бесконечных насекомых. Было очень темно.

Плот медленно вошел в прибрежный ил и остановился.

— Мы подождем до рассвета, — сказал Клайстра. — Давайте поспим.

Но никто не уснул. Все сидели, глядя на черную воду, поглотившую Кетча. Их охватило странное ощущение пустоты. Так бывает, когда болит давно ампутированная рука.

Рассвет пришел, казалось, из ниоткуда, серебристый, мягкий. Потом восток окрасился желтым, оттеняя черный лес Болотного острова.

Крик Мотты разорвал тишину.

Клайстра мгновенно обернулся, кровь застучала в его висках. Огромное черное тело рассекало речные воды, над ним вздымалась бочкообразная голова, пере-

резанная узким ртом. Голова покачивалась на длинной шее, изредка погружаясь в воду. Когда она выныривала, рот был забит желтоватым мхом. Зверюга покружилась на месте, потом скрылась из глаз.

Люди на плоту обрели способность двигаться. Женщины бились в истерике.

Клайстра покачал головой:

— Значит, гримоботы все-таки существуют.

— Готов поклясться на Библии, — заявил Фэйн.

— Но они вегетарианцы. Волшебники пустили слух о хищниках, чтобы заменить лодки воздушной дорогой. Ладно, пошли.

Освобожденный плот медленно уплывал вниз по реке. Навьюченные и оседланные зипанготы в нетерпении били копытами и изгибали длинные шеи.

Клайстра прошел немного вглубь болота, пробуя землю. Из-за крутых кочек, покрытых серо-зеленым мхом, трудно было определить маршрут далее чем на сто ярдов, но, в общем, дорога была приемлемой. Только кое-где между кочками плескалась черная вода.

Клайстра вернулся к реке. Зипанготов построили в линию так, чтобы голова последующего чуть ли не упиралась в хвост предыдущего.

— Вперед! — приказал Клайстра.

Река осталась позади и скоро исчезла из виду. Караван полз, как змея в высокой траве, изгибаясь влево и вправо, тщательно огибая окна черной воды.

Солнце уже встало, и полосатые тени ложились на стволы деревьев.

10. МОНОРЕЛЬС

Около полудня они увидели перед собой просвет — озеро. Серебристую поверхность морщили мелкие волны, в ее зеркале отражались облака. У противоположного берега качалось несколько узких лодок под латинскими парусами. А дальше виднелся Город-на-Болотах. Он висел в воздухе у самых вершин деревьев, словно мираж, и напоминал Клайстре старинные рыбацьи поселки на сваях.

Какое-то время путешественники разглядывали город. Пронзительный крик заставил их обернуться, что-то маленькое и пестрое пролетело над их головами, бешено работая крыльями.

— На мгновение, — сказал Фэйи, — мне показалось, что это опять волшебники.

Люди вернулись в лес. Снова пошли зигзагами; им почти не удавалось идти по прямой. Огромное солнце плыло по небу вслед за ними. Через несколько часов пути Клайстра увидел в вышине стены Города-на-Болотах. Через пять минут караван вошел в его обширную тень.

— Минуточку, — произнес спокойный голос. Путешественники обернулись и увидели, что окружены отрядом солдат в зеленых мундирах.

— Какое дело привело вас сюда? — спросил офицер.

— Мы путешествуем.

— Путешественники? — Офицер поглядел на зипанготов. — Откуда вы прибыли?

— Из Джубилита, что на севере Бьюджулэйса.

— Как вы переправили этих животных через Уст? Не по воздушной дороге — это точно, иначе наш агент сообщил бы нам.

— Мы переправились на плоту, прошлой ночью.

Офицер дернул себя за ус:

— А как же гримоботы?!

— Волшебники морочили вам голову, — улыбнулся Клайстра. — Гримоботы — безобидные вегетарианцы. Единственный плотоядный среди них — муляж с солдатами внутри.

Офицер пробормотал что-то по адресу волшебников.

— Торд Виттельхэтч будет рад услышать это. Волшебники и их тарифы приводят его в ярость. Учитывая то обстоятельство, что кабель протянул именно он.

— Кабель заинтересовал меня. Он металлический?

— Конечно, нет, — рассмеялся офицер, красивый молодой человек с выразительным лицом и роскошными усами. — Пойдемте, я покажу вам, где вы сможете отдохнуть. По дороге посмотрите наши мастерские. Мы делаем лучшие веревки в мире.

Клайстра не двинулся с места.

— Мы хотели бы продолжить путь и пройти как можно дальше до наступления ночи. Вы не укажете нам дорогу?

— Когда богатый человек спешит, он едет по монорельсу, — сказал офицер. — Это стоит много металла. Вам лучше поговорить с Виттельхэтчем.

— Прекрасно, — Клайстра махнул своим спутникам, и они двинулись за офицером через кварталы ремесленников. Сеть веревочных переходов охватывала площадь примерно в пятьсот квадратных футов, практически очищенную от деревьев. Их было оставлено ровно столько, чтобы выдерживать тяжесть города.

— Наши канаты непревзойденного качества, — сказал офицер, гордо подкрутив ус. — Легкие, крепкие, непромокаемые. Мы производим канаты для монорельсов Фелиссимы, Боговера, Тельмы, для Гросгартской линии и для Миртлисса.

— Хм. А что такое монорельс?

Офицер рассмеялся:

— Вы меня разыгрываете. Вперед, я провожу вас к Виттельхэтчу. Он обязательно устроит пир в вашу честь. У него лучшая кухня на острове.

— Но наши вьюки, наш багаж. И зипанготов еще не кормили, на ваших болотах им негде пастись.

Офицер поднял руку, и четверо солдат выступили вперед.

— Возьмите животных, накормите и вычистите их, смажьте потертости, обмойте и перевяжите ноги. Поставьте в стойла. — Он повернулся к Клайстре. — Ваш багаж в безопасности. На Болотном острове нет воров. Здесь живут только торговцы и ремесленники. Грабеж не в их привычках.

Владетельный лорд Виттельхэтч оказался краснолицым толстяком, добродушным и раздражительным. Он был одет в белую рубашку, расшитую лягушками, красный жилет, голубые штаны в обтяжку и черные сапоги. В его ушах покачивались золотые серьги, пальцы украшали металлические перстни. Он встретил гостей, сидя в парадном кресле, куда, очевидно, только что втиснулся, ибо все еще фыркал и пыхтел, устраниваясь поудобнее.

Офицер, почтительно поклонившись, представил ему Клайстру:

— Путешественник с запада, милорд.

— С запада? — Виттельхэтч прищурился и погладил один из подбородков. — Насколько мне известно, воздушное сообщение прервано, и нам придется восстанавливать линию. Как вам удалось переправиться?

Когда Клайстра объяснил суть дела, Виттельхэтч взорвался:

— Ах, негодяи! Постойте, но мы можем приобрести дурную славу из-за такого соседства!

— Мы хотим продолжить путешествие, — со сдержанным нетерпением сказал Клайстра. — Ваш офицер порекомендовал монорельс.

Виттельхэтч немедленно обрел деловой вид.

— Сколько вас?

— Восемь человек и багаж.

Виттельхэтч повернулся к офицеру:

— Как ты думаешь, Озрик, пять одиночных и грузовик?

— Багажа немного. Лучше два грузовика и два одиночных. И проводника: они не умеют обращаться с тележками.

— Куда вы направляетесь?

— Как можно дальше на восток.

— В Миртлисс. Очень долгое путешествие — плата сверх обычной. Если вы купите тележки — девяносто унций железа. Если наймете — шетьдесят, плюс плата проводнику, плюс компенсация за обратный рейс порожняком — еще десять унций.

Клайстра вежливо кивнул и сбил арендную плату до пятидесяти унций. Вдобавок Виттельхэтч получал зипанготов, но зато проводнику платил он.

— Ты поведешь эту партию, Озрик?

— С удовольствием.

— Хорошо, — сказал Клайстра. — Мы отбываем немедленно.

Ветер наполнял паруса, и колеса тележки легко заскользили по монорельсу — полудюймовому канату из белой болотной веревки. От Города-на-Болотах дорога вела с дерева на дерево, через топи к скалистой равни-

не, проходя всего в шести футах над базальтовыми уступами. Через каждые пятьдесят футов в землю были вкопаны мачты с захватами, поддерживающими монорельс. Они были сделаны так хорошо, что тележки проносились мимо креплений, не останавливаясь ни на мгновение.

Озрик вел первую тележку, Клайстра — вторую. Затем шли два трехколесных грузовика с багажом: едой, одеждой, металлом, витаминами Бишоп, туристским снаряжением Фэйна и всяким хламом, оставшимся от солдат Бьюджулэйса. На первом ехали Элтон, Мотта и Вайли, на втором — Бишоп, Пианца и Нэнси. Фэйн в одиночной кабинке замыкал движение.

Исследуя свое средство передвижения, Клайстра понял нежелание Виттельхэтча расставаться с ним даже временно. Деревянные части тележки были так точно подогнаны, что механизм работал не хуже своих металлических собратьев с Земли.

Большое колесо было собрано из семи частей, тщательно притертых друг к другу и отполированных до блеска. Ножка сидения была когда-то суком, росшим непосредственно из пола. Веревки, управляющие парусами, сходились к передку тележки. Здесь же, почти на уровне пола, располагались педали, напоминающие велосипедные. Они позволяли преодолеть самый крутой подъем и служили двигателем в безветренную погоду.

Около полудня рельеф изменился. Холмы стали выше, и путешественникам пришлось остановиться и перегрузить тележки на следующий уровень монорельса.

В конце дня они заночевали в свободном коттедже при станции и на следующее утро перевалили через горы; Озрик назвал их Виксильским хребтом. Монорельс шел через узкие долины от утеса к утесу, иногда облака закрывали от путников землю. Тележки проносились над впадинами со страшной скоростью благодаря силе инерции и замедляли ход только у следующей вершины, и тут уж приходилось пускать в ход паруса и ноги, чтобы перевалить через нее.

Вечером третьего дня Озрик сказал:

— Завтра в это же время мы будем в Кристиендэйле.

— Народ там недружелюбный?

— Напротив.

— Кто правит ими?

Озрик напряженно задумался.

— Вы знаете, когда вы спросили меня, я вспомнил, что никогда не слышал о правителе или правителях Кристиендэйла. Они, наверное, сами управляют собой, если их жизнь можно назвать управляемой.

— Сколько займет дорога от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Никогда не ездил этим маршрутом. Он не очень приятен. Иногда Реббири спускаются из Гнезда, чтобы грабить путешественников. Так что, несмотря на усилия Служителей Фонтана, дорога небезопасна.

— Что лежит за Фонтаном Миртлисса?

Озрик презрительно махнул рукой:

— Пустыня. Земли пожирающих огонь дервишей, отщепенцев; говорят, там появляются вампиры.

— А потом?

— Горы Пало Мало Се и озеро Бларенгорран. Из него берет начало река Мончевиор. Она течет на восток, и вы можете проплыть часть пути на лодках. Я не знаю, как далеко, нижнее течение реки мало исследовано.

Клайстра подавил вздох. Когда они достигнут Мончевиора, им останется всего тридцать девять тысяч миль пути.

Ночью начался дождь, и не было спасения от ветра.

Продрогшие и мокрые, они встретили серый рассвет. Дождь прекратился на некоторое время, хотя тучи висели так низко, что, казалось, их можно достать рукой. Забравшись в тележки, они поставили паруса на самый малый ход и отправились в путь.

В течение двух часов они неслись вдоль горного кряжа. Ветер толкал их в спины, шипел и свистел. Внизу гнулись и трескали деревья, летели листья. Слева от них была темная, заполненная испарениями долина, панораму справа скрывал туман. Зато когда они пересекли кряж, их глазам открылась чудесная картина: зеленые холмы, леса, блестящие озера, большие каменные замки.

Озрик посмотрел на Клайстру и показал вниз:

— Долина Галатундин. Под нами Гибернская Марка. Герцоги, рыцари и бароны — и все воюют друг с другом. Здесь тоже опасно путешествовать.

Ветер все усиливался. Раскачиваясь из стороны в сторону, тележки неслись на восток со скоростью шестидесять миль в час. Если бы не благоразумно убранные паруса, скорость была бы еще больше.

Через час Озрик приподнялся и дал знак свернуть паруса совсем.

Тележки причалили к платформе. От нее вниз в долину вел монорельс, тонкая нить, скрывающаяся в тумане.

Нэнси взглянула вниз и передернула плечами.

Озрик улыбнулся:

— Спускаться здесь легко. А вот на подъем требуется около двух суток.

— Неужели мы станем спускаться вниз? — раздраженно спросила Нэнси.

— Мы погибнем, если будем двигаться так быстро, — сказал Озрик. — Ветер просто снесет нас с монорельса. За мной! — Он развернул свою тележку и через мгновение исчез из вида.

— Кажется, я следующий, — сказал Клайстра.

Ощущение было такое, словно он ступил в пустоту или нырнул в море с утеса. Первые несколько минут это было просто свободное падение. И еще ветер, поддувающий в спину. Над головой пели пронзительными голосами свою песню колеса, белая линия монорельса тянулась вниз, скрываясь из глаз.

Вскоре Клайстра почувствовал, что скрип колес утих, спуск стал менее крутым; земля приближалась.

Он пролетел над желто-зеленым лесом, над селением, маленькими беленькими домиками, вокруг которых бегали ребятишки в белых халатах. Потом впереди, в ветвях огромного дерева, он увидел платформу, а на ней — Озрика.

Клайстра взобрался на платформу. Озрик с улыбкой следил за ним.

— Как вам понравился спуск?

— Я бы не прочь двигаться с такой скоростью недели три; глядишь, добрались бы до Территории Земли.

Веревка задрожала. Подняв глаза, Клайстра увидел первую грузовую кабину с сидящими в ней Элтоном, Вайли и Моттой.

— Мы должны спуститься ниже, иначе платформа не выдержит, — сказал Озрик.

И тележки тронулись. Судя по тому, как полоскал парус, они явно попали в глаз циклона. Монорельс вел от одной верхушки дерева к другой, и иногда черно-зеленая листва царапала дно тележек. Внезапно Озрик свернул свой парус и затормозил.

— Что-то не в порядке?

«Тише», — просигналил проводник, Клайстра подобрался вплотную к тележке Озрика.

— Что случилось?

Через просветы в листве Озрик внимательно рассматривал землю.

— Это опасное место. Солдаты — они грабят лесных людей, бандиты — иногда перерезают линию и убивают путешественников.

Клайстра увидел сквозь листву какое-то движение, мелькание серых и белых пятен. Озрик выбрался из тележки на дерево, осторожно спустился на несколько футов. Клайстра напряженно следил за ним. Услышав за спиной скрип грузовика, Клайстра обернулся и дал им знак остановиться.

Озрик махнул ему рукой. Клайстра вылез из тележки и схватился за огромный сук, на котором уже стоял проводник. Отсюда было хорошо видно группу собравшихся внизу людей. Они наблюдали за монорельсом, как кот — за мышьиной норой, держа луки и стрелы наготове.

— Это ученики. Если вырастут, будут совершать набеги на города Марки и всей долины. — Озрик спокойно подкрутил винт своего арбалета.

— Что вы собираетесь делать?

— Убить старшего. Я спасу этим много невинных жизней.

Клайстра толкнул его под руку. Стрела срезала ветку над головой будущего убийцы. Клайстра увидел посеревшие лица мальчишек. Потом они как зайцы рванули в лес.

— Зачем вы это сделали? — яростно накинулся на него Озрик. — Теперь они смогут убить меня, когда я поеду обратно.

Сначала Клайстра не находил слов, потом пробормотал:

— Простите. Полагаю, вы правы. Если бы это произошло на Земле...

Лес кончился. Теперь их дорога проходила через речную долину. Речку Озрик называл Тельма. Они перебрались на другой берег и снова поплыли над фермами и каменными домиками. Крыши домов почему-то были утыканы колючками.

— Почему это на крышах колючки и терновник? — поинтересовался Клайстра.

— Это ловушки для призраков, — ответил Озрик. — Здесь полным-полно призраков, и почти каждый дом имеет своего. Они любят выпрыгивать на крышу и бегать туда-сюда. А колючки им мешают.

Монорельс шел над старой грунтовой дорогой. Несколько раз караван обгонял большие красные повозки фермеров, нагруженные дынями, бутылками вина, корзинами с зеленью. Босые мальчишки, погонявшие зипанготов, носили высокие колпаки и длинные вуали, закрывающие лицо.

— Чтобы обмануть призраков? — спросил Клайстра.

— Да.

По мере того как день клонился к закату, местность становилась все привлекательнее. Каждый клочок земли был тщательно ухожен. Фермы остались позади. Казалось, что караван плывет над огромным парком.

Озрик показал вперед:

— Видите белую водокачку? Это граница Кристиендэйла, самого прекрасного города в долине.

11. КАЖДЫЙ — МИЛЛИОНЕР!

Первое время они ничего не видели, кроме белых пятен между деревьями да коричневых мостиков. Тележки пролетели над пастбищем с красно-зеленой травой, затем деревья расступились, и они увидели город,

поднимающийся над травянистой равниной. Далеко на востоке за ним сверкали вершины гор.

Город был самым большим поселением людей, какое видели земляне на Большой Планете. Но это не был земной город. Он напоминал Клайстре иллюстрацию к волшебной сказке.

Монорельс повернул, и путники увидели сцену в карнавальных тонах.

Игра была в самом разгаре. На поле стояло пятьдесят мужчин и женщин в очень сложных и красивых костюмах: шелковых, бархатных, парчевых, украшенных бесконечными кружевами и позументами.

Поле было разбито на квадраты рядами разноцветной травы. Каждый игрок занимал свой квадрат. В воздухе над полем висели большие воздушные шары, с которых свисали шелковые полотнища.

Игроки перебрасывались легкими разноцветными мячами и ловили их каждый своим особенным манером, очевидно, в зависимости от цвета мяча и квадрата, на котором стоял игрок. Мячи мелькали в воздухе, сверкая как драгоценные камни. Иногда кто-то из играющих умудрялся поймать сразу несколько мячей и мгновенно разбросать по сторонам. Когда чей-нибудь мяч касался шелковой завесы, счет увеличивался, к большой радости одной из команд.

Несколько сотен зрителей наблюдало за игрой из-за края поля. Эти люди были одеты не менее элегантно, чем игроки, и носили поразительные по сложности головные уборы.

Монорельс обогнул поле. Ни участники игры, ни зрители не обратили на него внимания. Клайстра увидел служителя, толкающего столик с прохладительными напитками:

— Пианца, посмотри, во что он одет!

Эли Пианца расплылся в улыбке:

— Это тукседо. Обеденный жилет. Черный галстук, темные брюки и кожаные башмаки. Замечательно.

— Интересно, — крикнул Фэйн, — как они относятся к футболу?

Клайстра перегнулся назад через край тележки:

— Стив, что ты знаешь о Кристиендэйле?

Бишоп сел на край своего грузовика, прямо под вращающимся колесом.

— Тут есть какая-то тайна. Парадокс Кристиендэйла, кажется, так это называется. Я только что вспомнил. Этот город основал синдикат миллионеров, чтобы не платить налоги Системе. Они переехали сюда вместе со слугами, тридцать семейств. То, что мы видим — результат развития их общества.

Веревки закрипели, и тележки, похожие на огромных бабочек, пронесли под аркой и затормозили у платформы.

Трое носильщиков в темных ливреях выступили вперед и без единого слова сняли вьюки с тележек и поставили на тачку с высокими колесами. Клайстра попытался остановить их, потом повернулся к Озрику:

— Что такое?

— Они считают, что вы богаты.

— Хм, — сказал Клайстра. — Я должен как-то поощрить их?

— Что?

— Дать им денег?

Озрик явно ничего не понимал.

— Ну, металл.

— А, металл, — Озрик подкрутил ус. — Это уж как хотите.

Подождал главный носильщик, высокий, чисто выбритый худощавый человек, явно с чувством собственного достоинства.

Клайстра вручил ему три маленьких кусочка железа:

— Вам и вашим людям.

— Спасибо, сэр. Куда прикажете доставить багаж?

— Что вы можете предложить?

— Отели «Савой», «Метрополь» и «Ритц-Карлтон».

Все отлично и дорого.

— Сколько?

— Около унции в неделю. «Караван-сарай» и «Фэйрмонт» тоже дорогие гостиницы, но в них потише.

— Есть ли приличная гостиница с более умеренными ценами?

— Я бы порекомендовал «Охотничий клуб».

Он отвел их к изящному ландо, покоившемуся на золоченых эллиптических колесах. Экипаж выглядел замечательно, но у него отсутствовала какая-либо движущая сила: ни двигателей, ни зипанготов, ничего.

Главный носильщик с поклоном отворил дверцу. Шедший впереди Фэйн внезапно остановился:

— Это что, розыгрыш? После того, как мы сядем, вы уйдете и оставите нас одних?

— Ни в коем случае, сэр.

Фэйн с трудом протиснулся в дверь и уселся. Остальные последовали за ним.

Главный носильщик осторожно захлопнул дверь. Четверо в облегающей темной униформе подхватили кожаные ремни, свисавшие с передка, и впряглись. Экипаж двинулся в центр города.

В Кристиендэйле было поразительно чисто. Стекла блестели, стены домов и тротуары были вымыты и вычищены, повсюду росли цветы. Основным типом сооружений были огромные башни, обвитые винтовыми лестницами и завершающиеся круглыми куполами.

Въехав в центр, они направились к большому цилиндрическому зданию. Покрывавший стены виноград и ряды высоких окон придавали достаточно тяжело-весному строению легкость и элегантность.

Они миновали роскошную вывеску с надписью «Отель Метрополь».

— Хм,— сказал Фэйн.— Это место выглядит прилично. После всех неудобств нашего путешествия я смог бы выдержать недельку-другую роскоши.

Но экипаж продолжал ехать вдоль здания. Появилась следующая вывеска — «Отель Савой». Следующим был классический портик с надписью «Ритц-Карлтон». И снова Фэйн жалобно оглянулся, когда они проехали мимо.

— Могли бы остановиться.

Ландо оставило за собой оформленный в восточном стиле «Караван-сарай» и еще через сто ярдов остановилось перед бело-зеленой вывеской «Охотничьего клуба».

Швейцар помог им сойти на тротуар и широко распахнул дверь.

Путешественники проследовали коротким коридором, увешанным картинами, представляющими сцены

охоты, и вошли в холл. Невдалеке был еще один вход, в глубине коридора мерцали зеркала.

Клайстра оглядел холл. Там были и другие двери, явно ведущие на улицу. Улыбаясь, он повернулся к Пианце:

— «Метрополь», «Савой», «Ритц-Карлтон», «Караван-сарай» — одна и та же гостиница.

Озрик свирепо захлопнул ему рот рукой:

— Тише! Кристеры очень серьезно к этому относятся. Вы оскорбляете их.

— Но...

— Я должен был сказать вам, — торопливо добавил Озрик, — что вход, которым вы пользуетесь, обозначает ваше положение в обществе. Номера одинаковые, но благопристойнее входить через «Метрополь».

— Я понял, — сказал Клайстра. — Мы будем осторожны.

Швейцар провел их через холл к круглому столу из полированного дерева. Стол был разделен на секции, за которыми сидели клерки. Вокруг стола летали яркие бабочки.

Швейцар указал им на секцию, украшенную цветами «Охотничьего клуба». Клайстра обернулся и пересчитал попутчиков, словно курица цыплят. Все еще красный Фэйн разговаривал с усталым Пианцей. Элтон и Бишоп стояли около Вайли и Мотты, у девушек прекрасное настроение, рядом с ними — Нэнси, бледная и утомленная. За плечом Клайстры дышал Озрик. Все на месте.

— Простите, сэр, — сказал клерк. — Вы мистер Клод Клайстра с Земли?

— Почему вы спрашиваете? — удивился Клайстра.

— Сэр Уолден Марчион передает вам привет и нижежайше просит вас и ваших друзей оказать ему честь и остановиться у него на то время, что вы будете в Кристиендэйле. На случай, если вы примете приглашение, он прислал экипаж.

Клайстра повернулся к Озрику и холодно спросил:

— Как этот сэр Уолден узнал о нашем прибытии?

— Главный носильщик спросил меня, кто вы. Я не видел причины молчать, — с достоинством ответил Озрик.

— Быстро здесь распространяются новости. Что вы думаете об этом приглашении?

Озрик повернулся к клерку:

— Кто такой сэр Уолден Марчион?

— Один из самых богатых и влиятельных жителей нашего города. Очень достойный джентельмен.

Озрик улыбнулся Клайстре:

— Я не вижу причины для отказа.

— Мы принимаем приглашение,— сказал Клайстра.

Клерк кивнул.

— Я уверен, что вы сочтете ваше пребывание в замке сэра Уолдена приятным. К его столу неоднократно подавали мясо. Мэнвилль, если вы не против.— Он сделал жест в сторону клерка «Савоя». Тот, в свою очередь, кивнул молодому человеку в яркой желтой ливрее. Юноша вскочил, стремительно нырнул в коридор «Савоя» и вскоре появился через коридор «Охотничьего клуба». Он подошел к Клайстре и поклонился.

— Экипаж сэра Уолдена, сэр.

— Благодарю вас.

Осторожно, чтобы не совершить бестактность, выйдя через «Караван-сарай», путешественники выбрались на улицу и сели в ожидавшую их берлину. Швейцар захлопнул за ним дверь.

Кучер сказал:

— Ваш багаж будет доставлен к сэру Уолдену.

— Такое благородство,— пробормотал Клайстра.— Просто не верится.

Фэйн, блаженно улыбаясь, откинулся на сиденье:

— Боюсь, что я начинаю привыкать к феодализму.

— Интересно,— сказал Клайстра, глядя в окно,— что имел в виду клерк, говоря о мясе?

Озрик надул щеки:

— Легко объяснить. Из-за стечения обстоятельств в долине могут жить только зипанготы. А мясо у них поразительно жесткое, просто несъедобное. Кристеры — вегетарианцы. Они едят овощи, фрукты, рыбу, личинки насекомых. Мясо привозят из Кэлленвилли, и здесь оно деликатес.

Влекомая шестью лакеями в ливреях сэра Уолдена повозка грохотала по мостовой. Миновали ряд магази-

нов: в витринах первого были выставлены замысловатые изделия из шелка и газа, во втором — флаконы с разноцветными жидкостями и голубоватое мыло, следующий предлагал роскошные головные уборы; проехали две ювелирных лавки, заполненные сверкающими украшениями из золота, серебра, стекла и железа.

— Меня интересует их экономика, — сказал Фэйн, — Это все должно где-то производиться. Где? Кем? Рабами? Нужна мощная индустрия, чтобы поддерживать такой образ жизни.

Клайстра потер затылок:

— Не знаю, как они управляют. Все это невозможно вывезти с Земли.

— Их секрет, — сказал Пианца. — Парадокс Кристиендэйла.

— Кажется, это всем подходит, — подытожил Фэйн, — Все вокруг выглядят счастливыми.

— Все, кого мы видим, — сказал Элтон.

Вайли и Мотта шептались между собой. Их глаза горели от возбуждения. Клайстра представил себе, что должно твориться в их головах. Они заметно поправились, их щеки больше не напоминали ямы, волосы были вымыты и причесаны — девушки выглядели очаровательно. Элтон и Бишоп имели полное право гордиться ими. Элтон погладил Мотту по голове:

— Тебе здесь что-нибудь нравится?

— Конечно! Драгоценности и металлы, и одежда, рюши и кружева и еще эти сандалии.

Элтон подмигнул Бишопу.

— Тряпки, тряпки и тряпки, — ответил Бишоп.

Экипаж повернул и очутился среди леса башен, изящных строений с шарами домов на вершинах.

Повозка остановилась у высокой зеленой колонны. Лакей распахнул дверь:

— Замок сэра Уолдена Марчиона.

12. ИДИЛЛИЯ КРИСТИЕНДЭЙЛА

Путешественники вывалились из экипажа.

— Прошу сюда.

И они начали подъем к куполу замка.

Элтон потрогал ступени.

— Дерево. Похоже, лестница растет прямо из стены. — Он наклонил голову, рассматривая крепления. — Они действительно растут! Это просто большие деревья.

Лакей обернулся и посмотрел на Элтона с неодобрением:

— Это замок сэра Уолдена, сэр.

— Вероятно, я ошибся, и это вовсе не гигантский желудь.

— Конечно, нет, сэр.

Лестница сделала последний поворот, и гости оказались на широкой платформе, обвеваемой прохладным бризом.

Слуга распахнул дверь и застыл около нее. Гости сэра Уолдена вошли в его воздушный замок.

Они стояли в большом, светлом и прохладном зале, обставленном с ненавязчивой роскошью. Пол был неровным и понижался к центру комнаты, где находился бассейн с голубоватой водой. Вокруг него летали стрекозы и бабочки.

— Располагайтесь, — сказал лакей. — Сэр Уолден немедленно выйдет к вам. Прошу вас, прохладительные напитки. Надеюсь, вам понравится. — Он поклонился и вышел. Гости остались одни.

Клайстра тяжело вздохнул:

— Выглядит все это весьма неплохо.

Через пять минут появился сэр сам Уолден — высокий, сухощавый, очень красивый джентльмен. Он начал свою речь с извинений за то, что заставил дорогих гостей ждать: неотложные дела задерживали его в другом месте.

Клайстра при первой же возможности шепнул Пианце:

— Где мы могли его видеть?

— Понятия не имею, — покачал головой Пианца.

В зал вошли двое юношей примерно четырнадцати и шестнадцати лет, одетые в роскошные красно-желто-зеленые одежды. Они поклонились:

— К услугам путешественников с Матери-Земли.

— Мои сыновья, — сказал сэр Уолден. — Тэйн и Хэлмон.

— Мы рады встретить такое гостеприимство, сэр Уолден, — начал Клайстра. — Но теряемся в догадках, чем оно вызвано. Мы — чужеземцы, в Кристиендэйле у нас нет друзей.

— Пожалуйста, — с элегантным жестом ответил сэр Уолден, — мы поговорим об этом позже. А сейчас вы, наверное, устали и нуждаетесь в отдыхе. — Он хлопнул в ладоши. — Слуги!

Из ниоткуда бесшумно появилось несколько мужчин и женщин.

— Ванну нашим гостям. Аромат... — сэр Уолден задумчиво потер рукой подбородок, как бы решая важную проблему, — ...«Найгали» № 20, это самое подходящее. И подберите новые костюмы.

— Ванна, — пробормотал Фейн. — Горячая вода...

— Спасибо, — сказал Клайстра. Причины радушия все еще оставались для него неясными.

Его проводили в уютный будуар; бесстрастный молодой человек в ливрее забрал его вещи:

— Ванная за дверью, лорд Клайстра.

Клайстра шагнул в небольшую комнату со стенами из перламутра. Теплая вода лизнула подошвы, поднялась до щиколоток, до колен, до груди, охватила его целиком. Клайстра вздохнул, расслабился, напряжение последних дней ушло, оставляя только приятную усталость.

Уровень воды постепенно понижался, Клайстру обвил теплый ветер. Он толкнул дверь. Лакей исчез. В будуаре стояла улыбающаяся девушка с подносом.

— Я ваша горничная. Если вам неприятно, я могу уйти.

Клайстра схватил полотенце и завернулся в него.

— Где моя одежда?

С тем же выражением лица она подала ему кристиендэйльский костюм и помогла разобраться в его бесконечных крючках, ремешках и застежках.

Наконец она объявила, что он одет. На нем красовался зелено-голубой наряд, в котором он чувствовал себя смешным и неловким. Девушка настаивала, что

мужчина не может появляться в обществе без головного убора, и в конце концов Клайстра позволил ей надеть на свою жесткую шевелюру черный бархатный берет. Прежде чем он успел что-либо сказать, девушка прицепила к его уху нитку красных бус.

Горничная отступила назад, с удовольствием разглядывая Клайстру.

— Теперь мой господин выглядит как король.

— Как король ослов, — буркнул про себя Клайстра.

Он спустился в главный зал. Лучи заходящего солнца били в хрустальные окна. В центре зала был накрыт стол на четырнадцать персон.

Посуда была мраморной, тонкой и хрупкой, очевидно, ручной работы. Столовые приборы выточены из железного дерева.

Один за другим в зале появлялись спутники Клайстры. Мужчины выглядели странно в своих новых костюмах, девушки, наоборот, блистали красотой. Когда в зал вплыла Нэнси в свободном бледно-зеленом одеянии, Клайстра на мгновение потерял дар речи. Она отвела взгляд. Клайстра сжал зубы и ретировался к бассейну.

Вошел сэр Уолден с сыновьями, дочерью и высокой женщиной в пышном одеянии, которую он представил как свою жену.

Обед был грандиозным: несколько перемен блюд, каждое из кушаний было новым и поразительно вкусным. Разнообразие еды привело Клайстру в шок, особенно когда он сообразил, что все блюда вегетарианские.

После обеда все присутствующие пили темные тягучие ликеры и разговаривали.

Клайстра повернулся к гостеприимному хозяину:

— Прошу прощения, сэр, но вы так и не объяснили причину столь горячего интереса к случайным проезжим.

Сэр Уолден слегка поморщился:

— Это обычное дело. Поскольку мне нравится ваше общество, а вам все равно надо где-то остановиться, то какая разница?

— Это беспокоит меня, — сказал Клайстра. — Каждый поступок человека является результатом какого-то

импульса. Природа импульса, заставившего вас послать за нами своего лакея, занимает мой ум. Надеюсь, вы простите мою настойчивость.

— Некоторые из жителей Кристиендэйла, — улыбнулся сэр Уолден, — верят в Доктрину Нелогичного Действия, которая несколько противоречит вашей теории причинности. Есть еще Догмат о Текущем Времени, очень интересный, хотя я не вполне согласен с позицией его сторонников. Возможно, основные постулаты этой теории неизвестны на Земле. Утверждают, что так как река времени течет сквозь нас, наш мозг, а точнее, его деятельность, искажается этим потоком. Отсюда вывод, что когда поток времени станет управляемым, возможно будет также управлять творческими способностями людей. Что вы на это скажете?

— Что я все еще теряюсь в догадках.

Сэр Уолден беспомощно рассмеялся:

— Вы должны понять, что наш мир, наш город, наша жизнь мало обременены причинностью, — он наклонился к уху Клайстры, будто сообщая важную тайну. — Мы, кристеры, любим все новое, свежее, неизведанное. Вы — земляне. Уже пятьдесят лет земляне не появлялись в Кристиендэйле. Ваше пребывание в моем замке не только доставляет мне удовольствие и новые впечатления, но и существенно поднимает мой престиж в обществе. Видите, я откровенен в ущерб себе.

— Я вижу, — сказал Клайстра. Объяснение было приемлемым. — Без сомнения, вы получили бы дюжину других гостей в течение часа.

— У меня есть связи в транспортном отделе.

Клайстра попытался вспомнить главного носильщика на вокзале. Наверняка, именно он сразу же передал информацию сэру Уолдену.

Вечер закончился. Лакей провел слегка осоловевшего Клайстру в его покои.

Утром ему прислуживал тонколицый молодой человек. Он приготовил гостю утреннюю ванну и в полном молчании помог Клайстре одеться.

Клайстра торопливо спустился в зал, надеясь найти Нэнси, но ее там не было. За столом сидели Пианца и Элтон и ели дыню.

Клайстра пробормотал приветствие и тоже уселся. Через минуту появилась Нэнси, свежая и отдохнувшая, еще более красивая, чем вчера. За завтраком он попытался прозондировать ее. Она отвечала вежливо, холодно и спокойно.

Через полчаса в зале собрались все. Кроме Фэйна.

— Где Роджер? — спросил Пианца. — Он еще спит? — Он повернулся к лакею. — Вы не могли бы разбудить мистера Фэйна?

Лакей вернулся и сказал, что лорда Фэйна в его комнатах нет.

Его не было весь день.

— Возможно, — сказал сэр Уолден, — Фэйн отправился пешком осматривать город.

Поскольку другие гипотезы нельзя было высказать вслух, Клайстра вежливо согласился. Если Фэйн действительно бродит по городу, он вернется, когда устанет. Если его похитили, Клайстра бессилен что-либо предпринять. «Следует покинуть Кристиендэйл как можно скорее», — подумал он и объявил об этом за обедом.

Вайли и Мотта переглянулись.

— Мы лучше останемся здесь, — сказала Вайли. — Здесь все веселые, женщин не бьют, и всем хватает еды.

— Конечно, здесь нет мяса, — уточнила Мотта. — Но кого это волнует? Зато здесь хорошая одежда и духи, и... — она переглянулась с Вайли и хихикнула.

Стив Бишоп вспыхнул и отпил из своего бокала. Элтон сардонически поднял брови.

— У меня для вас приятный сюрприз, — сказал сэр Уолден. — Сегодня к ужину будет мясо. В честь наших гостей.

Он оглядел путешественников, ожидая вспышки энтузиазма.

— Но, вероятно, для вас мясо не такая роскошь, как для нас. И еще, милорд сэр Кларенс Эттли просил передать, что он приглашает в свой замок на вечер. Он устраивает прием в вашу честь. Я надеюсь, вы примете приглашение.

— Спасибо, — сказал Клайстра. — Лично я приду с удовольствием. Он поглядел на своих спутников. — Ду-

маю, мы все пойдем. Даже Фэйн, если он вернется к вечеру.

В середине дня сэр Уолден провел своих гостей на «розлив» — церемонию получения цветочного вина. Присутствовало около сотни аристократов в зеленых и серых головных уборах. Сэр Уолден сказал, что это традиция.

Пажи подавали присутствующим хрустальные бокалы с несколькими каплями вина. Сэр Уолден сказал:

— Проведите языком по жидкости, но не пробуйте по-настоящему.

Клайстра последовал совету. Волна жидкого огня прокатилась через горло в ноздри. Перед глазами поплыли яркие пятна, голова закружилась, и он на мгновение застыл в экстазе.

— Божественно, — выдохнул он, когда смог говорить.

Сэр Уолден кивнул:

— Это сбор «Байе-Жоли». Следующий — «Красное дерево», потом «Морской сад», «Розовый дурман» и, наконец, мой любимый «Урожай луга».

13. СЕКРЕТ

Когда Клайстра и его спутники возвратились в замок сэра Уолдена, им сказали, что Роджер Фэйн не появлялся.

Этим вечером сэр Уолден был еще более великолепен и радушен, чем когда-либо. Он постоянно поднимал тосты за здоровье своих гостей и Матери-Земли. Зеленое вино сменялось оранжевым, оранжевое — красным, и у Клайстры звенело в голове еще до окончания первой перемены блюд.

Печеные, тушеные, маринованные фрукты и овощи, салаты, супы, соте и в заключение — огромный, пропитанный ромом арбуз.

Сэр Уолден сам подавал мясо, тоненькие кусочки, тушеные в коричневом соусе.

Клайстра обнаружил, что совершенно сыт, и только вежливость заставила его доесть свой кусок.

— Что за животное мы едим?

Сэр Уолден пожал плечами:

— Это очень большой зверь, редко встречающийся в наших краях. Забрел сюда из северных лесов. Мы его поймали. У него удивительно нежное мясо.

— О да, — сказал Клайстра. Обернувшись, он заметил, что Элтон с Бишопом сохранили аппетит и с удовольствием расправляются с мясом; девушки-цыганки не отставали от них.

За десертом Клайстра сказал:

— Я думаю, сэр Уолден, завтра мы покинем Кристиендэйл.

— Что? Так скоро?

— Перед нами далекий путь, линия монорельса идет лишь до Миртлисса.

— Но ваш друг, Фэйн...

— Если он найдется... — Клайстра немного помолчал. — Если найдется, то, вероятно, сможет догнать нас. Я считаю, что нам следует уехать, прежде чем еще кто-нибудь «заблудится».

— Мы отвыкаем от суровой походной жизни, — сказал Пианца. — Еще две недели, и мы не сможем заставить себя уйти.

Сэр Уолден был искренне расстроен:

— Я пригласил вас как достопримечательность, но вы стали моими друзьями.

Прибыл экипаж, чтобы отвезти землян в замок сэра Кларенса. Сэр Уолден, однако, не поехал с ними.

— Этим вечером я занят, — сказал он.

Клайстра опустил на мягкое сиденье, автоматически провел рукой по бедру и вспомнил, что оставил пистолет в комнате. Он шепнул Элтону:

— Не пей много сегодня вечером. Нам потребуются свежие головы. Для чего?.. Пока не знаю.

— Ясно.

Экипаж остановился перед бело-голубой колонной. Сэр Кларенс, человек с тяжелым подбородком и острыми глазами, встречал гостей на вершине винтовой лестницы. Клайстра внимательно смотрел на него. Почему-то лицо сэра Кларенса казалось ему знакомым.

— Мы не встречались с вами раньше, сэр Кларенс? На розливе?

— Не думаю,— ответил сэр Кларенс.— Я был занят другими делами.— Он проводил гостей в дом.— Позвольте вам представить мою жену и мою дочь Валерию.

Клайстра открыл рот. Это была та самая девушка, что одевала его после ванной. Он пробормотал:

— Счастлив познакомиться,— и она отошла к другим гостям.

Наблюдая за надменной юной леди в шуршащих шелковых одеждах, Клайстра все более уверялся, что это та самая девушка.

Бишоп склонился к его уху:

— Происходит что-то очень странное.

— Что же?

— Наш хозяин, сэр Кларенс. Я видел его раньше.

— И я.

— Это он,— Бишоп хрустнул пальцами.

— Кто?

— Сэр Кларенс был или является швейцаром «Охотничьего клуба».

Клайстра недоуменно уставился на Бишопа, потом на сэра Кларенса, мирно беседовавшего с Нэнси. Бишоп был прав.

За его спиной раздался громкий хохот, переходящий в рев.

— Господи! Вы только посмотрите!

Смеялся Элтон, а с ним это редко случалось.

Клайстра обернулся и столкнулся с Роджером Фэйном.

Фэйн был одет в черную ливрею с маленькими золотыми эполетами и катил перед собой столик, уставленный всевозможной снедью.

Клайстра, Пианца и Бишоп разразились дружным хохотом. Фэйн вспыхнул, кровь прилила к его щекам и шее. Он испуганно поглядел на сэра Кларенса, невозмутимо наблюдающего за происшествием.

— Фэйн,— произнес Клайстра.— Может быть, ты введешь нас в курс дела? Ты что, решил подработать на каникулах?

— Не хотите ли пирожного?— спокойно осведомился Фэйн.

— Нет. Я не хочу есть, я хочу, чтобы ты объяснил.

— Спасибо, сэр,— сказал Фэйн и двинулся дальше.

Клайстра догнал Фэйна, который, казалось, был занят только своими обязанностями лакея.

— Роджер! Стой, или я разобью твою чертову посуду!

— Тише,— шепнул Фэйн.— Неучтиво поднимать такой шум.

— Слава Богу, я не аристократ!

— Но я — аристократ! И ты вредишь моему престижу! Здесь все живут так же,— ответил Фэйн.— Каждый кому-нибудь служит. Иначе им не удавалось бы поддерживать такой уровень.

Клайстра сел:

— Но...

— Я решил, что мне здесь нравится. Я остаюсь. Мне надоело тащиться по джунглям и рисковать жизнью. Я спросил сэра Уолдена, могу ли я остаться. Он сказал «да», но объяснил, что мне придется работать. В мире нет более трудолюбивых людей, чем кристеры. Они знают, чего хотят, и создают это. Каждый час всемогущества и аристократизма оплачивается двумя часами труда в магазинах, на фабриках, в частных домах. Вместо одной жизни они живут двумя, тремя. Им это нравится. Они гордятся этим. Мне это тоже нравится. Назовите меня снобом,— Фэйн почти кричал,— и вы будете правы. Но когда вы уйдете, я буду жить здесь как король!

— Все в порядке, Роджер,— сказал Клайстра.— Или, вернее, сэр Роджер. Почему вы не сообщили мне о своих планах?

Фэйн отвернулся:

— Я думал, что вы будете со мной спорить.

— Вовсе нет. Вы свободный человек. Желаю удачи,— и Клайстра вернулся в главный зал.

Утром следующего дня к дому сэра Уолдена подкатил экипаж. Среди людей в упряжке Клайстра узнал сына сэра Кларенса.

Вайли и Мотта отсутствовали. Клайстра спросил Бишоп:

— Где твоя служанка?

Бишоп покачал головой.

— Она знала, что мы уезжаем?

— Ну да...

Клайстра развернулся к Элтону:

— Где Мотта?

Элтон с улыбкой посмотрел на Бишоп.

— Надо глядеть правде в глаза, мы не можем сравниться с Кристиендэйлом.

— Вы собираетесь искать их?

— Здесь им будет лучше, — покачал головой Элтон.

— Поехали, — сказал Бишоп.

На вокзале главный носильщик распахнул дверцу экипажа, потом отвез на тачке багаж и перегрузил его в тележки. Клайстра подмигнул своим спутникам. Носильщиком был сэр Уолден Марчион.

С непроницаемым лицом Клайстра вручил ему еще три куска железа.

— Большое спасибо, сэр, — низко поклонился тот.

Кристиендэйл исчез на западе. Как и прежде, впереди ехал Озрик, за ним следовал Клайстра, потом первый грузовик с Элтоном и Нэнси и второй с Бишопом и Пианцей. Тележка Фэйна осталась в Кристиендэйле.

«Нас все меньше, — Клайстра вспоминал события последних недель. — Кетч, Дэррот, Валюссер — убиты, Фэйн ушел; Эббидженс, Морватц и их солдаты либо мертвы, либо в рабстве; Этман, его люди, волшебники в гримоте — тоже мертвы. Кто последует за ними?» — Эти мысли как туча висели в его мозгу, пока они плыли над берегом тихой речки — восточного притока Тельмы. Здесь росли земные дубы, кипарисы и ясени, посаженные первыми поселенцами и привившиеся на чужой почве. Благоденствовали здесь и растения Большой Планеты: колокольчики, платочное дерево, кусты бронзовника, сотни безымянных цветов и трав. В речных долинах стояли фермы и мельницы.

Речка сворачивала на север, а линия монорельса тянулась дальше на юго-восток. Местность изменилась. Зеленые луга и леса превратились в темные пятна слева и сзади. Впереди была саванна, а за ней в небо вздымались голубые вершины гор.

— Гнездо, — сказал Озрик.

В полдень третьего дня Озрик обернулся к землянам:

— Подъезжаем к озеру Пеллитанат.

Над болотистой низменностью монорельс повернул на юг. Какое-то время они ехали над дюнами, поросшими сухой желтой травой, и белыми песками, чей блеск слепил глаза. Высокие стебли тянулись к тележкам, как пена на гребне волны, и снова склонялись под ветром.

Кабинка Озрика вдруг пропала из виду. Жухлая трава внезапно зашевелилась, и голые, худые, размалеванные желтыми и черными полосами и поразительно высокие люди выскочили из зарослей и кинулись к монорельсу. Они двигались большими прыжками. Раздались резкие крики, и нападающие подняли копыя. Вспыхнул фиолетовый луч. Великаны попадали как подкошенные. Они не были мертвы, а стонали и извивались от боли.

Озрик поднялся с земли, прохлюпал через болото и добил раненых их же собственными копиями.

Вокруг было тихо. Клайстра осмотрел магазин ионного пистолета и покачал головой.

— Выдохся, — он хотел выбросить его, но, вспомнив, что металл представляет ценность, сунул пистолет под сиденье.

Озрик вернулся к своей тележке, ругаясь и шипя.

— Эти чертовы разбойники, чума их поberi, перерезали линию! — Большого преступления в глазах Озрика, очевидно, не существовало.

— Что это за народ? — спросил Бишоп, спустившийся вниз по веревке.

Озрик пожал плечами и равнодушно сказал:

— Называют себя Станези. Они часто беспокоят путешественников.

Бишоп перевернул тело одного из нападавших, заглянул ему в рот:

— Зубы подпилены. Тип черепа хамитский. Племя шиллуков эмигрировало сюда из Судана около трех столетий назад. Они предпочли изгнание подчинению Мировому правительству. Возможно, это их потомки.

Озрик достал из своей тележки блок и моток веревки. Под его руководством путешественники соединили обрезки монорельса. Озрик залез на одну из опор и закрепил место обрыва еще одной веревкой. Потом блок убрали, и монорельс был готов.

Тележку Озрика подняли вверх, он распустил паруса, и караван снова двинулся на восток.

Когда они обогнули лагуну, Клайстра посмотрел вниз и увидел, как Станези, крадучись, приближаются к желто-черным телам. «Что за трагедия, — подумал он, — весь цвет племени погиб за доли секунды».

Караван приближался к полосе деревьев, окружавших озеро Пеллитанат. Ветер был слабым, и скорость тележек не превышала скорости бегущего человека. Озеро было похоже на зеркало. Противоположный берег скрывался в тумане. Посередине озера виднелось несколько лодок. По словам Озрика, здесь жило племя рыбаков, суеверных людей, чьи ноги никогда не касались земли.

Поздно вечером они все еще шли над приозерным лесом, когда с востока появились тележки торговцев.

Озрик остановил свою тележку, глава второй группы сделал то же самое, и они обменялись приветствиями.

Торговцы были из Мирамара, что в Келанвилли, южнее Кристиендэйла, и возвращались от Миртлесского Фонтана. Это были ясноглазые высокие люди в белых льняных одеждах. Красные повязки на головах придавали им пиратский вид. Озрик, однако, не проявлял и тени недоверия, и Клайстра немного расслабился.

Торговый караван состоял из четырнадцати тележек, нагруженных рафинадом. По обычаю, земляне, у которых было всего четыре тележки, должны были снять их с каната и уступить торговцам дорогу.

Ночь уже опускалась на озеро, и Клайстра решил, что пора становиться лагерем. Глава торговцев решил расположиться рядом.

— В эти печальные времена, — сказал он, — приятно иметь честного соседа, пусть только на одну ночь.

14. ОБМАН

Спать было еще рано. Торговцы сидели у костра, склонившись над длинным ящиком, в котором по дорожкам скакали кузнечики. Рядом сидела Нэнси. Ее

темные глаза неотрывно смотрели в огонь. Эли Пианца полировал ногти, Стив Бишоп возился с записной книжкой. Элтон расслабленно прислонился к дереву, из-под опущенных век наблюдая за лагерем. Озрик, напевая сквозь зубы, чинил свою тележку.

Клайстра спустился к берегу и стал следить, как на озеро наползает тьма. Небо на западе стало оранжевым, зеленым и серым, на востоке — уже почернело. Ветер утих. Поверхность озера сияла нежным молочного-белым светом.

Из-за деревьев вышла Нэнси, волосы ее были как золотой туман. Она села рядом с ним.

— Зачем вы пришли сюда?

— Так, бродил. Думал.

— Вы жалеете, что покинули Кристиендэйл?

— Конечно, нет, — удивленно ответил он.

— Вы избегаете меня, — просто сказала Нэнси.

— Вовсе нет.

— Наверное, женщины Кристиендэйла нравятся вам больше, — в ее голосе отчетливо прозвучала обида.

Клайстра рассмеялся:

— Я почти не разговаривал с ними. Как вам тамошние мужчины?

— Как я могла думать о ком-нибудь другом? Я сходила с ума от ревности.

Клайстре вдруг стало легко, как будто с него сняли огромную тяжесть. Он лег и притянул ее к себе.

— За Миртлиссом нет монорельса.

— Нет.

— Я собирался вернуться в Кристиендэйл...

Он почувствовал, как она напряглась.

— ...и построить там планер, достаточно большой, чтобы поднять нас всех. Потом я понял, что мы не сможем лететь все время, во-первых, и что без горючего мы вообще не взлетим, во-вторых.

— Ты слишком волнуешься, Клод, — она погладила его по руке.

— Одна идея может сработать: воздушный шар, наполненный горячим воздухом. Но здесь сильный юго-восточный ветер, и нас отнесет в море, — он подавил вздох.

— Давай прогуляемся по берегу туда, где нас не увидят.

Когда они возвратились, торговцы откупорили большую бутылку вина, и все снова уселись вокруг огня, весело беседуя. И Клайстра, и Нэнси пили совсем немного.

Яркий солнечный свет заливал лагерь. Клайстра заставил себя проснуться. Почему так сухо во рту? Почему его не разбудили, чтобы сменить часовых?

Он оглядел лагерь.

Торговцы ушли!

Клайстра вскочил. Под монорельсом вниз лицом лежал Эли Пианца.

Тележек не было. Четыре тележки, сотни фунтов металла, одежды, инструментов.

И Эли был мертв.

Они похоронили его в полном молчании. Клайстра поглядел на монорельс, потом на свой маленький отряд:

— Не будем обманывать себя. Это настоящий удар.

— Вино, — зло сказал Озрик. — Нам не надо было пить. Они смазали стаканы сонным зельем. Никогда нельзя доверять торговцам.

Клайстра все качал головой, глядя на могилу Пианца. Прекрасный товарищ, добрый, умный. Он повернулся к группе:

— Озрик, вам нет смысла оставаться с нами. Тележки похищены и наш металл тоже. Вам лучше вернуться в Кристиендэйл и забрать тележку Фэйна, в ней вы сможете добраться до Болотного острова.

Они оставались вчетвером: Элтон, Бишоп, Нэнси и он сам.

— Вы тоже можете вернуться. Впереди опасности и смерть, каждый, кто хочет вернуться в Кристиендэйл, имеет на это право.

— Почему ты не повернешь, Клод? — Спросила Нэнси. — У нас вся жизнь впереди, рано или поздно мы сможем послать сообщение.

— Нет. Я иду вперед.

— Естественно, — сказал Бишоп.

— Мне не нравится Кристиендэйл, — улыбнулся Элтон. — Они слишком тяжело работают.

Нэнси опустила плечи.

— Ты можешь вернуться с Озриком, — предложил Клайстра.

Она печально поглядела на него:

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я с самого начала был против твоего участия в походе.

— Я не поверну назад, — упрямо сказала она.

Озрик встал, подкрутил соломенный ус и вежливо поклонился:

— Я желаю вам удачи. Разумнее было бы вернуться со мной в Город-на-Болотах. Виттельхэтч — не самый плохой хозяин, — он оглядел их. — Нет?

— Желаю счастливо добраться домой, — сказал Клайстра.

Он следил, как Озрик шел к деревьям, размахивая на ходу руками. Арбалет остался в тележке, а тележка...

— Стойте!

Озрик обернулся. Клайстра протянул ему тепловой пистолет:

— Снимаете предохранитель, потом нажимаете на эту кнопку. Здесь очень мало энергии, так что не расходуйте ее по пустякам.

— Спасибо, — сказал Озрик.

— До свидания.

Он исчез за деревьями.

Клайстра вздохнул:

— Два или три заряда в этой пушке дали бы нам несколько миль пути или нескольких мертвых реббиров. Ему они спасут жизнь. Так, с этим кончено, что у нас осталось?

— Пакеты с концентратами, мои витамины, водочиститель и четыре ионника.

— Зато не тяжело, — сказал Элтон.

Озеро было около сорока километров в диаметре, два дня они спокойно шли лесом. Вечером второго дня они наткнулись на реку, текущую на юг, и разбили лагерь на ее берегу.

На следующее утро они построили плот. Яростной греблей четверка переправила хрупкое сооружение на другой берег в трех милях ниже монорельса.

Они выбрались на берег и огляделись. На северо-востоке в небо врезался хребет Гнездо, окруженный справа и слева более низкими грядами утесов.

— Похоже, — сказал Элтон, — нам придется посвятить этим скалам как минимум три дня.

— Хорошо еще, что мы идем пешком, — отозвался Бишоп. — Я представляю себе всю эту возню с перегрузкой.

Клайстра внимательно разглядывал ближний берег озера.

— Что вы там видите?

— Десяток всадников на зипанготах, — ответил Элтон.

— Торговцы говорили об отряде реббиров. Похоже, это они и есть, — он кивнул.

— Как хорошо было бы ехать верхом, — вздохнула Нэнси.

— Именно об этом я сейчас и думаю, — улыбнулся Клайстра.

Бишоп печально вздохнул:

— Месяц назад я был цивилизованным человеком. Я и не думал, что стану конокрадом.

— Ты еще больше удивишься, если вспомнишь, что шестьсот лет назад реббиры тоже были цивилизованными людьми, — ухмыльнулся Клайстра.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Элтон. — Спустимся и убьем их?

— Если они подождут нас, — ответил Клайстра. — Я надеюсь, что мы уложимся в один мегаватт, потому что, — он проверил магазин ионника Пианцы, — тут только два.

— У меня столько же, — сказал Бишоп.

— Мне хватит на два хороших залпа, — заключил Элтон.

— Если они тихо проедут мимо, мы будем знать, что это мирные люди, и не тронем их, — заявил Клайстра, — но если...

— Они заметили нас! — закричала Нэнси. — Они едут к нам!

Через равнину летели всадники на бешеных зипанготах, черные плащи развевались по ветру. Зипанготы отличались от тех, что Клайстра продал Виттельхэтчу:

они были больше, массивнее, их белые костлявые головы напоминали черепа.

— Демоны, — пробормотала Нэнси.

— Все наверх, — скомандовал Клайстра. — Нужно задержать передних, пока все не окажутся в радиусе поражения.

Боевой клич реббиров летел над равниной, земляне уже могли различить лица передних всадников.

— Всего тринадцать, — шепнул Клайстра. — Бишоп, твои те, что справа, Элтон — слева, я возьму пятерых в центре.

Всадники выстроились полукругом, огибая холм, на котором стояли четверо. Три вспышки. Тринадцать реббиров на земле.

Через несколько минут отряд отправился через равнину к черной линии утесов. Они взяли самых лучших зипанготов, остальных отпустили. Сабли, ножи и металл реббиров брякали в седельных сумках. На землянах были черные плащи и белые шлемы.

Нэнси все это не понравилось.

— От реббиров разит козлом, — морщилась она, — их плащи ужасны, а шлемы грязные внутри.

— Вытри, — посоветовал Клайстра, — и надень, если хочешь живой добраться до Миртлисса.

Вскоре они достигли скалистого склона. В высоте над ними проплыл караван из шести грузовых тележек под полными парусами. Задрав головы, путники следили за ним, пока тележки не исчезли в тени леса.

На третий день они достигли хребта. Линия монорельса резко поднималась вверх, к острию утеса.

— Так они спускаются из Миртлисса, — Клайстра посмотрел на кабель, сливающийся с меловой стеной утеса. — Вверх подниматься тяжело. Сплошные перегрузки. А вниз? Помните, как мы въезжали в Долину?

— Здесь было бы еще хуже, — голос Нэнси дрожал.

Путники подъехали к нижней платформе монорельса. От нее вверх вела тропинка, сворачивавшая влево и назад, огибавшая мелкие скалы и превращавшаяся в узкий проход, вырубленный в утесе. Двести ярдов вперед, затем — назад и наискосок; вправо, влево, вправо, влево. Плечи животных упирались в стены, нужно

было скорчиться в седле, чтобы не ушибиться. Зипанготы, впрочем, двигались без особого напряжения.

Земля постепенно отдалялась; там, где глаза Клайстры привыкли видеть горизонт, была только земля. Вдали серебряным зеркалом блестело озеро.

Вверх. Тучи закрыли солнце, и земляне почти не видели дороги, ветер ревел над их головами.

Отряд остановился на краю утеса. Ветер прижал их к скале. Серое безжизненное плато тянулось миль на двадцать и терялось в не менее серой тени. Высоко над ним дрожал белый канат монорельса — единственное, что придавало картине объемность.

— Ну что же, — сказал Клайстра, — ничего не видно.

— Смотри, — рука Элтона показывала на север.

Клайстра чуть не вылетел из седла.

— Доброе утро! Реббиров.

Словно колонна муравьев, они ползли по хребту в нескольких милях от землян. Их было около двух сотен. Клайстра хрипло сказал:

— Нам лучше ехать. Если мы пойдем под монорельсом, не очень быстро, может быть, они не тронут нас.

Беспечной рысью караван двинулся на восток прямо по тени, отбрасываемой монорельсом. Клайстра не спускал глаз с реббиров:

— Мне кажется, что они не следуют за нами.

— Уже следуют, — сказал Элтон.

Дюжина всадников вырвалась из рядов реббиров с явным намерением догнать маленький отряд.

— Нам придется прибавить скорость, — прошипел Клайстра.

Он сжал коленями бока зипангота, тот взвыл и рванулся вперед, закидывая костлявую голову.

Двадцать четыре ноги тяжело били в базальт. А сзади неслись реббиров в черных развевающихся плащах.

15. РЕББИРЫ

«Кошмарная скачка, — подумал Клайстра, — быть может, я сплю?» Кошмарные скакуны, черные всадники и равнина, как из «Ада» Данте.

Клайстра отогнал это ощущение. Обернувшись, он посмотрел на реббиров. Теперь их преследовала вся армия. Первый десяток был еще далеко. Клайстра пришпорил своего зипангота:

— Скачи, милый.

Миля за милей — серая равнина и топот сотен ног. Глядя вперед, Клайстра увидел, что базальт кончается. Впереди были дюны, белые как соль и блестящие как битое стекло.

Реббиров приближались. Оглянувшись, Клайстра увидел зрелище, которое при других обстоятельствах показалось бы ему прекрасным: преследователи стояли на спинах несущихся животных. Каждый из них, откинув капюшон, натягивал тетиву большого черного лука.

— Берегись! — выкрикнул Клайстра. — В нас стреляют! — И прижался к спине зипангота.

Стрела пропела над его головой. Впереди показались дюны. Клайстра услышал, что топот зипанготов стал глуше, теперь они скакали по песку. Зипангот устал, дыхание с хрипом вырывалось из его глотки. Через несколько миль животные выдохнутся, и тогда им всем конец.

По дюнам, через небольшую долину — к молочно-белым утесам. Цепочка черных всадников, летящих позади, была похожа на огромный черный шарф.

Беглецы достигли утесов. Позади слышались топот ног и резкий боевой клич. Вперед по высохшему руслу реки. Скакуны спотыкались, все ниже склоняя головы.

С двух сторон в утесах открывались проходы. Клайстра кивнул влево.

— Сюда! — Он погладил своего задыхающегося зипангота. — Быстро! Если мы оторвемся, у нас есть шанс.

Он прыгнул в проход, за ним — Нэнси, бледная, с синим кольцом вокруг губ, Бишоп, Элтон.

— Тихо, — сказал Клайстра. — Все в тень.

Рокочущий звук прокатился по старому руслу. Боевой клич прозвучал совсем рядом, затем затих.

Теперь топот стал звонче, преследователи явно переменили направление. Их крики больше не содержали угрозы, реббиров разговаривали между собой. Клайстра

посмотрел через плечо. Овраг, в котором они стояли, под немыслимым углом упирался в склон горы. Он повернулся к Нэнси:

— Вверх по склону. Бишоп и Элтон — за ней.

Нэнси пришпорила своего скакуна, он двинулся, затем остановился и попытался повернуть назад. Нэнси дернула поводья. Кашляя и шипя, зипангот начал взбираться на гору.

— Быстрее, — сказал Клайстра. — Они могут появиться в любой момент.

Бишоп и Элтон последовали за Нэнси. Крики раздавались все ближе. Клайстра поднял своего скакуна на дыбы. Позади, пригнувшись в седлах и размахивая саблями, скакали реббиров.

Проход был забит разгоряченными людьми и животными. Они сплелись в тесный клубок и не могли вырваться из прохода.

Нэнси первой перевалила хребет, следом — Бишоп, за ним — Элтон и Клайстра.

Элтон знал, что делать. Он смеялся, показывая белые зубы. Его ионник был наготове. Он прицелился в зипангота первого из преследователей. Белая голова превратилась в красное пятно. Животное упало и покатилося вниз по склону, сшибая с ног остальных.

Клайстра повел свой отряд вдоль хребта. Они ехали с максимально возможной скоростью. Они скакали по наплывам лавы, огибая утесы и провалы.

Минут через пять Клайстра свернул в один из проходов и остановился, лишь доехав до запиравшей его скалы.

— Они будут долго нас искать, если вообще будут. До темноты мы, во всяком случае, в безопасности.

Он поглядел на тяжело вздымающиеся плечи своего зипангота:

— На вид ты не очень-то хорош, приятель, но тебе цены нет.

Ночью они вернулись на плато и тихо поехали на восток. Кряж расширялся и становился более пологим, иногда острые зубья скал тонули в океане песка.

Когда они выехали на равнину, издалека донесся клич — клекот орла. Клайстра остановил своего зипангота и прислушался. Тишина.

Зипангот всхрипывал, перебирал ногами. Клич повторился. Клайстра пришпорил его:

— Нам лучше убраться подальше от реббиров, пока темно. Или найти укрытие.

Они тихо поехали по светящемуся песку. Клайстра наблюдал за равниной позади. Метеориты чертили яркие линии в темном небе. А позади снова раздался боевой клич.

Начинался рассвет. На востоке появились неясные тени деревьев. Федра поднялась в небо, и путешественники ясно видели теперь зеленый остров в море песка. Из центра оазиса поднималось полукруглое здание, будто сделанное из белого металла.

— Должно быть, Миртлисс,— сказал Клайстра.— Фонтан Миртлисса.

Безжизненный песок пустыни резко оборвался. На границе оазиса рос высокий голубоватый мох, хотя всего в нескольких дюймах до этой границы земля была сухой и пыльной.

Они вошли под тень деревьев как в райский сад. Клайстра соскользнул со своего зипангота, привязал поводья к дереву и помог Нэнси сойти на землю. Лицо ее было бледным и усталым. Бишоп сразу же растянулся на траве. Глаза Элтона горели лихорадочным огнем, рот сжался в тонкую белую линию.

Зипанготы, обняв мох, опрокинулись на спины и начали кататься по нему. Клайстра кинулся снимать груз, прежде чем они сотрут его в порошок.

Нэнси растянулась под деревом рядом с Бишопом.

— Голодна? — спросил Клайстра.

— Нет,— она покачала головой.— Просто устала. Здесь мир и покой. Слышишь? Это птица?

Клайстра прислушался:

— Это только похоже на птиц.

Эса Элтон открыл пакет, смешал пищевой порошок с витаминами, долил воды, замешал тесто, выложил его в микроволновую печь Фэйна, опустил шторку и через пять минут достал готовый пирог.

Клайстра лег на мох:

— Открываю военный совет.

— В чем дело? — спросил Элтон.

Клайстра смотрел на густую листву, на белые прожилки листьев.

— Выживание. Когда мы вышли из Джубилита, нас было восемь, не считая Нэнси. Ты, я, Бишоп, Пианца, Фэйн, Дэррот, Кетч и Валюссер. С Нэнси — девять. Мы прошли тысячу миль, и нас осталось четверо. Впереди пустыня, нам придется пересечь значительную часть Палари. Потом горы, озеро, река Мончевиор, потом полная неизвестность.

— Он нас пугает, — сказал Бишоп.

— Когда мы оставили Джубилит, — продолжал Клайстра так, как будто не слышал, — я думал, что у нас есть приличные шансы на то, что мы дойдем. Сотрем ноги, вымотаемся, но дойдем. Я был неправ. Итак, пока это возможно, каждый, кто хочет вернуться по монорельсу в Кристиендэйл, получает мое благословение. В саблях реббиров достаточно металла, чтобы сделать нас всех богачами. Если кто-то предпочитает быть живым кристером, а не мертвым землянином, сейчас самое время сделать выбор.

Он ждал. Все молчали.

Он продолжал смотреть в небо.

— Мы отдохнем здесь, в Миртлиссе, день или два, а потом те, кто все еще хочет идти на восток...

Клайстра осторожно шагал по поляне, разглядывая своих спутников. Бишоп сопел, Элтон спал как невинный младенец, Нэнси снился кошмар: она стонала во сне. Клайстра думал: «Торговцы убили Пианцу потому, что он остался дежурить той ночью. Почему они остановились? Они очень легко могли перерезать всех нас, сонных. У этих торговцев явно не было ни совести, ни иных спасительных предрассудков. У землян была ценная одежда с металлическими застежками. Ионники сами по себе являются огромной ценностью. Почему же торговцы все-таки не убили нас? Или их переубедил кто-то, обладавший большим авторитетом? Вероятно, в виде ионного пистолета».

Клайстра повернул обратно. Боль комком стояла в горле. Он вернулся на поляну. Мох был мягким, пружинистым и пушистым, как звериная шкура. В воздухе был разлит покой. Солнечные лучи пробивались сквозь

листву и придавали роце вид волшебного леса из сказки об эльфах. Откуда-то доносился музыкальный свист, щелканье, снова свист. Пела не птица, скорее, какое-то насекомое или ящерица, на Большой Планете не водилось птиц. А со стороны круглого здания раздавался четкий и ясно различимый звук гонга.

Он услышал шорох за спиной. Резко обернулся. Нэнси. Клайстра облегченно вздохнул:

— Ты меня напугала.

— Клод, — шепнула она, — давай вернемся, все вместе. — Она жадно хватала ртом воздух. — Я не имею права так говорить, я — незваная гостья. Но ты погибнешь, а я не хочу, чтобы ты умирал. Почему мы не можем просто жить, ты и я? Если мы вернемся в Кристиендэйл, мы проживем жизнь в любви и покое.

Он покачал головой:

— Не уговаривай меня, Нэнси. Я не могу повернуть назад. Но думаю, что ты — должна.

Она отступила назад, глядя на него расширенными глазами:

— Я тебе больше не нужна?

— Конечно, нужна, — он рассмеялся устало. — Я жить без тебя не могу. Но то, что мы забрались так далеко — это чудо. А чудо должно когда-нибудь кончиться.

— Конечно! — крикнула она. — Поэтому я и хочу, чтобы ты повернул назад! — Она положила руки ему на грудь. — Клод, я прошу тебя.

— Нет.

Слезы текли по ее щекам. Он растерянно смотрел на нее, пытаясь подобрать нужные слова. Они застревали в его горле. Не найдя ничего лучшего, он сказал:

— Тебе следует отдохнуть.

— Я больше никогда не буду отдыхать.

Он удивленно посмотрел на нее. Нэнси отошла к краю оазиса, прислонилась к дереву и стала смотреть на пустыню.

И Клайстра снова заходил кругами. Мягкий мох заглушал звук его шагов.

Прошел час.

Он подошел взглянуть на Нэнси. Она спала, заложив руки за голову. Что-то в ее позе, в напряженности

спины сказало Клайстре, что их отношения никогда уже не будут прежними.

Он подошел к спящему Элтону и коснулся его плеча. Инженер открыл глаза.

— Твоя очередь. Разбудишь Стива через час.

Элтон зевнул и встал.

— Хорошо.

Звук. Хриплый глухой звук. Клайстра очень устал, но не мог снова погрузиться в сон. Дальний, беспокоящий звук не позволял ему. Опасность. Он должен проснуться!

Он вскочил на ноги, хватаясь за рукоятку ионника.

Рядом лежал спящий Элтон.

Бишопа не было видно. Нэнси тоже. Голоса. Удар, еще удар. Звуки затихли вдали.

Клайстра побежал, раздвигая ветви деревьев, перепрыгивая через стелющиеся по земле лианы. Он обо что-то споткнулся и остановился. Он споткнулся о труп.

Об окровавленный безголовый труп Стива Бишопа. Голову убийцы унесли с собой.

«Где теперь эта круглая голова, этот мозг, заполненный знаниями? Где Бишоп? Куда он ушел?»

Кто-то схватил его за руку.

— Клод!

Он взглянул в лицо Элтона:

— Они убили Стива.

— Вижу. Где Нэнси?

— А где может быть Нэнси?

Он обернулся, потом остановился и стал внимательно смотреть под ноги.

— Те, кто убил Стива, забрали ее с собой, — сказал Элтон. — На земле остались следы.

Клайстра глубоко вздохнул, еще раз, затем еще раз. Посмотрел на следы. Его охватило неудержимое желание действовать. Он кинулся к круглому зданию. Он пробежал кипарисовую рощу и вылетел на мощеную дорожку, ведущую прямо к храму. Отсюда храм был виден целиком, от колоннады справа до колоннады слева. Ни Нэнси, ни ее похитители не появлялись.

На мгновение Клайстра остановился, потом снова побежал. Он бежал через сад, мимо длинной мраморной

скамьи, мимо каскада фонтанов с желтой водой, вниз по дорожке, вымощенной черным и белым мрамором.

Старик в сером шерстяном халате подрезал розы. Увидев Клайстру, он распрямился.

— Куда они пошли? — прохрипел Клайстра. — Люди с девушкой?

Старик тупо смотрел на него.

Сзади подбежал Элтон:

— Он глухой.

Клайстра побежал дальше. В конце дорожки находилась дверь. Наверное, именно через нее Нэнси втащили внутрь. Он ударил в нее плечом. Дверь не поддавалась.

Он заколотил в стену руками, крича:

— Откройте! Откройте, я приказываю вам!

— Колотясь в эту дверь, ты ничего не добьешься. Разве что получишь стрелу в горло, — сказал Элтон.

Клайстра остановился. Внимательно осмотрел стену. Солнечный свет играл на ней с тенями деревьев. Очень спокойно Клайстра произнес:

— В моем ионнике хватит зарядов, чтобы поглядеть на цвет их крови.

— Ты успокоишься, наконец?! — нетерпеливо оборвал его Элтон. — Во-первых, мы должны позаботиться о зипанготах, куда их не украли.

Клайстра с усилием оторвал глаза от стены и повернулся к Элтону.

— Ладно, ты прав. Бедняга Бишоп.

— Вряд ли мы переживем его хотя бы на сутки, — ровным голосом сказал Элтон.

В отсутствие хозяев зипанготы объели половину кустов на поляне и теперь мирно стояли, вытягивая шеи и тихо подвывая. Не говоря ни слова, Клайстра и Элтон разгрузили вьюки. Имущество Бишопы и Нэнси казалось им много тяжелее их собственного.

— Знаешь, что бы сделал я, если бы руководил нашим походом? — спросил Элтон, на мгновение прекратив работу.

— Что?

— Поехал бы строго на восток и не оглянулся бы. Клайстра покачал головой:

— Я не могу, Эса.

— Тут что-то очень не так.

— Знаю. И хочу понять, что именно. Я теперь воюю за мертвое дело. Ты еще можешь вернуться в Кристи-эндэйл.

— Вот еще,— фыркнул Элтон.

Они взобрались в седла и двинулись по направлению к храму.

16. ПОИСКИ

Воздух был полон звуков: «птичий» свист, жужжание и зудение мелких насекомых, шорох теплого ветра. Они шагом проехали через рощу. Там стояла девочка, возившаяся с игрушечным чертенком. У нее было треугольное лицо и большие темные глаза. На ней были только зеленые сатиновые бриджи и красные шлепанцы. Она наблюдала за чужеземцами, приоткрыв рот, совсем позабыв о своей игрушке. Она была похожа на земного ребенка. Что станет с ней, когда она вырастет?

Они ехали мимо длинной стены из тесаного камня, поросшей тем же голубоватым мхом. Стена уперлась во флигель храма. Обогнув его, они проследовали по чистой узенькой улочке, вдоль которой протекал канал с желтоватой водой. Справа появились маленькие лавки, потом открылась базарная площадь; путешествуя между звезд, Клайстра видел сотни таких.

С прилавков свисала одежда, пояса, матерчатые украшения, тут же лежали кучи фруктов и овощей, рядами выстроились горшки, миски, тарелки, рядом стояли корзины с зеленью и просто пустые и, конечно, здесь продавалось вино. Никто не обращал внимания на проезжающих мимо землян.

Над самой большой и чистой лавкой в качестве вывески висел меч. Клайстра остановил зипангота.

— У меня есть идея.— Он слез, вытащил из седельной сумки две сабли, отбитые у реббиров, и шагнул в темноту лавки.

Невысокий очень толстый человек поднял голову от стола. Его лицо было бледным, в волосах пробивалась

седина, а нос и подбородок выдавали реббира, чуть смягченного цивилизацией.

Клайстра швырнул сабли на стол:

— Сколько вы дадите за них?

Толстяк изменился в лице. Он не пытался скрыть интерес.

— Где вы это взяли? — Он взял саблю, провел пальцем по лезвию. — Это прекрасная сталь. Такую изготавливают только кузнецы Южных реббирив.

— Я их недорого отдам.

Глаза оружейника загорелись.

— Чего вы хотите? Может быть, роскошный шлем, отделанный перламутром, с магическим горным опалом на шишаке? Еще я могу предложить вам...

— Нет, — сказал Клайстра, — еще дешевле. Час назад мою женщину силой увели в тот большой дом, или храм, ну, как он называется. Я хочу получить ее назад.

— Две таких сабли за женщину? Вы шутите? За эти сабли я приведу вам пятнадцать девушек, прекрасных как утренняя заря!

— Нет. Мне нужна только моя женщина.

Торговец с отсутствующим видом потер лоб и снова провел рукой по лезвию клинка.

— По правде говоря, я очень хочу получить эти сабли. Но и голова у меня только одна, — он положил саблю на место. — Знаете, эти служители совершенно непредсказуемы. Иногда они ведут себя как выжившие из ума олухи, а потом все это оборачивается таким умом и коварством, что честному торговцу остается только руками разводить.

Клайстра нервничал. Время шло. Минуты капали, как вода на обнаженный мозг. Нэнси, что с ней случилось?

— Ну и что? — спросил он оружейника.

— Чего вы хотите от меня?

— Я хочу эту женщину. Она молода и красива, вероятно, кто-то из служителей взял ее себе.

Оружейник покачал головой, как бы удивляясь невежеству клиента:

— Мудрецы хранят целомудрие. Скорее всего, ее взяли в ямы для рабов.

— Я не знаю ничего о храме. Мне нужен кто-то, кто знает.

— Понятно, — кивнул торговец. — Так вы пойдете сами?

— Да, — зло сказал Клайстра. — Но не думай, что не будешь рисковать своей шеей.

— Не буду, — холодно ответил торговец. — Я — не буду. Кое-кто другой. — Он стукнул ногой в пол. Через несколько секунд в комнату вошел бледный молодой человек, чье лицо было более жестким и костлявым, чем у его отца. Его взгляд упал на сабли, и юноша подавил восхищенный вздох.

— Мой сын Нимэстер. — Оружейник повернулся к юноше. — Один из клинков — твой. Ты должен провести этого человека в храм через проход Зелло. Оденьте рясы, возьмите одну с собой. Этот человек укажет тебе женщину, без сомнения, она в камере. Ты подкупишь Коромутина. Пообещай ему кинжал из порфирита. Приведи женщину сюда.

— Это все? И сабля моя?

— Тогда да.

— Пошли, — сказал юноша Клайстре.

— Минуточку, — Клайстра распахнул дверь. — Элтон! Элтон скользнул в комнату, бесстрастно оглядел ее.

— Если я вернусь вместе с Нэнси, отдай ему эти две сабли. Если мы не вернемся — убей его.

Торговец попытался протестовать. Клайстра улыбнулся:

— Неужели ты думаешь, что я тебе доверяю?

— Доверяю? — удивился тот. — А что это такое — доверие?

Клайстра одарил Элтона волчьей улыбкой:

— На случай, если не вернусь, желаю удачи. Делай карьеру, становись императором.

Нимэстер и Клайстра вышли из лавки, обогнули стену и двинулись по аллее между двумя живыми изгородями. Нимэстер остановился у маленького сарайчика, нажал на рычажок потайного замка и открыл дверцу. Затем достал оттуда сверток и протянул его Клайстре.

— Одевайтесь.

Это была белая ряса с капюшоном; Клайстра натянул ее, затем последовали серебряный халат без завязок и черная мантия, тоже с капюшоном.

Нимэстер натянул такой же наряд.

— Это одеяние Мудреца, средний ранг у Служителей. В храме на нас никто не обратит внимания, — он связал третий комплект в плотный узел, быстрым взглядом изучил аллею. — Сюда, скорее.

Они пробежали сотню футов до отверстия в ограде и проникли в сад.

Тут Нимэстер остановился, осторожно двинулся вперед, снова замер и подал Клайстре знак остановиться. Глядя через переплетение виноградных лоз, Клайстра увидел впереди высокого тощего человека с серым лицом и крючковатым носом, мирно греющегося на солнышке. В руках у него был хлыст, и он лениво похлопывал им себя по сапогу. Невдалеке шестеро ребят разного возраста работали в винограднике, подпирая лозы длинными палками.

Нимэстер наклонился к Клайстре и шепнул:

— Чтобы добраться до стен, надо миновать Зелло. Он не должен видеть нас, иначе поднимет крик.

Нимэстер наклонился, подобрал камешек и швырнул его в одного из мальчишек. Тот закричал, но быстро замолк и вернулся к работе.

Зелло зашевелился, как ленивый питон, и пошел через виноградник, поднимая хлыст.

— Пора, — шепнул Нимэстер. Они ринулись через открытое пространство и остановились в тени стены.

Нимэстер остановился и стал внимательно разглядывать купол Миртлисского храма.

— Иногда там стоит жрец и наблюдает за пустыней. Это бывает, когда они ждут важного гостя и хотят вовремя приготовить оракула, — юноша кивнул. — Так и есть. Вот он.

Клайстра увидел на краю крыши темную тень, подобную Нотрдамской химере.

— Не беспокойтесь, — сказал Нимэстер, — он не заметит нас. Мы ведь не в пустыне. — Он начал карабкаться по стене, используя выступы и выщербины как ступени. На полдороге он пропал из виду. Добравшись

до середины стены, Клайстра обнаружил узкий лаз, невидимый снизу.

Из лаза раздался гулкий голос Нимэстера:

— Эту стену строили для престижа, она пустая внутри, и тут можно пройти.

Послышалось клацанье, затем вспыхнул огонь. Нимэстер зажег фонарь и пошел вперед. Шаги его были легки и очень осторожны.

Они прошли две сотни ярдов внутри стены, затем проход загородил большой черный камень. Рядом с ним была яма, в которую скользнул Нимэстер.

— Осторожно,— пробормотал он,— ступеньки очень узкие. Держитесь крепче.

Клайстра протиснулся в щель в фундаменте здания и вылез в темный коридор.

— Теперь мы под полом Главного Собрания. Над нами Вердиктаториум — место, где сидит оракул.

Над ними звучали шаги. Торопливые, легкие, но какие-то странные.

— Это надсмотрщик, старый Капер. Когда он был молодым, его наложница смазала зубы ядом и укусила его за бедро. Бедняга так и не оправился. Его левая нога не толще моей руки.

Еще одна скала преградила им путь.

— Это пьедестал сидения оракула. Теперь нужно вести себя очень осторожно. Прячьте лицо от света и молчите. Если нас остановят и узнают...

— Что тогда?

— Зависит от того, кто это сделает. Самые опасные — послушники в черных рясах. Они сверхподозрительны. И Иерархи с золотыми кистями на капюшонах. Остальные не так внимательны.

— Каковы твои планы?

— Этот коридор ведет к камерам, где содержат пленников, рабов и преступников, прежде чем использовать их.

— Использовать? В качестве оракула?

— Ни в коем разе,— покачал головой Нимэстер.— Чтобы давать ответы, оракул нуждается в мудрости четырех человек. Поэтому вместе с ним используют еще троих. Сам он тоже служит следующему оракулу.

— Нам пора, — в приступе нетерпения сказал Клайстра.

— Очень тихо, — предупредил Нимэстер. Он вытащил откуда-то грубую деревянную лестницу и приставил ее к скале. Взобравшись на нее, он привязал фонарь к веревке и оставил висеть, а сам пополз по новому лазу. Клайстра последовал за ним. Каменный потолок давил ему на спину.

— Быстро за мной, — шепнул, обернувшись, Нимэстер.

Он исчез. Клайстра провалился в узкую дыру и приземлился на каменном полу рядом с Нимэстером. Под его ногами текла вонючая вода. Нимэстер двинулся к источнику света, фонарю, висевшему над лестничным пролетом, поднялся по ступеням и без страха вошел в освещенное помещение. Клайстра — за ним.

Воздух был горячим и несвежим, Клайстра почувствовал тошноту. Из-за широкой арки доносилась какая-то возня.

Героическим усилием Клайстра проглотил комок и двинулся за дрожавшим от нетерпения Нимэстером.

Люди в рясах проходили мимо по двое, по трое, не обращая на них никакого внимания. Нимэстер остановился:

— Камера за стеной. Посмотри в щель и найди свою женщину.

Клайстра прижался к холодной стене и стал всматриваться в темноту через небольшую дыру как раз на уровне глаза. Около двух десятков человек стояло в середине камеры или сидело на каменных скамьях. Головы рабов были обриты и окрашены в желтый, зеленый и голубой цвета.

— Ну, где она? — спросил Нимэстер. — Та, в дальнем углу?

— Нет, — сказал Клайстра. — Ее здесь нет.

— Ха, — пробормотал юноша, — это проблема. Очень сложно и, как мне кажется, за пределами нашего соглашения.

— Ерунда! Ты подрядился найти женщину и спасти ее, где бы она ни была. Проведи меня к ней, или я убью тебя здесь и сейчас!

— Я не знаю, где искать ее,— спокойно объяснил Нимэстер.

— Так узнай!

— Я спрошу Коромутину. Подожди здесь.

— Нет, я пойду с тобой.

Нимэстер тихо выругался и пошел вниз по коридору до небольшой двери, открыл ее и просунул голову внутрь. Человеку, находившемуся там, было лет пятьдесят. Он носил белоснежную тунику и безукоризненный кружевной воротник. Он совершенно не удивился, увидев Нимэстера, и лишь всем своим видом немедленно создал ощущение, что он важная персона и каждая его минута на счету.

Нимэстер заговорил с ним шепотом. Слова едва доносились до Клайстры. Коромутин поднял глаза и попытался заглянуть под капюшон землянина.

— Он говорит, что она не в камере, он не уйдет без нее.

Коромутин задумчиво нахмурил брови:

— Очевидно, женщина наверху. Если так, то сколько заплатит твой отец? Я бы не отказался от кинжала из хорошего Филемонского порфира.

— Он будет твоим,— кивнул Нимэстер.

Коромутин потер руки, встал и поглядел на Клайстру с интересом.

— Эта женщина, конечно, королева. Мой дорогой сэр,— он поклонился,— я восхищен вашей верностью. Позвольте мне помочь в ваших поисках,— он отвернулся, не дожидаясь ответа.

Они поднимались по мраморной лестнице. Сверху слышались шаги. Коромутин низко и раболепно поклонился.

— Кланяйтесь,— шепнул Нимэстер,— Мудрейший.

Клайстра склонил голову. Он увидел богатые одежды Мудрейшего. Белая ряса была шелковой, красная — шерстяной и мягкой, как бархат, черная — из более плотной шерсти. Брюзгливый голос произнес:

— Где ты был, Коромутин? Оракул скоро будет готов, а где же мудрость? Ты нерадив.

Коромутин рассыпался в извинениях, и Мудрейший повернул обратно. Коромутин тоже вернулся в свой

закуток, где натянул длинное одеяло с высоким воротником, накидку, расшитую красными пауками, и высокий колпак с вуалью, почти полностью скрывавшей его лицо.

— Что за задержка? — прошипел Клайстра.

— Коромутин занимает пост Вводящего, а это — его церемониальное одеяние. Придется подождать.

— У нас нет времени. Объясни ему.

— Невозможно, — покачал головой Нимэстер. — Коромутин привязан к оракулу. Да и я сам хочу посмотреть на ритуал. Я никогда не видел откровения.

Клайстра использовал все мыслимые угрозы, но Нимэстер был непоколебим.

— Ждите. Коромутин приведет нас к женщине. Ее нет в камере, вы сами видели.

Клайстре пришлось согласиться.

17. ОРАКУЛ

Коромутин продолжал свои приготовления. Он достал из сейфа сосуд с мутной оранжевой жидкостью и набрал немного жидкости в примитивный шприц.

— Что это?

— Мудрость, — ответил Коромутин с самодовольством посвященного. — На каждую порцию идут мозговые железы четырех человек, это концентрированные знания.

«Гормоны плюс мозговая жидкость», — подумал Клайстра.

Коромутин поставил жидкость обратно в сейф и спрятал шприц в рукав.

— Теперь в Вердиктаториум.

Он провел Клайстру и Нимэстера по коридору, по широкой лестнице в главный зал храма, огромный, отделанный перламутром двенадцатигранный, залитый бледно-серым светом. В центре зала на постаменте из черного дерева стояло простое кресло.

Рядом с ним полукругом выстроилось около дюжины мудрых, выводивших жутковатый мотив.

— Дежурные, — пробормотал Коромутин. — Лорду Воеводе это не понравится. Он ставит мудрость оракула в зависимость от количества жрецов в зале. Я дол-

жен подождать здесь, в нише, — голос Коромутина был глухим и усталым. — По обычаю я сопровождаю оракула. — Он оглядел зал: — Вам лучше стать в тень, пока какой-нибудь послушник не заглянул под ваши капюшоны и не поднял крик.

Нимэстер и Клайстра спокойно встали около стены. Через минуту в зал внесли яйцевидный паланкин с шелковыми занавесками. Четверо негров в красных бриджах служили носильщиками, сзади шли две девушки с креслом и кипой разноцветных подушек.

Носильщики поставили паланкин. Из него выпрыгнул маленький краснолицый человек и уселся в мгновенно подставленное кресло.

Он оглядел присутствующих яростным взором.

— Скорей, скорей! — зашипел он. — Жизнь уходит. Свет меркнет в моих глазах, пока я сижу здесь!

Мудрейший, поклонившись, приблизился к нему:

— Вероятно, Лорд Воевода отдохнет во время предварительных церемоний?

— К черту церемонии! — яростно сказал Воевода. — Я вижу, что только горсть жрецов решила почтить меня своим присутствием. Я обойдусь без ваших ритуалов. Давайте прямо к прорицанию. Только пусть это будет мужчина в расцвете сил: реббир, бод или джиллард.

— Мы приложим все усилия, милорд, — склонил голову Мудрейший. — Оракул идет.

Двое жрецов вошли в зал, поддерживая темноволосого человека в белом халате. Он затравленно оглядывался по сторонам.

— И этот урод будет давать мне советы! — проревел Воевода. — Да он способен только дрожать от страха!

— Вы ошибаетесь, Лорд Воевода, — уверенно сказал Мудрейший. — Оракул обладает мудростью четырех человек.

Несчастливого посадили в кресло, где он скорчился, мелко вздрагивая и испуганно оглядываясь.

Лорд Воевода бросил на него полный злобы и презрения взгляд.

— Наверняка я могу сказать ему больше, чем он мне, даже если его мудрость учетверена, он не знает

ничего, кроме страха. И я даром трачу драгоценное мгновение своей жизни. Наверняка, есть и лучшие оракулы.

Мудрейший пожал плечами:

— Мир широк. Возможно, где-нибудь найдется оракул сильнее нашего. Лорд Воевода свободен отправиться на поиски.

Воевода нахмурился, но промолчал.

Появился Коромутин, прямой и церемонный. Он поднялся на возвышение, извлек шприц и со всеми необходимыми ритуальными жестами вонзил иглу в шею оракула. Оракул дернулся, изогнул спину, запрокинул голову. Какое-то мгновение он сидел прямо, потом бесильно осел в кресле, прижав руки ко лбу.

В зале стояла мертвая тишина. Оракул продолжал сжимать лоб.

Потом он дернул ногой, тряхнул головой. Из рта полились бессвязные звуки. Он с удивлением оглядел зал. Его руки тряслись. По подбородку стекала белая пена. Он закричал страшным, хриплым голосом. Его тело качалось из стороны в сторону все быстрее и быстрее.

Клайстра не мог оторвать глаз от этого зрелища.

— Это и есть мудрость? — спросил он.

— Именно. Тише.

Оракул был в агонии. Его глаза горели лихорадочным огнем.

Лорд Воевода наклонился вперед, кивнул и, улыбаясь, что-то сказал почтительно склонившемуся Мудрейшему. Слов из-за рева оракула не было слышно. Мудрейший спокойно кивнул, выпрямился и стал покачиваться на носках, заложив руки за спину.

Оракул замер. Теперь он сидел спокойно и прямо, как будто агония смыла все его эмоции, оставив только разум.

В наступившей тишине Клайстра легко расслышал слова Мудрейшего, обращенные к Воеводе:

— Он готов. У вас есть пять минут мудрости, потом он умрет.

Воевода кивнул:

— Оракул, отвечай хорошенько. Сколько мне осталось жить?

Оракул устало улыбнулся:

— Тривиальный вопрос, легко ответить. Почему нет? Итак, из положения твоего тела, из ритма дыхания и пульса я делаю вывод, что ты болен раком. Твое дыхание гнилостно. Ты не проживешь и года.

Воевода с искаженным лицом повернулся к Мудрейшему:

— Убрать его, он лжец! Я дал вам рабов, а он лжет мне!

Мудрейший поднял руку:

— Не приходи к Фонтану за ложью и лестью, ты услышишь только правду.

— Как могу я продлить свою жизнь?

— Я не врач. Умеренность в еде, разумный режим дня, отказ от вина и наркотиков. Благотворительность для облегчения совести.

Воевода снова яростно уставился на Мудрейшего:

— Вы снова обманываете меня. Этот урод несет чушь. Почему он не откроет формулу?

— Какую формулу? — непонимающе спросил жрец.

— Эликсира вечной жизни! — проревел воевода. — Чего еще?

— Спросите его самого, — пожал плечами Мудрейший.

Воевода повторил вопрос. Оракул покачал головой:

— Я не знаю такой формулы, и мне не хватает знаний, чтобы вывести ее.

— Спрашивайте его только о том, что реально. Оракул — не обманщик, как Витторы или волшебники из Эдельвейса.

Воевода густо покраснел:

— Как могу я закрепить свою власть за своим сыном?

— В государстве, изолированном от внешнего влияния, можно править благодаря традиции, благодаря силе или по желанию подданных. Последнее гарантирует режиму стабильность.

— Дальше, — крикнул Воевода. — Ты можешь сейчас умереть.

— Странно, — сказал оракул, — а ведь я только начал жить.

— Говори,— резко приказал Мудрейший.

— Твоя династия началась с тебя, когда ты отравил прежнего Воеводу. Ты не можешь опираться на традицию. Поэтому твой сын должен править силой. Механизм прост: он должен убивать всякого, кто осмелится оспорить его власть. Это создаст ему новых врагов, и их ему тоже придется уничтожить. Если он сможет убивать быстрее, чем его противники, он останется у власти.

— Невозможно! Мой сын — неженка. Я окружен предателями, мерзавцами, которые ждут только моей смерти, чтобы начать грабить и убивать.

— В этом случае твой сын должен показать себя таким способным правителем, чтобы ни у кого не возникло желания заменить его.

Глаза Воеводы затуманились. Его мысли были далеко, наверное, с его сыном.

— Чтобы подготовить почву, ты должен изменить внутреннюю политику. Следует рассмотреть каждое действие твоих чиновников с точки зрения непривилегированных слоев населения. И внести соответствующие изменения в политику. Тогда после твоей смерти твой сын сможет опираться на доверие и лояльность простого народа.

Воевода откинулся на спинку кресла и насмешливо поглядел на Мудрейшего.

— И за это я заплатил двадцать рабов и целых пять унций меди?

— Он наметил вам план действий. Он ответил вам.

— Но,— запротестовал Воевода,— он не сказал мне ничего приятного.

Мудрейший спокойно смотрел на перламутровую стену храма:

— Лесть и фантастические бредни оставьте придворным магам. У Фонтана вы услышите только правду.

Воевода вздохнул, фыркнул:

— Хорошо. Еще вопрос. Люди Дельты совершают набеги на Криджинскую долину и угоняют скот. А мои солдаты не могут преследовать их, тонут в грязи и теряют следы в протоках. Как мне покончить с этой напастью?

— Посади дикий виноград по склонам Имсдиптонских холмов.

Воевода крикнул, Мудрейший торопливо сказал:

— Объясни.

— Люди Дельты выращивают кламов. Твои стада печавье пасутся на Имсдиптонских холмах и каждый год объедают там всю растительность. Осенние дожди смывают почву в реку Паннастик. Вещества, содержащиеся в ней, смертельны для кламов. Они гибнут от соприкосновения с ней, и оголодавшие люди Дельты крадут твой скот. Ты можешь покончить с бедой, устранив ее причину.

— Они коварны, они разбойники и обманщики, я жажду мести!

— Ты ее не получишь, — ответил оракул.

Воевода вскочил на ноги. Он схватил каменный сосуд из своего паланкина и швырнул в оракула. Сосуд попал бедняге в грудь. Мудрейший яростно вскинул руку, Воевода ответил ему бешеным взглядом, оттолкнул девушек и нырнул в паланкин. Носильщики подняли его на плечи и вышли из зала.

Оракул закрыл глаза. Он тяжело дышал, жадно хватал воздух. Его пальцы смыкались и размыкались. Заворожженный Клайстра шагнул вперед, но Нимэстер схватил его за рукав:

— Вы сошли с ума!

Коромутин прошел мимо них, прошептал:

— Ждите меня в коридоре.

— Пошли, — сказал Клайстра.

Коромутин еще раз кивнул и скрылся в проходе. Через десять бесконечных минут он вернулся в своем обычном белом одеянии. Не говоря ни слова, он стал подниматься по широким белым ступеням, ведущим на галерею, опоясывающую здание. Сквозь высокие арки был виден не только оазис, но и пустыня, и черные голые вершины Гнезда.

Они поднялись на еще один пролет и вышли в узкий коридор, тоже идущий вокруг главного зала; туда можно было заглянуть через окна справа. Коромутин заглянул в небольшое помещение. Человека, сидевшего за столом, можно было назвать близнецом Вводящего.

Коромутин махнул Клайстре и Нимэстеру и вошел в комнату. Подошел к столу и начал переговоры.

Потом обернулся к Нимэстеру:

— Это Жентиль, Хранитель порядка. Он поможет вам, если твой отец согласится расстаться с еще одним порфиновым кинжалом.

— Хорошо, — вздохнул Нимэстер.

Коромутин кивнул, и коротышка, как будто ожидавший этого сигнала, встал и вышел в коридор.

— Он видел, как ее допрашивали, — тихо сказал Коромутин, — и может провести вас к ней. Я оставляю вас на его попечение. Будьте осторожны, здесь очень опасно.

Они пошли за Жентилем по бесконечным коридорам, затем снова вверх по лестнице. Клайстра различил звук, который заставил его остановиться — ровный ритмичный гул.

Жентиль нетерпеливо махнул рукой:

— Идемте, я покажу вам женщину и развяжусь с этим делом.

— Откуда идет этот звук? — спросил Клайстра.

— Загляни сквозь решетку, ты увидишь его источник. Это организм из стекла и металла. Он разговаривает разными голосами. Это могучая вещь и не нашего ума дело. Пошли.

Клайстра впился глазами в комнату за решеткой. Он увидел современное электронное оборудование. Люди, которые устанавливали его, знали, с чем имели дело. На грубом столе стоял микрофон с наушниками, а дальше на рамах располагались печатные схемы, заменявшие конденсаторы, сопротивления, проводники. Клайстра как следует оценил открывшуюся ему возможность.

— Идем, скорее, — хрипел Жентиль. — Я хочу сохранить свою голову на плечах.

— Сколько нам еще идти? — спросил Нимэстер.

— Несколько шагов. Потом вы увидите вашу женщину. Но, ради Бога, осторожней. Иначе они поймают нас и высосут наши мозги.

— Что? — чуть не взревел Клайстра. Нимэстер схватил его за руку.

— Не спорьте со старым дураком, — шепнул он, — иначе мы вообще не найдем ее.

18. ЧАРЛИ ЛИСИДДЕР

Они шли по коридору, выстланному толстым зеленым ковром, совершенно скрадывавшим звук шагов. Сделали несколько поворотов. Наконец Жентиль остановился перед тяжелой деревянной дверью. Он затравленно оглянулся, потом привычным, выдававшим большой опыт движением подобрал рясу, нагнулся и заглянул в замочную скважину.

Потом повернулся к Клайстре:

— Посмотрите. Убедитесь, что это она, и мы пойдем. В любую минуту здесь может появиться Настоятель.

Клайстра сдержал улыбку и тоже заглянул в скважину.

Нэнси. Она сидела на подушках, закинув голову и полузакрыв глаза. На ней была свободная зеленая пижама, волосы были вымыты и расчесаны. Она выглядела так, как будто только что вышла из ванны. Лицо ее было лишено выражения, вернее, это выражение было незнакомо Клайстре.

Левой рукой Клайстра нашел язычок замка, правой вытаскивал ионник. Толстый Хранитель порядка за рычал:

— Отойдите! Отойдите немедленно! Нам надо бежать!

Он схватил Клайстру за один из капюшонов.

Клайстра оттолкнул его:

— Нимэстер, держи этого болвана.

Дверь не была заперта. Он рывком распахнул ее. Глаза Нэнси вспыхнули:

— Клод!

Она медленно поднялась на ноги. Она не кинулась к нему, плача от радости. И все же это была Нэнси.

— Что с тобой сделали? — спокойно спросил он.

— Ничего. Я в порядке, — ее голосу явно не хватало жизни.

— Пошли. У нас мало времени.

Нимэстер держал Жентилиа за шиворот в дюйме от пола. Клайстра заглянул в испуганные злобные глаза Служителя.

— Отведи нас к радио. — Ноги Жентилиа коснулись пола. Он облегченно закрутил головой и повел их вниз по коридору.

И они понеслись вниз по лестнице, назад по извилистым проходам. В правой руке Клайстра держал ионник, левой сжимал руку Нэнси.

Тот же ровный гул.

Клайстра ворвался в комнату. От аппарата поднялся тощий человек в голубом халате.

— Не двигайтесь, и вас не тронут, — приказал Клайстра.

Оператор не сводил расширенных глаз с ионника.

— Вы знаете, что это, — сказал Клайстра. — Вы землянин?

— Да. И что из того?

— Вы установили рацию?

Оператор бросил короткий взгляд на электронное оборудование:

— Ну и что? Разве что-нибудь неправильно? Чего вы хотите?

— Свяжите меня с Территорией Земли.

— Нет, сэр. Я этого не сделаю. Я дорожу жизнью, мистер. Вызывайте сами. Я не могу удержать вас, у вас пистолет.

Клайстра шагнул вперед. Лицо оператора даже не дрогнуло.

— Станьте к стене, рядом с этим. Нэнси!

— Клод?

— Зайди, встань у стены, не загораживай проход, не двигайся.

Она медленно вошла и встала, куда он показал. Внимательно осмотрела комнату. Облизала пересохшие губы, хотела что-то сказать, но потом передумала.

Клайстра сел за стол и оглядел рацию. Энергия идет от небольшого источника, обычной батарейки, такие есть во всех магазинах Системы.

Он нажал на кнопку с надписью «вкл»:

— Какая у них частота?

— Не имею понятия, — ответил оператор.

Клайстра открыл справочник на букву Т. Территория Земли. Официальный код — «181933». На контрольной панели было шесть рукояток. Под первой значилось «0», под второй — «10», под третьей — «100», и так до шестого порядка. «Очевидно, — подумал Клайстра, — каждая из них обозначает порядок частоты». Он поставил шестую рукоятку на «1», следующую — на «8», поднял голову и прислушался.

В коридоре слышались чьи-то тяжелые шаги, на лице Нэнси было написано отчаяние.

— Тихо, — шепнул Клайстра. Он переключил следующую рукоять на «1», третью на «9».

Дверь распахнулась. В проеме появилось тяжелое смуглое лицо. Жентиль упал на колени:

— Простите! Это не я, меня заставили!

Меркодион кивнул через плечо в коридор:

— Внутрь. Схватить их.

Клайстра щелкнул рукояткой «3». Еще одна. Служители вломились в комнату. Нэнси оторвалась от стены, лицо ее стало белым, бескровным. Она встала на линию огня.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. Он поднял свой ионник. Нэнси стояла как раз между ним и настоятелем. — Извини меня, — прошептал он, — но это больше, чем твоя жизнь.

Он нажал на спуск. Фиолетовый свет ударил в белые лица. И погас. Энергия закончилась.

Трое в черных рясах навалились на Клайстру. Он сражался отчаянно и яростно, как реббир. Стол затрепал и опрокинулся. Несмотря на усилия оператора, рация рухнула на пол. В этот момент Нимэстер оглушил своего противника и выскочил из комнаты. Никто не обратил на него внимания.

Клайстра пробивался к двери. Он орудовал кулаками, локтями, коленями. Послушники сбили его с ног, несколько раз ударили по голове и заломили руки за спину.

— Свяжите его хорошенько, — сказал Меркодион. — А потом — в камеру!

Они поволокли его по коридорам, вниз по лестнице, вдоль галереи с видом на оазис.

Черная точка плыла высоко в небе. Из горла Клайстры вырвался радостный крик:

— Аэрокар! Это землянин! — он пытался задержать-ся у окна. — Земной аэрокар!

— Земной аэрокар. Да, — улыбнулся Меркодион, — но не с Земли. Из Гросгарта.

— Гросгарт, — прошептал Клайстра. — Только у одного человека в Гросгарте может быть аэрокар.

— Именно.

— Знает ли Бэджарнум?..

— Он знает, что вы здесь. Неужели вы думаете, что в его аэрокаре нет радио? — настоятель повернулся к послушникам. — Отведите его в камеру. Я должен встречать Чарли Лисиддера. Следите за этим человеком. Он очень опасен.

Клайстра стоял на середине камеры, усталый и несчастный. Его голова была обрита. Его новая одежда пахла чем-то, напоминавшим виноградный уксус.

Подземные камеры Фонтана. Воздух можно было резать ножом. Клайстра старался дышать ртом, чтобы не чувствовать запаха. Он вздохнул. Странно. Один из компонентов аромата — едкий, приторный — был ему знаком.

Он попытался вспомнить. Ничего не получилось. Каменный пол охлаждал его босые ноги. Несколько женщин, скорчившихся около стены, беспрерывно стонали и плакали. Из соседней комнаты, где шла «подготовка» к откровению, тянуло сквозняком. Сквозь щели в стене проникал не только ветер, но и свет и звуки работы: шум кипящей воды, треск, бульканье и громкие голоса.

Кто-то глядел на него из коридора через дыру в двери. Глаз моргнул и исчез. Нереальность. Почему он здесь? Эли Пианце повезло: он лежит в мягкой земле под рыжими соснами озера Пеллитанат. Роджеру Фэйну повезло еще больше. Он носит красную нитку бус в ухе и играет в слугу и хозяина.

Это была слабость. Он очень ослаб. Будто часть его человеческого достоинства, часть его мужества сбрили вместе с волосами. Едкий сладкий запах стал еще сильнее. Он был очень знаком. Вербена? Мирра? Розовое

масло? Нет. Что-то щелкнуло в голове Клайстры. Зигаге! Он подошел к стене и заглянул в щель.

Прямо перед его глазами кипел котел. Рядом лежали ветки с желтыми плодами. Действительно зигаге. Он с любопытством следил за происходящим. Плотный и усталый человек в черных бриджах, с красным платком на шее отобрал пригоршню плодов зигаге и бросил их в котел.

Зигаге! Клайстра отвернулся от щели. Мозг его напряженно работал. Если откровения базируются на зигаге, то зачем мозговая жидкость? Возможно, просто так, возможно, это символ мощи оракула. Конечно, тут нет уверенности, но не похоже, чтобы гормоны и мозговая жидкость могли вызвать такие поразительные изменения, которые он наблюдал в Вердиктаториуме. Скорее, активным ингредиентом является зигаге, аналог земных марихуаны, пейотля, опиума, кураре и прочих наркотических зелий.

Он подумал о своем личном опыте: резкий подъем сил, затем истощение. Реакция оракула была такой же, только на ином уровне. Клайстра восстановил в памяти всю сцену. Несчастный перепуганный разум и хладнокровие.

Это поразительное превращение вытацило на поверхность латентные способности человека. Как действует это зелье? Мысли Клайстры крутились вокруг этого. Задача для ученых. «Жаль,— подумал Клайстра,— что человек может достичь этой высокой ступени только на мгновения. Да, это действует как истощение, после того как вдыхаешь дым». Вдруг он почувствовал пустоту внутри, так, как будто часы в его голове перестали тикать. «Стив Бишоп не испытал истощения. Бишоп»,— он вспомнил состояние Бишопы после того, как тот надышался зигаге. Очевидно, привычка глотать витамины предотвратила истощение.

Витамины. Наверное, оракул умер от недостатка витаминов. Тут было о чем подумать. Клайстра медленно ходил кругами по камере.

Белокурая женщина у стены бессмысленно наблюдала за ним. Остальные плакали.

— Тсс.

Клайстра поглядел на дверь. Сквозь отверстие смотрели злые глаза. Клайстра подошел к двери.

Нимэстер. Его круглое лицо было искажено яростью.

— Ты в тюрьме, — сказал он тихо. — Ты скоро умрешь. Что будет с моим отцом? Твой друг унесет сабли и убьет моего отца, потому что ты так приказал.

«Он прав», — подумал Клайстра. Нимэстер верно служил ему.

— Добудь мне бумагу, — сказал он. — Я напишу Элтону.

Нимэстер просунул в отверстие грязный кусок бумаги и осколок графита.

— Ты что-нибудь слышал о...

— Коромутин сказал, что ты будешь оракулом. Для самого Чарли Лисиддера. Так сказал ему Мудрейший, пока тот бил его.

— Ты не можешь выкупить меня? — спросил Клайстра. — У меня есть металл, такие же сабли.

Нимэстер покачал головой:

— Тонна железа ничего не изменит. Этим вечером Меркодион сказал, что сам выжжет твой мозг для Лисиддера.

И тут Клайстра понял, что значат эти слова. Он сжал руки, чтобы не дрожали:

— Ты можешь провести Элтона сюда? Получишь еще одну саблю.

— Да, — ответил Нимэстер. — Я смогу. Конечно, это смертельный риск, но я проведу его.

— Тогда отнеси ему эту записку, и возвращайтесь скорее.

Теперь звуки и запахи камеры не имели для него значения. Он спокойно ходил взад-вперед, что-то насистывая про себя.

Туда и обратно, туда и обратно, каждый раз поглядывая на отверстие. Когда же появится Элтон?

Внезапный холод пронзил его. Он начал понимать механику заговора против комиссии. После того, как провалился Морватц, после того, как они обогнали второй отряд, переправившись через Уст и обрезав воздушную дорогу, им позволили идти в Миртлисс. И все это время, начиная с Болотного острова, они шли в

заранее поставленную ловушку. Стратегия была ясна. А исполнителем был он сам. А что, если Элтон тоже был частью плана? В этот момент предположение не показалось Клайстре невыносимым.

— Клайстра.

Он поднял глаза, подошел к отверстию. Это был Эса Элтон в одеждах жреца, как всегда спокойный и насмешливый.

— Как идут дела?

Клайстра прижал лицо к двери.

— Ты принес? — прошептал он.

Элтон передал ему пакет:

— Что теперь?

Клайстра невесело улыбнулся:

— Не знаю. На твоём месте я бы отправился в Кристиендэйл. Тебе нечего здесь делать.

— Ты мне ещё не объяснил, что собираешься делать с витаминами.

— Съесть.

— Ты болен? — удивился Элтон.

— Нет. Но у меня есть блестящая идея.

Элтон чем-то зашуршал:

— Я мог бы пробить дыру в стене.

— При первом звуке сюда сбежится полхрама. Иди обратно к оружейнику. Ждите до утра. Если я не вернусь на заре, я не вернусь вообще.

— В моем магазине есть ещё два заряда, — тихо сказал Элтон. — У меня есть слабая надежда, — Клайстра видел, как блеснули в темноте глаза инженера, — познакомиться здесь кое-кого.

— Я не могу поверить в это, — сказал Клайстра, хрипя внезапно пересохшим горлом.

Элтон молчал.

— Она не убивала Бишоп. Я уверен, это был несчастный случай. Или он хотел остановить ее.

— Твоя точка зрения не имеет значения, её роль от этого не меняется. Погибло четверо хороших людей: Бишоп, Пианца, Дэррот, Кетч. Валюссер не в счет, он получил по заслугам. Я долго наблюдал за ней, фактически с того момента, как она присоединилась к нашему маленькому клубу самоубийц.

Клайстра коротко хохотнул.

— Я думал, что она... — Он не мог закончить.

— Я знаю, — кивнул Элтон. — Единственное, что я могу сказать в ее пользу: она тоже рисковала своей жизнью. И ей повезло, теперь она там, — он поднял палец, — а ты здесь. Боже правый, что за дыра. Что они там варят?

— Видишь ли, — мирно ответствовал ему Клайстра, — они выцеживают из людей мозговую жидкость, смешивают с зигаге и вводят оракулу. Это действует на оракула примерно так же, как дым на солдат Бьюджулэйса, только в тысячу раз сильнее.

— И оракулы гибнут.

— Как мухи.

— Сегодня на очереди ты?

Клайстра подбросил в воздух пакет, принесенный Элтоном:

— У меня есть эта штука. Я не знаю, что произойдет. С этого момента я играю на слух и, возможно, я ошибаюсь, но события этим вечером могут принять очень интересный и совершенно непредвиденный оборот. В общем, я не беспокоюсь.

Рядом с Элтоном появился Нимэстер:

— Идем, по лестнице спускается префект. Скорее!

Клайстра плотнее прижался к отверстию:

— Счастливо, Эса.

Элтон небрежно помахал ему рукой.

19. МУДРОСТЬ ДЛЯ ЛИСИДДЕРА

Солнце садилось за деревья Фонтана Миртлисса. Высоко в небе проплывали золотистые облака. С востока, где ночь уже опустилась на поля, города и замки, наплывали сумерки.

У восточного края храма стоял мраморный павильон, соединенный колоннадой с основным зданием. Он стоял на середине пруда. Вода светилась в сумерках, и в ней перекрещивались черные ветви деревьев. Из дверей храма вышло четверо молодых людей с факелами. Все они были высокими и тонкими, длинные белоку-

рые волосы заплетены в множество мелких косичек. Они были одеты в роскошные ливреи, украшенные драгоценными камнями. Юноши поставили факелы на подставки из черного дерева и вернулись в храм.

Через несколько минут шестеро мужчин в черных килотах принесли квадратный стол, который поставили в центре павильона. Юноши в ливреях принесли стулья. Люди в черных юбках ушли.

Юноши накрыли стол богато расшитой скатертью. В центр стола поставили миниатюрную копию Миртлесского Фонтана со всеми деталями, вплоть до павильона, стола в павильоне и пятерых людей, сидящих за столом.

Бутылки с вином выставили на лед. Стол украсили хрустальными вазами с фруктами, сушеными насекомыми, блюдами с пирогами, пирожками и пирожными. Затем лакеи замерли рядом с факелами.

Шли минуты. Сумерки сменились ночью. Мерцали звезды. Через колоннаду пронесся мягкий, теплый бриз, играя с пламенем факелов.

Со стороны храма зазвучали голоса. В колоннаду вошли Меркодион, высокий Настоятель, Декан Фонтана Миртлесса, и Чарли Лисиддер, Бэджарнум Бьюджулэйса. Меркодион был в своих парадных одеждах, украшенных жемчугами и металлами. Бэджарнум был в сером комбинезоне, темной куртке и высоких кожаных сапогах.

За ними шли Мудрейший и два дворянина из свиты Лисиддера.

Лисиддер с одобрением посмотрел на накрытый стол и застывших как статуи юношей и уселся.

Разлили вино, подали еду. Чарли Лисиддер был в отличном настроении, и все присутствующие смеялись его шуткам. Когда за столом возникало молчание, стоявшая в углу девушка начинала наигрывать на флейте, немедленно замолкая при первых звуках беседы.

— Ну, а теперь, — сказал Бэджарнум, — перейдем к нашему оракулу, Клоду Клайстре. Честно говоря, я планировал допросить его под пыткой, но ваш вариант значительно облегчает положение всех заинтересованных сторон. Он человек больших знаний и опыта, ему будет чем поделиться.

— Жаль, что мы так недолго сможем черпать из этого источника знаний.

— Вы должны всерьез заняться проблемой продления жизни ваших оракулов, Меркодион. Теперешнее положение меня не удовлетворяет.

Настоятель склонил голову:

— Все будет согласно вашим желаниям. А теперь я прикажу приготовить оракула, и мы перейдем в зал.

Зал был заполнен толпой перешептывающихся жрецов. По обычаю жрецы снимали капюшоны на ночь. Их заменяли белые повязки: верхняя, охватывающая лоб и часть щек, и нижняя, спускающаяся до груди. Открытыми оставались только глаза.

Жрецы негромко пели церемониальные гимны. Двенадцать хоров — каждый у своей стены — сливали голоса в сложной полифонии.

Бэджарнум, Меркодион и их свита вошли в зал и уселись на длинной скамье перед креслом оракула. Из боковой двери вышла девушка со строгим лицом и облаком золотых волос. На ней были серые брюки и серо-зеленая свободная блуза. На мгновение она остановилась, потом медленно пересекла зал. Единственная женщина среди сотен мужчин, жаворонок среди воронов. Все глаза следили за ней.

Она остановилась рядом с Бэджарнумом, посмотрела на него со странным, ищущим выражением. Меркодион вежливо поклонился. Лисиддер холодно улыбнулся:

— Садись.

Лицо девушки снова стало пустым и холодным. Она села рядом с Бэджарнумом. Зрители отреагировали на это шепотом, гулом, шорохом ряс. По слухам, женщина была новой служанкой Настоятеля. На нее бросали испытывающие взгляды и тут же отводили глаза; смертельным холодом, чем-то спокойным и беспощадным веяло от нее.

Последний печальный звук гимна прозвенел и угас в огромном зале. Бэджарнум, казалось, только что заметивший присутствие жрецов, недовольно пробормотал что-то Настоятелю. Тот кивнул и встал:

— Всем выйти. Немедленно.

Недовольно бормоча, белые, черные и серебристые рясы потекли из зала. Теперь он был пуст, и незаметное раньше эхо сопровождало каждый звук.

Звон гонга возвестил о приближении оракула. Справа и слева от него стояли два префекта, позади шел Вводящий в торжественном одеянии.

Оракул был облачен в красные и серые шелка, лицо его закрывала вуаль. Он шел медленно, но без колебаний. У постамента он остановился, и префекты подняли его в кресло.

Тишина в зале была тишиной ледяной пещеры. Ни шепота, ни звука, ни дыхания. Даже ветер стих.

Префекты взяли оракула за руки, Вводящий шагнул вперед, вынул шприц и поднял его.

Настоятель вскочил и хрипло сказал:

— Стойте!

— Да, Настоятель?

— Снимите вуаль, Бэджарнум хочет посмотреть на его лицо.

Префект заколебался, затем поднял руку и осторожно потянул белую ткань.

Оракул поглядел в глаза Бэджарнума:

— По-моему, это мой старый приятель Артур Хиддерс, торговец кожами.

Бэджарнум покачал головой:

— Меня обычно зовут Чарли Лисиддер. А вы нервничаете, Клайстра.

Клод Клайстра резко рассмеялся. Огромная доза аминок- и нуклеиновых кислот сильно разрегулировала его двигательную систему.

— Вы оказываете мне честь, какой я едва ли достоин.

— Поглядим, — очень легко сказал Бэджарнум.

Клайстра посмотрел на Нэнси. На мгновение она встретилась с ним взглядом, потом отвернулась. Рядом с человеком, которого он знал как Артура Хиддерса, Нэнси приобрела новые черты. Очень знакомые черты.

— Сестра Благодееяния! — воскликнул Клайстра.

— Хороший ход, не правда ли? — кивнул Лисиддер.

— Хороший. Но зачем?

— Торговец кожами может спокойно собрать достаточно денег, чтобы оплатить паломничество на Мать-Землю, но вряд ли он станет брать с собой свою молодую талантливую секретаршу.

— Талантливую — это правда.

Лисиддер повернулся и с одобрением посмотрел на Нэнси.

— Мне, право, жаль, что она стала орудием в политической игре, она достойна лучшего. Но этот болван Эббидженс разбил корабль слишком далеко от Гросгарта, и у меня никого не было под рукой. Да, жаль, теперь ей придется искать другого покровителя. — Он бросил веселый взгляд на Меркодиона. — Ей не придется искать долго, не так ли, Настоятель?

Меркодион вспыхнул и сердито посмотрел на Лисиддера:

— Мои вкусы в некоторых областях не менее изысканны, нежели ваши, Бэджарнум.

Лисиддер откинулся на спинку кресла:

— Не имеет значения. Для нее найдется работа в Гросгарте. Давайте займемся предсказанием.

Меркодион махнул рукой:

— Продолжайте.

Вводящий поднял шприц.

Игла глубоко вошла в шею Клайстры. Он почувствовал давление, резкую боль.

Префекты крепко прижали его руки к ручкам кресла. Он заметил, что Нэнси смотрит в пол. Бэджарнум Бьюджулэйса наблюдал за процедурой с неподдельным интересом.

Огромная темная ладонь опустилась на мозг Клайстры. Его тело стремительно росло: руки достигли двадцатифутовой длины, ноги стали подножием утеса, глаза — огромными окнами, ведущими в неизведанные миры. Голос Бэджарнума звучал как шепот в подземной пещере:

— Ага. Он корчится. Началось.

Префекты продолжали сжимать руки Клайстры.

— Посмотрите, — весело сказал Бэджарнум. — Смотрите, как он извивается. Он причинил мне массу беспокойства. Теперь он платит за все.

Но Клайстра не ощущал боли. Он потерял чувствительность. Он снова переживал свою жизнь, от первого крика до нынешнего момента. Он следил за собственной жизнью, как опытный садовник за ростом дерева. И каждый раз, обнаруживая ошибку, непонимание, прокол, он восстанавливал реальный ход событий, стирая туман, доселе застилавший его мозг.

Детство, юность на Земле, учеба на планетах Системы. Большая Планета, растущая в иллюминаторе, крушение на Великом Склоне под Джубилитом, решение идти на восток. Он отследил свой маршрут через Тсаломбарский лес, Земли кочевников, Эдельвейс, Уст, Болотный остров, по монорельсу до Гибернской Марки и Кристиендэйла, через пустыню к Фонтану Миртлсиса. Он ворвался в настоящее как поезд из туннеля. Он был более в сознании, чем когда-либо. Опыт всей его жизни, тщательно разобранный, рассортированный и разложенный по полочкам, был к его услугам.

Он услышал голос Настоятеля:

— Его мозг чист. Теперь вы должны торопиться, через пять минут его силы истощатся, и он умрет.

Клайстра открыл глаза. Его тело было одновременно горячим и холодным. Его чувства обострились в несколько раз. Он ощущал в себе страшную, переполняющую организм силу.

Клайстра оглядел зал, встревоженных людей перед собой. Они были жертвами, рабами собственных недостатков. На белом лице Нэнси жили только глаза. Клайстра видел ее как она есть, видел все ее побуждения.

— Он выглядит вполне счастливым, — разочарованно сказал Бэджарнум.

— Это обычное состояние, — ответил Меркодион. — На первых порах все они чувствуют себя прекрасно. Потом умирают. Торопитесь, Бэджарнум, торопитесь, если хотите что-то узнать.

— Кого мне надо подкупить, чтобы брать оружие непосредственно у Комитета Контроля над Вооружением? — громко спросил Чарли Лисиддер.

Клайстра смотрел вниз на Бэджарнума, на Меркодиона, на Нэнси. Все это было поразительно смешно, и он с трудом сдерживал себя.

Бэджарнум настойчиво повторил вопрос.

— Попробуйте с Аланом Марклоу, — сказал Клайстра, будто открывая страшную тайну.

Бэджарнум против своей воли наклонился вперед:

— Марклоу! Председатель Комитета? — Бэджарнум снова откинулся на подушки, полуудивленный, полурассерженный. — Итак, Алана Марклоу можно купить. Черт бы побрал этого святейшего негодяя!

— С таким же успехом, как и остальных членов Комитета, — сказал Клайстра. — Единственное, что заставляет меня остановиться на его кандидатуре, так это соображение, что всегда проще купить босса, чем возиться с его командой.

Бэджарнум удивленно поднял брови. Настоятель заворочался на скамье.

— Как я понимаю, — сказал Клайстра, — вам нужно оружие, чтобы расширить вашу империю, не так ли?

— Именно, — едко ответил Бэджарнум.

— А зачем?

Меркодион вскочил на ноги, собираясь что-то сказать, потом передумал и сел, сжав губы в тонкую линию.

— Я хочу покрыть себя славой, сделать Гросгарт столицей планеты и покарать своих врагов, — сформулировал Лисиддер.

— Смешно и безнадежно.

Лисиддер был невозмутим. Он повернулся к дрожащему от ярости Настоятелю:

— И всегда так?

— Это первый случай, — прохрипел Настоятель. Он больше не мог сдерживать себя, вскочил и взмахнул рукой.

— Отвечай прямо! Что ты за оракул, если ты споришь, крутишь и противишься действию зелья мудрости. Приказываю тебе говорить по существу, ибо ты скоро умрешь, а Бэджарнуму нужны знания.

— Вероятно, мой вопрос был неточен, — спокойно сказал Бэджарнум. Он повернулся к Клайстре. — Каков наиболее простой способ добыть оружие по низкой цене?

— Присоединитесь к Патрулю. Вам бесплатно выдадут вибронож и ионник.

Меркодион подавил уже готовое вырваться ругательство. Бэджарнум покачал головой. Допрос шел как-то не так. Он попробовал в третий раз.

— Собирается ли Земля объединить Большую планету?

— Сильно сомневаюсь, — совершенно честно ответил Клайстра. — Земля не собиралась. — Он подумал, что уже пора осесть в кресле.

— Совершенно неудовлетворительно, — рявкнул Меркодион.

Лисиддер закусил губу и внимательно разглядывал Клайстру. Глаза Нэнси были пустыми; несмотря на свои вновь обретенные способности, Клайстра не мог прочесть ее мысли.

— Еще вопрос, — сказал Бэджарнум, — как могу я продлить свою жизнь?

Только страшным усилием смог Клайстра удержаться от улыбки. Он сказал усталым, слабым голосом:

— Дай Служителям накачать тебя по уши зигаге, как меня.

— Черт! — плюнул Меркодион. — Он невыносим! Если бы он не был на три четверти мертв, я убил бы его собственными руками. О, да!

В этот момент Клайстра остановил дыхание.

— Отнесите пададь в хранилище, — проревел Меркодион. — Это была ошибка, Бэджарнум, если вы желаете, я прикажу приготовить нового оракула.

— Нет, — сказал склонившийся над телом Клайстры Бэджарнум. — Интересно, что он имел в виду.

— Это был бред.

Префекты вынесли тело из зала.

— Странно, — раздумчиво произнес Лисиддер. — Он выглядел вполне здоровым, как очень далекий от смерти человек. Что же он хотел сказать?

Человек крался через ночь, человек, от которого пахло смертью. Он пробрался через виноградник Зелло, нырнул в темную аллею, вышел на улицу.

Никого. Прижимаясь к стене, тень среди теней, он торопился к дому оружейника.

Сквозь шторы пробивался желтоватый свет. Он постучал. Нимэстер открыл дверь и застыл с открытым

ртом. Из комнаты вышел другой человек, Элтон, подозрительно взглянул на пришельца.

— Клод, — выдавил он, — ты?..

— У нас мало времени, — сказал Клайстра. — И я хочу принять ванну.

Элтон кивнул.

— Это тебе явно необходимо, — он повернулся к Нимэстеру. — Ванну. И что-нибудь из одежды.

Нимэстер послушно кивнул.

— Они отнесли меня на ледник. Когда пришел смотритель, я вылез, и он упал в обморок. Я переоделся в его костюм и выбрался через стену.

— Они сделали тебе инъекцию этой гадости?

— Это интересный опыт, — кивнул Клайстра. Уже из ванны он дал Элтону и Нимэстеру полный отчет о событиях в храме.

— И что теперь? — поинтересовался Элтон.

— Теперь мы доберемся до Лисиддера.

Через полчаса они разглядывали мраморный дворик, где стоял аэрокар Бэджарнума. Прислонившись к машине, его охранял человек в красной тунике и высоких сапогах. На боку у него висел ионник.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Клайстра.

— Я могу управлять им, — ответил Элтон, — если паду внутрь.

— Хорошо. Я зайду часовому за спину, а ты отвлечешь его внимание. — Клайстра исчез.

Элтон подождал две минуты, а потом вышел из кустов, поднимая свой ионник.

— Не двигаться! — приказал он.

Часовой раздраженно заговорил:

— Какого черта... — Но тут позади него появился Клайстра. Раздался глухой звук удара, и часовой упал наземь. Клайстра протянул его оружие Элтону.

— Летим, — сказал он.

Под ними проплывал Фонтан Миртлисса. Клайстра весело рассмеялся:

— Мы свободны, Эса, мы сделали это!

Элтон поглядел на землю вниз:

— Не поверю, пока не увижу Территорию Земли.

— Территорию Земли? — удивился Клайстра.

— Ты предлагаешь лететь в Гросгарт? — осведомился Элтон.

— Нет. Но подумай: Чарли Лисиддер сидит в Миртлессе без аэрокара, без связи.

— А монорельс? — спросил Элтон. — Он будет в Гросгарте через четыре дня.

— Монорельс. Он поедет по монорельсу. И там мы его возьмем.

— Легче сказать, чем сделать. Он будет вооружен до зубов.

— Не сомневаюсь. Он может послать человека в Гросгарт, если у него есть второй аэрокар. Мы проверим. Есть место, где монорельс проходит под обрывом, мы там и засядем.

— Я бы не играл с судьбой, — сказал Элтон.

— Мы не нуждаемся в удаче. Мы больше не жалкие беглецы, какими мы были, мы знаем, что делаем. Раньше Бэджарнум охотился на нас, а теперь мы на него. Вот здесь, — показал Клайстра. — Этот обрыв. Мы устроимся наверху и подождем. Рано утром мы увидим, если увидим вообще, Чарли Лисиддера, несущегося домой на всех парусах.

20. ВАКАНСИЯ В БЬЮДЖУЛЭЙСЕ

Через два часа после рассвета на востоке появились белые паруса.

— Это Бэджарнум, — с удовлетворением констатировал Клайстра.

Тележка приближалась, слегка покачиваясь на ветру. Это был длинный грузовик с двумя латинскими парусами. Он плыл по воздуху величественно и легко, словно белый лебедь.

Со скрипом колес и шорохом парусов воздушный корабль скользнул мимо землян. На платформе стояли четверо: Чарли Лисиддер, двое аристократов из его свиты и Нэнси.

Клайстра следил взглядом за удаляющимся грузовиком.

— Какие недовольные у них лица.

— У них у всех ионники, — отметил Элтон. — До них будет трудно добраться.

— Я не собираюсь добираться до них, — Клайстра встал и направился к аэрокару.

— Поскольку я следую за тобой, я хотел бы знать, что у тебя на уме, — с легким раздражением произнес Элтон. — А что касается меня, то мне кажется, что ты со своим новоприобретенным суперменством слишком далеко заходишь.

— Я, что, действительно произвожу такое впечатление? — остановился Клайстра. Он задумчиво поглядел на серую пустыню, на зеленый остров Миртлисса. — Наверное, это нормальная реакция психики на такой тяжелый шок.

— Что ты называешь нормальной реакцией?

— Интраверсию. Эгоцентризм, — он вздохнул. — Понимаешь, я все время пытаюсь собрать себя из кусочков.

— Наверное, мне тоже неплохо бы глотнуть этой отравы.

— Я тоже об этом подумал. Но сейчас давай поймем Лисиддера. — Клайстра скользнул на сидение аэрокара.

Они летели на запад, над черными обсидиановыми скалами, над холмами белого песка, над скалистой равниной, перевалили через огромный утес.

Монорельс, тянувшийся к вершине утеса, казался тоненькой паутинкой в небе. Клайстра повернул на восток, поднялся на милю над нижней платформой и причалил к одной из промежуточных станций.

— А теперь мы нарушим первую заповедь Озрика: перережем линию. Нам нужно расстояние в сотню футов, веревки между двумя станциями будет достаточно.

Они перерезали линию и закрепили веревку так, что роль нижней платформы монорельса теперь выполнял аэрокар.

— Они будут здесь через час, — предположил Клайстра, — или скорее, если ветер усилится.

Время шло. Фебра, огромная и рыжая, висела в темно-голубом небе Большой Планеты. Насекомые, напоминающие сказочных драконов, мелькали в серых ветвях деревьев. В скалах грелись на солнышке розовые

круглые жабы с глазами на антеннах. На вершине утеса появилось белое пятно.

— Они,— сказал Элтон.

— Смертельный номер,— кивнул Клайстра.

Белое пятно перевалило утес и начало спускаться.

— Хотел бы я видеть лицо Бэджарнума,— улыбнулся Клайстра.

Он нажал на рычаг, аэрокар вынырнул из-под платформы и поднялся вверх на уровень вершины утеса. Тележка скатилась на нижнюю точку линии и беспомощно повисла там. В ней виднелись четыре темных точки — пассажиры монорельса, испуганные, неуверенные, не понимающие причин происходящего.

Клайстра подлетел к вершине и аккуратно приземлился на верхней платформе. Он аккуратно закрепил прочную болотную веревку на носу аэрокара и так же тщательно привязал ее к линии монорельса. А затем обрезал линию выше узла. Теперь тележка вместе с четырьмя ее пассажирами висела в воздухе под аэрокаром.

Клайстра поглядел вниз:

— Вот мы и поймали Бэджарнума Бьюджулэйса, находясь в сотне ярдов от него и его оружия.

— Но оружие все еще у него,— заметил Элтон.— И он сможет использовать его, как только мы сядем, даже если мы доведем его до Территории Земли.

— Я подумал об этом. Небольшое купание в озере охладит ярость Лисиддера и разрядит батареи его пистолетов.

Лицо стоящего на песчаном берегу Бэджарнума было бледным и напряженным. Его глаза блестели как ртуть, но он не смотрел ни вправо, ни влево. Его придворные каким-то образом ухитрялись сохранять свое достоинство, несмотря на воду, хлюпающую в ботинках. Волосы Нэнси прилипли к щекам. Лицо ее напоминало мраморную маску. Она сидела на песке, дрожа и стуча зубами от холода.

Клайстра протянул ей свой плащ. Она завернулась в него, отошла в сторону и стала снимать свою промокшую одежду.

Клайстра все еще сжимал ионник.

— По-одному заходите в машину. Элтон обыщет вас на предмет ножей, кастетов и прочих средств аргументации. — Он кивнул Бэджарнуму. — Вы первый.

Один за другим пленники проходили мимо Элтона. Набралось три кривых сабли, четыре севших ионника и маленький пульверизатор черт знает с чем, отобранный на всякий случай.

— В хвост аэрокара, — приказал Клайстра. — Загони их как можно дальше, Элтон.

Голос Бэджарнума был мягок и спокоен:

— Вы ответите за это, Клайстра, даже если мне придется гоняться за вами всю жизнь.

— Чушь. Вас ослепляет ярость, — рассмеялся Клайстра. — Позже вы поймете, что отвечать придется вам за сотни тысяч мужчин, женщин и детей, проданных в космос.

— Откуда вы взяли эту цифру? — удивленно спросил Лисиддер.

— Ладно, все равно. Тысячи или сотни тысяч, суть преступления не меняется.

Клайстра сел в кресло рядом с пилотским и развернул его, чтобы наблюдать за пленниками. Эмоции Лисиддера были ясны: холодная ярость, тщательно скрываемая под маской насмешливого спокойствия. Оба аристократа были одинаково угрюмы и встревожены. Нэнси? Ее лицо казалось спокойным, мысли блуждали где-то далеко. Клайстра не чувствовал в ней ни злости, ни сомнений, ни страха. Ее лоб был чист, и такой же четкой и чистой была линия рта. Полуприщуренные глаза смотрели твердо и почти весело.

«Только что, — подумал Клайстра, — закончилось раздвоение личности. До сих пор она боролась с собой. Теперь ее подхватил поток, превышающий ее силы, она расслабилась и поплыла по течению. Она чувствует вину, она знает, что ее ожидает наказание. Она подчинилась».

Он повернулся к Элтону:

— Поехали. Ты сможешь найти Территорию?

— Надеюсь, — он нажал на педаль. — Пойдем по радиомаяку, как только выберемся в их полушарие.

— Хорошо.

Аэрокар поднялся в воздух и полетел на запад. Озеро осталось далеко позади.

Лисиддер сосредоточенно выжимал воду из плаща. Он успокоился, в глазах его больше не было злобы.

— Я думаю, вы здорово ошиблись, Клайстра. Я действительно продал несколько умиравших от голода бродяг, чтобы положить конец голоду. Средство, конечно, не из лучших, но разве люди не погибали на Земле до ее объединения?

— То есть вы хотите объединить Большую Планету?

— Да.

— И с какой целью?

— О, дьявол! Ну кто-то должен навести во всем этом минимум порядка!

— Никакого порядка у вас не получилось бы, сами знаете. Большую Планету нельзя объединить путем завоеваний. По крайней мере, не бьюджулэйским солдатам, посаженным на зипанготов, и не в течение вашей жизни. Я сомневаюсь, чтобы вас интересовал мир и порядок. Вы использовали свою армию, чтобы оккупировать Вэйл и Глэйтри, маленькие тихие фермерские общины, а реббиры и цыгане грабят и убивают как хотят.

Нэнси с удивлением поглядела на Бэджарнума. Чарли Лисиддер потер подбородок.

— Нет, — сказал Клайстра, — причиной завоеваний на самом деле являются ваше честолюбие и эгоизм. Вы просто Этман Бич Божий, только руки моете.

— Слова, слова, слова, — улыбнулся Лисиддер. — Комиссии приходят и уходят. Большая Планета остается все той же. И все дела земель теряются на ней бесследно, как крути на воде.

— Не эта комиссия. Я принял руководство, только когда мне гарантировали всю полноту власти. Я не советую, а приказываю.

Бэджарнум все еще держался.

— Немного осталось от вашей полномочной комиссии. Да, кстати, что вы собираетесь делать?

— Не знаю. У меня есть идеи, но нет программы. Во всяком случае с убийствами и работоторговлей надо кончать.

— Ну, да, — кивнул Бэджарнум. — Вы вызовете военные корабли, перебьете цыган, реббиров, вообще всех кочевников на Планете и постройте империю земного типа там, где я строил бы империю Бьюджулэйса.

— Нет, — сказал Клайстра. — Вы совершенно не улавливаете сути проблемы. Людям Большой Планеты нельзя навязать объединение. С таким же успехом вы можете создать Федерацию, объединив муравьев, слонов, мартышек и белых медведей. Пройдут тысячи лет, прежде чем здесь образуется единое государство. В случае вмешательства Земли управление Большой Планетой будет почти таким же тираническим и бессмысленным, как и в вашей Бьюджулэйской Империи.

— Так что же вы планируете?

— Региональная организация, местные силы обороны.

— И прочий земной идеализм, — фыркнул Лисиддер. — Через пять лет ваши мировые судьи будут куплены с потрохами, а ваша полиция превратится в бандитов или, что еще вероятнее, в завоевателей.

— Да, это возможно, — признал Клайстра. — Здесь мы должны быть очень осторожны.

Он поглядел в окно на залитую солнцем землю Большой Планеты. Леса, зеленые горы, уже обжитые долины, широкие реки, бесконечные равнины, поросшие вереском и высокой травой.

Он услышал подавленный крик и резко обернулся. Двое аристократов в красных туниках стояли, готовые наброситься на него. Он поднял ионник, и они вернулись на место. Лисиддер прошипел что-то, чего Клайстра не слышал. Нэнси прижалась к борту машины.

Десять минут напряженного молчания. Потом Бэджарнум спросил:

— И что, в свете сказанного, вы собираетесь делать с нами?

Клайстра снова посмотрел в окно:

— Разрешите, я отвечу вам через несколько часов.

Они пересекли море с пригоршней мелких островов, серую пустыню, горный хребет, оцетинившийся белыми пиками. Над холмистой равниной, покрытой виноградниками, Клайстра сказал:

— Мы пролетели достаточно. Садись, Эса.

Аэрокар коснулся земли.

Клайстра увидел, как напряглись мышцы Лисиддера. Бэджарнум готовился драться, но голос его был ровен:

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего. Отпустить вас. Если хотите, попытайтесь вернуться в Гросгарт. Сомневаюсь, что вы дойдете. Если вы останетесь здесь, вам придется зарабатывать себе на хлеб, худшего наказания для вас я не могу придумать.

Лисиддер и оба аристократа осторожно вышли в яркий полдень. Нэнси отшатнулась назад. Лисиддер сердито взглянул на нее:

— Нам будет о чем поговорить.

Нэнси отчаянно поглядела на Клайстру:

— Вы не могли бы посадить меня в другом месте?

Клайстра закрыл дверь:

— Взлет, Эса. Я тебя вообще не собираюсь высаживать.

Чарли Лисиддер и двое его спутников превратились в маленькие, кукольные фигурки. Застывшие, неподвижные, они наблюдали за набирающим высоту аэрокар. Лисиддер, уже не сдерживая ярости, поднял кулак и прокричал что-то нелестное. Но слов уже не было слышно. Клайстра улыбнулся:

— Похоже, в Бьюджулэйсе образовалась вакансия. Элтон, тебе нужна работа?

— Из меня получился бы приличный король. Надо будет подумать. Ты знаешь, — сказал Элтон, — я всегда хотел стать феодалом в стране, где делают хорошее вино. Ладно, вноси меня в список.

— Должность твоя, и если мне нужно сказать еще что-то, то необходимо.

— Спасибо. Моим первым ордонансом будет отмена всей этой мерзости Фонтана Миртлисса. Или моя империя не имеет власти над этой территорией?

— Если тебе так нужен Фонтан, тебе придется взять пустыню Палари и реббиров в придачу.

— И навести переправу через Уст, — добавил Элтон. — Но это я уже один раз делал.

Большая Планета проплывала под ними, леса, реки, поля; в какой-то момент Клайстра понял, что больше не может игнорировать скорбно молчащую фигурку в хвосте машины. Он отошел от приборной доски и сел рядом с ней.

— Ну, насколько я понимаю, — неуверенно начал он, — мне хотелось бы верить, что ты была невольной помощницей, и я вижу, что...

Она прервала его. Теперь ее голос был низким и страстным:

— Я никогда не смогла бы заставить тебя поверить, что мы стремились к той же цели.

Клайстра печально улыбнулся, вспомнив их путешествие на восток. Дэррот, Кетч, Пианца, Бишоп мертвы, если не от ее руки, то при ее участии.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она, — дай мне договорить, потом можешь посадить меня где угодно, хоть посреди океана.

— Цыгане сожгли мой дом и мою семью, — продолжала она. — Я уже рассказывала тебе. Все это правда. Я пришла в Гросгарт. Чарли Лисиддер увидел меня на Празднике Лета. Он звал к крестовому походу против внешнего мира, я думала, что мы можем сделать жизнь безопасной, уничтожить таких, как цыгане. Он пригласил меня на службу, я дала согласие. Может ли девушка отказать императору? Он взял меня на Землю, по дороге обратно мы узнали о ваших планах. Вы собирались, не более и не менее, как уничтожить Чарли Лисиддера. Я ненавидела землян. Они жили в мире и безопасности, когда нас — а в нас тоже земная кровь — пытали, грабили, убивали. Почему они не помогли нам?

Клайстра попытался заговорить, но она не дала ему:

— Я знаю, что ты скажешь: Земля может править только ограниченной частью пространства, тот, кто пересекает границу, отказывается от безопасности ради независимости. Может быть, это было так для первых поселенцев, но жестоко наказывать детей за беспечность отцов и позволять страдать им вечно. И мало того, что вы не хотели помочь, вы собирались уничтожить единственного человека, который пытался хоть что-то делать, я говорю о Лисиддере. Это причиняло

мне боль, потому что,— она бросила на него быстрый взгляд,— я полюбила тебя, но должна была уничтожить вас.

— Почему ты не сделала этого? — спросил Клайстра.

— Не смогла. Мне было очень плохо. Не понимаю, почему вы не заподозрили меня.

— Когда я вспоминаю,— сказал Клайстра,— мне кажется, что я все время знал, но не мог заставить себя поверить. Сотни случаев. Например, когда солдаты Морватца связали нас, ты не решилась освободить нас, пока не стало ясно, что солдаты мертвы и приближаются цыгане. Ты сказала, что насекомые Миртлисса поют как птицы. На Большой Планете нет птиц. А когда погиб Бишоп...

— Я не знала об этом. Я пыталась незаметно войти в храм. Он пошел за мной, стражники убили его и забрали голову.

— А Пианца?

Она покачала головой.

— Он был уже мертв. Я не дала им убить остальных. Но я позволила забрать тележки, я думала, что мы вернемся в Кристиендэйл и заживем мирно и счастливо.— Губы ее дрожали.— Ты не веришь ни единому моему слову.

— Наоборот. Каждому. Хотел бы я обладать таким же мужеством.

От приборной доски донесся голос Элтона:

— Вы отвлекаете меня, мешаете вести машину. Обнимитесь и кончайте эту ерунду.

Клайстра и Нэнси сидели молча. Потом Клайстра сказал:

— У нас масса незаконченных дел. Кстати, на обратном пути надо будет завернуть в Кристиендэйл и проследить, чтобы наш экипаж тащил именно сэр Роджер Фэйн.

— Я поеду с вами,— сказал Элтон.— И возьму большой кнут.

ТВОРЕЦ ИНЫХ МИРОВ **(Вехи творчества)**

Когда в середине шестидесятых стальной занавес, ограждавший СССР от «враждебного Запада», чуть приподнялся, советский читатель открыл для себя целый мир англо-американской фантастики и узнал множество новых имен творцов «сказок для взрослых». Среди первых оказался и Джек Вэнс. Его рассказ «Шум» неоднократно переиздавался, как в журналах, так и в сборниках, несколько других рассказов проскользнули в различных томиках «Зарубежной фантастики». Однако обретенное им читательское признание не может сравниться со славой, которую неожиданно для себя обрели в СССР Рэй Бредбери, Роберт Шекли, Клиффорд Саймак и Артур Кларк. Тем не менее, когда победа горбачевской Перестройки стала очевидной, одной из первых книг зарубежной фантастики — ласточек книжного бума начала девяностых — стала книга Джека Вэнса «Хозяева драконов» (кроме произведений Вэнса в книгу вошли повести и рассказы Харлана Эллисона), изданная в серии «Библиотека «Звезды». Позже на русском языке выходили многие романы Вэнса, хотя, пожалуй, не найдется ни одного издания, которое раскрывало бы полностью потенциал автора, тем более что большую часть текстов издатели брали из «самиздата» — некачественных переводов, которые создавали любители фантастики в семидесятые-восемидесятые годы. Прошло время, и вот теперь в начале нового столетия, да что там! — нового тыся-

челетия — англо-американская фантастика, постепенно превращаясь из золушки в принцессу, заново открывает российскому читателю, казалось бы, давно известных и полюбившихся авторов. Итак, знакомьтесь...

Американский писатель Джек Вэнс (настоящее имя Джон Холбрук Вэнс) родился в 1916 году в Сан-Франциско (штат Калифорния), учился вначале на горного инженера, потом на физика и, наконец, на журналиста в Калифорнийском университете в Беркли. Однако он так и не получил ни одного диплома. Во время второй мировой войны Джек Вэнс служил матросом в Торговом флоте США. Дважды корабли, на которых служил Вэнс, были торпедированы, и будущий писатель остался в живых только чудом.

Именно в это время, находясь в плавании, он «от скуки» (по его собственному признанию) написал первый рассказ «Мыслитель мира», который увидел свет в 1945 году. В конце сороковых и начале пятидесятых Джек Вэнс опубликовал более десяти научно-фантастических рассказов в дешевых журналах «Стартлинг сториз» и «Триллинг Вондер сториз». Один раз он даже использовал псевдоним Джон Холбрук. Все эти рассказы, относящиеся по жанру к «космической опере», в дальнейшем объединенные одним героем Магнусом Рудолфом, вышли отдельной книгой в 1966 году — «Фантастические миры Магнуса Рудолфа», и потом неоднократно переиздавались. Однако критики заметили Джека Вэнса лишь после того, как вышла первая его книга «Умирающая земля» (многие главы этой книги были изданы отдельными рассказами).

«Умирающая земля» создана Вэнсом в подражание Кларку Эштону Смиту — одному из классиков фэнтези, писавшему в двадцатые и тридцатые годы (увы, пока совершенно неизвестному российскому читателю). Но волшебный, красочный мир Вэнса пропитан черным юмором, свойственным поколению пятидесятых. Загнивающее декадентское общество далекого будущего, возродившее магию, породило и соответствующих героев — лживых, циничных, вероломных.

В дальнейшем, Джек Вэнс, возвращаясь на Умирающую землю и обнаруживая все новых достойных его

пера персонажей, написал множество повестей и романов, по большей части объединенных лишь местом действия, а не героями: «Глаза чужого мира» (1966), «Моррейн: рассказ об Умиравшей земле» (1973), «Сумка, полная снов» (1979), «Семнадцать дев» (1974), «Сага о Кугеле» (1983), «Риальто Великолепный» (1984). Несколько историй об «Умиравшей земле» создал ученик и соратник Вэнса — Майкл О'Ши. Кроме того, Джек Вэнс разрешил и другим авторам («Базелис» К. Черри (1974) и «Поиски Симбилиса» Джанет Е. Моррис (1974)) написать новеллы на эту тему, но эти опыты оказались неудачными. Многие писатели создавали миры, в чем-то похожие на «Умиравшую землю» Джека Вэнса. Из наиболее удачных подражаний можно назвать мир «Танцоров на краю времени» Майкла Муркока и мир «Палача» Джина Вульфа.

Самой известной из книг про «Умиравшую землю» стала дилогия «Глаза другого мира» (на самом деле это серия новелл, объединенных одним героем — Кугелем Разумником, который путешествует по различным странам «Умиравшей земли») и «Сага о Кугеле» (или, как ее иногда называют критики, «Второе путешествие Кугеля»). Циничный вор Кугель, забравшийся в дом Смеющегося мага, попадает с поличным, и волшебник (тоже весьма злобное и циничное создание) отправляет неудачника на другой конец мира за волшебным артефактом. Причем, чтобы Кугель *«не сбился с пути или чего хуже, не надумал удрать»*, Смеющийся маг подсаживает в брюшную полость героя злобное создание, которое, стоит только Кугелю чуть отклониться от предполагаемого маршрута, начинает терзать плоть вора-неудачника. И тем не менее, несмотря на типично «фэнтезийный» сюжет, на поверку роман оказывается самым настоящим научно-фантастическим произведением.

Во второй книге дилогии Кугелю вновь предстоит совершить долгое путешествие, чтобы добраться до своего злого гения — Смеющегося мага.

Кугель — типичный антигерой, точно так же, как и муркоковский Эльрик. Но если Эльрик подвержен приступам совестливости, то герой Вэнса — циничный не-

годей, который лишь благодаря стечению обстоятельств может совершить благородный поступок.

Тот же прием камуфлирования жесткой научной фантастики под фэнтези, приправленной изрядной долей цинизма, использовал Вэнс в другом своем произведении — повести «Большая планета» (1952), многократно издававшейся как на английском, так и на русском языке. Путешественники, волею случая оказавшиеся на просторах гигантской планеты, вынуждены совершить долгое странствие, во время которого они сталкиваются с удивительными обитателями этого мира. Сама планета по климатическим, географическим, биологическим и прочим параметрам подобна Земле, но размеры ее во много раз больше; заселена «Большая планета» потомками звездоплывателей-землян, утратившими за долгие столетия бо́льшую часть знаний земной цивилизации — так постепенная деградация привела к образованию нескольких разнообразных социальных групп. Много позже Вэнс написал роман «Мир плавучих театров» (1975), действие которого разворачивалось на той же планете — по бесконечной реке от одного поселения к другому неторопливо плывут огромные суда-театры с труппами бродячих актеров. Само существование персонажей романа зависит от интриг между владельцами театров, их жизнь наполнена приключениями, порожденными любовью и предательством — иначе говоря, всем тем, что принято описывать в произведениях жанра приключенческой фантастики. Однако особенно забавно то, что Джек Вэнс и здесь иронизирует. Одна из бродячих трупп, отыскав древний текст шекспировского «Макбета», готовит постановки, но всякий раз переделывает текст сообразно нравам и обычаям того городка, где артистам предстоит выступать. В результате бессмертное произведение Шекспира претерпевает поистине удивительные изменения.

К этому же циклу по первоначальному замыслу автора должен был принадлежать и роман «Эмфирион» (1969), хотя в дальнейшем автор изменил свои планы.

В сходном ключе были написаны и другие повести Джека Вэнса того периода: «Сын дерева» (1952), «Рабы Клаи» (1952) — текст этой повести в дальнейшем был сильно переработан автором, и в 1982 году она вышла

в свет под названием «Золото и Железо» — и «Дома Иезма» (1954). Далекий космос, отважные, но циничные герои, странные обычаи иных цивилизаций — все это типичные «космические оперы», которые в начале пятидесятых укрепили за Вэнсом славу автора «добротной» фантастики.

Чуть в стороне от общего потока оказался роман «Жизнь навсегда» (1956). Джек Вэнс попытался создать утопию, пойти по стопам Оруэлла и Замятина, однако даже он сам вынужден был признать, что ничего путного из этого не получилось. Персонажи, лишённые типичного для героев Вэнса цинизма, оказались плоскими марионетками, диалоги звучали уныло, а само повествование стало безмерно скучным.

Понимая, что необходимо нечто новое, какой-то иной экстраординарный подход к повествованию, Джек Вэнс создал несколько повестей о далеком будущем человечества: «Творцы миражей» (1958), «Хозяева драконов» (1963), «Последний замок» (1966). Эти повести вознесли Джека Вэнса на вершину литературного Олимпа. За «Хозяев драконов» в 1963 году он получил самую престижную премию «Хьюго», а за повесть «Последний замок» — премии «Хьюго» и «Небьюла». Роман «Человек в клетке» принес автору премию Эдгара По. А в 1984 году Вэнс был награжден «Всемирной премией фэнтези» именно за эти произведения.

На фоне популярной в фантастике начала шестидесятых «Новой волны» повести Джека Вэнса отличались оригинальностью языка (особенно «Последний замок»), и в то же время несли в себе элементы привычной для читателя классической фантастики.

«Словно охваченное страхом, солнце в этот ненастный день старалось не показываться на глаза и только к вечеру, протянув-таки лучи между рваными краями грозовых туч, осветило гибнущий замок Джейнил.

Смерть подступала неотвратимо, а предводители кланов до последней минуты не могли решить, как дворянам надлежит встретить свою судьбу. Самые именитые и состоятельные господа, презрев панику и суматоху, с присущим им усердием занимались обычными делами. Молодые кадеты расхватывали оружие и

бросились на стены отражать последний штурм. Но их было мало, и они не верили в победу. Многие (не меньше четверти населения замка) бездействовали и были чуть ли не счастливы в своей готовности искупить грехи человеческой расы.

В конце смерть пришла ко всем, и каждый получил от нее то, что ожидал. Гордецы сидели в своих домах, листая страницы прекраснейших книг или потягивая в компании друзей столетние эссенции. Они умерли, не удостоив вниманием смерть. Безрассудные смельчаки взбирались вверх по оплывшему от дождя склону земляного вала, который высился над парапетами Джейни-ла. Кто-то оказался погребенным под каменным крошевом, кто-то смог добраться до гребня и там стрелял, рубил, колот, пока его самого не застрелили мехи или не раздавили искалеченные фургоны. Люди, ожидавшие от смерти искупления грехов, стояли в классической позе кающихся — на коленях, склонив головы. Причиной гибели замка были грехи человеческие, а мехи служили всего лишь символом кары. Так считали искупленцы, и умерли все до единого, как и остальные господа, дамы, фаны и крестьяне. Из обитателей Джейни-ла уцелели только птицы — уродливые, неуклюжие, грубые твари, не знающие, что такое гордость и достоинство и ценившие свои шкуры превыше чести замка. При виде мехов, забравшихся на стены, птицы покинули свои закуты. Хлопая крыльями и визгливо бранясь, они взвились в небо и полетели на восток к Хейдждордну, последнему замку на Земле».¹

В дальнейшем Джек Вэнс, продолжая создавать приключенческо-фантастические произведения с элементами «Новой волны», старался поместить в повествование некие общественно-утопические идеи, часто делая обширные экскурсии в социологию. Порой он предлагал совершенно необычные решения самых разнообразных социальных проблем. Например, в романе «Языки Пао» (1958) коренные обитатели райской планеты, оказав-

¹ «Последний замок» Дж. Вэнс (перевод Г. Корчагина), из книги: Джек Вэнс, «Люди и драконы», СПб, «Издательский дом «Нева», Москва, «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.

шиеся под гнетом инопланетных захватчиков, добиваются освобождения с помощью родных языка и культуры. А в романе «Космическая опера» (1965) музыка становится единственным способом общения между различными разумными существами. Один из первых романов Вэнса «Космические пираты» (1953), позже переименованный в «Пять золотых браслетов», посвящен проблемам космической археологии.

Однако параллельно с «проблемными» произведениями Джек Вэнс продолжает работы над добротной классической приключенческой фантастикой. Романы «Чудовища на орбите» (1965), «Синий мир» (1966), «Серый принц» (1974) и многочисленные сборники рассказов — яркое тому подтверждение.

С начала шестидесятых Джек Вэнс параллельно с культовыми произведениями фантастики работает и над несколькими сериалами. Наиболее известные из них «Принцы-демоны» («Звездный король» (1964), «Убивающая машина» (1964), «Дворец любви» (1967), «Лицо» (1979), «Книга снов» (1981)) и «Планета приключений» («Город чешей» (1968), «Слуги Ванкхов» (1969), «Дирдиры» (1969), «Пнумы» (1970)).

Пять принцев-демонов — короли преступного мира межзвездной империи — устраивают пиратский рейд на сельскохозяйственную планету. В результате этого гибнут родители главного героя. Однако это происходит задолго до начала повествования. Став взрослым, мальчик-сирота превращается в безжалостного мстителя, который клянется уничтожить убийц своих родителей. Принцев-демонов пятеро — и Джек Вэнс пишет пять романов, в каждом из которых гибнет один из негодяев. Почти перед каждой главой даны статьи из различных придуманных автором энциклопедий, которые посвящены географии, экологии и социологии миров далекого будущего. Автор знакомит читателя с сотнями миров, обладающих удивительной природой и социологией.

Серия «Планета приключений» менее своеобразна. Земляне, получив сигнал 805, посылают первую межзвездную экспедицию. Оказавшись на орбите неведомой планеты, земной звездолет взрывается, и главный герой — единственный спасшийся из всех астронавтов, —

попадает в чужой мир. Вскоре выясняется, что на планете обитают самые разнообразные племена различных гуманоидов, а сам Тскей — своего рода перевалочная база для четырех различных рас. Кроме того, на Тскей обитают и люди, непонятно каким образом перенесенные на нее. Каждое из человеческих племен пытается подстроиться под ту инопланетную расу, в сообществе с которой они живут. Этот симбиоз часто принимает самые уродливые формы, и порой люди-слуги оказываются много хуже инопланетян. Те же племена людей, что не находятся в услужении, деградировали до средневекового уровня. Поединки, любовные приключения, предательства — всего этого в романах о Тскейе предостаточно, однако автор, лишая главного героя присущего прочим персонажам здорового цинизма, делает ироничным его окружение. Чего стоят, например, Люди Эмблемы. Это общество, где каждый мужчина, владея определенной эмблемой, перенимает характер, который подразумевает данная эмблема. Так каждый становится участником своеобразной «ролевой игры» и пытается измениться сообразно с тем символом, которым владеет. В один миг, словно по мановению волшебной палочки, скромный юноша превращается в Траз-Сверхсамца, однако, не готовый к данной роли, он совершает одну нелепость за другой... Порой у читателя возникает ощущение, что он попал в некий мир комикса. Естественно, в конце четвертой книги серии, «Пнум» (1970), Адам Рит — главный герой, отправляется на Землю в сопровождении любимой девушки.

Другие серии Вэнса, написанные в семидесятые — трилогия «Аластор» «Триллион: Аластор 2262» (1973), «Марун: Аластор 933» (1975), «Вист: Аластор 1716» (1978) (кроме того к серии «Аластор» примыкает роман «Маска: Таери» (1976)) и трилогия «Дурдейн» («Аном» (1972), «Отважные свободные люди» (1973), «Асутра» (1974)), оказались менее популярны, во многом являясь упрощенными клонами: в первом случае — «Звездного короля», во втором — «Планеты приключений».

Забавно, но уже в конце девяностых одна из ведущих фирм предложила Джеку Вэнсу контракт на создание компьютерной стратегической игры по мотивам «Пла-

неты приключений». Однако Вэнс отказался, заявив, что не хочет «превращать свои книги в игрушки для даунов»...

Во многом зачарованный успехом «Геликонии» Брайна Олдисса, Джек Вэнс в восьмидесятых годах выпускает не менее фундаментальный труд — трилогию «Львица» («Львица: сад Салдрена» (1983), «Львица: Зеленая жемчужина» (1985), «Львица: Мадоук» (1989)), — историю выдуманной средневековой страны, находившейся, подобно Англии, на нескольких островах на месте нынешнего Ламанша и утонувшей, словно Атлантида. Львица или Лаонесс — название одного из королевств этих древних островов, которое получило свое название благодаря мифической львице.... Досконально продуманное повествование снабжено всевозможными комментариями, генеалогическими древами правящих родов, однако читать его смертельно скучно, а объем томов довольно внушительный. И, если в ранних произведениях Вэнса изобилие географических названий, описаний всевозможных народов и историй создает ощущение реальности фантастического мира, то в «Львице» оно вызывает скуку, и читатель начинает уже на третьей странице путаться в именах, пытаясь разобраться, кто кому кем приходится и что же все-таки происходит. Хотя второй и третий романы серии более внятные. Отказавшись от чужих литературных приемов, Джек Вэнс использует свои, и это как всегда ему удается мастерски. Хотя, быть может из-за тяжеловесности первого тома трилогии, эта серия до сих пор не появилась на русском языке.

Ту же ошибку повторяет автор и в серии «Хроники Кэдвалла» («Станция Араминта» (1988), «Исса и старая Земля» (1991), «Трой» (1993)), хотя здесь обилие в художественном тексте отрывков из всевозможных справочников и энциклопедий будущего скорее играет положительную роль. Как и в «Звездном короле», читатель вместе с героями скользит по бескрайней планете Кэдвалл, от одной проблемы к другой, от одного очага странной культуры к другому. Бескрайние просторы, бесконечный мир...

Но прежде чем начать художественное повествование, Джек Вэнс подробно знакомит читателя с био-

логией, населением, обычаями обитателей каждого из материков.

Каждый из романов посвящен отдельно взятому континенту планеты Кэдвалл, которая несколько тысяч лет назад была заселена людьми. Три континента Кэдвалла носят названия Деукас, Иссе и Трой, и каждый из них совершенно не похож на два других. Иссе — материк жаркий — мир джунглей, болот и пустынь. На материке три вулкана, из них два действующих. Множество опасных хищников делают этот материк смертельно опасным. Быть может, именно поэтому при заселении Кэдвалла люди обратили свой взор на Иссе в последнюю очередь. Деукас, расположенный на противоположной стороне планеты в четыре раза больше Иссе, но находится в более высоких широтах. Флора и фауна этого континента ближе всего к земным. Тут существует множество акклиматизировавшихся животных и растений. Трой — континент юного полюса, и большая его часть покрыта льдами. Кроме того принципиально различаются и культуры, образовавшиеся на каждом из континентов, а контролируют жизнь планеты шесть организаций, расположенных на станции Араминта. Но вот появился враг, который может нарушить размеренное существование на планете...

В той же вселенной, на краю части галактики, заселенной человечеством, развиваются события романов «Ночная лампа» (1996) — история звездного капитана, путешествующего по окраинам космоса, заселенного человечеством, и «Порты вызова» (1998) — повествование о юноше, который отправляется на поиски источника Вечной молодости.

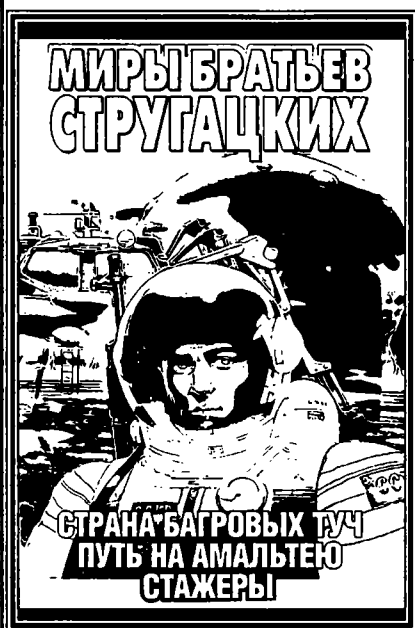
На грани тысячелетий, согласно сведениям журнала «Локус», Джек Вэнс работает над проектом, который соберет воедино вселенные «Звездных королей», «Аластора» и «Хроник Кэдвалла», кроме того, после успеха «Историй Умирающей земли» — четырех романов серии, вышедших в одном томе в 2000 году, Вэнс вновь собирается вернуться в колдовской мир далекого будущего.

Александр Лидин
Санкт-Петербург, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ БРАСЛЕТОВ (Перевод Н. Вашкевич)	5
ЭМФИРИОН (Перевод В. Федорова)	157
КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА (Перевод С. Буренина)	379
БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА (Перевод Л. Михайлик)	567
А. Лидин Творец иных миров	701

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

*Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семн Королевств».*

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: **107140, Москва, а/я 140. «Книжки по почте».**

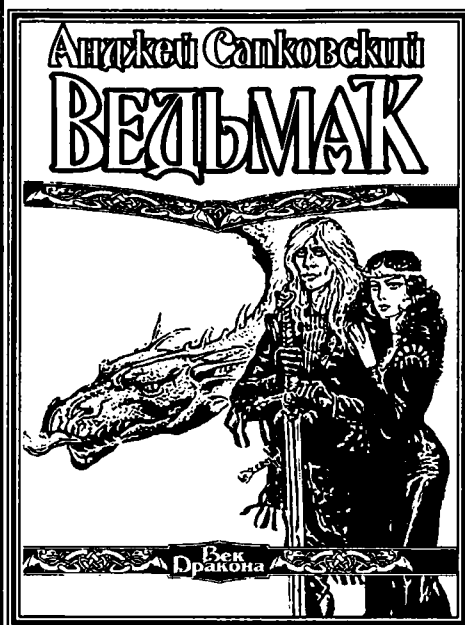
Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
ул. Стромынка, д. 14/1
Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89, 119-65-40
Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Оптовая торговля:

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Поклонники «ТЕМНЫХ ФЭНТЭЗИ», ЭТО ДЛЯ ВАС!

Для всех, кто верит: когда на город опускается ночь, он становится Темным Городом. Городом, в котором рушится граница, разделяющая наш мир и мир ИНОЙ. Городом, чьи улицы — охотничьи угодья для Пришедших С Той Стороны. Для рожденных Тьмою и Тьму в себе несущих. Для оборотней и вампиров, зомби и призраков, демонов и монстров. Когда приходят ОНИ, город обращается в Темный Город. Город Голода и Крови, Боли и Безумия. Город Ужаса. Город Безнадежности.

Вы отважились жить в «Век Дракона»? Так рискуете познакомиться с обитателями Темного Города!

Мы открываем серию романом Лорел К. Гамильтон «Запретный плод» и антологией рассказов «Темная любовь».

«Запретный плод» Лорел К. Гамильтон — это сага, культовая для поклонников темных фэнтези по всему миру. Стильная, пряная и романтическая сага о вампирах, одержимых вечным голодом, и женщине, посвятившей свою жизнь изысканному искусству охоты на изысканных «полночных охотников».

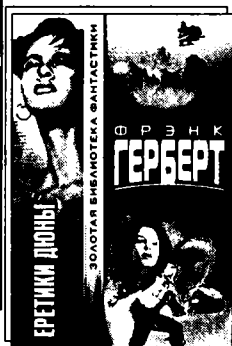
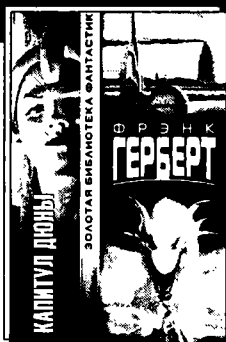
«Темная любовь» — это рассказы о страсти-Одержимости, страсти-Кошмаре, страсти-Гибели. Рассказы, написанные самыми замечательными мастерами сверхъестественного — от Стивена Кинга до Ричарда Лэймона.

Рассказы, поистине открывающие Путь Между Мирами...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

**107140, Москва, а/я 140
АСТ — "Книги по почте".**

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книжки по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Вэнс Джек
Космическая опера

Сборник фантастических романов

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Составитель *А. Лидин*

Ведущий редактор *П. Киракозов*

Редакторы *Е. Первушина, О. Орещенко, Л. Лаврова, В. Домогацкая*

Художественные редакторы *В. Андреева, О. Адаскина*

Верстка: *П. Савченков*

Корректоры *Е. Зверькова, Л. Макеева*

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства

“Самарский Дом печати”

443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Джек Вэнс (родился 1916 г.) — один из ярких представителей американской фантастики XX в., лауреат премии «Хьюго», «Небьюла» и Всемирной премии фэнтези за «общий вклад в развитие жанра».

Талант Джека Вэнса удивительно многогранен, ибо перу его в равной степени подвластны фантастика «классическая», фантастика «приключенческая», фэнтези во всех возможных ее проявлениях — и самые невероятные, но всегда удачные гибриды вышеперечисленных жанров.

В сборник включены романы:

«Пять золотых браслетов»,

«Эмфирион»,

«Космическая опера»,

«Большая планета».

ISBN 5-17-014411-3

9 785170 144112